

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КОРЕЯ И РОССИЯ:
ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА,
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

*К 120-летию корееведения в С.-Петербургском
государственном университете*

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 9
ББК 26.89(5Кор)
К66

Редакционная коллегия:

д-р социол. наук *Р.К. Танглалычева*, д-р ист. наук *С. О. Курбанов* (глава 3),
канд. ист. наук *И. С. Ланцова*, канд. ист. наук *А. В. Ковш*,
канд. филол. наук *А. А. Гурьева*

*Рекомендовано Научной комиссией
в области востоковедения*

Санкт-Петербургского государственного университета

Корея и Россия: общество, политика, история, культура:

К66 К 120-летию корееведения в С.-Петербургском государственном университете. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. — 500 с.
ISBN 978-5-288-05837-0

Книга «Корея и Россия: Общество, политика, история, культура. К 120-летию корееведения в С.-Петербургском государственном университете» включает в себя статьи, написанные на основе докладов, представленных на международной научной конференции «120 лет корееведения и российско-корейских исследований в СПбГУ», прошедшей 13–14 октября 2017 года.

В 15 главах книги, 5 из которых на английском языке, читатель может познакомиться с самым широким спектром исследований, охватывающих такие сферы как социальные изменения в корейском и российском обществах, история, культура, литература, языкознание Кореи, а также история корееведения в России и за рубежом. Также книга дает возможность познакомиться с рядом достижений южнокорейских коллег в вопросе изучения России.

Книга предназначена для специалистов, студентов высших учебных заведений востоковедных профилей, а также для всех интересующихся историей, культурой, обществом Кореи.

УДК 9
ББК 26.89(5Кор)

При поддержке:

*Академии корееведения, Республика Корея (AKS-2016-OLU-2250002)
Института российских исследований Университета «Ханкук», Республика Корея
(договор сотрудничества между СПбГУ и ИРИ Ун-та «Ханкук» от 04.04.2011)*

ISBN 978-5-288-05837-0

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. КОРЕЕВЕДЕНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ.....	9
<i>Кондратьева Е. Н.</i> Работа с оригинальными текстами в практике преподавания истории корейского языка в Институте восточных культур и античности РГГУ истории корейского языка в ИВКА РГГУ ...	9
<i>Колодина Е. А.</i> История развития корееведения в Иркутском государственном университете	19
<i>Пак Н. С.</i> Корееведение в Казахстане и связи с Россией в гуманитарной сфере.....	29
Глава 2. ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА КОРЕИ.....	36
<i>Аскари Арьян Сохраб</i> О влиянии редупликации и дублирования на количественную семантику корейских звукоподражаний.....	36
<i>Пак К. А.</i> Репрезентация региональной и этнической идентичности в художественных текстах российских корейцев	46
<i>Солдатова М. В.</i> Развитие новых романских форм в корейской литературе первой четверти XX в.....	54
Глава 3. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КОРЕИ	63
<i>Суровень Д. А.</i> Особенности борьбы за власть в период ранней государственности в южнокорейском государстве Силла (I –IV века н. э.)	63
<i>Акуленко В. С.</i> «Реальные записи [правления] императора Кочжона» как источник сведений о становлении и развитии российско-корейских отношений во второй половине XIX — начале XX вв.....	77
<i>Сон Ж. Г.</i> Коммунистический интернационал молодежи (КИМ) и корейские молодежные организации в 1920-е годы	86
<i>Гутарёва Ю. И.</i> Алмазные горы <i>кымган</i> в шедеврах живописи корейских мастеров: становление национального пейзажа	99
Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА КОРЕЙСКОГО П-ВА: СОВРЕМЕННОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ.....	114
<i>Асмолов К. В.</i> Особенности преподавания истории в современной КНДР	114
<i>Ковш А. В.</i> Уголовный кодекс КНДР: теоретический анализ	126

<i>Ланцова И. С.</i> Выборы 2017 г. в Республике Корея: специфические черты.....	132
<i>Лобов Р.</i> Внешнеполитический курс администрации Пак Кынхе в отношении Японии (2013–2016 гг.)	138
<i>Степанова Н.</i> Ракетно-ядерная программа КНДР как способ сохранения политического режима	146
<i>Хасанов Азат.</i> Посредническая деятельность Швейцарии и Швеции на Корейском полуострове.....	150
<i>Хренов В. В.</i> «Турецкий гамбит»: членство в НАТО в обмен на отправку национального контингента Турции на Корейскую войну.	159
Глава 5. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КРЕЙСКОГО П-ВА	164
<i>Волчкова Л. Т., Евстратчик С. В., Меньшикова Г. А.</i> Performance менеджмент в управлении предприятиями: опыт Южной Кореи.....	164
<i>Кукла М. П.</i> Экономические задачи новой администрации Республики Корея	175
<i>Лексютина Я. В.</i> Динамика развития торгово-экономических отношений между Республикой Корея и Латинской Америкой в 1948–2016 гг.	185
<i>Ли Донхи.</i> История ресурсоэнергетического сотрудничества и возможность внедрения магистрального газового проекта «Россия — КНДР — Республика Корея»	192
Глава 6. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА И РОССИЙСКО- КОРЕЙСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	202
<i>Тангалычева Р. К.</i> Исследования корейского общества и его социокультурной динамики на Факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета.....	202
<i>Ким Хе Чжин.</i> Тенденции развития и задачи российской этнографии в Корее	212
<i>Ильин В. И.</i> Тоталитарная повседневность: между утопией и социальной реальностью (опыт северокорейского общества).....	221
<i>Стребков Д. О.</i> Отношение россиян к Северной и Южной Корее (по данным социологических опросов)	233
<i>Петренко В. Ф.</i> Образ мира глазами студентов Южной Кореи	241
<i>Лысикова О. В.</i> Туризм в России и Республике Корея: локальные культурные практики в контексте устойчивого развития	257

Глава 7. «МЯГКАЯ СИЛА» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ, КИНЕМАТОГРАФ, ТЕЛЕВИДЕНИЕ И РЕКЛАМА.....	265
<i>Лазарева К. В.</i> «Мягкая сила» Республики Корея в сфере диаспоральной политики и культуру	265
<i>Островская Е. А.</i> Религиозные идеологемы в южно-корейском кинематографе	273
<i>Лазарева О. В.</i> Компенсаторный эффект корейской драмы (на примере российской аудитории).....	283
<i>Беляков Илья.</i> Иностранцы на корейском телевидении как способ самоидентификации корейского общества. На примере популярных телепередач «Разговоры красавиц» и «Ненормальный саммит»	292
<i>Гладких Н. Ю.</i> Модель развития социальной рекламы в Республике Корея.....	305
Глава 8. МИГРАЦИЯ, МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ СЕМЬИ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОРЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	315
<i>Расулов Э. Р.</i> Актуальные проблемы миграции в современном южнокорейском обществе.....	315
<i>Дашибалов Э. Б.</i> Положение мультикультурных семей в Республике Корея.....	330
<i>Толстикова А. А.</i> Особенности образовательной миграции молодежи Республики Корея	334
<i>Соколова Д. А.</i> Культурно-идентификационные характеристики общности этнических корейцев в современном полиэтническом пространстве Приморского края.....	341
Глава 9. ИЗУЧЕНИЕ РОССИИ В КОРЕЕ.....	347
<i>Пак Сун Юн.</i> Мандельштам в Республике Корея	347
Глава 10. KOREAN STUDIES IN RUSSIA AND OVERSEAS.....	354
<i>Guryeva A. A.</i> Linking the Tradition: Approaches of Korean Literature Research Elaborated in 20 th Century Russia Applied Today	354
<i>Jee-Young Park.</i> Korean Studies and Korean Collection at the University of Chicago	363
Глава 11. LANGUAGE AND LITERATURE OF KOREA.....	372
<i>Karavaeva N. Ye.</i> Some characteristics of the film adaptation of the novel «Our twisted hero» by Yi Munyol	372

<i>Komarova A. P.</i> Specifics of Sim Cheong's Personality in Oh Tae-seok's play "Why Did Sim Cheong Threw herself into the Sea Twice?" ('심청이는 왜 두 번 인당수에 몸을 던졌는가')	376
Глава 12. RELATIONS BETWEEN KOREA AND RUSSIA	380
<i>Miriam Löwensteinová/Blanka Kašparová.</i> 1896 Russia through diaries of Min Yŏnghwan and Yun Ch'iho	380
<i>Choi Deokkyoo.</i> Global Communication Network and Korea-Russia Telegraph line, 1894–1904.....	391
Глава 13. POLITICAL AND ECONOMIC DYNAMICS OF THE KOREAN PENINSULA	398
<i>Efimova A.</i> Explaining the Korean War through the Lens of the Bargaining Model of War	398
<i>Bongchul Kim.</i> The Prospect of the Legal Infrastructure for the Korea-Russia Cooperation — The possibility of the Korea-Russia FTA ...	405
<i>Konovalov S.</i> New opportunities of scientific partnership between Russia and Korea in the Industry 4.0.....	421
Глава 14. IMMIGRATION, MULTICULTURAL FAMILIES AND INTERCULTURAL COMMUNICATION IN KOREAN SOCIETY	426
<i>Kim E.</i> Critical review of the nationalism discourses in contemporary Russia and Korea	426
<i>Hwang Jin Kang.</i> Comparative study on organizational cultural differences and its effectiveness between Russia and Korea	439
Глава 15. RUSSIAN STUDIES IN KOREA	448
<i>Hwang, Sung-Woo.</i> Korea's Current Research on the History of Russia.....	448
<i>Kim Jean-Young.</i> White Russians through Korean Eyes: Lee Hyo-Suk and Novina	457
<i>Kim Hye Ran.</i> Personification as an ideological and aesthetic device in the poetry of J. Brodsky and the Korean poets (Kim Dong-Myeong, Kim Su-Yeong, Lee Se-Ryong).....	466
<i>Tchi-Wan Park / Sung-Jun Park.</i> Park Mikhail's World of Imagination and his Koreano-russian's Cultural Identity	473
<i>Koonhyuk Byun / Sung-Hoon Hong.</i> A New Approach to the Phonemic Status of the Russian Vowel y.....	488

ВВЕДЕНИЕ

Корееведение — это наука, в рамках которой ученые занимаются профессиональным комплексным изучением народа, истории, культуры, языка, литературы и т. д. Кореи. Начало профессиональному преподаванию корейского языка для российских студентов факультета восточных языков Санкт-Петербургского императорского университета было положено сотрудником корейской дипломатической миссии — Ким Пёноком, который прибыл в Российскую империю в 1897 году. С тех пор, предположительно до 1917 г., Ким Пёнок нес знания не только о корейском языке, но и истории, литературе, культуре «Корейской Империи».

Японская колонизация Кореи (1910–1945), во время которой проводилась политика ассимиляции корейской культуры, привела к временной потере профессионального внимания востоковедного сообщества к «Стране Утренней Свежести». Но освобождение Кореи в 1945 г. послужило стимулом к началу нового этапа в развитии корееведения. Ленинградский государственный университет стал одним из немногих центров возрождения науки о Корее. Среди первых ленинградских корееведов того времени, чья деятельность создала основу нового российского корееведения — языковеды А. А. Холодович, Г. Е. Рачков, А. А. Васильев, Лим Су, литературоведы — Д. Д. Елисеев, М. И. Никитина, А. Ф. Троцевич, Л. В. Жданова, историки Н. В. Кюнер, Л. В. Зенина, М. В. Воробьев.

На рубеже 1980-х — 1990-х гг., в связи с установлением дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея, в Санкт-Петербурге появляются представители нового поколения корееведов: историки С. О. Курбанов и А. Н. Ланьков (с 1992 г. — трудится в Республике Корея и Австралии). 2000-е гг. продолжили тенденцию пополнения профессионального корееведного сообщества СПбГУ лингвистами и литературоведами: А. А. Васильев, И. В. Цой, А. А. Гурьева. С 2002 г. в СПбГУ, подобно Ким Пёноку в конце XIX столетия, корейский разговорный язык, а также искусство корейского традиционного танца преподает гражданка Южной Кореи — Чон Янок.

К празднованию 120-летия изучения Кореи в СПбГУ университетское корееведение подошло с большими достижениями: это и издание с 1996 г. научного журнала «Вестник Центра корейского языка и культуры», и публикация книг, учебных пособий, статей, переводов произведений корейской художественной литературы. Санкт-Петербургское корееведение хорошо известно не только в России, но и за рубежом: в Корее (Южной и Северной), Японии, Китае, странах Западной Европы и в США.

Представляемая книга содержит статьи, написанные на основе докладов, представленных на международной научной конференции «120 лет корееведения и российско-корейских исследований в СПбГУ», прошедшей 13–14 октября 2017 года. В книге собраны работы по самым разным аспектам корейских исследований в России и за рубежом. Среди них отметим изучение корейского языка, литературы и истории, политических и экономических аспектов развития Корейского полуострова и российско-корейских отношений, а также социокультурной динамики современного корейского общества. Особый вклад в формирование данной книги внесли корейские специалисты-руссисты, в основном специализирующиеся на исследованиях русской литературы и языка. Большой интерес также представляют статьи, посвященные институализации корейских исследований в России и за рубежом: развитию программ корееведения, созданию учебной и научной литературы, формированию междисциплинарных групп, становлению научных школ корееведения.

Книга предназначена для специалистов, студентов высших учебных заведений востоковедных профилей, а также для всех интересующихся историей, культурой, обществом Кореи.

Глава 1

КОРЕЕВЕДЕНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

*Кондратьева Е. Н.
ИВКА РГГУ (Москва)*

РАБОТА С ОРИГИНАЛЬНЫМИ ТЕКСТАМИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА В ИНСТИТУТЕ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР И АНТИЧНОСТИ РГГУ ИСТОРИИ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА В ИВКА РГГУ

Ни для кого не секрет, что в последние десятилетия интерес к корейскому языку и культуре значительно возрос и овладеть корейским языком в той или иной степени совершенства можно в очень многих учебных заведениях. Если же речь идет о подготовке востоковеда-специалиста по традиционной культуре, который в дальнейшем мог бы заниматься научной, переводческой или преподавательской деятельностью, особое внимание необходимо уделять ознакомлению с фундаментальными основами традиционной культуры, помочь осознать те особенности мировоззрения, без знания которых и современное общество остается непостижимым.

Институт восточных культур и античности, продолжая традиции классического российского востоковедения, осуществляет программу подготовки специалистов, профессионально занимающихся корейской литературой. Ключевое внимание в рамках специализации предполагается уделять обучению студентов навыкам чтения, перевода, лингвистическо-культурологического анализа средневековых и современных литературных памятников. В соответствии с поставленными задачами к лингвистическому блоку (история корейского языка, теоретическая грамматика, диалектология, лексикология и пр.) прилагаются общетеоретические курсы.

Очевидно, что на освоение всего разнообразия форм корейского языка в его развитии может не хватить и всей жизни, поэтому мы поставили своей целью дать учащимся своеобразный «ключ» — основные навыки чтения и анализа средневекового текста как такового.

го, чтобы по окончании университета они могли самостоятельно работать с другими многочисленными литературными памятниками.

Тексты, к которым мы обращаемся в практике преподавания истории корейского языка:

1. 용비어천가 (1447)
2. 월인석보 (1459)
3. 내훈 (1475/1573)
4. 삼강행실도 (1481?), 이륜행실도 (1518), 동국신속 삼강행실도 (1617), 오륜행실도 (1797)
5. 노결대 (1517)
6. 순천 김씨 간찰 (1550–1570)
7. 첩해신어 (1670, 1781)
8. 「천 괴봉 (XVIII в.), 쌍जू괴연 (XIX в.), 인현왕후전 (XVIII в.) и др. средневековые романы
9. 동몽선습 (XVI в, 1791, 1797)
10. 독립신문 (1896)

Скажем несколько слов о том, почему именно эти тексты были выбраны в качестве иллюстративного материала для обучения чтению средневековых памятников в курсе истории корейского языка.

Все они написаны после изобретения корейского алфавита, что позволяет анализировать язык более точно, нежели по текстам, написанным на *кугёле* или *хянчхале*. По временным рамкам видно, что все они объединяют два исторических периода — позднесреднекорейский и новокорейский, это именно те периоды, во время которых происходили значительные и часто стремительные изменения в языке, приведшие к становлению современного корейского языка.

Рассматриваемые тексты принадлежат к разным литературным жанрам. Среди них присутствуют панегирические оды, поэтические и прозаические истории из жизни Будды, этические трактаты, учебные пособия, личные письма, романы, конфуцианские книги для обучения детей основам морали и истории, первая корейская газета. Такой набор разнообразных жанров дает нам возможность продемонстрировать различные типы организации текста и произведения в целом; различные стили письма, поскольку на занятиях мы работаем только с фотокопиями памятников; лексические, синтаксические и стилистические особенности средневековых текстов разных веков и др.

Ниже дадим краткое описание отдельных текстов и приведем интересные лингвистические факты, на которые мы, помимо про-

чего, обращаем внимание при работе над чтением, переводом и интерпретацией этих памятников.

용비어천가 «Ода о драконах, летящих к небу» [1] — первое произведение, написанное с применением корейского алфавита. Год издания — 1447. Одной из задач, которые выполнял данный текст, было показать возможности нового алфавита в престижном контексте панегирических песен, посвященных правителям и предкам династии.

Полный текст Оды состоит из 125 стихов, каждый из них содержит две строки, записанные смешанным письмом, комментарий на ханмуне сопровождает каждый стих Оды.

Поэтическая структура стихов определена грамматическим и семантическим параллелизмом двух строк. С некоторыми исключениями первая строка описывает героические деяния китайских правителей, во второй строке они сравниваются с подобными деяниями представителей корейского правящего рода.

Язык Оды демонстрирует все основные черты среднекорейского языка, как то:

- соблюдение гармонии гласных,
- «стандартные» наборы именных и предикативных показателей,
- причастные формы присоединяют к себе именные показатели, образуя новые уже неделимые сочетания и т. д.

Особенности текста:

- Выражение атрибутивного значения с помощью набора вставных консонантов: 's' (ㄱ), 'z' (ㄷ), 'p' (ㅂ), 't' (ㅈ), 'k' (ㅋ), 'q' (ㄷ). В более поздних текстах мы находим чаще всего первый и редко второй консонант в этой функции.
- в Оде зафиксированы более архаичные формы некоторых слов и сохранены некоторые согласные, редуцированные довольно скоро после издания памятника. Это 'z' (ㄷ), 'w' (ㅍ), 'hh' (ㅎ), 'q' (ㄷ). В качестве примера слов, которые употреблены только в этом тексте, и в более поздних памятниках встречаются уже в другой форме можно привести следующие: *hoWoza* ㅅㅅ 'один' (YG 35) > *howoza* ㅅㅅ (WC 20, 39) / *howonza* ㅅㅅ (NH 2:17) > ... > **hwonca** и др.
- отклонения от основного принципа орфографии, использованного в Хунминчоним, как, например, отсутствие в некоторых случаях сдвига конечного согласного слога в следую-

щий слог при присоединении аффикса: *az-on* ㄱㄱ ‘что касается младшего брата’ (YG 24; вместо ожидаемого *a.z-on* ㅅㄱ);

- отсутствие нейтрализации согласного при присоединении аффикса с начальным согласным: *nwoph-ko* 높고 ‘высокий и...’ (YG 34; вместо ожидаемой фонематической записи *nwop-kwo* 높고) или *swoch-kenul* 좇거늘 ‘преследовал (и) и потому’ (YG 36; вместо ожидаемого 좇거늘 *swos-kenúl*).
- один тип отрицательных конструкций — только препозиционное отрицание *ani* 아니 или *mwot* 못 вместо аналитической конструкции с *-ti* -디 (> **-ci** -지). Возможно, это продиктовано жанровыми особенностями, поскольку другой текст того времени *Ворин чхонганчигок* «Луна, отраженная в тысячах рек», который так же можно отнести к жанру *акчан* «музыкальные вирши», подобно языку Оды не фиксирует постпозиционного отрицания, тогда как в прозаических текстах конструкция *-ti ani ho-ta* -디 아니 ㄱ다 и/или *-ti mwot ho-ta* -디 못 ㄱ다 довольно частотна.

월인석보 (*Ворин сокпо*, «Луна отраженная. Жизнеописание Будды»). Этот текст был опубликован в 1459 г. в 25 томах и представляет собой компиляцию двух более ранних текстов: *월인천강지곡 Ворин чхонганджигок* «Луна, отраженная в тысячах рек» короля Седжона и *석보산절 Сокпо санджоль* «Жизнеописание Будды. Главы с толкованиями» короля Седжо.

Так же, как и в Оде, каждый стих состоит из двух строк, записанных смешанным письмом, комментарии написаны по-корейски более мелким шрифтом.

В курсе по истории языка мы обращаемся к факсимильному изданию 22 тома [2], в котором излагается история о двух братьях, отправившихся на поиски волшебной жемчужины в царство дракона. Текст интересен тем, что в нем содержится законченный сюжет, одни и те же события описаны в первой части книги в поэтическом варианте, а во второй части — тот же сюжет изложен в прозе, что дает возможность сравнить разные жанровые варианты языка. Помимо чисто языкового интереса, текст ценен тем, что в нем излагается известный буддийский сюжет о двух братьях, который бытует во многих других произведениях — от джатак до средневекового романа, что позволяет проследить его изменения с течением времени и в зависимости от жанровых особенностей произведения.

В качестве важной особенности текста можно выделить то, что в нем впервые употребляется показатель прошедшего времени в на-

шем современном понимании (не как аналитическая конструкция, зафиксированная в Оде):

玉女를 보샤 말 ㄱㄱ 드리새 ㄱ 善友太子 | 윗노라 ㄱ시니 (462)
가젯더시니 (23 a)

Слогоделение так же неустойчиво — присутствует и фонема-
тичное и морфофонематичное: ㄱㄱ (467), ㄱ이 (468) но ㄱㄱ근가 (468)

내훈 *Нэхун* «Наставления для внутренних покоев» [3]. Этот текст представляет собой компиляцию среднекореysких переводов некоторых пассажей из китайской классики, касающихся обучения женщин, собранных королевой Сохё 昭惠王后 (1437–1504), матерью короля Сонджона 成宗 (1469–1494). В предисловии королева Сохё указывает четыре источника, послужившими основной для ее сборника: «Малое учение» (小學 *Xiaoxue*, кор. 소학), «Биографии добродетельных женщин» (烈女傳 *Lie-nü-zhuan*, кор. 열려전), «Обучение женщин» (女教 *Nü-jiao*, кор. 여교) и «Ясное зеркало» (明鑑 *Ming-jian*, кор. 명감). Однако все эти тексты сами по себе являются компиляциями за исключением «Малого учения». Многие истории из *Нэхуна* были широко известны в массах (например, история о матери Мэн-цзы и др.), но некоторые из них цитируются по источникам, ныне не сохранившимся. Одна из основных задач создания этого произведения, о которых говорится в предисловии, — написание краткого и доступного наставления, которое бы заменило громоздкие и трудные для понимания классические тексты, для воспитания идеальной невестки «с разумом чистым как яшма (玉心之婦 / 玉 ㄱㄱ ㄱ꺻 밎느리). Семь глав, включающие 116 статей говорят о том, как женщине необходимо говорить и вести себя (言行章), о почтительности к отцу (孝親章), важности свадебных ритуалов (婚禮章), отношениях с мужем (夫婦章), обязанностях как матери (母儀章), общении с родственниками (敦睦章), ведении хозяйства и приеме гостей (廉儉章).

Первое издание (1475) не сохранилось до наших дней, древнейшее существующее издание датируется 1573 г. *Pongchwa mun'go ron* 蓬左文庫本, хранится в Хоса Бунко в Нагое (蓬左文庫). Текст неоднократно переиздавался, широкую известность получило издание с предисловием короля Ёнджо (1724–1776), так называемое *Oje Naehun* 御製內訓 1736 года.

Текст интересен еще и тем, что в нем один и тот же пассаж присутствует в нескольких вариантах: сначала идет текст на *ханмуне* с некоторыми грамматическими элементами, записанными корейским

алфавитом, затем идет перевод на среднекорейский язык. Чтение иероглифов подписано мелким шрифтом, точно, как в версиях *онхэ* буддийских произведений, которые, как известно, королева Сохё помогала переводить. Наличие *ханмунной* версии в тексте очень важно в рамках нашей программы, поскольку студенты помимо корейского языка также изучают *ханмун* в качестве языка традиции. Такая организация памятника делает возможным использовать этот текст в курсе изучения *ханмуна* и открывает новые возможности для сравнения и анализа нескольких версий одного и того же сюжета.

Язык этого памятника демонстрирует черты языка как XV, так и XVI веков: 'z' (△) сохраняется почти во всех случаях, а 'W' (뽕) уже практически полностью редуцировался; перенос конечного согласного слога в следующий слог, начинающийся с гласной, иногда не соблюдается, но отдается предпочтение морфофонематической записи: *sa.lom.-on* «человек» + TOP, также довольно много примеров, когда согласный на стыке корня и аффикса дублируется, например, *to.zom.t.-ol* «душа» + ACC (1:15a) и др.

삼강행실도 *Самган хэнсылдо* «Иллюстрации реальных поступков [следования] Трех заповедям» [4, 61–113], 오륜행실도 *Орюн хэнсылдо* «Иллюстрации реальных поступков [следования] Пяти моральным принципам», 이륜행실도 *Ирюн хэнсылдо* «Иллюстрации реальных поступков [следования] Двум моральным принципам» и др.

Памятники, объединенные в эту группу, представляют собой иллюстрированные сборники конфуцианских сочинений, повествующих о добродетельных героях и включают в себя истории и жизнеописания образцовых сыновей и дочерей, верных сановников и добродетельных женщин. Они служили своеобразным нравственным наставлением для народа.

С лингвистической точки зрения текст *Самган хэнсылдо* довольно сильно отличается от других прозаических текстов того времени.

Наличие нескольких разновременных редакций памятника позволяет сделать вывод о том, что в корейской части текста авторы стремились уйти от использования иероглифов, так, например, первые, самые ранние версии написаны смешанным письмом, а более поздние уже только корейским алфавитом. Временной промежуток, покрываемый этим текстом, охватывает практически весь период Чосон. В рамках курса мы рассматриваем один и тот же сюжет и анализируем его изменения в разновременных редакциях текста.

노걸대 *Ногольдэ* «Старый китаец». Среди различных типов средневековых источников особый интерес вызывают билингвальные учебные пособия для изучения иностранных языков. Старейший из них — *Ногольдэ*, впоследствии был переведен на все языки, изучавшиеся в то время в Корее — маньчжурский, монгольский и японский. В тексте памятника отражен разговорный язык и освещаются события жизни простых людей. Самая старая из сохранившихся версий датируется XIV в. Текст пособия регулярно переиздавался и редактировался, соответственно, мы можем отследить языковые изменения за достаточно длительный период времени.

Текст памятника отличается довольно специфической предикативной грамматикой, что, возможно, можно объяснить разговорным характером памятника.

순천 김씨 간찰 *Сунчхон Ким-сси канчхаль* [5]. Интересен для изучения корпус текстов, так называемые письма госпожи Ким из Сунчхона, представляющий собой 192 письма, написанных госпоже Ким ее родственниками. Датируются письма серединой XVI века. В них отражена обычная жизнь семьи чиновника, образованного человека, с ее каждодневными заботами, проблемами бытового характера, чувствами и т. п. Письма написаны простым разговорным языком, естественным и приближенным к разговорной речи. Что касается грамматики, первое, что бросается в глаза — обилие сокращенных предикативных финитных форм: *-noy-ᄃ* (< *-no-ngi-ta-ᄃ이다*), *-two-swoy -도쇠* (< *-two-swo-ngi-ta -도소이다*) и др. Интересно, что подобное стяжение мы встретили только в одном тексте — учебном пособии по японскому языку XVII в. *Чхонхе сино*.

첩해신어 *Чхонхэ сино* — учебное пособие по японскому языку. Оно представляет собой билингвальный текст, написанный в Корее вернувшимся из Японии пленным в начале XVII в., который был опубликован в 1676 г. Следующая редакция текста была произведена в 1781 г., что также помогает увидеть изменения, произошедшие в языке за сто лет. Язык памятника отличается особым набором предикативных окончаний, свойственных только этому тексту, а также очень сложной гонорифической системой, поскольку диалоги представляют собой не только прямую речь, но часто являются пересказом речи чиновника через переводчика. Также уже довольно отчетливо видно в тексте, что показатель объектной вежливости *-ᄃ* уже начинает функционировать как показатель вежливости к слу-

шающему и употребляется не только перед показателем субъектной вежливости -시-, но и после него, т.е. смещается к своей позиции в словоформе, которую мы можем наблюдать в современном корейском языке.

〔친 귀봉 Ссянчхон кыйбон «Удивительное соединение двух браслетов» [6] и др. романы. Часто это недатированные произведения, автор которых также неизвестен. Подобные тексты интересны не только увлекательным сюжетом, но и сложной богатой грамматикой как в именах, так и в предикативах. В процессе чтения и анализа языка можно попытаться провести датировку того или иного текста по языковым данным, таким как, например, оформление существительных одним или двумя показателями именительного падежа, сохранение закона гармонии гласных в аффиксах и др.

동몽선습 Тонмосонсып «Первоначальное наставление детям». Не будет преувеличением сказать, что Тонмонсонсып был самым известным и популярным учебным пособием для детей, использовавшимся в средневековой Корее. Этот текст предназначался для изучения и заучивания всеми без исключения учащимися в период с XVI по XX век.

Такую популярность текст получил благодаря своему небольшому объему, лаконичности и емкости, что с педагогической точки зрения делало его использование очень удобным и оправданным. Оригинальный текст был написан практически неизвестным ученым Пак Сему 朴世茂 (1487–1564), но вскоре из-за многочисленных копирований и переписываний стал считаться анонимным. Тематически текст делится на две части — в первой объяснялись пять отношений *орюн* 五倫 倫, во второй части давался обзор китайской и корейской истории с конфуцианской точки зрения.

Оригинальный текст являет собой пример принятой в то время системы письма *кугёль*, широко использовавшейся учеными для аннотирования *ханмунных* текстов. Так же, как и *Самган хэнсылдо* и др. памятники конфуцианской направленности, этот текст можно использовать и в курсе по изучению *ханмуна*, и в курсе среднекорейского языка.

Газета «Тоннип синмун»

Открытие Кореи после 1880 г. принесло значительные изменения и в язык, и в литературу. Одним из самых значительных при-

обретений и нововведений было основание газеты, выходящей на корейском языке. Она выходила в свет с 1897 по 1899 гг. Газета пропагандировала националистические и модернистские идеи таких известных деятелей как Со Джэпхиль 徐載弼 (он же Филип Джейсон, 1864–1951) и «отца корейской лингвистики» Чу Сигёна (1876–1914), который был главным редактором газеты. Издание стало стимулом ко многим переменам, привнесенным модернизацией, включая и язык. Первыми «вызовами» для газеты был новый западный формат текстов, с пробелами между слов, новая лексика для современных или иностранных терминов, новые языковые формы, отражающие разговорный язык того времени, легче воспринимаемый широкими массами населения, на которые газета была рассчитана. В самом начале «Тоннип синмун» состояла из трех страниц на корейском языке и одна — на английском, выходила трижды в неделю. Содержательно она стремилась соответствовать западным образцам, печатая и авторские статьи, и местные, и международные новости, объявления, рекламу и т. д.

Таково краткое описание некоторых памятников, отрывки из которых мы используем в качестве материала для анализа в курсе по истории корейского языка. Формат статьи не позволяет привести более подробное лингвистическое описание этих текстов, однако, мы надеемся, что основные характеристики, специфические черты, жанровые особенности и т. д. проиллюстрировать получилось.

Принципиально новый подход к преподаванию корейского языка и основных дисциплин специализации, предполагающий обучение навыкам чтения средневековых и современных аутентичных текстов, позволяет совмещать синхронный и исторический подходы к языку как функционирующей знаковой системе, находящейся в процессе непрерывного исторического изменения, использовать данные различных языков, совмещать практическое и теоретико-историческое изучение. Квалифицированная и разнообразная по своей направленности лингвистическая подготовка позволит выпускникам ИВКА РГГУ приступить к серьезной многосторонней работе в области корееведения.

Список использованной литературы

1. Курбанов С. О. Отражение категории почтительности к родителям хё в корейских конфуцианских сочинениях XII–XV вв. // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 7. СПб., 2004. С. 61–113.

2. Ода о драконах, летящих к небу / Пер. со среднекорейского, стихотворное переложение Е. Н. Кондратьевой; вступ. ст., пер. с ханмуна, примеч. Е. Н. Кондратьевой, О. М. Мазо. М., 2011.
3. Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное соединение двух браслетов) / Издание, перевод и предисловие М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич. М., 1962.
4. 내훈 Нэхун (Наставление для внутренних покоев) // 국립국어원 국어문헌 자료 총서 (Материалы серии Государственного института корейского языка), Vol. 3. Seoul, 2011.
5. 조한봄. 순천김씨묘출토간찰 (Чо Ханбом. Письма из захоронения госпожи Ким). Сеул, 1998.
6. 역주 월인석보, 22 (Исследование «Ворин сокпо», 22 том). Сеул, 2008.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОРЕЕВЕДЕНИЯ В ИРКУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

За последние десятилетия в свете качественного улучшения российско-корейских отношений в целом, происходило их развитие и конкретно в нашем регионе — Восточной Сибири с центром в г. Иркутске. Активно работают в нашем регионе корейские бизнесмены, за последние три года резко увеличился приток туристов из Республики Корея, для которых посещение уникального озера Байкал, становится в определенном смысле знаковым. В связи с планируемым строительством транссибирской магистрали, которая в конечном итоге должна связать Европу, через Россию и Восточную Сибирь, со странами Юго-Восточной Азии, в том числе с Южной и Северной Кореей, освоения Ковыктинского месторождения газа, в транспортировке которого заинтересована корейская сторона, требуется большое количество российских специалистов, владеющих корейским языком, знающих экономику, историю и культуры Ю. Кореи.

И конечно, основная роль в подготовке таких специалистов ложится на высшие образовательные учреждения и, прежде всего, на Иркутский государственный университет, имеющий самые основательные и долговременные отношения с университетами Ю. Кореи в Восточной Сибири и являющимся единственным вузом, ведущим подготовку специалистов со знанием экономических дисциплин и владеющих вместе с тем корейским языком. С 1995 году на международном факультете ИГУ (ныне Международном институте экономики и лингвистики) ведется подготовка бакалавров и специалистов по специальности «Коммерция», «Торговое дело», «Экономика» с присвоением дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации (корейский язык)».

В настоящее время Иркутский государственный университет осуществляет сотрудничество с 22 университетами Республики Корея, среди которых одними из главных являются университет Пэ Джэ г. Тэджон, насчитывающий более 20-летний опыт сотрудничества, Квандонский Католический университет г. Каннын, Университет Анянг г. Сеул, Католический университет г. Тэгу, Университет Тэджон г. Тэджон, Национальный университет Чунбук, г. Чонджу.

12 июля 1992 года Иркутский государственный университет одним из первых университетов России подписал Договор о со-

трудничестве с южнокорейским университетом — университетом Пэ Джэ, г. Тэджон по инициативе руководства двух университетов. Стороны договорились об установлении сотрудничества в области науки, образования, культуры и бизнеса. Сегодня мы имеем полное основание говорить, что сотрудничество двух университетов имеет многолетнюю историю добрых, взаимовыгодных партнерских отношений.

Так, яркими результатами этого сотрудничества являются открытие в 1996 г. Сибирско-Корейского Центра на базе ИГУ и Корейско-Сибирского Центра в Университета Пэ Джэ с целью координации совместной работы двух университетов, а также создание в январе 2006 года Центра по изучению корейского языка ИГУ, основными функциями которого является организация языковых курсов для школьников, студентов, деловых кругов Иркутска, заинтересованных в изучении корейского языка и культуры, проведение внеаудиторных занятий, способствующих объединению корейских и российских студентов, выставок с целью популяризации языка и культуры Кореи.

Ежегодное пополнение учебно-методической литературой, мультимедийными учебными программами, фильмотекой Центра, которые способствуют проведению языковой подготовки студентов МИЭЛ на материале данных средств обучения, стало возможным благодаря активной поддержке Корейского Фонда международных обменов. Работа в Корейском Центре на материале современных учебных материалов связывается с тематическим просмотром и обсуждением видео-материалов и фильмов, соотносящихся с ключевыми моментами жизни Кореи, приобщающих к корейской культуре, науке, образованию.

Сравнительно недавно, а именно с 2007 г. ведется активное сотрудничество с Квандонским католическим университетом, расположенном в городе-побратиме Иркутска г. Каннин. Активно проходит не только студенческий обмен, но и научно-образовательные семинары и форумы. Так, в октябре 2011 г. ИГУ совместно с Квандонским католическим университетом провел VII Восточно-Азиатский экономический и культурный форум, участие в котором приняли делегации Кореи, Японии и Китая. В октябре нынешнего году данный Форум, посвященный инновационным методикам в образовании, пройдет в Корею, где специалисты ИГУ примут активное участие.

С октября 2005 г. Юридический институт ИГУ и Национальный университет Чунбук ведут активное взаимодействие, в рамках

которого профессора и преподаватели вузов-партнеров приняли участие в 10 научно-практических семинарах и конференциях, опубликовали более 30 совместных научных трудов в российских и корейских правовых журналах, организовали и провели 3 летние правовые школы. В октябре 2013 г. состоялся визит делегации ИГУ в корейский университет, основной целью которого стало чтение лекций для студентов юридического института Университета Чунгбук, изучающих российское право. А в сентябре 2014 г. профессора университета посетили ИГУ с ответным визитом для участия в работе Международного правового Форума «Кризис цивилизации как кризис верховенства права». В ходе данного визита были определены основные направления дальнейшего взаимодействия между университетами и обозначены планы проведения совместной летней правовой Академии на Байкале, зимней языковой школы в Университете Чунгбук, Байкальского международного правового форума «Право и экономическое сотрудничество России и стран АТР».

Университет Анянг является самым молодым, но не менее значимым партнером ИГУ. За 4 года сотрудничества обучение в ИГУ прошли 116 корейских студентов, для которых также организовано погружение в русскую культуру путем создания на базе МИЭЛ студии традиционного русского танца и вокальной студии.

Вместе с тем, ИГУ ежегодно организует работу летних языковых курсов для корейских студентов. Так, 362 корейских студента прошли обучение по русскому языку на базе ИГУ.

С февраля 1998 года в МИЭЛ ИГУ осуществляется совместная образовательная программа с Университетом Пэ Джэ, а с февраля 2007 года с Квандонским католическим университетом. Программа обучения российских студентов предусматривает изучение как экономических дисциплин (мировой и региональной экономики, маркетинга, менеджмента, экономики и финансов предприятия и др.), так и корейского языка. Студенты 3-го курса имеют возможность пройти семестровую стажировку в корейском университете по согласованной программе обучения. По окончании международного института российские студенты получают диплом о высшем образовании государственного образца с присвоением квалификации «Бакалавр торгового дела», «Бакалавр экономики», диплом государственного образца «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и сертификат о прохождении семестровой языковой стажировки в университете Республики Корея.

Дополнительная квалификация «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» включает в себя следующие дисциплины:

практический курс корейского языка, теория языка, практический курс профессионального перевода (политика, экономика), теория перевода, язык СМИ, деловой язык, страноведение, практикум.

С двух сторон в программе приняло участие более 150 студентов.

Помимо обменных программ, согласно которым студенты проходят включенное обучение в вузе-партнере, студенты ИГУ едут на языковые стажировки по линии Корейского Фонда и Правительства Республики Корея. Так, на сегодняшний день 2 студента и 1 аспирант прошли обучение при финансовой поддержке Фонда, а 3 выиграли правительственный грант.

С середины девяностых годов университеты обмениваются ведущими специалистами — преподавателями в области корейского и русского языков. Так, в рамках Договора о сотрудничестве университет Пэ Джэ направил на долгосрочную педагогическую работу в ИГУ 9 преподавателей, Иркутский государственный университет — 6 русистов и 8 специалистов в области химии, гидрохимии, юриспруденции, биологии для чтения лекций и проведения совместной научной работы. Преподаватели русского языка международного факультета ИГУ и Института иностранных языков университета Пэ Джэ подготовили и издали в Корею учебник русского языка (в 2-х частях) для корейских студентов, а в МИЭЛ издано 8 совместных учебно-методических пособий по экономике, страноведению, лингвистике, истории Кореи и Сибири.

Студенты, окончившие бакалавриат ИГУ, в приоритете выбирают для продолжения обучения магистратуру вузов Кореи. ИГУ активно продвигает взаимодействие по программам магистратуры, где студентам предлагаются льготные условия на обучение. 15 студентов ИГУ (5 по специальности корейский язык и литература, 10 — по специальности менеджмент) закончили магистратуру Университета Пэ Джэ, 2 студента — обучаются в магистратуре Квандонского католического университета. Следует отметить, что российские выпускники Иркутского госуниверситета, закончившие магистратуру университета Пэ Джэ, не испытывают проблем в трудоустройстве. Они работают в учебных заведениях, фирмах и на предприятиях Москвы, Иркутска, Братска, Шелехова, Усоля-Сибирского.

На протяжении всей истории преподавания корейского языка в ИГУ обучение проводилось как русскими специалистами, в числе которых двое являются выпускниками МИЭЛ и магистрами университета Пэ Джэ по специальности корейский язык и литература, а также носителями языка, один из которых является выпускником

МИЭЛ, окончившим магистратуру ИГУ по специальности «Лингвистика». В период с 2006 по 2010 гг. в ИГУ преподавала приглашенный специалист Лим Хён Джин, направленный в ИГУ в рамках соглашения с Корейским Фондом международных обменов. Итогом ее совместной работы с преподавателями и студентами МИЭЛ стало издание двух учебных пособий. Совместно с преподавателем Колодиной Е. А. было издано «Пособие по переводу общественно-культурных текстов для студентов 3 курса», совместно со студенткой Литвиновой Л. «Пособие для подготовки к Торик» (средний уровень).

Преподаватели постоянно повышают свою квалификацию, принимая участие в поддерживаемых Корейским Фондом Всероссийских семинарах Объединения преподавателей корейских университетов, нацеленных на усовершенствование навыков методики преподавания корейского языка. Вместе с тем, в целях улучшения качества преподавания два сотрудника прошли курсы повышения квалификации при Корейском государственном языковом Центре г. Сеул и в Международном центре корееведения Кюджангак Сеульского государственного университета, г. Сеул. Впоследствии были защищены две кандидатские диссертации по лингвистике и истории: Колодина Е. А. «Взаимодействие семиотических систем при формировании смысла кинодиалога» (2013 г.), Иванов К. В. «Внутренняя политика Японии в колониальной Корее (1904–1945 гг.): проблемы модернизации и ассимиляции» (2014 г.).

Печатная деятельность ИГУ постоянно пополняется новыми изданиями. В 2013 г. вышел идеографический словарь «Обращение как фрагмент русской и корейской языковой картины мира», написанный в рамках сравнительно-сопоставительного языкознания, в 2015 г. совместно с коллегами из ИГЛУ самоучитель по корейскому языку, а также коллективная монография «Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод». В апреле 2017 г. было совместно с приглашенным преподавателем Лим Хён Джин издано учебно-методическое пособие по переводу «Корейский язык: практические основы перевода», предназначенное для студентов старших курсов. Готовится к изданию методическое пособие по деловому корейскому.

Студенты ИГУ, изучающие корейский язык, регулярно участвуют в конкурсах и мероприятиях, связанных с иностранными языками, как в г. Иркутске, так и за его пределами. Они принимают активное участие, занимая призовые места во Всероссийском конкурсе на знание корейского языка среди студентов Сибирского региона, конкурсах эссе о туризме и обществе Кореи, проходящих в Институте Международных Социально-Гуманитарных Связей, г. Москва,

на протяжении последних пяти лет побеждая в Фестивале студенческого конкурса «Моя Корея», который проходит в г. Иркутске при поддержке Генерального консульства Республики Корея. В этом им способствует то, что ежегодно со студентами ИГУ занимаются приглашенные специалисты, преподающие традиционные корейские искусства, такие как традиционные корейские танцы, церемония чаепития и игра на корейских барабанах «Самульнори», представление которой на неделе корейской культуры в г. Иркутске в сентябре 2011 г. стало своего рода визитной карточкой развития корейской культуры в Иркутске.

Студентам ИГУ выпадает честь представлять наш регион на международном уровне. Так, в сентябре 2014 г. студентка 4 курса МИЭЛ представляла Россию на I Международном студенческом Форуме К-поп культуры в г. Тэджоне, который проходил в университете Пэ Джэ при поддержке Центра иностранных языков г. Тэджона. Она выступила с докладом о распространении корейской современной культуры в России и исполнила кавер версию известной корейской песни на отчетном концерте.

А в июле 2015 г. в рамках программы мероприятий «Поезд дружбы Евразия», приуроченной к 25-летию установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея, делегация Иркутского государственного университета, в состав которой вошли 11 студентов различных направлений подготовки: Международного института экономики и лингвистики (МИЭЛ), исторического, биолого-почвенного факультетов, факультета сервиса и рекламы, приняла участие в Российско-корейском форуме молодых лидеров. Участники форума ближе познакомились с культурой и обычаями двух стран, приняли участие в викторине, продемонстрировали свои таланты, обменялись мнениями по самым актуальным вопросам взаимодействия двух стран.

Отдельным направлением обучения в ИГУ следует считать проведение научно-исследовательской работы студентов, которая проводится в различных подразделениях ИГУ. Так, в апреле 2010 г. при финансовой поддержке Корейского Фонда в рамках работы Российской ассоциации университетского корееведения (РАУК) в МИЭЛ ИГУ прошел I совместный научно-практический семинар студентов Иркутского государственного университета и Новосибирского государственного университета по актуальным проблемам изучения Кореи. На семинаре было представлено около 20 докладов, спектр которых был весьма широк: от истории и экономики до археологии, лингвистики и проблем перевода. Такая форма взаимодействия

между членами РАУК видится наиболее актуальной и плодотворной, так как способствует расширению сфер изучения Кореи и активному студенческому обмену.

В рамках деятельности РАУК в апреле 2017 г. Корейский Центр ИГУ совместно с Корейским Фондом впервые провел открытый курс лекций по корееведению, который собрал более 80 слушателей, интересующихся корейской этнографией и литературой.

Иркутский классический университет, реализуя Программу стратегического развития университета проводит конференции различной корееведческой тематики. Так, в мае 2013 г. на историческом факультете ИГУ прошла конференция «Университет на Востоке и Западе: взгляд из Сибири», а в сентябре 2013 г. была проведена международная научная конференция «Европа и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: проблемы взаимодействия», в которых с докладами выступили также и представители Кореи.

А кафедра восточных языков МИЭЛ, начиная с марта 2014 г. ежегодно проводит Международную научно-практическую студенческую конференцию «Восточные языки в современном поликультурном мире: проблемы и перспективы исследования», целью которой является поиск решений по актуальным проблемам исследования восточных языков, рассматриваются актуальные лингвострановедческие проблемы, аспекты взаимодействия языка и культуры, трудности межкультурного общения.

В Юридическом институте ИГУ в феврале 2015 года прошла Международная научно-практическая конференция «Российско-Корейские отношения: история и право», которая состоялась при участии зарубежных ученых-исследователей Университета Корё (г. Сеул), профессоров, преподавателей, студентов и магистрантов исторического факультета ИГУ и Юридического института ИГУ.

В ИГУ ежегодно обучается более 70 граждан Республики Корея, это как студенты из разных южнокорейских университетов, так и представители деловых кругов страны.

Корейские студенты, обучающиеся в МИЭЛ имеют возможность обучаться русскому языку на подготовительном отделении института, пройти стажировку по совершенствованию русского языка, выбрав одну из разработанных в институте программ: «Лингвистика» и «Методика русского языка как иностранного».

Краткосрочные стажировки для студентов корейских вузов организуются также в образовательном центре «Русский язык», который функционирует с 1998 г. на факультете филологии и журналистики ИГУ. Здесь студенты проходят трехнедельную стажировку

в двух группах: для начинающих и более продвинутых. Во время пребывания в Иркутске студенты из Кореи не только улучшают уровень владения русским языком, но и знакомятся с российской культурой, главными достопримечательностями города и, конечно же, озером Байкал.

В целях лучшего понимания экономического развития, культуры, истории, традиций России и Кореи Корейский Центр ИГУ регулярно проводит совместные мероприятия для корейских и российских студентов. Корейский Центр ИГУ организует экскурсии по Байкалу, в Аршан, по историческим местам, достопримечательностям города Иркутска, Иркутского региона и Республики Бурятия. Ежегодно организуются викторины, где студенты могут познакомиться с современной и древней историей, культурой, искусством Кореи и России, вечера российско-корейской дружбы, где студенты поют песни, читают стихи на двух языках, активно общаются, совершенствуя полученные навыки, а также спич-контесты, фотовыставки «Я и Корея», вечера корейской кухни. Так, в декабре 2016 г. при поддержке Генерального консульства Республики Корея в г. Иркутске ИГУ провел городской конкурс выступлений на корейском языке, в котором приняли участие более 30 студентов и школьников г. Иркутска. А в мае 2017 г. ИГУ выступил организатором Сибирского регионального конкурса выступлений на корейском языке, в котором участвовали 27 студентов из университетов Иркутска, Улан-Удэ, Якутска, Красноярска, Новосибирска и Томска. В состав жюри кроме преподавателей корейского языка сибирских университетов, вошли специально прибывшие из Республики Корея представитель Национального института корейского языка, председатель департамента международного обмена и глобальной торговли администрации провинции Кёнсан-Пукто, руководитель международного отдела Католического университета Тэгу.

Помимо университетов Кореи ИГУ активно сотрудничает и с корейскими организациями. В июне 2003 года МИЭЛ посетило корейское телевидение в рамках создания передачи «Региональные университеты мира». Студенты 1-го и 2-го курсов, изучающие корейский язык, вместе с корейскими студентами приняли активное участие в съемке документального фильма.

А с сентября 2013 г. Корейский Центр ИГУ активно продвигает идею создания Корейского Сада на базе Ботанического Сада ИГУ. Работа ведется совместно с Генеральным консульством РК в г. Иркутске. Данный проект предполагает строительство многофункционального комплекса, где найдут применение в том числе образо-

вательные и культурные направления сотрудничества, проводимые Корейским Центром ИГУ. В рамках реализации настоящего проекта в июле 2013 г. ИГУ посетила делегация дендрологов Республики Корея.

На сегодняшний день на территории Ботанического Сада ИГУ ведется активная работа по возведению основных сооружений. Открытие Сада намечено на сентябрь 2017 г.

В сентябре 2014 г. ИГУ с официальным визитом посетила делегация писателей Республики Кореи. В рамках встречи представители Кореи, подчеркивая важность культурных связей, предложили издавать в Иркутском госуниверситете сборники произведений молодых литераторов Кореи и Сибири. В этой связи совместно с Литературной ассоциацией памяти поэта Ку Сана (Literary Association of Ku Sang on publishing literary collection at the Russian and Korean languages) реализуется проект издания сборника мини-рассказов «Сибирь — место, где дует ветер души».

Корейский Центр ИГУ активно сотрудничает с администрацией г. Иркутска в плане развития корейско-российских отношений на уровне правительств двух государств. Так, в рамках председательствования Иркутской области в Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАССВА) в апреле 2015 г. МИЭЛ с официальным визитом посетил Генеральный секретарь Ассоциации. Поводом для визита стало знакомство с Корейским центром МИЭЛ и его деятельностью как одного из основных органов развития корейского языка и культуры на территории Иркутской области.

Также в августе 2015 г. в ИГУ прошла встреча с делегацией молодых исследователей из Центрального института подготовки государственных служащих провинции Кёнгидо Республики Корея. Корейские исследователи посетили Иркутскую область в рамках исследовательского проекта «Укрепление двустороннего сотрудничества между Россией и Южной Кореей в сфере пищевых, энергетических ресурсов на Дальнем Востоке и Байкальском регионе» и выразили заинтересованность в создании на базе ИГУ площадки для прохождения зарубежной стажировки студентами, обучающимися в Центральном институте подготовки государственных служащих.

А в рамках сотрудничества Иркутской области и ее побратима — провинции Кёнсан-Пукто в июле 2017 г. студенты ИГУ примут участие в Международном студенческом фестивале в г. Тэгу, где познакомятся с историческим и культурным наследием эпохи Силла.

Расширяя сферу своей деятельности по распространению корейского языка и культуры, в мае 2017 г. в ИГУ открылся корейский культурный центр «Окно в Корею» в рамках проекта «Korea Corner», реализуемого в партнерстве с Генеральным консульством Республики Корея в Иркутске. Данный проект призван вывести на совершенно новый уровень знания о Корее жителей Иркутской области и студентов, обучающихся в ИГУ.

Благодаря вхождению в состав ИГУ бывшего лингвистического университета удалось расширить контингент обучаемых и направлений подготовки. На сегодняшний день преподавание корейского языка в ИГУ ведется на базе двух институтов: Международного института экономики и лингвистики и Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации. Студенты получают квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и «лингвист-переводчик» соответственно. Количество студентов, обучающихся по основной специальности порядка 80 человек, дополнительное образование получают примерно 30 человек. Вместе с тем на историческом факультете ИГУ осуществляется подготовки специалистов по Корее по смежному направлению, реализуемому в рамках специальности «Международные отношения». Профессорско-преподавательский состав насчитывает 7 человек, из них 2 кандидата филологических наук, 1 кандидат исторических наук, 3 старших преподавателя, 1 ассистент.

Подводя итоги многолетнего этапа развития корееведения в г. Иркутске и в ИГУ в частности, мы можем с уверенностью отметить огромный вклад Корейского Центра ИГУ при всесторонней поддержке Корейского Фонда и Российской Ассоциации Университетского Корееведения в развитие российско-корейских отношений в г. Иркутске. Надеемся, что в дальнейшем деятельность ИГУ на пути совершенствования качества обучения и расширения сферы деятельности в деле процветания корееведения будет интенсивно развиваться, приобретая новые формы сотрудничества и принося реальные плоды на благо процветания двух стран.

КОРЕЕВЕДЕНИЕ В КАЗАХСТАНЕ И СВЯЗИ С РОССИЕЙ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

После распада СССР в странах Центральной Азии, в том числе и в Казахстане, было положено начало обучению корейскому языку в учебных заведениях и становлению корееведения.

Впервые корейское отделение было открыто в Казахстане в 1991 г. в Алматинском гос.университете им. Абая. Первым преподавателем корейского языка (КЯ) в этом университете и вообще в Казахстане был профессор Хельсинского университета Ко Сонму. Первоначально же корейскому языку обучали преподаватели Северной Кореи по учебникам, изданными в Пхеньяне. На сегодняшний день корейский язык в Казахстане ведется в 16 учебных заведениях, в том числе и в колледжах. Центрами подготовки специалистов со знанием КЯ являются 2 вуза: КазУМОиМЯ им. Абылай хана и КазНУ им. аль-Фараби, которые готовят филологов-корееведов, переводчиков и востоковедов с корейским языком. Наряду с бакалаврами, кафедры готовят магистров и докторов PhD по этим же направлениям. Кроме этого, КазУМОиМЯ выпускает по специальной государственной программе и переводчиков-синхронистов.

Корееведение в КазУМОиМЯ им. Абылай хана

Корейское отделение в КазУМОиМЯ существует с 1998 года, хотя преподавать корейский язык как второй иностранный начали в университете с 1993 года. В КазНУ кафедра корейской филологии была создана в 1995 г. усилиями Ко Сонму и Ким Фил Ёна, создавшие впервые в Казахстане Ассоциацию корееведческих исследований. С появлением профессора Ко Сонму в Казахстане оживился интерес к корееведению, вызванный его горячим желанием исследовать язык, историю и культуру советских корейцев. Он первым стал издавать результаты своих тогда еще скромных исследований нового направления в корееведении — исследование языка, культуры и истории советских корейцев. Им выпущено 4 номера журнала «Известия корееведения», где опубликованы статьи по проблемам корееведения в Центральной Азии, проведена первая международная конференция по корееведению на базе Академии наук Республики Казахстан.

С каждым годом в Центральной Азии растет интерес к изучению корейского языка. Так, например, если в КазУМОиМЯ первый набор на корейское отделение состоял из 4 поступивших, то в 2016 году составил 75 человек, а количество студентов, изучающих корейский язык (КЯ) как специальность, составляет на 4 курсах 260 студентов и 80 студентов изучают КЯ как 2-ой иностранный. Количество магистрантов: синхронистов — 4 человека, филологов — 5 чел., докторантов PhD — 1 чел. Учебный процесс обеспечивают 17 преподавателей, из них 4 носителя языка (1 со степенью PhD).

В настоящее время в Казахстане отмечен повышенный спрос на специалистов со знанием КЯ в самых различных государственных структурах — в области управления, экономики, медицины, в том числе и на преподавателей корейского языка в связи с увеличением как количества желающих изучать корейский язык, так и количества организаций, преподающих корейский язык. Эту потребность пока обеспечивают два ведущих вуза Казахстана.

Центр корееведения КазУМОиМЯ

В 2012 году кафедра получила грант на выполнение долгосрочного проекта фонда Академии корееведения: «Программа развития корееведения в Казахстане» на 2012–2015 гг. После успешного завершения данного проекта, кафедра выиграла региональный грант на «Развитие корееведения в Центральной Азии» на 2016–2020 гг. Цель данного проекта: создать научную структуру и совершенствовать образовательную среду в области корееведения в Казахстане. Первым этапом выполнения данного проекта было создание Центра корееведения (ЦК), который послужил бы стартовой площадкой при формировании базы для достижения названной цели: — повышения профессионального уровня (научного и педагогического) преподавателей кафедры в области корееведения.

Центр корееведения на факультете востоковедения был открыт в октябре 2012 г., а само мероприятие было приурочено к широко отмечаемому в Корее «Дню корейской письменности». Мы ежегодно отмечаем этот день, приурочив награждение студентов за успешную сдачу ТОПИКа и за успехи в овладении корейского языка.

Кратко о деятельности ЦК

В течение 1-ого года была создана интернет-страница ЦК, где помещены информация о ЦК, текущие события, а также Newsletter Центра. Созданный сайт ЦК отражает не только деятельность Цен-

тра и кафедры по всем направлениям, но и деятельность других корееведческих центров Казахстана.

Данный проект позволил создать библиотечный фонд по корееведению, аудиторный фонд для исследовательской деятельности и учебного процесса с возможностью их использования для онлайн лекций. В настоящее время библиотечный фонд Центра корееведения КазУМОиМЯ насчитывает около 5500 единиц учебных пособий и научных изданий по корейскому языку и корееведению. В их число входят печатные издания учебных пособий по корейскому языку, серии словарей, научная и методическая литература, а также аудио-видео материал.

Эффективным можно назвать широкий доступ к специальной литературе через интернет. С марта 2013 года преподаватели и студенты пользуются электронной базой данных Korean Studies Information Service System (KISS), в которой имеются 1 211 наименований научных журналов по корееведению, а также 1 170 000 диссертаций, которой имеют право пользоваться крупные научные центры вузов мира. Очень важным для исследовательской работы является приобретение лицензии для доступа к упомянутой электронной библиотеке по корееведению.

Проведение научных конференций, олимпиад, конкурсов, семинаров

Центр корееведения проводит научные конференции, олимпиады, конкурсы сочинений, семинары для преподавателей и студентов не только Казахстана, но и других регионов ЦА (Узбекистана, Киргизии, Таджикистана). Проведены две Международные научные конференции: в 2012 г. «Современное двуязычие: образование, наука, культура» и в 2014 г. 5-я Международная конференция Ассоциации по прикладной лингвистике «Современное состояние и будущее корееведения в СНГ» совместно с ЦК.

С целью подготовки молодых специалистов-корееведов ЦК раз в год проводит региональную студенческую конференцию по корееведению. Первая студенческая конференция проведена в апреле 2014 года, вторая — в 2015 г., а с 2016 г. проводится Научная конференция по корееведению молодых ученых стран СНГ (апрель — 43 участника) (Казахстан-29, Кыргызстан — 2, Россия — 6, Республика Корея — 6), а в ноябре 2016 г. — 44 участника (Казахстан-33 Кыргызстан — 4, Россия- 4, Республика Корея — 3). К каждой конференции выпущен сборник научных статей студентов и магистрантов СНГ. На студенческие научные конференции

мы приглашаем также и студентов из России, в частности из Новосибирска, Москвы. Проведение конференций поможет активизировать не только научную, но и учебно-методическую деятельность преподавателей корейского языка путем обмена опытом: обсуждать возникающие проблемы, ставить новые задачи для совершенствования преподавания в области корееведения и развития корееведения в Центральной Азии в целом.

Олимпиада

С целью выявления и подготовки будущих специалистов-корееведов КазУМОиМЯ ежегодно в феврале (марте) проводит олимпиаду по специальностям «Иностранная филология», «Переводческое дело» среди студентов Казахстана. С 2012–2013 учебного года ЦК, наряду с олимпиадой по названным специальностям, проводится также олимпиада на знание корейского языка среди студентов других специальностей. В олимпиаде приняли участие 41 студент из шести городов Казахстана (Алматы, Астаны, Тараза, Чимкента, Талдыкоргана, Усть-Каменогорска), представлявших 10 университетов.

В 2014 году рамки олимпиады были расширены и для участия приглашены студенты, изучающие корейский язык в университетах Казахстана и других республиках Центральной Азии. В олимпиаде приняли участие 50 человек из 15 университетов 7 городов Казахстана и Кыргызстана. В 2016 г.- 66 участников из них Казахстан-55 участников, Кыргызстан — 11 участников, в 2017 г. в 7-ой Центрально-азиатской олимпиаде было: Казахстан — 35 участников, Кыргызстан- 8 участников, Узбекистан — 2 участника, Россия- 2 участника.

Конкурсы

Центрально-азиатский конкурс сочинений на корейском языке, организованный при поддержке Университета Сонгюнган в декабре 2016 г. Страны-участники: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан. Участвовало 36 студентов из 22 вузов ЦА. В апреле 2017 участвовало 28 человек из 22 университетов ЦА.

Научные сборники

В связи с тем, что в Казахстане практически не выпускаются сборники статей и не проводятся научные конференции по корееведению, нет возможности публиковать результаты научной деятель-

ности. Чтобы иметь такую возможность, ЦК ежегодно выпускает научный сборник по самым различным проблемам корееведения.

1. Первый выпуск «Корееведения Казахстана» вышел в феврале 2013 года, где были опубликованы 36 статей ученых-корееведов из шести стран: Кореи, Казахстана, России, Узбекистана, Чехии, Нидерландов. Второй номер вышел в 2014 г., и 3-ий номер — в 2015 г. За период с 2012 года по 2017 г. выпущено 6 номеров научного журнала «Корееведение Казахстана», в которых отражены результаты исследования преподавателей и аспирантов не только кафедры университета.

2. Сборник научных статей по корееведению студентов ВУЗов СНГ. Выпуски 1–4, с 2014 по 2017 гг.

3. Сборник «Корееведение в Центральной Азии: наука и образование». Выпуски 1–2, с 2015 по 2016 гг.

4. News Letter Центра корееведения. Вып. 1–10, с 2012 по 2016 гг.

Разработка учебных пособий

Центром КазУМОиМЯ в настоящее время подготовлены учебные пособия: «Сравнительная культурология: Корея — Казахстан» (Особенности межкультурной коммуникации), «Учебное пособие по переводу», Учебное пособие для развития навыков письма «나만의 Korean Writing 쓰기 노트». Учебное пособие по «Сравнительной культурологии» 비교문화학 даст необходимые сведения о культуре Кореи и Казахстана, которые дадут возможность сопоставить корейскую культуру с казахской, глубже понять корейскую культуру, что является важным шагом к успешному межкультурному диалогу.

В настоящее время ЦК становится базой экспедиций для полевых работ зарубежных исследователей по этнокультурному изучению корейской диаспоры Казахстана. Так, в июле 2013 г. проведены совместные полевые исследования с зарубежными учеными (Корея). В составе экспедиции участвовали не только преподаватели кафедры, но и студенты 4 курса. Они вели магнитофонные записи устной речи информантов, заполняли опросники совместно с исследователями из Кореи. Кроме того, в течение одного месяца (в октябре) подобную работу выполняли названные преподаватели с докторантом Лондонского университета Саймоном Барнс-Садлером.

Ассоциация преподавателей ЦА

Для координации деятельности корееведческих центров в ЦА в 2014 году в Киргизстане была создана Ассоциация ученых-коре-

еведов Центральной Азии (중앙아시아한국학교수협의회). Председателем был назначен Пек Тхяхён, заведующий кафедрой корейского языка и литературы Бишкекского гуманитарного университета (Киргизстан), заместителем Чан Ходжон, профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков (Казахстан). Консультантом был назначен Сон Ёнхун, профессор Хангукского университета иностранных языков (Р.Корея). В состав учредительного комитета вошли преподаватели университетов 5 стран Центральной Азии. Основной целью «Ассоциации ученых-корееведов Центральной Азии» является развитие корееведения в данном регионе и решение различных проблем, с которыми сталкиваются ученые-корееведы, взаимообмен информацией и их сотрудничество. Для этой цели Ассоциация решила ежегодно (предположительно каждый июнь) проводить конференции с выпуском сборника докладов конференции. Первая конференция прошла в 2014 г. в Бишкеке (Киргизстан), вторая — в 2015 г. Ташкенте (Узбекистан), третья конференция — в июле 2016 г. в Алматы (Казахстан).

Сотрудничество

Наиболее рациональным представляется сотрудничество между специалистами в области корееведения через электронную сеть. Развитие корееведения в Центральной Азии и за ее пределами — одна из главных задач ЦК КазУМОиМЯ, которая даст возможность широкого общения по on-line со многими корееведческими центрами мира. Кроме того, студенты будут иметь возможность слушать лекции on-line крупных специалистов ведущих университетов Кореи и других стран. Таким образом, ЦК университета им. Абылай хана выполняет на сегодняшний день роль ведущего научно-образовательного центра в ЦА, который способствует развитию корееведения во всех регионах ЦА.

Связи с Россией

Как было уже отмечено, центром корееведения в советский период и до этого была Россия и корееведческие традиции родились именно здесь. Российская корееведческая школа известна далеко за ее пределами. Сегодня хочется еще раз напомнить эти яркие имена в сфере лингвистики — А. А. Холодович, Ю. Н. Мазур, Л. Р. Концевич и др. литературоведов — М. И. Никитина, А. Ф. Троцевич и мн. др. Молодые корееведческие центры бывших союзных республик продолжают эти традиции, а именно: мы используем кириллический

алфавит, разработанные Холодовичем-Концевичем. Наши личные контакты со многими российскими корееведами, участие в конференциях, куда нас любезно приглашают российские коллеги, обмен научными сборниками, позволяют нам быть в курсе научной жизни в гуманитарной сфере России.

Хочется отметить и продолжающееся тесное сотрудничество с Санкт-Петербургским университетом. С. О. Курбанов был членом редколлегии двух выпусков научного сборника «Корееведения Казахстана». Ряд преподавателей и студентов Российских вузов публикуются в наших научных журналах и участвуют в конференциях в Алматы. Вместе со студентами для участия в конференциях мы приглашаем и их руководителей. Естественно, обмениваемся рецензиями и отзывами при защитах и публикациях научных статей. Считаю, что наше сотрудничество должно быть более тесным во благо не только науки, но и во благо поддержания наших теплых человеческих контактов. И в заключении предлагаю и призываю к более тесному сотрудничеству русскоязычных корееведов путем создания единой коммуникационной сети (Network).

Глава 2

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА КОРЕИ

*АСКАРИ Арьян Сохраб,
заведующий сектором корейского языка
кафедры языкознания и страноведения Востока БГУ
(г. Минск, Республика Беларусь)*

О ВЛИЯНИИ РЕДУПЛИКАЦИИ И ДУБЛИРОВАНИЯ НА КОЛИЧЕСТВЕННУЮ СЕМАНТИКУ КОРЕЙСКИХ ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ

Корейские звукоподражания, как и звукоподражания иных языков, строятся по определенным базовым словообразовательным моделям, на основе которых с помощью редупликации части языкового знака, или частичной редупликации (далее — ЧР), и с помощью дублирования основы (далее — ДО; термин «дублирование» взят из статьи Н. И. Руденко [4, с. 110]), или повтора основы как предельной редупликации, создаются более сложные по своей морфологической структуре лексические единицы. Дублирование знака и его частичная редупликация влияют на количественную семантику знака. Подобные явления иконического характера наблюдаются в различных языках, в том числе и корейском. В данном докладе мы рассмотрим особенности количественной семантики корейских звукоподражаний в контексте частичной редупликации и дублирования на основе данных толкового словаря корейского языка [6].

Основываясь на определении Г. Е. Корнилова [3, с. 60], но внося некоторые дополнения, под **звукоподражанием** мы понимаем *членораздельное* подражание звукам, процессам, движениям, а также подражание световым, цветовым, статическим и иным явлениям и качествам окружающей действительности (включая и самого человека во всех его проявлениях) с помощью звуков. Традиционно выделяется два больших класса звукоподражаний, в том числе и в корейском языке: подражание звуку (의성어 (擬聲語, [ыйсэньэ]), ‘речь, уподобляющаяся звуку/приравнивающаяся к звуку’, звукоподражания, передающие звучание объектов)) и подражание незвуко-

вому образу (의태어 (擬態語, [ыйтхэ]), речь, уподобляющаяся образу/приравнивающаяся к образу, звукоподражания, передающие с помощью звука движения, явления, состояния и качества объектов)). Подражание звуку мы предлагаем называть *звуковым выражением* (далее — ЗВ), поскольку с помощью звука выражается звучание объекта. Для подражания незвуковому образу мы предлагаем термин *звукоизображение* (ЗИ), поскольку с помощью звука изображается образ объекта.

Кроме того, существует ряд звукоподражаний со сложной семантикой, занимающий промежуточное положение между ЗВ и ЗИ и вызывающий в сознании сложный образ, состоящий как из звуковых, так и незвуковых элементов с доминированием одного из них [1, с. 4–5]. Подобный «смешанный» подкласс звукоподражаний, имеющих черты как ЗВ, так и ЗИ, мы предлагаем называть *звукообразами*. Звукообразы в свою очередь могут быть двух видов: с доминированием звукового (ЗОЗ) или образного (ЗОО) элемента. При этом, учитывая, что переход от одного класса звукоподражаний к другому носит эволюционный характер [1, с. 5–6], классификацию звукоподражаний представим в виде следующей схемы.

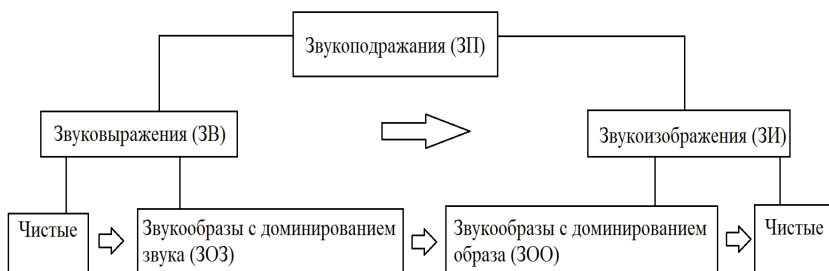

Схема-1. Классификация звукоподражаний

В ходе исследования нами было установлено, что словообразовательные модели корейских звукоподражаний могут варьироваться в пределах от *односложных* до *шестисложных* основ с учетом ЧР и ДО. Данные модели можно разделить на 3 типа: базовые модели, модели с ЧР и модели с ДО.

Рассмотрим базовые словообразовательные модели корейских звукоподражаний. В зависимости от количества слогов в базовых словообразовательных моделях могут быть выделены три подтипа: одно-, двух- и трехсложные [5, с. 5–9]. Односложная базовая модель представляет собой основу, состоящую из одного слога. Условно обозначим ее как “А”:

- 획 [хвик,]: 1) (ЗИ) образ внезапного быстрого движения или задевания/царапания; 2) (ЗОЗ) звук и/или образ внезапного сильного порыва ветра; 3) (ЗИ) образ внезапного и сильного бросания или вырывания/выдергивания;
- 씩 [ссик,]: (ЗИ) образ едва заметной быстрой пресной улыбки (т. е. без проявления чувств), не сопровождаемой звуком;
- 땡 [тэнь]: (ЗВ) звук удара о небольшой колокольчик или о железную часть посуды и т. п.

Следующим подтипом является двухсложная базовая модель. Обозначим данную модель как “АВ”, где А — это первый слог, а В — второй:

- 설렁 [сэллэнь]: (ЗИ) образ легкого дуновения ветра;
- 풍덩 [пхундэнь]: 1) (ЗВ) громкий однократный звук падения или бросания большого и тяжелого предмета в воду; 2) (ЗИ, сев.-кор.) образ резкого бессильного опускания.
- 가웃 [кяут,]: (ЗИ) образ легкого наклона головы или части тела в сторону.

Последним подтипом является трехсложная базовая модель. Обозначим модель как “АВС”, где А, В и С — это первый, второй и третий слоги:

- 방그레 [пангыре]: (ЗИ) образ беззвучной слабой улыбки красиво приоткрытым ртом;
- 바스락 [пасырак,]: (ЗВ) звук топтания или переворачивания сухих листьев, засохших растений, листов бумаги и т. п.;
- 후루룩 [хурурук,]: 1) (ЗОЗ) звук и/или образ взмахнувшей крыльями и внезапно взлетевшей птицы и т. п.; 2) (ЗОЗ) звук и/или образ быстрого и громкого втягивания/заглатывания небольшого количества жидкости или лапши.

Рассмотрим словообразовательные модели с дублированием основы. В основе данной модели лежит базовая словообразовательная модель. Фактически, каждое звукоподражание имеет или в случае отсутствия может потенциально образовать форму с ДО. Таким образом, можно выделить 3 подтипа модели с ДО:

- 1) на основе “А” образована двухсложная модель “А-А”;
- 2) на основе “АВ” образована четырехсложная модель “АВ-АВ”;
- 3) на основе “АВС” образована шестисложная модель “АВС-АВС”.

Модель “А-А”. На основе **획** [хвик,] образовано **획획** [хвик,-хвик,]: 1) (ЗИ) образ постоянного быстрого движения или задевания/царапания; 2) (ЗОЗ) звук и/или образ постоянного сильного порыва ветра; 3) (ЗИ) образ постоянного крайне сильного бросания или вырывания/выдергивания.

Модель “АВ-АВ”. На основе **가웃** [кяут,] образовано **가웃가웃** [кяут,-кяут,]: (ЗИ) образ постоянного легкого покачивания головы или части тела из стороны в сторону.

Модель “АВС-АВС”. На основе **바스락** [пасырак,] образовано **바스락바스락** [пасырак,-пасырак,]: (ЗВ) звук постоянного топтания или переворачивании сухих листьев, засохших растений, листов бумаги и т. п.

Проанализируем словообразовательные модели с частичной редупликацией. В корейских звукоподражаниях наблюдается несколько подтипов ЧР. Первый — повторение последнего слога основы:

- 1) модель АВВ. **콩작작** [кхонъчжак,ччак]: (ЗВ) звук ритмичных ударов палкой по небольшому барабану. Образовано от **콩작** [кхонъчжак,]: (ЗВ) звук легких ударов палкой по небольшому барабану.
- 2) модель АВСС. **테구루루** [тегуруру]: (ЗОЗ) звук и/или образ перекаtywания слегка большого твердого предмета по твердой поверхности. Образовано от **테구루** [тегуру]: (ЗОЗ, сев.-кор.) звук и/или образ легкого и непродолжительного перекаtywания немного большого твердого предмета по твердой поверхности. **테구루** [тегуру] в свою очередь образовано от **테굴** [тэгул]: (ЗИ) образ недлительного перекаtywания большого предмета без четкой траектории.
- 3) модель АВСDD. **닥다그르르** [так,ттагырыры]: 1. (ЗОЗ) звук и/или образ постоянного перекаtywания небольшого твердого предмета после его столкновения с другим твердым предметом. 2. (ЗВ) звук внезапного раската грома где-то неподалеку. Образовано от **닥다글** [так,ттагыл]: 1) (ЗОЗ) звук и/или образ перекаtywания небольшого твердого предмета после его столкновения с другим твердым предметом; 2) (ЗВ) звук внезапного раската грома где-то неподалеку.

Рассмотрим остальные три подтипа ЧР. Общий вид моделей у трех подтипов идентичен: для четырехсложных слов — модель “АВ-СВ”, а для шестисложных — “АВС-DBC”.

Отличительная черта первого подтипа — чередование гласных в 1-м и 3-м слогах и редупликация 2-го слога в позиции 4-го сло-

га в случае четырехсложного слова или чередование гласных в 1-м и 4-м слогах и редупликация 2-го и 3-го слогов в позиции 4-го и 5-го слогов в случае шестисложного слова. Модифицируем общий вид модели следующим образом: “А^{ч/г}В-С^{ч/г}В” и “А^{ч/г}ВС-D^{ч/г}ВС”, где ^{ч/г} — это чередование гласных. Например:

- 비똥배똥 [питтул-пэттул]: 1) (ЗИ) образ наклонения из стороны в сторону и непрерывного покачивания предмета; 2) (ЗИ) образ постоянного сгибания из стороны в сторону неровного предмета.
- 물끄림말끄림 [мулккырэм-малккырэм]: (ЗИ) образ то пристального, то безучастного взгляда, не сопровождаемого речью.

Особенность второго подтипа заключается в следующем: происходит чередование гласного в 1-м слоге с сочетанием «согласный + гласный 1-го слога» в 3-м слоге и редупликация 2-го слога в позиции 4-го слога в случае четырехсложного слова или чередование гласного в 1-м слоге с сочетанием «согласный + гласный 1-го слога» в 4-м слоге и редупликация 2-го и 3-го слогов в позиции 4-го и 5-го слогов в случае шестисложного слова. Представим модификацию общего вида модели: “А^{ч/гсг}В-С^{ч/гсг}В” и “А^{ч/гсг}ВС-D^{ч/гсг}ВС”, где ^{ч/гсг} — это чередование гласного с сочетанием «согласный + гласный 1-го слога»:

- 울퉁불퉁 [ултхунъ-пултхунъ]: (ЗИ) образ местами неровной и/или выпуклой/вогнутой поверхности предмета.
- 왁다클닥다클 [вак,ттагыл-так,ттагыл]: (ЗОЗ) звук и/или образ постоянного перекачивания небольшого твердого предмета после его громкого столкновения с другим твердым предметом.

Третий подтип основывается на чередовании целых слогов. Происходит чередование 1-го и 3-го слогов и редупликация 2-го слога в позиции 4-го слога в случае четырехсложного слова или чередование 1-го и 4-го слогов и редупликация 2-го и 3-го слогов в позиции 4-го и 5-го слогов в случае шестисложного слова. Модифицированный общая модель имеет вид “А^{ч/сл}В-С^{ч/сл}В” и “А^{ч/сл}ВС-D^{ч/сл}ВС”, где ^{ч/сл} — это чередование слогов:

- 애면글면 [эмён-кылмён]: (ЗИ) образ прикладывания всех сил для осуществления некоего непосильного дела.
- 곤드레만드레 [кондыре-мандыре]: (ЗИ) образ невозможности сосредоточения и неконтролируемости движений

тела из-за алкогольного опьянения или сильной сонливости вследствие утомления.

Рассмотрев словообразовательные модели, проанализируем влияние частичной редупликации и дублирования основы на количественную семантику звукоподражаний. Установить, каким образом взаимосвязаны морфологические изменения и семантика в моделях типа “Ач/гВ-Сч/гВ”, “Ач/гВС-Дч/гВС”, “Ач/гсгВ-Сч/гсгВ”, “Ач/гсгВС-Дч/гсгВС”, “Ач/слВ-Сч/слВ” и “Ач/слВС-Дч/слВС”, нам удалось не во всех случаях. Это связано с тем, что если попытаться разбить подобные звукоподражания на составные части, то подавляющее большинство составных частей не зафиксировано в словаре в качестве отдельной лексической единицы. Иными словами, такие звукоподражания не поддаются дальнейшему членению в синхронии из-за непрозрачности семантики производящих основ и являются единым, неделимым комплексом, анализировать который возможно лишь в рамках диахронии.

Тем не менее, в некоторых случаях, например, 비퓌배퓌 [питтул-пэттул] (1) ((ЗИ) образ наклонения из стороны в сторону (이쪽저쪽으로) и частого покачивания предмета; 2) (ЗИ) образ постоянного сгибания из стороны в сторону (이쪽저쪽으로) неровного предмета), членение возможно. Рассмотрим составные части:

- 1) 비퓌 [питтул] от 비퓌비퓌 [питтул- питтул]: (ЗИ) образ наклонения туда-сюда (이리저리) и постоянного покачивания предмета; 2) (ЗИ) образ постоянного сгибания туда-сюда (이리저리) неровного предмета;
- 2) 배퓌 [пэттул] от 배퓌배퓌 [пэттул-пэттул]: 1) (ЗИ) образ наклонения туда-сюда (요리조리) и постоянного покачивания предмета; 2) (ЗИ) образ постоянного сгибания туда-сюда (요리조리) неровного предмета.

Как мы видим, в словаре значения идентичны, однако в слове 비퓌배퓌 [питтул-пэттул] наблюдается чередование нейтральной и светлой гласных. Следовательно, можно говорить о том, что происходят явления, присущие вокалическому типу чередования, однако с некоторой оговоркой. В данном случае произошло нарушение гармонии гласных. На наш взгляд, наличие нейтральной и светлой гласной можно объяснить тем, что объединение двух основ (в данном случае 비퓌 [питтул] и 배퓌 [пэттул]) позволяет показать **разнородность** описываемого образа, предположительно большие и небольшие наклонения из стороны в сторону.

Приведем еще один пример, поддающийся членению. ЗОЗ *와다글다다글* [вак'ттагыл-так'ттагыл] было рассмотрено нами в связи с моделью "A^{ч/сл}BC-D^{ч/сл}BC". Проанализируем составные части:

- 1) *와다글* [вак,ттагыл] от *와다글와다글* [вак,ттагыл-вак,ттагыл]:
  - (ЗОЗ) звук и/или образ постоянного перекатывания небольших твердых предметов, возникающий при их **беспорядочном** столкновении.
- 2) *다다글* [так,ттагыл] от *다다글다다글* [так,ттагыл-так,ттагыл]:
  - (ЗОЗ) звук и/или образ постоянного перекатывания небольшого твердого предмета после (**обычного**) столкновения с другим твердым предметом;
  - (ЗВ) звук постоянных внезапных раскатов грома где-то неподалеку.

Разница, как можно заметить из толкований, заключается в характеристиках столкновения (беспорядочное и обычное). Приведем еще раз значение *와다글다다글* [вак,ттагыл-так,ттагыл]:

- (ЗОЗ) звук и/или образ постоянного перекатывания небольшого твердого предмета после его громкого столкновения с другим твердым предметом.

Попытаемся выстроить цепочку усиления значения: «обычное столкновение» *다다글다다글* [так,ттагыл-так,ттагыл] → «громкое столкновение» *와다글다다글* [вак,ттагыл-так,ттагыл] → «беспорядочное столкновение» *와다글와다글* [вак,ттагыл-вак,ттагыл]. Образованное путем объединения двух основ звукоподражание находится в центре цепочки. Следовательно, можно говорить об **усреднении значения** звукоподражания путем объединения двух близких по структуре и семантике основ (если возможно установление значений производящих основ).

В моделях с ЧР типа АВВ, АВСС и АВСDD ситуация несколько отличается. Установим происходящие изменения в семантике в случаях с ЧР.

1. Ритмичность (без ЧР) — ритмичность (ЧР):
  - *쿵작* [кхонъчжак,] ((ЗВ) звук легких ударов палкой по небольшому барабану) — *쿵작작* [кхонъчжак,ччак] ((ЗВ) звук **ритмичных** ударов палкой по небольшому барабану). При ЧР в семантике знака происходит изменение

и появляется значение ритмичности в противовес начальному значению, где ритмичность не подчеркнута (т. е. можно говорить о неких произвольных, аритмичных ударах) и появляется значение легкости ударов.

2. **Нисходящая градация качества**, например, большой (закрытый финальный слог без ЧР) → немного большой (открытый финальный слог без ЧР) → слегка большой (ЧР финального открытого слога):

- 테굴 [тэгул] ((ЗИ) образ недлительного перекатывание **большого предмета** без четкой траектории) → 테구루 [тегуру] ((ЗОЗ, сев.-кор.) звук и/или образ легкого и непродолжительного перекатывания **немного большого** твердого предмета по твердой поверхности) → 테구루루 [тегуруру] ((ЗОЗ) звук и/или образ перекатывания **слегка большого** твердого предмета по твердой поверхности). Таким образом, в данном случае наличие ЧР отражается в семантике знака в виде постепенного уменьшения размеров некоего предмета, связанного с звукоподражанием. Однако при этом не происходит кардинального изменения в семантике (описываемый предмет не приобретает значение «*маленький*», а лишь наблюдается нисходящая градация качества «*большой*»).

3. Непродолжительность (без ЧР) — продолжительность (с ЧР)

- 탁다글 [так,ттагыл] (1) (ЗОЗ) звук и/или образ перекатывания небольшого твердого предмета после его столкновения с другим твердым предметом; 2. (ЗВ) звук внезапного раската грома где-то неподалеку) — 탁다그르르 [так,ттагырыры] (1) (ЗОЗ) звук и/или образ **постоянного** перекатывания небольшого твердого предмета после его столкновения с другим твердым предметом; 2) (ЗВ) звук внезапного раската грома где-то неподалеку). Здесь ЧР находит свое отражение в семантике в качестве признака продолжительности действия, передаваемого звукоподражанием. В случае без ЧР продолжительность не подчеркивается, поэтому можно говорить об относительной непродолжительности действия.

Дублирование основы также приводит к изменению количественной семантики знака.

1. **Внезапность** (без ДО) — **постоянность** (с ДО):
  - **획** [хвик,] (без ДО): 1) (ЗИ) образ **внезапного** быстрого движения или задевания/царапания; 2) (ЗОЗ) звук и/или образ **внезапного** сильного порыва ветра; 3) (ЗИ) образ **внезапного** и сильного бросания или вырывания/выдергивания;
  - **획획** [хвик,-хвик,] (с ДО): 1) (ЗИ) образ **постоянного** быстрого движения или задевания/царапания; 2) (ЗОЗ) звук и/или образ **постоянного** сильного порыва ветра; 3) (ЗИ) образ **постоянного** крайне сильного бросания или вырывания/выдергивания.
2. **Однократность** (без ДО) — **многократность/постоянность** (с ДО):
  - **풍덩** [пхунъдэнь] (1) (ЗВ) громкий **однократный** звук падения или бросания большого и тяжелого предмета в воду; 2) (ЗИ, сев.-кор.) образ резкого бессильного опускания) — **풍덩풍덩** [пхунъдэнь-пхунъдэнь] (1) (ЗВ) громкий **постоянный** звук падения или бросания большого и тяжелого предмета в воду; 2) (ЗИ, сев.-кор.) образ **постоянного многократного** резкого бессильного опускания).

Таким образом, частичная редупликация, за исключением случаев с чередованием, и дублирование основы могут быть определены как способы экстенсификации [4, с. 110; 6, с. 23] семантики звукоподражаний, т. е. количественное изменение семантики. Было установлено, что частичная редупликация связана с такими значениями, как *ритмичность* — *аритмичность*, *нисходящая градация качества*, *непродолжительность* — *продолжительность*, а дублирование основы связано со значениями *внезапность* — *постоянность*, *однократность* — *многократность/постоянность*. К тому же, именно дублирование основы, как наиболее простой способ экстенсификации [4, 2011, с. 110], является одной из характерных черт звукоподражаний в разных языках мира. Исходя из вышесказанного, следует, что правильное установление количественной семантики звукоподражаний является залогом их адекватного перевода с корейского языка на русский язык.

Список использованной литературы

1. *Аскари А.С.* К вопросу о процессуальности звукоимовизма / А.С. Аскари // Научные чтения, посвященные Виктору Владимирови-

- чу Мартынову: сб. науч. тр. Вып. IV. В 2 ч. Ч. 1 / редкол.: Г. А. Цыхун (отв. ред.), С. П. Витязь (зам. отв. ред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2016. С. 4–9.
2. Гордей А. Н. Метасемантика языковых категорий / А. Н. Гордей // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, 28 марта 2008 г.: сб. материалов / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2008. С. 19–25.
  3. Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке / Г. Е. Корнилов. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1984. 184 с.
  4. Руденко Н. И. Дублирование как способ экстенсификации семантики знака / Н. И. Руденко // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. II / редкол.: А. Н. Гордей (отв. ред.), Лу Гуйчэн (зам. отв. ред.) [и др.]. Минск: РИВШ, 2011. С. 110–122.
  5. 이, 기원. 한국어의 의성어와 의태어 / 이기원. 서울: 한국문화사, 2007. 256 쪽.
  6. 국어사전 // NAVER 어학사전 [Электронный ресурс]. 2017. Режим доступа: <http://krdic.naver.com/>. Дата доступа: 15.05.2017.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ

В статье рассматривается репрезентация этнической и региональной идентичности в текстах корейских эмигрантов разных поколений.

Этническая и региональная идентичность в последнее время находятся в фокусе внимания таких наук, как социология, психология, политология; становится предметом изучения различных междисциплинарных исследований. Возросший интерес к национальной культуре в эпоху глобализации — попытка идентифицировать себя с чем-то специфическим, не похожим на остальной мир. Иначе говоря, повышенный интерес к проблеме идентичности — это реакция на глобализацию и унификацию мирового сообщества.

Проблема исследования идентичности и литературы сложна и многоаспектна. Попадая в орбиту внимания одновременно нескольких наук, проблема идентичности в литературе, а также идентичность и литература могут быть рассмотрены в двух основных контекстах: литературный текст может выступать как источник для исследования проблемы идентичности. С другой стороны, может быть рассмотрено влияние проблемы идентичности на мир художественного произведения: как идеи, порожденные проблемой этнической и региональной идентичности, обуславливают особенности хронотопа, тип литературного героя, мотивную и образную организацию произведения.

В контексте повышенного внимания исследователей к проблеме этнической и региональной идентичности особый интерес как объект изучения представляют этнические корейцы, проживающие на территории бывшего СССР. Этническая и связанная с ней региональная идентичность корейцев попала в сферу внимания таких ученых, как Ли Н. Г., Волкова Т. В., Чжон Бон Су, Дин Ю. И., Троякова Т. Г. и других. Однако репрезентация идентичности корейцев в художественных текстах исследована недостаточно.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003)

Особый интерес к идентичности потомков корейских мигрантов вызван тем, что они, подвергшись насильственной репатриации в 1937 г., покинули место привычного обитания и оказались рассеяны по всей территории бывшего СССР. В результате этой вторичной миграции культурный опыт корейцев оказался соткан из нескольких культурных тканей: во-первых, этнической; во-вторых, русской как доминирующей; в-третьих, культуры одной из республик бывшего СССР. Так, Т. В. Волкова отмечает, что «каждая локальная община корейцев наряду с осознанием принадлежности к единой этнической общности — *корё сарам* — формирует и собственную локальную идентичность, которая закрепляется в этнонимах «сахалинские», «российские», «ташкентские», «казахстанские» или, с точки зрения корейцев, в течение десятилетий проживающих в России, — «азиатские» корейцы» [1, с. 32]. Помимо этого, этническая идентичность корейцев, как и многих других народов СССР, была связана с принадлежностью к большой общности граждан СССР. Вследствие неоднородности диаспоры по месту рассеяния, по времени и причинам переселения (помимо переселенцев дореволюционной эпохи, в России также оказались борцы корейского сопротивления; корейцы, оказавшиеся на о-ве Сахалин во время японской оккупации; также малочисленная группа северокорейских студентов, оставшихся в стране после окончания учебы) наблюдается различная региональная идентичность корейцев, проживающих в России и странах бывшего СССР. Таким образом, анализ представленных этнонимов позволяет сделать заключение, что региональная идентичность корейской диаспоры на постсоветском пространстве тесно связана с этнической идентичностью.

Геопространство для эмиграции — одно из формирующих сознание понятий. По утверждению Ю. М. Лотмана, «Понятие пространства принадлежит к одной из форм конструирования мира в сознании человека» [2, с. 34]. Жизнь в эмиграции — априори связана с идеей перемещения в пространстве. В этом отношении история корейской эмиграции в Россию (СССР) трагична и многогранна. Геопространство в понимании корейцев России — обширная территория, захватывающая бывшие республики СССР. Региональная идентичность корейцев находит реализацию в текстах писателей, представителей корейской диаспоры, в виде степных просторов Азии, приморского муссонного пейзажа, суровой природы Камчатки. Так, Анатолий Ким утверждает, что: «Душу человека формируют ландшафты той страны, которую впервые увидел он в самом раннем детстве. В дальнейшем она не может измениться. Душа может толь-

ко расширяться и дополняться другими картинами мира. Я навсегда останусь огнепоклонником солнца, яростно пылающего над раскаленной бескрайней степью. Никогда не перестанет шуметь и мельтешить в моей душе многоязыкий пестрый базар народов. Я стану человеком множественного, полиментального склада характера» [4, с. 326].

По-разному сложились судьбы эмигрантов и их потомков, но у творческой интеллигенции существует общая тема — опыт эмиграции во всем многообразии его проявлений. Одной из граней осмысления себя и своего места под солнцем стала депортация, которая несет в себе идею движения, перемещения в пространстве.

В рассказе Хан Дина «Страх» субъект речи как бы наблюдает свысока на движущийся состав, везущий корейских репатриантов через всю территорию страны. Отдаленная позиция повествователя позволяет автору с первых строк рассказа ввести пространственные координаты, включив в них бесконечный простор советской земли: «Где это случилось? У берегов холодного Байкала? Или студеного Тихого океана?» [5, с. 6]. Фокус повествователя постепенно концентрируется на вагоне, везущем вынужденных переселенцев из родных приморских земель в степи Центральной Азии. Мотив дороги, привычно ассоциируемый с мотивом свободы, реализуется в рассказе через описание статического состояния пассажиров: «Один вагон словно замирает перед ним, и каким-то внутренним зрением он видит детей, стариков, женщин. Много женщин. Они сидят, отвернувшись от него, лицом на восток, словно статуи в буддийском храме» [5, с. 6]. По Ю. М. Лотману, присущее героям линейное пространство подразумевает запрет на боковое движение, само пространство при этом не безгранично, а представляет собой обобщенную возможность движения от исходной точки к конечной [2, с. 256]. Однако в данном рассказе статичность персонажей относительно дороги, их пассивность, подчеркивает отсутствие у переселенцев свободы, в том числе и внутренней.

В данном рассказе присутствуют два топоса: один — Казахстан, другой — покинутый героем российский Дальний Восток. В эпизоде, где главный герой, преподаватель Ли, обнаруживает на кухонной стене своего дома гнездо ласточки, автор противопоставляет образ дома на родине дому, обретенному в Кызыл-Орде. В описании оставленного героем дома важно указание на преемственность: «Дома на родине строились с покатыми крышами... И под карнизом, под застрехой обязательно лепили свои гнезда из лессовой глины ласточки. Спроси у любого корейского ребенка, где живут ласточки,

он не задумываясь, ответит — под карнизом. Оттуда весной доносится пронзительный писк птенцов» [5, с. 15]. Временной план этого отрывка отсылает к потерянной укорененности во времени и пространстве: словосочетания «дома строились», «обязательно лепили» — маркируют действия, регулярно совершавшиеся в прошлом. Упоминание весны актуализирует цикличное время, символизирующее постоянство. Дом, в котором оказались переселенцы, напротив, характеризуется автором через чужеродность: «Все-таки дом был чужим» [5, с. 15]. Уступительное «все-таки» дает надежду на будущее, как и ласточкино гнездо, обнаруженное преподавателем в доме на чужбине.

Чужеродность необжитого пространства, усиливает чувство несвободы героев, не имеющих права распоряжаться своей судьбой.

В рассказе Хан Дина «Как называется тот край» продолжается тема потерянной родины. Для героини, готовящейся отойти в мир иной, в последние минуты жизни встает вопрос о том, как назвать то место, где человек умирает: «Раньше ее земляки, корейцы, жили, старели и умирали там, где родились. Так было из века в век. Понятие «родина» означало не только место рождения, но и место смерти. И не надо было придумывать Катиным предкам другое слово, а теперь...» [6]. Похожее чувство неопределенности не географической, а скорее, метафизической, описано З. Зиником в сборнике «Эмиграция как литературный прием»: «Я потерял родину, когда уехал из советской России в семидесятых годах. Я покидал свою страну. Своя страна покинула отца в девяностые годы с развалом Советского Союза. Страна ушла у него из-под ног. Умирая, практически без сознания, он повторял одну фразу: «Я здесь... а может быть, не совсем здесь»» [3, с. 256]. И отец Зиновия Зиника и героиня рассказа Хан Дина даже на пороге смерти пытаются найти свое место, утраченную родину.

Представители поколения, выросшего вне территории исхода, смотрят на проблему дома и родины с другой позиции. Например, в рассказе «Площадь треугольника» Лаврентия Сона субъект повествования вырос в Казахстане, принявшем часть корейских вынужденных переселенцев. Герой отмечает, что «новый край стал действительно родным». Для героев рассказа Лаврентия Сона Казахстан — уже обжитое пространство, ставшее «своим», населенное доброжелательными людьми, всегда готовыми прийти на помощь. Так, поколение писателей, укоренившееся на земле приемной родины, по-иному воплощает образ дома в своих произведениях. Образ дороги также получает в их произведениях новую вариацию.

Мотив пути в рассказе Лаврентия Сола связан с описанием испытаний, выпавших на долю переселенцев: в рассказе они отображаются через эпизод поиска потерянных при депортации родственников. При переезде многие потеряли связь с родными, получившими распределение в другие края. Мать рассказчика после отмены ограничения на передвижение отправилась на поиски членов семьи, которые оказались в «далекой Каракалпакии». Мотив пути здесь реализуется в двух значениях: путь с неизвестной точкой прибытия (насильственное переселение) и путь, имеющий целью конкретный пункт назначения (поиск родственников). Если в первом случае мотив дороги связан, как и в рассказе Хан Дина, с отсутствием свободы, то во втором решении мотив пути-дороги уже связан с идеей свободы. Мать рассказчика, воспользовавшись данным ей правом на передвижение, сама стала инициатором путешествия, имевшего конкретно заданную цель.

Бескрайние степные просторы Азии нашли отражение в повести писателя Михаила Пака «За порогом ночей». Писатель Михаил Пак родился в Узбекистане, долгое время жил и работал в Казахстане. Художественное пространство повести разделено на две неравные части: необжитую степную и окультуренную, населенную. Степь в повести разомкнутое, опасное, не освоенное человеком пространство: «Летом здесь нещадно палило солнце, зимой хлестала вьюга, носила по воздуху комья снега, острые, как осколки стекла» [5, с.76]. Образ степи в повести подчеркивает одиночество Ильбе, потерявшего жену и нашедшего уединение в степи. Для корейского миропонимания характерно традиционное сочетание горизонталей с вертикальной наполненностью: горы, деревья сочетаются с плоскостью моря и неба. Ландшафты корейского полуострова в этом отношении похожи на ландшафты приморских земель Дальнего Востока России. Но новое место обитания для корейцев — степь. По мнению Г. Гачева, основной содержательной чертой степного мышления является даль, которая есть «естественный выход для тяги души к бесконечности» [7, с.193]. Открытость пространства, по сути, лишает героя повести свободы выбора, поскольку неограниченность направления движения означает невозможность сделать правильный выбор. Поэтому герой бездвижен, он проживает свое горе в одиночестве. Безлюдность степи в повести противопоставлена дороге, упорядоченному пространству, связанному с распространением культуры, которую символизирует кинопередвижка. И, пережив свое горе, герой возвращается в общество, сам выбирая при этом маршрут.

В повести Александра Кана «Кандидат» географические координаты и вовсе сужаются до рамок тесного жилища «этажом ниже нормального уровня», комнаты общежития, узких коридоров, дна колодца, туалета, замкнутого пространства квартиры. Мотив замкнутого пространства в повести характеризует душевное состояние героев, их одиночество и разобщенность. Так, мать главного героя Ираклия сравнивает их жизнь с добровольным заключением, где комната — камера. Для друга детства, эпизодического персонажа по имени Герман, добровольное заточение — способ избавиться от глушащего его «я» окружающего мира. Сворачивание огромного разнообразного мира в точку для героев знаменует конец пути. Мотив пути актуализируется через идею жизненного пути, как проторенной дороги, навигатором этакой шаблонной жизни: «студенческая тропа была широка и вытоптана — трудно было свернуть с нее, оступиться, упасть» [2, с. 143]. Попытка бегства, сход с привычной орбиты забега, заканчивается для Ираклия провалом: родители возвращают его на «правильный путь» в конце которого Ираклия должна была ждать успешная защита диссертации.

Для Германа пространственная характеристика человека изменяется с течением времени. Согласно теории Германа, с возрастом «границы мироощущения <...> неизбежно сужаются подобно концентрическим кругам» [2, с. 162], человек теряет искренность и его мир сводится к точке — кухне, спальне, стулу. Сравнивая людей с точками, Герман подчеркивает их одиночество, так как точки никогда не смогут пересечься. Для него попытка сохранить в себе детскую непосредственность, искренность, связана с идеей бегства. Ему, в отличие от его школьного друга, удастся физически убежать от свертывающегося в точку круга, но, в конце пути он также становится точкой в открытом пространстве моря, подчеркивающим его одиночество.

Другой характерной особенностью пространственной организации повести является отсутствие для героя «своего» пространства (дом, родина), которое обычно противопоставляется пространству «чужого». Для героя не становится своим отчий дом и комната в общежитии, чужда для него квартира его жены. Единственно удобным для героя местом является лишь то, где нет людей. В повести «Кандидат» — это туалет в доме его жены. Идея неприкаянности, потери корней, отмены прошлого находит продолжение в описании дочери героя, утратившей право на «предназначенную ей плоскость»: заботливые няньки все чаще носили ее на руках, лишая возможности самостоятельно осваивать пространство. Для главного героя

это — подтверждение утраты корней, сродни пересадке маленького деревца из естественной среды в стеклянный горшок, «позволяющий неотрывно наблюдать за ходом дорогой, драгоценной жизни» [5, с. 211].

В рассказе «Горсть океана» камчатского прозаика и журналиста Владимира Лима актуализирована морская стихия. Море в рассказе амбивалентно: с одной стороны, оно жестоко отбирает жизни, с другой — является для героя-повествователя частью родины. Амбивалентность моря находит продолжение в образе поселка как родины рассказчика. С одной стороны, поселок — родина, с другой, — его «уже нет на земле». Рассказчик подчеркивает невозможность возвращения на родину, упоминая, что «название поселка еще можно найти на старых географических картах области, в графе «место рождения» моего паспорта и еще нескольких сотен других, родившихся за несколько десятилетий жизни Усть-Песчаного [8]. В рассказе Владимира Лима мотив неукорененности также варьируется через тему дома и погребения. Финский дом героини, кореянки Дё снесен цунами, где определение «финский» намекает на долговечность, особую прочность. Дома других жителей поселка стали топливом для печи. Море уносит жизни всех членов семьи Дё. Причем, если «океан вернул Тена через неделю» [8], то тело сына так и осталось не преданным земле.

Помимо отсылок к маркерам, характеризующим устройство традиционного быта, обрядов и иных форм репрезентации этнической идентичности, в русскоязычной литературе корейской диаспоры часто варьируется мотив чужеродности. Следует отметить, что для находящихся в инокультурной среде писателей, представителей эмиграции, характерно обращение к теме одиночества как проявлению чужеродности героев, принадлежности их к иному культурному коду. Так, в рассказе «От прилива до прилива» Ю Мири, японской писательницы корейского происхождения, главная героиня страдает от беспричинной жестокости одноклассников. Однако, выясняется, что она — этническая кореянка и неприязнь к ней сверстников вызвана тем, что она непохожа на других детей.

В случае с литературой корейской диаспоры России и стран бывшего СССР чужеродность корейцев усиливается антропологическими особенностями. Эта проблема находит художественное отражение во многих текстах представителей диаспоры, как и проблема идентификации метисов. Так, одну из причин своей инаковости герой повести Александра Кана «Кандидат» видит в принадлежности к двум нациям: «Но как, как он мог выбрать свое в этом мире,

если еще вчера он был цельным и гармоничным, а сегодня вдруг развалился на две равные части, причем по такой нелепой причине?» [2, с. 130]. Полукровное происхождение, отсутствие сведений о предках со стороны и отца и матери, внешнее отличие от других, вызывает в Ираклии чувство одиночества, собственной безродности. Герой повести Андрея Хана «Провинция» и вовсе актуализирует свою непохожесть на других с помощью различных неологизмов: «Я негроиндеец, я мулатокитаец, я грузинский еврей» [4, с. 219].

Таким образом, тексты представителей корейской диаспоры России и стран бывшего СССР актуализируют проблемы региональной и этнической идентичности через описание топонимов и локаций, через обращение к вечным эмигрантским образам, таким как образ дома, потерянной родины, через мотив одиночества, связанный с чужеродностью героев, через мотив неукорененности, через обращение к теме поиска места под солнцем.

Список использованной литературы

1. Волкова Т.В. Российские корейцы: к вопросу о самоидентификации / Т.В. Волкова // Этническое обозрение. 2004. С. 27–42.
2. Гачев Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. М.: Academia, 1998. 432 с.
3. Зиник З. Существует ли эмигрантская литература? // Зиник З. Эмиграция как литературный прием. М.: НЛЮ, 2011. С. 249–256.
4. Ким А. Мое прошлое / А. Ким // Октябрь. 1998. № 2. С. 3–83.
5. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. / Ю.М. Лотман. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
6. Страницы лунного календаря. Повести и рассказы советских корейских писателей / Сост. Л. Сон. М.: «Советский писатель», 1990. 304 с.
7. Лим В. Горсть океана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://koryo-saram.ru/vladimir-lim-ggorst-okeana/> (Дата обращения: 05.06.2017).
8. Хан Дин. Как называется тот край [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://koryo-saram.ru/han-din-kak-nazy-vaetsya-tot-kraj/>. (Дата обращения: 03.06.2017).

РАЗВИТИЕ НОВЫХ РОМАННЫХ ФОРМ В КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.

Сам вопрос о применимости западной литературоведческой терминологии к явлениям корейской литературы возник в результате знакомства корейских писателей с западной литературой в начале XX в. и расширения диапазона эксплуатируемых ими повествовательных форм до общемирового. До конца XIX века в названия корейских произведений входили традиционные знаки: «рок» со значением «записки», «чон» — «жизнеописание», «чи» — «описание» и пр., и по сей день вся сюжетная проза называется в Корее словом «сосоль», между тем как на Западе принято говорить о существовании таких жанров, как роман, повесть, рассказ, и множества их поджанров со своими законами. Я хотела бы уделить особое внимание таким литературным формам, как роман становления (воспитания) и роман-путешествие.

Капиталистические отношения начали активно развиваться в Корее после реформ 1894 г., и на рубеже XIX–XX вв. воспринимались как норма цивилизации, обеспечивающая гармонию человеческих интересов. Понимание своего времени как некой точки отсчета оказывало воздействие на все формы духовной деятельности в тот период. В основе этой деятельности лежала концепция «естественного» человека, свободного от классовых предрассудков, наделенного новыми добродетелями: преданностью родине, интеллектом, целеустремленностью. Началось «движение за новую литературу», придававшее важнейшее значение просветительской функции художественного творчества.

Аннексия Кореи Японской империей в 1910 г., неодинаково воспринятая различными слоями населения, привела к подъему современной литературы в стране. Заимствование из Европы через Японию готовых идеологических и художественных модулей способствовало тому, что отставание в культурном, в литературном плане, преодолевалось быстрее, чем в социально-экономическом.

Можно сказать, что в начале XX в. в корейской литературе наблюдалось изменение качества постижения реальности: единство и целостность мира из предмета теоретических построений стали предметом обыденного сознания и практической ориентации. Пре-

жде под определение «весь мир» попадал только свой регион, а под определение «всегда» — конкретный временной отрезок, все остальное терялось в тумане легенд, переплеталось с потусторонними мирами. Теперь писателю необходимо было умение во всем читать приметы времени, конкретной исторической ситуации.

Иными словами, перед литературой, которая в традиционный период призвана была нести определенные этические и эстетические идеалы, встали принципиально новые задачи. В произведениях корейских писателей пристальное внимание к исторической ситуации стало сочетаться с аналитическим подходом к изучению человеческой психологии. Корейские писатели отказались от представления мира в виде устойчивой системы.

В Европе, в сходной ситуации развития капитализма и становления национальных литератур первым из новых романских форм появился так называемый *bildungsroman* (роман становления / воспитания, 교양 / 성장 소설), сыгравший важную роль в развитии современной литературы в целом и реализма в частности.

Основу романа становления как литературного жанра составляет психологический и моральный рост главного героя, его взросление, сопровождающееся изменением характера. Моментом рождения жанра, а с ним и современной немецкой литературы, принято считать опубликование Гёте в 1795–96 гг. романа «Годы учения Вильгельма Мейстера». Хотя изначально жанр романа становления появился в Германии, он получил широкое распространение в Европе и в мире.

Примечательно, что и в Корее развитие современной литературы началось с выхода в свет в 1917 г. романа становления «Бессердечие», написанного Ли Гвансу. Ли Гвансу был первым серьезным представителем «движения за новую литературу». Его роман «Бессердечие», поднимающий проблемы свободной любви и самореализации, стал в свое время сенсацией. Корейские и зарубежные исследователи подчеркивают, что персонажи «Бессердечия» разработаны в духе западной реалистической традиции, и это позволяет считать роман первым реалистическим произведением в истории корейской литературы.

Есть более широкие и более узкие определения жанра романа становления, но самое распространенное было предложено В. Дильтеем в работе «Переживание и поэзия» в 1906 г., где говорилось, что во всех романах становления «изображается молодой человек своего времени: как он вступает в жизнь в счастливом неведении, в поиске родственных душ, находит дружбу и любовь, сталкивается с окру-

жающей его суровой реальностью, взрослеет, преодолев различные испытания, находит себя и обретает уверенность в своем предназначении [Dilthey, 1985. P.335]. В *Encyclopedia Britannica* читаем: «Роман становления традиционно заканчивается на положительной ноте... в романах конца XIX в. перед героем лежит жизнь полная смысла. В XX в. романы становления все чаще заканчиваются отказом от всего или смертью.»

Согласно этим определениям, роман Ли Гвансу является вполне традиционным романом становления. Большинство дискуссий вокруг этого жанра касаются того, должен ли он, по своей сути, предлагать некие социальные и моральные ценности в качестве ориентира для становления героя [Iversen, 2009. P.11]. Так, М. Свэйлс утверждает, что традиционный немецкий роман становления отличается от английского именно отсутствием политического и социального подтекста [Swales, 1978]. В этом плане роман корейского писателя следует скорее английской и французской, а не немецкой, традиции, что вполне объяснимо, потому что написан он был, как английские и французские (но не немецкие) романы становления, уже после перехода страны — не революционного, но эволюционного — к капитализму.

Русский философ М.Бахтин выделяет пять типов романа становления, каждый со своим хронотопом: (1) идиллическо-циклический, описывающий жизнь человека от рождения до смерти, (2) циклический с сатирическим оттенком, изображающий процесс перехода от юношеского идеализма к зрелому практицизму, (3) (авто)биографический, (4) дидактико-педагогический и (5) тип, «самый существенный», в котором «становление человека дается в неразрывной связи с историческим становлением... Это уже не его частное дело. Он становится *вместе с миром*, отражает в себе историческое становление самого мира. Он уже не внутри эпохи, а на рубеже двух эпох. Он принужден становиться новым, небывалым еще типом человека. Меняются как раз *устои* мира, и человеку приходится меняться вместе с ними.» [Бахтин, 1936–1938].

Роман Ли Гвансу, очевидно, относится к пятому типу. В основе повествования тут лежит противопоставление старого и нового, не только в духовном, интеллектуальном, но и техническом плане (герои романа активно пользуются различными современными техническими достижениями: ездят на трамваях и поездах, отправляют телеграммы [Kim, 2007].

Ц. Тодоров писал в своей работе, посвященной фантастической литературе: «Рождение нового тигра не влияет на определение всего

вида», но в искусстве «каждая работа меняет совокупность возможных работ, каждый новый образец меняет сам вид» [Todorov, 1973. P.5–6]. По моему мнению, одна из важнейших задач западных востоковедов — расширять определения, разработанные западной наукой, с учетом восточных, в нашем случае корейских, образцов.

Так, М. Бахтин писал, что романов первого типа в чистом виде создано не было. Но в Корее, например, в конце 17 в. Ким Манчжун написал свой роман «Облачный сон девяти» («구운몽»), воплощавший буддийский взгляд на человеческую жизнь как часть некоего естественного циклического процесса. В процессе жизни персонаж приходит к полному принятию истинных с точки зрения автора, буддийских, ценностей. Такое видение человеческой жизни находит отражение и в современном корейском искусстве, ярким примером чему является фильм «Весна, лето, осень, зима... и опять весна» Ким Кидука. То есть, к моменту появления романа Ли Гвансу, в Корее уже существовала традиция изображения взросления человека (тесно связанная с буддизмом). Мне хотелось бы заострить внимание на тех особенностях романа «Бессердечие», которые отличают его от западных романов того же типа.

Из характеристик западных романов становления, упоминающихся в работах европейских исследователей, многие вполне подходят к роману корейского писателя: «название книги включает в себя имя главного героя» (известно, что изначально Ли Гвансу назвал свой роман «Ёнче», а потом переименовал в «Бессердечие»), «основной темой является психологическое и моральное взросление юного героя», «взгляд автора должен отличаться от взгляда героя, при этом один тип нарратива может быть доминирующим», «имеется доступ к сознанию главного героя», «присутствуют воспоминания (от лица героя или автора)», «сюжет сочетает в себе действие и рефлексию», «местом действия является столица или другой большой город» и т. д. [Iversen, 2009].

Другие характеристики дают больше пищи для размышлений. Как то: «есть один главный герой», «герой-мужчина относительно пассивен, не уверен в своих целях, доверяет решение другим людям или случаю», «героиня-женщина относительно активна, уверена в своих целях, легко принимает решения».

У А Иверсен читаем: «Особенно [в романах становления] поражает пассивность героев-мужчин — качество, которое всегда считалось (и зачастую считается до сих пор) положительным в женщине, но не в мужчине, — и наоборот, как активны и независимы женщины» [Iversen, 2009. P. 57].

Многие западные исследователи подчеркивают различия между женским и мужским романом становления. С. Розовски пишет о т.н. «романе пробуждения (осознания)» как ближайшем родственнике и потенциальном заместителе женского романа становления, имея в виду «осознание ограничений»: «в каждом из них представлена дилемма, стоящая перед героиней, которая пытается определить свою ценность для общества, сводящуюся в итоге к ее роли и ценности как женщины, без учета ее потребностей как человека». [Rosowski, 1983.]

Но в романе Ли Гвансу по большому счету два, если не три, главных героя, претерпевающих становление (Ёнче, Хёнсик (+Сонхён)), хотя, вероятно, изначально Ёнче предполагалась быть единственной главной героиней. В начале романа автор представляет читателям Хёнсика, направляющегося знакомиться с Сонхён, чтобы давать ей частные уроки. Ёнче появляется в столице позже. О детстве Ёнче и трагедии, постигшей ее семью, читатели узнают от Хёнсика.

Хёнсика едва ли можно обвинить в пассивности. Он активно разыскивает Ёнче, и даже после помолвки с Сонхён, организованной родителями, настаивает на том, чтобы Сонхён подтвердила, что любит его, потому что он верит, что жениться надо по любви, а не из сыновней почтительности.

Говоря о европейском женском романе становления Р.Фелски делает вывод: «Новое самовосприятие героини создает основу для будущего компромисса между субъектом и обществом, который достигается уже **за рамками** текста» [Felski, 1989. P.133]. Но в корейском романе история Ёнче четко делится на две части: в первой части она ведет себя, как добродетельная героиня средневековой повести, Чхунхян или Симчхон, жертвуя собой ради отца и Хёнсика. Чтобы заплатить за освобождение отца из тюрьмы, она — на традиционный корейский манер — становится кисэн. Неудивительно, что и Хёнсик, и читатели, знающие традиционные корейские сюжеты, с легкостью верят в то, что Ёнче утонула в Тэдонгане. Но компромисс между героиней и обществом достигается тут в **рамках** текста. Ёнче, как Симчхон, воскресает в качестве «новой женщины», способной мыслить и, что еще более важно, любить [Miyoshi Jager, 2016]. Из создания, обладающего лишь телом, она превращается в создание, обладающее еще и душой.

Западные исследователи, говоря о романах становления, отмечают «значимость второстепенных персонажей исключительно в контексте их отношений с главным героем» и неперемнное наличие неких «учителей». В первой части романа «Бессердечие» это ки-

сэн Вольхва, которая вводит Ёнче в мир книг и поэтической рефлексии, а во второй — образованная «новая женщина» Пёнук, которая помогает главной героине избавиться от комплекса вины и понять, что современные женщины, как и мужчины, имеют право самостоятельно определять свою судьбу. Только вот идеальный злодей директор Пэ, единственной функцией которого является обеспечение Ёнче страданиями, кажется сошедшим со страниц средневековой корейской книги. Основным испытанием для Хёнсика становится выбор между двумя женщинами, двумя жизнями — «старой» и «новой».

В европейских романах становления «повествование, как правило, ведется в хронологической последовательности», но при этом может включать короткие или длинные нарративы, посвященные **второстепенным персонажам**. В романе Ли Гвансу имеются такие нарративы — например, короткая печальная история о невестке Пёнук, рано выданной замуж против воли, — но есть и длинный вставной рассказ о юности главных героев — Хёнсика и Ёнче.

Венчается роман, вполне в духе жанра, «эпиграмматическим восклицанием» (термин Дж. Хендриксена), в котором формулируется, что по преодолении всех испытаний поняли главные герои. Таких восклицаний в «Бессердечии» даже слишком много: они звучат из уст Хёнсика, Пёнук, и, наконец, самого автора, который восхищается успехами своих героев.

Хочу обратить внимание еще на один жанр, известный корейцам с давних времен, но претерпевший в XX в. принципиальные изменения — роман-путешествие.

Во всех литературах мира до разделения прозы на научную и художественную существовали описания путешественниками увиденных им стран и народов. Они имели, в первую очередь, познавательную ценность. В России, например, широко известно сочинение А. Никитина о путешествии в Индию «Хождение за три моря» (XV в.), а в Корее — «Хождение в пять индийских царств» («왕오천축국전») буддийского монаха Хечхо (VIII в.) и проч. Такие описания часто представляли собой путевые заметки, сделанные в хронологической последовательности и не выстраивающиеся в единый сюжет.

Под влиянием упомянутых заметок постепенно сформировался жанр романа-путешествия, в основе композиции которого лежит перемещение героя в пространстве, зачастую символизирующее духовный поиск. К подобным романам относится, например, китайский роман «Путешествие на Запад» («서유기») (XVI в.), который в то же время является в некотором роде романом становления (по-

вествуют о прозрении героев, их приходу к истинному пониманию буддийских ценностей).

В Европе жанр романа-путешествия был особенно популярен в эпоху Великих географических открытий (XV–XVI вв.), а в эпоху Просвещения приобрел социально-критический оттенок, позволяя наглядно продемонстрировать несовершенство человеческого общества (Н. А. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву» (XVIII в.)). Акцент постепенно переместился на чувства путешественника, его оценку реальности.

К таким «путешествиям» с сильным социально-критическим оттенком можно отнести повесть Ём Сансопа «Прежде чем раздались крики «Ура!»» («Манседжон»), которая по изначальному замыслу автора должна была называться «Кладбище» («Мёджи»), а на русском языке вышла под названием «Могила». Первые главы повести были напечатаны в 1922 г. в журнале «Новая жизнь» («Син сэнхваль»), но вскоре писатель прервал работу над ней, устав от постоянного контроля со стороны отдела цензуры. Только в 1924 г., сменив название и изменив некоторые имена, Ём Сансоп смог опубликовать полный вариант повести в «Вестнике эпохи» («Сидэ ильбо»), в котором в то время заведовал отделом новостей.

Повесть «Прежде чем раздались крики «Ура!»» написана от первого лица и представляет собой путевые заметки, сделанные, как положено, в хронологической последовательности. Главный герой повести, Ли Инхва — корейский студент, обучающийся в Токио — получает известие о том, что его жена находится при смерти. Он вынужден, не дожидаясь конца зимней сессии, выехать в Корею. Через Киото, Симоносэки, Пусан, Сеул он добирается домой. То, что герой видит в родной стране, вызывает у него досаду и раздражение. Дома рядом с умирающей женой Ли Инхва застаёт отца. Выясняется, что из-за упрямого неверия старика в какую бы то ни было медицину, кроме традиционной, женщину даже не возили в больницу. Ему не хочется думать о похоронах и поминках. Он видит, как сильно различается жизнь людей в Японии и в Корее.

На определенном этапе развития корейской литературы, связанном с переходом к реалистической эстетике, предметом изображения становится обыденная жизнь или, точнее, обыденность жизни, которая особенно сгущается на периферии. Сходные явления, как отмечает В. Ерофеев, наблюдались в середине XIX века и на Западе [Ерофеев, 2002]. Так, например, автономное, замкнутое пространство маленького города и его окрестностей оказывается местом действия в «Госпоже Бовари» Г. Флобера и в «Мертвых душах»

Н. В. Гоголя. Главного героя Ём Сансопа роднит с героями Флобера и Гоголя одиночество, связанное с непохожестью на других. Он не такой, как все, хотя не заявляет об этом прямо. Он не удовлетворен жизнью, тогда как остальные живут, как получается. Однако он не знает, что может предпринять для изменения своей жизни и окружающей реальности. Интересно, что название придает повести смысл, который не вырисовывается из самого текста. Ли Инхва вернется в Токио, но пройдет совсем мало времени, и 1 марта 1919 г. более активные люди начнут движение за независимость.

Следует обратить внимание на то, что Ём Самсоп находился под большим впечатлением от творчества европейских натуралистов. Применительно к повести «Прежде чем раздались крики «Ура!»» можно говорить о тенденции к распаду внутренне цельной повествовательной формы: налицо производящее впечатление случайности нанизывание очерков, сцен, импрессионистских зарисовок, соответствующее натуралистическому принципу «непосредственной передачи» жизни. В результате в центре повествования оказывается не характер главного героя, а точно подмеченные особенности жизни корейского общества под властью японцев.

Подводя итог, можно отметить:

- Знакомство с западной литературой, безусловно, повлияло на становление новых романских форм в современной корейской литературе;
- Собственная литературная традиция нашла в этих новых формах вполне отчетливое отражение;
- Поскольку становление конкретных романских форм происходило в Корее много позже, чем на Западе, у корейских писателей для аналогичных целей оказался в распоряжении куда более интересный набор современных художественно-выразительных средств, разработанных мировой литературой за имевший место временной лаг, что позволило им создать оригинальные произведения в известных жанрах.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. (1936–1938). *Роман воспитания и его значение в истории реализма* // *Собрание сочинений* в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.) М.: ЯСК, 2012.
2. Ерофеев В. (2002). До последнего предела чрезмерности: (Шоковая эстетика Гоголя и Флобера) // Ерофеев В. *Лабиринт Один: Ворованный воздух*. М.

3. Bildungsroman. In *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://global.britannica.com/art/bildungsroman>
4. Dilthey, W. (1985). *Experience and Poetry*. Selected works. Vol. 5. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
5. Felski, R. (1989). *Beyond Feminist Aesthetics: Feminist Literature and Social Change*. Harvard University Press.
6. Hendriksen, J. (1993). *This Side of Paradise as a Bildungsroman*. American University Studies, series 24: American Literature, vol. 35. New York, N. Y.: Peter Lang.
7. Iversen, A. T. (2009). *Change and Continuity: The Bildungsroman in English*. A dissertation for the degree of Philosophiae Doctor. University of Tromsø.
8. Kim, Kichung (2007). Review of Yi Kwang-Su and Modern Korean Literature: Mujông, by Ann Sung-Hi Lee (2005). *Korean Studies Review*. 2007. No.5. URL: https://eap.einaudi.cornell.edu/sites/eap/files/Korean%20Studies%20Review_Mujong.pdf
9. Miyoshi Jager, Sh. (2016). *Narratives of Nation-Building in Korea: A Genealogy of Patriotism*. New York: Routledge.
10. Rosowski S.J. (1983). The Novel of Awakening. In *The Voyage In: Fictions of Female Development*. Ed. Elizabeth Abel, Marianne Hirsch, Elizabeth Langland. Hanover, N. H.: University Press of New England. 49–68.
11. Summerfield, G.; Downward, L. (2010). *New Perspectives on the European Bildungsroman*. London; New York: Continuum.
12. Swales, M. (1978). *The German Bildungsroman from Wieland to Hesse*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
13. Todorov, T. (1973). *The Fantastic: A structural Approach to a Literary Genre*. Cleveland and London.

Глава 3

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КОРЕИ

Суровень Д. А.

Уральский государственный юридический университет

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ В ПЕРИОД РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЮЖНОКОРЕЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ СИЛЛА (I –IV ВЕКА Н. Э.)

Как показывают исследования ранней государственности, на самых первых этапах возникновения государства, борьба правителей против ограничения их власти органами управления общины, т. е. политическая борьба, принимает форму борьбы вокруг вопроса о престолонаследии [см.: 26, с. 92–94; 2, с. 108–110]. В связи с этим существует необходимость проанализировать материалы корейских источников и выявить особенности передачи власти в раннем государстве Сонаболь (ядре будущего территориального государства Силла) в юго-восточной Корее.

Археологи установили, что на рубеже нашей эры в долине реки Нактонган осели переселенцы их Северной Корее и Маньчжурии, принесшие с собой культуру железа и навыки скотоводства [23, с. 30; 4, с. 172; 5]. Эта часть населения, видимо, была потомками переселенцев из северной Корее — беженцев из Чосона (захваченного в 108 г. до н. э. китайцами) [2, с. 123; 4, с. 164–165; 5]. Об этом событии упоминается в «Самкук саги» и повторено в «Тонгук тхонгам»: «Сначала здесь появились беженцы из Чосона, [они] расселились среди гор и ущелий, образуя шесть селений (кор. *чхон*). Они являются шестью общинами (др.-кор. *пури*¹, кор. *пу* — досл. “округами”² [см.: 24, с. 48])

---

¹ До появления в Силла (в первой половине V века) при посредстве Когурё термина “*пу*” (кит. *фу*), как полагает В. М. Тихонов, эти общины назывались местным словом *пури* (совр.-кор. *поль*) — “равнина”, “территория”, “поселение”. Исследователь предлагает называть такое объединение “простым *чифдомом*” [т. е. простым *вождеством*] [24, с. 43, 48; 8, с. 108].

² 部 кор. *пу*, кит. *бу* — *суш.* ... 3) область, район, округ ... [4, II, с. 776].

Чинхана».³ В середине I в. до н. э. (на месте современного города Кён-джу в современной провинции Северная Кёнсан, что подтверждается археологическими данными [24, с. 43–44]) в результате *синойкизма* шести селений (кор. *чхон*, кит. *цзунь*) возникло сложное вожжество⁴ *Сонаболь* [7, с. 71] (иначе: *Сораболь*, *Соболь* и *Сояболь*).⁵ Данная полиция представляла собой союз шести *чинханских* территориальных общин (др.-кор. *пури*, кор. *пу* — объединения нескольких деревень⁶) [см.: 7, с. 71, 81, 126; 3, с. 57; 7, с. 41, 43]. Судя по размерам владений, системе управления и количеству семей в общинах под данными владениями (кит. *го*, кор. *кук*) понимались “малые государства” [28, с. 80], т. е. *общины–государства*⁷ (ранняя форма государства⁸; исследователи называют их кор. *соньп кукка* — “государства–округа” [28, с. 80], англ. *walled-town states* — досл. “укрепленные города–государства”, “государство, [образовавшееся вокруг] укрепленного города”) [32, р. 41; 26, с. 69; 3, с. 20]. Это объединение контролировало плодородную Кёнджускую равнину в долине реки Хёнсан-ган [см.: 37, с. 40; 21, с. 28–29; 7, с. 41–42; 8, с. 108]. В. М. Тихонов указывает, что государство Силла вплоть до середины V века представляло собой небольшое политическое образование в виде союза шести территориальных общин (кор. *пу*) Чинхана [23, с. 57]. Таким образом, речь идет о начале формирования в середине I в. до н. э. (на основе *сложного вожDESTВА*) общины–государства⁹, ставшей ядром для формирования территориального государства Силла.

Известно, что раннее государство Силла того времени возглавлялось правителем и верховным органом власти — *советом знати*,

³ 「先是 朝鮮遺民 分居 山谷之間 爲 六村... 是爲 辰韓六部。」 [36, л. 31, столб. 8–9; л. 32, столб. 1–2, с. 16, 17]; см.: 7, с. 71; 12, с. 1; 13, с. 40; 14, с. 39; 15, р. 49; см.: 5, с. 58–59; 7, с. 41–42; 17, с. 54; 18, с. 57; 4, с. 165; 19, с. 598].

⁴ В. М. Тихонов и О. С. Курбанов и др. называют это “протогосударственное объединение” “сложным (комплексным) *чифдомом*”, т. е. “сложным *вожDESTВом*” [24, с. 108; 18, с. 58; 20, с. 56].

⁵ 徐那伐 кор. *Сонаболь*; в «Самкук-юса»: 徐羅伐 кор. *Сораболь*, 徐伐 кор. *Соболь*, 徐耶伐 кор. *Сояболь* [7, с. 298, п. 3; 21, с. 29; 22, с. 177; 18, с. 58].

⁶ В. М. Тихонов предлагает называть такое объединение “простым *чифдомом*” [т. е. *вожDESTВом*]. До появления в Силла (в первой половине V века) при посредстве Когурё термина “*пу*” (кит. *фу*), как полагает исследователь, эти общины назывались местным словом *пури* (совр.-кор. *поль*) — “равнина”, “территория”, “поселение” [24, с. 43, 48; 8, с. 108].

⁷ 國 кит. *го*, кор. *кук* — “государство”, или для раннего периода — “город–государство”. — См.: [4, II, с. 684].

⁸ О ранней форме государства (общине–государстве) подробнее см.: [28, с. 149–203].

⁹ Термин 國 кор. *кук* — “страна” здесь следует понимать, как “община”. — См.: [7, с. 299, п. 10; 3, с. 57].

серьезно ограничивающим полномочия правителя [23, с. 57]. Первоначально глава политики назывался *косоган*.¹⁰ «Косоганом чинханцы называли *вана...*» [см.: 7, с. 71; 22, с. 177–178]. Должность *правителя* была выборной — на основе принципа *меритократии* (за особые способности и заслуги [см.: 7, с. 71]) или, в лучшем случае, с практикой постепенного перехода от выборности их к наследованию должности в пределах правящего клана. Так о Паке Хёккосе сказано, что в 57 г. до н. э., «люди шести общин» [7, с. 71] (кор. *пу*¹¹), («старейшины шести родов, каждый с сыновьями и братьями собрались на берегу реки Альчхон»¹²), «почитавшие его из-за удивительного происхождения, с этого времени сделали (кор. *rip*, кит. *ли* — “поставили”¹³ — С. Д.) его князем» [7, с. 71] (кор. *кун* — “правителем”).¹⁴ Таким образом, первый *косоган* был избран общинниками на должность [см.: 3, с. 132; 20, с. 56]. И родом правителей, возглавившим политику Сораболь, стала династия Пак [7, с. 71]. Появление рода Пак свидетельствовало о том, что должность *вождя* и связанные с этой должностью функции управления превращаются в **наследственную привилегию**. Однако это совсем не означает, что должность начинает передаваться по наследству от отца к старшему сыну и т. д. Такого порядка передачи власти еще не существовало [см.: 6, с. 56]. Должность оставалась выборной, но на данную должность мог быть выбран только член данной семейной группы (данного рода — братья, дяди, сыновья, племянники и внуки). И не было определенного порядка престолонаследия [см.: 14, с. 598].

При этом, если проанализировать материалы источников, то обнаружится следующий интересный факт. В начале почти каждого раздела о новом царствовании особо сообщается о происхождении супруги государя. Видимо в древних источниках (материалы которых были использованы в более поздних хрониках) этому придавалось некое, впоследствии утраченное, значение.

¹⁰ См.: [7, с. 71; 21, с. 29; 17, с. 55; 18, с. 58]; 居西干 кор. *косоган* (в «Сам-кук юса»: 居瑟干 кор. *косоган*) — титул вождя союза общин в период «Трех Хан»; частица *ган* или *гам*, несомненно, имеет общность со словом *хан* в тюркских языках [7, с. 298, п. 1].

¹¹ 「六部人... 立爲君焉。」 [36, л. 32, столб. 5-6, с. 17].

¹² 「六部祖各率子弟俱會於闕川岸上。」 [33, с. 42; 14, с. 40; 21, с. 28].

¹³ 「立爲」, где *立* кор. *rip*, кит. *ли* — ...*гл.* Б. ... б) ставить (*кого-л.*) на пост; назначать; возводить в ранг... [4, II, с. 248].

¹⁴ 君 кор. *кун*, кит. *цзюнь* — 1) государь, владетельный князь ... правитель; владыка... [4, II, с. 436].

Первый — *косоган* Пак Хёккосе (57 г. до н. э. — 4 г. н. э.) взял себе в жены (кор. *пи*, кит. *фэй*¹⁵) девушку Арён, чудесного происхождения и с «огромными добродетелями» [7, с. 72]. При этом одно из сказаний, записанных в «Самкук юса», Арён названа родной сестрой Хёккосе [15, с. 31]. «Мудростью своей она могла служить опорой дома, поэтому люди тогда называли их (Хёккосе и Арён — С. Д.) двумя святыми» [7, I, 72] (кор. и *сон* — досл. “двумя мудрецами–государями”).¹⁶ Указание на такую двойственную организацию власти в Сонаболь (*диархии*) в данный период содержится и в речи силлаского посла в Махане — Хогона¹⁷: «С тех пор, как начали править нашей страной две священные особы» [7, с. 73] (кор. и *сон* — досл. “два мудреца–государя”)¹⁸ (Самкук саги, летописи Силла, Хёккосе, 38-й год пр. [20 г. до н. э.]). Чудесное происхождение девушки может указывать на то, что Арён в данной паре должна была выполнять роль *верховой жрицы–правительницы*. На то, что Арён занимала важное место в системе управления, может указывать еще один факт: в 17-м году правления Хёккосе (41 г. до н. э.), «*ван* в сопровождении супруги разъезжал по шести округам (кор. *пу* — С. Д.), побуждая [население] к занятию полеводством и шелководством...» [7, с. 72]. На жреческий характер власти мужчины–правителя в данной паре “мудрецов–государей” должно указывать и чудесное происхождение Хёккосе, а также титул преемника Хёккосе — *чхачхауна* Намхэ: «*Чхачхауна* иногда называют *чхачхуном*. На местном наречии это означало “жрец” так как он служил духам и совершал поминальные жертвоприношения. Затем *чхачхуном* называли и старейшин» [7, с. 74, 299–300, п. 19; 16, с. 59; 22, с. 178; 17, с. 55; 18, с. 58].

После смерти *косогана* Хёккосе (и, видимо, одновременно Арён [?])¹⁹, в 4 г. н. э., «по призванию людей государства», на трон взошел его сын от Арён — Пак Намхэ (4–24 гг.) [11, с. 74–75]. В тексте он обозначен термином “[старший] сын главной жены; наследник, преемник” (кор. *чок-ча*, кит. *дй-цзы*).²⁰ То есть, право на власть получал сын

¹⁵ 妃 кор. *пи*, кит. *фэй* [36, л. 33, столб. 1, с. 17].

¹⁶ 二聖 кор. и *сон* — досл. “два гения”, “два мудреца”, “два государя” [10, л. 33, столб. 2, с. 17]; где 聖 кор. *сон*, кит. *шэн* — 1) гений; мудрец; мудрый [человек] ... 3) император, государь... [4, II, с. 150].

¹⁷ Выходца из Вэ, т. е. Японии. — См.: [7, с. 73].

¹⁸ 二聖 кор. и *сон* — см. выше. [36, л. 34, столб. 10, с. 18].

¹⁹ В 1-й год правления Намхэ (4 г. н. э.), в речи Намхэ сказано: «С тех пор, как покинули страну две священные особы...» [7, с. 75]. Может быть, речь идет о погребении вдовы вслед за покойным государем (?).

²⁰ 嫡子 кор. *чок-ча*, кит. *дй-цзы* — [старший] сын главной жены; наследник, преемник [4, III, с. 266].

главной жены (верховой жрицы). Источник особо выделяет происхождение нового правителя по материнской линии [7, с. 75] и указывает, что Намхэ был *чхачхауном* (*чхачхуном*), т. е. жрецом [7, с. 74, 299–300, п. 19; 17, с. 55; 18, с. 58]. Происхождение его супруги Унчже (второе имя Ару) — не уточняется [7, с. 75].

В царствование верховного жреца-правителя Намхэ начинается возвышение **Сок** Тхальхэ, *японца* по происхождению. Как сказано в «Самгук-саги»: «...родом Тхальхэ происходил из [общины]–государства (кит. *бāн-гó*, кор. *панъгук*²¹ — С. Д.) Тапха-на²² (кор. *Тапха*, яп. *Таба* — С. Д.), расположенного в тысяче *ли* к северо-востоку от государства Вэ...»²³ (кит. *Во*, яп. *Ва* — объединения общин–государств *вожэнь* на Северном Кюсю²⁴) [7, с. 79]. На расстоянии в тысячу *ли* на северо-восток от Северного Кюсю находится Центральная Япония. В связи с этим общину–государство (кит. *бāн-гó*, кор. *панъгук*) Тапха можно попытаться отождествить с Тамба-кунь (областью, расположенной к северу от провинции Ямато). В «Самгук юса» содержатся более подробные сведения о родине Тхальхэ, где он сам о себе рассказывает: «Я родом — человек [из] государства Ён-сон-гук (досл. “государство Драконьего города — крепости”)²⁵ (Ён-сон — “Драконий город” находится [от государства] Вэ на северо-восток [через] тысячу *ли*)».²⁶

Японец Тхальхэ, получивший фамилию Сок [7, с. 80, 301, п. 46], через Кымгван (Куя / Карак / Кая) попал в Силла (в земли у гавани Адольхо в Чинхане) еще маленьким ребенком в царствование Пака Хёккосе.²⁷ Ребенка нашла и воспитала местная женщина. Впослед-

---

²¹ 邦國 кор. *панъгук*, кит. *бāн-гó* — 1) малое и большое государство... 2) государство... [4, II, с. 784].

²² 邦 кор. *на*, кит. *бāн* — *суц.* 1) государство... 2) *ист.* город-государство... [4, II, с. 784].

²³ 「脱解本多婆邦國...生也。其國在倭國東北一千里。初其國王娶倭國王女為妻。」 [36, л. 45, столб. 6–7, с. 23],

²⁴ О них подробнее см.: [17; 19].

²⁵ 龍城國 кор. *Ён-сон-гук* — досл. “государство Драконьего города–крепости” (англ. *Kingdom of the Dragon Castle*. — См.: [30, р. 121, п. 13]). Однако иероглиф 龍 кор. *ён*, кит. *лун* имеет также значения “государь, император; императорский; высочайший” [4, IV, с. 363]. Поэтому название данного политического образования можно перевести также как “Страна государева города”.

²⁶ 「我本龍城國人 (...龍城在倭東北一千里)...」 [33, с. 48-49]. Ср.: [29, р. 121, п. 13; 31, с. 47].

²⁷ В разделе 1-го года правления Хёккосе сказано, что Тхальхэ прибыл в Чинхан в 39-м году пр. (19 г. до н.э.), однако в 57 г. н.э. Тхальхэ было 62 года — это значит, что он родился в 5 г. до н.э. (т.е. на 53-м году царствования Пака Хёккосе) [7, с. 79].

ствии Тхальхэ, поселился в доме²⁸ японца Хогона [7, с. 79, 80, 301, п. 43, 44], также прибывшего в Южную Корею с Японских островов [см.: 28, с. 80] — из страны Вэ (кит. *Во*, яп. *Ва* — объединения общин Северного Кюсю) [см.: 35, с. 123, 202, 203; 33, с. 63] при Паке Хёккосе и назначенного им послом в Махан (в 20 г. до н. э.). Когда Тхальхэ «возмужал, [он] мудростью и знаниями превосходил [остальных] людей» [см.: 7, с. 73]. В 8 г. н. э., «весной, в первом месяце, ван (Намхэ — С. Д.), услышав о мудрости Тхальхэ, выдал за него старшую дочь» — госпожу Ахё [7, с. 76, 79, 80]. Таким образом, Тхальхэ стал зятем правителя Сонаболь. В 7-м месяце 10 г. н. э. «Тхальхэ сделали великим министром (*тэбо*)²⁹ и поручили ему управление делами воинственного государства».³⁰ Несмотря на то, что Сок Тхальхэ не принадлежал к роду Пак (и, более того, не являлся корейцем), так как он был мужем старшей дочери — видимо, наследницы титула верховной жрицы, он (как муж верховной жрицы) получил возможность претендовать на власть в Сонаболь. И это право за Тхальхэ признавал и сам Пак Намхэ: в 24 г. н. э., «перед своей кончиной, Намхэ позвал сына Юри и зятя Тхальхэ и сказал: “По смерти моей остаются две ваши фамилии — Пак и Сок, и старший годами [в ваших родах] должен занять место”» [7, с. 77] главы Сонаболь. То есть, было неважно — получит ли власть родственник по мужской линии из рода Пак или зять из рода Сок — здесь только устанавливалось правило старшинства. В другом разделе «Самкук саги», со ссылкой на предсмертные слова Юри-вана, сообщается: «Завещание прежнего вана (Намхэ в 24 г. н. э. — С. Д.) гласило, что после его смерти место должен унаследовать старший годами и наиболее мудрый, независим от того — сын или зять» [7, с. 80].

При этом, в 24 г. н. э., после кончины Намхэ, *тэбо* Тхальхэ чуть было не взошел на престол. Сын Намхэ — Пак Юри начал «отказываться от места в пользу *тэбо* Тхальхэ из-за известных его добродетелей» [7, с. 77]. Но решением *совета знати* и, видимо, *народного собрания* гражданской общины Сонаболь, правителем стал член рода Пак — *исагым* Юри-ван (24–56 гг.). Как поясняется в «Самкук саги»,

---

²⁸ Дом Хогона располагался под горой Янсан, где впоследствии, в 101 г., возник город Вольсон (на северном берегу реки Намчхон) [7, с. 80, 84, 301, п. 47].

²⁹ 大輔 кор. *тэбо*, кит. *да-фу*; где 輔 кит. *фү* — гл. помогать, содействовать; сущ. ...3) помощник; 4) *ист.* фу (*третий из четырех ближайших советников правителя*); министр [4, III, с. 221].

³⁰ 「七年、秋、七月。以 脱解 為 大輔、委 以 軍國政事。」 [36, л. 39; столб. 7, с. 20]. См.: [7, с. 76, 80].

«*исагым*³¹ — слово местного происхождения, обозначавшее избрание по возрасту», «место занимал старший годами» из этих родов [7, с. 77]. Иное не имело значения. Даже дети правящего монарха не имели в этом никаких преимуществ. Однако власть *исагымов* (*нисагымов*) не была наследственной в полной мере. На *совете знати* принималось решение либо о передаче власти наследнику, либо об избрании нового *исагыма* (*нисагыма*) [11, с. 56; 18, с. 59].

Поэтому в 57 году, «осенью, в девятом месяце, *ван* (Юри — С. Д.), будучи нездоров, позвал чиновных слуг и сказал: “[Сок] *Тхальхэ* плотью принадлежит к царственной родне и на положении министра неоднократно имел выдающиеся заслуги, и два моих сына по своим способностям [несравнимо] далеки от него, поэтому после смерти моей возведите его (*Тхальхэ*) на великое место, не нарушая [этого] моего завещания”» [7, с. 79]. Так как, по завещанию Намхэ 24 г. н.э., правителем должен стать «старший годами и наиболее мудрый, независимо от того — сын или зять», то «перед своей смертью Юри сказал: “...И таким образом, раньше взошел я, но теперь должно передать место ему (*Тхальхэ*)» [7, с. 80]. В результате, в 57 г. н.э. в Сонаболь к власти пришел выходец с Японских островов — *исагым* Сок *Тхальхэ* (*Тхархэ*, 57–79 гг.)³², который имел право на трон, будучи мужем старшей дочери (видимо, наследницы титула верховной жрицы) покойного правителя Намхэ (4–24 гг.). Он стал основателем династии Сок государства Силла [см.: 35, с. 123, 202, 203; 33, с. 63].

В царствование Сок *Тхальхэ* (57–80 гг.) происходит возвышение рода Ким, который ведет свое происхождение с 65 г. н.э.³³ от Ким Альджи (которого поддерживали оба выходца с Японских островов — *Тхальхэ* и *Хогон*), в связи с чем название общины-государства Сонаболь было изменено на Керим [7, с. 81; 13, с. 52]. Однако женщины рода Ким были связаны происхождением с *кальмунваном* Хору из рода Пак (по одной версии, супруга Юри-вана [3-го], а также супруга Пхачжа-вана [5-го] — были дочерьми Хору [см.: 7, с. 77, 82]). Чудесное происхождение Ким Альджи может указывать на то, что

---

³¹ 尼師今 кор. *исагым* / *нисагым* или 尼叱今 кор. *ичжильгым* (齒叱今 в «Самкук юса») — Ли Бёндо считал, что в слове *исагым* часть *иса* понимается как “соединение, продолжение, наследование”, а последний слог *гым* (今), подобно *ган* (干) или *гам* (邯) в слове *косоган*, следует рассматривать как вежливое обозначение вождя [7, с. 300, п. 31]; см.: [11, с. 56; 18, с. 59].

³² [11, с. 301, п. 43]. Подробнее о Сок *Тхальхэ* см.: [19, с. 82–84].

³³ В «Самкук юса» указан 60 г. («3-й год *Юн-пин*, 57-й год цикла — год *кёнсин*») [33, с. 51]; см.: [25, с. 52; 9. I, с. 156].

женщины рода Ким, ведущие от него свою родословную — должны были быть *жрицами*.

После смерти Сок Тхальхэ в 80 г. н. э. должность главы Сонаболь перешла ко второму сыну Пак Юри (или его племяннику)³⁴ — *исагым* Пак Пхачжа (80–112 гг.). Несмотря на то, что Пхачжа не являлся старшим сыном Юри (или вообще приходился ему племянником) — именно он был избран в *совете знати* на должность главы государства: «Когда скончался Тхальхэ, сановники хотели возвести наследника (т. е. старшего сына — С.Д.) Юри — Ильсона, но некоторые стали говорить, что, хотя Ильсон и является старшим сыном, но ни энергией, ни пониманием не может сравниться с Пхачжа, поэтому возвели последнего». Супругой Пхачжа была Сасон из рода Ким, дочь Хору [7, с. 82] из рода Пак [7, с. 77].

В 112 году к власти пришел старший сын Пхачжа-вана — *исагым* Пак Гима (112–134 гг.), рожденный женщиной из рода Ким (Сасон, дочерью Хору), а супругой стала другая женщина из рода Ким (по имени Эре, правда, из другой семьи рода Ким — дочери *кальмунвана* Мачже) [7, с. 86].

В 134 году Гима умер, не оставив наследников. К власти пришел (отстраненный в 80 г. н. э. *советом знати* от наследования власти) *исагым* Пак Ильсон (134–154 гг.) — старший сын Юри-вана (24–57 гг.) (или по другой версии — сын *кальмунвана* Ильчжи, который, по основной версии «Самкук саги», был отцом жены Юри-вана [см.: 7, с. 77], т. е., в этом случае, Ильсон приходился братом жене Юри-вана [7, с. 88]) [7, с. 82]. Супругой Пак Ильсона являлась женщина (ее имя не называется) из рода Пак [7, с. 88]. Таким образом, правители рода Пак стали брать жен из своего же рода Пак, т. е. род в брачных связях оказался замкнут на себя, а традиция брать жен из рода Ким прекратилась. Это правило повторилось и в царствование старшего сына Ильсона — *исагима* Пак Адалла (154–184 гг.) — его жена по имени Нэре происходила из рода Пак [7, с. 91]. Пак Адалла умер, не оставив наследника — поэтому династия Пак прервалась [7, с. 93].

В 184 году к власти пришла династия Сок: так как у Адалла «не было сына люди государства возвели Польхю» (184–196 гг.) из рода Сок, явно жреца, судя по способностям. *Исагым* Сок Польхю был внуком Сок Тхальхэ (57–80 гг.), сыном — Кучху (сына Тхальхэ); мать — Чичжин Нэре происходила из рода Ким; жена не указана [7, с. 93].

---

³⁴ «Некоторые называют (Пхачжа — С.Д.) сыном Нэно, младшего брата Юри» [7, с. 82].

Роду Сок в большей степени были свойственны *эндогамные* тенденции: характерен, например, обмен двоюродными и троюродными сестрами и племянницами между линиями сыновей Польхю [6, с. 58]. Сыновья Польхю — старший сын Кольчон и Имэ (2-й сын) умерли раньше отца. Среди внуков Польхю — Нэхэ (сын Имэ) был старше Чоби (сына Кольчона), поэтому новым правителем стал *исагым* Сок Нэхэ (196–230 гг.). Матерью Нэхэ была женщина по имени Нэре (то ли из рода Пак, то ли из рода Ким — происхождение не указано). Супругой Нэхэ (имя не названо) стала его двоюродная сестра — младшая сестра Сок Чоби (сына Сок Кольчона и госпожи Окмо из рода Ким) [7, с. 98].

В 239 году, «перед смертью *ван* (Нэхэ — *С. Д.*) оставил завещание, чтобы [его] зять Чоби унаследовал его место» [7, с. 98]. В результате, затем правил второй внук Польхю (сын Кольчона) — Сок Чоби (230–247 гг.), двоюродный брат Нэхэ. Мать Чоби — госпожа Окмо из рода Ким. Женой Чоби была его двоюродная племянница — Анхе (дочь Нэхэ) из рода Сок. Таким образом, Чоби являлся также и зятем Нэхэ [7, с. 98].

В 247 году к власти пришел родной младший брат Чоби (по матери — госпоже Окмо из рода Ким) — Сок Чхомхэ (247–261 гг.). Жена не указана [7, с. 100].

Чхомхэ, в 261 году, «зимой, 28-го числа двенадцатого месяца, *ван* внезапно заболел и скончался» [7, с. 101]. «Так как у Чхомхэ не было сына, люди страны (т. е. общинники — *С. Д.*) возвели Мичху, и с этого началось правление страной родом Ким» [7, с. 101–102]. На трон вступил зять *вана* Чоби — *исагым* Ким Мичху (261–284 гг.) — прямой потомок Ким Альчжи (второй пол. I в. н. э.). Его женой была «госпожа Чомён из рода Сок, дочь *вана* Чоби». Мать относилась к роду Пак [7, с. 101].

Однако в 284 году к власти возвращается династия Сок — на трон вступил старший сын Чоби-*вана* (230–247 гг.) — *исагым* Сок Юре (284–298 гг.), чья мать была из рода Пак. Жена не указана [7, с. 103]. Затем правил внук (по другой версии — правнук) Чоби-*вана* — *исагым* Сок Кирим (298–310 гг.). Указано только имя отца (Кольсук), сведения о матери и жене отсутствуют [7, с. 105].

Последним правителем династии Сок стал *исагым* Сок Хыльхэ (310–356 гг.) — внук Нэхэ-*вана* (196–230 гг.). Его матерью была «госпожа Мёнвон, дочь *вана* Чоби» [7, с. 106]. Как сказано в «Самкук саги», Хыльхэ умер, «не оставив сыновей». Династия Сок превалась [7, с. 109].

Поэтому в 356 году к власти пришел зять и, одновременно, племянник *вана* Ким Мичху (261–284 гг.) — *исагым* (по «Самкук юса» — *марипкан* [7, с. 307, п. 1; 17, с. 57; 18, с. 59–60]) Ким Намуль / Нэмуль (356–402 гг.). Отец Намуля — *коккан* Ким Мальгу был братом Мичху, мать — Хоре из рода Ким, а жена Намуля (имя не указано) являлась дочерью Ким Мичху (т. е. она приходилась двоюродной сестрой Намулю) [7, с. 109]. Намуль установил в государстве потомственную монархию с династией Ким во главе [см.: 14, с. 180; 8, с. 109], упразднив древнюю систему передачи власти, когда страной правили поочередно члены трех главных кланов (Пак, Сок и Ким). В V веке окончательно утвердилась система передачи власти от отца к сыну [30, р. 44; 23, с. 81; 18, с. 60]. *Ваны* из рода Ким вовсе не обязаны были жениться только на представительницах своего рода, но, когда род Ким стал безраздельно занимать престол, это стало почти правилом [6, с. 59].

Таким образом, как сказано в «Самкук саги», в период раннего Силла (I–IV вв.) место правителя Сонаболь «занимал старший годами из трех фамилий» (Пак, Сок и Ким) [см.: 7, с. 77; 23, с. 80–81; 8, с. 109; 18, с. 59]. При этом уже автор «Самкук саги» отметил особенности брачных отношений в правящем слое раннего Силла: «Что касается Силла, то там [дело] не ограничивалось только тем, что брали [в жены] однофамильных; браки заключались даже между детьми родных братьев, а также между [двоюродными] братьями и сестрами по отцовской и материнской линии» [7, с. 109]. Некоторые ученые считали, что такие брачные обычаи были «пережитком более примитивного группового брака и служат несомненным свидетельством догосударственной стадии развития Силла» [7, с. 307, п. 5].

Попробуем разобраться. Видимо, вступление в брак с сестрами, двоюродными сестрами и племянницами говорил не о сохранении пережитков «примитивного группового брака догосударственной стадии развития Силла» (так как I–IV века в истории Силла признаются современными исследователями периодом ранней государственности [см.: 23, с. 40–41, 43, 44; 23, с. 80; 17, с. 43]), а о чем-то другом. Как мы видим, в период правления в Сонаболь династий Пак, Ким и Сок шла борьба *патрилинейного* (от отца к сыну) и *матрилинейного* (родственникам по материнской линии) принципов передачи власти.

Ситуация, когда правители вступали в браки со своими сестрами, племянницами, тетками и т. п. (и это было характерно только для царского рода) на Древнем Востоке хорошо известна в Египте и Хеттском государстве [см.: 26, с. 92–94; 2, с. 108–110], а также в древ-

ней Японии [16; 17; 20]. Наличие подобной ситуации с передачей власти можно предполагать в древнем Китае [18], Греции, Риме и в древнерусском государстве. Как показали исследования ученых, подобное положение складывается на самых ранних этапах возникновения государства в связи с борьбой правителя против ограничения их власти органами управления общины (прежде всего, советом знати), то есть политической борьбой за власть, которая принимает форму борьбы вокруг вопроса о престолонаследии [см.: 26, с. 92; 2, с. 108].

Первоначально наследование в Египте и у *хеттов* шло по *матрилинейному* принципу — это было связано с тем, что права на трон мужчина получал, вступая в брак с жрицей–правительницей. В результате этого клан правителя оказывался организован по принципу *материнского* рода: дети по матери власти не имели, так как считались боковой ветвью, а власть должна была переходить или к племяннику правителя (сыну сестры, наследовавшей титул своей матери–жрицы), либо к брату (по матери), либо к дяде (брату матери). В этой ситуации верховная власть в государстве была привилегией только членов клана правителя — представители других кланов на власть претендовать не могли. Но внутри “царского” клана, кроме вышеуказанных кандидатов, на трон могли претендовать и другие члены правящего клана: сын правителя, брат жены правителя (шурин), зять правителя (муж дочери — наследницы титула жрицы), внук правителя (сын дочери — наследницы титула жрицы). А если на троне оказывался брат или сын жрицы, то к претендентам добавлялись племянник правителя, муж сестры правителя, внук сестры правителя, зять сестры правителя. При отсутствии определенной очередности их права у всех были одинаковы, следствием чего неизбежно являлась кровавая борьба претендентов: каждый старался уменьшить число соперников самым простым способом — убив. Такая ситуация была очень выгодна общинной знати: во-первых, знать выбирает правителя (в совете знати); во-вторых, если кто-нибудь вступит в брак с жрицей–правительницей или ее дочерью — наследницей титула, то он может претендовать на трон [26, с. 93; 2, с. 109].

В борьбе *матрилинейного* и *патрилинейного* принципов передачи власти в ситуации с жрицей–правительницей *патрилинейный* принцип побеждал только в случае, если устанавливался порядок наследования трона сыном правителя от жрицы–правительницы и лишь при отсутствии его — мужем дочери–наследницы титула жрицы–правительницы. В Древнем Египте и Древнехеттском государстве победил именно такой принцип [26, с. 93–94; 2, с. 109–110].

Политическая борьба общинной знати и правителя завершилась победой *патрилинейного* принципа, но в своеобразной форме — *матрилинейность* осталась, но она оказалась завуалирована: внутри дома правителя власть переходила от отца к сыну главной жены монарха, а если такого нет, то к сыну другой из жен правителя. В этой ситуации, однако, сын-наследник являлся одновременно племянником отца (если правитель вступал в брак с сестрой) или зятем своего предшественника (при браке с другими представительницами женской линии наследования). Причем, это было характерно только для царствующего дома. При таком порядке дом правителя получал следующие выгоды: 1) полностью исключалась возможность вмешательства в престолонаследие со стороны знати; 2) невозможно было оспорить права сына правителя на трон. Таким образом, данная ситуация с наследованием власти являлась компромиссом между *матрилинейным* и *патрилинейным* принципами в борьбе за власть монарха против общинной знати [см.: 26, с. 94; 2, с. 110].

Как мы видим из анализа материалов источников, в раннем Силла прослеживаются разные этапы борьбы вокруг вопроса о престолонаследии: начиная с браков близких родственников (для того чтобы власть оставалась внутри рода правителей) и получение права на власть в результате брака с женщиной из правящей династии (предположительно, верховной жрицей или наследницей данного титула), с тенденцией перехода к *патрилинейному* принципу передачи власти с сохранением *матрилинейности* в завуалированной форме. Полностью *патрилинейность* победит уже в более позднее время.

Список использованной литературы

1. Бутин Ю. М. Корея: от Чосона к Трем государствам. Новосибирск: Наука, 1984. 256 с.
2. Воробьев М. В. Древняя Корея. М.: Изд-во вост. лит. 146 с., илл.
3. Воробьев М. В. Корея до второй трети VII века. СПб.: Петерб. Востоковедение, 1997. 432 с.
4. Большой китайско-русский словарь. М.: Наука, 1983. Т. I–IV.
5. История Кореи. М.: Наука, 1974. Т. I. 470 с.
6. История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А. В. Торкунова. М.: РОС-СПЭН, 2003. 430 с.
7. Ким Бусик. Самкук саги. М.: Изд. вост. лит., 1959. Т. I. 589 с.: ил.
8. Конрад Н. И. Япония: народ и государство. Пг., 1923. 168 с.
9. Корейские предания и легенды из средневековых книг / Пер. с ханмуна. М.: Худ. лит., 1980. 286 с.

10. Курбанов С. О. История Кореи. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. 680 с.
11. Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. 626 с.
12. Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС»», 2000. 464 с.
13. Пак М. Н. История и историография Кореи. М.: Вост. лит., 2003. 911 с.
14. Пак М. Н. Очерки ранней истории Кореи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 240 с.
15. Предание о Хёккосе — основателе государства Силла // Троцевич А. Ф. Миф и сюжетная проза Кореи. СПб.: Петерб. Востоковедение, 1996. С. 28–32.
16. Суровень Д. А. Брачные связи государя Ё-садзакки (Нинтоку) и внутриполитическая борьба в Ямато в конце 10-х — первой половине 20-х годов V века // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. Вып. 12. 2012. № 12 (266) С. 87–102.
17. Суровень Д. А. Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I век до н. э. — III век н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва — Магнитогорск: Ин-т археологии РАН — МГПИ, 1995. Вып. 2. С. 150–175.
18. Суровень Д. А. Особенности борьбы за власть в период окончания генезиса государства и появления ранней государственности в древнем Китае // Россия — Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников VII Международной научно-практической конференции. Казань: ЯЗ, 2014. С. 312–321.
19. Суровень Д. А. Первые политические объединения в юго-западной Японии в I — середине II веков н. э. и их международные отношения // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 23 (314). Политические науки. Востоковедение. Вып. 14. С. 78–97.
20. Суровень Д. А. Проблема периода “восьми правителей” и развитие государства Ямато в царствование Мимаки (государя Судзина) // Известия Уральского государственного университета: гуманитарные науки. Вып. 2. 1999. № 13. С. 89–113.
21. Суровень Д. А. Ранняя форма государства // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. Курск, 2016. Вып. 16. С. 149–203.
22. Тихонов В. М. История Кореи. М., 2003. Т. I. 464 с.
23. Тихонов В. М. История каяских протогосударств (вторая половина V в. — 562 г.). М.: Вост. лит. РАН, 1998. 256 с.
24. Тихонов В. М. Институт пу в раннем Силла (I–V вв.) // Российское корееведение. М., 2001. Вып. 2-й. С. 40–61.
25. Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М.: Наука, 1987. 384 с.
26. Шилюк Н. Ф. История древнего мира: древний Восток. Свердловск: Изд. Ур. ун-та, 1991. 244 с.

27. *Шилюк Н. Ф.* История древнего мира: древний Восток. Екатеринбург: Изд. Ур. ун-та, 1997. 288 с.
28. *Хан Ёнгу.* История Кореи: новый взгляд. М.: Вост. лит., 2010. 758 с.
29. *Akima Toshio.* The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū's subjugation of Silla / T. Akima // Japanese journal of religious studies. 1993. № 20/2–3. P. 95–185.
30. *Han Woo-keun.* The history of Korea. Seoul: The Eul-yoo publishing company, 1976. 551 p.
31. *Июн.* Samguk Yusa: Legends and History of the Three Kingdoms of Ancient Korea / transl. by Tae-Hung Ha and Grafton K. Mintz. Seoul: Yonsei University Press, 1997. 372 p.
32. *Lee Ki-baik.* A new history of Korea / Transl. by Edward W. Wagner with Edward J. Shultz. Seoul: Ilchokak Publishers, 1984. 474 p.
33. *Ирён 一然.* Самгук-юса 三国遺事. Сеул, 1999. 467 с.
34. *Ирён 一然.* Самгук-юса 三国遺事. Чанша 長沙: Юэлу-шушэ 岳麓書社, 2009. С. 1–507.
35. *Мори Киёто 森清人.* Нихон синси 日本新史. Токио 東京: Кинсэйся 錦正社, 1962. 366 с.
36. Самгук-саги, Силла-понги 三国史記、新羅本記, л. 1–254 // *Ким Бусик.* Самгук-саги. М., 1959. Т. I. С. 1–128.
37. Тонгук тхонгам 東國通鑑, св. 1-й. Токио 東京: Идзумо-дзи сёхаку-дō 出雲寺松柏堂, 1883. Кн. 1-я.
38. *Ким Тхэсик.* Кая в истории Кореи // Koreana spring. 2006. Vol. 2, № 1 // URL: http://www.hongik.ac.kr/~kayakim/openlec/Gaya_foreign/Gaya%20in%20Russian.htm.

**«РЕАЛЬНЫЕ ЗАПИСИ [ПРАВЛЕНИЯ] ИМПЕРАТОРА
КОЧЖОНА» КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ
О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ
РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.**

«Реальные записи [правления] императора Кочжона» (*Кочжон тхэхванчжэ силлок*; 高宗太皇帝實錄), которые одновременно являются и не являются одной из частей летописи «Реальные записи правящего дома Чосон» (*Чосон ванчжо силлок*; 朝鮮王朝實錄), — это один из важнейших документов, содержащих сведения о контактах между Российской Империей и государством Чосон. Несмотря на то, что упоминания о России и русских содержатся и в других частях летописи, именно на правление государя Кочжона (1863–1907) приходится период установления официальных отношений между государствами, в связи с чем именно в «Реальных записях [правления] императора Кочжона» можно отметить наибольшую частоту упоминания России и её подданных. Таким образом, «Реальные записи [правления] императора Кочжона» являются важным источником сведений о восприятии России при дворе корейского монарха и могут проиллюстрировать те или иные решения государя Кочжона и высших сановников государства Чосон. Изучению сведений, содержащихся в данном источнике, и посвящена данная работа.

Целью работы является поиск и анализ сведений о России и русских, содержащихся в «Реальных записях [правления] императора Кочжона». В соответствии с заявленной целью были выделены следующие задачи: провести поиск записей о России и русских в источнике; систематизировать полученные сведения; проанализировать сообщения о России и русских.

Для написания работы были использованы материалы, опубликованные Комитетом по составлению государственной истории (국사편찬위원회). Поиск осуществлялся при помощи электронного каталога, размещенного на сайте комитета [1].

Переходя к основной части работы, следует дать краткую характеристику памятнику, анализу которого она посвящена. «Реальные записи [правления] императора Кочжона» (*Кочжон тхэхванчжэ силлок*; 高宗太皇帝實錄) оцениваются корейскими историками, по-

жалуй, так же неоднозначно, как и личность самого Кочжона. Дело в том, что, несмотря на содержащиеся в них важнейшие сведения, почерпнутые из совершенно реальных источников, которые обычно использовались при составлении и других «реальных записей» (далее в тексте — *силлок*), а также стремлении составителей использовать накопленный за пятивековую историю государства Чосон опыт по их составлению, «Реальные записи [правления] императора Кочжона» обычно не относят к летописи «Реальные записи правящего дома Чосон» (*Чосон ванчжо силлок*; 朝鮮王朝實錄), так как *силлок* Кочжона составлялись после потери Кореей независимости и под контролем японцев.

«Реальные записи [правления] императора Кочжона» посвящены правлению 26-го правителя государства Чосон и первого императора Корейской Империи — Кочжона и описывают 45 лет его непрерывного правления с 1963 по 1907 г.

Стоит отметить, что официальное название памятника состоит из 65 иероглифов (*Ко чжон сун чхон юн ун чо гык тон рюн чжон сон гван ый мён гон тэ док ё чжун сун хви у мо тхан гён ын мён ип ки чжи хва син ёль ве хун хон оп ке ги сон рёк кон хэн кон чжон ён ый хон хю су ган мун хон му чжан ин ик чон хё тхэ хван чже сил рок*; 高宗純天隆運肇極敦倫正聖光義明功大德堯峻舜徽禹謨湯敬應命立紀至化神烈巍勳洪業啓基宣曆乾行坤定英毅弘休壽康文憲武章仁翼貞孝太皇帝實錄), поэтому для удобства его сокращают до вышеобозначенного, либо до используемого для обозначения *силлок* других государей эпохи Чосон — «Реальные записи [правления государя] Кочжона» (*Кочжон силлок*; 高宗實錄).

Памятник состоит из 52 томов, 48 из которых посвящены основному содержанию, а в 4 оставшихся содержится хронологический каталог событий с кратким их описанием. Как и *силлок* следующего императора Корейской Империи — Сунчжона (純宗) (1907–1910), данное сочинение было поручено составлять Управлению [делами] династии Ли (*Иванчжик*; 李王職) — специальному органу при японском генерал-губернаторе Кореи, сформированному после аннексии Кореи Японией на основе Внутредворцовой палаты (*Куннэбу*; 宮内府) Корейской Империи и занимавшемуся всеми делами бывшего правящего дома Корейской Империи (династии Ли). Составление *силлок* двух последних правителей Кореи было решено начать после кончины Сунчжона в апреле 1926 г. За основу взяли сложившуюся за время существования государства Чосон традицию составления *силлок*, в качестве примера активно использовались «Реальные записи [правления государя] Чхольчжона» (*Чхольчжон силлок*; 哲宗實錄).

После принятия решения о составлении *силлок* в 1927 г. был сформирован специальный Отдел по подготовке материалов, в который вошли 10 чиновников и 26 переписчиков. Они приступили к сбору сведений, необходимых для написания *силлок*. Работа по поиску и выписке необходимых для их составления материалов из Ежедневных записей (*Ильсоннок*; 日省錄), Записей секретариата государя (*Сынчжонвон ильги*; 承政院日記) и других источников заняла 3 года. Всего было скопировано 245 356 листов записей из 2 455 книг. После этого все материалы были переданы в специальный Отдел по составлению *силлок* Управления [делами] династии Ли.

На первом этапе во главе отдела встал японец и замглавы управления Синода Чисаку (篠田治策) (1872–1946), однако после того, как в июле 1932 г. он был назначен главой управления, его место занял кореец Ли Хангу (李恒九) (1881–1945), находившийся до этого на должности главы Департамента церемоний (*Есикквва*; 禮式課). Однако данные лица руководили созданием *силлок* двух государей лишь номинально. Реально процессом руководил профессор Императорского университета Кэйдзэ (*Кёнсон чэзук тэхак*; 京城帝國大學) Ода Шого (小田省吾) (1871–1953), официально числившийся в отделе редактором.

Стоит отметить, что в Отделе по составлению *силлок* было три подотдела: Подотдел сбора материалов, Подотдел составления и Подотдел редактирования, в каждом из которых кроме постоянных членов были еще помощники и секретари. Подотдел сбора материалов занимался исследованием различных исторических и административных документов, а также проверкой подлинности изложенных в них сведений, в том числе и со слов, связанных с ними лиц. Подотдел составления упорядочивал полученные материалы в соответствии с историческим принципом и формировал рукопись, которую обсуждал и уточнял Подотдел редактирования, откуда уже выходил окончательный текст *силлок*. Последний отдел также отвечал за внесение исправлений во время печати получившегося текста.

В июне 1934 г. составление *силлок* было завершено, и в марте следующего года были изданы апографы в количестве 200 штук. 40 копий вместе с оригиналом были помещены в библиотеку управления, а оставшиеся копии были переданы в связанные с ним структуры. Всего в создании «Реальных записей [правления] императора Кочжона» приняли непосредственное участие 33 человека, большинство из которых — 21 человек, были корейцами, а оставшиеся 12 — японцами [2].

Как уже было сказано выше, во время составления *силлок* члены отдела отталкивались от техники их составления, сформировавшейся за время существования государства Чосон, в качестве примера использовались «Реальные записи [правления государя] Чхольчжона» (Чхольчжон *силлок*; 哲宗實錄).

Согласно сложившейся традиции, каждый из томов летописи обычно охватывает период в один год. Однако есть и такие, которые рассказывают о периоде в 6 и менее месяцев. В начале процесса составления «Реальных записей [правления] императора Кочжона» также было принято решение посвящать по одному тому каждому году правления правителя, однако для 1894, 1897, 1898 и 1905 гг. событий, которые необходимо было отразить в *силлок*, набралось так много, что пришлось издавать к ним дополнительные тома. В результате, число томов выросло до 48.

Обычно анналы правителя начинается с общих сведений о нем — его фамилии, личном имени, именах его родителей, дате рождения, детстве, образовании и присвоении звания наследного принца. В случае, если будущий правитель был усыновлен, то присутствуют сведения о его родителях и процессе усыновления. В главной части текста помещали описание событий и пояснения летописца. Они находятся в хронологическом порядке.

Сама организационная схема текста в *силлок* очень проста. В начале каждого тома помещалась пометка «*силлок* государя ○○ том № ○○» (○○大王實錄 卷之○○), после чего указывалась дата записи, а далее располагался текст. В «Реальных записях [правления] императора Кочжона» в начале тома помещается пометка «*силлок* императора Кочжона том № ○○» (高宗太皇帝實錄卷之○○). Сам текст записывался крупными символами без разбивки. Пространство в один символ оставлялось после упоминания имени правителя. Кроме того, после упоминания действий, совершенных самим монархом, новая запись начиналась с нового столбца. Однако в рассматриваемом нами памятнике есть интересная особенность: даты в нем записаны не в соответствии с китайской системой ганьчжи (干支), как было принято ранее, а по-новому, цифрами, как было принято в Японской Империи.

Содержание основного текста *силлок* весьма разнообразно и включает в себя биографии монархов и некоторых государственных чиновников, сведения о дипломатических отношениях и военных конфликтах, процессе обсуждения государственных дел и проведения церемоний, данные об астрономических явлениях и стихийных бедствиях, сведения о законах и указах, статистиче-

ские данные о налогообложении и исполнении трудовой повинности, информацию о территории государства и народных движениях, а также петиции государю и прочие материалы.

Тексты *силлок* формировались уже после смерти монарха, поэтому в самом конце помещалось приложение, где содержались записи, восхваляющие жизнь почившего государя и выражающие скорбь по поводу его смерти: список деяний (行狀), запись о процедуре выбора его храмового имени (諡狀), скорбный стихотворный текст (哀冊文) и эпитафия (陵誌文) [3].

Для рассматриваемого нами источника также характера еще одна особенность — для него отдельно было составлено содержание, в котором в хронологической последовательности изложен краткий пересказ для каждого из дней правления императора Кочжона. Объем данного приложения составил 4 тома.

Таким образом, «Реальные записи [правления] императора Кочжона» являются выдающимся письменным памятником, имеющим ряд особенностей, отличающих его от других *силлок* государей династии Ли. А информация, содержащаяся в них, позволяет окинуть единым взором исторический период в 45 лет правления государя Кочжона во время которого произошли драматические события, связанные с установлением общей границы и официальных дипломатических отношений между государством Чосон и Российской Империей, а также стремительный рост и столь же быструю потерю влияния России в Корее.

В «Реальных записях [правления] императора Кочжона» Россия упоминается, главным образом, под названием «Араса» (俄羅斯) или «Агук» (俄國) — именно так именовали нашу страну в Китае. Араса появляется в *силлок* 32 раза начиная с 1864 по 1902 гг., а Агук — 54 раза с 1870 по 1904 гг.

Записи, посвященные «Араса» и «Агук», имеют либо негативный, либо нейтральный характер. Большая часть статей, где к России относятся настороженно или с опаской, встречается в период с 1864 по 1884 гг. — вплоть до прибытия в Корею К. И. Вебера.

Вплоть до конца 1860-х гг. русские неоднократно пытаются установить торговые отношения с приграничными корейскими поселениями, что было вызвано насущной необходимостью обеспечивать расквартированные в приобретенном Южно-Уссурийском крае войска. Уже в первый год после восшествия на престол (1864 г.) на имя государя приходит доклад от *камса* провинции Хамён Ли Ювона (李裕元) о том, что в донесении от начальника окружного присут-

ствия Кёнхына (慶興府使) Юн Хёпа (尹暎), сообщается о появлении на границе странных людей. Сам Юн, услышав от подчиненных доклад о появлении людей на противоположном берегу реки Туманган, поспешил посмотреть на них своими глазами. В сообщении говорится, что Юн увидел пятерых людей и одну лошадь на льду реки. Далее Юн передает, как выглядели незнакомцы, и в них мы без труда можем узнать русских: «Глаза глубоко посаженные, переносица высокая, радужка цвета яшмы, волосы красноватые и короткостриженные, на головах у них шапки из черного материала, надвинутые до бровей, похожие по форме на железные чашки для риса» [4]. Пришедшие русские попытались передать корейцам письмо с просьбой начать совместную торговлю. После этого тревожные упоминания о русских начинают появляться в *силлок* каждый год.

В 1970-е гг. характер сообщений меняется. Появляется все больше упоминаний о бегстве корейских крестьян в Россию. К примеру, в указе государя 1970 г., предназначенного жителям провинции Хамгён, есть такие слова: «В последние годы, не ясно почему, из-за жестокого голода, или непосильных трудовых повинностей, несмотря на категорический запрет, людей, бежавших в Россию, невозможно сосчитать, сколько сотен, сколько тысяч» [5].

Видимо, настойчивые попытки русских завязать торговые отношения с одной стороны и бегство крестьян на российскую территорию — с другой, не способствовали становлению положительного образа Российской Империи при дворе Кочжона, потому что в конце 1970-х и начале 1980-х гг. появляется целый ряд записей, повествующих об опасностях, которые несет Россия для северных границ страны (1879 г.) [6], для Китая (1980 г.) [7] и Японии (1981 г.) [8]. Именно в этот период русские трижды — в 1877, 1881 и 1882 гг. — называются «русскими варварами» (*ai*; 俄夷). Возможно, в становлении такого имиджа России сыграли свою роль и соседи Кореи — Китай и Япония, активно вмешивающихся в ситуацию в Корею ради достижения своих внешнеполитических целей.

Однако тон сообщений начинает меняться вслед за прибытием в 1884 г. в Корею К. И. Вебера (1841 — 1910), а также, возможно, благодаря содействию графа П. Г. фон Мёллендорфа (1847 — 1901), который в 1885 г. даже упоминается в одном сообщении, связанном с Россией [9]. Целый ряд статей *силлок* сообщают о соперничестве между Российской и Английской Империями, имевшем место в тот период. Кроме того, начиная с 1885 по 1896 гг. в *силлок* упоминается о 12 встречах Кочжона с К. И. Вебером, половина из которых была организована только для Вебера, а в оставшихся принимали участие

и послы других стран. Как известно, активность японцев в Корее и дипломатический талант К. И. Вебера в результате приводят Кочжона в здание дипломатической миссии Российской Империи в Сеуле, о чем также есть сообщение в *силлок* [10].

После К. И. Вебера ни один российский дипломат не удостоивался такого внимания со стороны Кочжона. Более того, можно наблюдать постепенное падение влияния России на Корею, что выражается, к примеру, в отзыве русского главного советника министерства финансов Кореи К. А. Алексеева и отправке русских военных советников обратно в Россию в 1898 г. [11].

После возвращения корейского государя во дворец и вплоть до начала Русско-японской войны 1904 — 1905 гг. тон сообщений остается довольно спокойным. Однако, именно с этого периода Россия начинает упоминаться не только как Араса или Агук, но еще и под именем Ногук (露國) — именно так Россию называли в то время в Японии. Всего в тексте *силлок* Ногук упоминается 12 раз с 1896 по 1906 г. Кроме этого, есть одно упоминание «Носоа» (露西亜) (1905 г.) — это иероглифическая транскрипция слова Россия, которую также использовали в Японии.

Особого внимания заслуживают сообщения, рассказывающие об экономических интересах России в Корее — передачи лесов и рудников в концессию, разрешение русским торговать на определенной территории и передача земли в аренду. Всего насчитывается 4 подобных сообщения, датированных 1896 (2), 1899 и 1900 гг.

В то же время, ряд сообщений показывают бурное соперничество, развернувшееся между Россией и Японией за Корею. К примеру, есть сообщения о подписании всех трех российско-японских соглашений (2 в 1896 и 1 в 1898 г.) по которым устанавливалось равенство в степени присутствия России и Японии в Корее.

Как известно, соперничество это закончилось победой Японии благодаря выигранной ею Русско-японской войне 1904–1905 гг. И, если в начале войны в *силлок* помещается сообщение о нейтралитете Кореи (1904 г.) [12], то логичным результатом ее становится упоминание в *силлок* содержания 2-й статьи Портсмутского договора, доведенного до сведения Кочжона японским чрезвычайным и полномочным посланником Комура Дзютаро (小村壽太郎) (1855–1911) [13]. Особенно показательным в этой связи, на наш взгляд, является то, что в сообщении об объявлении нейтралитета Россия называется Агук, а в упомянутом сообщении о содержании статьи Портсмутского договора, непосредственно касающегося Кореи, она уже зовется исключительно как Ногук и Носоа. Эти сообщения ярко

иллюстрируют тот водораздел в отношениях между Россией и Кореей, который был пройден во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Ну и, наконец, в финале, уже в 1906 г. мы видим единственное упоминание России в статье, словно сошедшей со страниц криминальной хроники — трое русских с переводчиком гуляли по Сеулу и без разрешения проникли на территорию дворца Кёнбоккун [14]. Это сообщение словно показывает нам, что после 1905 г. русские уже не являются желанными гостями в Корее.

Таким образом, «Реальные записи [правления] императора Кочжона» являются прекрасным источником для иллюстрации становления и развития отношений между Россией и Кореей во второй половине XIX и самом начале XX вв. По нашим подсчетам Россия и русские упоминается в них всего в 98-ми статьях — в 32-х как Араса, в 54-х как Агук, в 4-х как ай, в 12-ти как Ногук и в 1-й как Носоа, при этом в тексте некоторых статей Россия и русские могут называться с использованием нескольких из представленных выше названий. Дальнейшее исследование и анализ статей, содержащих упоминания о России и русских в «Реальных записях [правления] императора Кочжона», в том числе с применением количественных и качественных методов, может внести весомый вклад в изучение русско-корейских отношений в момент их становления.

Список использованной литературы

1. 조선왕조실록 (Реальные записи правящего дома Чосон). [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr> (дата обращения: 22 мая 2017 г.)
2. 제26대 고종실록 (Реальные записи [правления] 26 [вана] Кочжона) [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/intro/haejae.do> (дата обращения: 22 мая 2017 г.)
3. Veritable Records Of The Joseon Dynasty. [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/intro/english.do> (дата обращения: 22 марта 2017 г.)
4. 고종실록 1권, 고종 1년 2월 28일 기해 5번째기사 (1 том Реальных записей [правления вана] Кочжона, 1 год [правления вана] Кочжона 2 месяц 28 день кихэ 5 статья). [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_10102028_005 (дата обращения: 22 мая 2017 г.)
5. 고종실록 13권, 고종 13년 8월 9일 丁酉 1번째기사 (13 том Реальных записей [правления вана] Кочжона, 13 год [правления вана] Кочжона 8 месяц 9 день чонгю 1 статья). [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/id/wza_11308009_001 (дата обращения: 22 мая 2017 г.)

6. 고종실록 16권, 고종 16년 5월 15일 戊子 3번째기사 (16 том Реальных записей [правления вана] Кочжона, 16 год [правления вана] Кочжона 5 месяц 15 день мучжа 3 статья). [Электронный ресурс] URL: [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/id/wza_11605015_003 (дата обращения: 22 мая 2017 г.)
7. 고종실록 17권, 고종 17년 8월 28일 甲子 1번째기사 (17 том Реальных записей [правления вана] Кочжона, 17 год [правления вана] Кочжона 8 месяц 28 день капча 1 статья). [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/id/wza_11708028_001 (дата обращения: 22 мая 2017 г.)
8. 고종실록 18권, 고종 18년 3월 23일 乙酉 4번째기사 (18 том Реальных записей [правления вана] Кочжона, 18 год [правления вана] Кочжона 3 месяц 23 день ылью 4 статья). [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/id/wza_11803023_004 (дата обращения: 22 мая 2017 г.)
9. 고종실록 22권, 고종 22년 4월 3일 辛未 2번째기사 (22 том Реальных записей [правления вана] Кочжона, 22 год [правления вана] Кочжона 4 месяц 3 день синми 2 статья). [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/id/wza_12204003_002 (дата обращения: 22 мая 2017 г.)
10. 고종실록 34권, 고종 33년 2월 11일 陽曆 1번째기사 (34 том Реальных записей [правления вана] Кочжона, 33 год [правления вана] Кочжона 2 месяц 11 день яннёк 1 статья). [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/id/wza_13302011_001 (дата обращения: 22 мая 2017 г.)
11. 고종실록 37권, 고종 35년 3월 24일 陽曆 2번째기사 (37 том Реальных записей [правления вана] Кочжона, 35 год [правления вана] Кочжона 3 месяц 24 день яннёк 2 статья). [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/id/wza_13503024_002 (дата обращения: 22 мая 2017 г.)
12. 고종실록 44권, 고종 41년 5월 18일 陽曆 3번째기사 (44 том Реальных записей [правления вана] Кочжона, 41 год [правления вана] Кочжона 5 месяц 18 день яннёк 3 статья). [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/id/wza_14105018_003 (дата обращения: 22 мая 2017 г.)
13. 고종실록 46권, 고종 42년 9월 5일 陽曆 3번째기사 (46 том Реальных записей [правления вана] Кочжона, 42 год [правления вана] Кочжона 9 месяц 5 день яннёк 3 статья). [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/id/wza_14209005_003 (дата обращения: 22 мая 2017 г.)
14. 고종실록 47권, 고종 43년 12월 10일 陽曆 2번째기사 (47 том Реальных записей [правления вана] Кочжона, 43 год [правления вана] Кочжона 12 месяц 10 день яннёк 2 статья). [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/id/wza_14312010_002 (дата обращения: 22 мая 2017 г.)

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ (КИМ) И КОРЕЙСКИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В 1920-Е ГОДЫ

Корейское молодежное движение в 1920-е годы в российской и в зарубежной историографии является малоизученной темой. В данной статье впервые вводятся в оборот новые документы и материалы российских архивов о корейском молодежном движении, представлен анализ структур различных молодежных организаций, в том числе первых комсомольских организаций в Корее, Маньчжурии, Японии и России. Основные цели и задачи молодежных организаций были направлены не только на борьбу против колониального господства Японии, одной из главных задач корейской молодежи была просветительская деятельность, направленная на искоренение корейских традиционных устоев, борьба за равноправие в обществе и в семье.

В южнокорейской историографии, в частности, в публикациях, посвященных истории Кореи, переведенных на русский язык, авторами которых являются Ли Ги Бэк [3], Хан Ёнъу [9], Кан Ман Гиль [2] и др., молодежному движению не отдается должного внимания, их повествование занимает не более одной-двух страниц, тем не менее, отмечается, что авангардом движения за независимость была корейская молодежь.

В публикации «История корейского движения за независимость» [1] в главе «Развитие народного движения», молодежному движению посвящены два раздела: «Молодежные движения» и «Студенческое движение», где перечислены названия молодежных организаций, без анализа их деятельности. Авторы этой публикации отдают должное роли и значению молодежных организаций, однако, не так подробно, как это было в реалиях.

Можно также согласиться с корейскими авторами, что именно после Первомартовского движения, с подъемом национального и общественного сознания нации, японские власти пришли к выводу о необходимости послабления своего режима и решились на политику умиротворения. После этого появилась ограниченная свобода слова, печати, собраний и объединений. Повсеместно стали возникать народные движения, такие как движение рабочих, крестьян,

молодежи, студентов, женское движение и др. Все эти организации ко второй половине 1920-х годов позволили сформировать рамки национального взаимодействия, благодаря чему увеличилась роль корейского национального движения. Южнокорейские исследователи именуют этот период — «веком народных движений».

На наш взгляд, в корейской историографии роль молодежного движения в 1920-х годах незаслуженно замалчивается, отодвигается на задний план. Однако изученные архивные материалы доказывают, что самым организованным на тот момент движением было молодежное. Именно учащаяся корейская молодежь в Японии (Токио) открыто выступила против колониальной аннексии Корейского полуострова. Автором и создателем токийской Декларации независимости (8 февраля 1919 г.) была Всеяпонская токийская корейская молодежная лига независимости. Корейская молодежь организовано выступила открыто, заявив о том, что Корея должна быть независимой.

Студенты, рабочая и крестьянская молодежь Кореи представляли собой одну из главных действующих сил в борьбе за независимость, несмотря на то, что корейские поселения находились на огромной территории северо-восточной Азии (Корея, Маньчжурия, Китай, советский Дальний Восток, Япония), они играли значительную роль в противодействии японским властям. В связи с этим, актуальными остаются вопросы о роли и значении корейского молодежного движения, какие первоочередные задачи ставила перед собой молодежь, почему это движение пришло в упадок.

Демократические идеи из России проникали в страны Востока еще задолго до начала революции. Многие представители интеллигенции этих стран, игравшие большую роль в пробуждении национального самосознания, получали образование в русских учебных заведениях, были знакомы с идеями передовых демократических русских революционеров. Рабочий класс Ирана, Китая, Кореи имел непосредственный контакт с пролетариатом России. Китайские и корейские рабочие сближались с русскими рабочими на строительстве Китайско-Восточной железной дороги, иранские рабочие — на концессионных предприятиях в Иране. Немало иранских, китайских, корейских рабочих проживало в России; участие их в революционной борьбе российского пролетариата давало им опыт и боевую закалку. Эти люди становились вестниками русской революции, активными участниками революционного движения в своих странах. В период пробуждения Азии, трудящиеся колониальных и полуколониальных стран еще не выдвигали собственной политической программы.

Пример соседней России, откуда приходили сведения о победе широких народных масс, вооруженных ленинскими лозунгами о национальном самоопределении, воодушевляли корейских патриотов. Особую роль в популяризации идей Октябрьской революции на полуострове сыграли местные марксисты, часто бывавшие на российском Дальнем Востоке и воодушевленные победой социалистического движения в соседней стране. Разумеется, подавляющее большинство жителей Кореи имели смутные представления о реальных событиях в России, но сама идея народной революции казалась весьма привлекательной. Благодаря событиям в России и либеральным изменениям мирового правопорядка движение за независимость в Корее к весне 1919 г. приобрело общенациональный характер.

Корейские молодежные организации

Первомартовское движение, сплотившее весь корейский народ, с самого начала было организовано силами молодежи. После тех трагических и одновременно революционных дней в Корее как грибы стали расти молодежные организации. Поверив в свои силы, молодежь объединялась в различные движения и партии. С сожалением можно утверждать, что если бы у молодежи был подходящий пример старших, показавших свою консолидацию и мобильность в трудные для страны дни, то возможно и молодежное движение не было бы таким многоликим и фактически неуправляемым.

В декабре 1921 г. в Иркутске под руководством Коммунистического интернационала молодежи (КИМ) прошло первое совещание корейских делегаций молодежных организаций, куда вошли представители семи различных организаций: «Корейской федерации лиги молодежи», «Великий союз учащейся молодежи», «Общество патриотов», Организация «Красная Звезда», «Объединенный союз корейской молодежи», «Спортивное общество в честь 8 февраля», «Объединенный союз корейской учащейся молодежи для обновления Востока» [5]. Главной целью конференции корейских молодежных организаций было объединить их в один союз.

В Исполнительный комитет коммунистического интернационала молодежи (ИККИМ) было представлено 7 корейских молодежных организаций из числа представителей корейской молодежи, коммунистических ячеек, корейского союза учащихся в Китае [4: Л. 7].

Самой многочисленной из них была «Корейская федерация лиги молодежи (Чосон)», в которой состояло 57 613 человек, созданная в апреле 1920 г.; «Великий союз учащейся молодежи», образованный

в марте 1920 г. в составе 12536 чел.; женская организация «Общество патриоток», организованная в июле 1919 г., численностью 1330 чел.; организация «Красная звезда», существовавшая с 1 февраля 1919 г.; «Объединенный союз корейской молодежи (Техан)», образованный в апреле 1919 г. численностью 19 572 чел.; организация «Спортивное общество в честь 8 февраля» образовалась 8 февраля 1919 г., названная в честь дня провозглашения Декларации независимости, численностью 55 чел.; «Объединенный союз корейской учащейся молодежи по обновлению Востока (Хангук)» был образован 22 августа 1921 г. численностью 165 человек [5: Л. 1–5].

Представленные организации изъявили желание объединиться в один мощный союз. С этой целью они собрались 12 декабря 1921 г. в Иркутске на конференцию корейских молодежных организаций [4]. Уполномоченный КИМа Далин, ознакомившись с докладами представителей корейских молодежных организаций, указывал на то, что цели, преследуемые всеми организациями молодежи, однородны и имеется возможность объединиться всем организациям в единый союз.

- Фамилии, имена, названия организаций и географических названий представлены как в оригинальных архивных документах.

Структура, цели и задачи корейских молодежных организаций

Первомартовское восстание (1919) вынудило японские власти ослабить свой «сабельный режим», в частности, появилась ограниченная свобода слова и печати, собраний и объединений. Это позволило стихийно появиться множеству различных организаций под эгидой объединения нации, просветительской и культурной деятельности. Организации, открыто заявлявшие об освободительной борьбе против японской колонизации, автоматически становились нелегальными и вели подпольную борьбу. Легальные молодежные организации были вынуждены проводить двойственную политику, зачастую провозглашенная культурно-просветительская работа, оставалась только прикрытием для национально-освободительного движения.

Из представленных выше семи организаций, представители которых прибыли в Иркутск, только три организации имели центральный орган в Сеуле: «Корейская федерация Лиги Молодежи», «Великий союз учащейся молодежи», «Общество патриоток». Цели и задачи, которые преследовали эти организации, заключались

Табл. 1. Структура различных молодежных организаций Кореи
(Транскрипция не изменена, представлена в соответствии с документом)

Название организации	Время зарождения	Программа и цель	Количество членов	Количество секций и отделений	ФИО организаторов	ФИО ответственных работников	Кто подал сведения	Деятельность организации	Примечание
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Чосон-чёнхва-Сен-Чон-Нён-Хан-Хой Корейская федерация Лиги Молодежи	апрель 1920 г. — 15 мая 1920г.	Взаимная связь всей молодежи Кореи, физическое и нравственное развитие, подготовка будущих работников	57 613	210 отделений	О Сан Гин, Ким Ген Ху, Ким Шак У, всего 28 человек	5 мая 1920г. в центральный орган вошли: председатель — О Сан Гин, Чан Бом, секретарь Ким Пяк У, зав.агитотделом Ким Са Ку, Пак Иль Пен, зав.отд.просвещения Юн Чжа Ен, зав.отд. спорта, казначей Пак Куян Хи, Хун Шен Хи, Ли Му	Ли Му, Кон Джан Пен	Издание журнала «Наш голос», проведение спортивных мероприятий, проведение лекций по культурному развигии. Установление связей со всеми национально-революционными организациями	Очередной съезд проводится ежегодно в первое воскресенье марта. В экстренных случаях созывается по усмотрению Центрального Комитета
Чён Хансенг-Дехой Великий союз учащихся молодежи	Март 1920г. — апрель 1920г.	Установление тесной связи между всеми учащимися в особенно-сти средних учебных заведений. Взаимная помощь в деле развития культуры и цивилизации.	12 536		Тен Иль, Ким Тай Ик, Ким Вон Ген, Ли То Сик, Сон Гон Ин, Ли Те Гон, Ян Бон Гын, Ли До Нен, Ни Пиль Гын, всего 80 человек	8 апреля 1921г. председатель Тен Иль, товарищ председателя Ли Гон Ен, зав.общим отделом Ян (Ин) Бон Гын, секретарь Ли Те Пак, зав.отд.образования Тен Бон Дрон, зав.культурным отд. Ли Те Гон, здравоохранения О Бен Гын, иностранных дел Сон Гон Ин, хозяйств. Ким Шиль Эн, издательский отд. Ни Пиль Гын, председатель совета Ли Дин	Ли Те Гон, Сон Гон Ион Ин	Ежегодно во время каникул устраивать на местах лекции и агитацию. Вести негательную национально-освободительную борьбу, устанавливать связь с китайскими и японскими учащимися. Совет состоит из 30 человек и Первого председателя.	В проекте издание органа, но за скудностью средств, пока не осуществимо. Весной и осенью устраивать грандиозные спортивные состязания. Съезд созывается 2 раза в год в апреле и октябре.

Э-Гу Пуин-Хой Общество патриотов	23 июля 1919г. — 1 августа 1919г.	Сплочение всех женщин Кореи и ведение национально-освободительной борьбы для восстановления полной свободы и независимости Кореи.	1 330	Председатель — 1 чел., 1-товарищ Председателя, Секретарь — 2 чел., казначей — 2 чел., 2 переводчицы, 10 чел. — члены Совета	Ким Мария, Син Вон Э, Тен Шу Ден, Ким Ми Рет, Ку Шун Шен, Ше Гун Всего 15 чел.	Председатель — Сен Сен Син, тов. Син Вон Э, зав.общим отделом Тен Шу Ден, секретарь Ку Шу Шен и Чак Ден Силь. Председатель совета Цой Ин Хва, зав.отд. образования Ше Гун За, Ким Ен Цэн, издательский отдел Кан Пек Нен	Нелегально поддерживать революционную борьбу, устанавливая тесную связь с организациями революционной молодежи, всюду поддерживать и помогать им. Привлекать молодым девушкам патриотические чувства.	Центральный орган находится в Сеуле. Отделения имеются во всех провинциях. Издаётся орган, но ввиду строгого преследования японской полицией и отсутствия средств издаётся нерегулярно. Очередной съезд созывается ежегодно в июле в первое воскресенье.
Пуль Гын Бель Мури Организация «Красная Звезда»	1 февраля 1919г.	Осуществление коммунизма и переустройство всего общества на новых социальных началах.	Муж. — 362 Жен. — 26	Центральный орган состоит из 5 человек	Ли Гон Се, Тен Цой Кин, Цой Си Гель, Ли Дон Тен, Тен Мин Гын Всего 10 человек	25 июня 1921г. Ли Гю Нам, Мун Бон О, Тен Мин Гын, Мун Дон, Тен Ген Бон. Из них: председатель — Ли Гю Нам, тов.председателя — Мун Бон О, секретарь — Мун Дон	Нелегально ведёт революционную работу. Своих членов женщин и мужчин посылает в японскую социалистическую организацию, устанавливает с ней связь. Некоторые женщины члены вступают в общество Красных, обучаются коммунизму.	Центральный орган находится в Токио, а главное отделение в Осаке и Кобе, где работают неустанно члены организации.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Техан Чен Нен Ен Хан Хой Объединенный Союз Корейской Молодежи	Апрель 1919г.	Устанавливает связь со всеми революционными организациями молодежи, ведет сплоченную борьбу в национально-освободительном движении	19 572	Имеет 135 примкнувших отделий (в Сеуле, провинциях Хван Хэ, северной и южной Пхёнан, северной Кенсандо и в Кистае.	Ким Сын Ман, Пак Чун Гын, Ким Си Хен, Хон Шек Гон, О Нын Джо, всего 18 человек	Уполномоченный Ким Цай Шен, помощник Ким Сын Ман, секретарь О Нын Джо и Ю Чен Хе		Бомбами разгромили вокзал в Сыннайджу и полицейское управление в Пхёнан южном, террористический отряд произвел нападение на железнодорожное управление.	В начале 30 человек учащихся Китая, Японии в китайском уездном городе Андохен, создали организационное бюро, в связи с этим были арестованы Ан Пен Чан, Че Чжа Ген. После этого центральный орган, перевели в Куон Шун Хен, но и там потерпели разгром со стороны японской полиции и там снова были арестованы пять уполномоченных. С этого момента организация ушла в подполье и ведет упорную борьбу.

Ипхаль-Ку-На-Пу Спортивное общество в честь 8 февраля	8 февраля 1919г.	Учащиеся Японии ко-мандировали в Шанхай своих пред-ставителей для создания организации для вос-становления Кореи.	55	Совет ведет всеми делами.		Ким Цин Шу		Для ведения освобо-дительной борьбы устанавливает тес-ную связь со всеми революционными организациями, существующими в Корее и других странах, а также имеет связь с со-юзом учащихся в Японии.	
Ха-Дон-Хан-Гук-Хаксен-Енхаб-Хан-Хой Объединен-ный Союз Корейской учащейся Молодежи для обнов-ления Вос-тока	22 ав-густа 1921г.	Сплачивает всех учащихся Востока и ведет среди них нацио-нально-осво-бодительную борьбу, под-держивает другие орга-низации.	165	Совет и Испол-ком	Иници-аторами являются учащиеся Пекина и Шанхая	Председатель Чен Гван Хо, товарищ предсе-дателя Так Мен Шон, секретарь Ким У Зо, зав. отд. Кан Му Ю, член Пак Хен Ен.	Пак Хен Ен	Редуцируется орган в Шанхае (75 цело-век), Пекине — 40 чел. и в других местах — 50 человек	

Источники: РГАСПИ. Ф. 533, оп. 10, д. 1879. Л. 1–12.

в культурно-просветительской деятельности, физическом воспитании молодежи и подготовке ее к национально-освободительной борьбе.

Организация «Красная Звезда», «Объединенный союз корейской молодежи», «Спортивное общество в честь 8 февраля», «Объединенный союз корейской учащейся молодежи для обновления Востока» свои центры имели в Японии и Китае. Среди них «Красная Звезда» была коммунистической направленности и ставила своей целью переустройство всего общества на новых социалистических началах, тесно взаимодействовала с японскими и русскими коммунистами.

Многочисленную организацию представлял собой «Объединенный союз корейской молодежи», несмотря на жестокое преследование японской жандармерией, активно проводил террористические акты против японских властей.

Различные по роду и деятельности молодежные организации ставили перед собой одну общую задачу — национально-освободительная борьба за свободу и независимость Кореи.

Представители Корейской федерации лиги молодежи и Корейских коммунистических ячеек молодежи, собравшиеся на конференции для объединения всех сил сопротивления японцам, пришли к следующим выводам:

1. Создать единый центр для коммунистической юношеской организации корейской эмиграции в России, как школы для подготовки кадровых пропагандистов и организаторов юношеского коммунистического движения для переброски их в Корею, как полномочных представителей Интернационала молодежи на Дальнем Востоке, работающего под идейным руководством Дальвостсекретариата Коминтерна.
2. Подготовленные кадры пропагандистов привлекают в Корею революционное юношество Корейской Федерации Лиги Молодежи во Всероссийский Союз Молодежи. Ведут активную пропаганду среди молодежи близкой по своей психологии, по классовым интересам в коммунистическом духе. В целях же закрепления определенного коммунистического влияния среди революционно настроенного юношества, — необходимо создание во всех организациях и местных ответвлениях Всекорейского Союза Молодежи ячеек комсомола с налаженной связью с уполномоченным представителем Интернационала Молодежи на Дальнем Востоке — при Дальневосточном секретариате Коминтернаб [6: Л. 11].

Другими словами, было принято решение активно заняться коммунистической пропагандой под руководством ИККИМ. Однако не все молодежные организации, участвовавшие в конференции, адекватно восприняли подобные решения.

Среди корейцев было много таких, кто под борьбой за справедливость подразумевал физическое уничтожение японцев и японских корейцев, стоявших в авангарде агрессивной политики по отношению к Корее. Они причисляли себя к корпусу пламенных патриотов — борцов за справедливость. Борцами за справедливость считались благородные герои, которые, не щадя своей жизни, предпринимали решительные действия по отношению к врагу, а под пламенным патриотом подразумевался борец, который в знак решительного протеста совершал самоубийство или предпринимал равные самоубийству действия.

Существующие разногласия не позволили объединиться корейской молодежи в единый Союз корейской коммунистической молодежи. Однако повсеместно были образованы комсомольские ячейки, которые объясняли молодежи основные принципы социализма, равенства и демократии.

13 сентября 1922 г. после III конгресса КИМа было создано Центральное бюро Корейского коммунистического союза молодежи, которое прибыло в Сеул для организации легального органа «Союза пролетарской молодежи». Несмотря на неудачи в своей работе, связанные не только с противодействием отдельных членов организации, но и с событиями в советской России (Амурский инцидент), Союз пролетарской молодежи наладил связи с другими ячейками в разных регионах страны:

1. Тохой — 4 члена,
  2. Союз пролетарской молодежи — 22,
  3. Кальдобхой — 12,
  4. Союз молодежи Кимха — 6,
  5. Союз молодежи Сын-ычжу — 4,
  6. Союз молодежи Дин-джу — 6,
  7. Союз молодежи Фузана — 3,
  8. Союз молодежи Пеана — 6,
  9. Союз молодежи Канхва — 3,
  10. Женская студенческая организация — 4,
  11. Токийский союз пролетарской молодежи — 12,
  12. Союз молодежи Тайку — 5
- Итого: 88 членов.

Центральное бюро: 1. Ко Дюн, 2. Фи Сан Нир, 3. Син Ен Ки.

Сеульское бюро: от Корейского КСМ — Тен У, от КИМ — Те Хун.

Четыре из этих организаций являлись легальными: Сеульский союз пролетарской молодежи, Токийский, Пеанский союз молодежи 1-го Мая и Тоехой, также ЦБ активно сотрудничало с союзом молодежи Чондогё [7: Л. 2, 3].

Ответственным секретарем ЦБ ККСМ являлся Пак Хонъён, в его отчетном докладе ЦК КСМ Кореи в ИККИМ от 10 декабря 1924 г. об организационном состоянии союза, о созыве учредительного съезда и по другим вопросам, прослеживается активная деятельность ЦБ не только внутри Кореи, но и с КСМ Кандо в Китае.

Движение молодежи, отмечает Пак Хонъён, находится полностью под руководством сильных местных ячеек КСМ Кореи. В таких городах на юге как Дайгу, Массан, Диндю, Фусан и др. молодежью руководит КСМ, на севере — Хамхын, на западе — Синьдю, Фенян, Хвандю, Хайдю, Сеул и Канхва также имеется тесная связь с молодежью [8: Л. 7, 7об.].

В процессе подготовки Учредительного съезда ЦБ КСМ Кореи сформулировало новые задачи:

1. Создать курсы (клуб) пролетарской молодежи. Для воспитания трудящихся молодежи необходимо иметь специальное воспитательное заведение. Эта работа при существующем положении нуждается в финансировании. Если удастся осуществить эту задачу, то влияние КСМ усилится.
2. Послать одного представителя в Токио (в столицу Японии). Токио является источником учения социализма на Востоке, где находится огромная масса корейской молодежи, которая изучает науку и социализм и в скором времени станет руководить корейским революционным движением. Необходимо создать в Токио организацию, чтобы завоевать лучшую часть корейской молодежи.
3. Т. к. в Корее издавать журнал запрещено, то необходимо создать в Токио издательский орган, который будет тесно сотрудничать с КСМ Японии [8: Л. 9, 10, 11, 11об.].

Руководство ЦБ КСМ Кореи осуществлялось непосредственно из советской России, Коминтерном и Исполнительным комитетом коммунистического интернационала молодежи (ИККИМ). Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) принимал на учебу корейскую молодежь из Кореи, Китая, русского Дальнего Востока, Японии, где они учились основам социализма, марксизма и ленинизма.

Корейское молодежное движение в 1920-е годы представляло собой реальную силу, которую можно было направить на осуществление и политических и экономических задач, стоявших перед государством Корея. Однако, чем больше корейцы выступали за объединение, тем сильнее они разъединялись. По этому поводу Пак Хонъён пишет, «итак, мы наблюдаем такую картину: после разгрома партии все группы ставят себе цель — еще разъяреннее драться друг с другом, легально и нелегально» [Там же].

По нашему мнению, молодежь независимо от национальности должна иметь наставника не разъединяющего, а объединяющего людские массы. Старшие товарищи по борьбе не смогли сплотиться сами, и не смогли оказать влияние на корейскую молодежь, комсомольские ячейки оставались раздробленными и не представляли собой какую-либо политическую силу.

Заключение

1. Коммунистический интернационал молодежи сыграл ключевую роль в консолидации корейского молодежного движения, трансформации национального сознания и самосознания. Революция 1917 г. оказала огромное влияние на развитие корейского молодежного движения. После Первоапрельского движения корейская молодежь обрела уверенность в своих силах и возможностях. В программах молодежных организаций на первый план выдвигались задачи о создании условий для получения образования, просветительской деятельности, достижения высокого уровня культуры и науки.
2. Раскол корейского общества имеет исторические корни с начала XX в. и продолжается в настоящее время. После аннексии Кореи Японией в корейском обществе появились различные партии и организации под названием Чосон, Хангук, Техан, зачастую непримиримые не только по идейным причинам, но и по человеческому фактору.
3. В 1920-е годы были впервые нарушены конфуцианские устои подчинения старшего младшему, конфликт между отцами и детьми. Фактически молодежное движение развивалось самостоятельно без поддержки старшего поколения, что так же не объединяло корейское общество.

Список использованной литературы

1. История движения за независимость Кореи (한국독립운동의 역사). 독립기념관 한국독립운동사연구소, 서울, 2013. P.172-177.
2. Кан Мангиль, Тихонов В. М. История Кореи. В 2 кн. М., 2011.
3. Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. М., 2000.
4. РГАСПИ. Ф. 533, оп. 10, д. 1878. Л. 7,1-48.
5. РГАСПИ. Ф. 533, оп. 10, д. 1879. Л. 1-5.
6. РГАСПИ. Ф. 533, оп. 10, д. 1880. Л. 11.
7. РГАСПИ. Ф. 533. Оп. 10. Д. 1883. Л. 2, 3.
8. РГАСПИ. Ф. 533. Оп. 10. Д. 1885. Л. 7, 7об., 9, 10, 10об., 11, 11об.
9. Хан Ёнгу. История Кореи: новый взгляд. М., 2010.

АЛМАЗНЫЕ ГОРЫ КЫМГАН В ШЕДЕВРАХ ЖИВОПИСИ КОРЕЙСКИХ МАСТЕРОВ: СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПЕЙЗАЖА

Искусство Кореи, как и других стран Дальнего Востока, отличается своеобразным образным мировосприятием, тесно связанным с миром природы, отношение к которой, как к упорядоченному и организованному целому, делает ее главным объектом художественного воплощения, а пейзажный жанр «горы-воды» — выразителем главных философских и эстетических идей. Традиционный корейский пейзаж, который в оригинальной терминологии звучит как *сансухва* («живопись гор и вод») зародился и долгое время эволюционировал под сильным влиянием культуры Китая, наследуя главные художественные традиции. Однако следует отметить, что эстетические нормативы, взятые извне, не приняли характера механического заимствования, а скорее послужили прочным фундаментом для многообразных собственных творческих решений корейских мастеров, хотя и основанных на общих культурно-идеологических принципах [1, с. 176].

Уже на ранней стадии существования корейского пейзажа проявляется одна из его важнейших особенностей, закрепленная дальнейшей традицией и во всей полноте раскрывающая специфичность восточной эстетики, — обостренное восприятие природных форм. Из элементов ландшафта в корейской образной системе абсолютное первенство принадлежит горным образованиям, что было предопределено особенностями естественной среды обитания корейцев: большая часть территории возникшего в результате вулканической деятельности Корейского полуострова покрыта горами. Подобно тому, как в теле человека циркулирует кровь и питательные вещества, в земле и в воздухе циркулирует живительная сила *сэн ки*. Примечательны слова основоположника корейской геомантии монаха Тосона (827–898): «Наша земля — это страна, где энергия, исходящая от гор, приводит в движение реки и дает рост деревьям» [7, с. 325]. С точки зрения *пхунсу* (кит. — фэншуй), источником жизненных сил Кореи как «земли» (*чи ки*) является хребет *Пэкту тэган*, представляющий собой цепь значительных горных кряжей и вершин Корейского полуострова, определяющий природные особенности Кореи и являющийся ее важнейшей основой, без которой невозможно понять культуру и искусство этой страны.

В состав этого хребта на восточном берегу полуострова входят интересные по своему образованию и удивительные по своей красоте горы *Кымган*, звучащие в переводе как Алмазные горы, которые с глубокой древности считались природным чудом Восточной Азии и являлись особой гордостью корейского народа. Народная корейская пословица гласит: «Не говори о красоте мира, пока не увидишь Алмазных гор». Знаменитые своей необычайной структурой кристаллических образований, они, достигающие в высоту 1638 метров и протяженностью 80 км, считаются одним из красивейших мест Корейского полуострова.

Традиционно горную цепь *Кымгансан* разделяют на три главные части: *Векымган* (Внешний *Кымган*), знаменитый обилием горных пиков и водопадов, *Нэкымган* (Внутренний *Кымган*), отличающийся большим разнообразием причудливых форм каменных образований, и *Хэкымган* (Прибрежный *Кымган*), характеризующийся множеством лагун и каменных столбов. Их отличительной особенностью является необычный рельеф, сформированный в результате эрозии, где присутствует большое многообразие озер и водопадов. Своей редкой красотой горы *Кымган* обязаны особому геологическому составу, состоящему из гранита и диорита, благодаря которым в результате выветривания горы приобрели причудливые формы. «Многочисленные пики, самых разнообразных и причудливых форм скалы, отвесные обрывы, глубокие ущелья, красивые озера и водопады, хрустальная вода ручьев, чудный пейзаж у берега... особые рельефы — все это в цельной гармонии образует неповторимую красоту» [8, с. 6] — так звучат о них строки из справочного издания, посвященного достопримечательностям КНДР.

Выдающийся китайский поэт Су Дунпо (1037–1101) династии Сун (960–1277), воспевая знаменитые Алмазные горы, писал: «Даже если бы мне пришлось умереть на следующий день после того, как я увидел горы *Кымган* в Корее, я покидал бы этот мир без сожалений» [14]. Красота Алмазных гор вдохновляла многих мастеров прошлого. Ей посвящено множество стихов, поэм и значительная часть национального пейзажного искусства Кореи, среди которых есть истинные шедевры.

Знаменитые своей необычной структурой кристаллических образований, они, начиная с XVIII столетия, когда происходит формирование нового художественного направления в традиционной корейской пейзажной живописи *чингён сансхва* (означающее буквально «пейзажная живопись конкретных мест» или «реально существующий пейзаж»), становятся одним из главных объектов

изображения в пейзажных свитках. Став источником вдохновения для многих известных художников Кореи, Алмазные горы сыграли немаловажную роль в становлении собственно корейского пейзажа, где впервые с момента его формирования как жанра отчетливо проявился национальный подход и натурное видение природы родной страны.

У истоков нового живописного направления стоит пейзажное творчество художника Чон Сона (1676–1759, известного также под псевдонимами Кёмчжэ, который по праву назван «отцом корейского национального пейзажа» [6, с. 227] и «создателем национальной школы живописи» [9, с. 60]). Наиболее отчетливо реалистические новации и национальное видение родной природы начинают обнаруживаться в пейзажах, которые исследователи, небезосновательно, связывают с путешествиями художника по знаменитым горам. Алмазные горы вдохновили Чон Сона на создание пейзажных произведений, блестящих и отточенных по мастерству. Итогом первых путешествий художника стала серия работ 1711-го года, получившая название «*Пунгакхвачхон*» («Альбом гор *Кымган* осенью»), являющаяся самым ранним из датированных произведений мастера, посвященных горным видам *Кымган* (ил. 1).

Следующие путешествия Чон Сона воплотились в пейзажах, объединенных в альбом «*Хэак чонсинчхон*» («Альбом изображений моря и гор»), которые можно отнести к самым выдающимся художественным произведениям не только в корейском изобразительном искусстве, но и всей дальневосточной пейзажной живописи в целом. Вся мощь величественных горных вершин *Кымган* и поэтическое очарование озер и водопадов этой горной цепи — все то, что воспето в корейской поэзии, — воплощено в этих работах мастера. Излюбленной композицией Чон Сона становится, так называемый, «обзорный» или панорамный вид горной цепи, где художнику в одном свитке удается синтезировать и раскрыть непередаваемую красоту многочисленных горных хребтов *Кымган*.

Своей уникальностью выделяется, ставшая своеобразным символом корейской земли и вошедшая в список «Национальных сокровищ» Республики Корея (*кукпо* № 217), пейзажная композиция «*Кымган чондо*» («Обзорный вид гор *Кымган*»), подписанная 1734-м годом (ил. 2). Произведение поражает оригинальностью и смелостью общего композиционного решения горного пейзажа, вид которого открывается перед зрителем сверху, создавая впечатление полета и объемности пространства, что отсылает к конфуцианской традиции. Однако, построенный по принципу контраста мягких

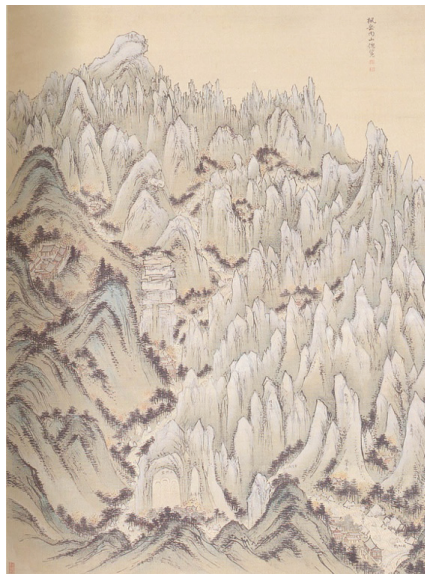

Рис. 1. Чон Сон. *Кымган чондо* (Обзорный вид гор *Кымган*). 1711 г.
Шелк, тушь, краски на минеральной основе. 73,8×100,8 см. Музей искусств Кансон, г. Сеул.

Рис. 2. Чон Сон. *Кымган чондо* (Обзорный вид гор *Кымган*). 1734 г.
Бумага, тушь, краски на минеральной основе. 130,8×94 см. Музей искусства Хоам, г. Сеул.

очертаний возвышенностей, покрытых буйной растительностью, и резких, угловатых контуров скал, подножия горы на первом плане и захватывающих дух высот горных пиков, пейзаж отображает ярко выраженное дуалистическое начало, основанное на взаимодействии противоположностей, и раскрывает даосское видение мира. «Дугообразная линия, образуя мягкий изгиб, разделяет свиток, представленный как микрокосмос, на левую и правую половины — символическое выражение *Ым* и *Ян*. Поэтическая надпись к свитку, повторяя космическую идею, также образует расположением своих строчек полукруг» [13, с. 242].

*«Двенадцать тысяч горных пиков.
Мог ли кто-нибудь пытаться их так правдиво запечатлеть?
Распространяя дыхание жизни к Восточному побережью,
Наполняют они весь мир своей жизненной силой.
Бесчисленные вершины манят чистотой лепестков лотоса,
Скрывая в гущах корейских сосен и кипарисов непостижимую глубину.
Склоняю голову, в наслаждении этим видом, таким же реальным,
Как если, сбивая ноги, бродить по горам».*

(Перевод — Ю. И. Гутарёва.)

Выражая в пейзажном свитке глубокие философские идеи главных эстетических учений, мастер пытается объединить их с новым реалистическим восприятием в изображении этого, известного своей красотой, ландшафта Корейского полуострова. Примечателен тот факт, что современные ученые, применяя новейшие высокотехнологичные методы исследования, с использованием математических расчетов и географических карт, на примере пейзажей художника, изображающих горные виды, доказывают, что Чон Сон в своих произведениях удивительно точно воспроизвел долины и горные вершины в местах их подлинного расположения, хотя и «применил типичную восточную технику увеличения изображения по вертикали» [1, с. 652].

Достигая через натурные впечатления глубокой степени обобщенности, говоря словами корейского поэта Сим Хванчжи (1730–1802) — «отображения целого мира с помощью одной кисти» [12, с. 193], Чон Сон одной только тушью, лишь иногда используя легкую тональность минеральных красок, смог передать величественное зрелище горных возвышений *Кымгансан* и трепет своего сердца от создаваемого ими впечатления. Множество иглоподобных вершин гор *Кымган*, переданных с удивительной виртуозностью, выполнены Чон Соном в технике «вертикального штриха». Оттачивая манеру письма, мастер доводит ее до совершенства в своих более поздних

работах и заслуживает присуждения выработанной им технике его имени, точнее, его псевдонима «Кёмчжэ сучикчун» («вертикальный штрих Кёмчжэ») [11, с. 103]. Создав индивидуальную островыразительную манеру письма тушью в изображении горных вершин *Кымган*, дорогих сердцу каждого корейца, художник прославил в веках не только свое имя, но и привлек внимание к возникновению такого явления в дальневосточной традиционной живописи, как собственно корейский пейзаж, наполненный национальным звучанием [3, с. 33]. Как справедливо отмечают исследователи, «до Чон Сона пейзажная лирика существовала только в поэзии» [5, с. 145].

К высшим достижениям традиционной пейзажной живописи «горы-воды» можно отнести пейзажные композиции Чон Сона, посвященные разнообразным живописным уголкам *Кымгансан*. Особой эмоциональной силой и легкостью штриха отличается свиток, изображающий удивительное ущелье гор *Кымган Манпхоктон* («Ущелье тысяч водопадов») (ил. 3), по красоте сравнимым корейцами с драгоценным нефритом. Композиция построена на ритмически сопряженных диагоналях горных вершин, выразительных сосен и бурных потоков воды, где, как отмечает Пак Ёнде, «живые линии туши наполнены своеобразным чувством ритма, способным вызвать в душе разнообразные переживания, как при наслаждении музыкой национального инструмента *каягым* [12, с. 208].

Алмазные горы, вслед за Чон Соном, явились источником вдохновения и для его современников, и для многих корейских художников Нового времени в создании бесценных «алмазных» шедевров корейской живописи. Так, известному корейскому мастеру XVIII века Сим Сачону (1707–1769), хотя и испытывающему в своем творчестве сильное влияние традиций китайской живописи, удалось отойти от сковывающих ее канонов в своих пейзажах, посвященных поэтическим уголкам горной гряды *Кымгансан*. Работая в стилистике Южной школы, в живой гибкой манере, ему удается добиться особой лиричности и передать настроение природной среды, то динамически взволнованной, как в пейзаже, изображающем громадную ввысь отвесной плоской скалы *Мёнгён* (ил. 4), так и умиротворенно спокойной, пронизывающей свиток «*Чинчжутамдо*» («Жемчужный пруд в горах *Кымган*») (ил. 5).

Безудержной свободой кисти отличается пейзаж «*Пхёхунса*» (ил. 6) Чве Бука (ок. 1720 — ок. 1768), где горы *Кымган* рванной зубчатой линией формируют дальний план, придавая произведению острый динамизм и жизненность. Также полный напряжения и драматизма вид отдаленных вершин *Кымгансана*, частично скрытых

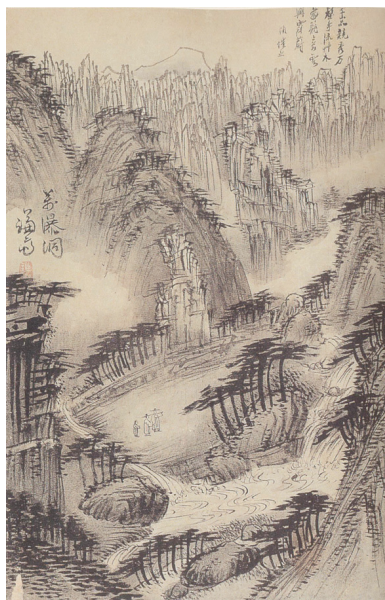

Рис. 3. Чон Сон. Манпхоктон (Ущелье тысяч водопадов). XVIII в.
Шелк, тушь. 22×32см. Музей Сеульского университета, г. Сеул

Рис. 4. Сим Сачжон. Горная терраса Мёнгён. 1750 г.
Бумага, тушь, краски на минеральной основе. 27,7×18,8 см. Музей искусств Кансон, г. Сеул.

Рис. 5. Сим Сачжон. Чинчжутамо. (Жемчужный пруд в горах Кымган). XVIII век.

Бумага, тушь, минеральные краски 24,4×22,7 см г. Сеул, Республика Корея.

Рис. 6. Чве Бук. Пёхунса (Храм Пёхун). XVIII в.

Бумага, тушь, краски на минеральной основе. 38,5×57,3 см. Частная коллекция

плотной пеленой тумана, раскрывает произведение (ил. 7) И (Ли) Инмуна (1745–1821). Тонко подмеченный художником своеобразный ритм игольчатых пиков делает этот пейзажный вид мгновенно узнаваемым и демонстрирует индивидуализм художественного стиля мастера.

Выразительны пейзажи с видами *Кымгансана* Чон Суёна (1743–1831), который, как и его дед Чон Санги (1678–1752, создатель полной географической карты Кореи, объездил весь Корейский полуостров. Однако, отличаясь тщательной достоверностью деталей, сухой манерой кисти и присутствием надписей географических названий, его произведения нередко обнаруживают преобладание научного подхода над живописным (ил. 8).

Необходимо отметить, что, характеризуясь стилистическим разнообразием, пейзажное творчество корейских мастеров позднего периода правления династии Чосон (1392–1910), сближается в своем стремлении раскрыть особое очарование известных природных видов удивительной по красоте и величю горной цепи *Кымгансан*, способствуя становлению школы национальной пейзажной живописи в искусстве Кореи. Своеобразным свидетельством этому выступает свиток «*Кымган чондо*» (ил. 9) Ким Ынхвана (1742–1789), созданный по мотивам знаменитого произведения Чон Сола. Уступая в художественной ценности признанному шедевру, пейзаж Ким Ынхвана как художественное явление имеет огромное значение в истории корейской живописи. Своим появлением он знаменует наступление эры создания произведений в подражание великим корейским мастерам, а не китайским как было ранее. Вымышленные изображения, посвященные известным своей природной красотой местам Китая, занимавшие центральное место в корейской пейзажной живописи раннего периода Чосон, где «сложно найти общее с реальной корейской природой» [10, с. 4], уступили место восторженным образам одной из главных природных достопримечательностей Корейского полуострова.

Алмазные горы, заняв одно из главенствующих мест в пейзажной корейской живописи *чингён сансухва*, становятся постоянным источником вдохновения для художников следующего поколения, способствуя укреплению данной художественной традиции в развитии национального пейзажа в корейском искусстве. Натурное видение, характерное для всего творчества экстраординарно одаренного художника Ким Хондо (1745–1806 (?), который более известен в истории корейского искусства как блестящий портретист и жанровый живописец, чем мастер пейзажной живописи, ярко

проявляется в серии его свитков с видами *Кымгансан*. Демонстрируя высокое мастерство автора — умение, не выходя за рамки установленного канона, изобразить точность натурального вида, они отображают природные особенности национального ландшафта. Так, свиток «Водопад летящий Феникс» (ил. 10) обуславливает выбор художника традиционных штрихов *чунбоб*: *хаёбчжун* («прожилки листа лотоса») и *чанъачжун* («коренной зуб») для передачи необычной, сплошь изрезанной поперечными трещинами горной породы отвесной скалы в создании оригинальной композиции, далекой от китайских пейзажных прототипов. К пейзажным шедеврам позднего периода династии Чосон, где образ *Кымгансана* занимает центральное место, можно отнести произведения братьев Ким Дыксина (1754–1822) и Ким Соксина (1758–?), Ким Хачона (1793 — после 1875), Чо Чонгю (1791–?) и других.

Сыграв немаловажную роль в становлении национальной школы пейзажной живописи, образ горной цепи *Кымгансан* с ее острохарактерными природными особенностями и разнообразием природных образований приобретает значение национального символа родной земли, который с особой остротой воспринимается в условиях современности. Пережив в XX веке мощное влияние иностранной культуры и искусства, трагедию разделения Корейского полуострова на два государства, корейская традиционная пейзажная живопись выступает хранительницей культурных национальных традиций. Обращение мастеров нашего времени к, ставшему традиционным, художественному образу гор *Кымган* способствовало сохранению и формированию нового видения традиционного пейзажа в современной живописи Кореи.

Программными произведениями подобного плана, отмеченными особой корейской национальной спецификой, являются пейзажи с видами *Кымгансан* Пён Квансига (1899–1976), прославленного мастера Республики Корея, который небезосновательно был назван создателем корейского национального пейзажа XX века. Вдохновляясь величием Алмазных гор, автор пытается экспериментировать в композиционном построении пейзажных свитков, однако остается в рамках традиции, синтезируя новые идеи с достижениями великих корейских мастеров прошлого. Как, например, в своем знаменитом произведении «*Вегимган Самсонам*» (ил. 11), где художник выносит грандиозные горные утесы на первый план, выстраивая оригинальную, но в то же время тесно связанную с конфуцианскими идеями сподчиненности природных явлений определенному порядку, многоплановую композицию, исполненную эпической

Рис. 7. И (Ли) Инмун. Горы *Кымган* Конец XVIII века.
Бумага, тушь, краски на минеральной основе. 29,5×43,5 см. Частная коллекция.

Рис. 8. Чон Суён. Горы *Кымган*. 1799 г. (Фрагмент).
Бумага, тушь, краски на минеральной основе. 37,2×123,8 см. Национальный музей Кореи, г. Сеул.

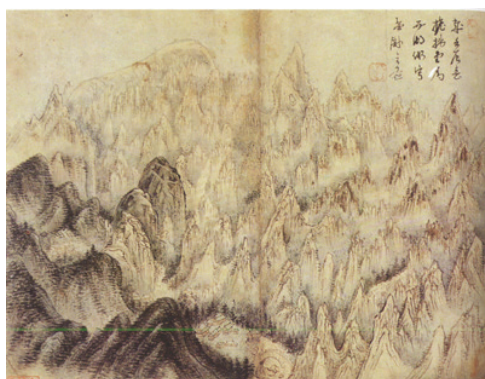

Рис. 9. Ким Ынхван. Обзорный вид гор *Кымган*. 1772 г.
Бумага, тушь, минеральные краски на водяной основе. 22,3×35,2 см. Частная коллекция, Республика Корея.

Рис. 10. Ким Хондо. Бибонпок. (Водопад «Летающий Феникс»). Конец XVIII в.

Шелк, тушь. 91,4×41 см. Музей искусств Кансон, г. Сеул.

Рис. 11. Пён Квансиг. Вегымган Самсонам. (Осень в ущелье Самсонам в горах Кымган). 1959 г.

Бумага, тушь, минеральные краски. 150×117 см. Частная коллекция

Рис. 12. Чон Ёнман. Горы Кымган. 1996 г. 163×80 см. Бумага, тушь.

мощи. В резких контрастах пейзажа, построенных на монолитности горных возвышений и хрупкости человека, прослеживаются также особенности национального мышления, связанного с дуализмом *Ым-Ян* и древних корейских миропредставлений, идущих от шаманистских воззрений [6, с. 228].

Необходимо отметить, что обращение к изображению гор *Кымган* для художников Республики Корея является также своеобразным отображением скорби о разделении после Корейской войны страны на два государства. Демаркационная линия, прошедшая по 38-ой параллели, сделала их труднодоступными для южнокорейского народа¹.

Изображения горной гряды *Кымган*, представляющие собой по сути натурное впечатление автора и являющиеся собирательным, синтезированным образом корейской природы и земли, нашли свое высокое воплощение в творчестве мастера из КНДР Чон Ён-мана (1938–1999). В серии пейзажей, посвященных видам *Кымгансан*, где «сама традиционность сюжета настолько значительна, что в какой-то мере способствовала большему сохранению классических форм» [4, с. 51], автор изображает массивы гор в движущемся фокусе. Ему удается создать безбрежный простор Мироздания, в котором устремленность ввысь Алмазных горных вершин обеспечивает грандиозное впечатление возвышенности и величия родной природы (ил. 12).

С полным основанием можно сделать вывод об исключительно большой значимости и важности гор *Кымган* в традиционном пейзажном жанре как художественного образа. Горы *Кымган*, начиная с XVIII века, стали одним из главных художественных образов в корейской пейзажной живописи, воплотившим в себе символическое отображение корейской природы и земли. Вдохновленному красотой *Кымгансана* Чон Сону удалось органично объединить в своих работах классический канон дальневосточного пейзажа с новыми приемами построения пространства на основе реалистического восприятия, представляя гармоничный синтез традиционного и новаторского подходов, проложив путь новому, национальному

---

¹ Однако с 18 ноября 1998 года горы *Кымган*, находящиеся на территории, принадлежащей в данное время КНДР, стали открыты для южнокорейских туристов, впервые за последние несколько десятилетий. Это событие имело огромное значение для корейского народа, так как стало знаком того, что осуществление горячей мечты о воссоединении нации возможно. Горы *Кымган* достаточно крутые, и подъем для путешественников нередко оказывается сложным и даже на некоторых отрезках опасным. Но вниз они всегда спускаются в восторженном состоянии, восхищенные потрясающей красотой этих мест [14].

в своей основе, направлению в пейзажной живописи. Его роль была ключевой в этом процессе, но далее его последователи, изображая имеющий большое значение для их национального самосознания объект, достигли больших высот в пейзажной живописи, способствуя сохранению национальных традиций в корейском пейзажном искусстве. Внесенные в реестр «национальных сокровищ», многие из пейзажей, посвященных изображению Алмазных гор, являются подлинными шедеврами и представляют большую художественную значимость не только для корейского и дальневосточного, но и для мирового искусства.

Как олицетворение красоты и очарования природы родного края, горы *Кымган* явились для корейских художников именно тем значимым образом, который способствовал отходу от строгого живописного канона в изображении идеализированной природы и появлению собственно корейского пейзажа, ставшего со всей очевидностью подлинным выразителем национального характера и самобытности.

Список использованной литературы

1. *Блэк К. Е., Деге Э.* Шесть «конкретных» пейзажей Чон Сона (1676–1759) из монастыря Св. Оттилии / Кей Е. Блэк, Эккарт Деге // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003, вып. XIII. С. 631–656.
2. *Виноградова Н. А.* *Китай.* Корея. Япония: образ мира в искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 288 с.
3. *Гутарёва Ю.* Корейская пейзажная живопись. СПб: Принтол, 2016. 79 с.
4. *Каневская Н. А.* Искусство КНДР в Москве // Искусство. № 3. 1973. С. 49–53.
5. *Киреева Л.* Падающая вода и сосны на горных склонах // Восточная коллегия. № 3 (42). Осень, 2010. С. 142–151.
6. *Марков В. М.* Искусство Республики Корея второй половины XX века. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002. 335 с.
7. *Симбирцева Т. М.* Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. 640 с.
8. Слово о Корее. Пхеньян: Издательство литературы на ин. языках, 1989. 230 с.
9. *Таксами Ч. М., Шафрановская Т. К., Иванова Е. В.* Приглашаем в Кунсткамеру. СПб: МАЭ РАН, 2001. 126 с.
10. *Хохлова Е.* Пейзажная живопись раннего Чосон: не «как?», а «почему?». URL: <https://www.hse.ru/staff/ekhokhlova> (Дата обращения 20.03.2017)].
11. *Yi Song-me.* Korean Landscape painting. Continuity and innovation through the ages. New Jersey: Hollum, 2006. 221 p.

12. 박영대. 우리가 정말 아라야 할 우리그림 백 가지. 서울: 허남사, 2002. 408 쪽. (*Пак Ёндэ. То, что мы действительно должны знать. Сто наших картин. Сеул: Хёнамса, 2002. 408 с.*).
13. 오주석. 오주석의 한국의 특강. -서울: 설출판사, 2009. 279 쪽 (*О Чусок. Специальные лекции по искусству Кореи О Чусока. Сеул: Сольчхульпханса, 2009. 279 с.*).
14. О горах Кымгансан [URL: https://russian.visitkorea.or.kr/rus/SI/SI_RU_3_4_3_1.jsp (Дата обращения 25.04.2017)].

Глава 4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА КОРЕЙСКОГО П-ВА: СОВРЕМЕННОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ

Асмолов К. В.,

*к. и. н., ведущий научный сотрудник
Института Дальнего Востока РАН, Москва*

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ КНДР

Представленная работа базируется на результатах исследования, предпринятого автором во время научных командировок в КНДР по приглашению Корейской ассоциации работников общественных наук осенью 2016 и весной 2017 годов. Автор посетил ряд музеев и исторических мест, включая Центральный исторический музей, могилу вана Тонмёна, Музей Отечественной освободительной войны, Музей Революции и др., а также имел консультации с несколькими ведущими северокорейскими историками, включая Хан Мён Чоля — руководителя Института истории Академии общественных наук и Сон Дон Уна — ведущего научного сотрудника Института Ким Ир Сена — Ким Чен Ира. Это позволило выяснить не только то, как и где преподается история страны, но и отметить ряд характерных моментов, связанных с тем, как при этом подаются некоторые важные исторические события. Автор намеренно делает упор на личные наблюдения и заявления его респондентов, чтобы показать, как выглядит ситуация именно сейчас.

Главной методологической основой историков КНДР являются работы вождей, которые «чуждейски поправляли искаженное низкопоклонниками» Некоторые работы на эту тему есть у Ким Чен Ына, но, в основном, это ранние труды Ким Чен Ира. В первом — третьем томах его «Собрания сочинений» много текстов на эту тему, благо именно в это время, поступив в университет, он начал высказывать «революционный взгляд на историю».

Историю изучают уже в начальной школе, затем в школе основной ступени и, наконец, в вузах. Упор делается на историю Кореи

и региона. При периодизации используется «классовый подход на основе общих закономерностей и особенностей нашей истории». Новую историю отсчитывают с 1866 г. (инцидент с судном «генерал Шерман»), а новейшую — с 1926 г. (начало революционной деятельности товарища Ким Ир Сена).

Европейская история преподается в средней школе, иностранная история в целом — в полной средней. На взгляд автора, картина выглядит такой же мозаичной, как преподавание истории Дальнего Востока в современной российской школе. Проходят, в том числе Грецию и Рим, государство Франков, английскую и французскую буржуазную революцию. Во время посещения элитной школы-интерната автор прошел мимо стендов, посвященных антиколониальному движению в Азии (тайпины, сипаи, ихэтуани) и основным вехам истории XX века: первая мировая, 1917 год как социалистическая революция в России, вторая мировая война, распад международной социалистической системы в 1989–1990 гг., политика «сонгун».

В вузах историю подробно изучают в двух местах: на истфаке университета им. Ким Ир Сена и на аналогичном факультете в Пединституте.

В Университете есть четыре факультета и три института, где преподаются общественные науки. Факультеты — экономический, исторический, философский (там же изучают психологию, социологию и логику) и факультет иностранных языков. Институты — финансовый, юридический и литературный. Политологии или антропологии нет.

Исторических направлений два: «история революционной деятельности вождей» (три Кима + Ким Чон Сук) и «остальная история», куда входят история Кореи, история зарубежных стран, этнография и археология. История Кореи и мировая история преподаются также на других факультетах общественных наук. Кроме этого, на соответствующих факультетах изучается история экономики, история культуры, история юриспруденции, история искусства и архитектуры. Про архивное дело как специальную дисциплину не упоминали.

Мировая история преподается как по периодам, так и по континентам. Кроме того, отдельно выделяется история стран, которые близки к Корее или оказали влияние на исторические процессы: Россия, Китай, Япония, Англия, Франция, Америка (Германия нет, что кажется странным). Более узкая специализация происходит или в аспирантуре истфака, или на соответствующем факультете иняза.

Более подробно о том, где и как изучают историю России. С точки зрения северокорейских ученых, у России нет древней истории, она начинается с феодализма Киевской Руси. Но мы ее внимательно изучаем, потому что, во-первых, Россия — наш сосед, во-вторых, она была в соцлагере, и традиционные отношения дружбы между нашими странами сохраняются до сих пор. В-третьих, Россия занимает важное место в предмете общемировой истории, особенно на последнем этапе «строительства могучей России» — так называют путинский период. Кроме этого, некоторые российские обычаи дают в общем курсе этнографии, а для филологов соответствующей направленности есть курсы русской/российской литературы.

По каким книгам этому учат? Еще в 1950 г. вышел учебник истории, который охватывал период с 1894 по 1947 гг. Затем была долгая пауза, но в 1980-е гг. вышел учебник «Новая история стран мира» для пединститутов, а в университете Ким Ир Сена в 1986 г. вышел учебник мировой истории.

Надо сказать пару слов и об исторических музеях. По сравнению с музеями естественнонаучной направленности (Музей природы или Храм науки и техники), классические исторические музеи выглядят более бедно. Их экспозиции менее интерактивны. Музеи, связанные с историей Кимов сделаны на более качественном уровне, с высоким уровнем интерактивности и монументальными скульптурами, особенность которых в том, что на них изображены не абстрактные герои, летчики или моряки, а конкретные люди. Манекены сделаны из воска и пластика и выполнены так качественно, что могут сравниться с фигурами в музее мадам Тюссо. Много хороших макетов, будь то дольмен, полноростовая реплика Стелы Квангэтована или макеты когурёсских гробниц, включая Анак и то, где изображен субак. Оружью и доспехам уделяется довольно много места. Однако не всегда понятно, где это данные раскопок, а где реконструкция — не всегда логичная.

К сожалению, качество экспозиций довольно часто оставляет желать лучшего, особенно когда речь идет о пропаганде. Некоторые блоки, посвященные одному и тому же событию, встречаются в разных музеях, практически копируя друг друга, а в Музее революции один и тот же англоязычный или русскоязычный текст помещен в несколько разделов, будто бы иллюстрируя тот или иной тезис. При этом, в качестве документов периодически попадают не только издания 1930-х годов, которые представляли для автора действительный научный интерес, но и отрывки из исторических работ более позднего времени, будь то книга Пигулевской или ран-

ние работы М. Н. Пака, написанные в 1950-х — начале 1960-х гг. При этом далеко не всегда текст полностью релевантен корееязычному содержанию экспозиции.

Грустнее бывает, когда речь идет об англоязычных документах, так как в некоторых случаях человек, владеющий английским, благополучно обнаруживает противоречия. Например, в Музее победы и в Музее классового воспитания периодически встречается отрывок, повествующий о том, как представители американских войск наблюдали насилие и казни мирного населения южнокорейской полицией, в действия которой они не имели права вмешиваться. Между тем, в интерпретации гида этот материал подается как свидетельство того, что американские власти непосредственно отвечали за указанные казни, и в них принимали участие американские военнослужащие.

Основные тренды трактовки истории можно свести к следующему:

«Согласно политике вождей и на основе научных достижений» (использование метода электромагнитного резонанса) Тангун считается реальным персонажем. В экспозиции исторического музея упомянуты имена сыновей Тангуна (по данным «Самгук Юса») и 47 правителей тангунского Чосона вплоть до Корёльга. Вообще, вместо Древнего Чосона теперь говорят Тагнунский Чосон. Киджа при этом не упоминают, заявляя, что его несуществование научно доказано. Утверждается, что в Пхеньяне было захоронение, которое называлось «могилой Киджа» (заметим, что это тоже могла быть народная этимология), но после освобождения Ким Ир Сен приказал ее раскопать, и при раскопках никаких останков не нашли.

Как и в РК, в КНДР признают, что история Кореи может насчитывать больше, чем пять тысяч лет. Расхождения между северо-корейской и мейнстримной южнокорейской точками зрения заключаются в том, что у южнокорейских авторов прародина корейцев находится за пределами полуострова, а у северо-корейских — в районе Пхеньяна (стоянка в Комын-мору). Утверждается, что все соответствующие окаменелости обладают корейской национальной спецификой, а в квартале Тонъям города Сунчхон нашли каменное орудие, которое говорит о том, что древние корейцы обитали тут со времен палеолита.

Как и южане, северяне привязывают скрипкообразные кинжалы к наследию Древнего Чосона и определяют его границы по наличию в археологических стоянках этих предметов.

Однако «библию» «оппозиционной школы РК» в лице Хвандан коги на Севере в целом не признают. Скорее всего, это новодел XX века, однако у каждого документа есть предыстория. Возможно, что-то было написано на основе устных преданий, и поэтому мы не отрицаем этот текст полностью. Что-то оттуда можно использовать после научной проверки (читай: выбираем то, что нравится). В целом, однако, хотя с середины 1990-х годов, на фоне распада Восточного блока историческая методология КНДР делает поворот от марксизма к национализму, не стоит приравнивать северокорейские националистические трактовки к тем одиозным выкладкам, которые практикует в Республике Корея т. н. «оппозиционная историческая школа». Хотя «тангунский Чосон», как и на Юге, считается реально существующим государством, северокорейская историческая наука отказывается от попыток объявить Корею центром мировой или региональной цивилизации. Кроме того, северокорейская версия истории страны делает древних корейцев автохтонным народом, родина которого всегда находилась на территории Корейского полуострова.

Любопытна историческая преемственность, которую современная северокорейская наука определяет, как историю современной Северной Кореи. После тангунского Чосона идет Когурё, затем Бохай по факту того, что оно занимало часть северокорейской территории и было населено условными когуресцами, потом Корё, которое позиционируется как первое государство, окончательно объединившее полуостров, и «феодальный период Чосон» (термин «династия Ли» не употребляется).

История Когурё удревняется, — оно, оказывается, было основано в 277 г. до н. э., и в его истории было не 28 ванов, как говорится в «Самгук Саги», а 33. Когурё. воспринимается как самое большое сильное государство в истории страны вообще. При этом, в отличие от южнокорейских националистов, я не слышал связанные с этим рассуждения о «нашей Маньчжурии». Поэтому, хотя могила вана Тонмёна выглядит некоторым новоделом (курган как курган, но каменные сооружения рядом — явная реконструкция), теперь это — один из важных культурных артефактов.

Считать Когуре китайской территорией — не исторический подход. Да, когурёские территории находятся в китайском Дунбэе, но территория государства может меняться в различные исторические периоды. Важнее отношение духовной и материальной преемственности. А в исторической традиции нет упоминания того, что Когуре или Бохай были китайскими государствами. Тем более что до

обнародования «северо-восточного проекта» историю Когуре и Бохая в КНР изучали не как историю Китая, изменив это из политических соображений.

Бохай считают корейским по комплексу причин. Во-первых, оно возникло «в результате усилий бывшего населения Когурё» и само провозглашало себя преемником Когурё. Когда правители Бохай писали в Китай и Японию, они называли себя как Бохай, так и Когурё (любопытно, но не встречал подтверждения в текстах). Что же касается термина «мохэ», то северяне говорят, что он обозначает (как минимум, на момент существования Бохай) не этническую группу/народ, а определенное крестьянское сословие.

Корё позиционируют как первое объединенное корейское государство, но тема противостояния монголам была почти обойдена.

Интересно отношение северокорейской исторической науки к мятежу монаха Мёчхона, который автор считает последней серьезной попыткой переориентировать развитие государства в сторону не-заимствования китайской модели. Отмечается, что это было противоборство с низкопоклонством: речь шла не только о том, чтобы расширяться за счет китайских территорий, но и о том, что Корё должно иметь право на свое название девизов правления и императорский титул. Затем, в этом принимало участие много простого народа из-за усиления эксплуатации, и, по сути, феодальный мятеж /перерос в крестьянское восстание.

Политический курс династии Ли тоже оценивают с позиции борьбы с низкопоклонством, считая при этом, что «садэ» — не более, чем форма дипломатии. Что же до теории «малого Китая», то, по мнению северокорейских историков, Корея всегда пыталась по возможности сохранять самостоятельность, и разговоры о том, что «после того, как в Китае пришли к власти маньчжуры, самое правильное китайское наследие теперь у нас», никогда не были основой идеологии.

Новая история подается относительно сжато и в историческом музее она занимает один зал, где почти нет музейных экспонатов, причем ползала посвящено Ким Хён Чжику как создателю Чосон Кунминхве. Оказывается, именно Ким Хён Чжик впервые заговорил о необходимости перейти к пролетарской революции. Однако новая и новейшая история Кореи не рассматривается исключительно как «история семьи Ким». Иным деятелям тоже уделяется определенное внимание, хотя, как в средней школе, так и в университете, изучается не только история революционной деятельности товарища Ким Ир Сена, но и аналогичные курсы, посвященные Ким Чен Иру, Ким Чен

Ыну и Ким Чжон Сук. Об иных фракциях упоминается, но именно в контексте того, как люди шли неправильным путем, впадая в фракционизм и низкопоклонство. И потому корейскую историческую науку не особенно интересует то, какой процент корейских коммунистов был уничтожен в 1937–1939 гг. в ходе «большого террора» или как именно выглядели дрязги между группировками.

Тем не менее, фракционеров более позднего времени официальная северокорейская историческая традиция выводит из группировок середины 1920-х годов, во многом огрубляя ситуацию. Есть группа «Хваёпха» (Общество вторника), к которой относятся Пак Хон Ён и Ли Сын Ёп. До Освобождения они «продались» японцам, после — американцам, и потому воспринимаются не только как группа контрреволюционеров, но и как банда шпионов. Вторая группа — «Эмэльпха» (марксистско-ленинская фракция), и туда записываются Пак Чхан Ок и Чхве Чхан Ик, каковые занимали высокие государственные посты, но занимались враждебной активностью при помощи «внешних сил», выступали против чучхе и опоры на собственные силы при подстрекательстве великодержавных шовинистов и хотели ликвидировать «чувство достоинства нашего народа», будучи их приспешниками. При этом термин «внешние силы» был не столько данью политкорректности при общении с автором, но принятым термином, который позволял не упоминать Китай или СССР лишний раз и всуе.

Но вернемся к новой истории. В отношении реформ года Кабо и группировки Ким Ок Кюна и его последователей в целом наблюдается отказ от распространенной ранее трактовки, по которой они были приспешниками Японии. Это буржуазная реформа, осуществленная сторонниками модернизации. Структура, которая вела реформы (кунгук кимучхо) появилась в связи с восстанием Тонхак и в условиях грубого японского вмешательства (которое и стало причиной неудачи проекта), но, в любом случае, это была буржуазная реформа на основе исторических закономерностей. Считать этих людей чхинильпха — неправильно, поскольку сами японцы из тогдашней миссии их таковыми не считали, ссылаясь на работу «Чехан косинрон», которую написал Сугимура Фукацу, дипломат и один из организаторов «охоты на лисицу».

Кочжон при этом скорее обеляется. То, что он отыграл все назад, связано с тем, что японцы использовали его амбиции. И если рубеж веков для автора — это период, когда шанс модернизации был окончательно упущен, в КНДР полагают, что реформы проводились, процесс все равно шел, просто изменилась форма. Если раньше ре-

форматоры хотели конституционной монархии, то теперь они укрепили власть императора.

Любопытен амбивалентный взгляд на последних правителей династии Ли. С одной стороны, откровенно признается, что их политика довела страну до критического положения. С другой, они все-таки позиционируются как лица, которые сопротивлялись иностранному (в первую очередь — японскому) влиянию, и в этом качестве не подлежат однозначному осуждению. Как было заявлено автору, Тэвонгун, Кочжон или королева Мин создали национальный кризис своей традицией низкопоклонства. Они остановили модернизацию, подавив переворот Капсин и реформы года Кабо (заметим, взаимоисключающий параграф с предыдущим пунктом), подавили восстание Тонхак. Но, в конечном счете, их судьба была трагической из-за иностранных захватчиков. Тэвонгун, например, проводил политику «закрытых дверей» с учетом настроений населения, поэтому мы считаем его патриотом (и да, корейский след в убийстве королевы Мин замалчивается: убили японцы, остальное неважно). А ван Кочжон, хотя и привел страну к гибели, но был против протектората и разоблачал японцев. Он осознавал, что это приведет к гибели страны, и защищал Корею, а не свое право безнаказанно хапать. Корейская сторона не считает, что после аннексии ван находился в статусе младшего принца японской императорской семьи и получал соответствующее довольствие и ни о чем не жалел. Нет, японцы не выполнили свои обещания, и ван был лишен всякой свободы. Более того, японцы и при подписании договора о протекторате гарантировали ему неприкосновенность и привилегии. Но ван не поддался на их условия, и, значит, был патриотом.

Как проявление низкопоклонства рассматривается и период пребывания Кочжона в русской миссии. Вебер воспользовался ситуацией, сыграл на страхах короля, и мы считаем подобные действия таким же посягательством, как и убийство королевы или так называемый инцидент с воротами Чунсэн, когда Аллен хотел похитить короля и спрятать его в американской миссии.

С другой стороны, любой выступавший против японцев с оружием в руках или протестовавший против раскола страны в 1945–48 гг. оценивается положительно. В том числе Ё Ун Хен и Ким Гу.

Интересен ответ северокорейской стороны на мой вопрос о том, как развивалась бы ситуация, если бы Ким Гу пошел в президенты. Ответ был относительно ожидаем: во-первых, Ким Гу выступал за объединение, заявлял о своих взглядах на совместном заседании в Пхеньяне, и потому абсолютно точно бойкотировал бы выборы,

которые он считал сепаратными. Во-вторых, даже если бы он на выборы пошел, у него не было бы шансов, потому что американцы просто назначили Ли Сын Мана, а выборы были полной фикцией.

Применительно к периоду, когда Корея была японской колонией, северокорейский подход практически не отличается от подхода южнокорейских националистов, рисующих эти времена исключительно черной краской. Например, в нескольких книгах упоминается отголосок южнокорейской легенды о том, что японцы специально истребили в Корее всех тигров для того, чтобы уничтожить дух корейского сопротивления. Поддержание ненависти к колонизаторам осуществляется путем разветвленной пропаганды, в том числе через так называемый «Музей классового воспитания» и занимающие аналогичную нишу кабинеты классового воспитания в школах: там воспитывается вполне определенная и жесткая позиция в отношении США, Японии и РК.

Вопрос о пребывании Ким Ир Сена на территории СССР сегодня разрешается просто: в соответствии с его личными мемуарами. Напомним, что в них был сделан серьезный шаг в сторону реальности. Если ранее о пребывании Ким Ир Сена на советской территории не сообщалось вообще, и все сороковые партизаны находились в гипотетическом тайном лагере на Пэктусане, то в мемуарах Ким вполне признал и контакты с советскими военными, и то, что на территории СССР у партизан были «временные базы». Ни о какой 88 бригаде, естественно, речи не идет, но в Музее революции присутствует первая совместная фотография Ким Ир Сена и Ким Чон Сук со стихотворным посвящением Кима, где есть фраза «встречая весну на чужбине». При этом, под «чужбиной» Ким явно понимал не территорию Маньчжурии, где он вырос и чувствовал себя своим, а Советский Союз. Впрочем, опять-таки этот момент афишируется, когда надо и кому надо. Его не отрицают, но и не выпячивают.

Вклад СССР в освобождение страны также не отрицается, но и не подчеркивается. При прямом вопросе мне ответили, что Красная армия сражалась вместе с нашими бойцами, но хозяином революции в каждой стране является народ этой страны. Ким Ир Сен возглавил народные массы, на конечном этапе войны народ «как один» поднялся, и в сочетании с советской помощью произошло освобождение.

Что же до отражения этого факта в музеях, то на первый этаж музея Отечественной Освободительной (Корейской) войны (который посвящен антияпонской деятельности товарища Ким Ир Сена до освобождения страны) российские делегации обычно не водят,

так как борьба за свободу Кореи описана там в классической северокорейской версии, где решающая роль принадлежит партизанам товарища Ким Ир Сена. Правда, нельзя сказать и то, что вклад советской армии в освобождение Кореи вычеркнут полностью. На третьем этаже музея есть официальный зал интернационалистов, где с одной стороны висят портреты командиров и героев китайских народных добровольцев, включая маршала Пэн Дэхуая и погибшего на этой войне Мао Аньина, а с другой — советских офицеров и генералов, от Василевского и Мерецкова до Якова Новиченко. Портрету Пэна я был приятно удивлен, так как известно, что с Кимом он не ладил, а в 1956 г. возглавлял китайскую делегацию на пресловутых «двух самолетах». То, что ему отдали должное на фоне северокорейской привычки убирать из кадра «неправильные лица», это хорошо.

Отдельно отметим то, как относятся северокорейские историки к созданию в Южной Корее нового учебника истории и дискуссии о возможном переименовании государственного праздника из кванбокчоль в конгукчоль: Пак Кын Хе стала составлять государственный учебник истории в первую очередь для того, чтобы исказить события «апрельской революции» 1960 г., военного переворота 1961 г. и народного восстания в Кванчжу 1980 г. Переименование праздника — отказ в преемственности Шанхайскому Временному правительству, которое американцы не признали, разрешив Ким Гу и Ко вернуться только как частным лицам. Новый праздник начинает историю Республики Корея не с корейских патриотов, которые боролись за нее в 1919 г., а с Ли Сын Мана, который, как известно, американская марионетка.

Вообще градус противостояния Америке весьма велик. Утверждается, что история противоборства США насчитывает 150 лет, новую историю они отсчитывают от потопления «Генерала Шермана», а при описании аннексии страны обязательно поминается соглашение Тафт-Кацура.

Это продолжается и при описании Корейской войны, где южнокорейцам отказывают в субъектности. То, что Южная Корея не подписала Соглашение о перемирии, объясняют не противоречиями между Ли Сын Маном и Вашингтоном, а тем, что Сеул как марионетка просто не имел полномочий что-то подписывать.

Любопытно, что такой подход распространяется даже на описания зверств в отношении мирного населения; как уже отмечалось выше, хотя по легенде все зверства совершают американцы, в музее отечественно войны под стеклом лежат документы, отражающие

попытки американцев ограничить насилие со стороны южнокорейских войск.

То, что Ли Сын Ман и Пак Чжон Хи имели серьезные проблемы с Вашингтоном, так же воспринимается тяжело даже историками. Хотя при этом часть из них уверена в том, что Пака убило американское ЦРУ, рассуждения о противостоянии Сеула и Вашингтона вызывали как минимум недоумение: «Вы что, хотите сказать, что Южная Корея проводила самостоятельную политику?».

В остальном война 1950–53 гг. подается как развязанная США и эпическая победа над американскими агрессорами, которые, оказывается, потеряли в этой войне 405 тыс. чел., — в два раза больше жертв, чем во второй мировой. Прилагаются и прочие «достижения» северокорейского военного дела типа потопленного тяжелого крейсера «Балтимор», который вообще не принимал участия в этой войне. Известная версия использования биологического оружия остается. Причем, по мнению северян, в войне против КНДР принимали участие немецкие и японские военные преступники, в том числе — лично генерал Исии. Все это сопровождается большим количеством хроники, зачастую неверно атрибутированной.

Тем не менее, внимательное изучение экспозиции позволяет обнаружить много интересного. Так, автор разобрался с историей цитаты из Д. Даллеса, которую у нас приводят в урезанном виде и несколько вне контекста. Оказывается, Даллес передает Ли Сын Ману свою книгу «Война или мир» и в сопроводительном письме пишет, что часто упоминает в ней Корею. Полная цитата звучит так: «I often mention Korea in this book & I attach great importance in the decisive role which your country can play in the great drama that is unfolding».

Там же обнаружился ответ на письмо Ли Оливеру от постоянного представителя РК в ООН от 12.10 1949 г.: «The proposal you expounded is the only logical and legitimate method of unification». Однако в нынешней ситуации «простите, но нет — «I seriously question our preparedness».

Если подводить итог, то понятно, что уровень преподавания исторических дисциплин и музейного дела в КНДР нуждается в улучшении, а в трактовке тех или иных исторических событий можно обнаружить два тренда: с одной стороны, движение в сторону южнокорейских националистических концепций сохраняется, хотя северные соседи еще не дошли до того уровня тангунопоклонства, который характерен для южнокорейской «оппозиционной» школы. С другой стороны, в отношении «революционной деятельности то-

варища Ким Ир Сена» можем наблюдать осторожную корректировку версии семидесятых годов в сторону большей реалистичности.

Список использованной литературы

1. *Асмолов К. В.* Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. Монография. М., 2009. 484 с.
2. *Ванин Ю. В.* Мемуары Ким Ир Сена как источник по новейшей истории Кореи // Проблемы Дальнего Востока. 1999, № 5. С. 81–92.
3. *Ким Чен Ын.* Охрана национального наследия — патриотическое дело, нацеленное на прославление истории и традиций нашей нации. Москва, 2015.
4. *Cummings, Bruce.* North Korea. Another Country. New York, London, 2004.

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС КНДР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Настоящая статья подготовлена на материале авторского полного перевода на русский язык действующего Уголовного кодекса Корейской Народно-Демократической Республики в редакции от 2012 г., опубликованного летом 2017 г. санкт-петербургским издательством «Гиперион» (ISBN 978-5-89332-293-4) [1].

Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики был принят 3 марта 1950 г. на V сессии Верховного народного собрания I созыва, то есть через полтора года после провозглашения КНДР — 9 сентября 1948 г. На основании ст.87 действующей Конституции КНДР Верховное народное собрание «является высшим органом государственной власти», а по сути — высшим законодательным и представительным органом КНДР. Пост Председателя Президиума ВНС КНДР с 1998 г. бессменно занимает Ким Ён Нам. За 67 лет в Уголовный кодекс КНДР был внесен целый ряд изменений и дополнений, которые принимались на основании решений Постоянного совета ВНС до 1998 г., а после внесения изменений и дополнений в Конституцию КНДР на I сессии ВНС X созыва 5 сентября 1998 г. — на основании указов Президиума Верховного народного собрания, который, согласно ст.88 действующей Конституции КНДР, осуществляет законодательную власть в период между сессиями ВНС.

В Уголовный кодекс КНДР был внесен ряд изменений и дополнений. Причем, в тексте Уголовного кодекса изменения и дополнения датируются по григорианскому календарю, а также в соответствии с используемым в КНДР с 8 июля 1997 г. летоисчислением Чучхе, первый год которого отсчитывается от года рождения Ким Ир Сена (1912 г.), дни и месяцы соответствуют григорианскому календарю.

Уголовный кодекс КНДР состоит из 9 разделов, включающих 290 статей. При этом в тексте специально не выделяются Общая и Особенная части. К Общей части могут быть отнесены: Раздел

---

¹ This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

1 «Основные принципы» (ст. 1–9) и Раздел 2 «Общие положения» (ст. 10–59); к Особенной части могут быть отнесены: Раздел 3 «Преступления против государства и народа» (ст. 60–73), Раздел 4 «Преступления, нарушающие приказы о национальной обороне» (ст. 74–90), Раздел 5 «Преступления против социалистического хозяйства» (ст. 91–182), Раздел 6 «Преступления против социалистической культуры» (ст. 183–208), Раздел 7 «Преступления против общего порядка государственного управления» (ст. 209–245), Раздел 8 «Преступления против социалистического общественного порядка» (ст. 246–265) и Раздел 9 «Преступления против жизни и имущества граждан» (ст. 265–290).

Раздел 1 Общей части «Основные принципы» включает основные принципы: принцип предотвращения преступлений (ст. 2); принцип обращения с преступниками (ст. 3); принцип обращения с лицами, раскаявшимися в предательстве Родины и нации (ст. 4); принцип обращения с преступником, явившимся с повинной (ст. 5); принцип привлечения к уголовной ответственности только за преступления, определенные в Уголовном Кодексе (ст. 6); принцип применения наказания (ст. 7); принцип гражданства, территориальный и реальный принципы (ст. 8); принцип обратной силы и принцип отсутствия обратной силы (ст. 9).

При этом обращает на себя внимание трактовка принципа обращения с преступниками (ст. 3), которая гласит: «При обращении с преступниками государство должно твердо придерживаться принципов рабочего класса, ставя во главу социальное воспитание, и комбинированно применять законодательные ограничения».

В соответствии с дополнениями от 2004 г. ст. 6 «Принцип привлечения к уголовной ответственности только за преступления, определенные в Уголовном Кодексе» вводит в УК КНДР принцип *Nulla poena sine lege*, который принят в большинстве современных государств как базовое требование верховенства закона. До этого времени в КНДР применялась статья УК, аналогичная ст. 16 УК РСФСР в редакции от 5 марта 1926 г., которая гласила, что в случае, если деяние не предусмотрено УК, то «основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления».

Параграф 3 ст. 8 УК КНДР, гласящий: «Действие настоящего Кодекса также распространяется на граждан других государств, которые выступали против Корейской Народно-Демократической Республики или посягали на граждан Корейской Народно-Демокра-

тической Республики на территории другого государства» является выражением реального принципа — пространственного принципа действия, который помогает применять уголовный закон вне зависимости от места и гражданства преступника. Таким образом, неважно, где совершено преступление — на территории КНДР или за ее пределами. Даже если на территории другого государства поступок не считается уголовно наказуемым, преступник будет осужден именно в соответствии с УК КНДР, поскольку его действия затрагивают интересы КНДР.

Второй раздел Общей части — «Общие положения» включает две главы: Глава 1 «Преступления» (ст. 10–26) и Глава 2 «Наказания» (ст. 27–59).

Соответственно, гл. 1 «Преступления» регламентирует институт преступления в УК КНДР, а гл. 2 «Наказания» УК КНДР регламентирует институт наказания.

Характерно, что термин «уголовная ответственность» достаточно активно используется в нормах УК КНДР. В этом смысле текст УК является достаточно прогрессивным и делает различие между институтами уголовной ответственности и наказания.

Гл. 1 «Преступления» (ст. 10–26) освещает вопросы субъекта преступления, объективной и субъективной сторон преступления, а также обстоятельств, исключающих преступность деяния.

УК КНДР не дает легального определения наказания и его целей. Гл. 2 «Наказания» открывается ст. 27 о видах наказания. Система наказаний включает в себя 9 видов наказаний: смертная казнь, пожизненные исправительно-трудовые работы, исправительно-трудовые работы с ограниченным сроком, исправительно-воспитательные работы, лишение права голоса, конфискация имущества, штраф, лишение квалификации, временное лишение квалификации.

В действующем УК РФ нет аналогов наказаний, смысл которых разъясняется в ст. 37 «Лишение квалификации» и ст. 38 «Временное лишение квалификации» УК КНДР. Наиболее близкой по смыслу в УК РФ может считаться ст. 47 «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

Исправительно-воспитательные работы (로동단련형) сроком до 1 года были введены в действующий Кодекс в соответствии с дополнениями от 2004 г. На сегодняшний день этот вид наказания является наиболее часто упоминаемым в тексте УК КНДР и используется более чем в двух третях всех статей УК КНДР. Следует отметить, что гражданские права лица, приговоренного к этому виду наказания, сохраняются. Также, в соответствии со ст. 31 УК КНДР,

«общий срок исправительно-воспитательных работ не может превышать 1 года, независимо от наличия совокупности преступлений или при сложении сроков наказания».

Согласно ст. 54 «Специальное помилование и амнистия», амнистию может осуществлять Президиум ВНС, но специальное помилование осуществляется только Первым Председателем Государственного комитета обороны КНДР. Однако следует отметить, что 29 июня 2016 г. решением IV сессии ВНС XIII созыва Государственный комитет обороны Корейской Народно-Демократической Республики (조선민주주의인민공화국 국방위원회) был упразднен, а вместо него сформирован Государственный совет КНДР (조선민주주의인민공화국 국무위원회). Северокорейские источники указывают, что в соответствующих статьях действующей Конституции КНДР Государственный комитет обороны КНДР был переименован в Государственный совет КНДР. Таким образом, согласно ст. 106 действующей Конституции КНДР, Государственный совет является «высшим руководящим органом государственной власти в области обороны». Также, решением IV сессии ВНС XIII созыва пост Первого Председателя Государственного комитета обороны КНДР был переименован в пост Председателя Государственного совета КНДР в соответствующих статьях. Таким образом, согласно ст. 100 действующей Конституции КНДР «Председатель Государственного совета Корейской Народно-Демократической Республики является верховным лидером Корейской Народно-Демократической Республики». В настоящий момент Председателем Государственного совета КНДР является Ким Чен Ын, который до 29 июня 2016 г. занимал пост Первого Председателя Государственного комитета обороны КНДР. После IV сессии ВНС XIII созыва соответствующие изменения, вероятно, были внесены и в УК КНДР.

К Особенной части УК КНДР могут быть отнесены: Раздел 3 «Преступления против государства и народа» (ст. 60–73); Раздел 4 «Преступления, нарушающие приказы о национальной обороне» (ст. 74–90); Раздел 5 «Преступления против социалистического хозяйства» (ст. 91–182); Раздел 6 «Преступления против социалистической культуры» (ст. 183–208); Раздел 7 «Преступления против общего порядка государственного управления» (ст. 209–245); Раздел 8 «Преступления против социалистического общественного порядка» (ст. 246–265); Раздел 9 «Преступления против жизни и имущества граждан» (ст. 265–290).

Особенная часть открывается Разделом 3 «Преступления против государства и нации». Глава 1 «Преступления против государ-

ства» Раздела 3 охватывает 8 статей (ст. 60–67), среди которых «Заговор с целью свержения государственной власти» (ст. 60), «Терроризм» (ст. 61), «Антигосударственная пропаганда и агитация» (ст. 62), «Измена Родине» (ст. 63). Государственные преступления подвергаются самым суровым наказаниям.

Раздел 4 «Преступления против порядка управления национальной обороной» охватывает ст. 74–90 и относится к преступлениям (в том числе должностных) в сфере управления национальной обороной и относятся к формированию стратегических запасов и преступлениям, связанными с военной техникой, оружием и боеприпасами.

Раздел 5 «Преступления против социалистического хозяйства» состоит из 4 глав и охватывает ст. 91–182 являясь самой обширной частью УК КНДР. Главы раздела 4 следующие: гл. 1 «Имущественные преступления против собственности государства и социалистических кооперативных организаций» (ст. 91–100); гл. 2 «Преступления против экономического порядка» (ст. 101–163); гл. 3 «Преступления в сфере землепользования и охраны окружающей среды» (ст. 164–175); гл. 4 «Преступления в сфере трудового регулирования» (ст. 176–182). Таким образом, Раздел 5 «Преступления против социалистического хозяйства» охватывает преступления экономического характера, а также должностные преступления в народно-хозяйственной сфере.

Раздел 6 «Преступления против социалистической культуры» охватывает ст. 183–208 и охватывает как деяния, посягающие на общественную нравственность (ст. 183 «Ввоз и распространение предметов декадентской культуры»), так и более серьезные преступления, например ст. 189 «Контрабанда и незаконная торговля предметами исторического наследия».

Раздел 7 «Преступления против общего порядка государственного управления» состоит из двух глав: гл. 1 «Преступления против общего порядка управления» (ст. 209–234) и гл. 2 «Должностные преступления» (ст. 235–245). При этом гл. 1 включает в себя совершенно разные преступления от массовых беспорядков (ст. 209) до вторжения в воздушное пространство или территориальные воды (ст. 223). Гл. 2 включает преступления с использованием служебного положения.

Раздел 8 «Преступления против социалистического общественного порядка» включает ст. 246–265 относится к преступлениям против социалистического общественного порядка.

Раздел 9 «Преступления против жизни и имущества граждан» состоит из двух глав: гл. 1 «Преступления против жизни, здоровья и личности» (ст. 266–282) и гл. 2 «Преступления против частной собственности» (ст. 283–290). Как это ни парадоксально, преступления, связанные с лишением жизни человека, а также преступления, связанные с причинением физического ущерба телу и насилием, размещены в УК УНДР в последнем разделе. Завершают Особенную часть УК КНДР посягательства, которые по общему правилу принято именовать преступлениями против собственности.

По структуре и характеру (вплоть до названия отдельных статей) действующий УК КНДР во многом повторяет Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (в редакции от 05 марта 1926 г.) вступивший в силу 1 января 1927 г. Разработчики Кодекса с одной стороны пытались воплотить идеи, отвечающие потребностям времени, с другой, — сохранив его «социалистический фундамент», обеспечить в первую очередь охрану государственного строя КНДР и установленного правопорядка от общественно опасных действий. Защита личности и имущества стоит в УК КНДР (так и в УК РСФСР 1926 г.) на последнем месте.

В целом УК КНДР на сегодняшний день представляет собой симбиоз советской модели УК с довольно архаичными традиционными моделями уголовно-правовых норм. Характерной особенностью является то, что он не содержит в достаточной мере развернутых определений традиционных понятий (преступление, состав преступления, вина, цели наказания) и обладает значительными пробелами в узком определении отдельных категорий преступлений.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики. Пер. с кор. А. В. Ковш А. В., Ю. Д. Скрипник. СПб, Гиперион, 2017. 159 с.

ВЫБОРЫ 2017 Г. В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ¹

В мае 2017 г. в Республике Корея прошли 19-е по счету президентские выборы. Особенностью этих выборов стал их внеочередной характер. Президентские выборы в стране должны были проходить в конце 2017 г. Однако осенью 2016 г. в Южной Корее разразился коррупционный скандал, в который оказалась втянута действующий на тот момент президент Пак Кынхе. В декабре 2016 г. Национальное собрание объявило импичмент президенту, а в марте 2017 г. Конституционный суд данное решение утвердил. Впервые в политической истории Республики Корея президент покинул свой пост в результате импичмента, впервые внеочередные выборы проходили по этой причине.

Президентская кампания 2017 г., таким образом, проходила под сильным и очевидным влиянием произошедшего импичмента. Еще осенью 2016 г. политический ландшафт Республики Корея выглядел следующим образом. Должность президента и премьера занимали представители консервативной право-либеральной партии *Сэнури*. В парламенте (избранном в апреле 2016 г.) 123 места занимала Демократическая партия *Тобуро*, 122 места — партия *Сэнури*, Народная партия 38 мест, Партия справедливости 6 мест, еще 11 мест — независимые кандидаты. Ни одна из партий не обладала парламентским большинством [1].

В декабре 2016 г. в результате событий вокруг импичмента стане правых (представленных на тот момент партий *Сэнури*) происходит раскол. В январе 2017 г. часть депутатов, выступающих против Пак Кынхе, образует Правильную партия (правоцентристы). Партия *Сэнури* в феврале 2017 г. меняет свое название на Партию свободной Кореи.

Для правых сил избирательная кампания 2017 г. была крайне непростой. Консерваторы, находившиеся у власти уже два срока, показали себя не самыми эффективными исполнителями. В рам-

---

¹ This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

ках своей предвыборной кампании Ли Мёнбак выдвинул План 747: ежегодный 7-ми процентный рост экономики, увеличение ВВП на душу населения до \$40 000 и выход страны на 7 место в мире по размеру экономики. Уже в 2009 г. стало очевидным, что предвыборные обещания выполнены не будут. Именно в период его президентства стремительно начали ухудшаться отношения с Севером. Семья президента оказалась связана с коррупционными скандалами. Рейтинг его стремительно падал, к концу его срока он составлял не более 35 %. Большие надежды возлагались на Пак Кынхе, однако ее пребывание в должности президента окончилось полным фиаско: импичментом и рейтингом в 2 %. Еще в конце 2016 г., когда решение об импичменте не было утверждено Конституционным судом, правые большие надежды возлагали на возможное участие в будущей президентской гонке Пан Гимуна — бывшего генерального секретаря ООН, имеющего политический вес как на внутренней, так и на международной арене. Однако в феврале 2017 г. Пан Гимун объявил, что не будет выставлять свою кандидатуру на выборах. Таким образом, к выборам 2017 г. южнокорейские правые получили: раскол и формирование двух партий правого толка на месте некогда достаточно монолитной *Сэнури*, отказ от участия в выборах наиболее харизматичного представителя правых сил, общее негативное восприятие после коррупционных скандалов и импичмента. От Партии свободной Кореи в качестве кандидата был выдвинут Хон Чжунпхё, экс-губернатор провинции Южная Кёнсан. От Правильной партии на пост президента баллотировался Ю Сынмин.

Если правые силы на протяжении многих десятилетий выступали единым фронтом, то для лево-либерального крыла характерна фрагментарность. Ситуация не изменилась и в 2017 г., однако на фоне импичмента и раскола в стане правых Демократическая партия *Тобуро* выглядела более консолидированной. И этому есть объяснение: на протяжении десятилетий правые выступали под лозунгом экономического роста; лево-либеральное крыло с самого начала своего существования (1980-е гг.) боролось с авторитарным режимом. То есть правые силы консолидировались вокруг идеи экономического роста, а левые — вокруг идеи политической борьбы. В условиях, когда Южная Корея в начале 2000-х гг. уверенно шла по пути демократической либерализации, лево-центристы теряли голоса, так как не могли предложить новой объединяющей идеи. Однако коррупционный скандал 2016 г. вокруг дочери бывшего диктатора помог вернуть лево-центристам утраченные позиции. От Демократической партии *Тобуро* был выдвинут Мун Чжэин, глава

администрации президента Но Мухёна, баллотировавшийся на президентских выборах 2012 г. От Народной партии (созданной в январе 2016 г. в результате внутреннего конфликта в партии Новый политический альянс за демократию) был выдвинут Ан Чхольсу. От Партии справедливости (созданной в 2012 г.) Сим Санчжон. И хотя в стане лево-центристов вновь не было единства, в условиях 2017 г. это уже не было большой проблемой.

В рамках предвыборных дебатов в процессе избирательной кампании традиционно можно выделить три основных направления: внутривнутриполитические проблемы, отношения с Северной Кореей, отношения РК в регионе. Мун традиционно выступал за многовекторный подход во внешней политике, нормализацию отношений с Северной Кореей (но только после денуклеаризации). Кандидат от правой Партии свободной Кореи Хон строил свою предвыборную кампанию на консервативной внешнеполитической риторике. Фактически, его лозунгом стало «Голосуй за меня, либо поставишь под удар безопасность страны». Мун Чжэин был обозначен как просеверокорейский левый. Однако, согласно социологическим опросам, население Южной Кореи в большей степени было озабочено вопросами социального и экономического развития, нежели внешнеполитическими вопросами. Согласно социологическим опросам, проведенным накануне выборов, оздоровление состояния дел в торговле и активизация экономики интересовали 17,3 % респондентов, создание новых рабочих мест — 14,3 %, вопросы безопасности — 14,3 % [2]. Традиционно в политической программе лево-центристов большое внимание уделялось социальной сфере, в частности увеличению расходов на социальные нужды, защите детства и материнства, продвижению программы доступного жилья, поддержке малого и среднего бизнеса, снижению роли в экономике страны крупных финансово-промышленных групп. Кандидат от Народной партии Ан Чхольсу, стремящийся позиционировать себя как третью силу на политической арене Республики Корея, тем не менее в рамках предвыборной кампании все больше смещался на правый фланг. Так, он назвал Северную Корею основным врагом Юга. Большое внимание было уделено союзу с США [Choi Hye-jung, 2017].

Согласно данным предварительных опросов, Мун Чжэина поддерживали 37,7 % респондентов, предпочтение Ан Чхольсу отдавало 19,1 %, Хон Чжунпхён пользовался симпатиями у 14,9% избирателей [4]. Итоги голосования 9 мая 2017 г. стали несколько иными: Мун Чжэин получил 41,1 % голосов избирателей, Хон Чжунпхён 24 %, Ан Чхольсу 21,4 %, Ю Сынмин 6,8 %, Сим Санчжон 6,2 % [5]. Явка изби-

рателей составила 77,2 %, что превысило показатели президентских выборов 2002, 2007 и 2012 гг., однако она не смогла преодолеть планку, достигнутую на выборах в 1992 и 1997 гг.

Таким образом, президентские выборы 2017 г. продемонстрировали самую высокую явку избирателей за последние 20 лет.

Впечатляет также разрыв в голосах избирателей. Одержавший победу кандидат Мун Чжэин набрал на 17,1 % голосов больше, чем его наиболее популярный соперник Хон Чжунпхё. Представляется, что оба эти факта обусловлены коррупционным скандалом и импичментом Пак Кынхе. Рост явки избирателей непосредственно связан с возросшим уровнем протестного политического участия граждан. На первом этапе это проявилось в виде демонстраций и митингов, захлестнувших страну в конце 2016 — начале 2017 гг. Далее привело к высокой явке, а также явным предпочтением кандидата либерального толка, никак не связанного с дискредитировавшей себя властной верхушкой.

Важную роль в политической жизни РК играет явление регионализма, имеющее глубокие исторические и культурные корни. Можно говорить о том, что в современной РК выходцы из провинций Южная и Северная Чолла (юго-запад) взаимно недолюбливают жителей провинции Южной и Северной Кёнсан (юго-восток) и более или менее лояльно относятся к жителям провинций Южная и Северная Чхунчхон. Наблюдается диспропорция в экономическом развитии регионов: юго-восток — это промышленно развитые районы, юго-запад преимущественно аграрный. Корейские партии сильно персонифицированы, родной регион лидера партии определяет и региональную принадлежность партии, а, следовательно, и поддержку того или иного региона [6, р. 69–71]. Консерваторы пользуются наибольшей поддержкой на юго-востоке страны, либеральные силы — на юго-западе. Наиболее жесткая борьба за голоса избирателей происходит в Сеуле и столичной провинции Кёнги.

На выборах 2017 г. регионализм также играл значимую роль, однако на этот раз проявились и новые тенденции. Юго-запад страны традиционно голосовал за кандидата от либералов. Так, в провинции Северная Чолла Мун Чжэин набрал 64,8 %, в провинции Южная Чолла — 59,9 %, в городе Кванчжу поддержка избирателей составила 61,1 %. Изменения коснулись Юго-Востока. Если в Северной Кёнсан поддержка консерваторов осталась неизменной (Хон Чжунпхё поддержало 48,6 % населения), то в Южной Кёнсан Мун Чжэин менее, чем на один процент отстал от своего конкурента. В Пусане (центральном городе провинции Южная Кёнсан) Мун опередил Хона,

набрав 38,7% против 32% [7]. На первый взгляд, это может говорить о «конце» регионализма в Республике Корея. Но здесь стоит обратить внимание на то, откуда родом кандидат Мун Чжэин. Нынешний президент родился в провинции Южная Кёнсан, получал образование в Пусане, там же начинал свою политическую карьеру. Территориальные связи (по месту рождения) играют важную роль в социальной жизни Республики Корея наравне с кровно-родственными и учебными. Соответственно, в данном случае на результаты голосования влияние оказал фактор родной местности кандидата. Традиционно борьба за голоса развернулась в провинциях Канвон и Кёнги. В провинции Канвон противостояние двух кандидатов было наиболее острым: за Мун Чжэина отдали свои голоса 34,2% избирателей, за Хон Чжунпхё — 30%. В столичной провинции и в Сеуле Мун одержал убедительную победу, набрав 42,1% и 42,3% голосов соответственно. Именно протестное движение в Сеуле сыграло важную роль в выдвижении, а затем и в утверждении решения об импичменте. В своем голосовании жители столицы еще раз подтвердили свое недовольство политикой консерваторов.

На президентских выборах 2017 г. проявились три основные тенденции. Во-первых, была зафиксирована самая высокая явка избирателей за последние 20 лет. Во-вторых, можно отметить существенный разрыв в поддержке двух основных кандидатов при голосовании, обычно не характерный для южнокорейских выборов. В-третьих, явление региональной неприязни продолжает оказывать влияние на политический процесс в Республике Корея, однако в рамках выборов 2017 г. появились новые, специфические черты, связанные территориальной принадлежностью не только партий, но и кандидатов от них.

Список использованной литературы

1. 연합뉴스 선택 2016. 4.13 총선 20 대 선거 결과 // <http://www.yonhapnews.co.kr/site/4503015800.html> (дата обращения 05.10.2017) (Агентство Ёнхап Выбор 2016. Результат всеобщих 20-х парламентских выборов 13.04.2016)
2. 여론조사문재인 37.7%.안철수 19.1%.홍준표 14.9% // 대전일보. 2017.05.02. http://www.daejonilbo.com/news/newsitem.asp?pk_no=1262404 (дата обращения 05.10.2017) (Опросы. Мун Чжэин 37.7%, Ан Чхольсу 19.1%, Хон Чжунпхё 14.9% // Тэчжон ильбо. 05.10.2017).
3. Choi Hye-jung. To build support, Ahn Cheol-soo turning further to the political right // The Hankyoreh. April 22, 2017.

4. 여론조사 문재인 37.7%·안철수 19.1%·홍준표 14.9% // 대전일보. 2017.05.02. http://www.daejonilbo.com/news/newsitem.asp?pk_no=1262404 (дата обращения 05.10.2017) (Опросы. Мун Чжэин 37.7%, Ан Чхольсу 19.1%, Хон Чжунпхё 14.9% // Тэчжон ильбо. 05.10.2017).
5. KBS NEWS. 제19대대통령선거결과 // <http://news.kbs.co.kr/news/view.do?ncd=3478193> (дата обращения 05.10.2017) (KBS NEWS. Результаты 19-х президентских выборов).
6. 지병근. 민주화 이후 지역감정의 변화와 원인 // 한국정당학회보, Vol. 14, No.1, 2015. P.63-91. (Чи Бёнгын. Изменения явления региональной неприязни и причины этого после начала процесса демократизации // Академический бюллетень политических партий Республики Корея. Vol. 14, No.1, 2015. P.63-91.)
7. KBS NEWS. 제19대대통령선거결과 // <http://news.kbs.co.kr/news/view.do?ncd=3478193> (дата обращения 05.10.2017) (KBS NEWS. Результаты 19-х президентских выборов).

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС АДМИНИСТРАЦИИ ПАК КЫНХЕ В ОТНОШЕНИИ ЯПОНИИ (2013–2016 гг.)

Развитие отношений с Японией традиционно остается важным внешнеполитическим приоритетом Республики Корея. Сеул и Токио связывает сложный комплекс политических, экономических и культурных связей, складывавшихся поэтапно в течение десятилетий. Япония, наряду с США, КНР и Российской Федерацией остается важным направлением политико-дипломатического среза внешней политики Республики Корея. Если взаимоотношения РК с иными странами, не входящими в круг «больших держав», по большей части сводятся, главным образом, к экономическому или гуманитарному сотрудничеству (характерный пример — взаимоотношения РК с Европейским союзом или Индией), то, в случае с Вашингтоном, Пекином, Москвой или Токио, важным структурным элементом внешнеполитического курса РК остается политический диалог, который, в частности, касается ключевых проблем безопасности в Северо-Восточной Азии, включая ядерную проблему Корейского полуострова. Это автоматически повышает важность японского направления в иерархии внешнеполитических связей Республики Корея.

Вместе с тем, в японо-южнокорейских отношениях существует и целый ряд проблем, являющихся серьезным источником разногласий в двустороннем диалоге. Конечно, в первую очередь, это целый комплекс вопросов, связанных с разногласиями по поводу трактовок событий исторического прошлого, в том числе проблем истории двусторонних отношений РК и Японии. С другой стороны, в последние годы на высший дипломатический и политический уровень вынесена проблема «женщин для утешения», также ставшая источником осложнений в двусторонних отношениях.

Особенно остро эти разногласия проявили себя в период нахождения у власти президентской администрации Пак Кынхе.

Региональный контекст развития двусторонних отношений между РК и Японией. Важно понимать, что внешнеполитический курс той или иной страны не находится в вакууме, его генезис и логика подчинены внешне- и внутривосточным обстоятельствам. В частности, отдельное внимание следует уделять тем значимым внешним факторам, явлениям и трендам, которые, так или иначе,

оказывают влияние на процесс принятия внешнеполитических решений в той или иной стране.

Итак, что собой представляет современная ситуация в регионе Северо-Восточной Азии? С одной стороны, одним из ключевых трендов, определяющих развитие региональных политических процессов является расширение Китаем собственного влияния в регионе. Китай все активнее проводит политику по отстаиванию собственных глобальных и региональных интересов, что, по вполне понятным причинам, противоречит интересам Вашингтона, который в 2011–2016 гг. проводил политику стратегического разворота в Азию (англ. pivot to Asia). Основным элементом этой политики стал курс на сдерживание политической и экономической экспансии Китая в регионе.

Следующим трендом, определяющим состояние региональной обстановки в Восточной Азии, стало дальнейшее развитие ситуации вокруг ракетной и ядерной программ КНДР. Решение ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП) также стало важной частью курса на активизацию политики США в данном регионе.

Основная тяжесть усилий по сдерживанию Китая и урегулированию ЯПКП, по замыслу стратегов в Вашингтоне, должна была упасть на плечи стратегических союзников США по региону, т. е. РК и Японии. Отсюда, в частности, — определенная активизация диалога по проблемам Корейского полуострова между Сеулом и Токио по линии контактов между министерствами иностранных дел, военными ведомствами двух стран и т. д. В целом, Сеул и Токио сохранили солидарность позиций о необходимости давления на КНДР с целью принудить Пхеньян к прекращению ядерных испытаний. С другой стороны, следует признать, что ЯПКП сохраняет свое значение в качестве одной из немногих сфер, где возможно реальное сотрудничество между Сеулом и Токио как по линии дипломатического, так и военного сотрудничества.

Проблемы развития политического диалога между Сеулом и Токио в правление президента РК Пак Кынхе. В 2012–2013 гг. в Республике Корея и Японии произошла смена руководства. С одной стороны, на президентских выборах в РК, состоявшихся 19 декабря 2012 г., победу одержал кандидат от партии «Сэнури» Пак Кынхе. 25 февраля 2013 г. Пак Кынхе была приведена к присяге. В свою очередь, на досрочных парламентских выборах в Японии наибольшее количество голосов избирателей (а вследствие этого — и наибольшее количество мест в Палате представителей (нижней палате парламента) вкупе с правом формировать кабинет ми-

нистов) получила Либерально-демократическая партия (ЛДП), которую с июля 2012 г. возглавляет Абэ Синдзо. Таким образом, и в Сеуле, и в Токио в конце 2012 — начале 2013 гг. к власти приходят политические лидеры, имеющие различающиеся позиции по ряду внешнеполитических проблем, включая и подходы к выстраиванию взаимоотношений между двумя соседними государствами.

Заметим, что президентская администрация Пак Кынхе столкнулась с довольно противоречивым внешнеполитическим наследием экс-президента Ли Мёнбака на японском направлении. С одной стороны, ключевой целью японской политики президента Ли Мёнбака была как активизация политического диалога с Токио, так и расширение двустороннего экономического сотрудничества. Лейтмотивом программы Ли Мёнбака было стремление оставить спорные вопросы двусторонних отношений будущим поколениям южнокорейских и японских политиков, то есть, фактически имела место попытка реанимации «тихой дипломатии», потерпевшей крах в годы «правления» президента Но Мухёна. При этом, особое внимание уделялось взаимным встречам на высшем уровне (всего состоялось восемь таких встреч, как в рамках государственных визитов глав государств, так и на полях международных форумов), что было одним из дипломатических достижений администрации Ли Мёнбака, если принимать во внимание частоту подобных встреч. Одной из важнейших задач администрации Ли Мёнбака на японском направлении была активизация взаимодействия РК и Японии в вопросах урегулирования ЯПКП. Кульминацией этого тренда стала подготовка Соглашения о защите военной информации (кор. 군사정보보호협정 軍事情報保護協定) между Республикой Корея и Японией, подписание коего было намечено на конец июня 2012 г. Однако подписание договора пришлось отложить на неопределенный срок из-за скандала, разразившегося в РК [1]. С другой стороны, не потеряли свое значение и те проблемы, которые отрицательно сказывались на динамике двусторонних отношений, включая территориальные притязания Японии на острова Токто (РК существование территориального спора отрицает) и сложный комплекс так называемых «исторических споров», концентрирующихся на конфликте восприятия событий исторического прошлого между южнокорейским и японским обществами. В конечном итоге, к концу 2012 г. двусторонние отношения вошли в конфликтную стадию.

В этих условиях, еще в ходе предвыборных дебатов кандидат от партии «Сэнури» Пак Кынхе заявила, что приветствует развитие двусторонних отношений между РК и Японией, назвав в качестве пер-

воочередного условия для нормализации отношений «правильное понимание» японской стороной истории двусторонних отношений [2]. Отметим, что подобного подхода администрация Пак Кынхе последовательно придерживалась в течение всего периода нахождения у власти. Показательными, в частности, были неоднократные заявления президента РК Пак Кынхе относительно проведения встречи на высшем уровне. Дело в том, что традиционно в течение первого года новоизбранный президент страны наносит визиты в столицы четырех «больших» государств, с которыми Сеул наиболее активно ведет политический диалог. В частности, если, скажем, Ли Мёнбак посетил Токио с официальным визитом уже 21 апреля 2008 года (практически сразу после государственного визита в Вашингтон и перед аналогичной по значению встречей с председателем КНР Си Цзиньпином в мае 2008 года; государственный визит президента РК Ли Мёнбака в Российскую Федерацию состоялся 29 сентября 2008 года), то встреча на высшем уровне между президентом РК Пак Кынхе и премьер-министром Японии Абэ Синдзо состоялась лишь 1 ноября 2015 года в Пекине на полях трехстороннего саммита глав государств КНР, РК и Японии. [3] Конечно, встречи глав государств РК и Японии имели место и на полях иных мероприятий. В частности, 25 марта 2014 г. в Гааге, в рамках Саммита по ядерной безопасности, состоялась трехсторонняя встреча между президентом США Б. Обамой, президентом РК Пак Кынхе и премьер-министром Синдзо Абэ, посвященная, главным образом, сотрудничеству в области урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова. [4] Понижение частоты подобных встреч свидетельствует о том, что состояние двусторонних отношений далеко от идеального.

Подобная динамика политического диалога между Республикой Корея и Японией указывает на целый ряд системных противоречий во взаимоотношениях двух стран. В той или иной мере эти противоречия сохраняют свое значение в течение десятилетий, по-своему оказывая влияние на формирование внешнеполитического курса Республики Корея в отношении Японии.

В первую очередь, речь идет о вопросах восприятия и трактовки событий колониального прошлого Кореи, а также экспансии японского милитаризма в континентальной Азии. В силу определенной политизации истории в странах региона, в том числе, — и в Южной Корее, любая мало-мальски комплиментарная трактовка упомянутых событий с японской стороны, будь-то академические ученые или представители политического истеблишмента может быть воспринята крайне болезненно.

Во-вторых, период президентского правления Пак Кынхе ознаменовался выводом проблемы «женщин комфорта» на высокий дипломатический уровень, чего ранее не наблюдалось. Вероятно, это было как-то связано с имиджем «первой женщины-президента Республики Корея», сформированным политтехнологами из администрации президента Республики Корея.

В-третьих, во взаимоотношениях двух стран по-прежнему сохраняет свою актуальность территориальный вопрос.

В-четвертых, определенное непонимание в политических кругах Республики Корея в 2014–2015 гг. вызвали действия премьер-министра Японии Абэ Синдзо, направленные на частичный пересмотр японской военной стратегии, включая изменение трактовки 9 статьи Конституции Японии, которая позволила бы применять Силы самообороны Японии в тех случаях, когда ее ключевым стратегическим партнерам грозит нападение третьих стран. [5]

Разрешение этих проблем в ближайшее время маловероятно, хотя правительством Пак Кынхе предпринимались и некоторые усилия для урегулирования некоторых из них, в частности, — проблемы «женщин для утешения».

Проблемы военно-политического сотрудничества во взаимоотношениях РК и Японии в 2013–2016 гг. Важным структурным элементом японо-южнокорейских отношений в обозначенный период остается сотрудничество в военно-стратегической сфере, в первую очередь, — по вопросам ядерной проблемы Корейского полуострова. Следует отметить, что, в силу определенных обстоятельств, министерство обороны Республики Корея остается, пожалуй, тем органом власти «политического блока» (то есть, не занимающимся вопросами торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества), которое поддерживает максимальный уровень сотрудничества даже в условиях охлаждения отношений между Сеулом и Токио.

Источником разногласий в 2014–2015 гг. стали действия Японии по пересмотру военной доктрины в целях обеспечения права на коллективную самооборону. В частности, Палатой представителей (нижняя палата японского парламента) и Палатой советников (верхняя палата парламента) в 2015 г. большинством голосов был принят пакет законов, расширяющих полномочия сил самообороны. Данные поправки отменяют некоторые ограничения на действия японских войск при операциях в составе сил ООН за рубежом. Позиция РК заключается в том, что использование Японией права на коллективную самооборону, если оно затрагивает вопросы безопасности

на Корейском полуострове и национальные интересы РК, требует согласия Сеула.

Проведение КНДР сразу двух ядерных испытаний (в январе и сентябре 2016 г.) и дальнейшее развитие ее ракетной программы привели к активизации военно-политического сотрудничества между Сеулом и Токио. Заметим, что позиции РК и Японии по ядерной проблеме Корейского полуострова остаются солидарными, и, в данном случае, разногласия лишь стилистические: как для Сеула, так и для Токио обладание Пхеньяном ядерным оружием и средствами его доставки представляется неприемлемым.

Так, в частности, 23 ноября 2016 г. было подписано Соглашение о защите военной информации (кор. 군사정보보호협정 軍事情報保護協定) между Республикой Корея и Японией, иначе — соглашение об обмене военной информацией. Договором предусматривается предоставление южнокорейской стороной информации о ракетной и ядерной программах Пхеньяна, собранной японскими разведывательными спутниками, а также обмен с Японией информацией о северокорейских ракетах, которую собирают вооруженные силы РК [6]. Обсуждение договора было возобновлено 27 октября 2016 г. после пятилетнего перерыва. По существу, подписание подобного соглашения стало важной вехой в развитии политического диалога между Сеулом и Токио. Вместе с тем, еще до подписания соглашения министр обороны РК Хан Мингу заявил, что обсуждение этого соглашения не касается сотрудничества по проведению военных операций и системы ПРО.

«Исторические споры» и проблема «женщин утешения» в двусторонних отношениях. Пожалуй, главной группой противоречий, создававшей наибольшее количество препятствий для двустороннего диалога между Сеулом и Токио в 2013–2016 гг. оставались так называемые «исторические споры» (кор. 역사분쟁 歷史紛爭) и проблема вианбу (кор. 일본군 위안부 慰安婦), дословно — «женщины утешения»).

Как уже отмечалось, наибольшую остроту проблема «женщин утешения» получила именно в период нахождения у власти Пак Кынхе. По существу, продолжился тренд на политизацию данной проблемы, причем именно при Пак Кынхе ее обсуждение было вынесено на уровень МИД. В 2014–2015 гг. состоялась серия встреч на уровне представителей внешнеполитических ведомств, где обсуждался данный вопрос. В конечном итоге, 28 декабря 2015 г. в ходе переговоров министров иностранных дел РК и Японии Юн Бёнсо и Кисида Фумио был достигнут ряд договоренностей, включая офи-

циальные извинения премьер-министра Японии Абэ Синдзо «женщинам для утешения» и финансовую поддержку южнокорейскому правительственному фонду в размере 1 млрд иен. [7] Правительственный «Фонд примирения и исцеления» начал работу 28 июля 2016 г. [8]

Казалось, что проблема урегулирована окончательно и бесповоротно. Но возникли новые обстоятельства, связанные с неформальной договоренностью между Сеулом и Токио о переносе памятника «женщинам для утешения», установленного напротив посольства Японии в Сеуле. В течение 2016 г. японская сторона неоднократно поднимала этот вопрос [9] Впоследствии, уже после того, как Пак Кынхе формально была отстранена от руководства страной, случился скандал, связанный с установкой памятника «женщинам для утешения» перед зданием генерального консульства Японии в Пусане. Следствием скандала стал отзыв 6 января 2017 г. посла Японии в Республики Корея Нагаминэ Ясумасу, который вернулся к своим обязанностям 3 апреля 2017 г. [10]

Выводы. В период нахождения у власти в РК администрации Пак Кынхе, японское направление сохраняло свою значимость и важность для внешней политики страны. Вместе с тем, выстраивание внешнеполитического курса в отношении Японии сталкивалось с целым рядом проблем, связанных с политизацией вопросов исторического прошлого, включая проблему «женщин для утешения». С другой стороны, под влиянием ряда традиционных для региона вызовов и угроз, в 2015–2016 гг. происходит постепенная активизация как политического диалога на высшем уровне, так и военно-политического сотрудничества между двумя странами.

Список использованной литературы

1. Yonhap. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2012/06/29/57/0301000000AEN20120629008900315F.HTML>
2. Yonhap. 1차 대통령선거 후보자 토론. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/medialabs/election/tvd/tvd1.html>
3. 조선일보. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2015/11/02/2015110201090.html
4. Yonhap. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/international/2014/03/26/0601080100AKR20140326006000071.HTML>
5. Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/ideas/2015-02-25/5_japan.html
6. Yonhap. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2016/11/23/0200000000AKR20161123071000014.HTML>

7. 조선일보. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2015/12/28/2015122802180.html
8. 조선일보. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2016/07/29/2016072900270.html
9. The Japan Times. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2017/05/03/national/politics-diplomacy/japanese-ambassador-urges-south-korea-remove-comfort-woman-statues/#.WTx-K2jyjIU>
10. The Japan Times. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2017/04/03/national/politics-diplomacy/recalled-comfort-women-row-japanese-ambassador-return-south-korea-tuesday/>

РАКЕТНО-ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА КНДР КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Активная реализация ракетно-ядерной программы КНДР позволяет сохранить хрупкий статус-кво на Корейском полуострове и в регионе Северо-Восточной Азии.

Ставшее уже регулярным осуществление ракетных пусков, а также проведение пяти ядерных подземных испытаний позволяет Пхеньяну проводить собственную, полностью независимую внутреннюю, и, насколько это возможно, учитывая всеобъемлющие санкции соседей и Совета Безопасности ООН, внешнюю политику.

Существующая политическая система в КНДР была основана СССР, и после развала Союза, оставшееся без поддержки Москвы, руководство республики приняло решение обезопасить установленный строй путем создания ракетно-ядерного щита.

Страна также отреагировала сведением до минимума внешних отношений в сферах, где скорее всего могло произойти размывание идеологических основ политического устройства. «Произошло практическое сведение на нет гуманитарных и культурных обменов с зарубежными странами, в том числе туризма, были отозваны студенты и аспиранты из бывших социалистических стран, введены жесткие ограничения на информацию о положении внутри страны для иностранцев, включая прессу и научные центры» [Жебин А. З., с. 19]

Этот процесс объяснялся новой (по сравнению с 1960-ми годами «чучхе») идеологией «сонгун» — «опора на собственные силы». «Собственные силы — это реальная гарантия сохранения и воплощения в жизнь принципа чучхе и национальной специфики» [Ким Чен Ир, с. 26]

Более того, северокорейцы полагают, что их ядерные возможности гарантируют мир и безопасность на Корейском полуострове и в регионе. Так, на Конференции по разоружению в феврале 2017 года представитель КНДР заявил, что «справедливый ядерный потенциал Пхеньяна является гарантом мира в Северо-Восточной Азии».

Усугубляют ситуацию регулярные масштабные американско-южнокорейские учения (Fool Eagle, Key Resolves, Team Spirit), достигшие этой весной небывалого уровня военного напряжения, когда в акваторию полуострова прибыла военная эскадра во главе с атомным

авианосцем США Carl Vinson. Согласно официальному сценарию маневров, их участники отрабатывали действия по захвату Пхеньяна, уничтожению руководства республики, выходу на границу с Россией и Китаем, установлению административного управления над провинциями Северной Кореи.

Вместе с тем, в 1994 году занимавший в то время пост президента США Билл Клинтон направил руководителю КНДР гарантийное письмо, в котором обещал решать все двусторонние противоречия мирным путем.

В опубликованном в США исследовании «Тихоокеанское командование: структура и стратегия американских вооруженных сил на Тихом океане» говорится, что «главной огневой мощью расквартированных в Южной Корее американских сухопутных войск являются ядерные мины и разбросанные по всей стране склады с ядерными артиллерийскими снарядами и авиабомбами» [Торкунов А. В., с. 200]

Как принято называть в западной историографии — «династия Ким» — в целях самообороны создала ядерное оружие из-за угроз США сменить режим в стране.

Во всех резолюциях Совета Безопасности ООН, которые были приняты в отношении КНДР, четко указывалось, что санкции ориентированы исключительно на прекращение ракетно-ядерных программ. Подчерчивалось, что они не должны негативно влиять на жизнь населения, однако это и происходило. Тем не менее, КНДР упорно доказывает, что способна выдержать массовый голод и экономическую разруху, а ужесточение санкций убеждает Пхеньян продолжать наращивать милитаризацию.

Северокорейцы поступают таким образом потому, что, во-первых, Запад не скрывает своей конечной цели, а именно ликвидацию политической системы КНДР. Во-вторых, уничтожение государственности на Севере будет, скорее всего, означать поглощение оставшегося «наследия» Югом.

Кроме того, многочисленные обвинения КНДР в нарушении прав человека не имеют доказательной базы просто потому, что иностранцы не могут свободно передвигаться по стране, и, соответственно, наблюдать эти факты. Укоры западных политиков и СМИ, пропагандистские штампы о некоей изоляции КНДР исходят с точки зрения «европейской цивилизации», никогда не пересекающейся с идеями конфуцианства, подразумевающими, в том числе, осознанное поклонение своему вождю, лидеру (как минимум, лояльность). «Для Востока по-прежнему характерно особое «харизматическое»

отношение к национальному лидеру. Политика во многом персонифицирована [Смирнов Г. Н., Петренко Е. Л., Бурсов А. В, с.257].

«КНДР, безусловно, поддерживает гораздо менее интенсивные контакты с внешним миром, нежели ее соседи. Однако такая ситуация порождена не только политикой ее руководства, но и особенностями курса ряда государств, в отношении этой, чересчур самостоятельной, по мнению Запада, страны» [Жебин А. З., с. 4].

Построенные на рассказах так называемых перебежчиков историях о массовых казнях требуют подтверждения.

Министерство обороны Японии высказало опасения, что КНДР может располагать даже химическим оружием. Однако, обвинения публично повешенного президента Ирака Саддама Хусейна в обладании химоружием не были подтверждены — содержимое продемонстрированной Колином Пауэллом на заседании в ООН пробирки никем не проверялось.

По мнению замдиректора Американско-корейского института при Школе перспективных исследований Джона Хопкинса Дженни Таун, лидер КНДР не собирается останавливаться в развитии ракетно-ядерной программы именно после примера свержения возглавляемой США коалицией иракского президента.

«У Хусейна не было ядерного оружия или любого другого оружия массового уничтожения, хотя президент Джордж Буш провозгласил именно это, чтобы начать вторжение в Ирак» [6].

Идея о том, что решения Ким Чен Ына, в частности по поводу обладания ядерным оружием, иррациональны, является мифом, считает американский эксперт, а его искусственно созданный СМИ «карикатурный, мультяшный образ» лишь призван убедить мировое сообщество в неадекватности северокорейского лидера.

Демонизация «режима Ким Чен Ына» активно муссируется в СМИ, не имея никаких подтверждений. Вместе с тем, автору представляется недопустимым обеспечивать собственную — как государства-члена ООН — сохранность в ущерб безопасности соседних стран. Обладание ядерным оружием не может служить критерием безопасности в современных международных отношениях.

Ракетно-ядерная программа КНДР является грустным, но уникальным прецедентом в истории международных отношений, когда гонка вооружений происходит не из-за соревнования с другим государством, а вопреки потенциальному, но угрожающему (США) субъекту, чтобы сохранить свою политическую систему. Потому что члены официального так называемого клуба ядерных держав создавали это оружие либо из-за конкуренции между собой (США-

СССР; Индия-Пакистан), либо «по праву члена Совета Безопасности ООН» (Великобритания, Китай, Франция).

Список использованной литературы

1. *Жебин А. З.* Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М., «Русская панорама», 2006. С. 19.
2. *Ким Чен Ир.* Хранить чуждый и национальный характер революции и строительства нового общества. Пхеньян, Издательство литературы на иностранных языках, 1997. С. 26.
3. *Торкунов А. В., Уфимцев Е. П.* Корейская проблема. М., 1995. С. 200.
4. *Смирнов Г. Н., Петренко Е. Л., Бурсов А. В.* Политология. Курс лекций. М., «Проспект», 2009. С. 257.
5. *Жебин А. З.* Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М., «Русская панорама», 2006. С. 4.
6. <https://www.usatoday.com/story/news/world/2017/08/02/kim-jong-un-cruel-dangerous-but-not-crazy-say-north-korean-experts/529335001/>

*Хасанов Азат,
аспирант Факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета*

ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШВЕЙЦАРИИ И ШВЕЦИИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В статье выявлены причины и обстоятельства, по которым Швейцария и Швеция были выбраны для работы в составе Комиссии нейтральных стран по репатриации (1953–1954 гг.) и Наблюдательной комиссии нейтральных стран (с 1953 г.) на Корейском полуострове. Описывается история и особенности становления двусторонних отношений Швейцарии и Швеции с каждым из двух государств Корейского полуострова — КНДР и Республикой Корея. Особое внимание уделено рассмотрению «защитных мандатов» Швеции по обеспечению интересов других государств в Северной Корее.

Вот уже больше шестидесяти лет, после завершения Корейской войны, на границе КНДР и Республики Корея находятся военные наблюдатели из Швейцарии и Швеции. Конечно, сейчас контингенты из этих стран состоят всего лишь из пяти человек, но, 60 лет назад, их численность была гораздо больше.

27 июля 1953 г. в деревне Пханмунджом между Корейской народной армией и Китайскими народными добровольцами с одной стороны и силами ООН с другой, было подписано перемирие, положившая конец Корейской войне. Данный документ предусматривал создание **Комиссии нейтральных стран по репатриации** (The Neutral Nations Repatriation Commission, NNRC) и **Наблюдательной комиссии нейтральных стран** (The Neutral Nations Supervisory Commission, NNSC). Если первой комиссии надлежало заниматься репатриацией военнопленных, то, второй — осуществлять наблюдение за выполнением условий перемирия. Наблюдательные комиссии должны были быть представлены четырьмя странами, по две из которых выбирали сами конфликтующие стороны. Вообще, для получения нейтрального статуса, было достаточно не принимать участия в Корейской войне. Поэтому северокорейские и китайские коммунисты в качестве нейтральных стран выбрали коммунистические государства — Польшу и Чехословакию. Стоит вспомнить, что в 1953 г. еще не существовало ОВД, куда войдут ПНР и ЧССР в 1955 г. ООН же решил рассматривать страны с сильными традици-

ями нейтралитета. Первой таковой нейтральной была Швейцария, а второй — Швеция, хотя, последняя была среди 26 стран ООН, которые с началом войны на полуострове, при поддержке резолюций Совбеза ООН (№ 82, 83, 84, 85 [1]) направили своих военнослужащих в Корею, но не принимая участия в военных действиях — Королевство направило туда лишь бригаду военных медиков. 170 шведов, среди которых были 10 врачей и 30 санитаров, с прибытием на полуостров развернули полевой госпиталь под эгидой Международного Комитета Красного Креста. Далее, госпиталь предложил оказывать свои услуги в Пусане под опекой 8-ой армии США, увеличив первоначальное число коек с 200 до 450 мест. Всего, за период Корейской войны, в общей сложности, в госпитале трудились 650 шведов, оказывая помощь более чем двум миллионам пациентам. Шведская медицинская бригада вернулась на родину лишь в 1957 г. [2]. Таким образом, Швеция была готова к этой посреднической деятельности, нежели Швейцария.

Впервые идея о включении Швейцарии в состав этих двух комиссий возникла в 1951 г. Однако Начальник политического департамента Швейцарской Конфедерации¹ Макс Птипьер (1945–1961 гг.) к подобной идее отнесся негативно, так как считал, что участие его страны в миссиях ООН противоречит нейтралитету Конфедерации. К тому же в то время Швейцария не являлась членом ООН². Однако Берн направил своего наблюдателя в ООН в лице Августа Линдта. Дело продвинулось вперед с приходом на должность Генерального секретаря ООН Дага Хаммершельда (1953–1961 гг.). Новый Генсек пообещал «сделать все, для того чтобы ООН вела независимую, в том числе от СССР и США, политику [3]». Однако обещания Генсека ООН были недостаточными для альпийцев. Глава внешнеполитического департамента горной страны выразил согласие принять участие в урегулировании, если Швейцария получит особое подтверждение нейтрального статуса своих военных наблюдателей. Такой статус был предоставлен швейцарцам 19 июня 1953 г., после которого они согласились быть наблюдателями в корейском переговорном процессе [*Кеснель Р* 2013].

7 июля 1953 г. официальный Берн принял решение направить на Корейский полуостров делегацию из 146 человек [4] (96 чело-

---

¹ Название внешнеполитического ведомства страны в 1896–1978 гг. С 1978 г. ведомство именуется Федеральным департаментом иностранных дел Швейцарии.

² Швейцария вступила в ООН лишь в 2002 г., после того как швейцарцы на референдуме высказались за вступление в эту всемирную организацию.

век для работы в составе Наблюдательной комиссии и 50 для работы в составе Комиссии по репатриации [5, р.№5]). После обмена военнопленными надобность в комиссии по репатриации отпала, и в феврале 1954 г. она был распущена. Что же касается наблюдательной комиссии, то первоначально в ее компетенции входили надзор, наблюдение, инспекция и расследования по обе стороны демаркационной линии. Начиная с 1956 г. снижается объем работы, и по этой причине уменьшается швейцарский контингент в наблюдательной комиссии.

Таблица 1. Изменение численности швейцарского и шведского контингентов в Наблюдательной комиссии нейтральных стран с 1953 г. [5, р. №8] [6, р. 26, 87–88, 133, 240]

Страна \ Год	1953	1956	1960	1970	1978	1994
Швейцария	96	14	9	7	6	5
Швеция	75	11	9	7	6	5

Начиная с 1991 г. КНДР начинает дистанцироваться от работы с комиссией. Как нам представляется, Пхеньян пошел на такой шаг, ввиду того что две нейтральные стороны, которых он выбрал — Польша и Чехословакия — к тому времени перестали быть коммунистическими. А в 1993 г. ЧССР и вовсе прекратила свое существование, в дальнейшем Прага не направила своих наблюдателей на полуостров. 28 апреля 1994 г. Корейская народная армия в меморандуме заявила о непризнании существования Наблюдательной комиссии нейтральных стран, потребовав вывода польского контингента. Тем не менее, после своего ухода Польша продолжает оставаться членом этой комиссии, но без постоянного присутствия в Демилитаризованной зоне [7].

После 1995 г. претерпели изменения в задаче контингентов из Швейцарии и Швеции к югу от 38-ой параллели. Так представители этих двух нейтральных стран учувствуют в проверках Комиссии по прекращению огня, наблюдают военные учения с участием Вооруженных сил Республики Корея и США [7; 8].

Участие Швейцарии и Швеции в Комиссии нейтральных стран по репатриации и Наблюдательной комиссии нейтральных стран способствовала им в выстраивании хороших двусторонних отношений с двумя Кореями. Стоит заметить, что швейцарцы и шведы признали Республику Корею раньше нежели КНДР — Стокгольм установил дипломатические отношения с Сеулом 11 марта 1959 г. [9; 10],

а Берн — 11 февраля 1963 г [11]. Для Южной Кореи эти две страны представляют не только дипломатический интерес, но и прежде всего — торгово-экономический, ведь Южная Корея, как и Швейцария и Швеция, является одной из экономически развитых стран мира.

А вот для КНДР, у которого довольно непростое международное положение, Швейцария и Швеция привлекательны в дипломатическом плане. Западные государства начали устанавливать отношения с Пхеньяном в начале 1970-х гг. 20 декабря 1974 г. возникли дипломатические сношения между Швейцарской Конфедерацией и Северной Кореей. Вместе с тем, нужно отметить, что первые контакты между этими двумя странами наметились еще в 1967 г [Perrenoud M., 2016]. Более того, открывшееся в 1976 г. в Берне северокорейское посольство являлось одним из первых дипломатических представительств КНДР в странах Запада [Кеснель Р., 2013]. У швейцарцев так и не появилось своего представительства в северной части Корейского полуострова³.

В XX–XXI вв. Швейцария и Швеция завоевали себе доброе имя также благодаря оказанию «добрых услуг» (англ. *Good offices*). Под этим термином стоит понимать содействие какого-либо государства установлению контакта и началу непосредственных переговоров между спорящими сторонами, направленных на мирное урегулирование конфликта. Одним из инструментов «добрых услуг» является осуществление «защитного мандата» (англ. «*Protecting power mandates*»). Под «защитным мандатом» понимается выполнение консульских, так и дипломатических функций одного государства в другом государстве, что способствует поддержанию отношений между этими государствами. Для этого необходимо получить согласие не только представляемого, но и принимающего государства.

Сегодня в руках швейцарской дипломатии находятся шесть защитных мандатов:

1. Ирана в Египте (с 1979 г.);
2. США в Иране (с 1980 г.);
3. России в Грузии (с 2008 г.);
4. Грузии в России (с 2009 г.);
5. Ирана в Саудовской Аравии (с 2016 г.);
6. Саудовской Аравии в Иране (с 2016 г.).

---

³ Швейцария стала присутствовать в КНДР с 1995 г. — с момента оказания гуманитарной помощи северокорейцам во время голода в КНДР. В 1997 г. в северокорейской столице швейцарцы открыли бюро Дирекции по сотрудничеству и развитию, предназначенная улучшить ситуацию с продовольствием посредством увеличения продуктивности сельского хозяйства.

А у Швеции их количество равняется трем, и все три мандата они осуществляют в КНДР, представляя интересы:

1. Австралии (с 1975 г.)
2. США (с 1995 г.)
3. Канады (с 2010 г.)

Стоит признать, что по сравнению с другими западными странами, Швеция сумела выстроить относительно хорошие отношения с официальным Пхеньяном. Началу сотрудничества между Пхеньяном и Стокгольмом было положено в начале 1970-х гг. 6 апреля 1973 г. стороны установили дипломатические отношения между собой [13]. Вообще, скандинавы стали пионерами среди стран Запада в установлении дипломатических сношений с КНДР. В том же 1973 г. дипломатические отношения с официальным Пхеньяном установили Исландия, Норвегия и Финляндия, в 1974 г. — Дания. В это время, для быстрого промышленного развития, северокорейцам было необходимо импортировать необходимое производственное оборудование. Этим решили воспользоваться шведы, которые заключили с северокорейцами контракт на поставку автомобилей и тяжелых машин, в общей сложности на сумму 125 млн. долл. США. Для развития торговли с Северной Кореей, в 1975 г. королевские власти приняли решение открыть там свое посольство [*Andersson M., Bae J.*, р. 47]. Хотим обратить внимание на то, что вплоть до 2001 г. посольство Швеции было единственным посольством стран Запада в Северной Корее⁴.

В 1972 г. к власти в Австралии пришли лейбористы, которые изменившие векторы внешней политики. Так, в 1973 г. Австралия установила дипломатические отношения с Северным Вьетнамом и Китаем, 1 августа того же года Канберра официально признала КНДР. Как полагают исследователи, процедура установления дипломатических отношений затянулась до 31 июля 1974 г. ввиду тесных союзнических отношений Канберры с Токио и Сеулом. Вместе с тем, необходимо помнить, что на то время никакая страна «капиталистического блока», за исключением скандинавских стран, Швейцарии и Австрии, не имела дипломатических сношений с КНДР, что вынуждало правительство Гофа Уитлэма (1972–1975 гг.) быть предельно осторожным. Так, Австралия стала первой страной англосаксонского мира, установившая дипломатические отношения с Северной

---

⁴ В 2001 г. в Пхеньяне появились посольства Великобритании и ФРГ.

Кореей⁵. Северная Корея и Австралия сразу же обменялись дипломатическими представительствами — 31 декабря 1974 г. в Канберре распахнулись двери посольства Северной Кореи, 30 апреля 1975 г. — посольства Австралии в Пхеньяне [Hoare J., p. 53–54]. При всем этом, отношения между странами продлились чуть больше года. До сих пор по неизвестным причинам, 30 октября 1975 г., КНДР без предупреждения, в одностороннем порядке закрыла свой офис в Канберре. Спустя шесть дней северокорейские власти изгнали из страны австралийских дипломатов [Petrov L., p. 319]. С 25 ноября 1975 г. Швеция взяла на себя защитный мандат по представлению интересов Австралии в Северной Корее [17, p. 267]. Лишь 8 мая 2000 г. Канберра и Пхеньян договорились возобновить дипломатические связи между собой [16, p. 323]. КНДР открыла свое посольство в Австралии в 2002 г. Однако, из-за ядерной программы КНДР отношения между Пхеньяном и Канберрой заметно ухудшились. В 2008 г. северокорейцы снова закрыли свое посольство в Канберре.

С момента появления КНДР на геополитической карте в 1948 г., между нею и США не были установлены дипломатические отношения. После распада СССР и окончания Холодной войны, Вашингтон и Пхеньян сделали встречные шаги друг к другу. С целью достижения мира и безопасности на безъядерном Корейском полуострове было сделано Совместное заявление (11 июля 1993 г.) и Согласованное заявление (12 августа 1994 г.). Большим прорывом в двусторонних отношениях были прошедшие в Женеве с 23 сентября по 21 октября 1994 г., по итогам которых было подписано Рамочное соглашение по решению ядерной проблемы и урегулированию двусторонних отношений [18, с.№39–41]. В 1995 г. правительство США с просьбой представит свои интересы США обратилось к Швеции, на что скандинавы дали положительный ответ [Andersson M., Bae J., p. 480].

Как и США, дипломатические отношения с Северной Кореей не были и у Канады. 6 февраля 2001 г. две страны установили их между собой, но открытие посольств таки не произошло. 26 марта 2010 г. в Желтом море произошел инцидент с корветом ВМС Южной Кореи РСС-772 «Чхонан». Южнокорейские власти обвинили в случившемся Северную Корею. В знак против агрессии КНДР, 25 мая 2010 г., официальная Оттава решение разорвать дипломатические отношения с Пхеньяном [19]. И с того момента, посольство Швеции в Северной Корее, взяла под свою опеку и канадцев.

---

⁵ Великобритания установила дипломатические отношения с КНДР лишь 12 декабря 2000 г., Канада — 6 февраля 2001 г., Новая Зеландия — 26 марта 2001 г. (Посольство Новой Зеландии в РК ответственно и за КНДР).

На северной части Корейского полуострова в период с 1990 по 2001 г. шведам также пришлось представлять интересы Германии. Дело в том, что после разделения Германии на ФРГ и ГДР в 1949 г., КНДР сразу установила дипломатические отношения с ГДР. С Западной Германией у Северной Кореи дипломатических сношений не было. До объединения Германии (3 октября 1990 г.), ГДР была одним из важнейших торгово-экономических партнеров Пхеньяна в Восточной Европе. К тому же между странами были налажены тесные культурные связи. В этой связи, для властей объединенной Германии было бы глупо обрывать эти связи. Поэтому, немцы доверили представление своих интересов в КНДР Швеции. Интересы КНДР в Германии были представлены Китаем. Защитный мандат Швеции по защите интересов Германии завершился после установления дипломатических отношений между ФРГ и КНДР (1 марта 2001 г. [20]).

Первоначально Швейцария с большой опаской отнеслась к миссиям в составе Наблюдательной комиссии и Комиссии по репатриации, боясь за нарушение своего нейтралитета. Мы склонны полагать, что эта миссия способствовала формированию Швейцарии в качестве государства — миротворца-посредника. О чем свидетельствует доклад, подготовленный по итогам швейцарского содействия перемирию Кореи, в котором отмечается, что данный мандат существенно повысил международный престиж горной страны [21]. Ну и конечно же, эта военная миссия положительно отражается и на престиже Швеции. Вообще, шведы, в отличие от швейцарцев имеют весомый опыт, участия в миротворческих операциях. Не стоит забывать, что Швейцария и Швеция все еще продолжают успешно выполнять свои обязательства на Корейском полуострове.

Сегодня постоянно обостряется ситуация вокруг КНДР. На мой взгляд, данная ситуация, открывает новые возможности перед шведской дипломатией в качестве медиатора, ведь мы показали, что Королевство уже добилось значительных дипломатических успехов в Северной Кореи. Официальный Стокгольм имеет хорошую репутацию не только в глазах Пхеньян и Вашингтона, но и других региональных игроков — Пекина, Токио и Москвы. Однако, с сожалением хочется отметить, что сегодня поле маневра для шведской дипломатии ограничивает общая внешняя политика Евросоюза, куда с 1995 г. входит Королевство.

Список использованной литературы

1. Резолюции Совета Безопасности ООН № 82 (25.06.1950), № 82 (27.06.1950), № 84 (07.07.1950), № 85 (31.07.1950) [Электронный ресурс] // Совет Безопасности ООН: официальный сайт. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1950.shtml> Дата обращения: 04.06.2017.
2. The Swedish Military Field Hospital established in Busan during the Korean War in 1950 [Electronic resource] // Sweden's Ministry for Foreign Affairs: official website. URL: http://www.swedenabroad.com/SelectImageX/169769/10_The_Swedish_Military_Field_Hospital.pdf Дата обращения: 21.10.2016.
3. Кеснель Р. Швейцария в разделенной Корее: 60 лет спустя [Электронный ресурс] // swissinfo.ch: международная информационная служба Швейцарской национальной теле- и радиокompании. 26.07.2013. URL: <http://www.swissinfo.ch/rus/на-линии-огня-швейцария-в-разделенной-корее-60-лет-спустя/36528364> Дата обращения: 24.10.2015.
4. NNSC in Korea [Elektronische Quelle] // Die Schweizer Armee: offizielle Website. URL: <http://www.vtg.admin.ch/de/aktuell/einsaetze-und-operationen/militaerische-friedensfoerderung/missionen/nnsc.html> Дата обращения: 04.06.2017.
5. Operation of the Swiss Armed Forces in the NNSC [Electronic resource] // The Swiss Armed Forces: official website. URL: <http://www.vtg.admin.ch/internet/vtg/en/home/themen/einsaetze/peace/korea.parsysrelated1.68745.downloadList.22285.DownloadFile.tmp/nnsc2015e.pdf> Дата обращения: 24.10.2015.
6. Jonsson G. Peace-keeping in the Korean peninsula: The Role of Commissions. Seoul: Korea Institute for National Unification, 2009. 749 p.
7. NNSC in Korea [Elektronische Quelle] // Die Schweizer Armee: offizielle Website. URL: <http://www.vtg.admin.ch/de/aktuell/einsaetze-und-operationen/militaerische-friedensfoerderung/missionen/nnsc.html> Дата обращения: 04.06.2017.
8. Sydkorea — NNSC [Elektronisk resurs] // Sveriges forsvarsmakten: officiell hemsida. URL: <http://www.forsvarsmakten.se/sv/var-verksamhet/internationella-insatser/pagaende-internationella-insatser/sydkorea-nnsc/> Дата обращения: 21.10.2016.
9. Bilateral relations between Republic of Korea and Sweden [Electronic resource] // Embassy of the Republic of Korea in the Kingdom of Sweden: official website. URL: <http://swe.mofa.go.kr/english/eu/swe/bilateral/Facts/index.jsp> Дата обращения: 21.10.2016.
10. The diplomatic relations between Sweden and South Korea [Electronic resource] // Sweden's Ministry for Foreign Affairs: official website. URL: http://www.swedenabroad.com/SelectImageX/169769/16_The_Diplomatic_Relations_Between_Sweden_and_South_Korea.pdf Дата обращения: 21.10.2016.

11. 50 Jahre diplomatische Beziehungen zwischen der Schweiz und Südkorea [Elektronische Quelle] // Bundesrat (Schweiz): offizielle Website. 15.09.2016. URL:<https://www.admin.ch/gov/de/start/dokumentation/medienmitteilungen.msg-id-47711.html> Дата обращения: 21.10.2016.
12. *Perrenoud M.* Korea [Elektronische Quelle] // Historischen Lexikon der Schweiz. 01.07.2016. URL: <http://www.hls-dhs-dss.ch/textes/d/D3416.php> Дата обращения: 21.10.2016.
13. XXII. The Recognition of States; the Protection of the Interests of Other States. — Documents on Swedish Foreign Policy 1973 (The Ministry for Foreign Affairs of Sweden). 1975.
14. *Andersson M., Bae J.* Sweden's Engagement with the Democratic People's Republic of Korea // North Korean Review. 2015. Vol. 11, No. 1.
15. *Hoare J.* Historical Dictionary of Democratic People's Republic of Korea. Lanham/Toronto/Plymouth, UK: The Scarecrow Press, Inc, 2012. 489 p.
16. *Petrov L.* Australia and the DPRK: A Sixty-Year Relationship // Pacific Focus (Inha Journal of International Studies). 2008. Vol. XXIII, No. 3.
17. XXVI. Recognition of states and regimes; protection of interests of foreign states. — Documents on Swedish Foreign Policy 1975 (The Ministry for Foreign Affairs of Sweden). 1977.
18. Рамочное соглашение между Соединенными Штатами Америки и Корейской Народно-Демократической Республикой (Женева, 21 октября 1994 г.). Ядерное Распространение. Вып. 5. Декабрь 1994.
19. Canada — Democratic People's Republic of Korea [Electronic resource] // Government of Canada: official website. URL: http://www.canadainternational.gc.ca/korea-coree/bilateral_relations_bilaterales/canada-dpr_korea-rpd_coree.aspx?lang=eng&menu_id=61 Дата обращения: 06.06.2017.
20. Korea (Democratic People's Republic of) [Electronic resource] // The Federal Foreign Office of Germany: official website. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/01-Nodes/KoreaDemokratischeVolksrepublik_node.html Дата обращения: 25.10.2016.
21. The Swiss Federal Archives [Electronic resource] E 2001(E)1988/16/ 662/12. Die schweizerische Mitwirkung bei der Durchführung des Waffenstillstandes in Korea. Interne Feststellungen auf Grund der gemachten Erfahrungen (07.05.1954). URL: <http://db.dodis.ch/document/9636> Дата обращения: 27.10.2015.

*Хренов В. В.,
канд. ист. наук, доцент,
Уральский федеральный университет (Екатеринбург)*

«ТУРЕЦКИЙ ГАМБИТ»: ЧЛЕНСТВО В НАТО В ОБМЕН НА ОТПРАВКУ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНТИНГЕНТА ТУРЦИИ НА КОРЕЙСКУЮ ВОЙНУ

14 июля 1950 г. генеральный секретарь ООН Трюгве Ли направил телеграмму в адрес правительств стран-членов организации с настоятельной просьбой «рассмотреть возможность оказания дополнительной эффективной помощи, включая сухопутные войска, в распоряжение Объединенного командования сил ООН в Корее» [Ванин Ю. В., с. 103], которое было сформировано 7 июля в ответ на третью резолюцию Совета Безопасности.

В связи с этим 18 июля в турецком городе Ялова прошло четырехчасовое заседание турецкого правительства под председательством премьер-министра Аднана Мендереса при участии вице-премьера Самета Агаоглу, министра иностранных дел Фуата Кёпрюлю, министра обороны Рефика Индже, начальника Генштаба Нури Ямута, командующего флотом адмирала Садыка Алтынджана и ВВС генерала лейтенанта Мюзаффера Гёксенина [2, р. 1280]. К сожалению, в контексте Корейской войны об этом совещании большинство турецких историков и участников политических событий лета 1950 г. даже не упоминают или же не придают этому значения. Однако, генерал Языджи в своих мемуарах указывает, что «в Ялова среди прочих вопросов обсуждалась возможность отправки контингента в Корею», но не было вынесено никакого окончательного решения по этому поводу [Yazıcı T., s. 43]. По словам же Оке, единственным, что сказал Мендерес после заседания, было: «мы обсудили необходимые меры, которые нужно предпринять для реорганизации наших вооруженных сил» [Öke M. K., p. 68]. Эти же слова турецкого премьера повторил посол США в Анкаре Дж. Уодсворт в контексте своей беседы с Кёпрюлю 20 июля, добавив, что, по мнению Мендереса, «этот вопрос имеет очень большое значение для турецкого правительства», и что «вопрос национальной обороны должен занять ключевое место в свете текущей международной обстановки» [2, р. 1280].

В свою очередь, турецкий ученый А. Узмез, ссылаясь на газету «Миллиет», пишет, что «18 июля на совещании в Ялова были приняты внешнеполитические решения, не требующие отлагательств»

[Üzmez A., s. 60]. Можно только предполагать, что подразумевалось под этими «необходимыми мерами» и «важными решениями». Тем не менее, как отмечает Узмез, в прессе и обществе утверждалось, что целью созыва этой встречи было принятие решения об отправке войск в Корею [Üzmez A., s. 60]. Однако, здесь важно заметить, что такую связь с отправкой войск в Корею начнут усматривать в обществе неделями позже, уже после того, когда 25 июля правительство проведет очередное заседание и вынесет официальное решение по этому вопросу.

Мы склонны полагать, что перед принятием решения об отправке воинского контингента в Корею турецкое правительство желало провести консультации по этому вопросу с руководством США, и выжидало момент, когда американская сторона прямо или косвенно — посредством ООН — обратится к Турции с просьбой отправить в Корею свои войска.

И такие консультации вскоре состоялись. 20 июля министр иностранных дел Турции Кёпрюлю на встрече с послом США в Анкаре Уодсвортом выразил особое желание уведомить последнего о результатах совещания турецкого правительства в Ялова и изложить позицию по вопросам национальной обороны Турции в свете критической международной обстановки. Посол указал, что основной темой повестки дня заседания было обсуждение вопроса принятия оперативных мер по укреплению армии.

По словам Кёпрюлю, на заседании 18 июля премьер-министром было заявлено о необходимости проведения на следующей неделе турецко-американских консультаций по вопросам дальнейшего военно-экономического сотрудничества при участии министра иностранных дел Турции и посла США в Анкаре. Как сказал министр, на заседании правительства в Ялова Мендерес подчеркнул, что «для Турции теперь немислимо занимать нейтральную позицию на фоне угрозы третьей Мировой войны». В заключение беседы Кёпрюлю отметил, что «правительство Турции будет продолжать ориентироваться на Запад», и что «турецкие интересы совпадают с американскими» [2, p. 1280].

Решение об отправке своих войск на Корейскую войну в ответ на просьбы или уговоры со стороны США имело бы больший эффект, если бы оно было представлено под видом доброй услуги в трудной ситуации. Похоже, именно на это и намекал Кёпрюлю в беседе с Уодсвортом 20 июля, указывая на приверженность Турции политике США. Несомненно, в случае адекватной оценки этого шага американской администрацией, Турция могла бы рассчитывать на

ответную услугу и в свой адрес, где такое решение стало бы инструментом для спекуляций в руках турецкого правительства. Объектом таких спекуляций могло стать предоставление Турции членства в НАТО, что было основной составляющей ее внешней политики того времени. Это подтверждает тот факт, что уже 1 августа, спустя неделю после официального принятия решения об отправке войск в Корею, турецкое правительство в очередной раз подаст заявку на вступление в НАТО (При этом стоит отметить, что первая заявка на членство в НАТО была сделана за три дня до выборов в Турции 11 мая 1950 г. правительством Народно-республиканской партии).

Похоже, что некий проект решения был принят турецким правительством уже к 22 июля, когда министр иностранных дел Турции Кёпрюлю созвонился с послом Уодсвортом и выразил желание согласовать с американским руководством свой проект ответа на телеграмму генерального секретаря ООН [2, р. 1281]. По словам министра, турецкое правительство желало, чтобы этот ответ стал «свидетельством выражения его искреннего желания показать свою приверженность принципам ООН и турецко-американского сотрудничества не на словах, а на деле», и «полностью соответствовал политике США и общественному мнению» [ibid, р. 1281]. Из этих слов создается впечатление, что приверженность принципам ООН для правительства Турции означает то же самое, что и приверженность принципам США. Это указывает на то, что турецкое правительство, фактически, давало ответ на призыв об отправке войске в Корею не генерального секретаря ООН, а администрации США.

В своей аналитической справке по данной беседе от 24 июля Уодсворт сообщает, что его первой реакцией на вышеуказанные слова Кёпрюлю было настоять на немедленной отправке сухопутных сил, но он воздержался от такого ответа, поскольку счел необходимым сначала посоветоваться с генералом МакБрайдом. 23 июля, на следующий день после этой беседы с министром, Уодсворт провел консультации с МакБрайдом и американским сенатором Гарри Кейном относительно своего ответа турецкому правительству, в ходе которых МакБрайдом был разработан детальный план отправки турецких солдат в Корею. Вечером того же дня Уодсворт выразил «свое личное мнение» (которое также отражало также мнение Кейна и МакБрайда) относительно высказывания Кёпрюлю о приверженности Турции политике США и принципам ООН. При этом он сообщил, что «для турецкого правительства самым лучшим способом выразить свою поддержку политики ООН, было бы немедленно от-

править в Корею сухопутное воинское подразделение в полном боевом оснащении» [ibid, p. 1281].

МакБрайд считал, что такое подразделение должно состоять из пехотного полка, артиллерийского батальона, соответствующих штабов, противотанковых, противовоздушных, инженерных, автотранспортных, сигнальных и медицинских частей. По мнению МакБрайда, турецкое подразделение должно состоять из 4–4,5 тыс. солдат [ibid, p. 1281]. Он считал, что такое подразделение удастся собрать в течение месяца для отправки в Корею по морю из какого-либо турецкого порта (первое судно с турецкими солдатами будет отправлено в Корею лишь спустя два месяца из г. Искендеруна), после чего по прибытии оно должно быть поставлено под руководство Объединенного командования ООН в Корее. Более того, МакБрайд указал на то, что турецкая артиллерия, грузовики и прочее техническое оснащение должно соответствовать американским стандартам. Мелкокалиберным оружием, поставка которого не предусмотрена программой военной помощи, предполагалось оснащать турецкие войска с военных складов армии США на Дальнем востоке. Для доставки турецкого контингента в Корею предусматривалось выделение морского транспорта, предоставленного в распоряжение Объединенного командования другими членами ООН (здесь следует отметить, что к этому времени в распоряжение Объединенного командования войск ООН в Корее, помимо США, свои военно-морские силы уже предоставили Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, Канада и Нидерланды). МакБрайд также рекомендовал, чтобы было организовано сопровождение контингента из Турции в Корею как минимум двумя военными специалистами из числа офицеров США, которые проходили службу в Турции в составе Агентства по турецко-американскому взаимодействию [2, p. 1282].

Когда Уодсворт доводил вышеуказанную информацию до сведения министра вечером 23 июля, Кёпрюлю выразил свою уверенность в том, что это решение будет немедленно принято кабинетом министров и сделает еще более эффективным турецко-американское сотрудничество не только в политическом, но и в военном отношении [ibid, p. 1282]. У Уодсворта сложилось впечатление, что, говоря эти слова, Кёпрюлю ощущал историческую важность такого исторически важного решения за всю послевоенную историю Турции и был абсолютно искренен.

Как можно увидеть, генерал МакБрайд сам составил детальный проект ответа, который будет практически полностью совпадать с официальным решением турецкого правительства по этому во-

просу от 25 июля. Поэтому мы можем с уверенностью утверждать, что, на самом деле, турецкое правительство в принятии решения об отправке войск играло формальную и марионеточную роль, всецело внимая указаниям администрации США. Конечно, такое открытое влияние американского руководства на действия правительства Турции было хорошо завуалировано дипломатическими намеками от обеих сторон. Судя по реакции Уодсворта, создается впечатление, что он только и ждал благоприятного момента для того, чтобы предложить Турции отправить войска в Корею. Похоже, он нисколько не сомневался в том, что турецкое правительство поддержит его предложение направить войска в Корею, но счел необходимым, после консультаций с МакБрайдом, изложить вариант решения турецкого правительства в том, виде, который наиболее устраивал США. В свою очередь, турецкое правительство также ожидало от американской стороны подобного предложения, и было настроено принять его в любой форме. Турецкое правительство уже было готово к принятию решения об оказании помощи военного характера, но старалась не проявлять своей инициативы, а предложить это в качестве «доброй услуги» в ответ на просьбу со стороны США в расчете на благодарность со стороны последних. Какого рода предполагалась такая ответная благодарность, мы смогли понять из слов Кёпрюлю о том, что это предложение сделает более эффективным, главным образом, военное сотрудничество, под которым подразумевалась поддержка со стороны США в предоставлении Турции членства в НАТО. Через два года после отправки турецкого контингента в Корею и их участия в Корейской войне, результаты этого «турецкого гамбита» — отправка контингента и участие в войне в обмен на предоставление членства — реализуются в принятии Турции в Североатлантический Альянс в 1952 году.

Список использованной литературы

1. Ванин Ю. В. Корейская война (1950–1953) и ООН. М: Институт востоковедения РАН., 2006. 287 с.
2. Foreign Relations of the United States, 1950. Vol. V. The Near East, South Asia, and Africa. In: J. P. Glennan (ed.). Wash. 1889 p.
3. Öke M. K. Unutulan Savaşın Kronolojisi. İstanbul: Boğazıcı Yayınları, 1990. 196 s.
4. Üzmez A. İkinci Dünya Savaşı'ndan sonra gelişen olayların ışığında Kore Savaşı ve Türkiye. İstanbul: İ.Ü. Atatürk ilkeler ve inkılap Tarihi Enst, 2006. 163 s.
5. Yazıcı T. Birinci Tugayı'nda Kore Hattı. İstanbul: Ülkü basımevi, 1963. 89 s.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КРЕЙСКОГО П-ВА

*Волчкова Л. Т., Евстратчик С. В., Меньшикова Г. А.
СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)*

PERFORMANCE МЕНЕДЖМЕНТ В УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ: ОПЫТ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Изучение опыта руководства предприятиями в Южной Корее крайне актуально для России, поскольку когда-то в 50-х годах перед ней стояли схожие задачи: создать (восстановить) производство, выйти из кризиса. Южная Корея смогла решить эту задачу благодаря готовности страны к мобилизации усилий, внедрению плановости в управление, созданию крупных предприятий мирового уровня. Этот интерес подтверждают российские публикации по теме, хотя укажем, что они несопоставимы с количеством работ, опубликованных за рубежом. Большинство последних написано с участием корейских ученых, что позволяет правильно понять национальную специфику.

Методы планирования стали применяться в стране, как для экономики в целом, так и для управления предприятиями, сразу же после выхода из колониальной зависимости (50-ые годы XX века). План как особый способ управления коммерчески независимыми предприятиями, причем в постоянном совершенствовании технологий и направлении — стал стержнем отношений как между государством и предприятием, так и внутри предприятий. За рубежом этот тип планирования идентифицируется как Performance менеджмент (PM), Performance Management System (PMS) или в ракурсе управления предприятиями — Corporate Performance менеджмент (CPM). Для удобства изложения в тексте будет использоваться обозначение CPM.

Думается, что обобщение опыта, включая выявление проблем и сложностей, Южной Кореи по внедрению CPM будет крайне полезно для России. Обе страны имеют определенную склонность

к патерналистским традициям в отношениях между государством и предприятиями. В Корее это объясняется сильным влиянием конфуцианства. В РФ — укоренившимися в сознании многих руководителей традициями планового руководства страной и ее экономикой, имевшими место в период СССР. Предприятия обеих стран (в большинстве своем) активно занимаются проблемами персонала (HR), проводя определенную социальную работу для персонала предприятия, занимаясь его обучением. Так, российские предприятия всегда были склонны брать на себя часть социальных проблем работника: кто-то имел на балансе пионерские лагеря или детские сады, кто-то поликлинику или другие виды вспомоществования. В Корее — другой подход к социальной политике фирм. Это — система пожизненного найма, которая сейчас уже не является обязательной для всех предприятий, но все же широко распространена.

Опишем суть понятия РМ, учитывая его недостаточную представленность в российской научной литературе. Обычно дается следующее определение. РМ — это «непрекращающийся (continuous) процесс, включающий идентификацию (осознание), оценивание и развитие управления эффективной деятельностью (performance) по направлению достижения стратегических целей организации» [Carr A., Kline K., с. 4]

Фактически это обязательный (не реже одного-двух раз за год), опубликованный отчет о достижениях компании в реализации запланированных целей, а точнее по направлению стратегии ее развития. Это — общая практика отчетности является современным отражением дисциплинарной культуры. Она реализуется практически всеми странами и распространена, как на сферу государственного управления (макро и микроуровень), так и на область управления фирмами (корпорациями). При этом, наблюдаются существенные различия в практике (на западе это называется «дизайном») планирования и отчетности. Как планы, так соответственно и отчеты, могут представлять собой различные направления и показатели, что отражает особенности фирм, а также национальной культуры.

Ученые отмечают, что могут быть и такие формы воплощения СРМ, которые приносят компании вред, уничтожая инициативность работников, возможность проявления ими своего потенциала в полном объеме. Практики планирования ищут такое наполнение содержания плановых заданий, которое будет направлять творчество работника по направлению к целям компании.

Внедрение СРМ способствует преодолению ценностей, основанных на традиционном для Кореи доминировании мнения стар-

ших при принятии решений. Считается, что в условиях рынка более эффективно строить управление на *Yunbongje* или принципах меритократического подхода, выражающего учет заслуг (а не стажа или позиции). Как известно, управление по принципу «старший всегда знает лучше!» присуще обоим нашим странам. Этот принцип является традиционным в культуре КНР. В России он имеет менее длинную историю, но всячески поддерживается системой современного политического управления страной.

Итак, Performance менеджмент — это особый тип управления, который основан на планировании деятельности предприятий по определенной системе показателей, ориентируясь на право государства ее регулировать. Он может быть более жестким и развернутым в рамках внутреннего менеджмента, а также применительно к предприятиям, находящимся в прямом подчинении государству: бюджетных. Он отличается меньшей жесткостью, для тех, кого государство финансирует, и индикативным — для предприятий, которые не подчиняются ему напрямую, но косвенным образом (на основании отношений публичной ответственности) зависят от него.

Performance менеджмент, таким образом, реализуется по-разному применительно к отношениям разной степени подчиненности субъекта и объекта планирования, но включает в себя как обязательную компоненту — публичную (хотя и не всегда, и не всюду) отчетность. В Корее проявлением публичности является публикация отчетов на открытых сайтах для оценки работы компании национальной общественностью и государством. Параллельно, предприятия имеют закрытые сайты для внутреннего пользования, на которых отражена часть экономической и вся кадровая (HR) информация. Нужно отметить, что в целом Корея занимает одно из лидирующих мест в мире по уровню открытости управления.

Факт публичности отчетов не всегда отмечается российскими учеными. Проблематика СРМ привлекает в основном экономистов, для которых этот аспект не имеет особой значимости. Недооценка роли публичности проявляется и в неточности перевода термина. Представляется, что оба варианта перевода термина «Performance», которые приняты российскими авторами, не являются точными. Ни перевод термина, как «оценка эффективности» [Манкевич А. О., 2014; Федоренко С. Г., 1996], ни как «оценка по результатам» [Мох В. П., 2012] не отражают его сути.

Performance как открытость включает в себя две плоскости: коллективное (collaborative) принятие плана и разработку программы действий, а также совместную оценку результата (с целью выявле-

ния причин и неудач) (1), публичное представление результатов развития фирмы (2).

Курс на РМС рассматривается как всемирный тренд в управлении предприятиями. Он постоянно совершенствуется, благодаря многочисленным научным разработкам, многие из которых построены на методе сравнительных исследований. Ученые выявили 5 принципов, в которых сформулированы преимущества РМ, признаваемых как универсальные для всех государств, вне зависимости от их культурных особенностей [Aguinis H., Joо H., Gottfredson R. K, 2012]. Один из крупнейших и высоко цитируемых специалистов Aguinis H. формулирует их следующим образом:

- соответствие задач работника (содержание работы на рабочем месте по параметрам знание, навыки, личностные качества) стратегическим целям организации;
- постоянное обучение персонала как часть системы СРМ;
- оценивание должно строиться, как на коллективном уровне (для коллективов), так и на индивидуальном;
- использование авторитарных методов (strength-based approach) при формировании плановых заданий (особенно в азиатских странах, но в меньшей степени в европейских);
- распределение вознаграждений (allocation of rewards) должно рассматриваться как часть системы СРМ.

Осветив общетеоретическое понимание сути процессов, перейдем к анализу его использования в Южной Корее. Оно зародилось сразу после приобретения страной независимости, поэтому интенции к сильному контролю и за предприятиями, и за работниками были и остаются естественными. Оно прошло проверку времени, доказав преимущество планомерности как способа концентрации ресурсов, и пользуется высоким доверием у населения. Различают 2 периода СРМ: до 1987 года и после.

На первом этапе СРМ воплощал принципы жесткого контроля за исполнением плана предприятия (коллектива работников), что часто не раскрывало до конца их внутренних ресурсов. Они старались брать на себя несложные обязательства, боясь их невыполнения. В целом, как при принятии планов, так и при оценивании степени их исполнения, доминировали административные методы, а не взаимное уважение и доверие.

Экономический кризис подстегнул поиски внутренних резервов, заставив детально пересмотреть механизм СРМ. Так, многие авторы [Suk Lee, Seongsu Kim, 2006], признали факт так называемой

«игры в план» и оценили ее практику как вредную, препятствующую поиску ресурсов для развития предприятия. Rowley Ch., Hyunseung Yang [ibid] выдвинули два аргумента, объясняющие относительное снижение эффективности системы РМС. Первый — сохранение в Корее высокого уровня авторитаризма в управлении предприятиями. По методике Г.Хоффстеде, в Корее существует длинное расстояние между работником и руководителем. При требовании излишнего заискивания перед руководителем работник не всегда склонен высказывать собственное суждение, инициировать деловую и рабочую активность. Во-вторых, начиная с 1987 года, когда был объявлен курс на усиление демократизации отношений между государством и предприятиями (руководителей и работников) [20], интенции к жесткости и плановости стали ослабевать. Эти обстоятельства, переориентировав установку на индивидуальный успех, собственные способности и достижения, контрактные отношения, изменили и модель РМС.

На втором этапе начались активные поиски усовершенствований, которые увенчались принятием в 2006 году в Южной Корее Правительственного акта о внедрении Performance менеджмента (Government Performance Evaluating Act). В 2007 году была запущена так называемая электронно-интегрированная система оценки государственных услуг (e-IPSES), которая позволила оценивать эффективность работы и точность исполнения деятельности государственных служб. E-IPSES облегчила каждому агентству в режиме реального времени интеграцию многочисленных типов оценки эффективности, создаваемых различными программами, такими как On-para BPS, электронное управление персоналом, цифровой бюджет и учет, электронный аудит и т.д. Закон, таким образом, закрепил курс на РМ для государства, что соответственно означало рекомендацию его сохранения и на фирмах.

В целом для предприятия наряду с требованием разрабатывать и совершенствовать внутренние сайты как форму управленческой коммуникации и СРМ, новый этап означал интенцию отказа от излишней централизации в управлении, а также поиск новой системы создания индивидуализированных планов для персонала. Тренд «быть конгруэнтной контексту (т.е. культурным и национальным традициям)», отражавший общемировой подход стал внедряться и в Южной Корее.

Следует выделять два поля проявления Performance менеджмента в управлении предприятием: взаимодействие государства

с предприятиями (1) и внутри предприятий (2). Рассмотрим их по отдельности.

1. Так, применительно к отношениям между государством и предприятиями можно выделить как минимум четыре модели (уровня) Performance менеджмента. Опишем их, ориентируясь на примеры их применения в Южной Корее.

Наиболее широкий спектр показателей и наивысшую ответственность за их исполнение представляет планирование деятельности государственных предприятий. К ним относятся такие предприятия-гиганты, как Аэропорт Инчхон, систему железнодорожных перевозок Кораил, Сеульское метро, национальную нефтяную корпорацию, национальную корпорацию землевладения и жилья, обеспечения электроэнергией, систему национального вещания, Национальный комитет исследования проектов (Rough Draft Studies). Они управляются назначенными менеджерами по системе управления агентствами. Отличительными принципами СРМ для них являются жесткий контроль и отчетность. Информация — открыта. У каждого предприятия есть сайт, где постоянно показываются результаты их деятельности.

Вторым — менее широким, но столь же жестким по степени ответственности является использование его применительно к агентствам. Напомним, что агентства — это автономные предприятия, реализующие на правах самостоятельного оперативного управления социальные функции государства. Они финансируются из бюджета и жестко контролируются соответствующими правительственными комитетами. Агентства как воплощение принципов менеджмента в систему государственной исполнительной власти (New management) были внедрены и в российскую систему.

Принципы управления агентствами примерно такие же, что и на государственных предприятиях, с заменой производственных показателей на объем и качество государственных услуг, оказанных ими за период или год.

Третий тип — управление правительственными программами. К ним можно отнести «Базовую национальную информационную систему» (1987), «IT стратегию 8–3–9», которая предполагала переход на единую информационную коммуникационную сеть 8 отраслей, 3 сфер и 9 новых производственных секторов, «Интеллектуальная Корея», успешно закончившуюся в 2012 году, «Гига-программу» (или «создание общества будущего», что предполагает создать к 2017 году 10 новых производств современной продукции, соединяющих науку, культуру и информационные технологии); «Инно-

вации-3,0» и другие. Их финансирование построено на жесткой отчетности, а управление на открытости. Все программы имеют сайт, содержащий, помимо прочего, информацию о результатах их деятельности.

Четвертый — индикативный уровень, его принято называть инициативами. Он распространен на сферу взаимодействия государства с коммерчески независимыми и финансово автономными предприятиями. Примером его реализации является, например, публичная ежегодная отчетность фирмы Самсунг в рамках «Guidelines of Global Reporting Initiative (GRI)». Эти инициативы — предложения по отчетности фирмам, на которые они идут добровольно, подтверждая, тем самым, свою социальную миссию и/или соблюдение экологических требований. Так GRI рекомендует 10 позиций ежегодного отчета: кадры, профессиональная этика, партнеры, социальная ответственность, защита окружающей среды, снижение выброса парниковых газов, «зеленые продукты», эффективное использование водных ресурсов, «зеленое» строительство, сбор отходов и переработка:

Как проявление Performance менеджмента можно в полной мере расценивать функционирование единого сайта по подбору персонала — Globbi Recruiting. В нем соединены порталы, как предложений работодателей (вакансии), так и резюме тех, кто ищет работу. В отдельную опцию выделены предложения Public Sector, для тех, кто хотел бы работать государственным служащим или чиновником. Отличительной особенностью проведения процесса кадрового отбора в Южной Корее, как известно, является экзамен для претендентов. Соответственно, на сайте содержится информация о сроках его проведения, требованиях, которые предъявляются к претендентам, вопросах, которые задаются.

2. Не менее значим второй блок направлений регулирования — отношения внутри предприятий. При выборе моделей его использования Корея обобщила опыт американских компаний, тиражируемых учеными и практиками, как «Best practice in USA», а также модели управления, принятые в Японии: систему пожизненного найма, повышенное внимание к качеству продукции и др. В СРМ можно выделить как минимум два блока — программы сбора и обмена управленческой информацией (как правило закрытого, внутреннего пользования) (1) и Performance-based HR system, т.е. систему управления персоналом (2). Учитывая, профессиональные возможности авторов статьи, мы остановимся только на втором блоке.

Для начала обозначим особенности корейского менеджмента, сравнив его с российским, воспользовавшись рекомендациями Федоренко С. [Федоренко С. Г., 1996]

Таблица 1. Сравнительный анализ корейской и российской систем менеджмента

Характеристика	Корейский	Российский менеджмент
1. тип компании	компания как полусемейная община	меньший акцент на общности
2. отношения между владельцами, управляющими и работниками	резкое разделение между владельцами, управляющими и работниками	явные различия
3. отношение к пожизненному найму	слабо поддерживается идея	отсутствует полностью
4. отношение к иерархии должностей	очень сильный акцент на иерархии ценностей	иерархия управления выражается по-разному
5. личные качества работника	опора на преданность и сотрудничество	опора на индивидуальные достижения в узкоспециализированной области
6. отношение к возрасту и выслуге лет	они рассматриваются как значимый критерий при мотивации	не являются (формально воспринимаемой) ценностью
7. полномочия и ответственность	четкая определенность полномочий при неопределенности ответственности	полномочия и ответственность определены в целом, но не фиксированы
8. полномочия управляющих	ограничены интересами собственника	ограничены интересами собственника или вышестоящего руководителя
9. профсоюзы	действуют мощные профсоюзы в отдельных отраслях	практически отсутствуют
10. тип обучения	повсеместно, включая обучение без отрыва от производства	недооценка роли
11. уровень специализации	значительное чередование работы и гибкость их границ	отсутствие единой стратегии кадровой карьеры
12. критерии отбора персонала	на основе опыта, возраста, образования и семейных связей	на основе личных связей и методом отбора случайных предложений

В отличие от российской модели (присущей и КНР), корейская модель управления акцентирует внимание на персонале, справедливо видя в нем, как это принято в западных странах, главный ресурс развития. Соответственно управлению персоналом (HR) уделяется повышенное внимание, включая создание правильной системы его

отбора, управления им в ходе процесса производства, привлечения к образовательным программам, стимулированию труда.

Оценка деятельности сотрудника осуществляется по двум направлениям: производственному (включая количество и качество выполненных работ) и морально-личностному. Последнее включает 4 характеристики: соблюдение порядка, согласованность, активность и ответственность. Оценивание осуществляется: самим работником, его непосредственным руководителем, а также руководителем руководителя. Наибольший вес имеет оценка непосредственного руководителя. Оценки могут быть пяти уровней: S — работа выполнена выше запланированного требования, A — превзошла ожидаемые требования, B — работа в целом соответствует требованиям, но иногда имеются отклонения, C — ниже уровня, но недостатки устранимы, D — поставленная задача не была выполнена.

В Корее СРМ применительно к HR постоянно совершенствуется, стремясь уйти от недостатков, выявленных на первом этапе. Многие предприятия, особенно крупные, стали создавать «смягченные программы индивидуального оценивания». Они должны были учесть индивидуальные особенности работников: опыт руководящей работы, пол, возраст, образование, социальные оценки. Их итоги стали учитываться при кадровых перемещениях, в премировании, направлении на обучение и т. д.

В заключение отметим, что ПМ не панацея от всех бед — он действительно не всегда работает на активизацию усилий работников. Однако, нельзя не отметить, что этот метод существует в Корее уже свыше 55 лет, развивается, наполняется новым содержанием и пользуется доверием у населения в силу открытости информации.

Даже в современных условиях, как отмечают Rowley Ch., Hyun-seung Yang, менеджерам не всегда удается составить для работника напряженный план, соответствующий его реальным возможностям, поскольку они просто их не знают, а работник не заинтересован раскрывать свой потенциал. Эти ученые приводят данные корейских исследований, показавшие, что потенциал работника используется только на 30 %. Ими указывается, что в ходе обсуждения итогов выполнения плана часто происходят излишние столкновения между молодым, но перспективным персоналом и старыми кадрами, которые не берут достойных обязательств. Старший персонал, который, как правило, занимает высокие позиции всячески «зажимает» молодежь.

Компании активно ищут в направлении отбора показателей, которые бы оценивались людьми как справедливые, что усиливало бы

их желание работать активно самим в целом, и повышало доверие к CRM. При этом обращает на себя внимание тот факт, что критерии, которые доминируют при кадровой оценке работников, часто не характеризуют цели самой компании.

Подводя итог, отметим, что CRM — единая оценочная система сравнения достигнутых результатов с запланированными показателями. Это — эффективный способ организации социального контроля. Понятно, что изменения в обществе и производстве требуют постоянного обновления методик оценивания с учетом специфики объекта: работника, предприятия, государственного учреждения или государства, но это вопросы — не суть метода, а вопрос его наполнения. Бесспорно, его применение в нашей стране, а оно происходит, только не является публично обсуждаемым процессом, пришло бы и ей пользы и выгоды.

Список использованной литературы

1. Федоренко С. Г. Особенности мотивации в южнокорейской системе менеджмента, см. Известия Восточного института, 1996, № 3, с. 25–36 <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-motivatsii-v-yuzhnokoreyskoj-sisteme-menedzhmenta>
2. Пурьжова Л. В., Васильева Л. А. Корейский менеджмент: что стоит заимствовать у «Азиатского дракона», см. «Вопросы экономики и управления», 2116, № 5.1, с. 107–109.
3. Манкевич А. О. (НИУ ВШЭ) Анализ системы управления в южно-корейской компании Samsung, см. электронный журнал «Экономика и менеджмент инновационных технологий», <http://ekonomika.snauka.ru/2014/03/4748>
4. Chang C., Chang N. The Korean management System: Cultural, Political, Economic Foundations, Quorum books, Westport, Connecticut-London, 1994.
5. Chatterjee S., Nankervis A. Asian management in Transition, Emerging Themes, Palgrave Macmillan, 2006.
6. Moon T. Sustainable Development in Korea, Key Issues and Government Response, Chung Ang University, 2006, South Korea.
7. Rice J. South Korea and its Efforts towards Sustainable development, Indiana University, 2008.
8. Scholes S. The Expatriate Manager in South Korea, Cross Cultural Communication, Troy State University, USA, 2003.
9. Suh J., Aubert G., Ahn D., Chen D. Korea as a Knowledge Economy, Evolutionary Process and Lessons Learned, 2007.
10. Tan S. Influences of Confucianism on Korean Corporate Culture, Asian Profile, 2008.

11. *Yang J.* et al. Understanding the economic development of Korea from a Co-Evolutionary Perspective, Yonsei University, South Korea, 2006.
12. *Yanagimachi I.* Chaebol reform and Corporate Governance in Korea, Keio University, Japan, 2004.
13. *Yap D.* Asian Management Style: The Evidence from Korea, Saint Louis University, USA, 2010.
14. *Carr A., Kline K.* Encouraging Effective Performance Management System, SIOP white paper series, 2016 <http://www.siop.org/whitepapers/perfmgmt.pdf>
15. *Мохов В. П.* Управление по результатам в России: ограничения переходного периода, см. «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики», Тамбов, изд-во Грамота, 2012, № 4 (18), в 2 ч, ч. 1, с. 129–132 http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_4-1_36.pdf
16. *Aguinis H., Joo H., Gottfredson R.* K Performance M Universals: think globally and act locally, 2012 <http://www.hermanaguinis.com/BHuniversals.pdf>
17. *Suk Lee, Seongsu Kim.* Best practice and Performance-based HR system in Korea, Seoul Journal of business, june, 2006, vol. 12, Number 1, с. 3–14.
18. *Rowley Ch.* Hyunseung Yang The development of Asian Performance Management system: the example of South Korea, http://www.cassknowledge.com/sites/default/files/article-attachments/336~~chrisrowley-pms_in_asia-korea-summary.pdf
19. Performance Management system: a Global Perspective, 2008, Routledge, p. 296.
20. The Proclamation to Democratization (Special Declaration for Grand National Harmony and Progress Towards a Great Nation), 28 декабря 1987.

*Кукла М. П.,
канд. экон. наук, доцент кафедры корееведения
ДВФУ (Владивосток)*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ НОВОЙ АДМИНИСТРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ¹

После того, как в 1980–1990-е гг. Республика Корея стала постепенно утрачивать основные преимущества, способствовавшие резкому росту внешнеэкономической экспансии крупного бизнеса, страна столкнулась с рядом внутренних и внешних проблем, обострившихся в период валютно-финансового кризиса. Последствия кризиса страна преодолела достаточно быстро и успешно, и новое тысячелетие встретила, хоть и опираясь на более прочный фундамент, обусловленный предыдущими успехами, но и с более сложными структурными экономическими проблемами. Данные проблемы не только ставят под угрозу реализацию традиционной для Республики Корея экспорт ориентированной стратегии, но и угрожают сокращению и перераспределению внутреннего спроса, что в условиях сжимающегося внешнего рынка вынуждает правительство страны предпринимать активные действия по созданию новой концепции экономической политики.

Начиная с 2009 г. экономический рост в стране фиксируется на довольно стабильном, но невысоком уровне — 2,7% за минувшие 7 лет. Положительные показатели роста сопровождаются увеличением долгового бремени большинства секторов экономики — частных предприятий, коммерческих банков, домохозяйств, государства. Нарастает недовольство населения экономическими процессами, происходящими в стране, что стало одной из причин досрочной смены руководства страны. При этом прогнозы относительно экономического роста Южной Кореи остаются довольно пессимистичными — в будущем под воздействием ряда факторов он может сократиться и до 1% [1].

Одна из важнейших тенденций последних лет связана с фундаментальными изменениями в демографической динамике Республики Корея — старением населения. По прогнозам демографов, при сохраняющейся тенденции старения на двух работающих в 2030 г.

---

¹ This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

будет приходиться один пенсионер, а в 2050 г. — трое. Неблагоприятная демографическая структура приведет не только к закономерному снижению экономического роста, но и к необходимости увеличения государственных расходов — на пенсии, медицинские и другие услуги для пожилых людей. В результате может последовать миграция трудоспособного населения в другие страны с целью избежать экономических издержек, связанных с ростом налогов. Проблема старения общества в Корее усугубляется низкой рождаемостью, уровень которой составил в 2014 г. 1,25 — самый низкий среди стран ОЭСР и один из худших показателей в мире [Кукла М. П., с. 29].

Среди актуальных социально-экономических проблем, обостряющихся на фоне старения населения в Республики Кореи, вокруг которых формируется экономическая политика предыдущей и новой администрации президента Кореи, необходимо отметить следующие:

- проблема занятости молодежи,
- проблемы малого и среднего бизнеса,
- необходимость реструктуризации крупных конгломератов, обострившаяся на фоне проблем в судостроительной отрасли,
- рост цен на недвижимость на фоне низкой процентной ставки.

Что касается безработицы среди молодежи (15–29 лет), то начиная с 2010 г. ее показатель стал выражаться двузначным числом. Рост безработицы обусловлен тем, что ожидания молодежи, стремящейся найти престижную работу в финансовых организациях, крупных частных компаниях, государственных учреждениях, не оправдываются, так как за последние 15 лет число рабочих мест здесь значительно сократилось.

Перекоп южнокорейской деловой структуры в пользу крупного бизнеса является далеко не новой и трудно решаемой проблемой, причем не только экономической, но и социальной. Задача при этом состоит в поиске конкретного подхода к решению застарелой проблемы. Результативность прежних попыток оказать единую поддержку всем категориям малого бизнеса оказалась невысокой ввиду неоднородности самих этих коммерческих структур.

Экономические проблемы конгломератов, прежде всего в судостроении и смежных отраслях, связаны с избытком предложения в данной сфере, а также снижением конкурентоспособности на международных рынках. Проблемы судостроительных компаний

вливают на финансовую стабильность специализированных банков. Доля плохих долгов в таких банках в марте 2016 г. составила 3,5%, демонстрируя постоянный рост начиная с 2014 г. Для сравнения, как в обычных банках эта доля не превышает 1,8% [3].

По мере нарастания проблем в судостроении, возникают трудности в смежных отраслях. Под угрозой финансовой нестабильности в настоящее время находятся химическая промышленность, черная металлургия, строительство, морские перевозки. Ожидаемыми отрицательными последствиями могут стать сокращение производства, и вследствие этого снижение экономического роста, а также безработица: в результате реструктуризации без работы в один момент могут оказаться 327 000 человек [3].

30 ноября 2016 г. был обнародован план правительства по оздоровлению судостроительной отрасли, предполагающее сокращение судостроительных доков с 31 до 24 к 2018 г. Численность персонала трех крупнейших профильных компаний решено сократить с 62 до 42 тыс. человек. Для преодоления проблемы недостатка заказов, решено к 2020 г. обеспечить отрасль контрактами на строительство не менее чем 250 судов.

Структурные проблемы рынка недвижимости — дополнительный дестабилизирующий фактор на фоне низкой процентной ставки. По сравнению с другими развитыми странами доля населения, проживающего в съемном жилье, в Южной Корее очень высока. При этом низкая доля корпоративного и государственного сектора в предложении съемного жилья является дополнительным неблагоприятным фактором. Доля корпоративного и государственного сектора в рынке аренды составляет 19% по состоянию на 2014 г., тогда как в среднем в развитых странах (США, Великобритании, Германии, Японии) она находится на уровне 40%.

Высокие цены как на покупку, так и на аренду жилья привели к тому, что более 7 млн семей, не имеющих собственного жилья (а это 45% населения), постоянно ощущают угрозу оказаться на улице. Люди, которые не в состоянии оплатить аренду жилья, живут в маленьких комнатах, палатках, контейнерах и бараках. Их число уже составляет около 680 тыс. семей [2].

Проблему высоких цен на недвижимость усугубляет сохраняющаяся на низком уровне — 1,25% — учетная ставка. Решение сохранять ставку на низком уровне вызвано намерением воздействовать на рост задолженности домохозяйств. Однако в таких условиях финансовые потоки могут направиться в рынок недвижимости. С учетом старения населения многие перед выходом на пенсию стремятся

приобрести жилье для сдачи в аренду, как правило, в кредит, что в итоге приводит к росту долговой нагрузки. Так, за период с 2012 по 2015 г. задолженность частных лиц, сдающих в аренду собственную недвижимость, выросла на 29 %.

В структуре владения недвижимостью также очевидны диспропорции. На самые богатые 20 % населения приходится почти 60 % владения недвижимостью. Кроме того, 63 % ее владения приходится на людей старше 50 лет.

Обозначенные выше проблемы возникли не в один день, и прежняя администрация также ставила их во главу угла своей экономической политики. Администрация Пак Кынхе задачу оживления экономики пыталась решить посредством увеличения бюджетных расходов, которые предполагалось направить на решение первоочередных социально-экономических задач: обеспечение безопасности населения, реформу пенсий госслужащих, повышение конкурентоспособности экономики, создавая таким образом дополнительные рабочие места и стимулируя внутренний спрос. Большое внимание уделялось социальной политике и наращиванию социальных расходов при сохранении традиционных для корейцев целевых ориентиров — экспорта товаров и услуг (прежде всего туристических) [4].

Вокруг этих же задач строилась и предвыборная экономическая платформа нынешнего президента Кореи Мун Чжэина. Отметим, что нынешняя попытка стать президентом была уже второй: в 2012 г. он остановился в шаге от президентства, проиграв выборы бывшему президенту Пак Кынхе. На выборах 2017 г. Мун баллотировался от демократической партии Тобуро, выиграл, завоевав 40 % голосов избирателей.

В предвыборных дебатах 2017 г. приоритет, как и следовало ожидать, был отдан вопросам межкорейских и американо-корейских отношений в сфере политики и безопасности. Экономические проблемы, однако, были не менее важными, и составляли значительную базу предвыборной платформы всех кандидатов. Наряду с хроническими проблемами экономики Кореи в экономической повестке особое место стали занимать проблемы взаимодействия с КНДР, противодействия экономическим мерам со стороны Китая. Отличительной особенностью программы Мун Чжэина было намерение провести реформу крупных конгломератов, повысив их социальную ответственность.

В ходе предвыборных дебатов экономические задачи на срок президентства команда Мун Чжэина обозначила следующим образом:

- поддержка среднего класса и малого и среднего бизнеса,
- поддержка стартапов,
- ответные меры на вызовы 4 промышленной революции,
- снижение влияния на экономику крупных конгломератов,
- борьба с системой неофициального трудоустройства или неполной занятости,
- создание дополнительных рабочих мест в государственной сфере (по состоянию на 2013 год по сравнению со средним показателем по ОЭСР, который составлял 21,3% занятых в государственном секторе, в Корею он составлял 7,6%)
- сокращение продолжительности рабочего дня,
- повышение налогообложения предприятий и граждан с высокими доходами [1].

Таким образом, основные задачи нового правительства усматриваются в сфере социального и структурного выравнивания с акцентом на поддержку малого и среднего бизнеса, малообеспеченных слоев населения. Очевидно, что ожидать от нового президента быстрого решения всех накопившихся в экономике проблем, не стоит. Однако в его силах сдвинуть с мертвой точки ряд политических и экономических процессов.

Наряду с социально-экономическими задачами администрацию Мун Чжэина ждут серьезные вопросы внешнеэкономического и внешнеполитического характера. Речь прежде и экономические аспекты. Сторонники потепления межкорейских отношений считают, что первоочередные задачи в сфере межкорейских отношений — приостановление ракетных и ядерных испытаний и открытие Кэсонского промышленного комплекса. В рамках диалога с Пхеньяном необходимо обсуждать и другие вопросы — проблемы разделенных семей, возобновления Кымгансанских туристических проектов, отмены южнокорейских санкций 24 мая. Развитие экономических контактов с КНДР, в которых у Южной Кореи существенный приоритет, позволил бы повысить авторитет Сеула и не допустить, чтобы проблему КНДР решили совместно США и Китай без оглядки на мнение Южной Кореи.

Ожидалось, что Мун Чжэин встанет на сторону потепления отношений с Пхеньяном в противовес консерваторам, не без участия, которых на протяжении двух президентских сроков, межкорейские отношения фактически сошли на нет. Однако несмотря на то, что многие воспринимают нового президента как сторонника сближе-

ния с Севером, Мун на самом деле всегда говорил об этом вопросе вполне прагматично и не давал конкретных обещаний. Поэтому сотрудничество Южной Кореи и США в вопросе санкций может лишь укрепиться. Мун Чжэин солидарен с позицией администрации Трампа в отношении северокорейской проблемы, предполагающее одновременное санкционное давление и вовлечение КНДР в диалог. Таким образом план Д. Трампа по максимальному усилению давления на КНДР и параллельному вовлечению в диалог может не только не противоречить, но и совпадать с планами южнокорейского президента Мун Чжэина.

Во внешнеэкономической сфере сохраняются риски, связанные с воздействием на экономику Кореи Китая и США.

Экономический ущерб от политического конфликта с Китаем вокруг размещения американских комплексов ТНААД стал очень болезненным для Кореи, и смягчения позиции крупнейшего на данный момент торгового партнера ожидать не приходится. Накануне 19 съезда партии Си Цзиньпин сохраняет жесткую позицию по проблеме размещения ТНААД в Корею. Китайский лидер понимает, что сдавать позиции по этому вопросу в условиях ускорения размещения ТНААД невыгодно с точки зрения внутренней политики. С другой стороны, охлаждение отношений с Китаем — шанс для Кореи сократить зависимость от экономики Китая, которая за последние годы достигла угрожающих размеров.

Существенное влияние на экономику Кореи окажет экономическая политика Дональда Трампа, президента США. Задачи, стоящие перед Трампом, — обеспечить защиту собственной экономики и продвинуть на международном рынке поставки сланцевого газа, переложить бремя расходов на оборону на плечи стран-союзников — в большой мере относятся и к Корею.

Существуют предположения, что Трамп даже может сделать попытку ухудшить отношения с Ираном, чтобы настроить союзников США против этой страны и в итоге вынудить их дифференцировать источники поставок природного газа. Южная Корея является традиционным покупателем иранской нефти, и после снятия санкций начала активно наращивать объемы закупок. Кроме этого начали прорабатываться планы участия Южной Кореи в строительстве газопровода из Ирана в Оман, откуда он в форме СПГ уже доставлялся бы в Республику Корея, поскольку у Ирана нет собственных мощностей по сжижению. Однако из-за давления США эти планы могут быть пересмотрены, и Южная Корея будет в качестве приоритетных

рассматривать инвестиции в разработку сланцевых месторождений в США. Южной Корее, возможно, стоит готовиться к переориентации закупок природного газа с Ирана на США. Вне контекста США стоит также упомянуть, что сохранение низкой цены на нефть является невыгодным для Кореи, часть доходов которой базируется на строительных контрактах с нефтедобывающими странами и экспорте продукции нефтеперерабатывающей промышленности. Стресс-сценарий для РК — средняя цена нефти на ближайшие два года на уровне 35 долл. за баррель.

До нынешнего момента остается неясным судьба вопроса о том, что Корея вынуждена будет заплатить за американские комплексы ТНААД, размещение которых проходит в стране. Не вдаваясь в политические аспекты конфликта, стоит упомянуть, что в стране есть сторонники такого приобретения, которые предполагают, что само начало переговоров о приобретении комплексом обернется выгодами для нового правительства, которые может подойти к этим переговорам с учетом национальных экономических приоритетов.

Чон Сончжан, руководитель Отдела стратегии объединения Института Сечжона, считает: “Экономический ущерб Кореи от реакции Китая исчисляется суммой в 16–17 трлн вон в год (14 млрд долл), и если выкупить ТНААД за 1,5 трлн вон (1,3 млрд долл.), это будет очень прагматичной сделкой”. Он полагает, что “заплатив эти деньги один раз, мы сможем меньше тратить на другие виды вооружений”. При этом есть большие сомнения в том, что США действительно продаст Корею ТНААД [5].

Принципиальным вопросом в сфере двусторонних отношений является инициированный руководством США пересмотр заключенного в 2011 г. соглашения о свободной торговле с Кореей. Пересмотр соглашения начался в августе нынешнего года, и вызывает большое беспокойство в южнокорейском обществе.

Существуют и немалые ожидания от нового правительства РК в сфере российско-корейских отношений.

Несмотря на многочисленные заявления обеих сторон о стремлении улучшить российско-корейское сотрудничество, его состояние можно расценить как неудовлетворительное: роста торговли не наблюдается, а крупные инвестиционные и инфраструктурные проекты, которые обсуждаются на протяжении долгих лет, не продвигаются. Примеры успешной реализации крупных взаимовыгодных проектов с участием двух стран перестали появляться уже давно.

Считаем немаловажным отметить единственное направление сотрудничества на Дальнем Востоке, которое развивается очень активно, — туристические обмены. Лидером по привлечению южнокорейских туристов на ДВ является Приморский край, в этом определяющую роль играет прежде всего транспортная доступность и развивающаяся инфраструктура. Общее число туристов, приезжающих в Приморский край, составляет 3 млн человек в год, из них 600 тысяч человек — иностранцы. За минувшие 3–4 года число иностранных туристов выросло на 70%. В большей части это туристы из Китая и Кореи, и учитывая только объемы турпотока, следует сделать вывод о росте потребления в регионе и возможностях создания новых бизнес-моделей, учитывающих новую экономическую среду». Однако и здесь не обходится без проблем. Доходы от туризма не вкладываются в развитие региона, существенная их часть через корейские фирмы, обслуживающие собственных туристов, фактически вывозится обратно в Корею. Тем не менее интерес к посещениям России у корейских туристов сохраняется.

Актуальные на сегодняшний день проблемы, требующие прямого воздействия со стороны новой администрации Кореи — возможности трехстороннего сотрудничества (с привлечением КНДР), дальнейшая проработка вопроса возможности подписания соглашения о свободной торговле между Кореей и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), инвестиции в Дальневосточные проекты — ТОРЫ и СПВ (Свободный порт Владивосток).

Активное участие приняла корейская делегация и лично президент Мун Чжэин в очередном, 3-м Восточном экономическом форуме, который состоялся в сентябре 2017 г. во Владивостоке. Президент Мун Чжэин продемонстрировал личную заинтересованность в улучшении российско-корейских отношений, однако сиюминутных результатов ждать не приходится. Более того, по результатам форума можно сделать вывод о том, что краеугольным камнем для дальнейшего развития двустороннего сотрудничества по-прежнему остается возможность России воздействовать на КНДР. Ряд корейских экспертов считает, что встреча Мун Чжэина с президентом России была провальной именно с точки зрения отсутствия согласия по вопросу мер в отношении КНДР [6].

По состоянию на сегодняшний день прорисовываются контуры экономической политики администрации Мун Чжэина.

Во-первых, в минимальном объеме реализована административная реформа, традиционно проводимая в Корее пришедшим

к власти президентом. Практически все министерства сохранили свои названия и функции, образовано только одно новое ведомство — Министерство по поддержке малого, среднего и венчурного бизнеса.

Во-вторых, обозначены приоритеты бюджетной политики на 2018 год, среди которых: создание новых рабочих мест, рост доходов, поддержка драйверов высокотехнологичного роста, создание безопасной среды для жизни и развитие человеческого капитала.

В-третьих, и в этом основное отличие от предыдущей администрации, обозначено намерение всерьез воздействовать на крупные конгломераты (чеболи) с целью повышения их социальной ответственности и создание базы для справедливой конкуренции. В данном сегменте экономических преобразований в настоящее время меньше всего определенности, так как правительство заняло выжидательную позицию, требуя от чеболей изменений. Активную роль в этом процессе занимает Комиссия по справедливой торговле.

Исходя из вышеизложенного, очевидным на данный момент отличием экономической политики новой администрации Южной Кореи от предыдущей является стремление снизить отрицательное влияние крупных конгломератов на экономику, хотя конкретные меры этого намерения не обозначены. В задачи администрации Мун Чжэина входит наращивание расходов на социальную сферу и поддержка малого и среднего бизнеса.

На сегодняшний день очевидно основное отличие экономической политики администрации Мун Чжэина от правительства Пак Кынхе — это попытка сдвинуть с мертвой точки проблему неравного положения в экономике крупных и мелких предприятий, в некотором роде усугубляя их противостояние. Предыдущая администрация своей целью ставила попытку стимулировать положительное воздействие чеболей на малый бизнес, однако успеха в этом не достигла.

Список использованной литературы

1. 신정부 경제정책, 어떤 방향으로 가야하나? (Электронный ресурс) — URL: http://library.gri.re.kr/download.do?gs_gubun=pms&filename=3/5522/Issue2017-278.pdf
2. Направления экономической политики нового правительства.
3. Кукла М. П. Республика Корея: на пути к креативной экономике// Азия и Африка сегодня. 2016. № 9. С. 27–32.

4. 금융안정보고서. 2016.6 (Электронный ресурс) — URL: http://www.bok.or.kr/down.search?file_path=/attach/kor/73/2016/06/1467242985230.pdf&file_name=%EA%B8%88%EC%9C%B5%EC%95%88%EC%A0%95%EB%B3%B4%EA%B3%A0%EC%84%9C%282016%EB%85%84+6%EC%9B%94%29.pdf
5. доклад Банка Кореи о финансовой стабильности
6. 박근혜 대통령, 2016년도 예산안 시정 연설 (Ежегодное послание Президента Пак Кынхе по вопросу формирования бюджета) — <http://news.tf.co.kr/read/ptoday/1596696.htm>
7. “사드 사서 쓰면 중국도 납득”... 남북대화가 궁극적 해법 (Электронный ресурс) — URL: <https://sptnkne.ws/ecD2>
8. «Приобретение комплексов ПРО выгодно и Китаю»...как активизировать межкорейский диалог?
9. 윤성학. 제3차 동방경제 포럼과 한국의 대러시아 외교 실패 원인. (Электронный ресурс) — URL: http://www.rus.or.kr/sympathy/cisfocus_view.asp?BID=cisfocus&key=&searchstr=&cdis=n&cate=&page=1&BoardSeqNo=3446
10. 구조변화 열망 어느 때보다 높아...삼성 행보가 관건 (Электронный ресурс) — URL: <http://www.etoday.co.kr/news/section/newsview.php?idxno=1538868>

*Лексютина Я. В.,
д-р полит/ наук, доцент кафедры американских исследований
Санкт-Петербургского государственного университета*

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ В 1948–2016 ГГ.¹

Несмотря на то, что официальные дипломатические отношения между новообразованной Республикой Корея и большинством стран Латинской Америки были установлены в 1950-е — 1960-е гг., на протяжении последовавших двух десятилетий связи между Кореей и Латинской Америкой оставались весьма ограниченными. Не только политические, но и торгово-экономические отношения налаживались крайне медленно. Вплоть до 1981 г. ежегодный объем торговли между Кореей и Латинской Америкой составлял менее 1 млрд долл., а на протяжении 1980-х гг. не превышал отметки в 3,3 млрд долл. В 1989 г., когда товарооборот достиг своего максимума в 3,3 млрд долл., доля Латинской Америки во внешнеторговом обороте Кореи составляла лишь 2,7% [1]. Сдерживающее влияние на развитие торговли оказывала импортозамещающая стратегия латиноамериканских стран периода 1960-х — 1970-х гг., нацеленная на сохранение национальных рынков для местной продукции посредством введения протекционистских торговых барьеров в отношении импортируемых промышленных товаров.

Заметные сдвиги в развитии торгово-экономических отношений стали наблюдаться в 1990-е гг., когда изменились политические и экономические реалии Латинской Америки (либерализация торговли, экономическая стабилизация и устойчивое восстановление экономик ряда латиноамериканских стран, а также субрегиональная интеграция и в особенности создание Меркосур), и со стороны Сеула явно обозначился возросший интерес к установлению тесных торгово-экономических связей с Латинской Америкой. С целью налаживания системной внешнеполитической и внешнеэкономической работы на латиноамериканском направлении в 1997 г. в Министерстве иностранных дел и торговли Республики Корея был сформирован специальный департамент Латинской Америки и Ка-

---

¹ Материал подготовлен при поддержке РГНФ, грант N 15-31-01016 «От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке».

рибского бассейна. О повороте Кореи в сторону Латинской Америки свидетельствовали последовавшие друг за другом с промежутком в 5 лет визиты корейских президентов в этот регион: в 1991 г. президент Ро Дэ У (1988–1993 гг.) нанес визит в Мексику (первый визит президента Кореи в Латинскую Америку), и уже в сентябре 1996 г. президент Ким Ён Сам (1993–1998 гг.) совершил турне по Латинской Америке, посетив Гватемалу, Чили, Аргентину, Бразилию и Перу, а в июне 1997 г. — Мексику.

В 1990-х гг. вплоть до наступления Азиатского финансового кризиса 1997 г. корейско-латиноамериканская торговля получила стремительное развитие. За 6-летний период с 1990 по 1996 гг. товарооборот между Кореей и Латинской Америкой увеличился в 3,5 раза с 3,8 до 13,4 млрд долл. [1]

В 1990-х гг. изменился характер двусторонней торговли: если раньше Корея выступала главным образом импортером латиноамериканской продукции, то с начала 1990-х гг. корейский экспорт в Латинскую Америку стал существенно превышать импорт. В Латинскую Америку Корея экспортировала главным образом промышленные товары: автомобили и комплектующие, бытовую видео-, радио- и электронную аппаратуру, ткани и текстиль, суда, сотовые телефоны. А импортировала минеральные, топливно-энергетические ресурсы и сельскохозяйственную продукцию: железную руду, медь, сталь, сырую нефть; фруктовые соки, сою, кофе. Основными торговыми партнерами Кореи в Латинской Америке в 1990-х гг. были Бразилия, Мексика, Чили, Перу и Панама.

1990-е гг. также были отмечены существенным увеличением корейских капиталовложений в Латинскую Америку. Этому способствовал целый ряд факторов: аккумуляция в Корее финансовых ресурсов, достаточных для масштабного иностранного инвестирования; сильно возросшие с конца 1980-х гг. затраты на оплату труда в Корее при наличии дешевой рабочей силы в Латинской Америке; увеличивавшаяся с наступлением 1990-х гг. среди корейских ТНК необходимость подключения к процессам экономической глобализации; либерализация инвестиционной политики Кореи (с 1994 г. изменилась система зарубежного инвестирования — стало возможным инвестирование за рубежом без получения соответствующих разрешений от государства); улучшение экономической ситуации во многих латиноамериканских странах и в том числе достижение ими экономической стабильности; повышение емкости латиноамериканских рынков за счет формирования многочисленного среднего класса; усиление взаимодополняемости между латиноаме-

риканскими и южнокорейской экономиками; а также начавшаяся в Латинской Америке субрегиональная интеграция [2, р. 67]. Максимального объема инвестиции достигли в 1997 г. — 614 млн долл. или 11,7 % всех корейских ПИИ.

Однако набиравшие обороты положительные тенденции в области инвестирования и в целом восходящая динамика развития торгово-экономических связей Кореи и Латинской Америки вскоре приостановились. Вслед за разразившимся в 1997 г. разрушительным Азиатским финансовым кризисом, приведшим к сильнейшему экономическому спаду в Республике Корея за все время ее существования, последовало временное свертывание торгово-экономического сотрудничества Кореи с Латинской Америкой: резко сократился товарооборот, многие инвестиционные проекты были отложены на неопределенный срок или вовсе отменены. Инвестиции Кореи в Латинскую Америку в 1998 г. уменьшились почти вдвое по сравнению с предшествовавшим годом [*Won-Ho Kim*, р. 23].

Между тем, по мере преодоления Кореей и странами Латинской Америки экономической рецессии, вызванной кризисными явлениями в экономиках соответствующих стран конца 1990-х гг., торгово-экономическое сотрудничество между ними стало постепенно набирать обороты и выходить на новый уровень.

В развитии торговли между Кореей и Латинской Америкой в начале XXI в. выделяются три периода: с 2000 по 2003 г. ежегодный товарооборот оставался примерно одинаковым в пределах 12–13 млрд долл. (объемы экспорта и импорта также сильно не менялись, оставаясь на одном уровне); с 2004 по 2011 г. наблюдался стремительный рост торговли (за исключением одного кризисного года — 2009 г.), товарооборот тогда увеличился в 3,3 раза с 18 до рекордной величины в 60 млрд долл.; с 2012 г. происходит постепенное замедление торговли, товарооборот зафиксировался на показателе 54–56 млрд долл. [1].

Быстрому наращиванию товарооборота в период с 2004 по 2011 г. способствовали как возрастающий спрос Кореи на топливно-энергетические ресурсы, руды металлов и сельскохозяйственную продукцию (возникший в результате преодоления рецессии и ускорения экономического развития) в сочетании с увеличившимися мировыми ценами на сырье, так и расширение корейского экспорта в Латинскую Америку.

Увеличивающийся корейский экспорт в Латинскую Америку представлен такими товарными группами, как транспортные средства и комплектующие к ним, телекоммуникационное оборудова-

ние, интегральные схемы, оптические устройства и инструменты, телекамеры и пр. На экспорт идет преимущественно высокотехнологичная капиталоемкая продукция, как правило, не представляющая конкуренцию местным латиноамериканским производителям и поэтому не вызывающая торговые споры.

Крупнейшими экспортными рынками для корейских товаров в регионе выступают Мексика и Бразилия, на которые в 2007–2014 гг. приходилось соответственно 41,4 и 23,5% всего корейского экспорта в регион. В 2014 г. в пятерку крупнейших экспортных рынков Кореи в регионе вошли Мексика (30,2%), Бразилия (24,9%), Панама (7,7%), Чили (5,8%) и Бермуды (5,7%).

Основными странами-источниками корейского импорта из Латинской Америки являются богатые природными ресурсами Чили, Бразилия, Мексика, Перу и Аргентина. В 2014 г. 79% корейского импорта из региона поступило из четырех латиноамериканских стран — Бразилии (26,8%), Чили (26,3%), Мексики (17,9%) и Перу (7,8%). Импортируются Кореей главным образом углеводороды, минеральные ресурсы и сельскохозяйственная продукция, при этом существенные объемы импорта занимают чилийская медь и бразильская железная руда.

В целом, на современном этапе Латинская Америка является важным торговым партнером для Кореи: в 2014 г. в рейтинге регионов-экспортных рынков Латинская Америка находилась на 4-ой позиции (после Азии, Северной Америки и Европы, но обойдя Ближний Восток, Океанию, Восточную Европу, Юго-Западную Азию и Африку), среди регионов-источников импорта Латинская Америка занимала 7-ое место (после Азии, Ближнего Востока, Европы, Северной Америки, Океании и Восточной Европы), а в рейтинге регионов-крупнейших торговых партнеров Латинская Америка занимала 5-ое место (после Азии, Европы, Ближнего Востока и Северной Америки). В 2014 г. на Латинскую Америку приходилось 5% товарооборота Кореи со странами мира, 6,3% экспорта и 3,5% импорта.

Корея, в свою очередь, также приобретает все возрастающее значение во внешней торговле Латинской Америки. С 2000 по 2013 гг. доля Кореи во внешнеторговом обороте Латинской Америки со странами мира возросла с 1,5 до 2,2%, в импорте — с 1,8 до 3,1%, в экспорте — с 1,1 до 1,3% [4, p. 27]. В период с 2001 по 2012 гг. на Корею приходилось 12,8% латиноамериканского импорта из АТР и 8,9% экспорта в АТР (крупнейшими экспортными рынками и источниками импорта латиноамериканских стран в АТР по-прежнему остаются Китай и Япония) [Bartasaghi I, p. 18–19].

Расширению торговли Кореи со странами региона способствуют заключаемые соглашения о свободной торговле, предполагающие либерализацию торгового режима путем устранения тарифных и иных торговых барьеров. В феврале 2003 г. Корея подписала соглашение о свободной торговле с Чили, в марте 2011 г. — с Перу, а в феврале 2013 г. — с Колумбией. В сентябре 2015 г. Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа, Панама и Сальвадор начали переговоры о заключении коллективного соглашения о свободной торговле с Кореей.

Вместе с тем, быстрое развитие корейско-латиноамериканской торговли стало отнюдь не единственным содержанием крепнущих с начала XXI в. торгово-экономических отношений между Кореей и Латинской Америкой. Сопоставимо быстрыми темпами шло увеличение корейских инвестиций в регионе: с 2004 по 2014 гг. корейские ежегодные ПИИ в регионе увеличились в 8 раз, а прямые накопленные инвестиции — в 6,2 раза (с 6,3 до 39,3 млрд долл.) [6]³⁰. На сентябрь 2015 г. накопленные корейские инвестиции в Латинской Америке насчитывали 43,4 млрд долл. или 10,2% совокупных накопленных инвестиций Кореи [Estevadeordal A., Moreira V., p. 17].

С течением времени наблюдается некоторое изменение в географическом распределении корейских инвестиций в Латинской Америке. Так, на конец 2001 г. основными реципиентами корейских инвестиций были Бразилия, Перу, Мексика, Аргентина, Панама и Гондурас (оффшорные зоны Латинской Америки здесь и далее из анализа исключены). На них приходилось 44,9 % из 4,7 млрд долл. совокупных накопленных корейских капиталовложений в Латинскую Америку. Инвестиционная привлекательность Мексики была обусловлена связями с США посредством НАФТА и высоким потенциалом мексиканского рынка; Панама и Гондурас рассматривалась как открывающие доступ на латиноамериканские рынки; а Бразилия и Аргентина не только привлекали своим емкими рынками на фоне увеличивающегося среднего класса, но и были важны с точки зрения их роли в Меркосур [2, p. 65].

Последние несколько лет отмечены ростом интереса корейских инвесторов к Чили, Перу и Колумбии как к странам с хорошим деловым климатом, устойчивым экономическим ростом и наличием с ними соглашений о свободной торговле [8, p. 30]. На сентябрь 2015 г. накопленные корейские инвестиции в Латинской Америке концентрировались в Бразилии (7 млрд долл.), Мексике (5,1 млрд долл.), Перу (4,5 млрд долл.), Панаме (3,2 млрд долл.), Колумбии

(0,6 млрд долл.), Аргентине (0,5 млрд долл.), Чили (0,4 млрд долл.), Гондурасе и Гватемале (по 0,2 млрд долл.) [6].

В секторальном срезе корейские инвестиции направляются в производственный сектор (в частности, в автомобилестроение, производство высокотехнологичной электроники, промышленного оборудования, текстиля и одежды), а несопоставимо меньшая часть — в сферу добычи и обработки руд металлов, а также в финансовый сектор и сферу страхования (в оффшорных зонах Латинской Америки). Корейские инвестиции в производственный сектор ограничены главным образом Мексикой, Центральной Америкой и Бразилией [8].

В целом, с начала XXI в. Корею удалось существенно расширить свое экономическое присутствие в Латинской Америке. Сегодня Корея наряду с Китаем и Японией, второй и третьей крупнейшими экономиками мира, входит в тройку стран АТР с наибольшими масштабами торгово-экономического сотрудничества с Латинской Америкой. Ввиду того, что испытываемый ныне Кореей интерес к наращиванию своего экономического присутствия в Латинской Америке, подкрепляемый конкретными действиями в этом направлении, в полной мере отвечает интересам большинства латиноамериканских стран, а сложившаяся модель корейско-латиноамериканского торгово-экономического сотрудничества выгодно отличается от моделей взаимодействия Латинской Америки с некоторыми другими крупными внерегиональными экономическими акторами (как, например, с Китаем), есть все основания прогнозировать дальнейшую положительную динамику наращивания разнопланового сотрудничества между Кореей и Латинской Америкой.

Список использованной литературы

1. Korea International Trade Association. Korea Trade Statistics // <http://www.kita.org/>
2. East Asia and Latin America: The Unlikely Alliance / Ed. by *Smith P., Kotaro Horisaka, Shoji Nishijima*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2003.
3. *Won-Ho Kim*. East Asian-Latin American Economic Relations: A Korean Perspective after the International Financial Crisis. KIEP Working paper 00–04, 2000.
4. Economic relations between Latin America and the Republic of Korea: advances and opportunities. Santiago: ECLAC, 2015.
5. *Bartesaghi I*. Latin America and Asia Pacific Realities. Defining the agenda, 2.10.2014.

6. Korea Eximbank. Foreign investment statistics // <https://www.koreaexim.go.kr/site/main/index002>
7. *Estevadeordal A., Moreira V., Kahn Th.* Korea and Latin America and the Caribbean: striving for a diverse and dynamic relationship. IDB, 2015.
8. Analysis of Experiences in Trade and Investment between LAC and Korea: Lessons Learned in Development. IDB, 2015.

ИСТОРИЯ РЕСУРСОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ВОЗМОЖНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ МАГИСТРАЛЬНОГО ГАЗОВОГО ПРОЕКТА «РОССИЯ — КНДР — РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ»

История ресурсоэнергетического сотрудничества между Россией и Республикой Кореей

В 90-е годы XX века Советский Союз и Республика Корея находились на этапе развития сотрудничества и торгово-экономических отношений. Во время Советско-Корейского саммита, проходившего в Москве в 1990 году, поднимался вопрос о сотрудничестве в топливно-энергетической промышленности. Обе страны были высоко заинтересованы в строительстве магистрального газопровода из СССР в Республику Корею. Благодаря совместным усилиям, две страны смогли достигнуть многих поставленных целей. Однако, вопрос ресурсного сотрудничества не был доведен до реализации. Основной причиной отсрочки строительства газопровода являлись холодные отношения между Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) и Республикой Кореей.

Двадцать один год спустя, ресурсное сотрудничество в обеспечении природного газа вышло на новый этап. В 2011 году 17-й президент Республики Кореи Ли Мён-Бак и президент Российской Федерации Д. А. Медведев провели переговоры в городе Санкт-Петербург. Результатом переговоров стало решение о начале строительства газопровода Россия — Республика Корея в 2013 году при участии Российской компании «Газпром» и Корейской фирмы «Kogas», а также увеличение поставок газа примерно на 10 млн. м³ в год начиная с 2017 года. До этой встречи, Ли Мён-Бак и Дмитрий Анатольевич Медведев уже приходили к общему соглашению о строительстве газопровода через КНДР в 2008 году. В 2009 году была достигнута договоренность о проведении совместных исследований в области транспортировки природного газа.

Хронология главных событий

1992 г. Россия и Республика Корея заключили договор об эксплуатации Чаяндинского месторождения в республике Саха (Якутия).

11.1994 г. — 12.1995 г. Российские и корейские инженеры создали технико-экономическое обоснование проекта освоения Чаяндинского месторождения.

1999 г. Республика Корея приняла участие в переговорах о строительстве газопровода в Иркутской области, транспортирующего газ из России в Китай.

11.2001 г. Россия — Китай — Республика Корея заключили договор о разработке совместного технико-экономического обоснования строительства газопровода в Иркутской области.

01.2001 г. — 11.2003 г. Российские, китайские и корейские инженеры разработали технико-экономическое обоснование строительства газопровода в Иркутской области.

05.2003 г. Компании Газпром и Kogas (Корейская национальная газовая компания) пришли к соглашению о сотрудничестве в газодобывающей промышленности.

07.2005 г. Kogas заключил торговую сделку на поставку сжиженного природного газа из месторождения «Сахалин-2».

10.2006 г. Россия и Республика Корея заключили договор о поставках природного газа.

09.2007 г. Газпром объявил о реализации восточной газовой программы.

09.2008 г. Россия и Республика Корея пришли к соглашению о проекте газопровода «Россия — КНДР — Республика Корея».

06.2009 г. — 04.2010 г. Газпром и Kogas оценили целесообразность разных видов транспортировки природного газа (трубопроводный транспорт, перевозка газа в сжиженном состоянии и перевозка сжатого природного газа).

08.2011 г. КНДР приняла участие в переговорах с Россией и Республика Корея о строительстве газопровода «Россия — КНДР — Республика Корея».

09.2011 г. Россия построила газопровод «Сахалин — Хабаровск — Владивосток».

09.2011 г. Газпром и Kogas построили перспективный план газопровода «Россия — КНДР — Республика Корея».

В августе 2010 года, в Москве прошла встреча министров иностранных дел России и Республики Корея. Российский министр иностранных дел С.В.Лавров заявил, что постарается убедить КНДР принять участие в реализации строительства газопровода. В тот же месяц, президент Российской Федерации Д.А.Медведев пригласил генерального секретаря трудовой партии КНДР Ким Чен Ира в Россию. Два лидера провели совещание в городе Улан-Удэ.

Итогом встречи стало согласие от лидера КНДР о сотрудничестве в строительстве газопровода через Северную Корейскую территорию. Д. А. Медведев поручил собрать специалистов для выполнения данного проекта.

После получения согласия от КНДР, был подготовлен проект ресурсного обеспечения природным газом Республики Корея. В сентябре 2016 года, председатель ПАО «Газпром» А. Б. Миллер и главный исполнительный директор «Kogas» ДзуГан-су пришли к общему соглашению и подписали план перспективной поставки природного газа в Республику Корея.

Данные из плана обеспечения природным газом Республики Кореи:

- 1) С 10.2011 г. до 01.2012 г. завершить все переговоры о проекте строительства газопровода.
- 2) С 01.2012 г. до 04.2012 г. заключить договор о поставке природного газа.
- 3) В 09.2013 г. начать строительство магистрального газопровода «Сахалин — Хабаровск — Владивосток — КНДР — Республика Корея» и завершить строительство магистрального газопровода к декабрю 2016.
- 4) 01.2017 г. начать импорт природного газа в Республику Корею.

В декабре 2011 г. неожиданно скончался Ким Чен Ир. Потеря генерального секретаря трудовой партии привело к общественным беспорядкам в КНДР. Эта ситуация повлияла на проект. Все процессы были прекращены. После этого, из-за ряда событий, отношения между КНДР и Республикой Корея резко охладилась. Проект газопровода «Россия — КНДР — Республика Корея» оказался под угрозой срыва, реализация проекта отложилась на неизвестный срок. Именно в это время, компания «Kogas» заключила торговую сделку на 10 лет с США о поставках газа с 2017 года, объемом 5 млрд. м³ (3,500,000 тонн) в год, что позволило бы обеспечить газом Республику Корею до строительства газопровода «Россия — Республика Корея». Но Россия расценила данные действия как отсутствие серьезных намерений на реализацию проекта со стороны Республики Корея. Из США сланцевый газ перевозится более дешевым видом транспорта (в сжиженном состоянии), поэтому, несмотря на большое расстояние между Республикой Корея и США, затраты на покупку Американского и Российского газа примерно одинаковы. Од-

нако, потребление газа в Республику Корея имеет тенденцию увеличиваться на 1,8% в год. По прогнозам, к 2024 году потребление газа составит 35,000,000 тонн. Следовательно, правительство Республики Корея считает необходимым строительство газопровода Россия-Республика Корея для возобновления проекта магистрального газопровода «Россия — КНДР — Республика Корея». Восемнадцатый президент Республики Корея, Пак Кынхе провела переговоры с президентом Российской Федерацией В. В. Путиным во время саммита G20 в 2013 году и восточного экономического форума в 2016 году. Две страны пришли к соглашению о необходимости реализации проекта магистрального газопровода и утвердили намерения о сотрудничестве для продолжения проекта. Однако, переговоры не привели к подробному плану действий для возобновления проекта из-за серьезного ухудшения отношения между Республикой Корея и КНДР. Россия сосредоточена на экономической эффективности выполнения магистрального газопровода. Поэтому, Россией были предложены альтернативные маршруты в обход территории КНДР. (Первый маршрут — «г. Владивосток — Восточное море — г. Улсан» и второй маршрут — «г. Сахалин — Япония — г. Пусан»). Однако, Республика Корея сосредоточена не только на экономической эффективности, а также надеется на большую роль России в стабилизации политической и дипломатической обстановки на Корейском полуострове. К тому же, учитывая объединение КНДР и Республики Корея в будущем времени, правительство Республики Корея не хотело потерять прямой маршрут поставки природного газа. В конце концов, не сумев прийти к общему соглашению между двумя странами, проект магистрального газопровода вновь был отложен на неопределенный срок.

10 мая 2017 года Мун Джэин был избран девятнадцатым президентом Республики Корея. У нового корейского президента есть прогрессивная политическая идеология, которая явно отличается от политических и дипломатических взглядов двух прежних консервативных президентов.

Президент Мун Джэин объявил о намерении возобновления и выполнения проекта магистрального газопровода «Россия — КНДР — Республика Корея». Также президентом было сказано, что данный проект является главной актуальной задачей, которую необходимо решить во время его президентства. Пока точно неизвестно каким образом будет возобновляться и реализовываться проект, но учитывая, что новый президент является политическим преемником 16-го президента Но Му-Хёна, который поддерживал от-

ношения прогрессивных тенденций, можно предположить, что его дипломатическое направление в отношении КНДР будет политикой расширения диалога и убеждения.

В прошлом правительство Республики Корея возлагало надежды на оказание Россией политического влияния на КНДР, и на то, что новое корейское правительство будет вести диалог с КНДР непосредственно вместе с российским правительством. Официальный представитель Голубого дома (официальная резиденция президента Республики Корея) объявил, что В. В. Путин и Мун Джеин провели телефонные переговоры о продолжении проекта магистрального газопровода. Для более подробных обсуждений две страны договорились организовать встречу полпредов президентов. Уже в этом году, 22. 05. 2017 корейский полпред президента будет командирован в Кремль. Нынешний президент Республики Корея проявил твердую уверенность в завершении проекта, и, учитывая нынешнюю положительную ситуацию, ожидается, что двусторонние переговоры будут чаще проводиться в будущем.

Для выполнения проекта магистрального газопровода «Россия — КНДР — Республика Корея», необходимо провести подробный анализ факторов, повлиявших на отмену энергоресурсных проектов между Россией и Республикой Корея за последние 25 лет. Сделать акцент на обстоятельствах, из-за которых проект магистрального газопровода «Россия — КНДР — Республика Корея» был отложен на 5 лет после того, как все переговоры были закончены на положительной ноте, и осталась только стадия подписания договора и строительство. Также, необходимо проанализировать спорные вопросы, которые возникали во время проводимых переговоров. Предусмотреть возможные политические санкции со стороны КНДР после завершения строительства газопровода.

2. Приспособленность выполнения магистрального газового проекта «Россия — КНДР — Республика Корея»

Смотря на прошедшие события, становится очевидным тот факт, что завершение проекта магистрального газопровода зависит от позиции КНДР, также, как и от принимаемых мер в ответ на порывистые действия КНДР.

Кроме того, у России и Республики Корея остались нерешенными вопросы о цене, о продаваемом количестве природного газа, о методе продажи природного газа, о размере инвестиций на строительство и т. д. К тому же, резкое изменение ситуации на мировом газовом рынке также является препятствием для выполнения проекта магистрального газопровода.

Несмотря на эти трудности, под предложением выполнения проекта магистрального газопровода «Россия — КНДР — Республика Корея» обеспечивает большие прибыли для России и Республики Корея. Особенно, на сегодняшний день, изменения Российских и Корейских экономических, политических состояний подгоняет что, выполнить проект магистрального газопровода «Россия — КНДР — Республика Корея.

США разработал новые технологии добычи сланцевых углеводородных ресурсов. Из-за новой технологии добычи сланцевых углеводородных ресурсов, мировой рынок природного газа вышел на новый уровень. Для регулирования продаж сланцевого газа, ОПЕК сильно снизила цены на нефть. В результате, был резкий упадок цен на нефть и газ. ОПЕК в значительной степени сократил прибыль сланцевых нефтегазодобывающих компаний. Некоторые компании повысили рентабельность, разработав более эффективные методы добычи сланцевых ресурсов. Основываясь на данных технологиях, США стали экспортировать сжиженный природный газ и нефть. К тому же, США и Европейский союз сняли политические санкции с Ирана, что привело к активному участию иранских нефтедобывающих компаний на мировом рынке энергоресурсов. Данные обстоятельства привели к падению стоимости и переизбытку нефтегазовой продукции. Сегодня, мировой нефтегазовый рынок постепенно реорганизовывается с рынка преимуществ продавца на рынок преимуществ покупателя. Эта ситуация усугубляет экспорт российского газа.

Также данные тенденции затрудняют выход российских нефтегазовых компаний на нефтегазовый рынок Азии в будущем. Странами-импортерами российского природного газа были страны Европы. Но в сентябре 2012 года Европейская комиссия открыла официальные слушания по расследованию того, препятствует ли «Газпром» конкуренции на рынках газа в Центральной и Восточной Европе, нарушая законодательство Европейского Союза о конкуренции. В частности, Комиссия рассматривает использование Газпромом условий «без перепродажи» в контрактах на поставку, предполагаемое предотвращение диверсификации поставок газа и введение несправедливого ценообразования путем увязки цен на нефть и газ в долгосрочных контрактах.

Также, в 2015 году Европейский совет по международным отношениям осудил Россию как не вероятного партнера. Одновременно решительно побудил Государства-члены Европейского союза, что

диверсифицировать импорт газа в рамках подготовки к концу долгосрочного контракта с Россией 2020–2035 году. [5]

Как упоминалось ранее, представители США объявили, что США будет активно участвовать в экспорте энергетических ресурсов. Они сделали акцент на намерении экспортировать газ танкерами в Европу. Это направлено на то, чтобы занять определенную долю европейского газового рынка в целях завершения контракта между Европой и Россией. Такая ситуация указывает, что в будущем доля российского экспорта природного газа может снизиться в Европе.

В ответ «Газпром» заявил, что откроет рынок Китая и Юго-Восточной Азии, но перспективы не очень хорошие. Китай заявил о намерении импортировать природный газ в объеме в несколько раз превышающем объем покупаемого природного газа Европой у России. Но требуемая цена природного газа гораздо ниже по сравнению с международной ценой. В краткосрочной перспективе это временно помогает российской экономике. Однако, вспоминая что запасы газа ограничены, в долгосрочной перспективе это неблагоприятный выбор. По этой причине проекты газопроводов в России и Китае пока находится на временном удержании.

По направлению Юго-Восточной Азии также ожидается, что будет высоко конкурентоспособным. Так как США также планируют экспортировать газ в Юго-Восточную Азию на основе сотрудничества между Сингапуром и Японией, что, как ожидается, не будет легко.

Благодаря данному проекту Россия может обеспечивать долгосрочные фиксированные доходы из Кореи. Контракты на поставку газа по газопроводам обычно состоят из долгосрочных контрактов более 20 лет. Вероятность обновления контракта очень высока. Кроме того, российские энергетические компании могут вработать в Корею.

Во-вторых, через Корею Российские нефтегазовые компании могут найти выход на нефтегазовый рынок Юго-восточной Азии. Корея уже давно экспортирует в Юго-Восточную Азию. Есть много специалистов по экспорту в Юго-Восточной Азии, которые имеют богатый опыт и уникальные разработки для экспорта на рынок Юго-Восточной Азии и имеют большой опыт работы в этой области. То есть Республика Корея обладает широким пониманием и опытом торговли на рынке Юго-Восточной Азии. Через энергоресурсное сотрудничество Россия может помогать выступать на энергоресурсный рынок Юго-восточной Азии.

В последнее время, ситуация с ресурсным рынком была благоприятной для Республики Корея. Обратим внимание на то, что Республика Корея добилась резкого экономического роста. По мере того, как Республика Корея вошла в группу передовых стран, стало возникать беспокойство народа об экологической и социальной обстановке в стране. Существуют различные мнения о загрязнении воздуха, но нынешнее правительство считает основным источником загрязнения воздуха - устаревшие угольные электростанции. Поэтому государство объявило о намерении заменить существующие угольные электростанции на газовые. Более того, учитывая необходимость обеспечения безопасности населения, атомные электростанции также будут заменены газовыми. Атомные и угольные электростанции вырабатывают около 50% электричества Кореи. Этот факт демонстрирует необходимость развития газовой отрасли в стране.

Корейские экономисты считают, что нынешняя экономика Республики Корея находится в застойном периоде. Поэтому, правительство составило проект «Новая движущая сила» для выхода из периода застоя. Для выполнения плана данного проекта, Корейские научно-исследовательских институты анализировали слабые и сильные стороны корейской экономики и промышленности. Было обнаружено, что одной из главных трех слабых частей является областей энергоресурсов. (Изучение проекта «Новая движущая сила», Корейский институт научно-технической политики). KOGAS провел технико-экономическое обоснование проекта магистрального газопровода и приходил к выводу, импорт СПГ за 25 лет составил 22,6 млрд. долларов, включая транспортные расходы. Однако импорт природного газа через газопровод был 4,79 млрд. долларов. Даже учитывая стоимость таможенного оформления в Северной Корее, стоимость импорта российского природного газа составляет лишь 1/3 от стоимости импорта СПГ. Другими словами, Корея может сэкономить около 30 ~ 70 % стоимости импорта газа. [Yoonsik Lee, с. 11]

Импортируя российский газ, ожидается, что Республика Корея сможет преодолеть экономический спад и ожидать дальнейшего экономического роста.

Кроме того, Россия традиционно обладает значительным опытом и уникальными знаниями, и изобретениями по разведке и разработке углеводородного ресурса, а также наземным перевозкам по магистральным трубопроводам (Up-stream). У Республики Корея

есть особенные технологии и знания, изобретения в области переработки, технологии сжижения, хранения и морской перевозки через танкеры (Down-stream). Следовательно, сотрудничество между двумя странами имеет большой потенциал, поскольку их преимущества очевидны.

Заключение

За последние 25 лет, дипломатические отношения России и Республики Корея увенчались значительным успехом в экономическом сотрудничестве и поддержке частичных компаний. Однако, ранее были отмечены причины отмены реализации многих проектов. Но на сегодняшний день среди разных сотрудничеств между Россией и Республикой Корея, проект магистрального газопровода является самым важным проектом среди разных сотрудничеств.

Для реализации проекта Россия и Республика Корея должны вместе убедить КНДР. Если Россия с успехом убедит Северную Корею и реализует этот проект, Россия внесла бы не только большой вклад в мир в Северо-Восточной Азии, но и дипломатические возможности и статус также будут обновлены. Кроме того, альтернативные транспортные маршруты через море должны быть обеспечены при подготовке к неожиданным решениям КНДР.

Ценовые переговоры также должны быть быстро решены. Республика Корея имеет высокий уровень доверия в международной торговле. Риск задолженности по ценам на газ является низким. И также готов покупать газ по разумной цене по международным рыночным условиям. Кроме того, в отличие от Европы, у Кореи нет дипломатических трений с Россией, поэтому стабильность газоснабжения также будет высокой.

Мировая экономика меняется очень быстро из-за различных факторов. Россия встретила сильных конкурентов в экспорте энергоресурсов, и ожидается, что экономика Республики Корея будет замедляться из-за экономического роста Китая. Поскольку ожидаются огромные потенциальные выгоды от проекта магистрального газопровода между двумя странами, нельзя упускать время из-за небольших трудностей.

Список использованной литературы

1. Sungkyu Lee "Influence of Korea-Russia gas pipeline project on Northeast Asian gas market", Korea Export-Import Bank 2011. [1, с. 3].
2. Проект «Сила Сибири», Газпром. [2, с. 5].

3. Расчет прогноза цен на газ, Всемирный банк 2016. [3, с. 9].
4. Расчет прогноза цен на газ, Международное энергетическое агентство 2016. [4, с. 9].
5. Russia in the European energy sector Wikipedia. [5, с. 9]
6. Изменение в потреблении электроэнергии, Корейская электроэнергетическая корпорация.
7. Yoonsik Lee “Effects, Issues, and Tasks of Russian Gas Pipeline Project”, Korea Institute for National Unification 2011.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА И РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Тангалычева Р. К.

СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

ИССЛЕДОВАНИЯ КОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ НА ФАКУЛЬТЕТЕ СОЦИОЛОГИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА¹

Изучение стран Востока в СПбГУ ведется с конца XIX века. В 1897 году на Восточном факультете Санкт-Петербургского Императорского университета впервые началось систематическое преподавание корейского языка в Европе, благодаря чему было положено начало профессиональной подготовке будущих специалистов в области корееведения.

На протяжении десятилетий накапливался опыт изучения корейской культуры и общества в рамках классических дисциплин таких как лингвистика, литературоведение, история. В настоящее время на Восточном факультете СПбГУ предлагаются полные программы обучения студентов по двум корееведческим специальностям: корейская филология и история Кореи. Обучение предполагает, прежде всего, интенсивное обучение корейскому языку. Кроме того, все студенты изучают географию, этнографию, историю и современное положение Кореи, историю корейской литературы.

В современных условиях глобализации и интернационализации назрела необходимость интенсифицировать и расширять дисциплинарное поле исследований по корейской культуре и обществу. В связи с этим в начале 2000-х гг. были поддержаны программы изучения

---

¹ This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

корейского общества на Факультете международных отношений и на Факультете социологии.

Растущее влияние Республики Корея в регионе и в мире в целом заставляют внимательно относиться и профессионально изучать процессы, проходящие на Корейском полуострове. В 2003 г. на базе кафедры американских исследований Факультета международных отношений была открыта Магистерская программа «Исследования Тихоокеанского региона». В рамках данной программы большое внимание уделяется роли и месту Корейского полуострова в системе международных отношений, проблеме объединения Корейского полуострова; межкорейскому диалогу и шестисторонним переговорам; роли Республики Корея в мировой экономике; российско-корейским связям; внутривнутриполитическим процессам Республики Корея. В последние годы Факультет международных отношений не раз становился ареной для выступления известных корейских политиков.

Вопросы развития социокультурных процессов в корейском обществе изучаются и на Факультете социологии СПбГУ. С этой целью в 2004 г. был открыт Института Восточных и Западных обществ. Институт стал подразделением факультета социологии СПбГУ, содействующим реализации учебных и научно-исследовательских проектов, связанных с социологическим исследованием корейского общества, его сравнением с российским и западными обществами как перспективным направлением развития российской социологии. Основными направлениями деятельности Института являются: содействие в реализации международных образовательных программ; поддержка научно-исследовательских проектов в области сравнительных социальных исследований; преподавание корейского языка для социологов и студентов, изучающих социальные науки; развитие связей с учеными и преподавателями из Республики Корея и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона, расширение обмена студентами и аспирантами; проведение научных конференций, семинаров, коллоквиумов.

Основные научно-исследовательские проекты Института восточных и западных обществ

За годы работы Института восточных и западных обществ было выполнено несколько значимых научных проектов. Так, в 2008–2009 гг. было реализовано научное исследование в рамках совместного конкурса «РГНФ-Санкт-Петербург-2008», поддержан-

ное РГНФ и Администрацией Санкт-Петербурга. Проект состоял из двух частей: 1) фундаментальная часть «Проблемы аккультурации иностранных граждан в российском мегаполисе и способы их решения»; 2) прикладная часть «Культурный ассимилятор как средство адаптации иностранных граждан в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга)». По результатам осуществления проекта было опубликовано две книги. Первая из них — научная монография «Межкультурная коммуникация и проблемы аккультурации в крупном городе» [Межкультурная коммуникация и проблемы аккультурации в крупном городе, 2010]. В ней анализируются такие социологические и антропологические основы исследования межкультурная коммуникация в условиях глобализации, типовые переменные межкультурной коммуникации в повседневной жизни, город как пространство межкультурного взаимодействия, а также практики межкультурных взаимодействий и конструирование культурных ассимиляторов.

Во второй книге «Культурный ассимилятор. Тренинг адаптации к жизни в Санкт-Петербурге» [Культурный ассимилятор. Тренинг адаптации к жизни в Санкт-Петербурге, 2009] содержатся методика разработки тренинговой программы по технике культурного ассимилятора и сам тренинг, включающий 139 ситуаций взаимодействия жителей Санкт-Петербурга с иностранными гражданами из восточных и западных стран дальнего зарубежья и стран СНГ. Многие культурные ассимиляторы связаны со взаимодействиями с корейскими партнерами по коммуникации в сферах бизнеса, образования, досуга. В данном исследовании приняли участие студенты магистерской программы «Глобальная социология: сравнительные перспективы». Их культурные ассимиляторы тоже опубликованы в представленных книгах. В настоящее время культурные ассимиляторы применяются в работе с мигрантами, проживающими в Ленинградской области. Результаты исследования и сконструированные культурные ассимиляторы были предоставлены также всем участникам исследования. По отзывам работников иностранных компаний, дипломатических служб, преподавателей своих национальных языков, работающих в Санкт-Петербурге, и аспирантов, они с удовольствием, пользой и интересом самостоятельно изучали ситуации межкультурных взаимодействий и экспертные пояснения к ним, в результате чего открыли для себя многие ранее не известные им нюансы межкультурной коммуникации. Материалы тренинга используются также для работы со студентами в англоязычных и русскоязычных группах в процессе преподавания ряда курсов

Санкт-Петербургского государственного университета по межкультурной коммуникации, социологии культуры, методам социологических исследований и др. После знакомства с ситуациями из тренинга студентам предлагается самостоятельно собрать материал и разработать подобные эпизоды с оригинальными сюжетами. Как показал опыт нескольких лет популяризации разработанного нами тренинга по технике культурного ассимилятора в контексте российского мегаполиса, основными целевыми группами такой работы помимо студентов и преподавателей вузов должны стать: журналисты, которые освещают межнациональные, межэтнические, межкультурные отношения в российском социокультурном пространстве; лидеры, руководители диаспор тех или иных национальных и этнических групп в российских городах; работники правоохранительных органов, которые призваны регулировать эти отношения в своей повседневной и профессиональной практике; религиозные деятели и служители культа, являющиеся авторитетными лидерами многих национальных и этнических общин в крупных городах; работники социальных служб, органов местного самоуправления и работники некоммерческих организаций, занятые в сфере регулирования межэтнических и межкультурных отношений. Часть культурных ассимиляторов тренинга посвящена российско-корейской межкультурной коммуникации.

В 2010 г. Санкт-Петербургский государственный университет выиграл конкурс Академии корееведения (Республика Корея) и получил пятилетний научный грант по теме «Расширение дисциплинарных границ исследований Кореи в Санкт-Петербургском государственном университете». В рамках этого гранта Институт восточных и западных обществ факультета социологии работает по направлению «Трансформация общества в Корее и в России в условиях глобализации: сравнительный анализ». Основные направления проектной работы развиваются ведущими профессорами и доцентами Факультета социологии, среди них: «Современные социологические проблемы в корейском и российском обществах: сравнительный анализ»; «Формирование общества потребления в Корее и России»; «Религиозная интеграция в корейском обществе в глобальной перспективе»; «Гендерные аспекты развития современного российского и корейского общества в глобальной перспективе» и «Корейско-российская межкультурная коммуникация в условиях глобализации». В ходе разработки данных научно-исследовательских проектов были опубликованы десятки статей в высокорейтинговых российских журналах, сборниках статей и монографиях.

По итогу работы была подготовлена и опубликована коллективная монография «Корея и Россия: социокультурная динамика» [Корея и Россия: социокультурная динамика, 2015], посвященная основным тенденциям развития общества в двух странах последних десятилетий. В ней анализируются траектории социальных изменений, религиозные гражданские организации, модернизация повседневности в корейском и российском обществах. Также в ней уделяется внимание образу Кореи и корейцев в обыденном сознании россиян и в российских СМИ, практикам межкультурных взаимодействий и техникам формирования межкультурной компетентности участников российско-корейской коммуникации.

Поскольку одной из задач проектной деятельности по гранту Академии корееведения была разработка и внедрение программ учебных дисциплин по изучению Кореи, то было составлено пять программ учебных дисциплин на английском языке для студентов магистерского профиля «Глобальная социология: сравнительные перспективы» под заголовком «Глобальная социология: сравнительные перспективы. Программы и методические материалы к учебным курсам по российско-корейской сравнительной тематике» [Глобальная социология: сравнительные перспективы, 2014]. Все эти курсы читаются на магистерской программе и способствуют формированию необходимых знаний и навыков социологов в области российско-корейского международного сотрудничества.

В 2016 году Санкт-Петербургскому государственному университету был предоставлен грант на дальнейшие исследования и развитие программ корееведения. Согласно новому пятилетнему проекту будут расширяться связи университета и Факультета социологии с корееведческими программами и подразделениями университетов Северной и Восточной Европы по налаживанию научного и образовательного сотрудничества, обмену студентами и преподавателями. С этой целью намечены гостевые лекции зарубежных профессоров, проведение международных летних школ и другие мероприятия.

Сотрудничество с Институтом российских исследований университета «Ханкук» (Республика Корея)

Институт восточных и западных обществ Факультета социологии СПбГУ в 2011 г. заключил договор о сотрудничестве с Институтом российских исследований Университета «Ханкук» (Республика Корея). Согласно этому договору ежегодно двумя институтами проводятся совместные международные научные конференции: один

год в Сеуле, другой — в Санкт-Петербурге. В апреле 2012 г. Институтом российских исследований была проведена международная конференция «Россия и Корея в эпоху глобализации: вызовы, тенденции и перспективы» [Тангалычева, 2011, с. 200–204]. Институт восточных и западных обществ Факультета социологии 19–21 ноября 2012 г. провел ответную научную конференцию «Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи» [Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации, 2012; Тангалычева, 2013, с. 197–204].

«Изменения и вызовы глокализирующейся России и Северо-Восточной Азии» — под этим названием 18–19 октября 2013 г. в Сеуле была проведена очередная международная конференция Институтом российских исследований при Университете иностранных языков Ханкук [12]. В 9–10 апреля 2015 г. на Факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета прошла четвертая международная конференция «Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах» [Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах, 2015; Тангалычева, 2015, 168–169], поддержанная Академией корееведения и Институтом российских исследований университета «Ханкук». Конференция стала событием в научной жизни, поскольку в ее рамках была осуществлена попытка объединить ученых из разных областей социального и гуманитарного знания — социологов, международников, политологов, историков, этнологов, экономистов, журналистов, культурологов, а также, что особенно важно, профессиональных российских корееведов, ставших своего рода экспертами прозвучавших докладов. 28–29 октября 2016 г. в Сеуле прошла еще одна совместная конференция Института российских исследований Университета Ханкук и Факультета социологии СПбГУ «Поворот России на Восток: контексты, восприятие и перспективы» [Тангалычева, 2016, с. 244–247]. Актуальность выбранной темы обусловлена новыми обстоятельствами во взаимодействиях между Россией и Восточной Азией, связанными с наметившимися тенденциями разворота российского общества в сторону разнопланового сотрудничества с азиатскими партнерами.

Магистерская программа «Глобальная социология: сравнительные перспективы»

В 2006 г. в рамках деятельности кафедры сравнительной социологии и Института восточных и западных обществ на Факультете

социологии СПбГУ был открыт англоязычный профиль магистерской программы «Глобальная социология: сравнительные перспективы». Инициатива по разработке этого профиля опирается на необходимость подготовки специалистов, обладающих комплексом знаний и умений, позволяющих осуществлять анализ современных социальных, политических, экономических и этнокультурных проблем и процессов, характерных для западных и восточных обществ в условиях глобализации.

Поскольку все дисциплины профиля преподаются на английском языке, то студенты, желающие обучаться по этой программе, должны владеть необходимыми навыками чтения, разговора и письма на этом языке. Английский язык в современных условиях является языком межкультурной коммуникации, а свободное владение им позволяет молодым специалистам эффективно включаться, с одной стороны, в освоение академического опыта разных стран, с другой — в профессиональную деятельность в международных организациях Санкт-Петербурга и за рубежом.

Ключевым направлением обучения по программе «Глобальная социология: сравнительные перспективы» является всестороннее изучение основ глобализации в современном мире, которая связана со всеми теми процессами, благодаря которым представители различных стран и культур инкорпорируются в единое глобальное общество. Эти процессы еще только формируются. Они продолжительны во времени и оказывают неравномерное воздействие на различные регионы, страны и отдельных людей. Тем не менее они, безусловно, интенсифицировались в последнее десятилетие, вызвали ряд специфических проблем и даже отторжение во многих частях света. Глобализацию можно трактовать как совокупность ускоряющихся трансформаций в самых разных областях жизни и деятельности, которые происходят более или менее одновременно.

Формируя совокупность учебных дисциплин магистерской программы «Глобальная социология: сравнительные перспективы», разработчики опирались на структуру подобных программ в зарубежных университетах. В результате, в учебный план были включены такие направления исследований и обучения, как модернизация и эволюция современного общества, экономические и политические аспекты глобализации, социальное неравенство в международном измерении, корпоративная власть и социальная ответственность, международная миграция, туризм и его социальные последствия, потребительская культура в современном мире, медиа-коммуникация и информатизация, глобализация религии, урбанизация и по-

явление глобальных городов, глобальное гражданское общество и т. д. Помимо общеобразовательных дисциплин по социологии вариативная часть магистерской программы охватывает следующие специализированные предметы изучения: Глобальная социология; Гражданское общество в глобальной перспективе; Глобальные сети в современном мире; Эволюция социального неравенства в современных обществах; Глобальная трансформация в европейских обществах; Эффективная деловая коммуникация; Социология потребления в современном обществе; Практикум по сравнительной социологии; Кросс-культурная коммуникация в условиях глобализации; Религиозные интеграции в глобальной перспективе; Глобализация образования и науки; Гендерные аспекты развития современных обществ в условиях глобализации.

За время работы магистерской программы было подготовлено 27 магистров социологии и 7 стажеров из Франции, Швейцарии, Финляндии, Южной Кореи и других стран. Среди выпускников программы было три человека из таких зарубежных стран, как Тайвань, Мексика, Республика Корея. Также обучаются студенты из Белоруссии. Темы их магистерских диссертаций следующие: «Социологический анализ проблем формирования практик патриотизма в среде мигрантов из КНР в Санкт-Петербурге», «Исключенные сообщества в Мексике и в Канаде: сравнительный анализ» и «Стареющее общество и политика благосостояния пожилых людей в США, Германии, Швеции и Республике Корея: сравнительный анализ». Российские студенты успешно защитили магистерские диссертации по таким темам исследования, как «Социальное конструирование идентичности молодежи в пространстве уличной моды (на материалах России и Южной Кореи)»; «Формирование межкультурной компетентности российских работников корейских компаний (на примере «Хёндай-моторс» в Санкт-Петербурге)»; «Социальная структуризация в транзитивном пространстве международного аэропорта»; «Социальное конструирование Болгарии как места отдыха и туризма россиян»; «Сравнительный анализ практик отцовства в российской и американской семьях»; «Конструирование образа Кореи в российских СМИ»; «Акультурация корейских студентов в российских вузах»; «Сравнительный социологический анализ реформ в системах высшего образования в России, Украине и Белоруссии»; «Сравнительный анализ стратегии поведения на рынке труда студентов, обучающихся на англоязычных программах в Санкт-Петербургском государственном университете и университете Турку»; «Культурное измерение деятельности Голландско-Российских организаций

в Санкт-Петербурге»; «Гражданская идентичность корейских протестантских организаций Санкт-Петербурга»; «Сравнительный анализ институциональных практик обращения в ЕСПЧ в России и Украине»; «Миротворчество ООН в системе глобальных процессов: сравнительный анализ оценок российских и зарубежных экспертов»; «Социальное конструирование женственности в обществе потребления (на материалах России и Южной Кореи)» и др.

В настоящее время студенты магистерской программы работают над такими исследованиями, как «Проекты тела в обществе потребления (на материалах Южной Кореи и России)»; «Глокализация жизненных стилей молодежи в России и Корее»; «Кошерная мода в России, США и Корее»; «Социальное конструирование достопримечательностей как фактор развития международного туризма (на материалах Сеула и Санкт-Петербурга)»; «Социологический анализ корейско-российских смешанных браков: влияние социокультурного контекста».

Студенты магистерской программы имеют возможность изучения корейского языка на базе Института восточных и западных обществ, проведения полевых исследований в Республике Корея с целью сбора эмпирического материала для сравнения западных и восточных практик и паттернов поведения и завершения своих магистерских диссертаций, участвую в летних школах в сеульских университетах, а также проходит международные стажировки в ведущих университетах Южной Кореи.

Список использованной литературы

1. Глобальная социология: сравнительные перспективы. Программы и методические материалы к учебным курсам по российско-корейской сравнительной тематике / Д. В. Иванов и др.; сост. Р. К. Тангалычева. СПб.: Скифия-принт, 2014. 152 с.
2. Корея и Россия: социокультурная динамика / под ред. Р. К. Тангалычевой, Д. В. Иванова, В. И. Ильина, Е. А. Островской. СПб.: Алетейя, 2015. 330 с.
3. *Кулешова А. В.* Изменения и вызовы глокализирующейся России и Северо-Восточной Азии // СОЦИС. М., 2014, № 4. С. 151–152.
4. Культурный ассимилятор. Тренинг адаптации к жизни в Санкт-Петербурге / под ред. Р. К. Тангалычевой и Н. А. Головина. СПб.: Петрополис, 2009. 399 с.
5. Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации / Отв. ред. Р. К. Тангалычева, И. А. Коргун. СПб.: Скифия-принт, 2012. 448 с.

6. Межкультурная коммуникация и проблемы аккультурации в крупном городе / отв. ред. Р.К. Тангалычева, Н.А. Головин, М.С. Куропятник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.
7. Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах / Отв. ред. Р.К. Тангалычева и В.В. Козловский. СПб.: Скифия-принт, 2015. 420 с.
8. *Тангалычева Р.К.* Международная научная конференция «Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации» // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2013, № 1. С. 197–204.
9. *Тангалычева Р.К.* Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах // СОЦИС, 2015, № 11. С. 168–169.
10. *Тангалычева Р.К.* Поворот России на Восток? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 244–247.
11. *Тангалычева Р.К.* Россия и Корея в эпоху глобализации: вызовы, тенденции и перспективы // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2011, № 4. С. 200–204.
12. Changes and Challenges in Glocalizing Russia and Northeast Asia. Seoul, Hankuk University of Foreign Studies, 2013. 260 p.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ЗАДАЧИ РОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИИ В КОРЕЕ

I. Введение

Первые исследования о СССР (России) появились в Корее после обретения ею независимости от Японии. В это же время сформировалось и первое поколение ученых-славистов. Однако цензура, обусловленная различиями в идеологии, международная обстановка тех лет, а также труднодоступность первоисточников вводили серьезные ограничения на выбор областей и методов исследований. В этот период корейское славяноведение развилось в области обучения русскому языку. Середина 1980-х г. стала началом нового этапа в развитии славяноведения в Корее. В 1985 году была создана «Ассоциация славяноведения» (슬라브학회) и начал издаваться научный периодический журнал «Вестник славистики» (슬라브학보), что способствовало постепенному накоплению исследований в области литературы, лингвистики, сравнительной политологии, международных отношений и истории.

В 1990-е гг. Республика Корея установила дипломатические отношения с СССР и восточноевропейскими странами. Начали вести научную деятельность ученые-слависты третьего поколения, получившие образование непосредственно в России и странах Восточной Европы, а не в США, Германии и др. (так называемых «третьих странах»). Происходило расширение областей исследования, появились кандидаты экономических, социологических, искусствоведческих и других наук.

Однако, несмотря на расширение исследовательской области, в Корее изучение народов России и их культуры пока находится на стадии зарождения. Эти исследования, в отличие от литературоведческих и исторических, иногда затрагивающих и этнографический аспект, не оформлены в самостоятельную отрасль научного знания и их количество, в сравнении с объемом исследований в области литературы и лингвистики, весьма мало. Причин этому две. Во-первых, история этнографического изучения народов России началась в Корее сравнительно недавно. Во-вторых, все еще узок круг ученых, специализирующихся на российской этнографии.

Изучение народов России и их культуры необходимо для более глубокого понимания России как мультиэтнического государства. Дальнейшее же углубление исследований в данной области требует анализа и оценки существующих на сегодняшний день в Корее работ по этнографии России, основных тенденций и перспектив развития, чему и посвящена настоящая статья.

II. Объект исследования

Термин «этнография», или «этнология» можно перевести на корейский язык словом «민족지학», которое в Корее почти не используется. Гораздо более широко распространены термины «фольклористика» (민속학), «социальная антропология» и «культурная антропология» (문화인류학). В то же время этнология может пониматься более широко, как наука, включающая в себя и фольклористику, и социальную антропологию.

Для России, на территории которой исторически проживало большое количество различных народов и этнических образований, этнография (этнология) — необходимая наука. Накопление знаний об их быте и культуре происходило еще с древнейших времен, однако настоящие этнографические исследования начались в России в XVIII веке, когда Петр I задался целью создать науку этнографию по европейскому образцу. Именно при нем появились первые музеи, в которых хранились этнографические коллекции многочисленных экспедиций. В дальнейшем, благодаря деятельности ученых, путешественников, участников экспедиций, а также созданного в XIX веке Русского географического общества было собрано огромное количество этнографических материалов по разным народам, записаны фольклорные тексты. В настоящее время российская этнология изучает не только народы, их этногенез и историю, бытовые особенности, материальную и духовную культуру. Область этнологии постепенно расширяется, на стыке наук возникают такие дисциплины, как этносоциология, этнолингвистика, этнопсихология и др. Знание о каком-либо народе подразумевает владение информацией не только о его имени или месте проживания, но также и о различных элементах его культуры и современном состоянии, поэтому так необходима интеграция между этнографией, языкознанием, религиоведением, политологией и другими науками.

Такая тенденция к междисциплинарности характерна и для российской этнологии в Корее. История исследований в этой области довольно коротка, количество их невелико, но, несмотря на это,

они охватывают широкие области, в том числе языки, материальную и духовную культуру, межнациональные отношения и др. Эти исследования обычно публикуются в форме научных статей, а не монографий. Книг о народах России в Корее чрезвычайно мало. Поисковая система крупнейшего в Корее книжного магазина «Кёбо» (교보문고) по ключевому слову «Россия» выдает более 13 000 книг на корейском языке. Большая их часть — пособия по русскому языку и произведения русской литературы, и лишь менее 20 изданий посвящены народам России и их фольклору.¹ Результат поиска в базе научных статей kiss.kstudy.com (한국학술정보) по ключевому слову «Россия» — более 7 000, из них ключевое слово «народы» содержат в себе 420 статей, ключевое слово «фольклор» — 54, однако необходимо отметить, что в действительности не все из них являются этнографическими или фольклористическими исследованиями.

Таблица 1. Книги, затрагивающие вопросы российской этнографии²

Название	Автор	Перевод	Год издания
Русская сказка 러시아 민담연구	Владимир Я. Пропп	Ли, Чжонг Чжин	2005
Частушки: сборник русских песен 차스뚜시카: 러시아 민요 모음집	Ким, Кён Тэ		2006
Русская фольклористика 러시아 민속문화	Ли, Чун Кын		2007
Фольклор советской России и общество 소비에트 러시아 민속과 사회이야기	Ким, Сан Хён		2009
Проблемы комизма и смеха 희극성과 웃음	Владимир Я. Пропп	Чжонг, Мак Рэ	2010
Чукчи: религия 축치: 신앙	Ким, Мин Су		2012
Морфология сказки 민담 형태론	Владимир Я. Пропп	О, Гун Чжу	2013
Традиционная свадьба России и фольклор 러시아 전통혼례문화와 민속	Ким, Сан Хён		2014
Миф чукчи 축치 신화	Ким, Мин Су		2015
Евразия, мозаика народов 민족의 모자이크, 유라시아	Ким, Хе Чжин		2016
Воспоминания крепостного крестьянина 러시아인의 삶, 농노의 수기로 읽다	Савва Д. Пурлевский	Ким, Сан Хён	2011
Язык и народная культура 언어와 민족문화 1, 2	Никита А. Толстой	Ким, Мин Су	2014

¹ В их число мы не включили издания на иностранных языках, то есть издания, написанные зарубежными учеными, но не переведенные на корейский язык.

² В этот перечень не включены труды русскоязычных корейцев, поскольку количество этих книг довольно велико.

Как видно из таблицы 1, изучение народов России в Корею началось совсем недавно, а настоящих исследований по ним немного, поэтому данная статья включает в себя работы, посвященные народам не только России, но и бывших советских республик. Статьи и книги, лишь частично посвященные проблемам советской и российской этнографии, а также доклады, представленные на форумах и симпозиумах, не включены в этот перечень, так как, несмотря то, что некоторые из них имеют научный характер, они не оказывают продолжительно существенного влияния на развитие научной мысли в данной сфере.

III. Направления исследования

Изучение народов России в Корею обычно идет в нескольких направлениях: (1) языки и фольклор, (2) народы и их материальная и духовная культура, (3) русскоязычные корейцы, (4) другое. Тема «русскоязычные корейцы» (고려인) рассматривается в качестве отдельного направления, так как особые отношения этнических корейцев с Кореей способствовали накоплению по этому вопросу довольно большого объема исследований.

3.1. Исследования языков и фольклора

Тематически исследования языков можно разделить на 2 группы³. Работы, посвященные языковой ситуации в Советском Союзе концентрируются на языковой политике советского правительства и языковой ассимиляции среди нерусских народов, причем найти конкретную информацию по каждому народу в отдельности довольно трудно. Исследования языковой ситуации после распада СССР анализируют языковую политику не только России, но и стран Средней Азии и Прибалтики. В небольшом количестве существуют и работы, затрагивающие вопросы языковой ситуации и движения возрождения национального языка среди нерусских народов, однако их немного, и это позволяет нам сделать вывод о том, что языки разных народов России и их фольклор еще недостаточно исследованы.

---

³ Все исследования проведены после распада СССР, поэтому деление на группы не хронологическое, а тематическое.

Таблица 2. Исследования, посвященные языкам и фольклору народов России

Темы исследований	Конкретные темы	Количество
Языковая политика и языковая ситуация	СССР	4
	РФ	4
	Бывшие страны СССР	7
	Национальные республики РФ или регионы России	6
Языковая проблема (в том числе возрожденные национальных языков)	Нерусские народы в России	2
Фольклор	Миф, сказка, эпическая поэма, jokelore	10
Другие темы	Национальный менталитет во фразеологии	2

3.2. Этнографические исследования

В корейском славяноведении уже существует корпус работ о различных этносах России, однако исследуют они наиболее известные в Корее народы: русский, украинский, чеченский. Другие, а их в России более 100, все еще остаются малоизученными. Интересно, что некоторые исследования материальной культуры проводятся не русистами. Например, статьи «Особенности дизайна традиционного костюма у русских», «Пластичность рубахи у белорусов и украинцев» написаны специалистами по дизайну одежды.

Таблица 3. Этнографические исследования

Темы исследований	Конкретные темы	Количество
История народов (включая этногенез)	Народы России	4
	Народы стран СНГ	7
Материальная культура	Русские, украинцы и белорусы	2
	Другие народы	1
Духовная культура	Праздники	2
	Семейные обычаи	1
	Религия	2
Этническое сознание и национализм	Русские, чеченцы, татары, украинцы, якуты, киргизы	15
Этнографические аспекты в литературе	Украинские праздники в произведениях Н. В. Гоголя, модернизм и фольклор и др.	4
Другие темы	Образы или стереотипы народов	1

3.3. Русскоязычные корейцы

До установления дипломатических отношений между Республикой Корея (РК) и Россией южнокорейцы мало знали о жизни русскоязычных корейцев (то есть этнических корейцев в России, Средней Азии и Казахстане). Исследования на эту тему начали появляться в Корее совсем недавно. Сегодня в РК для более глубокого изучения их истории регулярно проводятся научные конференции, посвященные истории русскоговорящих корейцев, проходят лекции этнических корейских писателей России и др.

Содержание исследований на тему жизни этнических корейцев в России (СССР) было сосредоточено на истории их первоначально-го переселения на Дальний Восток России в середине XIX века и депортации в Среднюю Азию в 1937 году, а также на описании процесса адаптации к новым условиям жизни в Средней Азии и Казахстане. История депортации корейцев с русского Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан долгие годы не затрагивалась корейскими учеными по причине давления идеологии и невозможности доступа к первоисточникам. Лишь после распада СССР по данному вопросу появилось много работ, авторы которых имели возможность обратиться к ранее закрытым архивным материалам.

Помимо содержательной, исследования этого направления имеют территориальную специфику. Большая часть исследований сосредоточена на российском Дальнем Востоке, в Казахстане и Узбекистане, то есть там, где этнические корейцы проживают наиболее компактно. Однако в последнее время ученые начали уделять особое внимание общинам российских корейцев в таких регионах, как Москва, Санкт-Петербург, Сибирь и, в особенности, Поволжье, куда из Казахстана и Средней Азии переселяются многие корейцы.

Отдельная часть исследований посвящена сахалинским корейцам. Интерес к ним возник в процессе их репатриации в Корею в 1990-е годы, в результате чего появились исследования, посвященные истории принудительного переселения корейцев на Сахалин во время аннексии Корейского полуострова Японией, процессу адаптации на исторической родине после репатриации и современному состоянию репатриантов.

В последнее время многие ученые исследуют степень сохранения традиций, самобытности культуры русскоязычных корейцев, проживающих не только в России или Средней Азии, но и в разных городах Кореи, например, в Сеуле, Кванчжу и Ансане. Кроме того, интерес к этой теме проявляют историки, социологи, корееведы, политологи и др.

Таблица 4. Исследования, посвященные русскоязычным корейцам

Темы исследований	Конкретные темы	Количество
Община русскоязычных корейцев и жизнь	Регионы России	10
	Казахстан и Средняя Азия	39
	Общее (Россия и Средняя Азия)	6
	Города Кореи	10
Переселение и жизнь	Первоначальное переселение в Дальний Восток России и жизнь	2
	Депортация в Среднюю Азию и жизнь	10
	Переселение в Россию из Средней Азии и жизнь	4
	Переселение в Корею и жизнь	6
Сохранение корейского языка и традиционной культуры, этническое сознание	Регионы России	11
	Казахстан и Средняя Азия	43
	Общее (Россия и Средняя Азия)	3
	Русскоязычные корейцы в Корее	3
Сахалинские корейцы	История переселения на Сахалин	
	Жизнь на Сахалине	1
	Репатриация и жизнь в Корее	4
Литература русскоязычных корейцев	Пьесы, романы, поэзия и др.	32
Другие темы	Движение за независимость среди корейских иммигрантов в России, семейные отношения, политика России (СССР) в отношении корейцев, политика Кореи в отношении этнических корейцев, юридические проблемы, методы исследований, посвященных русскоязычным корейцам и др.	10

3.4. Другие темы

Кроме вышеуказанных основных тем исследований народов России, существуют другие темы. В их число входят национальная политика СССР и РФ, история советской и российской этнографии, методика преподавания российской этнологии, русская диаспора в странах бывших советских республик, межнациональные отношения в России.

IV. Задачи для дальнейшего развития

Как уже было показано, история изучения народов, проживающих в России, в Корее началась сравнительно недавно и количество исследований по российской этнографии пока еще невелико. Перед корейскими учеными стоит много нерешенных задач. Во-первых, необходимо расширить поле объекта исследования. По понятным

причинам (международная обстановка, трагические события последних лет, террор, война), основной интерес ученых вызывают определенные народы: русские, украинцы, чеченцы. Однако для создания целостной картины российского национального многообразия необходимо уделять внимание и другим этносам, поэтому в последнее время корейские ученые в своих исследованиях обращаются к таким народам, как татары, саха (якуты), ненцы, коми и др., что является первым шагом на пути более глубокого понимания России.

Во-вторых, необходимо издавать книги и журналы, посвященные данному вопросу, и распространять информацию, в первую очередь, в научной среде. Даже русисты (не говоря уже о студентах и аспирантах факультета русистики) иногда не знают о существовании многих народов, проживающих на территории России. В последнее время в научно-популярных и онлайн-журналах стали чаще появляться короткие статьи или колонки о народах России. Например, Институт российских исследований Университета иностранных языков Хангук, сотрудником которого является и автор настоящей статьи, с марта 2010 по декабрь 2015 года издавал журнал 『Russia & Russian Federation』, где была размещена серия из 13 статей небольшого объема, посвященная российской этнографии. Кроме того, с 2014 года по настоящее время институт опубликовал свыше 60 статей о народах России и бывших советских республик в колонке «Евразия, мозаика народов» в Naver Cast и Naver Энциклопедия (지식백과), онлайн-изданиях самой крупной корейской поисковой системы «Naver», аналогичной системе «Яндекс» в России. Часть этих статей составила одноименную книгу о 15 народах, входивших в состав СССР. Издание вышло в 2016 году и по сей день пользуется популярностью. Перечисленные выше статьи нельзя назвать научными исследованиями, поскольку все они небольшого объема, не являются частью научных дискуссий и написаны, скорее, научно-популярным языком для широкой читательской аудитории. Однако и они имеют определенное научное значение, так как призваны распространить знания о народах России.

В-третьих, корейским русистам, специализирующемся на российской этнографии, необходимо расширять и укреплять связи в научном мире и прежде всего — с российскими этнографами. Научное сотрудничество может реализовываться несколькими способами. Например, через участие в конференциях (в России и в Корее), совместное написание и публикацию научных статей, путем совместных полевых исследований. В последнем перед корейскими учеными встает сразу несколько проблем: языковой барьер (если

представители исследуемого народа предпочитают говорить на родном языке); недостаточная информированность о каких-либо запретах и обязательных условиях для наблюдения традиционных обрядов и участия в них; трудность поиска подходящих информантов; дорожные трудности, в том числе поиск транспорта до места проживания исследуемого народа. Сотрудничество в проведении полевой работы помогает решать эти проблемы. Институт российских исследований уже имеет опыт такого сотрудничества. Автор настоящей статьи и ученые из Республики Коми вместе проводили полевую работу в Ижемском районе Республики Коми. Написанные в результате этой работы статьи были опубликованы не только в Корее и в России, но и в зарубежных журналах, входящих в перечень SCOPUS. Российские и корейские ученые проводят совместную работу во многих областях, например, на Дальнем Востоке России ведутся археологические раскопки древней Кореи, Бохай, однако сотрудничество между российскими и корейскими этнографами еще предстоит расширять. Существует много объектов для общих исследований, например, мифы и сказки народов Сибири и Дальнего Востока, шаманизм и т. д.

Помимо налаживания связей с коллегами из России, корейским русистам, занимающимся российской этнографией, необходимо сотрудничество со специалистами по корейской этнологии. Занимаясь общим делом, они тем не менее дистанцированы друг от друга и нуждаются в научных площадках для обмена опытом.

Прекрасную возможность для этого может предоставить, например, конференция, организуемая Корейской Ассоциацией Фольклористики, в которой планируется участие и корейских этнографов, занимающихся исследованием народов России. Научные контакты и тесная совместная работа по сравнению и сопоставлению этнологических явлений Кореи и России могут заставить нас по-новому посмотреть на давно известные факты.

Подводя итог, хочется выразить надежду на то, что находящаяся в данный момент на стадии зарождения этнография России в Корее в дальнейшем получит свое развитие на основе нашей совместной работы и сотрудничества.

ТОТАЛИТАРНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: МЕЖДУ УТОПИЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ (ОПЫТ СЕВЕРОКОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА)¹

Тоталитаризм — это модель устройства общества, предполагающая всепроникающий государственный контроль всех сфер жизни, включая повседневность. Эта модель под разными названиями использовалась во всех странах государственного социализма как программа идеального общественного устройства. В СССР она была апробирована впервые в ее социалистическом варианте, а КНДР представляет собой последнюю страну, где она сохраняется. При этом ее эмпирическая реальность представляет собой пример максимального для современного мира приближения к идеальной модели. Однако реальная повседневная жизнь не поддается форматированию в соответствии с принципами тоталитарной модели. Индивиды в рамках такого общества, борясь за выживание, не только сами адаптируются к системе, но и изобретают множество форм, низводящих тоталитаризм до уровня утопии и размывающих формально предельно жесткие структуры тоталитарной социальной системы. Цель данного доклада состоит в выявлении протекающих на микроуровне процессов, размывающих на молекулярном уровне тоталитарную социальную систему через логику концепции Мишеля де Серто. В результате видимость тоталитарной системы в ее северокорейском варианте заметно отличается от формальной модели, описанной в идеологии, т. е. в «идеях чучхе».

Тоталитаризм как модель социальной организации

Обычно категорию тоталитаризма используют для описания модели политической системы. Это правомерно, но недостаточно. Тоталитарная модель представляет собой форму социальной организации, далеко выходя за пределы политики, но все рационализируя в идеологических терминах. Само определение «тоталитарный» нацеливает на регулирование всей социальной системы (тотальности, цельности). Такой проект идеальной организации общества

---

¹ This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

предполагает программирование под высшую цель всех «социальных молекул» — индивидов, семьи и малых сообществ.

Х.Арендт [Арендт, 1996] писала, что центральной характеристикой любого общества является баланс между публичностью и приватностью. В обществах, где государство использует тоталитарную модель управления, дисбаланс в пользу публичности предельно расширяет границы вмешательства государства в жизнь человека, до минимума сводя возможности проявления человеком себя в приватной сфере. Государство, ориентирующееся на тоталитарный механизм, пытается (правда, далеко не всегда ему это удается) установить контроль и осуществлять влияние на все процессы, протекающие в приватной повседневности. В центре внимания, конечно, политико-идеологическая сфера, однако по мере возможности тотальные намерения власти распространяются на все доступные сферы, включая политизируемую интимность.

Тоталитарная модель общества, на которую опирался процесс строительства сталинского социализма, предполагает максимальное слияние индивида с обществом и социальный контроль, проникающий во все поры повседневности. И.Бентам [Бентам, 1998] разработал модель тюрьмы (паноптикум), в которой надзиратель, оставаясь невидимым, мог бы наблюдать за всем происходящим в камерах. М.Фуко [Фуко, 1999] увидел в паноптикуме модель всего общества, которое стремится к поддержанию социального порядка через надзор своих граждан. В разработанной им концепции «микрофизики власти» именно всеобщий надзор обеспечивает подчинение индивида системе. Этот взгляд М.Фуко на власть как на своего рода энергию, проникающие во все поры общества, представляет собой эффективный инструмент понимания тоталитаризма не через деятельность институтов макроуровня, а через организацию повседневности.

Концепция габитуса П.Бурдьё [Бурдьё, 1998] помогает понять процесс нормализации даже немислимо ненормальных социальных условий не только в приемлемые, но и даже желанные, а надзиратель становится частью собственного сознания. Если смотреть на социальную систему через индивида как ее винтика, то мы видим, что наиболее глубинной и фундаментальной основой тоталитаризма является формируемый им габитус как схема восприятия, как свободные привычки, установки, проявляющиеся в форме полуавтоматических, не осознаваемых практик, воспроизводящих тоталитарный социальный порядок.

В отличие от тоталитаризма авторитаризм представляет собой модель политической организации, в которой тотальность ограничена только формальной политической системой. Авторитарный режим, не отказываясь от тоталитарной терминологии и амбиций (например, формирование «нового человека», «новой нравственности») в реальности спускается на землю, закрывая глаза на микропроцессы в нишах повседневной жизни до тех пор, пока они не оформляются в оппозиционные политические организации. Свободомыслие «на кухне», двоемыслие, ритуализм, циркуляция анекдотов, ирония и цинизм в отношении власти, мелкие хищения «социалистической собственности» и т. д. принимаются как издержки несовершенства человеческой природы, описываемое дополнительно в терминах «пережитков капитализма».

Перерождение советского режима из тоталитарного в авторитарный произошло после смерти Сталина. В Северной Корее некоторые признаки возможности такой трансформации наблюдаются, но пока, судя по всему такие изменения остаются в статусе вероятного будущего развития. Мирная трансформация тоталитарной социальной системы, как показывает опыт СССР и стран Восточной Европы с середины 1950-х гг., возможна именно в сторону авторитарного режима, при котором образуется уступаемая властью зона полулегальной свободы воли. Такая трансформация разворачивается на всех уровнях — от большой политики до микропрактик, формирующих ткани повседневности. В первую очередь эта щель между моделью и реальностью расширяется на уровне повседневности.

Субъектность в жесткой социальной системе

М. де Серто [Де Серто, 2013] посвятил свою книгу «Изобретение повседневности. Искусство делать» практикам и процедурам, противоположным установлению социально-политического порядка. Суть этих процедур в том, что «слабый использует сильного», он «манипулирует событиями, чтобы создавать из них благоприятные случаи», он «постоянно обращает себе на пользу чуждые ему силы». Система охватывает заключенных в нее людей сетью, «слишком плотной, чтобы они могли от нее ускользнуть», однако повседневные тактики доминируемых «вводят в систему броуновское движение». Эти практики М. де Серто обозначает как «ловкие проделки», «хитрости», «уловки», «мимикрии», «надувательство» [Там же, с. 43, 48, 51, 84].

Эти практики не направлены на изменение и тем более на слом существующего порядка вещей. Индивид рассматривает его как данный, как объективную реальность погоды, климата и т. д. И его повседневные задачи состоят не в том, чтобы изменить порядок, а в том, чтобы выжить в нем, играя по его правилам и хитря там, где это удастся. Однако, борясь за выживание, индивиды непреднамеренно, изменяют и контролирующие их элементы социальной структуры.

Одними этот порядок не принимается как законный, что открывает возможность его нарушать и обходить с совершенно чистой совестью. Иначе говоря, формируется контркультурная мораль, легитимирующая нарушение существующего порядка. Другие, принимая его в принципе или просто не ставя перед собой такие «философские» вопросы, считают возможным отступать от него в мелочах. В итоге, если говорить словами М. де Серто [Там же, с. 84] имеет место «практическое использование порядка, построенного другими», что «открывает неравным силам пространство для маневра».

Исследование, уводящее в сторону от изучения формальной системы к процессам, происходящим в ее порах, открывает совершенно иные горизонты. «Это, — как точно подметил М. де Серто, — шепот человеческих обществ» [Там же, с. 61]. Услышать его посторонний, опираясь на официальные документы — нормативные акты и отчеты, не может. Подход к изучению этой культуры, как подчеркивает М. де Серто, «возможен тогда, когда обычный человек становится рассказчиком» [Там же, с. 68].

Функция таких практик в тоталитарной системе двойка. С одной стороны, они размывают систему, расширяя зазоры между ее принципами (идеологическими и правовыми) и реальностью ее существования. С другой стороны, эти практики смягчают гораздо более разрушительный эффект иррациональности тоталитарной системы, то и дело входящей в конфликт с реальностью. Они позволяют людям, вовлеченным в такую систему, выживать, несмотря на масштабные сбои в ее функционировании.

Эмпирический анализ тоталитарной повседневности

Северокорейское общество, хотя и не совпадает с идеальной моделью тоталитаризма (как и любая иная модель не идентична реальности), однако оно на всех этапах своей истории более или менее близко к ней. Это делает его особенно интересным для эмпирической проверки теоретических концептов тоталитарности. Однако реали-

зация этого преимущества наталкивается на очень существенное препятствие, вытекающее из сути тоталитарной системы: северо-корейское общество предельно закрыто для изучения и даже обычного наблюдения. Никакие эмпирические социальные исследования в общепринятом смысле этого слова там невозможны. Туристические поездки дают очень поверхностную информацию, которую невозможно получить даже тренированному полевому исследователю в результате жестко контролируемого со стороны официальных лиц наблюдения. Дискурс-анализ северо-корейских СМИ, вероятно, может что-то дать для достижения целей политологического исследования, но для изучения повседневности они бесполезны.

Единственным приемлемым источником остаются рассказы беженцев из КНДР. Эти люди, бежавшие в Китай и Южную Корею, являются участниками непрофессионального участвующего наблюдения повседневной жизни. Однако в качестве источника они обладают и заметными недостатками.

Рассказчики, отвечая на вопросы журналистов и исследователей, опираются в основном на свою память, которая помогает реконструировать прошлое, но в то же время очень несовершенна как источник данных. Повседневность воспринимается и запоминается как нечто само собой разумеющееся. Индивид, глубоко погруженный в такую реальность, часто не в состоянии зафиксировать важные для ее исследования детали. Их очевидность выступает в качестве блокирующего фильтра. Потребности его практики не предполагали необходимости разглядывания многих частностей, важных для исследователя. Через несколько лет они нередко уже не поддаются реконструкции и атрибутированию по шкале времени.

Содержание любого интервью в существенной мере определяется целями интервьюера. Как правило, в этом качестве в данном случае выступают работники спецслужб Республики Кореи, правозащитники и журналисты. Несмотря на разнообразие этой группы, никто в ней прямо не заинтересован в изучении на северо-корейском материале теоретических компонентов социологии повседневности. Обычно в них прослеживается более или менее явный политический интерес. Это ставит перед социологом методически сложную задачу вторичной интерпретации далеких от социологии интерпретаторов. К настоящему моменту обнародован определенный объем таких интервью [Демик, 2017; Donnely, 2016; Ну, 2017; Thae Yong-ho и др.].

Кроме того, перебежчики в новых условиях понимают, что от них ждут объяснения побега невыносимостью жизни в Северной Корее. Чтобы быть принятыми на новом месте в качестве бежен-

цев, они должны сконструировать свою идентичность жертв. Порою статус жертвы превращается в профессию, пользующуюся хорошим спросом в условиях информационной войны Южной Кореи против КНДР. Их проверяют с целью выявления возможных агентов спецслужб Пхеньяна, что толкает к преувеличенности своей оппозиционности в недавней жизни. Некоторые после побега стали активными участниками информационной войны против КНДР. Это не может не влиять на структуру выдаваемой ими картины повседневности. Однако с учетом этих помех можно реконструировать микропроцессы, в которых индивидуальная субъективность противостоит мощной тоталитарной системе. Правда, остается открытым вопрос о силе и содержании помех.

Чужейская мораль и практическая сексуальность

Если говорить языком фрейдизма, то чужейское Супер-Эго вступает в конфликт с идеологически индифферентным либидо. Укорененная в физиологии и психике индивидов сексуальность трансформируется в практики, которые формируются с оглядкой на опирающуюся на репрессивный аппарат идеологию, но не способна вместиться в ее прокрустово ложе. Компромисс находится через вывод «неподобающих» практик в тень, где они не видны общественности. У вождей нации на каждого корейца есть свои планы, связанные с мобилизацией его сил на благо государства. Однако немало корейцев не желают жертвовать собой и поступаться своими личными планами во имя «великих» целей партии.

До 1990 г. в КНДР были запрещены ранние браки (у мужчин до 30, у женщин до 28). Идеи чужхе вполне логично наложились на традиционную корейскую мораль, которая соперничает с традиционной исламской. Беженцы из КНДР утверждают, что браки и по сей день часто устраиваются семьями, парторганизацией или начальством, а партнеры подбираются из своего круга, что выражать публично свои чувства неприлично, что в стране считается кошмаром секс до брака и т. д. Однако реальная жизнь не втискивается в рамки моральных норм: беженцы рассказывают о романах, которые разворачивались вопреки установленным стандартам, уходя в тень, где отношения влюбленных не видны окружающим [Демик, с. 101–123].

Плановая и теневая экономика

Модель жесткой плановой экономики сохраняется в современной КНДР как официальный ориентир, однако реальные хо-

зайтвенные отношения заметно дрейфуют в сторону от идеологических принципов. На пике обобществления власти запрещали возделывание даже крошечных частных участков, но этот запрет всегда обходился, особенно в условиях резкого обострения продовольственной проблемы в 1990-е гг. Хозяева домов с плоской крышей организовывали там выращивание овощей в горшках, что в некоторой мере позволяло улучшить обеспечение семь продуктами. В силу ограниченности такой частной активности власти смотрели на нее сквозь пальцы. В домашних условиях предприимчивые граждане изготавливали некоторые виды востребованных товаров и продавали. Так мать одной из беженек шила на продажу и делала мороженое. «Она не обращала внимание на то, что партия осуждала частную торговлю. Эта женщина была не столько диссиденткой, сколько прагматиком, попросту игнорирующим идеологию. Выручка от продажи эрзац-мороженого трагилась на черном рынке» [Демик, с. 104–105]. Власть, выбирая между целями идеологической чистоты и обеспечением выживания населения в мелочах нередко отдавало предпочтение второй.

В конце XX — начале XXI вв. руководство КНДР без изменения идеологической картины мира стало ослаблять гайки плановой централизованной экономики. С 1992 г. на фоне усиливающегося дефицита товаров, особенно продовольственных, в стране наблюдался рост стихийного рынка. Если проводить параллели с советской историей, то это напоминает нэп, но официально не провозглашенный. Как констатирует А. Ланьков [Ланьков, 2007], «в Северной Корее без особого шума идет приватизация». Кроме того, власть, не признавая теневую экономику, все чаще закрывает на нее глаза.

Трудовой героизм и реальный трудовой процесс

И в советской, и в северокарекой системах особое внимание уделялось трудовому энтузиазму и героизму как фактору хозяйственного успеха. В СССР образцом такого подхода стало стахановское движение. В КНДР возник свой аналог организованного трудового энтузиазма: в 1956 г. на Кансонском сталелитейном заводе Ким Ир Сен дал старт движению «Чхоллима»: *«Мы должны делать десять шагов, когда другие — один шаг, а когда те пробегают десять шагов, мы — сто, — говорил он рабочим. — Страна сможет выпрямить спину, если вы дадите 10 тысяч тонн стального проката сверх плана»*. Движение «Чхоллима» декларировало приоритет духа над техникой [Цит. по: Балканский]. В Китае схожий феномен получил название «большого скачка».

Однако описываемая беженцами реальность показывает, что на фоне хорошо организованного героизма передовиков, масса работников больше склонялась к тактике сохранения сил, увиливания от «лишней» работы, поиска оптимальных путей удовлетворения частных интересов.

Идеологический тоталитаризм и бытовое свободомыслие

Одним из ключевых инструментов формирования тоталитарной повседневности является закрытие страны от внешней информации, что существенно повышает шансы придания даже самой фантастической картине мира большей или меньшей убедительности. Как рассказывала Х. Ли [Lee, 2015], бежавшая из КНДР, «с момента нашего рождения мы не знаем о существовании жизни за пределами нашей страны. Режим о внешнем мире всегда говорил нам только плохие вещи, описывая Америку как страну, переполненную ворами, подонками, попрошайками, где каждодневно люди умирают на улицах и в больницах. Слушая пропаганду, я думала, что жизнь в Северной Корее схожа с райской». Х. Ли образно определила информационную ситуацию в Северной Корее так: «Мы были заключенными в камере виртуальной тюрьмы». В то же время наблюдаемая ситуация создавала когнитивный диссонанс: она с трудом совмещалась с официальной картинкой. Например, ей нередко приходилось видеть публичные казни. Поначалу они воспринимались как нормальный способ избавиться от преступников и убеждали не делать ничего против правительства. «Это было то, что хотел сказать режим. Им не нужны учителя». В телевизоре благосостояние росло, но на улицах в 1990-е гг. она видела людей, умирающих от голода.

Когнитивный диссонанс — это мучительное состояние, которое индивид стремится преодолеть. Распространенная технология совладения с этой проблемой в тоталитарном контексте — раздвоение личности: одна ее часть живет в соответствии с требованиями режима, машинально следуя предписанным ритуалам, а другая иронически смотрит на это со стороны. Так, бывший заместитель посла КНДР в Лондоне Thae Yong-ho, попросивший политическое убежище в 2016 г., признался, что он «уже довольно долгое время не верил в режим» [Thae, 2017]. Однако это не помешало ему столь же долгое время занимать очень ответственный пост, предполагающий постоянную демонстрацию лояльности этому режиму. Раньше перебежчиком оказался и один из разработчиков «идей чучхе».

Щели в «железном занавесе»

Несмотря на жесточайший контроль информации, доступной гражданам КНДР, создать совершенно непроницаемый информационный железный занавес не удастся. То там, то тут в нем появляются мелкие щели, через которые в КНДР проникает информация о внешнем мире, не вписывающаяся в официальную картину. С появлением компьютеров, интернета и мобильных телефонов руководство КНДР встало перед неразрешимой дилеммой: чтобы пресекать просачивание в страну «вредной» информации, надо отказаться от этих достижений цивилизации, но в этом случае успех в информационной войне покупается ценой еще большего технического отставания Северной Кореи от остального мира, что угрожает существующему режиму не в меньшей мере. После долгих колебаний, соблюдая многочисленные предосторожности, руководство КНДР допускает движение своей страны в русле глобального сдвига в сторону информационного общества (компьютеры, мобильные телефоны, внутренний интернет или Интранет, через который есть сильно контролируемый доступ и в глобальную сеть), что расширяет каналы, по которым в страну протекает опасная информация. Правда, доступ к интернету имеет менее 1% населения [Hu, 2017].

Попавший за границу в 2014 г. северокорейский доклад относительно состояния безопасности государства отмечает рост масштабов, проникающих в КНДР «неподобающих» записей и пропагандистках публикаций, что связано и появлением мобильных телефонов, контролировать которые сложно. Населению было приказано отключить на мобильных телефонах Bluetooth, чтобы предотвратить перекачку данных. В школах, офисах и на заводах участились обыски. В этом докладе хвалили одну школу, в которой организованы ежедневные отчеты школьников и учителей с целью пресечения такой подозрительной активности, как «просмотр и распространение нелегального контента» [Barrel, 2016].

Из Южной Кореи контрабандным путем с помощью перебежчиков в Северную Корею перебрасываются портативные носители электронной информации, наполненные материалами о жизни в других странах. С 2005 г. в коротковолновом диапазоне из пригорода Сеула вещает станция «Свободное радио Северной Кореи». Разумеется, можно только гадать, как много жителей Севера слушают его.

Развитие контрабанды на границе с Китаем привело к проникновению в страну техники и информации на электронных носи-

телях о жизни в Южной Корее, Китае и США, что размыкает миф о превосходстве КНДР.

Перебежчица Х. Ли, написавшая ставшую на Западе бестселлером книгу «Девушка с семью именами», описывает, как она, дочь достаточно высокопоставленного отца, в 16 лет начала тайно ото всех смотреть китайское телевидение, укрывшись с головой одеялом [Lee, 2015].

Щели в осажденной крепости

Внешняя угроза — реальная или мнимая — является лучшим климатом для формирования и укрепления тоталитарного режима. Северокорейское общество не является исключением из этого правила. В условиях угрозы крепость наглухо закрывается. Выход из нее приравнивается к предательству, эмигрант становится перебежчиком во враждебный лагерь со всеми вытекающими отсюда карами и для перебежчика, и для его родственников. Перебежчик для тоталитарного режима очень опасен. Он разрушает основополагающий миф о единстве правящего режима и любящего его народа. Бегство из рая (самого передового общества) не может не быть абсурдом. Отсюда крайне жестокая реакция режима на беглецов, то и дело выливающаяся в их казни в случае перехвата или убийства на чужой территории. И все равно, несмотря на жесткий пограничный контроль и жестокую кару в случае провала, тысячи людей умудряются бежать из КНДР. В то же время бегство из страны выполняет и позитивную функцию по отношению к режиму: бегут только очень сильные и смелые, которые в случае поворота их энергии в русло борьбы против режима могут быть очень опасны.

Компромиссный вариант щели в стене осажденной крепости — контакты с родственниками из Японии. С одной стороны, власть очень настороженно относится к таким контактам. С другой стороны, режим заинтересован в наличии за границей сочувствующих соотечественников, которые скрывая свои реальные впечатления по мере сил оказывают помощь вещами и деньгами (часто тайную) своим родственникам, вернувшимся на родину. «Корейцы, оставшиеся в Японии, прекрасно понимали, что без такой валютной поддержки их родственники в КНДР будут просто голодать» [Демик, с. 106–107]. Кроме того, такие связи дают режиму пусть и слабый, но все же ручей валютных поступлений.

С конца 1960-х гг. Северная Корея по договору с СССР посылала в Сибирь и на Дальний Восток бригады лесорубов. Половина леса шла в КНДР, половина оставалась в СССР. После распада СССР

в видоизмененном виде эта система экспорта рабочей силы в Россию сохранилась. Из Северной Кореи в Россию приезжают бригады, работающие на оброке: каждый работник через посольство, отчисляет определенную сумму, за что ему разрешается работать по своему усмотрению. Такие бригады используются во всех сферах классической занятости гастарбайтеров: строительство, сельхозработы.

Заметное число жителей Северной Кореи начали уходить через слабо охраняемую границу в Китай на заработки. Заработок в один — два доллара по стандартам КНДР представляется очень солидным. Их численность — предмет предположений и слабо обоснованных оценок. Однако только в Южной Корее к 2016 г. насчитывалось 26 тыс. перебежчиков [Barrel, 2016]. На границе появилась челночная торговля и контрабанда. Из Китая часть изначально трудовых мигрантов перебирается в Южную Корею уже в качестве перебежчиков.

Заключение

Северная Корея представляет собой в современном мире эмпирический случай, который ближе всего приближается к идеальной модели тоталитарной социальной системы, понимаемой не только как форма политического устройства, но и как способ организации всей жизни, включая повседневную. Формальная система КНДР стремится реализовать свои идеологические принципы, проникая во все поры не только общественной, но и частной жизни. Издалека кажется, что она близка к достижению этой цели. Однако анализ свидетельств перебежчиков (беженцев) из Северной Кореи показывает, что на уровне индивидов смыслы политических директив и идеологических ценностей адаптируются к логике индивидуальной субъектности, часто теряя при этом свои исходные смыслы. Частная жизнь, демонстрируя показную лояльность официальной идеологии, в реальности развивается в рамках логики выживания индивидов. С одной стороны, индивидуальные практики адаптируются к тоталитарной системе как пространству возможностей, а с другой стороны, и микроэлементы этой системы адаптируются к возможностям человеческого материала, нередко радикально трансформируя свои исходные смыслы.

Список использованной литературы

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.

2. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998.
3. *Бурдые П.* Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2.
4. *Де Серто М.* Изобретение повседневности. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в СПб, 2013.
5. *Демик Б.* Повседневная жизнь в Северной Корее. М.: АНФ, 2017.
6. *Ланьков В.* Естественная смерть корейского сталинизма. Публичная лекция // Полит.ру. 22.02.2007. [Электронный ресурс]. Код доступа: <http://www.polit.ru/article/2007/02/22/lankov/>
7. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
8. *Barrel I.* 'How could our country lie so completely?': meet the North Korean defectors // The Guardian. 2016, Aug. 27.
9. *Donnelly L.* Freedom Isn't Free: An Interview with North Korean Defector Hyeonseo Lee // Forbes. August 16, 2016 [Электронный ресурс]. Код доступа: <https://www.forbes.com/sites/lizadonnelly/2016/08/24/freedom-isnt-free-an-interview-with-north-korean-defector-hyeonseo-lee/#4e5442e57b4d>. Дата обращения: 1.06.2017.
10. *Hu E.* North Korean Defector: Information Flow Will Help Bring Down Kim Jong Un // NPR. 2017. Jan. 26 [Электронный ресурс]. Код доступа: <http://www.npr.org/sections/parallels/2017/01/26/511745886/north-korean-defector-information-flow-will-help-bring-down-kim-jong-un/>. Дата обращения: 4.06.2017.
11. *Lee H. and J. David.* The Girl with Seven Names: Escape from North Korea. London: William Collins books, 2015. 320 pp.
12. *Thae Yong-ho:* Interview with a North Korean defector [Электронный ресурс]. Код доступа: <http://www.aljazeera.com/programmes/101east/2017/05/thae-yong-ho-interview-north-korean-defector-170503114811043.html>. Дата обращения: 2.06.2017.

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ КОРЕЕ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)

История отношений русского и корейского народов весьма продолжительна: первые контакты между русскими и корейцами имели место еще в XVII в. В 1885 г. в Сеуле была открыта первая русская дипломатическая миссия. После освобождения Кореи от японского колониального господства в 1945 г. и возникновения на полуострове двух государств — Республики Корея и Корейской Народной Демократической Республики — отношения СССР (а затем Российской Федерации) с ними складывались по-разному [Денисов, 2015; Толорая, 2014]. В 1948 году СССР стал первым государством, установившим дипломатические отношения с КНДР, а в 1961 году в Москве между государствами был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. После распада СССР сотрудничество также продолжается: 9 февраля 2000 года в Пхеньяне был подписан новый Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНДР; в 2000, 2001, 2002 и 2011 гг. состоялись встречи глав двух государств.

Дипломатические отношения между СССР и Республикой Корея были установлены в 1990 г. Российско-южнокорейские политические, экономические и культурные связи интенсивно развивались, охватив практически все сферы межгосударственного сотрудничества. Отечественный потребитель познакомился с товарами южнокорейского производства, и значительную долю российского рынка бытовой, компьютерной техники и электроники сейчас занимают товары таких фирм-производителей, как Samsung Electronics, LG Group, Iriver, Daewoo и другие. Многие россияне побывали в Республике Корея с туристическими, образовательными и деловыми визитами. Так, по данным Ассоциации туроператоров России, в 2016 году Южная Корея входила в десятку самых популярных туристических направлений у россиян: в этом году ее посетили 234 тысячи человек, что почти на 25 % превысило показатели 2015 года. Этому, в частности, способствовало вступившее в силу с 1 января 2014 года Соглашение о безвизовом пребывании граждан одного государства на территории другого в течение 60 дней.

Таким образом, весьма актуальным стал вопрос о восприятии гражданами России Северной и Южной Кореи [Цецхладзе, 2016].

Социологические центры, изучающие общественное мнение, стали интересоваться тем, как россияне относятся к двум корейским государствам уже в начале 1990-х годов. Так, на вопрос ВЦИОМ, заданный в октябре 1990 года, «Как вы относитесь к установлению дипломатических отношений и развитию экономических связей между СССР и Южной Кореей?» однозначно положительно ответили 46 % опрошенных, еще 27 % — положительно, уточнив — если это не приведет к ухудшению отношений с КНДР. А негативно оценили этот шаг лишь 2 % респондентов. Два года спустя, в августе 1992 года, уже после распада СССР, более половины россиян (55 %) сказали, что относятся к Республике Корея хорошо или очень хорошо, и лишь 6 % — плохо и очень плохо. Остальные 39 % опрошенных затруднились с ответом.

Достаточно много вопросов на протяжении 2000-х годов касалось ядерной программы, осуществляемой КНДР. Так, опрос ВЦИОМ 2003 года показал, что большинство россиян считают, что данная программа представляет сейчас угрозу миру и безопасности на Земле, и поэтому следует добиваться ее сворачивания путем переговоров (38 %), либо посредством дипломатического давления, экономических санкций (23 %). В 2009 году соотношение этих ответов было уже 48 % против 22 %.

В 2001 году Фонд «Общественное мнение» представил цикл социологических опросов под общим названием «Геопроект», в рамках которых изучались информированность россиян и их отношение к той или иной стране мира, в том числе к Северной и Южной Корее. Так, правильно назвали столицы этих двух государств 28 % (Пхеньян) и 29 % (Сеул) опрошенных, соответственно. Более половины (по 58 %) считали как Северную, так и Южную Корею дружественными по отношению к России государствами. На открытый вопрос: «Что в первую очередь приходит вам в голову, когда вы слышите слова “Северная Корея”» люди приводили в ответ, как правило, географические и политические ассоциации («остатки коммунизма в мире»; «коммунистический режим сохранился»; «оплот коммунизма» и т. п.); говорили о том, что это бедная, малоразвитая, но, тем не менее, дружественная нам страна, политический союзник. Отвечая на аналогичный вопрос относительно Южной Кореи, респонденты чаще всего упоминали южнокорейскую продукцию (как автомобили, электронику и бытовую технику, так и изделия легкой промышленности), говорили о том, что это развитая, богатая страна с высоким уровнем жизни.

В 2016 году ВЦИОМ представил результаты исследования взаимного отношения населения России и Республики Корея друг к другу, проведенного совместно с Институтом российских исследований Университета Хангук (Сеул). Выяснилось, что 35 % россиян относятся к корейцам положительно, с доверием и симпатией. Более половины (56 %) считают, что сотрудничество с Южной Кореей отвечает интересам России, почти столько же (55 %) полагают, что в области экономики у России с Южной Кореей складываются не конкурентные, а партнерские взаимоотношения, и две трети уверены, что наши страны либо уже являются стратегическими партнерами (13 %), либо могут ими стать (53 %).

При этом, как показывают результаты различных социологических исследований, несмотря на то, что уже на протяжении более чем 60 лет на корейском полуострове существуют два независимых государства, имеющих различную историю международных отношений сначала с СССР, а потом и с Россией, большинство россиян совершенно одинаково относятся к ним. Так, по данным всероссийского опроса, проведенного Аналитическим Центром Юрия Левады (АНО Левада-Центр) в марте 2013 года, почти половина опрошенных (48 %) сказали, что они относятся и к Северной, и к Южной Корее очень хорошо или в основном хорошо. Гораздо меньше оказалось тех, кто относится к обоим этим государствам очень плохо или в основном плохо: всего 17 %. Еще четверть респондентов (24 %) затруднились определить свое отношение к Северной и Южной Корее.

Таким образом, на оба этих вопроса респонденты отвечали, в основном, согласовано, и лишь десятая часть россиян по-разному охарактеризовала свое отношение к этим двум странам. В частности, 9 % хорошо относятся к Южной и плохо — к Северной Корее, и 2 % — наоборот — лучше относятся к КНДР. Таким образом, возникает исследовательский вопрос, какие именно факторы определяют отношение россиян к двум государствам корейского полуострова. Во-первых, почему одни граждане относятся к ним положительно, а другие — отрицательно, а во-вторых, почему одни больше симпатизируют Северной, а другие — Южной Корее.

Начиная с 2005 года, Левада-Центр ежегодно (обычно, в мае) задает в ходе своих регулярных мониторинговых исследований вопросы: «Назовите пять стран, которые вы могли бы назвать наиболее близкими друзьями, союзниками России?» и «Какие пять стран вы назвали бы наиболее недружественно, враждебно настроенными по отношению к России?». Респондентам предъявляется карточка со списком из примерно 50 стран, среди которых они могут отметить

до 5 позиций по каждому из этих двух вопросов. На основе этих данных мы можем рассчитать баланс оценок, как разницу положительных и отрицательных ответов по каждой стране и в каждый период времени. На Рис. 1 показана динамика этого показателя для 4 стран, являющихся географическими «соседями». Мы не стали помещать на данный график данные по КНР, поскольку они имеют принципиально иной масштаб. Китай рассматривается россиянами, наряду с Беларусью и Казахстаном, в качестве ключевого стратегического партнера и союзника. Здесь доля положительных оценок многократно превышает долю отрицательных, а их разность (баланс) в период с 2006 по 2013 год составляла от 12 до 20 процентных пунктов. В 2014 году после присоединения к России Крыма и введения санкций западными государствами она выросла сразу до 38 п.п., а в 2015 года достигла максимума — 44 п.п.

На этом фоне оценки, которые получили другие государства Восточной Азии, в том числе Северная и Южная Кореи, выглядят очень скромными. За исключением короткого периода с 2012 по 2013 год баланс оценок для обоих государств был положительным, однако называли их в ответах очень немногие респонденты. Так, КНДР в качестве союзника рассматривали в среднем только 2,4% опрошенных, а в качестве противника — 0,9%. Для Южной Кореи эти цифры составляют 1,4% и 0,6%, соответственно. Баланс оценок, таким образом, в обоих случаях положительный, но близкий к нулю. Монголию россияне воспринимали в качестве союзника чаще в течение последних 10 лет. А вот Япония имела преимущество перед двумя Кореями только с 2007 по 2010 год, после чего баланс оценок резко ушел в отрицательную зону.

Таким образом, мало кто из россиян считает, как Северную, так и Южную Корею стратегическим союзником или противником российского государства. Рассмотрим теперь, как распределились ответы респондентов на уже упоминавшийся выше вопрос Левада-Центра о том, каково в целом их отношение к различным государствам Восточной Азии. Вопрос был задан в марте 2013 года, после того, как возник очередной конфликт на корейском полуострове, сопровождавшийся угрозами со стороны северокорейского руководства применить ядерное оружие, а соответствующие данные представлены на Рис. 2. Видно, что здесь, в отличие от предыдущего вопроса о союзниках и противниках, Япония имеет небольшое преимущество над Китаем: стране восходящего солнца в России симпатизировали тогда две третьих опрошенных, в том числе 7% относились

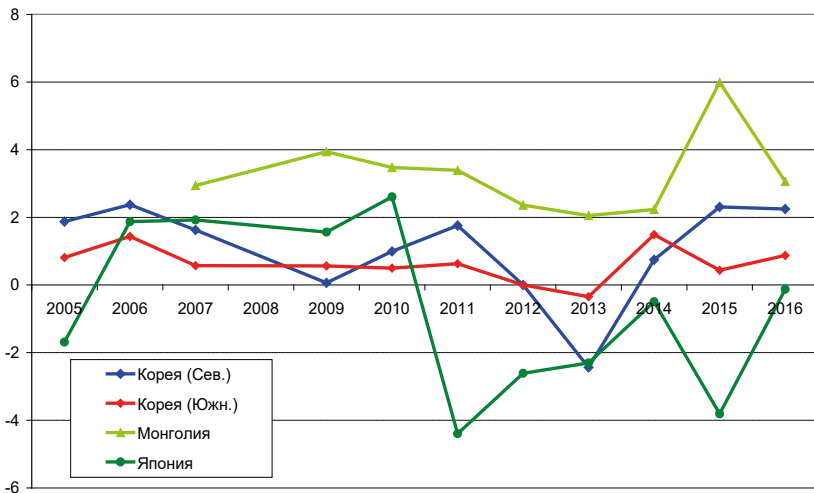

Рис. 1. Восприятие стран в качестве союзников и противников России: баланс оценок (п.п.)

Источники: Левада-Центр. Опросы проведены по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше.

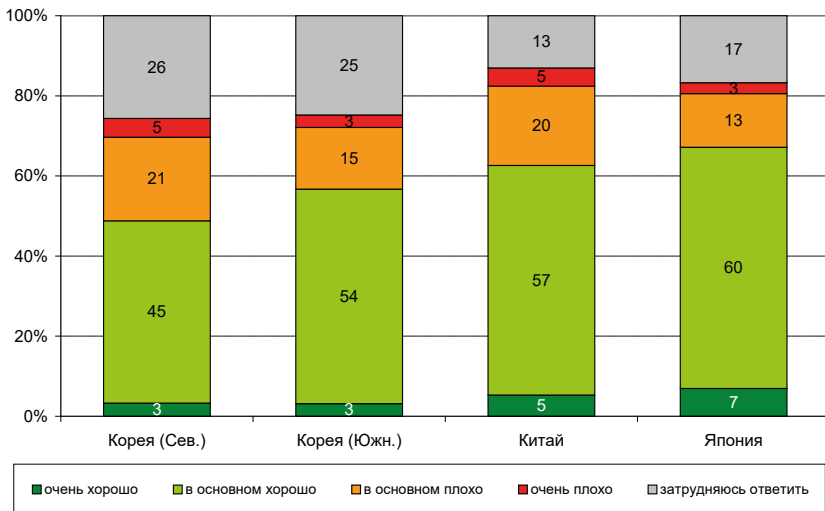

Рис. 2. Отношение к странам Восточной Азии, март 2013 года (%)

Источники: Левада-Центр. Опрос проведен 22–25 марта 2013 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше.

к ней очень хорошо. У Китая эти показатели были чуть хуже: 62 % и 5 %, соответственно.

Южная Корея имела небольшое преимущество над своим северным соседом. Притом, что доля активных сторонников в обоих случаях была одинаковая (по 3 %), общее число сторонников у Северной Кореи составляло 48 %, а у Южной — 57 %.

Прежде всего, проанализируем, какие группы российского населения в целом лучше (то есть более позитивно) относятся к Северной и Южной Корее.

Для того, чтобы оценить независимое влияние каждой из характеристик «при прочих равных», был проведен анализ с использованием мультиномиальной логистической регрессии. В качестве независимых и контрольных переменных рассматривались такие параметры, как пол, возраст, семейное положение, количество маленьких детей в семье, уровень образования, профессиональный статус, материальное положение, регион проживания, тип населенного пункта, уровень лояльности по отношению к российским органам власти.

Регрессионный анализ показал, что наиболее значимыми предикторами отношения россиян к Северной и Южной Корее являются такие социально-демографические характеристики индивида, как его место жительства, профессиональный статус и семейное положение, а также уровень лояльности по отношению к российским органам власти.

Прежде всего, отметим, что наиболее позитивно относятся к Корее жители Северо-Западного и Дальневосточного федеральных округов России, то есть самого близко расположенного и самого далеко расположенного от нее регионов. Так, на Северо-Западе, например, соотношение положительных и негативных суждений составляет 59 % против 6 %; а на Дальнем Востоке: 48 % против 7 %. Среди различных населенных пунктов своим более благожелательным отношением выделяются жители крупных городов с населением свыше 500 тыс. человек (54 % против 11 %).

Среди различных социально-профессиональных групп хуже всего относятся к корейским государствам неработающие пенсионеры: они дали всего 39 % положительных оценок и 21 % отрицательных. На их фоне гораздо более позитивное отношение демонстрируют учащиеся, студенты; руководители, управленческие работники; рабочие и служащие. В этих группах в среднем 56 % респондентов хорошо отзываются о Северной и Южной Корее, и только 11 % — плохо.

Существенно различаются между собой ответы людей, состоящих и не состоящих в браке (официальном или гражданском). Так, люди, имеющие партнера, относятся к корейским странам более позитивно, нежели те, кто не имеет супруга или супругу.

Последний параметр, который статистически значимо связан с отношением к Корее, — это уровень лояльности граждан руководству Российской Федерации. Мы построили индекс, который учитывает уровень одобрения деятельности и уровень доверия президенту В. Путину, премьер-министру Д. Медведеву и министрам С. Лаврову и С. Шойгу, а также готовность голосовать за кого-то из них на президентских выборах. На основе этого индекса граждане были разделены на три группы — с высоким (15 % от общего числа опрошенных), средним (39 %) и низким (46 %) уровнем лояльности. В качестве иллюстрации можно отметить, например, что в первой группе деятельность В. Путина одобряют 100 % респондентов, во второй — 96 %, а в третьей — 24 %. Относительно деятельности Д. Медведева эти цифры составляют 99 %, 86 % и 13 %, соответственно.

Оказалось, что чем лучше россияне относятся к руководству своей страны, тем лучше они относятся и к Корее. Так, в первой группе людей, имеющих высокую степень внутривнутриполитической лояльности, 58 % дают положительную оценку, и только 14 % — отрицательную. А в третьей группе с низкой лояльностью соотношение составляет уже 42 % против 21 %.

На втором шаге анализа посмотрим, чем и как различаются группы граждан, относящихся неодинаково к Северной и Южной Корее. В данном случае, в силу небольшого размера групп, мы не стали прибегать к регрессионному анализу, а ограничились рассмотрением описательной статистики в виде двумерных распределений.

Здесь мы уже видим существенные гендерные различия. В обеих радикально настроенных группах мужчин больше, нежели женщин: Среди тех, кто поддерживает только Южную Корею, их доля составляет 52 %, а среди активных сторонников Северной Кореи — более двух третей (68 %).

Среди сторонников Южной Кореи достаточно высока доля людей с высшим и неоконченным образованием (40 %), специалистов, людей с относительно высоким уровнем дохода, проживающих в Москве и крупных городах, чаще — в Центральном и Поволжском федеральном округах. Северную Корею чаще и более активно поддерживают граждане с невысоким уровнем образования — средним или даже неоконченным средним, люди пожилого возраста, пенсионеры, люди, имеющий уровень дохода средний и ниже среднего,

проживающие в сельской местности, чаще всего — в Южном федеральном округе.

Таким образом, можно предположить, что позитивное отношение к Северной Корее, на фоне негативного отношения к Южной, сформировалось, прежде всего, у людей старшего поколения, которые родились и выросли в эпоху советского строя, не смогли адаптироваться и не добились больших успехов в новых экономических условиях и во многом сохранили верность коммунистической идеологии. Именно в этой группе самая высокая доля людей, готовых голосовать на выборах в Государственную Думу за КПРФ (31 % против 10 % по выборке в целом).

В свою очередь, позитивное отношение к Южной Корее, на фоне негативного отношения к Северной, характерно, прежде всего, для успешных людей молодого и среднего возраста, ориентированных на западный образ жизни. Среди них относительно много как сторонников партий, представляющих демократическое крыло российского политического спектра (Яблоко и ПАРНАС), так и сторонников ЛДПР.

Список использованной литературы

1. *Денисов В. И.* Россия и корейский полуостров в новой международной ситуации // Ежегодник Института международных исследований МГИМО (Университета). 2015. № 1 (11). С. 39–48.
2. *Толорая Г. Д.* Россия и проблемы корейского полуострова на современном этапе // Вестник МГИМО (Университета). 2014. № 4 (37). С. 82–91.
3. *Цецхладзе Л. Т.* Образ республики Кореи в русскоязычных СМИ (на примере интернет-газеты Lenta.ru) // Медиасреда. 2016. № 11. С. 120–125.

ОБРАЗ МИРА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ ЮЖНОЙ КОРЕИ¹

Анализ того как люди разных стран представляют свою страну и другие страны достаточно распространены в политике и в них вовлечены представители многих областей наук. Проблематикой образа страны занимаются исследователи политической психологии, международных отношений, международных маркетинговых исследований, социальной психологии, политологии, социологии [Петренко, Митина, Шевчук, 1993, Петренко, Митина, 1996, 2000, 2008; 2009; Петренко, Митина, Бертников, 2000; Brijis, Bloemer, Kasper, 2011; Стефаненко, 2007; Шестопал, 2008; Гравер, 2012].

Геополитические исследования обусловлены не только научным интересом, но и практическими потребностями политических и бизнес элит разных стран, которые в ситуации, когда процессы глобализации становятся доминирующими и «позиция силы» пре-стает быть универсальным ключом, открывающим все двери, должны искать пути позиционирования своего общества таким образом, чтобы это могло позволить выгодно включиться в структурированное мировое пространство [Задорожный, 2007]. Страны конкурируют друг с другом за внимание, уважение и доверие инвесторов, за освещение в СМИ, на рынках потребления и туризма, партнерские отношения с другими странами на разных уровнях включая правительственный [Бондарева, 2007]. Репутация страны, отношение к ней становятся решающими, когда люди решают ехать ли туда в турпоездку, на учебу, покупать товары или услуги, произведенные в стране. Позитивный национальный образ существенно повышает конкурентно способность страны в целом и отдельных ее представителей (компаний, институтов, отдельных людей).

В этой ситуации поле социальных наук, исследования в которых в той или иной степени могут дать ответы на фундаментальные и практические вопросы (как с политической, так и экономической точек зрения) очень широко, статей и монографий много, интерес велик.

На формирование образа могут влиять объективные факторы, наиболее доступные для массового сознания: уровень развития эко-

---

¹ Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФ, грант № 17-18-01610.

номики и ее структура, добыча природных богатств, затраты на образование, здравоохранение, оборону и т. п., уровень преступности, демографический прирост населения и пр. Не менее важны субъективные показатели, которые связаны с различными политическими, ценностными установками респондентов, их моральными, этическими и эстетическими принципами.

В заключение данного введения отметим, что при интерпретации результатов необходимо помнить, что специфика образа страны всегда привязана к выборке, на которой собирали данные, и моменту времени, в который этот опрос проводили. Представление о стране может различаться у туристов, бизнесменов, дипломатов, политологов, студентов, рабочих [Papandopulus, 2009].

Образ страны как социальная репрезентация постоянно подкрепляется и изменяется в ходе опосредованных и непосредственных социальных взаимодействий. СМИ и интернет постоянно снабжают нас информацией, под влияние которой образ может корректироваться [Avraham, Ketter, 2008; Dai, Chen, 2014].

Метод исследования

Психосемантическая методика «Образ страны» используется нами для реконструкции категориальной структуры, опосредующей восприятие и осознание различных стран мира (геополитические стереотипы).

Главным ее отличием от традиционно используемых опросников заключается в том, что респонденты должны ответить не на отдельные вопросы относительно одной или нескольких стран, а на фиксированный набор вопросов применительно к фиксированному набору стран. Таким образом структура данных (ответов) одного испытуемого имеет двумерную (плоскую, а не линейную структуру) и позволяет более полно и достоверно получать результаты и делать интерпретации [Петренко, 1988; Митина, 2006].

Дизайн исследования

Настоящее исследование посвящено восприятию студентами Южной Кореи ведущих стран мира и непосредственных соседей по геополитическому пространству.

С этой целью реконструируются стандартные, воспроизводимые во многих странах (Петренко, Митина и др., 2009), категориальные структуры, опосредующие восприятие и осознание отношения людей к различным странам. Эти категориальные структуры служат осями многомерного семантического пространства. Его можно ис-

пользовать как операциональную модель обыденного сознания, содержанием которого являются представления об образах стран, различные аспекты отношения к этим странам, а также рефлексия представлений и отношений (см. Петренко, Митина и др., 2009), Позиции государств в многомерном пространстве отражают имеющиеся у респондентов геополитические стереотипы этих стран (см., например, Инглхарт, 1997; Inglehart, Carballo, 1997; Петренко, Митина и др., 2009).

В задачу настоящего исследования входит реконструкция системы категорий, которыми пользуется общественное сознание Южной Кореи при восприятии стран Мира и выявления оценок своей и других стран по этим категориям. Иными словами, ставится задача реконструкции имплицитной модели геополитического пространства и сопоставительный анализ положения стран в этом пространстве.

Методика

Для получения эмпирических данных была использована психосемантическая методика «Образ страны» [Петренко, Митина и др., 2009].

Респондентами были студенты университетов Южной Кореи в возрасте от 18 до 33 лет. Средний возраст 22 года. Из них 59 мужчин, 46 женщин. 2 респондента не указали своего пола.

Процедура опроса. Испытуемых просили оценить ряд стран мира по психосемантическому опроснику (в отличие от «обычного» опросника, несущего информацию об одном объекте психосемантический опросник имеет матричную форму и содержит множество объектов оценивания. Образ той или иной страны (см. таблицу 1), включает 40 шкал-дескрипторов, характеризующих ее по экономике, культуре, образованию, внутренней и внешней политике и т. п. Оценки имеют семизначную градацию (3, 2, 1, 0, -1, -2, -3), где число 3 означает максимальную оценку страны (данную респондентом) по предложенному признаку, а число -3 максимальную выраженность (с точки зрения респондента) противоположной по смыслу, антонимической характеристики.

Анализ и обсуждение результатов

В таблице 1 серым цветом отмечены клетки, в которых значения статистически значимо не отличаются от нейтральной (нулевой) оценки. Жирным шрифтом выделены значения по показателям, которые для соответствующей страны входят в ее семантический код.

Таблица 1. Усредненные по выборке оценки стран*

	1 Австралия	2 Вьетнам	3 Бразилия	4 Германия	5 Израиль	6 Индия	7 Тайвань	8 США	9 Китай	10 Япония	11 Россия	12 Северная Корея	13 Южная Корея
1	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Страна производит товары высокого качества	1,377	-0,887	-0,462	2,566	-0,047	-0,566	0,047	1,991	-1,613	2,292	0,311	-2,358	1,670
Я стремлюсь покупать товары, произведенные в этой стране	0,226	-1,406	-1,000	2,075	-0,877	-1,132	-0,538	1,755	-1,443	1,170	-0,387	-2,377	1,925
Страна известна производством высокотехнологичных товаров	-0,613	-1,896	-1,566	2,151	-0,642	-0,330	-0,190	2,472	-0,208	2,425	0,377	-2,566	2,236
Страна производит главным образом сельскохозяйственную продукцию	1,462	1,925	1,632	-1,283	-0,736	0,783	-0,170	1,151	0,943	-1,104	-0,547	0,057	-0,368
Страна является поставщиком сырья	1,066	0,123	1,208	-1,028	0,094	0,660	-0,698	0,802	0,887	-1,151	1,189	-0,736	-1,830
Страна живет за счет экспорта нефти	-0,953	-1,387	-0,774	-1,660	0,349	-0,698	-1,632	-0,491	-1,085	-1,774	0,453	-2,019	-2,132
Мощное в военном отношении государство	-0,708	-1,651	-0,877	1,406	1,085	-0,104	-0,953	2,821	2,132	1,547	2,349	0,925	0,943
Я одобряю внутреннюю политику правительства этой страны	0,274	-0,170	0,028	1,358	-0,670	-0,302	0,226	1,075	-0,292	-0,764	-0,274	-2,415	-0,236
Я одобряю внешнюю политику правительства этой страны	0,443	0,057	0,075	1,302	-0,802	0,160	0,179	0,821	-0,170	-1,500	-0,476	-2,642	-0,217
Политически стабильное государство	1,292	-0,406	-0,575	1,840	-1,189	-0,443	0,151	1,528	0,453	0,792	0,453	-1,604	-0,292
Непредсказуемая в политическом отношении страна	-0,726	0,038	0,132	-0,915	0,500	0,170	-0,094	-0,283	0,255	0,075	0,613	1,575	0,321

12	Проводит миролюбивую внешнюю политику	1,481	0,632	0,679	1,792	-1,321	0,415	0,651	0,547	0,000	-0,604	-0,651	-2,575	1,245
13	Демократическое государство	2,028	0,028	0,953	2,217	-0,019	0,038	1,066	2,406	-0,840	1,915	-0,170	-2,679	1,698
14	Граждане всех национальностей пользуются равными правами	0,094	0,349	0,321	1,208	-0,868	-0,962	0,434	0,830	-0,075	0,877	-0,028	-1,764	0,453
15	В стране высокий уровень жизни	1,840	-1,340	-0,509	2,491	-0,217	-0,981	0,245	2,321	-0,255	2,104	0,500	-2,755	1,509
16	У страны высокий международный авторитет	0,802	-0,821	-0,377	1,962	-0,858	-0,547	-0,113	1,689	0,132	0,528	-0,104	-2,566	0,226
17	Проводит имперскую политику	-1,377	-1,132	-1,113	-1,302	-0,104	-0,802	-1,094	-0,283	0,547	0,660	0,660	1,094	-1,160
18	В государстве есть серьезные внутренние конфликты	-0,406	0,038	0,170	-0,679	1,142	0,906	-0,160	0,330	0,575	-0,274	0,292	1,264	1,255
19	Светское государство (церковь отделена от государства)	1,151	0,340	0,594	1,377	-1,538	-1,028	0,906	1,434	0,896	1,066	0,887	-0,104	1,670
20	Страна представляет собой открытое гражданское общество	1,604	0,047	0,358	1,972	-0,352	-0,453	0,849	2,283	-0,170	1,575	0,132	-2,453	1,198
21	Я бы с удовольствием взял представителя этой страны на работу, если бы был работодателем	1,226	0,047	0,113	2,075	-0,009	0,340	0,528	1,811	-0,075	0,849	0,481	-0,783	2,000
22	Население этой страны отличается гостеприимством	0,679	0,377	0,698	1,302	-0,642	0,000	0,651	1,792	0,208	0,698	-0,123	-2,038	0,792
23	Я бы хотел иметь друзей среди представителей этой страны	1,953	0,745	1,292	2,208	0,575	0,726	0,925	2,292	0,934	1,302	1,358	0,547	2,075
24	Население этой страны отличается религиозностью	-0,302	0,104	0,170	-0,311	2,198	1,887	-0,509	0,396	-0,509	-0,245	-0,217	-0,708	0,057
25	Страна, открывая для культурной ассимиляции иностранцев	0,877	0,160	0,651	1,151	-1,028	-0,321	0,453	2,217	-0,075	0,557	-0,057	-2,302	0,094
26	Имеет богатое культурно-историческое наследие	-0,302	0,981	0,849	1,774	1,113	1,925	0,170	0,264	2,330	1,575	1,019	-0,217	1,604
27	Мне бы понравилось (нравится) жить в этой стране	1,415	-1,094	-0,632	2,113	-1,670	-1,519	-0,462	1,783	-0,566	-0,208	-0,670	-2,764	1,406

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
28	Страна славится достижениями в области культуры и искусства	0,226	-0,745	0,179	1,858	-0,264	0,472	-0,340	1,462	0,604	1,057	0,547	-1,783	0,755
29	Страна славится достижениями в области спорта	0,226	-1,491	2,151	2,038	-1,151	-1,255	-1,292	1,981	1,038	0,538	1,075	-1,670	1,142
30	В стране высокий уровень образования	1,038	-1,000	-0,519	2,170	0,500	0,538	0,406	1,755	0,774	1,981	0,472	-1,764	2,340
31	Страна с богатой природой	2,491	1,462	2,123	0,764	-0,028	0,802	0,104	1,491	1,443	0,491	1,283	0,075	-0,019
32	Я хотел бы посетить эту страну как турист	2,160	1,160	1,377	2,406	-0,509	0,462	0,991	2,321	1,038	1,057	1,028	-1,472	1,245
33	Я хотел бы получить профессиональное образование в этой стране	0,651	-1,557	-1,160	1,887	-1,123	-0,943	-0,745	2,415	0,009	0,358	-0,425	-2,377	1,660
34	В стране высокий уровень преступности	0,066	0,679	1,594	-0,745	0,604	1,481	0,113	1,075	1,481	-0,311	0,840	0,509	0,000
35	В этой стране хорошо заниматься честным бизнесом	1,075	-0,255	-0,311	1,698	-0,358	-0,238	0,302	1,821	0,047	1,217	0,124	-2,047	0,736
36	В экономику этой страны выгодно делать инвестиции	0,623	0,519	0,509	0,953	-0,292	0,660	0,434	1,189	1,726	0,349	0,415	-1,462	0,491
37	Я хотел бы работать в этой стране длительное время	0,840	-1,151	-0,877	1,877	-1,113	-1,151	-0,396	2,142	-0,302	0,123	-0,500	-2,377	1,387
38	Если бы у меня был свой бизнес, то я бы постарался установить партнерские деловые связи с представителями этой страны	1,292	0,594	0,755	2,047	0,132	0,547	0,651	2,151	1,094	1,019	0,717	-1,443	1,575
39	Экономически независимое государство	1,160	-0,217	0,075	1,575	-0,066	-0,028	0,085	1,792	1,377	0,953	0,774	-1,613	0,105
40	Страна дружественная моей родной стране	1,189	0,764	0,717	1,274	0,160	0,632	0,368	1,972	0,962	-0,953	0,358	-2,038	2,111

* Серым тоном закрашены клетки, в которых значения статистически значимо не отличаются от нейтральной (нулевой) оценки. Жирным выделены значения по показателям, которые для соответствующей страны входят в ее семантический код.

Анализ усредненных «сырых» данных, представленных в табл. 1 уже дает ряд интересной информации о восприятии и отношении корейских граждан к тем или иным странам.

Среди множества характеристик данных корейскими респондентами одной из наиболее значимой является шкала дружелюбности по отношению к родной стране (п. 40). Наиболее дружелюбными в глазах корейских студентов являются США, Германия и Австралия. Не дружелюбными странами воспринимаются Северная Корея и Япония (в последнем случае сказывается историческая память колонизации Кореи Японией). Россия — дружелюбная страна, правда, с не слишком высоким балом оценки. Гораздо большую оценку россияне имеют в аспекте возможной личной дружбы между людьми (п. 23). Заметим, что по этому пункту вообще все страны получили значимо положительные баллы, включая и Северную Корею, и Японию, что говорит о личной открытости наших респондентов.

Наибольшим международным авторитетом также, по мнению корейцев, пользуются США и Германия (п. 16). Одобряется внешняя политика (9), в первую очередь, США, Германии, Австралии. Наиболее неодобряема политика Северной Кореи. Собственная, южнокорейская как внутренняя, так и внешняя политика, также не одобряется. (Если учесть, что опрос студентов мы проводили за год до массовых волнений и импичмента президенту страны, то можно заключить, что наша методика обладает, не только констатирующей, но и прогностической силой).

Наиболее мощными в военном отношении (п. 7) выступают, «в глазах» корейских студентов США, Россия и Китай. Экономически доминируют (независимы, п. 39) США, Германия и Китай, они же наиболее предпочтительны для ведения с ними делового бизнеса (п. 38). Заметим, что деловые партнерские отношения наши респонденты готовы установить с большинством стран, за явным исключением (абсолютное нежелание) Северной Кореи (что понятно) и нейтральной позицией (т. е. отсутствие желания) Израиля. Россия входит в список желательных деловых партнеров.

К странам, имеющим наибольшее культурное наследие (п. 26) отнесены Китай, Индия, Япония, а также Южная Корея. Вообще с точки зрения респондентов большинство из стран списка так или иначе являются наследниками той или иной культуры. Исключение составляют Австралия, США, Тайвань и Северная Корея. Таким образом, считая корейцев, живущих в Северной Корее «несчастной частью корейского народа», тем не менее, в наследии им отказывают. Странами с наиболее высокими достижениями культуры (п. 28), по

мнению корейских респондентов являются США, Германия, Япония. При том, что Израилю, Вьетнаму, Тайваню, и, особенно Северной Кореи в этом отказано.

Лидерами по преступности (п. 34), в восприятии корейских студентов, выступают Бразилия, Индия и Китай.

На втором этапе анализа отдельные пункты были сгруппированы согласно их тематике в шкалы. Эти шкалы заимствованы нами из предыдущих исследований. Они достаточно универсальны и работают на различных популяциях [Петренко, Митина и др. 2009]. Чтобы проверить корректность такого объединения для каждой группы пунктов, объединенной в одну шкалу подчитывалась их семантическая согласованность.

Таблица 2. Состав шкал и показатели их согласованности

Название шкал и пунктов	Корреляция пункта со шкалой	Альфа Кронбаха
Шкала 1. Качество товаров		0,875
1. Страна производит товары высокого качества	0,775	0,813
2. Я стремлюсь покупать товары, произведенные в этой стране	0,786	0,800
3. Страна известна производством высокотехнологичных товаров	0,725	0,861
Шкала 2. Привлекательность туризма		0,814
2. Я стремлюсь покупать товары, произведенные в этой стране	0,605	0,781
15. В стране высокий уровень жизни	0,635	0,776
22. Население этой страны отличается гостеприимством	0,597	0,784
26. Имеет богатое культурно-историческое наследие	0,232	0,829
27. Мне бы понравилось (нравится) жить в этой стране	0,699	0,764
28. Страна славится достижениями в области культуры и искусства	0,598	0,784
31. Страна с богатой природой	0,263	0,826
32. Я хотел бы посетить эту страну как турист	0,602	0,781
Шкала 3. Качество жизни (Политика)		0,901
8. Я одобряю внутреннюю политику правительства этой страны	0,584	0,896
10. Политически стабильное государство	0,594	0,895
13. Демократическое государство	0,730	0,885
14. Граждане всех национальностей пользуются равными правами	0,509	0,901
15. В стране высокий уровень жизни	0,804	0,879
16. У страны высокий международный авторитет	0,748	0,884
20. Страна представляет собой открытое гражданское общество	0,778	0,882
30. В стране высокий уровень образования	0,624	0,893
27. Мне бы понравилось (нравится) жить в этой стране	0,666	0,891

Название шкал и пунктов	Корреляция пункта со шкалой	Альфа Кронбаха
Шкала 4. Инвестиции и иммиграция.		0,901
14. Граждане всех национальностей пользуются равными правами	0,475	0,899
21. Я бы с удовольствием взял представителя этой страны на работу, если бы был работодателем	0,610	0,893
25. Страна, открытая для культурной ассимиляции иностранцев	0,579	0,894
27. Мне бы понравилось (нравится) жить в этой стране	0,740	0,887
30. В стране высокий уровень образования	0,672	0,891
33. Я хотел бы получить профессиональное образование в этой стране	0,702	0,889
35. В этой стране хорошо заниматься честным бизнесом	0,724	0,889
36. В экономику этой страны выгодно делать инвестиции	0,425	0,900
37. Я хотел бы работать в этой стране длительное время	0,760	0,886
38. Если бы у меня был свой бизнес, то я бы постарался установить партнерские деловые связи с представителями этой страны	0,666	0,891
39. Экономически независимое государство	0,418	0,901
34. В стране высокий уровень преступности	-0,274	0,905
1. Страна производит товары высокого качества	0,686	0,890
8. Я одобряю внутреннюю политику правительства этой страны	0,546	0,896
Шкала 5. Качество населения		0,731
21. Я бы с удовольствием взял представителя этой страны на работу, если бы был работодателем	0,591	0,597
22. Население этой страны отличается гостеприимством	0,521	0,681
23. Я бы хотел иметь друзей среди представителей этой страны	0,550	0,648
Шкала 6. Культурные достижения		0,695
26. Имеет богатое культурно-историческое наследие	0,330	0,714
28. Страна славится достижениями в области культуры и искусства	0,647	0,528
29. Страна славится достижениями в области спорта	0,475	0,637
30. В стране высокий уровень образования	0,489	0,624
Шкала 7. Военная мощь		0,536
17. Проводит имперскую политику	0,467	0,239
12. Проводит миролюбивую внешнюю политику	-0,344	0,442
7. Мощное в военном отношении государство	0,249	0,598
Шкала 8. Высокотехнологичная экономика		0,860
3. Страна известна производством высокотехнологичных товаров	0,671	0,837
33. Я хотел бы получить профессиональное образование в этой стране	0,724	0,814
37. Я хотел бы работать в этой стране длительное время	0,702	0,824
15. В стране высокий уровень жизни	0,730	0,813

Название шкал и пунктов	Корреляция пункта со шкалой	Альфа Кронбаха
Шкала 9. Светскость		0,580
19. Светское государство (церковь отделена от государства)	0,411	
24. Население этой страны отличается религиозностью	-0,411	
Шкала 10. Внешнеполитический имидж		0,720
9. Я одобряю внешнюю политику правительства этой страны	0,579	0,617
10. Политически стабильное государство	0,502	0,663
12. Проводит миролюбивую внешнюю политику	0,561	0,625
11. Непредсказуемая в политическом отношении страна	-0,398	0,717

Показатели в таблице 2 показывают хорошую и очень хорошую согласованность большинства шкал, а также тот факт, что в сгруппированных в эти шкалы пунктов нет «балластных» (т.е. лишних, ухудшающих согласованность шкалы).

Почти все шкалы (за исключением шкал Военная мощь и Светскость) положительно коррелируют друг с другом. Этот факт мы интерпретируем как свидетельство того, что существуют латентная переменная (фактор) второго порядка детерминирующий выраженность показателей по положительно коррелирующих между собой шкалам. Этот фактор — интегральный позитивный имидж. Шкалы Военная мощь и Светскость «ортогональны» фактору позитивного имиджа, т.е. коэффициенты корреляции этих шкал с фактором статистически значимо не отличаются от нуля, поэтому мы опустили их из дальнейшего рассмотрения при анализе результатов по фактору позитивного имиджа.

В случае, когда все выделенные категории положительно коррелируют между собой, т.е., не смотря на свою относительную независимость являются составляющими положительного имиджа, величины можно представлять с помощью имиджевых полигонов (лепестковых диаграмм). Для той или иной страны каждый лепесток диаграммы соответствует своей категории и имеет величину равную оценке этой страны по данной категории. Сопоставление полигонов разных стран между собой позволяет выявить их сильные и слабые стороны, участвующие в создании имиджа, а также определить некий показатель, соответствующий интегральному имиджу и использовать его для сравнительного анализа.

На рис. 1 приводится лепестковая диаграмма, наглядно отражающая результаты, приведенные в таблице 3 для шести стран.

Таблица 3. Оценки стран по шкалам (категориям восприятия)*

	Австралия	Вьетнам	Бразилия	Германия	Израиль	Индия	Тайвань	США	Китай	Япония	Россия	Северная Корея	Южная Корея
01. Качество товаров	0,33	-1,40	-1,01	2,26	-0,52	-0,68	-0,23	2,07	-1,09	1,96	0,10	-2,43	1,94
02. Привлекательность туризма	1,09	-0,08	0,39	1,85	-0,39	0,00	0,10	1,65	0,42	0,99	0,40	-1,67	1,15
03. Качество жизни (Политика)	1,15	-0,49	-0,11	1,93	-0,59	-0,51	0,31	1,74	-0,09	0,98	0,03	-2,31	0,92
04. Инвестиции и иммиграция	0,85	-0,38	-0,22	1,67	-0,52	-0,39	0,13	1,56	0,04	0,71	0,04	-1,86	0,98
05. Качество населения	1,29	0,39	0,70	1,86	-0,03	0,36	0,70	1,97	0,36	0,95	0,57	-0,76	1,62
06. Культурные достижения	0,30	-0,56	0,67	1,96	0,05	0,42	-0,26	1,37	1,19	1,29	0,78	-1,36	1,46
07. Военная мощь	0,68	-1,49	-1,03	2,10	-0,77	-0,85	-0,27	2,34	-0,19	1,25	-0,01	-2,52	1,70
08. Высокотехнологичная экономика	0,99	0,06	0,01	1,46	-0,95	-0,01	0,27	0,79	0,01	-0,35	-0,32	-2,10	0,10
09. Светскость	0,33	-1,40	-1,01	2,26	-0,52	-0,68	-0,23	2,07	-1,09	1,96	0,10	-2,43	1,94
10. Внешнеполитический имидж	1,09	-0,08	0,39	1,85	-0,39	0,00	0,10	1,65	0,42	0,99	0,40	-1,67	1,15

* Серым тоном закрашены клетки, в которых значения статистически значимо не отличаются от нейтральной (нулевой) оценки.

Рис. 1. Октагоны оценок ряда образов стран по категориям имиджа

При таком отображении интегральный имидж может быть операционализован как геометрическая площадь многоугольника. Чем больше площадь, тем лучше мнение респондентов о стране, которой этот многоугольник соответствует. Мы видим — явный аутсайдер Северная Корея, и два лидера — Германия и США. Октагоны России и Китая почти совпадают, но по мнению корейских студентов Россия производит более качественные товары. Сама же Южная Корея значительно опережает Россию и Китай их как по высокотехнологической экономике, по качеству жизни и качеству товаров.

На рис.2 оценки интегрального субъективного рейтинга «сочмещены» с географическим положением каждой страны.

В заключении, хочется отметить, что настоящее исследование может выступать примером аналогичных и, на наш взгляд, весьма полезных исследований политического менталитета населения Республики Корея. Реализация политики «мягкой силы» о необходимости которой высказывался президент Российской Федерации, требует глубокого понимания менталитета, системы ценностей, геополитических представлений как населения стран с которыми мы осуществляем экономические, политические и культурные взаимодействия, так и глубокого анализа психологических личностных профилей «высоких договаривающихся сторон», причем, как в их

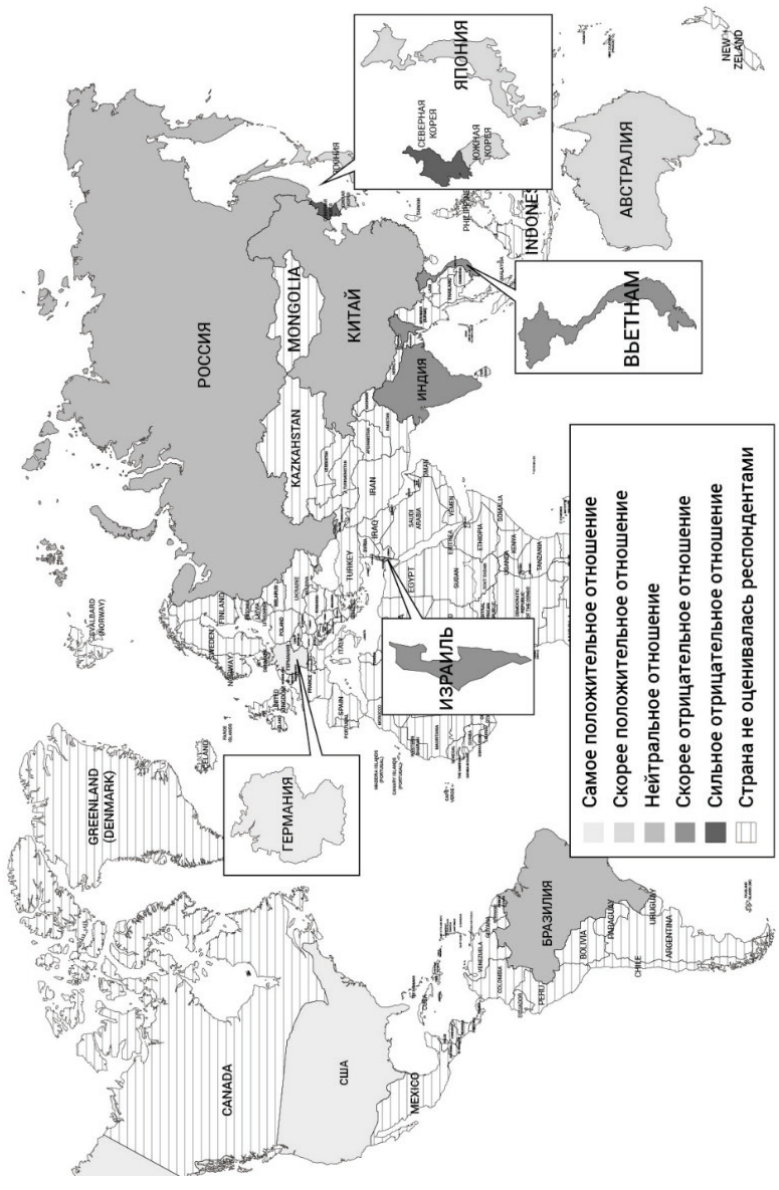

Рис. 2. Карта интегрального рейтинга стран в сознании южно-корейских респондентов

«объективном» портрете, полученным с помощью методов современной психодиагностики, контент-анализа текстов выступлений лидеров, работы физиономистов и психоаналитиков, так и представленных в мифологизированной форме массового сознания, или, например, имиджей политических лидеров (в восприятии жителей Южной Кореи — см. Петренко, Гладких, Митина, 2015). Результатом настоящего исследования, проведенного на материале геополитических представлений южнокорейских студентов, является возможность «увидеть» политическую карту мира «глазами» иностранных граждан — жителей Кореи. Как следствие, это позволяет осуществлять политический прогноз взаимоотношений нашей страны с другими странами, на некий временной интервал, т. е. «держать руку на пульсе» международной жизни.

Список использованной литературы

1. *Гравер А. А.* Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3 (19). 2012. С. 29–45.
2. *Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. М., 1996.
3. *Задорожный В. Н.* Влияние политического имиджа государства на экономический рост. Элитариум — Центр дистанционного образования (www.elitarium.ru). 7 июня 2007.
4. *Колосов В. А.* Российская геополитика: традиционные концепты и современные вызовы // Общественные науки и современность, 3, 86–94. 1996.
5. *Митина О. В.* Математические методы в психосемантике // Когнитивные исследования. Отв. ред. В. Д. Соловьев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 69–93.
6. *Митина О. В.* Разработка и адаптация психодиагностических опросников. М.: Смысл, 2011.
7. *Митина О. В., Петренко В. Ф.* Использование дискриминантного анализа при работе с психосемантическими данными // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований / Отв. ред. В. А. Барбанщиков, серия Интеграция академической и университетской науки, М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 624–32.
8. *Петренко В. Ф., Митина О. В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М., МГУ, 1997.
9. *Петренко В. Ф., Митина О. В., Шевчук И. В.* Социально-политологическое исследование общественного сознания жителей Казахстана // Психологический журнал, издательство Наука (М.), 1993, № 1, с. 53–88.

10. *Петренко В. Ф., Митина О. В., Бертников К. А.* Психосемантический анализ геополитических представлений России // Психологический журнал, том 21, № 2, 2000, с. 49–68.
11. *Петренко В. Ф., Митина О. В., Кучеренко В. В.* Образ России глазами жителей Узбекистана // ЧФ: Социальный психолог Яр.ГУ МАПИ, № 2, 2007, с. 62–69.
12. *Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма, ЭКСМО, М., 2013.
13. *Митина О. В., Петренко В. Ф.* Имидж государства. Психосемантический анализ: реконструкция и измерения в журнале Информационные войны, № 4, 2008, с. 9–17.
14. *Петренко В., Митина О. В. и др.* Образ России глазами россиян и иностранцев. МГУ, М, 2009.
15. *Петренко В. Ф., Гладких Н. Ю., Митина О. В.* Психосемантические исследования восприятия политических деятелей гражданами Южной Кореи // Историческая психология и социология истории. № 2 2016, с.85–105.
16. *Тишков В. А.* Этнология и политика. М.: Наука, 2001.
17. *Шестопал Е. Б.* (ред.) Образы государств, наций и лидеров. М.: Аспект Пресс, 2008.
18. *Шишков Ю. В.* Россия между ближним и дальним зарубежьем (вопросы внешнеэкономической стратегии) // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 36–48.
19. *Anholt S.* Competitive Identity: the new brand management for nations, cities and regions. Palgrave Macmillan, 2007.
20. *Avraham E., Ketter E.* Media Strategies for Marketing Places in Crisis: Improving the Image of Cities, Countries and Tourist Destinations. Amsterdam: Butterworth-Heinemann, 2008.
21. *Brijs K., Bloemer J., Kasper H.* Country-image discourse model: Unraveling meaning, structure, and function of country images // Journal of Business Research. 64 (12), 2011, p. 1259–1269.
22. *Buhman A.* Measuring Country Image. Theory, Method, and Effects. Springer Fachmedien Wiesbaden. 2016.
23. *Buttimer A.* Social Space in Interdisciplinary Perspective. Geographical Review, 59, 417–426. 1969.
24. *Child I., Doob L.* Factors determining national stereotypes // The Journal of Social Psychology. 17 (2), 1943, p. 203–219.
25. *Chun R.* Innovation and Reputation: An Ethical Character Perspective. // Creativity and Innovation Management. 15 (1), 2006, p. 63–73.
26. *Dai X., Chen G.* The Construction of National Image in the Media and the Management of Intercultural Conflicts / Fortner R., Fackler P. (eds.) The Handbook of Media and Mass Communication Theory. John Wiley & Sons, Inc. 2014, p. 708–725.
27. *Dinnie K.* (ed.) Nation branding: concepts, issues, practice. London et al. Butterworth-Heinemann, 2008.

28. *Dyke van M., Vercic D.* Public relations, public diplomacy, and strategic communication: an international model of conceptual convergence // Sriramesh K., Vercic D. (eds.) *The Global Public Relations Handbook: Theory, Research, and Practice*. Rev. and expand. edn. New York [et al.]: Routledge, 2009, p.822–842.
29. *Gertner R.* Similarities and differences of the effect of country images on tourist and study destinations // *Journal of Travel & Tourism Marketing*. 2010. 27 (4), p. 383–395.
30. *Golant S., Burton I.* A Semantic Differential Experimental Experiment in the Interpretation and Grouping of Environmental Hazards. *Geographical Analysis* 2, 1970. 120–134.
31. *Grey C.* *Geopolitics of the Nuclear Era: Hartland, Rimlands, and the Technological Revolution*. N. Y., 1977.
32. *Inglehart R.* *Modernization and Post modernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton University Press, 1997.
33. *Inglehart R., Carballo M.* Does Latin America Exist? (And is There a Confucian Culture?) *A Global Analysis of Cross-Cultural Differences*. PS: *Political Science and Politics*, Vol. 30 (1), 34–46. 1970.
34. *Katz D., Braly K.* Racial stereotypes of one hundred college students // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1933. 28 (3), p. 280–290.
35. *Klingberg F.* Studies in measurement of the relations among sovereign states. // *Psychometrika*. 6 (6), 1941, p. 335–352.
36. *Moscovisi S.* *Social Representations: Explorations in Social Psychology* (edited by Gerard Duveen), Polity Press, 2000.
37. *Roth K., Diamantopoulos A.* Advancing the country image construct // *Journal of Business Research*. 62 (7), 2009, p. 726–740.

ТУРИЗМ В РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ: ЛОКАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В современном туризме наблюдается плюрализм жизненных стилей, что отражается в эволюционном переходе от дискурса равенства к ценности инаковости. Реализуясь в настоящем, практики туристов сочетают ретроспективные и прогностические функции, что находит реализацию в обращении к культурному наследию, социальной памяти, семейным традициям, с одной стороны, и способствует конструированию индивидуальных жизненных стратегий — с другой. Локальные культурные практики туризма между Россией и Республикой Корея имеют хорошие перспективы развития. Это обусловлено взаимным интересом народов двух стран, устойчивыми экономическими и политическими отношениями.

Современный турист пребывает в пространстве многообразия образов, текстов, символов и знаков, требующих как личного осмысления, так и внешних интерпретаций. Значимость когнитивного, этического и эстетического компонентов туризма в настоящее время усиливается как никогда ранее, что приводит к распространению образцов культуры и стилей поведения. Транслируемое медиа деперсонифицированное знание не может заменить личный опыт путешествий. Российский турист за рубежом является носителем российской ментальности и культуры, имиджа страны в целом. Позиционирование и управление репутацией России в мировом сообществе — одновременно поле деятельности большой политики и «народной дипломатии». Конструирование имиджа России начинается с восприятия туристов-россиян за рубежом на отдыхе и в деловых поездках сотрудниками сферы гостеприимства, туристами из других стран, местными жителями различных регионов. Увеличение доли русскоязычного сегмента международного туризма приводит к существенному влиянию фактора межличностных коммуникаций на формирование внешнего имиджа страны [Лысикова, 2011, с. 181].

Метафора «турист» отражает организованное движение людей — носителей своих стандартов счастья в проведении отпуска, склонных навязывать чужим местностям свои смыслы. Сопря-

женные с путешествиями социально-пространственные практики включают различные виды мобильности: физическую, телесную, транспортную, творческую, воображаемую, виртуальную. Современный человек перемещается по планете, имея право проводить досуг и «потреблять» различные места наряду с выполнением обязанности демонстрировать установку космополитизма по отношению к другим культурам, средам, людям. Мобильность во всех своих формах и воплощениях является характерной чертой нашего времени, предметом социологической рефлексии в контексте туристического дискурса.

Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 2017 год был провозглашен Международным годом устойчивого туризма в интересах развития. Данный шаг был предпринят для повышения осведомленности широкой общественности и лиц, принимающих решения в государственном и частном секторах, о вкладе устойчивого туризма в развитие, для объединения всех заинтересованных социальных институтов и акторов с целью совместной работы по превращению туризма в катализатор изменений к лучшему. По случаю открытия Международного года устойчивого туризма генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в своем послании отметил, что ежедневно более трех млн. туристов пересекают международные границы, ежегодно 1,2 млрд. человек путешествуют за границу, туризм становится основой экономик, источником процветания, мощной преобразующей силой, необходимой для улучшения качества жизни многих людей [Press Release, 2017]. В продолжение этих идей ведущие политики-спикеры — представители разных стран мира выделили целый ряд принципиально важных моментов:

во-первых, актуальность и необходимость использования энергии туризма для реализации усилий по осуществлению повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года;

во-вторых, большие возможности туризма в формировании партнерств для реализации задач по созданию долгосрочных активов, предотвращению пассивов и минимизации глобальных трудностей, с которыми сталкиваются сегодня все нации;

в-третьих, устойчивый туризм рассматривается как средство развития, создания рабочих мест, продвижения местной культуры и продуктов;

в-четвертых, расширение культурных практик международного туризма способствует укреплению общественного и политического диалога, продвигающего инициативы, инвестиции и правитель-

ственные меры по улучшению гендерного равенства, повышению качества жизни молодежи.

Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы включает следующие задачи: создание благоприятных условий для устойчивого развития культуры и туризма; повышение качества и доступности услуг в сфере внутреннего и международного туризма; сохранение культурного и исторического наследия народа, обеспечение доступа граждан к культурным ценностям и участию в культурной жизни, реализации творческого потенциала нации [Государственная программа РФ, с. 15]. Одним из ожидаемых результатов реализации Государственной программы является перевод отрасли на инновационное развитие

Согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики динамика принятых туристов из Республики Корея в России выглядит следующим образом: 2010 год — 250 человек, 2011 год — 1300, 2012 год — 800, 2013 год — 1200, 2014 год — 3200, 2015 год — 750 [Число принятых туристов из Республики Корея]. Наиболее популярными туристическими дестинациями являются Москва, Санкт-Петербург, Приморье, озеро Байкал [5, с. 285]. Отметим перспективность туристических возможностей и многогранность рекреационных ресурсов российских регионов для потенциальных туристов из Республики Корея.

Рост потока туристов из России в Республику Корея за 2014–2015 год составил 18 %, за 2016–2017 год — 15 %. В 2013 году в Республике Корея побывало 107#055 россиян, в 2014 году — 126#239 человек, за 9 месяцев 2015 года — 70#707 российских туристов [Статистика взаимных визитов]. По данным российского представительства Национальной организации туризма Республики Корея, в 2016 году страну посетило 234 тыс. россиян, что на 24,4 % превысило показатели 2015 года и на 8 % — объемы туристического трафика 2014 года. Согласно официальной российской статистике, в 2016 году Республика Корея находилась на втором месте среди стран Восточной Азии и на четвертом месте — среди всех направлений Азиатского региона по числу визитов россиян [Туры в Южную Корею]. Эксперты дают оптимистичные прогнозы, полагая что количество российских туристов в Республике Корея в ближайшие годы увеличится. Этому способствуют безвизовый въезд для российских туристов, стабилизация курса рубля, грядущие Зимние Олимпийские игры в Пхёнчхане 2018 года. Среди российских туристов есть групповые и индивидуальные, организованные и самостоятельные. Продол-

жительность тура в среднем составляет 8–9 дней, средняя цена — 800–1000 долларов на человека без учета авиаперелета. Глубина продаж — 3–4 месяца. Сезонный апогей посещения — весна и осень, период с мая по сентябрь с наступлением пляжного сезона. Наиболее популярные среди россиян города — это Сеул, Пусан, Кёнджу; востребован пляжный отдых на острове Чеджу. При поездках россиян в Республику Корея преобладает ознакомительный и экскурсионный формат. Наиболее перспективными представляются практики культурно-познавательного, гастрономического, рекреационного, медицинского туризма.

2014–2015 годы были объявлены Годом взаимных визитов между Россией и Республикой Корея с целью укрепления сотрудничества между двумя странами в сфере туризма, культуры и спорта. Согласно Меморандуму о взаимопонимании была предусмотрена реализация следующих направлений деятельности:

- поощрение инициатив, которые благоприятствуют развитию туризма с целью увеличения туристических потоков, уделяя особое внимание деловому, медицинскому, гастрономическому, природному культурному видам туризма;
- обмен опытом, статистической информацией, профессиональными кадрами с целью их подготовки, обучения, повышения квалификации для индустрии туризма;
- поощрение взаимосвязи туризма с культурными, художественными и спортивными мероприятиями, осознавая их потенциал для развития туризма;
- максимальное использование логотипа и лозунга годов взаимных визитов между Россией и Республикой Корея, а также туристических достопримечательностей обеих стран [Меморандум о взаимопонимании].

Департаментами по туризму многих стран ведется активная деятельность по конструированию и популяризации туристических брендов с помощью СМИ, Интернет-ресурсов, буклетов и наружной рекламы, которые подчеркивают уникальные черты туристической дестинации и содержат призывы ее посетить. Национальная организация туризма Республики Корея объявила слоган, призванный представлять страну во всем мире. Прежний вариант 2007 года «*Korea Sparkling*» («Искрящаяся Корея») теперь заменяет слоган «*Korea Be Inspired*» («Вдохновись Кореей»).

Представляется весьма ценным ресурс South Korea, Travel Guide с отзывами российских туристов о посещении Республики Корея

[South Korea]. Компонентами этого сайта являются рассказы о путешествиях и впечатлениях туристов из России, результаты социологических опросов, вопросы пользователей и ответы на них, описание достопримечательностей, книги о Республике Корея и корейцах, рекомендации по организации путешествий.

Весной 2014 года в Государственном музее Востока в Москве (Никитский бульвар, д. 12А) состоялась выставка Art and culture of Korea, которая заняла все пространство второго этажа здания музея. Посвященная истории искусства Кореи выставка проводилась при поддержке Корейского фонда (Korea Foundation). В экспозиции были представлены мебель, батик, национальные костюмы (мужская, женская, детская одежда), украшения, картины, статуэтки, предметы быта. Погружение в корейскую культурную среду оказывает на экскурсантов неизгладимое впечатление. Прекрасные воспоминания сопровождаются фотографиями. В июне-августе 2016 года на ВДНХ в павильоне № 13 также при содействии Корейского фонда прошла выставка «Нирвана», посвященная современному искусству Республики Корея. Проект «Нирвана» включает работы современных мастеров, которые работают в техниках видеоарта, инсталляции, фотографии и живописи.

По данным переписи населения Российской Федерации 2010 года число проживающих в Саратовской области корейцев составило 4206 человек, то есть 0,17%. Несмотря на численный рост этнических корейцев в Саратовской области в 2002–2010 годы, отметим относительную стабильность диаспоры в целом. Несмотря на небольшую долю от числа всех народов области, корейцы permanently проявляют и популяризируют уникальность своей культуры. В Саратове активно работает корейский центр «Тонмакколь», приоритетными для которого являются следующие направления деятельности:

во-первых, популяризация корейской традиционной культуры посредством организации занятий по самульнори (корейским барабанам), традиционным корейским танцам и стрельбе из лука;

во-вторых, популяризация истории, традиций, бытовой культуры корейского народа в целом и русскоязычных корейцев, в частности. Так, 17 июня 2016 года состоялся концерт корейской традиционной музыки Чхонсонгок, на котором выступил коллектив музыкантов из Республики Корея под руководством мастера О Сок Шина. 25 сентября 2016 года было проведено мероприятие в честь праздника Чхусок. 23 октября 2016 года состоялась поездка на XIII

Фестиваль корейской культуры, инициированный Волгоградским корейским центром «Мириэнэ»;

в-третьих, проведение в городах Саратове и Энгельсе занятий по изучению корейского языка, которые ведет преподаватель из Республики Корея, сонсэнним Пин Иль Сук.

В Национальной деревне народов Саратовской области, находящейся на Соколовой горе в Саратове, расположен среди прочих корейский национальный дворик. Как туристы, так и местные жители с интересом знакомятся с бытом, жизненным укладом, жилищем корейцев. Здесь возможна активная популяризация корейской культуры посредством представления народных танцев и песен, обрядовых сцен, показа национальной одежды. Может быть предложено проведение мастер-классов по приготовлению блюд корейской национальной кухни с последующей дегустацией, организация фольклорных праздников. Этнокультурные комбинированные туры с посещением Национальной деревни народов Саратовской области способствуют экономическому развитию региона и популяризации этнокультурного наследия корейцев. Перспективы его использования в туристских практиках открываются во взаимодействии с исторической родиной, налаживании связей между Республикой Корея и Саратовской областью. Данный коммуникативный ресурс способствует эффективному развитию, сохранению и продвижению этнокультурного наследия корейцев в российских регионах. Благодаря практикам туризма и национальным праздникам происходит освоение нематериального культурного наследия одного этноса представителями других народов.

С 1 января 2014 года были отменены визы для туристических поездок между Россией и Республикой Корея. Теперь граждане России могут ездить в Республику Корея и оставаться там в течение двух месяцев без виз, общий срок пребывания в стране не должен превышать более трех месяцев в течение полугода. Граждане Республики Корея, в свою очередь, могут посещать Россию без виз на тех же условиях. Это решение было принято 13 ноября 2013 года в результате дипломатических переговоров двух стран. Оно способствует укреплению связей между двумя народами, увеличению туристических потоков. По результатам проведенного нами социологического опроса методом анкетного опроса корейцев, проживающих в четырех муниципальных районах (Советском, Ровенском, Марксовском, Краснокутском) Саратовской области (N = 270), 2014 год, было выявлено, что многие этнические корейцы Саратовской области хо-

тели бы посетить свою историческую родину в качестве туристов [Лысикова, 2015, с. 350].

В Саратовском государственном техническом университете имени Гагарина Ю. А. 11–12 мая 2017 года состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Урбанистика: опыт исследований, современные практики, стратегия развития городов». Выполняя функции модератора работы секции «Туризм, сервис, работа с молодежью в условиях современного города», делаем вывод о том, что в фокусе внимания исследователей находятся сегодня следующие взаимосвязанные научные проблемы:

- туристика (турология) как сетевая наука наряду с урбанистикой и глобалистикой;
- глобальные тенденции и локальные особенности развития социальных практик туризма и сервиса на примере городов России, Германии, Италии, Китая, Республики Корея, Турции;
- формирование урбанистического ландшафта средствами образовательного и туристического пространства;
- актуализация практик индустриального и промышленного видов туризма в российских городах (Саратов, Иваново, Кострома, Мышкин);
- перспективы велосипедной мобильности и инфраструктуры в стратегии развития мегаполисов как аттрактивных туристических дестинаций;
- использование потенциала студенческой молодежи в городском туризме на примере Москвы и Саратова;
- туристическое брендингирование мегаполисов и малых городов.

Итак, в настоящее время мы наблюдаем устойчивые экономические, политические и культурные отношения между Россией и Республикой Корея. Обращаем особое внимание на наличие важных предпосылок для роста туристических потоков и положительной динамики культурных обменов между двумя странами. К таким предпосылкам относим следующие: географическая близость двух стран, корейские диаспоры в российских регионах (в Саратовской области насчитывается более 4,2 тысячи человек), активный культурный диалог и устойчивые экономические контакты, упрощение визового режима, осуществление регулярных авиарейсов. Отметим важность и необходимость эффективного бренд-менеджмента для продвижения, популяризации и PR-сопровождения туризма между

двумя странами — Россией и Республикой Корея. Приходим к выводу о взаимообусловленности глобальных трендов и локальных модусов социальных изменений в культурной матрице современного туризма, что проявляется в локальных культурных практиках туризма между Россией и Республикой Корея.

Список использованной литературы

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы <http://russiatourism.ru/content/2/section/26/detail/27/>
2. *Киреев М. А.* Образ России в южнокорейском Интернете // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 16. Отв. ред. С. О. Курбанов. СПб., 2014.
3. *Лыскова О. В.* Российский туризм: глобальное и локальное: монография. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2011.
4. *Лыскова О. В., Чжен Е. Г.* Этнокультурное наследие корейцев Саратовской области и возможности его использования в практиках туризма // Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах / отв. ред. Р. К. Тангалычева, В. В. Козловский. СПб.: Скифия-принт, 2015.
5. Меморандум о взаимопонимании между Федеральным агентством по туризму (Российская Федерация) и Министерством культуры, спорта и туризма Республики Корея по организации Годов взаимных визитов Российской Федерации — Республика Корея в 2014–2015 гг. <http://www.russiatourism.ru/contents/deyatelnost/mezhdunarodnaya-deyatelnost/mezhregionalnoe-i-dvustoronnee-sotrudnichestvo/mezhvedomstvennyedokumenty-o-sotrudnichestve-v-oblasti-turizma/>
6. Статистика взаимных визитов граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств [http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/kolichestvo-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-vyekhavshikh-za-rubezh/\\$](http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/kolichestvo-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-vyekhavshikh-za-rubezh/$)
7. Туры в Южную Корею демонстрируют рост спроса на 10–15 % в год, 16.02.2017. <http://www.atorus.ru/news/press-centre/new/38287.html>
8. Число принятых туристов из Республики Корея в России, 2010–2015 годы. <http://cbsd.gks.ru/#>
9. Press Release UNWTO № 17007, 19.01.2017. Международный год устойчивого туризма в интересах развития, 2017 год, объявлен открытым <http://media.unwto.org/ru/press-release/2017-01-24/mezhdunarodnyi-god-ustoichivogo-turizma-v-interesakh-razvitiya-2017-god-oby>
10. South Korea, Travel Guide. <http://aboutkorea.ru/str/289/j>

Глава 7

«МЯГКАЯ СИЛА» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ, КИНЕМАТОГРАФ, ТЕЛЕВИДЕНИЕ И РЕКЛАМА

Лазарева К. В.

*Новосибирский государственный университет
(Новосибирск, Россия)*

«МЯГКАЯ СИЛА» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В СФЕРЕ ДИАСПОРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРУ

В Республике Корея применение стратегии «мягкой силы» включает в себя разнообразные меры: развитие науки и технологий, открытие языковых и культурных центров, поддержка корейских диаспор, популяризация национальной культуры, распространение национального языка и национальной кухни.

Термин «мягкая сила» был предложен американским политологом Дж. Наем в конце прошлого столетия. В статье с одноименным названием, опубликованной в журнале *Foreign Policy* в 1990 г., он рассуждает о распределении сил в мире, возникшем после окончания «холодной войны» [Nye, 1990, с. 153–171]. Суть «мягкой силы» Дж. Най разъясняет путем сравнения ее с традиционными «жесткими» способами внешнеполитического воздействия, такими как: вооруженное насилие, военное вмешательство, экономическое давление. В противоположность «жесткой силы», «мягкая сила» подразумевает использование в качестве ресурсов влияния привлекательный политический имидж, национальную культуру и культурные ценности, транслируемые средствами массовой информации [Nye, *South Korea's Growing Soft Power: электронный ресурс*].

В статье «Растущая мягкая сила Республики Кореи» (2009) Дж. Най отмечает, что Республика Корея имеет все необходимые условия для развития собственной «мягкой силы». Так, Республика Корея является 11-ой по величине экономикой в мире, с доходом на душу населения, достигающим больше \$15 тыс. В 1996 г. она присоединилось к ОЭСР и стала членом «Большой Двадцатки». Страна стала домом всемирно известных марок и лидером в освоении Ин-

тернета и информационных технологий. Республика Корея также сумела развить демократическую политическую систему со свободными выборами и мирным переходом власти от одной политической партии к другой. В этой стране хорошо защищены права человека, так же, как и свобода слова. Наконец, южнокорейская культура уже распространилась по всему миру, особенно среди молодежи в соседних азиатских странах [Nye, 2009]. В июле 2015 г. международная консалтинговая компания Portland опубликовала рейтинг «мягкой силы» государств мира под названием The Soft Power 30. Согласно его результатам, Республика Корея занимает 22-е место в данном рейтинге [The Soft Power 30].

Республика Корея открыла для себя возможности «мягкой силы» в конце 90-х гг., после прихода к власти президента Ким Ён Сама (1993–1998). Культурная политика нового президента радикально отличалась от политики предыдущих президентов, поскольку президент Ким признал потенциал индустрии культуры для содействия экономическому росту страны в целом [Kim, Jin, 2016]. Ким Ён Сам впервые применил инструмент «мягкой силы» во внутренней политике. С целью осуществления данной политической линии, был представлен проект «Новая Корея». Итогом реформы стал общий национальный подъем, рост патриотизма и экономической активности. Тогда же, в конце 90-х гг. XX в. проявился феномен корейской «мягкой силы» в корейских «мыльных опер» и поп-музыки в Сингапуре, Вьетнаме, Японии, Китае.

Культурная политика продолжала играть важную роль во время правления президента Республики Корея Ким Дэчжуна (1998–2003). Правительство Ким Дэчжун выстраивало дружественные отношения с соседними странами, а также явилось автором проекта «солнечное тепло», что стало символом поддержки космополитических ценностей. В этот период была разработана концепция «Динамичной Кореи» (Dynamic Korea), с целью предложить международному сообществу современный образ страны [Ih-Prost, Bondaz, 2014]. Также по инициативе Ким Дэчжуна был создан Форум демократических лидеров Азиатско-Тихоокеанского региона [Lee, 2009] — еще один канал «мягкой силы». Это дало возможность только что избранному президенту Но Му Хёну (2003–2008) переориентировать стратегическое внимание Республики Корея на Северо-Восточную Азию. Также президент выразил готовность превратить Республику Корею в «культурную сверхдержаву» [Ih-Prost, Bondaz, 2014].

Новый президент Ли Мён Бак (2008–2012) значительно усилил динамику, заданную его предшественниками, и продолжил

осуществлять культурную политику, направленную на повышение конкурентоспособность корейской культуры как на внутреннем, так и на мировом рынке. С целью повышения национального статуса и престижа Республики Корея, 22 января 2009 г. был учрежден Президентский совет по национальному брендингованию (кор. 국가 브랜드 위원회, англ. Presidential Council on Nation Branding) [8]. Основным направлением в деятельности Президентского совета явилось: формирование имиджа Кореи, как «ответственной нации, которую все любят»; налаживание обменов с зарубежными странами; создание службы международных добровольцев (World Friends Korea); создание корейского аналога американского Корпуса Мира; поддержка языковых и культурных центров; создание Глобальной корейской информационной сети (Global Korean Network), ставящей своей целью предоставить корейским диаспорам платформу для общения и взаимодействия со своей родной страной [Официальный сайт Korea Foundation].

На сегодняшний день вопросами осуществления политики «мягкой силы» в Республике Корея занимается целый ряд организаций, фондов и министерств. Организацией и проведением системных практик осуществления данной политической линии в первую очередь занимается Министерство культуры, спорта и туризма, при поддержке аффилированного с министерством Корейского фонда (кор. 한국국제교류재단; англ. Korea Foundation). Корейский Фонд был учрежден в 1991 г. — это специальная организация, оказывающая активное содействие обменов в области культуры и искусства, способствовавшая развитию корееведения в зарубежных странах, налаживанию связей в сфере международного сотрудничества и широко продвигающая общественную дипломатию через культурные обмены и средства массовой информации [Korea Foundation annual report]. При рассмотрении деятельности Корейского Фонда, заслуживает внимания использование политики «мягкой силы» по конкретным направлениям: в сфере культуры и продвижения языка, сотрудничества в области образования, а также участия в программах и проектах официальной помощи.

1. Программы в области культуры и искусства

С целью сделать корейскую культуру более доступной, Корейский Фонд предоставляет финансовую поддержку выставкам и галереям по всему миру. Также, согласно ежегодного отчета Фонда, «чтобы повысить признание корейской культуры за рубежом и по-

ощрить создание корейских выставок в зарубежных музеях», Корейский Фонд спонсирует выступления народных артистов Республики Корея по всему миру. Кроме того, при поддержке Фонда Республика Корея оказывает помощь развивающимся странам в сохранении и возрождении культурного наследия.

2. Программы по распространению корейского языка за рубежом

При поддержке Корейского Фонда за период с 2011 по 2016 г. выросло число учреждений, занимающихся распространением корейского языка за рубежом. Так в 2011 г. был запущен проект KF Global e-School, с целью расширить количество курсов, посвященных истории и культуре Кореи в зарубежных университетах. В 2015 г. эта программа позволила провести 200 лекций для 3 213 студентов из 91 университета. Также в рамках программы KF Global e-School Fellowship Фонд выделяет стипендии, с целью предоставить возможность перспективным студентам лекционных курсов e-School посещать международные летние школьные программы, проводимые в Республике Корея. В общей сложности в 2015 г. 87 студентов из 30 университетов были приглашены в Республику Корею для участия в программе KF Global e-School, среди них 9 студентов из России. Кроме того, Фонд поддерживает организацию конференций, лекций и других учебных мероприятий, организованных корейскими центрами в зарубежных университетах для увеличения количества исследований, посвященных корейской тематике.

3. Программы поддержки исследований

С целью стимулирования научной деятельности и привлечения новых исследователей, с 1994 г. Фонд выделяет средства на зарубежные исследования. В 2015 г. Фонд предоставил гранты 122 аспирантом в 45 университетов в 19 странах: 11 грантов — в Северной Америке, 38 — в Европе (включая 24 гранта в России и стран СНГ), 65 — в Азии, 2 — в Океании и 6 — для государств Юго-Восточной Азии. Также Фонд приглашает ученых в Республику Корею, для проведения полевых исследований, поддерживает выпуск специальной литературы, посвященной изучению корейского языка, помогает в проведение международного экзамена по корейскому языку (ТОPIK) и т. д. [Суслина, 2015].

Еще одной платформой, занимающейся общественной дипломатией и ресурсами «мягкой силы» выступает Министерство иностранных дел и торговли Кореи (*кор.* 외교부; *англ.* MOFAT).

Министерство занимается не только вопросами экономического и торгового сотрудничества, взаимодействия с членами ОЭСР2, но и формирует политику туристической привлекательности страны, занимается академической мобильностью и культурными обменами. Организация формирует политическую повестку в вопросах энергетической и международной безопасности региона, а также занимается вопросами экологии и защиты окружающей среды.

Республика Корея как субъект «мягкой силы» активно проявляет себя в России. Еще в 2008 г. президент Республики Кореи Ли Мён Бак на встрече с президентом Д. А. Медведевым предложил новый формат отношений двух стран, который он представил как «Новый Шелковый путь». Основания к расширению взаимного сотрудничества также были заложены в ходе визита президента России В. В. Путина в Республику Корею в ноябре 2013 г., когда был подписан ряд важных документов, среди которых: Меморандум о взаимопонимании между Российским фондом прямых инвестиций и Корейской инвестиционной корпорацией о создании совместной инвестиционной платформы; Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области создания Центра судостроения в России; Меморандум о сотрудничестве между ОАО «РЖД», Компанией «ПОСКО», Корпорацией железных дорог Кореи и Компанией «Хёндэ Мерчант Марин Ко., Лтд» [Суслина, 2015]. Среди других намеченных перспектив — участие Республики Кореи в строительстве в России «солнечной электростанции» стоимостью \$1,7 млрд, которую предполагается ввести в строй в 2020 г. Расширению научно-технического сотрудничества также послужит подписанный меморандум о создании совместного российско-южнокорейского научного центра на базе Международного исследовательского центра Сколково [Заседание Российско-Корейского бизнес-диалога].

Также стратегическое партнерство между Республикой Кореей и Россией, укрепилось после подписания лидерами двух стран соглашения о взаимной отмене визовых требований. В результате социологического опроса под эгидой Ассоциации туроператоров России (АТОР) в 2016 г. Республика Корея находилась на втором месте среди стран Восточной Азии и на четвертом месте — среди всех направлений азиатского региона по числу визитов россиян. По данным Ростуризма, в 2016 г. Республика Корея заняла 28 место в приоритете российского туризма, оказавшись, таким образом, впереди не только Японии, но Австрии: в 2016 г. Республику Корею посетили 199 тыс. россиян, что почти на 20 % превысило показатели 2015 г. [Федеральное агентство по туризму]. Этому способствует как без-

визовый въезд, так и предстоящие Зимние Олимпийские игры, которые пройдут в Пхёнчхане в 2018 г.

Другой институциональной формой реализации потенциала «мягкой силы» является формирование «образцовых» корейских этнических сообществ за рубежом. В 1980-х гг. в Сибири и России в целом стали возникать корейские культурные центры, которые способствовали не только консолидации корейских сообществ, проживающих на территории России, но и продвижению традиций и языка, а также налаживанию межкультурных связей. В 1988 г. начала деятельность Ассоциация корейцев г. Красноярска. Начиная с 1990-х гг. повсеместно начали создаваться корейские центры, предназначенные для того, чтобы решать вопросы, связанные с сохранением и развитием корейской самобытности, традиций, языка и культуры. В 1998 г. была образована федеральная национально-культурная автономия (ФНКА), которая способствовала содействию культурному обмену между Российской Федерацией и Республикой Корея. В 2011 г. в Красноярске был открыт Корейский культурный центр, деятельность которого направлена на популяризацию корейской культуры и языка. В 1990 г. корейское сообщество г. Барнаула было представлено Корейским национально-культурным центром. Одновременно с появлением центра при поддержке со стороны Республики Кореи была открыта воскресная школа для изучения корейского языка. С начала 2000-х гг. при Алтайском государственном университете открылись факультативные курсы корейского языка. В г. Новосибирске в 1991 г. была зарегистрирована организация корейцев «Солидарность», а в 1999 г. она стала региональной и была переименована в Региональную национально-культурную автономию корейцев Новосибирской области. В 1993 г. была учреждена Ассоциация советских корейцев г. Иркутска. Наряду с ней возникла Иркутская региональная организация «Центр корейской культуры». Он был учрежден в 2006 г. в целях пропаганды корейской культуры в Иркутской области, содействия сохранению и развитию корейской национальной культуры. Все вышеуказанное можно отнести к мерам по наращиванию потенциала диаспоры. Поддержка корейских культурных центров, проведение культурных фестивалей, организация курсов корейского языка и прочие меры ориентированы на сохранение и усиления этнического самоопределения зарубежных соотечественников [Ким, 2015].

В 2005 г. была создана Российская ассоциация университетского корееведения (РАУК), объединившая шесть ведущих российских вузов. Эта ассоциация взяла на себя функции координации отече-

ственных исследований и их интеграцию с наукой Республики Корея. С 2009 г. под эгидой РАУК стал издаваться журнал «Вестник российского краеведения».

Правительство Республики Кореи также использует преимущество крупного успеха культурной индустрии Кореи — феномена «корейской волны» *Халлю* (Hallyu), для того, чтобы продвинуть позитивный и современный образ страны в России. Национальная организация туризма Кореи (НОТК) объявила 2004 г. годом *Халлю* [15]. Также в соответствии с данными Министерства по культуре и туризму Республики Корея, с 2006 г. особой целью стало продвижение продуктов «корейской волны» в России.

В настоящее время в Республике Корея сформировался мощный инструмент продвижения «мягкой силы». Важнейшим фактором успеха политики «мягкой силы» Республики Корея является определение четких целей сотрудничества по каждому из направлений: продвижение традиционной культуры и поп-культуры, продвижение языка, экспорт образования и поддержку диаспоральной политики. С момента установления дипломатических отношений между Республикой Корея и Россией в 1990 г. российско-южнокорейские связи охватила практически все сферы сотрудничества: создана договорно-правовая база двустороннего взаимодействия, заключено более 50 соглашений, в том числе о культурном обмене, о безвизовом пребывании граждан и т. д. Таким образом, сбалансированное сочетание различных направлений и инструментов сотрудничества, учет интересов стран-партнеров, целенаправленная работа с будущими элитами и поддержание позитивного имиджа страны в различных сферах формирует основу для увеличения влияния Республики Корея как в России, так и во всем мире в целом.

Список использованной литературы

1. *Асмолов К. В.* Современная ситуация и проблема феномена «Корейской волны». URL: <http://makkawity.livejournal.com/819307.html> (дата обращения 01.05.2017).
2. *Ким Е. В.* Корейцы Сибири: Этносоциальные и этнополитические процессы в XX-XXI вв. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. 2015. С. 79–81.
3. Заседание Российско-корейского бизнес-диалога. URL: <http://www.krem-lin.ru/news/19610> (дата обращения 04.05.2017).
4. Официальный сайт Korea Foundation. URL: <http://ru.kf.or.kr> (дата обращения 04.05.2017).

5. Суслина С. С. Россия — Южная Корея: Достижения и резервы экономического сотрудничества // Азия и Африка сегодня. №8. 2015.
6. Федеральное агентство по туризму URL: www.russiatourism.ru (дата обращения 01.05.2017).
7. *Ih-Prost O., Bondaz A.* South Korea trying to improve its Nation brand // Korea Analysis. 2014. Vol. 1.
8. Korea Foundation annual report. Korea Foundation, 2015. P.79. URL: <http://ru.kf.or.kr> (дата обращения 04.05.2017).
9. *Nye J.* Soft Power // Foreign Policy. Twentieth Anniversary, 1990. P.153–171.
10. *Nye J.* The Meaning of Soft Power. URL: https://www.ted.com/talks/joseph_nye_on_global_power_shifts?language=ru (дата обращения 02.05.2017).
11. *Nye J.* South Korea's Growing Soft Power // Project-Syndicate. 2009. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/south-korea-s-growing-soft-power/russian> (дата обращения 02.05.2017).
12. *Sook-Jong Lee.* South Korea's Soft Power Diplomacy // Issue Briefing. 2009. No. 01. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/136823/200908061729956.pdf> (дата обращения 05.05.2017).
13. *Tae Young Kim, Dal Yong Jin.* Cultural Policy in the Korean Wave: An Analysis of Cultural Diplomacy Embedded in Presidential Speeches // International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 5514–5534
14. The Soft Power 30. URL: <http://softpower30.portland-communications.com/ranking/> (дата обращения 05.05.2017).
15. Transparency International. URL: <http://www.transparency.org> (дата обращения 02.05.2017).

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ В ЮЖНО-КОРЕЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ¹

Анализ различных сегментов современного корейского кинематографа позволяет утверждать, что для него весьма актуальны темы религиозных идеологий, мировоззренческого выбора, религиозных ценностных ориентиров индивидуальной жизни и биографии. В пользу этого свидетельствуют, как фильмы, созданные в контексте пропагандистской деятельности христианских миссий в Южной Корее, так и ленты, снятые модными режиссерами современной киноиндустрии. В контексте наших исследований особый интерес представляют те режиссеры и картины, которые получили широкую известность в России и на Западе, поскольку они делались сразу в расчете на широкое мировое прочтение, на открытие Южной Кореи неазиатскому миру. В их число попадают такие режиссеры, как Пак Чхан Ук, Ким Ки Док, Ли Чан Дон. Именно эти три завоевали современному южнокорейскому кинематографу репутацию артхаусного кино или кино новой волны. Фильмы этих режиссеров, затронувших напрямую тему религиозной составляющей современного человека, стали самыми обсуждаемыми как в Южной Корее, так и во всем мире. Речь идет о следующих фильмах — «Тайное сияние» (2007) Ли Чан Дона, «Жажда» (2009) Пак Чхан Ука и «Весна, лето, осень, зима...и снова весна» (2003) Ким Ки Дока.

В перспективе обсуждения осмысления дискурса о роли религиозных идеологий и их месте в современности Республики Южной Кореи наибольший интерес представляет картина «Весна, лето, осень, зима...и снова весна» режиссера Ким Ки Дока (Ким Ки Док 2003). Две другие представляют собой попытку критического философского осмысления христианских ценностных ориентиров — лента «Тайное сияние» и даже гротескного зеркального дезавуирования христианских религиозных профессионалов — «Жажда». Фильм Ким Ки Дока интересен тем, что в фокус его анализа попадает вопрос о выборе пути современным человеком через обращение к традиционному для культуры и истории Кореи буддизму.

---

¹ This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

В настоящей статье я предлагаю читателю обратиться к дискурсу-анализу фильма Ким Ки Дока «Весна, лето, осень, зима...и снова весна», снятого в неожиданного для этого конкретного режиссера манере эпического нарратива. Я попытаюсь средствами социологического анализа ответить на вопрос — о чем текст фильма или каков его дискурс? В качестве методологической рамки анализа мною был избран процедурный алгоритм Нормана Фэркло².

Фэркло подчеркивает в своих работах необходимость рефлексии о тех интерпретациях, которые есть плод мировоззрения или политических убеждений ученого (Fairclough, 1996, p. 167). В моем случае речь следует вести о глубоком научном знании в области буддологии по истории, доктрине и символике буддизма. Стремясь по возможности профилировать вчитывание в кинотекст собственных знаний по буддизму, я применила контент-анализ для установления текстов ключевых героев, их реплик и эпизодов.

Еще одним важным методическим ориентиром по Фэркло должно служить различие дискурса от жанра и стиля. Согласно Фэркло, дискурс — это специфический способ презентирования определенных аспектов социальной жизни (Fairclough, 2003, p. 17, 33). Таким образом, в своем рассмотрении я оставляю за рамками анализа жанр и стиль режиссера, а концентрирую внимания на специфическом способе говорения о южнокорейском буддизме. В этой перспективе я ставила перед собой задачу выявления узлового дискурса фильма и ключевых идеологем.

В самом начале анализа было подсчитано, сколько раз в кадре появляется тот или иной персонаж фильма, каков хронометраж пребывания в кадре в течение ста минут. Таким образом мною были выявлены главные герои текста. Следующей задачей стало установление ключевых эпизодов, реплик и символов. Ключевые эпизоды были отождествлены с помощью анализа протяженности эпизодов, редупликации кинотекста, визуальных посланий и метафоричности кинонарратива.

В классическом кинонарративе значительная роль в передаче дискурсов отдается диалогам и музыке. Специфика артхаусного кино состоит, в частности, и в том, что режиссеры часто отказываются от музыкального сопровождения фильма, а некоторые из них — и от диалогов между героями. Большинство фильмов Ким Ки Дока как

---

² Подробный разбор процедуры дискурс-анализа по Н. Фэркло см.: *Островская Е. А. Дискурс-анализ «Левиафана»: православная идеология в артхаусном кино» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные проблемы. 2017. № 2 (138). С. 211–232.*

раз относится к разряду неразговорного кино. Более того, участниками полотна кинотекста, транслирующими разнообразные смыслы, оказываются не только люди, но и животные, предметы, скульптуры и прочее. Репликами наделены лишь ключевые герои или даже кто-то один из них. В таком контексте первое, с чего следует начать, так это семантический контент анализ текстуры фильма. И здесь в качестве начальных семантических единиц следует взять персонажей, вещи/символы, животных и посмотреть, какова в цифрах частотность их появления в кадре. Далее надлежит отследить продолжительность хронометража общих эпизодов для выявленных ключевых персонажей, вещей, животных. Если в фильме есть реплики, представляющие собой распространенные предложения, презентующие смыслы, то важно соотнести их с главными персонажами. После того, необходимо выявить редуцированные эпизоды и посмотреть, кто в них главные участники. Завершающим этапом является анализ содержания визуального содержания текста — семантически говорящие эпизоды маркированы здесь присутствием в них животных/вещей-символов, редуцированность.

Итак, по результатам контент-анализа оказалось, что, если ранжировать персонажей и символы киноленты по количеству раз их появления в кадре, то обнаруживается 4 главных героя. Это — ученик (85 раз), монах (55), девушка (25) и статуя Будды (21 раз).

Ниже я представлю анализ продолжительных по хронометражу удваивающихся эпизодов и тех, которые оказались ключевыми в силу наличия в них говорящих символов. Однако прежде считаю важным обсудить ключевые фразы кинотекста. И здесь отдельно следует отметить тот факт, что в классическом нарративе кинолент подсказки для зрителя содержатся в звуковом сопровождении и диалогах разнообразных героев. В артхаусном кино, если в киноленте и содержатся фразы, то они с необходимостью представляют тезисы об основном дискурсе. В случае с анализируемой картиной развернутые реплики даны лишь одному персонажу — пожилому монаху. Рассмотрим вербальный контекст картины подробнее.

Из четырех главных героев реплики есть у троих — монаха, ученика и девушки. Однако семантически прегнанный текст вложен лишь в уста монаха. В каждом значимом сегменте кинонарратива тезисы, озвучиваемые монахом, преподносят определенное заключение. Так в первом эпизоде — «Весна» присутствует разговор между монахом и его учеником мальчиком-послушником. Но разговор лишь о текущих действиях — поездке на лодке в лес за целебными травами. Собственно, важное заявление дано наставником ближе

к концу эпизода, когда мальчика-ученик просит освободить его от камня, привязанного к его спине монахом. В ответ наставник требует признаний в издевательствах над рыбой, лягушкой и змеей и требует их освободить (мальчик до того привязал к каждому из перечисленных камешек, препятствующий их движениям). В этом требовании содержится своеобразное пророчество: «...если кто-то из них умрет — рыба, лягушка или змея — ты будешь носить камень на сердце до конца своих дней» (хронометраж 14:22–14:35).

Во втором периоде нарратива — «Лето» — присутствую все четыре главные герои фильма, трое из которых имеют реплики, но лишь в уста монаха опять вложен дискурсивно значимый текст. Комментируя поступок ученика, — сексуальную связь с девушкой, привезенной в монастырь в целях излечения от недуга, — он воспроизводит тезис идеологически значимой буддийской доктрины об аффектах. В ответ на просьбу ученика о прощении — «Я поступил дурно, простите, Учитель!», монах говорит: «Это произошло само по себе — такова природа». Далее ученик просит оставить излеченную девушку жить в монастыре. И вот здесь ответ таков: «Похоть рождает желание обладать. А это желание — пробуждает намерение убивать!» (хронометраж 47:43 — 47:46).

В третьем периоде картины — «Осень» — монах предотвращает самоубийство ученика и затем в наказание отхаживает его палкой со словами «Безмозглый юнец! Безмозглый юнец!». Далее монах, взяв в руки белого кота, обмакивает его хвост в черную краску и начинает чертить на помосте перед храмом иероглифы канонического текста «Праджняпарамиты-сутры». Это свое действие он сопровождает лишь одной репликой, адресованной ученику: «Хотя ты легко убиваешь других, тебе самому не удастся уйти легко. Вырежь ножом эти иероглифы и, вырезая ножом каждый из них, изгоняй гнев из своего сердца» (хронометраж 1:04:54–1:05:20). Когда вскоре приходят полицейские арестовать ученика, убившего свою жену и прячущегося от погони в монастыре, монах приказывает ученику продолжать работу. Более в тексте никаких словесных фрагментов не содержится.

Содержательный анализ приведенных выше фраз кинотекста позволяет утверждать, что узловым дискурс киноленты — это осмысление нормативности социального действия в рамке буддийской доктринальной системы. В фокусе режиссерского внимания такие базовые составляющие любой биографии, как обстоятельства, в которые рожден человек, осознанность или неосознанность выбора целей деятельности (ценностных ориентиров), вера и неверие как прагматика деятельности, грех, мировоззренческая рамка жизнен-

ного пути. Принципиально важно, что Ким Ки Док воспроизводит здесь дискурсивную специфику буддийской морали — принципиально важны аффекты и их соподчиненность в мотивации хороших или плохих по последствиям (кармическому следствию) поступков. Так, даже не преднамеренное убийство живого существа, мотивированное пусть и детской непромысленной жестокостью, оставляет кармический след. Похоть и глупость трактуются как присущие определенному возрасту и не греховные. А вот уже осознанное упорствование в глупости и похоти влечет за собой новую серию аффектов и дурных действий. Методом исправления, содеянного выступает психотехническая практика, нацеленная на успокоение сознания, очищение его от аффекта ненависти. Именно такие содержания дискурса разворачивает режиссер средствами редупликации и символическими визуализациями.

Как уже говорилось выше, установлению ключевых эпизодов для каждого из героев способствовало выявление редупликаций кинотекста. Редулицированными оказались следующие сегменты текста: мальчик-ученик, издевающийся над рыбой, лягушкой, змеей в первом периоде киноленты — «Весна» и в последнем — «И снова весна»; сидение ученика/девушки на ритуальном сакральном льве — «Весна», «Лето»; паломничество ученика с камнем на спине в первом периоде киноленты — «Весна» и в четвертом — «Зима»; уход и возвращение скульптуры Будды — «Лето», «Осень»; написание иероглифов «закреть» в периоде «Осень». Кроме того, необходимо было выявить эпизоды, общие для разных героев или героев и символов. Анализ хронометража показал, что наиболее протяженными являются сцены, общие для ключевых героев, и редулицированные эпизоды. И здесь необходимы комментарии.

Удвоение сегментов кинотекста — прием, часто используемый во многих жанрах подсистемы искусства для маркирования семантически нагруженных посланий. Принципиально важно отметить, что в удвоенных эпизодах присутствуют не только люди, но и объекты, причем символически нагруженные. Так, эпизод начала и концовки фильма, в котором мальчик-ученик играет с рыбой, лягушкой и змеей, привязывает каждой из них поочередно камешек, препятствующий их движению и приводящий к их гибели. И речь здесь не столько о детской жестокости, сколько о буддийском принципе «непричинения вреда живым существам» (ахимса). И рациональность этого принципа разворачивается так — убивать нельзя, поскольку любое живое существо могло быть твоей матерью в прошлой жизни. Ким Ки Док усиливает этот месседж, предлагая также и симво-

лическое воплощение: рыба в буддизме является символом Будды, лягушка — символ бессмертия и персонаж буддийской мифологии, змея — символ гнева, если изображена в центре мандалы, воплощающей мир, и положительный герой буддийской мифологии.

Эпизод «Весны», в котором мальчик-ученик спит, возложив ногу на сакрального скульптурного льва (9:26–9:29), удвоен в «Лете», когда приехавшая на лечение мирянка-девушка также использует сакральное скульптурное изображение не по назначению. Во втором эпизоде юноша-ученик сначала сгоняет девушку (29:13–29:29), ссылаясь на возможное неудовольствие монаха-наставника. Однако позже он сам подставляет ей статую сакрального животного-защитника храма для прозаического сидения на нем как на скамеечке (42:58–43:12). Во всех описанных случаях семантика режиссерского послания об изначальном отсутствии веры у двух ключевых героев — ученика и девушки. Действуя по инерции обстоятельств, они молятся и обнаруживают себя в буддийском монастыре, но на уровне тела и разума буддийское учение их так еще и не тронуло, они не являются его адептами.

Следующий редуцированный сегмент — паломничество ученика с камнем на спине в первом периоде киноленты (16:31–20:58) и во втором (1:31:56–1:38:26). Оба эпизода весьма весомы по хронометражу и содержат набор семантических единиц, содержательно важных для узлового дискурса киноленты. В первом периоде «Весна» мальчик-ученик идет в лес с камнем на своей спине, привязанным его наставником. Ученик отправляется по приказу монаха, потребовавшего освободить рыбу, лягушку и змею от смертельного бремени. В данном контексте действие ученика по нормативным предписаниям буддизма является не добровольным и вынужденным, как и его пребывание в уединенном монастыре. В периоде «Зима» возмужавший ученик, отсидевший в тюрьме за убийство и добровольно вернувшийся в горный храм, осознанно взваливает на себя бремя обетов буддийского послушания. Это «бремя» и символизирует камень, который ученик теперь уже сам привязывает к своему торсу, чтобы взобраться на самую высокую точку местности. Ключи к пониманию здесь — камень, привязанный к спине, и статуя бодхисаттвы Кваным в руках героя. Оба символа призваны отослать к своим трактовкам в рамках буддийской картины мира. А в ней — принятие обетов Бодхисаттвы трактуется как серьезное бремя, взваливаемое продвинутым адептом на себя во имя пользы всех живых существ. Кроме того, принятие обетов Бодхисаттвы оз-

начает еще и выбор пути махаянского буддизма, предполагающего союз монахов и мирян.

Еще один значимый удвоенный сегмент кинотекста — уход и возвращение скульптуры Будды — «Лето», «Осень». В периоде «Лето» ученик, осознанно принявший решение покинуть монастырь и отправиться в мир вслед за своей возлюбленной, забирает с собой скульптурное изображение Будды (50:17–51:14). Это изображение с самого начала фильма представлено как главное алтарное достояние храма. В периоде «Осень» беглый убийца, бывший послушник горного монастыря, возвращается к своему наставнику в поисках укрытия от преследующей его полиции. Предметы, которые он приносит с собой в сумке — окровавленный нож, которым он зарезал свою супругу, и статуя Будды, принадлежащая храму (58:15–58:45).

Скульптурное изображение сидящего Будды характерно как символизация классического буддийского пути монахов — хинаяны. Речь идет о пути отшельническом, полностью отрешенном от мира с его содержанием и безразличном к нему. Именно этот путь оказался первой социокультурной рамкой, в которой обнаружил себя ученик-послушник, живший в уединенном горном монастыре с монахом-наставником. И этот путь одиночного спасения не был им избран осознанно и столь же бездумно в определенных обстоятельствах ученик отрекся от него. Таким образом, возвращение статуи Будды обратно в отшельническую обитель наставника маркирует отвержение учеником этого пути. Но отвержение открывает простор для вопросов и нового поиска мировоззренческой рамки, потому как в ситуации бегства он тем не менее приходит туда, откуда когда-то ушел.

И, наконец, еще один редуцированный семантический сегмент — тройственное написание иероглифа «закрыть» и наклеивание его на глаза, уши и рот. Принципиально отметить, что этот сегмент кинотекста удваивается в контексте одного и того же периода нарратива «Осени». Первый раз написание иероглифа производит ученик, принявший решение убить себя. Сев напротив статуи Будды, он пишет на трех бумажках иероглиф «закрыть», приклеивает их к глазам, ушам и рту и останавливает дыхание (1:01:08–1:02:04). Однако действие не доведено им до конца, учитель, услышав странные звуки, врывается и отхаживает его палкой. Второй раз иероглиф «закрыть» пишет уже сам монах, чувствующий приближение своей физической смерти и желающий уйти в соответствии со своим осознанным выбором. Он делает важные для дальнейшего нарратива приготовления — приводит в порядок монашеские одеяния, со-

бирает ритуальные предметы и складывает все это аккуратно перед входом внутри храма. Он наполняет лодку дровами, под которыми зажженная лучина, садится сверху и наклеивает три куса бумаги на глаза, уши и рот. «Осень» заканчивается эпизодом самосожжения монаха-наставника, следовавшего одиночным путем отшельника, стремящегося к индивидуальному просветлению. Этот удвоенный сегмент не может быть понят вне доктринальных буддийских содержаний. И в данном случае совершенно отчетливо в предмете осмысления — принятие обета «трех врат».

Обет «трех врат» является обязательным как для любого, принимающего буддизм неофита, так и для продвинутого адепта. Содержанием обета выступает закрытие врат ума/сознания, речи и действия для проникновения греховных с точки зрения буддийской доктрины мотивов и помыслов деятельности. В случае ученика написание и наклеивание лоскутов бумаги с иероглифом «закрыть» означает самое первое приближение к сути буддийского учения. В ситуации отчаяния и невозможности справиться с аффектами он наклеивает написанные иероглифы как маркер и желания следовать, и констатации факта того, что не справился и отверг путь. В случае с учителем этот сегмент (1:17:04–1:18:42) указывает на преданность осознанно выбранному пути монаха-одиночки, отшельника, завершающего телесное существование в сансаре, возможное достижение конечной цели буддийского пути.

Обратимся теперь к анализу самых протяженных по хронометражу эпизодов. Один из самых продолжительных начальных эпизодов — монах и ученик едут в лодке по озеру, а на боку той лодки оказывается изображение Бодхисаттвы Кваным с ребенком на ладони — длится 10 минут. На протяжении всего времени не произносится ни слова ни одной из сторон. Однако из сочетания представленных позиций — монах, его ученик-мальчик, изображение женской ипостаси Бодхисаттвы Авалокитешвары явствует смысл, не требующий озвучивания. Бодхисаттва Авалокитешвара в своей женской ипостаси считается в корейском буддизме наряду с прочим подателем детей. В настоящем контексте соединение трех компонентов призвано отослать к буддийской идеологеме учитель — ученик — связь, отстраивающаяся по аналогии с отношениями отца и сына. Еще один важный компонент этого сообщения состоит в том, что эту связь маркирует именно Авалокитешвара, характерный для пантеона махаянского буддизма.

Следующий продолжительный эпизод, общий для нескольких ключевых героев, — написание цитаты из сутры Праджняпарамиты

на деревянном помосте перед храмом и последующее сначала вырезание, а потом цветное раскрашивание иероглифов этой цитаты. Продолжительность эпизода — 6 минут, причем заняты в процессе и монах, и ученик, и явившиеся арестовать ученика полицейские. В буддизмах всех направлений текст сутр Праджняпарамиты признается в качестве обязательного к изучению и выучиванию, поскольку именно в нем содержится подробное разъяснение относительно конкретных методов спасения, или преобразования сознания в направлении выхода из сансары.

Еще один столь же протяженный эпизод — заключительный эпизод четвертой части — «Зимы» — паломническое восхождение зрелого ученика, после всех испытаний, на скалу со скульптурой Кваным в руках (протяженность — 9 минут). Принципиально здесь и то обстоятельство, что на это «восхождение» он решается лишь после того, как у него неожиданно появляется мальчик, принесенный матерью в монастырь и оставленный в нем. К кардинальному решению его, бывшего ученика-послушника подтолкнули события той ночи, когда женщина с закрытым лицом приносит ему в храм своего ребенка, оставляет в нем и ночью, пытаясь тайно покинуть обитель, погибает. Главный герой трактует это как указание на необходимость сделать последний решительный шаг и принять на себя обет Бодхисаттвы, самому стать монахом-наставником, передающим традицию.

Бодхисаттва Кваным незримо присутствует и в эпизоде с появлением ребенка. Лицо матери малыша завязано таким образом, что в различных ракурсах напоминает изображение Кваным (1:26:42–1:30:01). Очевидно, что и здесь Бодхисаттве-подателю детей отдана превалирующая роль. В таком контексте становится понятным, что гибель женщины здесь следует читать не буквально, а лишь как отсылку к значению обретения наследника традиции, нового ученика. Паломничество главного героя на самую высокую скалу местности с целью установления там скульптурного изображения Бодхисаттвы Кваным являет вторую значимую идеологему буддизма — принятие обетов Бодхисаттвы — главная цель махаянского буддизма. Именно в буддизме махаяны традиция, связующая учителя и ученика, обретает своего ключевое значение.

Необходимо отметить, что Кваным появляется и в финальном эпизоде фильма. Там эта скульптура показана в заведомо преувеличенном формате, сидящей на самой высокой точке местности и созерцающей мир. И в этом отчетливо просматривается послание режиссера — буддийская традиция является тем незримым про-

странством и хронотопом, к которому Корея может всегда вернуться в ситуации осознанности своего мировоззренческого выбора. В пользу такой трактовки свидетельствует воспроизведенная в конце космограмма мира — крохотная долина, островок в огромном массиве воды, окруженный скалами и охраняемый Бодхиссатвой милосердия, корейским Кваным.

Подводя краткий итог рассмотрению, отмечу, что проведенный дискурс-анализ нарратива кинотекста позволяет утверждать, что узловой дискурс посвящен рассмотрению буддизма как традиционной для корейской культуры религиозной и мировоззренческой рамки. Режиссер-католик полагает, что мировоззренческий выбор корейского общества лежит в плоскости исторической религиозной традиции, в которую всегда можно вернуться и ресурс которой способен оказать поддержку в ситуации отчаяния и выбора.

Список использованной литературы

1. *Ким Ки Док*. Весна, лето, осень, зима и снова весна. 2003. Интернет-ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=Shu1GW4UVZA> (дата обращения 2.12.2017).
2. *Островская Е. А.* Дискурс-анализ «Левиафана: православная идеология в артхаусном кино» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные проблемы. 2017. № 2 (138).
3. *Fairclough N.* Language and Power. New York: Longman Inc. 1996.
4. *Fairclough N.* Analysing Discourse. Textual analysis for research. New York, London, 2003.

КОМПЕНСАТОРНЫЙ ЭФФЕКТ КОРЕЙСКОЙ ДОРАМЫ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ АУДИТОРИИ)

Корейские дорамы в России известны более чем десять лет, и за это время они обрели тысячи последователей, сегодня это важный пункт культурного потребления и межкультурной коммуникации. Исследования современного корейского культурного продукта, и дорам в частности, представлены в российской науке достаточно полно [Гармаханов, 2013]. Преимущественная часть работ посвящена внешним эффектам «корейской волны» — этнокультурному брендингованию, развитию туризма, экономическому подъему. Значительно меньше исследователей обращаются к внутреннему аспекту данного культурно явления, его непосредственному контакту с аудиторией. На наш взгляд, изучение современного корейского культурного продукта важно осуществлять не только с точки зрения его глобальных эффектов, но и воздействия на личность человека в процессе коммуникации. Такой подход позволяет открыть новые перспективы в понимании специфики современного корейского продукта и его популярности в условиях России.

Массовая культура является элементом современной культуры, исполняющим множество функций, направленных на целостность и стабилизацию общества в индустриальную и постиндустриальную эпохи. Компенсаторная функция массовой культуры заключается в ее способности оказывать помощь в преодолении стресса реальной жизни путем обращения к иррациональным механизмам. Эта функция сосуществует рядом с рекреационной, но в большей степени основывается на психологическом состоянии человека и разрешении внутренних конфликтов. Механизм компенсаторного эффекта массовой культуры определяется сущностью и временем ее появления и может быть описан через следующие характеристики:

- *Массовая культура объясняет современный усложняющийся мир простым языком архетипов.* Генетические связи с народной культурой позволяют культуре массовой обращаться к таким фундаментальным категориям как архетипы. При этом сохраняется специфика архетипического побудительного воздействия на человека, а также способность к струк-

турированию сложного мира и разложению его на имманентные мирозданию категории.

- *Массовая культура встраивает гетерогенные явления современности в целостную структуру мифа на принципах детерминированности.* Указанная выше генетическая связь позволяет массовой культуре организовывать современное мифологическое поле. В его пределах новый тип мифа продолжает объяснять сложные и непонятные явления современности через простые отношения (например, «свой»-«чужой») и связи (например, прямые причинно-следственные зависимости). Тем самым достигается ощущение спокойствия и способности понять и противостоять сложной реальности. Современный Ренессанс мифа исследователи связывают с ответом бессознательного на повышение рациональности в мире.
- *Язык массовой культуры позволяет выстраивать эффективную коммуникацию с аудиторией.* Кроме внутренней ориентированности на мифологическое мышление архетипами, актуальность массовой культуре обеспечивает и специфический способ коммуникации с аудиторией, который ориентирован на быстроту производства, получения и обработки новой информации, эмоциональность, понятность и доступность. А. В. Федоров [Федоров, 2007] выделяет следующие принципы успеха массовой культуры: ответ на реальные запросы аудитории, упор на «сильные» жанры, многосерийность, эмоциональные перепады, зрелищность, упрощение, стандартизация, использование языка «авторских произведений»
- *Ориентация на специфического рода катарсис.* Несмотря на то, что понятия «эстетическое» и «массовое» долгое время считались противоположностями, сегодня ведутся продуктивные исследования их взаимодействия. Одни авторы говорят о наличии особой эстетической системы массовой культуры, а другие даже замечают следование массовой культуры упрощенным и адаптированным принципам античной эстетики.
- *Простой способ получения и освоения информации.* Массовая культура оперирует «имиджами» [12] — устойчивыми смысловыми категориями, в которых в общей форме представлена необходимая информация, другими словами, человеку

предлагается мыслить «упрощенными версиями жизни». Это оказывается очень полезным, когда скорость социальных изменений быстро возрастает и требует беглого ориентирования и легкой адаптации к новым условиям. Улавливая «общий смысл» через концентрированное послание, аудитория массовой культуры существенно сокращает затраченное время на понимание, а специфика устойчивого имиджа сводит к минимуму разночтения смысла, устанавливая общепринятую норму.

Приведенные характеристики свидетельствуют о том, что в основе массовой культуры лежат принципы таких культурных форм, которые веками выполняли компенсаторную функцию, помогая человеку ориентироваться в мире. Для того, чтобы быть востребованной, массовой культуре необходимо предлагать способы эмоциональной разрядки и освобождения, столь востребованные в усложняющемся и меняющемся мире. Язык, который массовая культура использует в процессе коммуникации с аудиторией, способствует тому, чтобы культурный продукт был максимально воспринят и усвоен.

Однако, для реализации компенсаторной функции массовой культуры недостаточно только ее возможностей, так как еще необходимо наличие соответствующего запроса, удовлетворение потребности которого позволяет получить эмоциональный отклик у аудитории. Действительно, массовая культура сегодня существует в бесчисленном количестве форм, и все они имеют свою специфическую аудиторию и способы коммуникации с ней. То, что является актуальным для одной группы, для другой предстанет информационным шумом и пустым по содержанию набором выразительных средства. Другими словами, компенсаторный эффект массовой культуры способен реализоваться только тогда, когда у аудитории существует проблемы эмоционального или другого планов, которые возможно решить имеющимися средствами.

Суждения относительно компенсационного эффекта массовой культуры противоречивы. Одни исследователи утверждают, что он способствует оскудению личности и эскейпизму в «пластмассовый мир», другие — что он является закономерным следствием развития индустриального общества и адекватным средством снятия все нарастающего психического и эмоционального напряжения. Действительно, если выдуманный мир начинает преобладать над реальным, то процесс социализации рушится и это влечет за собой серьезные

личностные проблемы. Если механизм срабатывает правильно, то достигается эффект компенсации или сверх компенсации, и человек преодолевает сложный момент в жизни. Однако можно однозначно заявить, что без наличия адекватных способов компенсации развитие личностного кризиса, психологического и эмоционального перегруза будет неизбежно.

Далее будет рассмотрено проявление компенсаторной функции корейской драмы как продукта массовой культуры. Итак, реализация компенсаторной функции может быть значительным фактором популярности дорам, так как базируется он на глубинах человеческой психики. Кроме того, данное исследование позволит обнаружить существующие основания для развития потребности в компенсации на реалиях России. Все это актуализирует вопрос исследования проявлений компенсаторного эффекта корейской драмы на российском поле.

Рассмотренная проблемная ситуация позволяет сформулировать цель исследования следующим образом — обнаружить основания функционирования компенсаторного механизма корейской драмы как одного из факторов популярности в российской среде.

В качестве методологии был выбран первичный качественный анализ данных, так как он позволит определить наличие или отсутствие чего — либо в еще неизвестном исследовательском поле. Отказ от опроса или интервью был обусловлен стремлением нивелировать эффект предопределенности, снизить влияние исследовательской позиции и снять напряжение при разговоре на эмоциональные темы. Эмпирическим материалом выступили 100 оценочных эмоциональных высказываний членов фан-групп корейских дорам, взятых из открытого информационного источника (vk.com). Случайная выборка определена разведывательным характером исследования, когда его предмет еще мало изучен и требуется получение первичной информации.

По результатам изучения высказываний, были выделены следующие тематические коды: отношения, дружба, самореализация, выход из стресса, эмоции, интерес (ряд высказываний содержит более одного тематического кода).

В категорию **«эмоции»** (34 высказывания) отнесены суждения о дорамах как источнике эмоций, возможности научиться переживать собственные эмоции и справляться с ними:

«Когда я смотрю корейские сериалы, то я чувствую, что мое сердце бьется, что я живу», «это мои эмоции, я не могла их

выражать и вообще ненавидела романтику, а посмотрев драмы я поняла, что это не так».

В категорию **«выход из стресса»** (28 высказываний) определены суждения о дорамах как антидепрессанте, способе пережить критическую ситуацию, справиться с психологическими трудностями.

«А я просто снимаю стресс», «включаю драму, она лечит меня, дает советы, успокаивает, я забываю о своих проблемах, своих переживаниях, своих обидах», «когда меня ругают или мне плохо, я смотрю смешные драмы и начинаю смеяться, и все как рукой снимает», «они поднимают настроение, когда плохо, и дают расслабиться, когда устала», «лекарство при стрессах».

В категорию **«интерес»** (27 высказываний) вошли суждения о дорамах, как источнике информации о другой стране или просто интересном времяпрепровождении:

«Новый, отличный от американского, сюжет и взгляд на привычные явления», «сериалы очень легкие, искренняя игра актеров, хорошая музыка», «я влюбилась в Корею и корейцев по дорамам — такие они настоящие, живые, искренние, просто восхищаюсь постоянно», «интересны язык, традиции, культура корейцев, их отношение к старшим».

К категории **«гендерные отношения»** (26 высказываний) отнесены суждения о значимости драм в демонстрации отношений между полами.

«Любовь в дорамах всегда чистая, наивная, полно романтики», «в корейских сериалах отличный от западного взгляд на отношения между мужчиной и женщиной», «очень мало в жизни женщины видят по-настоящему сильных мужски, поступков ради любви, особенно сейчас», «много романтики даже в мелочах у корейцев показано».

В категорию **«самореализация»** (21 высказывание) включены суждения, указывающие на значимости драм для развития личности, изменении отношения к жизни или ее аспектам.

«Моя жизнь стало намного лучше, ярче, я стала любить жизнь еще больше чем когда-либо», «эта драма нашла смысл моей жизни, жить так чтобы ты в конце не жалел о том как ты прожил эту жизнь», «значит нужно стать психически сильнее», «когда посмотрела драму, решила пойти на учителя литера-

туры, теперь учусь в педуниверситете на филолога, дорамы изменили мою жизнь», «меня настолько затянуло, что мир вокруг стал меняться, но мне кажется, что все же меняться стала я».

В категорию «общение» (6 высказываний) отнесены суждения о значимости дорам в изображении межличностных отношений или их построении на основании общего интереса.

«Искренняя дружба», «по-другому начала уважать друзей детства», «в реальной жизни разве часто встретишь такую дружбу», «да, мы действительно семья, и как в семье у нас разные вкусы, разные предпочтения, но мы одно целое».

По результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

- 1) На первом месте по процентному соотношению ответов находится категория «эмоции», что соотносится с основным назначением массовой культуры компенсировать отсутствие эмоций повседневности.

«Мои самые положительные эмоции», «ночь, эмоции, впечатления», «они предают много эмоций», «еще рыдать и хохотать пока живот не заболит».

- 2) Близко по теме и по количеству высказываний к категории «эмоции» находится категория «выход из стресса», что демонстрирует потребность в его преодолении и отсутствие средств для других способов его снятия.

«Стаж 5 лет и действительно дорамы лечат от проблем», «я люблю дорамы, потому что они поднимают настроение, когда грустно... задают цель в жизни... и просто, потому что именно они появились и принесли радость в мою жизнь, когда совершенно не хотелось жить».

Так как основной аудиторией являются подростки и молодежь, то значимость действия дорам как антидепрессанта определяется еще и психологическими особенностями данного возраста, в частности, не умение справляться с эмоциями и депрессиями.

«Дорамы это мир в котором можно укрыться от реальных проблем», «это мир, куда я могу на время свалить от суеты мирской и окунувшись в нее отдохнуть от всех забот», «раньше я много страдала если честно, плакала часто ночами».

Дорама в этом случае выступает как способ компенсации чрезмерного эмоционального и психологического напряжения и разрядки. В таком случае она встает в ряд с другими способами подросткового снятия стресса и социализации — субкультурами и т. д.

- 3) Достаточно представленной оказалась категория «интерес», которая не подразумевает под собой четко выраженную потребность в компенсации. В данном случае драмы представляют собой выражение рекреационной и информационной функций.

«другая культура, совсем отличающаяся от нашей, всегда была мне интересна», «гуляю» по разным странам мира»

- 4) Еще одной спецификой подросткового восприятия жизни, проявленная в данном исследовании — потребность в получении информации о гендерных отношениях. В данном случае респонденты ярко демонстрирует выбор романтических и традиционных стратегий поведения. Так же четко проявляется разница в построении отношения по западной и восточной модели.

«Нравится наивность и чистота отношений, которую показывают в дорамах, чего нет в европейских и особенно в американских фильмах и сериалах», «мы верим в чудеса, в вечную и верную любовь, мы попадаем в их сказочную историю, мечтаем, любимся и восхищаемся».

- 5) Респонденты отчетливо прослеживают связь между началом просмотра дорам и личностными изменениями, в том числе и связанными с выбором жизненной стратегии.

«Просмотр дорам делает меня немного счастливей и дополняет мою жизнь», «я настолько полюбила Корею, что начала учить язык... начала вести себя также, как и корейцы...и просто живу с этим», «мне 11 лет и дорамчик я примерно год... но мне кажется, что из-за дорам я как-то повзрослела», «сейчас я стала тверже, когда кто-то пытается меня задеть я реагирую совсем иначе, меня трудно вывести из себя, трудно заставить ненавидеть кого-то».

Данный факт может свидетельствовать о недостатке других образцов в повседневности, которые имеют большое значения на этапе формирования личности.

«я оплатила учебу и уехала в Сеул на три месяца...мне там так понравилось...сейчас тужусь, хочу на след.год уехать туда и не возвращаться...кто там побывал, меня поймут, там настолько все гармонично и дружелюбно», «именно герои дорам стали для меня примером терпения, доброты, настоящей дружбы, любви и смелости».

- 6) Наименее в данной выборке представлена категория «общение», однако упоминание при этом возможности выстраивания реальных межличностных связей в контексте фан-среды является важным результатом.
- 7) В высказываниях разных категорий неоднократно упоминались «красивые» элементы дорам — актеров, музыки, сюжета. Для молодых людей с обостренным в данном возрасте эмоциональным и эстетическим восприятием, оказывается важным соответствие культурного продукта внутреннему ощущению прекрасного. С другой стороны, это может демонстрировать недостаток проявления эстетического в окружающей их повседневности.

Таким образом, в целом поклонники дорам демонстрируют характерное поведение молодых людей на этапе личностного становления и активной социализации, что позволяет сделать вывод о закономерности увлечения дорамами как мощным средством адаптации и рекреации. Отдельно хочется отметить тот факт, что в ряде случаев был замечен не только компенсаторный, но и терапевтический эффект (выбор социально значимой профессии, осознание потребности в самосовершенствовании, повышение языковых и коммуникативных навыков).

В заключение можно сказать, что выявленные тематические категории позволяют установить наличие внутренних потребностей в определенном сегменте российской молодежи, что открывает новые перспективы для понимания ее особенностей и существующих проблем.

Список использованной литературы

1. Бураев Д. И., Гармаханов М. Ц. Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения // Вестник БГУ. 2014. № 8. С. 115–120.
2. Гармаханов М. Ц. Политическое и экономическое влияние корейской волны в начале XXI в // Вестник БГУ. 2013. № 8. С. 78–80.

3. *Жданова Л. Г., Шрейбер О. Д.* Эмоциональные особенности молодежи, увлекающейся корейской волной // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. XLIII междунар. науч.-практ. конф. № 8(43).* Новосибирск: СибАК, 2014. Режим доступа: <https://sibac.info/conf/pedagog/xliiii/39033> (Дата обращения: 10.10.2015).
4. *Жидков В. О.* Элементы южнокорейской мягкой силы // *Дискурс-Пи.* 2014. № 2–3. С. 172–177.
5. *Катарсис: метаморфозы трагического сознания / сост. и общ. ред. В. П. Шестакова.* СПб.: Алетейя, 2007. 384 с.
6. *Костина А. В.* Массовая культура: аспекты понимания // *Знание. Понимание. Умение.* 2006. № 1. С. 28–35.
7. *Костина А. В.* Традиционная, элитарная и массовая культура: условия возникновения и особенности функционирования в условиях современности // *Вестник ЧГАКИ.* 2011. № 2 (26). С. 39–45.
8. *Лазаренко К. Л.* Миф древний и современный: общее и особенное // *Человек в мире культуры.* 2014. № 4. С. 3–6.
9. *Маслова С. В.* Функционирование мифа в современной культуре: контекст перехода к рациональности постмодерна // *Известия ТПУ.* 2007. № 2. С. 210–214.
10. *Михайлик О. Н.* Феномен «Корейской волны»: синтез запада и Востока? // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение.* 2008. № 1. С. 31–40.
11. *Няткина Н. В.* Эскапизм — отклонение в социализации // *Вестник Кемеровского государственного университета.* 2013. № 1(2). С. 133–136.
12. *Соколова Н. Л.* Популярная культура в парадигме Cultural Studies и философской эстетике // *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* 2010. № 3. С. 62–69.
13. *Черникова П. Г.* Парадокс трансцендентального в массовой культуре // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana).* 2013. № 1 (26). С. 203–206.
14. *Федоров А. В.* Феномен медийного успеха // *Вестник электронных и печатных СМИ.* 2007. № 1. Режим доступа: <http://www.ipk.ru/index.php?id=1527> (Дата обращения: 10.10.2015).
15. *Шестаков В. П.* Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Shest/02.php (Дата обращения: 10.10.2015).
16. *Швецова А. В., Норманская А. В.* Массовая культура как проблема современного общества: общетеоретический анализ // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств.* 2016. № 6. С. 51–61.
17. *Энциклопедический словарь по культурологии / Под. ред. проф. А. А. Радугина.* М.: Центр, 1997. 478 с.
18. *Янг С. Е.* Корейская дорама как культурное событие // *Аналитика культурологии.* 2015. — №3 (33). С. 138–141.

**ИНОСТРАНЦЫ НА КОРЕЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ
КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
КОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА.
НА ПРИМЕРЕ ПОПУЛЯРНЫХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ «РАЗГОВОРЫ
КРАСАВИЦ» И «НЕНОРМАЛЬНЫЙ САММИТ»**

Тема иностранцев в Корее — очень широкая и интересная, но на данный момент не очень обширно изученная тема, не говоря уже о таком узком ее ответвлении, как иностранцы на корейском телевидении. Серьезные академические работы на данную тему практически отсутствуют на всех языках, более или менее обширно эта тема представлена на корейском языке в виде многочисленных статей (как обычного новостного, так и академического толков), частично — в качестве примера того, как живут иностранцы в Корее в работах, посвященных мультикультурализму и растущему количеству международных браков в стране. Однако даже при разборе причин популярности иностранцев на корейском телевидении в такого рода работах, как правило, авторы делают довольно поверхностные или популистские выводы, не особо углубляясь в анализ происходящего. Тем не менее, с нашей точки зрения, факт присутствия и большой популярности иностранных лиц на национальном телевидении представляет собой весьма интересный феномен современного корейского общества, заслуживающий того, чтобы быть разобранным и изученным более детально.

В данной статье мы постараемся подробнее рассмотреть описанный выше феномен, приводя в качестве примера две корейские телепередачи с участием иностранцев, которые объективно стали самыми известными телепроектами на корейском телевидении за его историю: «Разговоры красавиц» («미녀들의 수다»), шедшие с 2006 по 2010 годы на центральном корейском телеканале KBS, и «Ненормальный саммит» («비정상회담»), начавшийся в 2014 году и транслирующийся на телеканале JTBC и сейчас, на момент написания данной статьи. Выбор конкретно этих телепередач не случаен: «Разговоры красавиц» стали настоящей телесенсацией 2006 года, в течение нескольких месяцев в 2006 и 2007 годах она становилась самой рейтинговой на своем телеканале, это была самая первая передача на корейском телевидении, в которой абсолютно все участники за исключением ведущего, являлись иностранцами. Переоце-

нить значение данной передачи на общее восприятие корейцами иностранцев невозможно, она сыграла роль поворотного момента в изменении общественного мнения и отношения жителей Кореи к иностранцам, проживающим в стране.

Вышедшая в июле 2014 года на телеканале JTBC передача «Ненормальный саммит» сыграла не меньшую, если не большую роль в изменении восприятия корейцами иностранцев. Интересный и живой формат передачи, харизматичные участники и новаторский подход к съемкам сделали свое дело — «Ненормальный саммит», особенно в первый год своего существования, побил все возможные зрительские рейтинги, многократно занимал лидирующие позиции всевозможных чартов и хит-парадов, а летом 2015 года получил одну из самых престижных телевизионных наград корейского телевидения «Пэксан» в номинации «Лучшее развлекательное шоу Кореи». Несмотря на общий спад популярности после лета 2015 года, передача, тем не менее, уже прочно вошла в историю корейского телевидения, а ее участники-иностранцы стали самыми настоящими звездами корейского шоу-бизнеса.

Основным тезисом нашей статьи является предположение о том, что причиной столь высокой популярности передач с участием иностранцев является поиск самоидентичности современного корейского общества, его попытки найти свое место в глобальном мире и в какой-то мере попытаться избавиться от «комплекса неполноценности», отчасти присущего корейской нации, особенно на современном этапе ее развития. Для этой цели мы используем в основном многочисленные статьи на корейском языке, в той или иной мере затрагивающие данную проблематику на примере двух описанных выше телепередач, а также различную литературу на английском языке, посвященную теме самоидентификации корейцев. Выводы и теории, представленные в данной статье, являются результатом анализа этих источников, а также личного опыта автора статьи, являющегося участником описанной выше телепередачи «Ненормальный саммит».

Иностранцы на корейском телевидении: начало

История появления иностранцев на корейском телевидении относительно молода и тесным образом переплетена с экономическим развитием страны в целом. До начала — середины 90-х годов прошлого века Южная Корея не могла похвастаться значительными успехами в экономике, а потому не являлась привлекательной

с точки зрения иммиграции страной. Первую серьезную заявку на активное участие в делах международного сообщества страна сделала в 1988 году, проведя у себя летние Олимпийские Игры. После этого последовал стабильный экономический рост, который вызвал вполне естественный интерес к стране со стороны сначала бизнесменов, увидевших потенциальные выгоды в развивающейся быстрыми темпами экономике, а чуть позже — и обычных туристов, обнаруживших альтернативу соседним Японии и Китаю. Именно в это время в стране появляется все больше иностранцев, и некоторые из них в той или иной степени начинают привлекать внимание жителей страны, например, фактом изучения корейского языка, что для корейцев (с оговорками, и по сей день) являлось крайне необычным и удивительным моментом [배국남].

В первой половине 2000-х годов возникает такое явление как «Корейская Волна» — феномен распространения корейской поп-культуры в соседние с ней страны, прежде всего в Японию и страны Юго-Восточной Азии. Благодаря «Корейской Волне» естественным образом рос и интерес иностранцев к Корее, что в свою очередь привело к увеличению потока как туристов, так и иностранцев, проживающих на территории Кореи более продолжительное время. Буквально за несколько лет феномен популярности корейской эстрады и телесериалов (которые в Корее называют «драмы») вырос до таких масштабов, что можно было говорить о буме популярности корейского медийного контента в азиатском регионе. И логичным следствием этого стало столь же резкое увеличение внимания корейского телевидения к иностранцам, которые этот контент потребляли.

Корейские продюсеры обратили свои взоры на иностранцев, проживающих на территории страны и говорящих по-корейски, коих в то время было не так много. Именно с этого времени началась телекарьера звезд-иностранцев первого поколения, к которым можно отнести натурализовавшегося австралийца Сэма Хэммингтона, американца Роберта Халли, французенку Иду Досси и некоторых других.

Их появление на корейском телевидении, тем не менее, нельзя назвать стремительным взлетом к головокружительным вершинам, в первую очередь, из-за довольно специфического отношения продюсерских и съемочных групп к участию иностранцев в корейских телепередачах. На первых порах иностранцы приглашались в студию строго на второстепенные роли с четко прописанным сценарием о том, что и как говорить, по строго определенным темам, которые вызывали больше всего восторга у корейского телезрителя. Роль

иностранца в какой бы то ни было передаче ни в коей мере не была равна роли его коллеги-корейца. Поскольку сам факт появления в кадре иностранного лица вызывал лишь удивление и умиление у публики, список доступных тем был весьма ограничен: это были, как правило, передачи о еде, традиционных корейских исполнительских видах искусства («самульнори», танцы с веерами или масками, корейская опера «пхансори» и т. д.), или сюжеты о том, как тяжело жить иностранцу в Корее, призванные вызвать жалость и сочувствие у зрителей. [배기형]

Причины подобного отношения относительно изучены и описаны в разных работах ученых-корееведов по всему миру на самых разных языках. Относительная закрытость Кореи и малое проникновение в нее иностранцев и иностранной культуры вплоть до недавнего времени, относительно поздно начавшиеся контакты с внешним миром (если сравнивать с соседскими Китаем и Японией), относительно малая изученность и не столь высокий интерес к стране, ее населению и культуре со стороны как обычных людей, так и академического общества (опять же, по сравнению с соседними Китаем и Японией), историческая мононациональность, — все эти и еще многие другие причины сформировали специфическое отношение корейцев к иностранцам в целом. Корейцы не привыкли быть в центре внимания, поэтому каждый иностранец, разбирающийся в Корее не хуже самих жителей страны и говорящий на их языке вызывает живой интерес. Именно этот интерес и стал причиной популярности первых иностранцев на телевидении. Самым корректным корейским словом для описания чувств корейцев, наблюдающих за иноземцами в их стране, пожалуй, будет «신기하다» — «удивительный, дивный, диковинный», поскольку сам факт разговаривающих на корейском языке белых иностранцев для корейцев является как раз «диковинкой». [Gang Ju-il], [배국남]

Такая ситуация наблюдалась вплоть до 2006 года, когда на центральном телеканале KBS вышла передача под названием «미녀들의 수다» («Разговоры красавиц»), которая в одночасье стала настоящим феноменом, разрушившим стену стереотипов корейцев об иностранцах.

«Разговоры красавиц»: первая телепередача с иностранцами на корейском языке

Первый эпизод программы вышел на экраны 7 октября 2006 года в рамках праздничной сетки вещания телеканала KBS, посвященной

Чхусоку (корейскому дню благодарения, отмечаемому каждый год по лунному календарю), и сразу же привлек к себе такое большое внимание и вызвал такой ажиотаж среди зрителей, что телеканал тут же решил сделать эту программу еженедельной. Задумка и суть «Разговоров» довольно проста: ток-шоу с девушками-иностранками на корейском языке обсуждающими различные аспекты культуры Кореи и жизни в стране.

Если на начальном этапе существования программы она вызывала больше положительных отзывов и много раз становилась самой рейтинговой передачей телеканала, то после скандала 2009 года¹ общественное мнение относительно «Разговоров красавиц» развернулось в негативную сторону: со стороны нетизенов² посыпались обвинения в коммерциализации проекта и вызывающем больше отторжение нежели благосклонность использовании девушек в качестве объекта зарабатывания денег, чересчур сильного приукрашивания фактов и чрезмерного подлизывания и заискивания перед Кореей и ее культурой, и т. д. Все это привело к решению телекомпании закрыть передачу, и ее последний эпизод вышел в эфир на католическое рождество 2010 года.

Корейские СМИ в целом очень благосклонно отзывались о данной передаче, что, как и указываем мы в нашей статье, не удивительно. После того, как прошла первая волна популярности, стало очевидно, что девушки говорят по заранее прописанному сценарию, следуя строгой политике программы — говорить о Корее только хорошее или не говорить ничего. На первых этапах этот прием работал безотказно, зрители с удовольствием выслушивали рассказы в большинстве своем белых иностранок из благополучных и развитых западных стран о том, как хорошо жить в Корее вперемежку с их историями об отношениях с корейскими представителями противоположного пола. [Kim Hyejin]

Данный прием сценаристов работал и вызывал большой отклик аудитории по причине, которую и выдвигает автор данной статьи: посредством данных рассказов корейская аудитория убеждалась в мысли о том, что Корея — далеко не самая плохая страна, ей инте-

---

¹ Во время одной из передач участница из Китая назвала всех парней ростом ниже 180 см «лузерами», что вызвало волну резкой критики и негативной реакции среди телезрителей в сторону как самой девушки, так и передачи в целом. В скором времени китайка была вынуждена покинуть «Разговоры красавиц», а сама передача резко потеряла в своей популярности.

² «Нетизенами» называют обычно пользователей корейского сектора интернета.

ресуются, ее признают, а ее культура ни в чем не уступает соседским японской или китайской. Спрос рождает предложение, а спрос на признание со стороны иностранцев в середине 2000-х годов у корейской публики был очень велик. Как известно, одна и та же информация воспринимается по-разному, если она исходит из разных источников: когда о том, что Корея благополучна, безопасна и вполне пригодна для «цивилизованной» жизни говорят корейцы, их слова будут восприниматься критично с и определенной долей недоверия. Когда же та же самая информация исходит из уст представителей «богатого Запада» — это не может не вызывать у публики чувство патриотизма и гордости за свою страну [박찬은]. Тем не менее, однообразие выбора тем для разговоров и их общая тональность вскоре сделала передачу блеклой, даже по признанию самих участниц.

Данный недостаток передачи через несколько лет ее трансляции стал очевиден практически всем. Постепенно зрителям наскучило слушать одни и те же истории, и даже постоянная смена участников на представителей других стран не привела к желаемому телекомпанией повышению зрительского рейтинга, а череда скандалов, связанных с участницами шоу, лишь увеличила ее антирейтинг. На момент закрытия передачи популярность ее сильно упала по сравнению с первыми годами ее эфира.

Тем не менее, недооценивать ее значение на отношение корейцев к иностранцам нельзя. «Разговоры красавиц» разбили самый главный стереотип корейской публики об иностранцах, заключавшийся в том, что иностранцам не под силу выучить корейский язык, а также сузить казавшуюся всем бескрайней пропасть между корейской и усредненно западной культурой. Роль «Красавиц», при всех недостатках телепрограммы как таковой, оказалась просто огромна: корейской аудитории начали прививать мысль о том, что иностранцы — это такие же люди, которые тоже до определенной степени могут интегрироваться в корейское общество и, с многочисленными оговорками, даже функционировать в нем. Именно с появлением данной программы можно начинать говорить о глобализации корейского телевидения. Количество иностранцев в самых различных программах и шоу начало расти быстрыми темпами, хотя некоторое время после «Красавиц» ни один телеканал не рисковал создать программу, полностью состоящую из иностранцев: как правило, это были всегда корейские ведущие и корейские участники в той или иной мере взаимодействующие с иностранцами. Появились программы, посвященные многонациональным семьям, рассказывающие о быте и трудностях жизни в Корее девушек (преимущественно

из стран Юго-Восточной Азии), вышедших замуж за граждан Южной Кореи. И хотя ни одна из этих передач не добилась такого же успеха как «Разговоры красавиц», отношение корейских зрителей к иностранцами на телеэкранах изменилось в лучшую сторону [김봉조, 김복수, 2011], [송영호, 윤인진, 2010]. Автор данной статьи находился в Корее все время показа «Красавиц» на KBS, поэтому на личном опыте может подтвердить положительный эффект, который девушки оказали на корейское общество в целом. В качестве простого примера из обыденной жизни: если раньше, например, работники банка или продавцы в магазинах при виде иностранного лица откровенно терялись и пытались разговаривать на английском языке, то после «Красавиц» приветствие и обращение на корейском стало нормой.

«Ненормальный саммит»: «ненормальные» разговоры в темной дальней комнатке

В июле 2014 года на телеканале JTBC выходит новая развлекательная передача с иностранцами, которая буквально с первого же эпизода стала настоящей телесенсацией — «Ненормальный саммит» («비정상회담»). Поскольку «Саммит», как и «Разговоры красавиц» целиком и полностью состоял из иностранцев и ведущих-корейцев, в самые первые дни своего существования корейские СМИ проводили определенные параллели между этими двумя передачами, но очень быстро эти сравнения исчезли из языка журналистов, так как по своей задумке, основной мысли и ее исполнению «Саммит» отличался от «Красавиц» практически во всем.

Суть передачи проста: молодые парни из 12 разных стран собираются за одним столом, чтобы обсудить самый широкий спектр вопросов и проблем, начиная от трудностей жизни в Корее и отношений между противоположными полами до политических разногласий между странами и проблем международного терроризма. Именно в выбираемых каждую неделю для обсуждения темах и кроется отличие «Саммита» от «Красавиц» и секрет его популярности. Если, как мы упоминали выше, в «Разговорах красавиц» все темы разговоров сводились к обычной бытовой «кухонной» болтовне, то в «Саммите» сам формат передачи был нов для корейского телевидения, — парни-иностранцы как раз в силу того, что они парни и что они иностранцы, могли свободно говорить на темы, которые корейское телевидение по тем или иным причинам поднимать не любит или не хочет: сожитительство и отношения до свадьбы, расовая,

гендерная и иная дискриминация в Корее, отношения подростков с родителями и т. д. Кроме того, в силу все тех же причин, участники «Саммита» могут относительно свободно высказываться по политическим проблемам их родных государств и говорить вещи, которые сами корейцы в силу определенных политических причин озвучить не могут. [김예림], [배국남], [외국인의 예능 출연이 종종 식상해지는 이유]

Передача сделала парней-участников настоящими звездами экрана в Корее с большой и очень активной фанатской поддержкой. А законы бизнеса сделали свое дело: популярность и востребованность панелистов зрителями заставили продюсеров, маркетологов и иных создателей контента использовать парней в самых разных рекламных роликах, теле и радиопередачах, шоу, мероприятиях. Именно начиная с выхода «Саммита» на экраны иностранные лица проникли даже в те телепередачи, где их не было никогда.

Изменилось не только количество передач, куда стали приглашать иностранцев, но и само отношение к иностранцам. Если раньше, как мы упоминали выше, во время «Разговоров красавиц» иностранцы, говорящие по-корейски, больше воспринимались в диковинку, и все их появление на экране сводилось именно к столкновению культур и комичным или трагикомичным моментам жизни иностранцев в Корее, то после «Ненормального саммита» их (в первую очередь, самих участников «Саммита») стали приглашать не только в развлекательные, но и в серьезные аналитические передачи, обсуждающие вопросы политического, экономического или социального характера в качестве представителя своей страны.

«Ненормальный саммит» стал первой передачей, полностью состоящей из иностранцев, ставшей популярной не только внутри Кореи, но и за ее пределами. Он, наравне с такими высокорейтинговыми передачами как «Бегущий человек» («런닝 맨», телеканал SBS) или «Безграничный вызов» («무한도전», телеканал MBC), стал одной из любимых корейских передач среди поклонников «Корейской волны» в других странах. Формат передачи и ее популярность были настолько высоки, что ведущие телеканалы Китая и Турции выкупили у телеканала JTBC авторские права и создали передачи-клоны у себя на своих языках. Большой интерес зрителей передача вызывала также на Тайване, в США и России, что привлекает немалый интерес и со стороны продюсерского состава корейских телеканалов. Как в интервью заявил представитель корпорации CJ, занимающейся, в том числе, и созданием медийного контента: «В последнее время продюсеры и создатели контента корейского шоу и телебизнеса

все больше делают свою работу с оглядкой на то, будет ли популярна их передача за границей, поскольку это приносит не только имиджевые дивиденды, но и вполне реальную финансовую выручку». [Gang Ju-il]

У себя на родине в Южной Корее в июне 2015 года «Ненормальный саммит» получил престижную для корейского телевидения премию «Пэксан» в номинации «Лучшая развлекательная передача Кореи», а участники передачи много раз были отмечены многочисленными премиями и наградами, в том числе и одной из правительственных организацией страны за вклад в развитие и продвижение корейской культуры за границей в январе 2016 года. [싸이], [윤지혜]

В чем состоит причина столь высокой популярности говорящих по-корейски иностранцев на телеэкранах в Южной Корее?

Феномен «белого лица» на экране ТВ

Для того, чтобы понять, отчего иностранцы получили такую большую популярность на национальном телевидении, необходимо понимать общий социальный и культурный фон Кореи на данном этапе развития.

Как страна, ставшая открытой внешнему миру по историческим меркам относительно недавно, Корея все еще находится в поиске самой себя на мировой арене во всех отношениях: культурном, экономическом, политическом. Политически и экономически Южная Корея оказалась зажатой между самой развитой азиатской экономикой Японии и развивающимся стремительными темпами Китаем, с так и не разрешенным до конца и постоянно тлеющим конфликтом с единственным сухопутным соседом — Кореей Северной. Развивать страну в таких условиях — настоящий вызов для политического руководства страны. Схожая ситуация сложилась и в плане культуры: Китай и Япония известны среднестатистическому западному обывателю намного больше, чем Корея, поэтому завоевать место под солнцем в таких условиях — задача весьма нетривиальная. Распространение корейской массовой культуры за границей в последние несколько лет, получившее название «Корейской волны», несомненно, обозначило Южную Корею на мировой культурной карте и стало толчком для дальнейшего продвижения страны по всем направлениям.

Подобный поиск самоидентичности как раз и создал интересный социальный феномен современной Кореи — необходимость быть признанным со стороны иностранцев, желание отличаться от

Китая и Японии, с которыми у корейцев сложные отношения в силу определенных исторических причин. Признание в глазах иностранцев стало своего рода негласной целью корейских медиа, стремящихся показать, насколько Корея уважаема и признаваема во всем окружающем мире. Особенно хорошо этот феномен заметен, конечно, в современной музыкальной индустрии: корейский исполнитель или группа считаются по-настоящему успешными и признанными, если они с успехом вышли за пределы Кореи и стали популярны за границей, будь то Япония, Китай, другие страны Азии, в идеале — США. Популярность внутри страны важна, но популярность за ее пределами важнее. Популярность вне Кореи говорит о том, что корейская культура пользуется спросом и успехом у иностранцев. [외국인의 예능 출연이 점점 식상해지는 이유] Это новое и очень интересное явление.

Именно эта потребность и породила новый феномен внутри страны — иностранцы на корейском телевидении. Корейским зрителям стало интересно не только следить за успехами поп-культуры за границей, но и интересоваться мнением иностранцев, которые живут непосредственно в Корее. Повышенный интерес корейцев к иностранцам, проживающим в Корее, отмечают все, кто сталкивается с корейской культурой в той или иной мере, начиная от обычных туристов и заканчивая профессионалами, проживающими в Корее продолжительный промежуток времени и интегрированными (до определенной степени) в корейский социум.

В определенной степени в качестве примера, подтверждающего данную теорию, можно привести пирамиду потребностей Маслоу. Несмотря на то, что теория потребностей Маслоу в его книге применяется главным образом к отдельно взятому индивидууму, по мнению автора данной статьи ничего не мешает применить ее и ко всему обществу в целом: после того, как все потребности низшего уровня, такие как физиологические потребности и потребность в безопасности, оказались удовлетворены, возникла потребность следующего уровня, а именно — быть признанным и ощущать чувство принадлежности. Достигнув определенных успехов в экономическом развитии и вырвавшись из категории беднейших стран в двадцатку самых развитых государств планеты, Южная Корея перешла на следующую ступень пирамиды, — возникла необходимость быть признанным, попытки чего мы и наблюдаем в настоящее время.

Самый яркий пример попыток самоидентифицироваться и получить признание со стороны международного сообщества — это, конечно, уже много раз упомянутая нами «Корейская волна». Лю-

бые успехи представителей корейской эстрады, кино или телевидения, а также иных аспектов корейской культуры за границей довольно широко освещаются в местных СМИ. Без особого труда можно найти большое количество самых разных статей, документальных фильмов, различного рода теле и радиопередач, посвященных конкретно данной теме. «Корейская волна» наглядно демонстрирует базисный принцип экономики «спрос рождает предложение» — корейское общество активно интересуется тем, что думают и что говорят о Корее за границей, поэтому корейские СМИ так же активно эту информацию до аудитории доносят. [이승아]

Глобализация вносит свои коррективы в некогда закрытое и замкнутое корейское общество. Согласно статистике Иммиграционной Службы Южной Кореи, количество иностранцев, пребывающих в стране на постоянной основе, в 2015 году вплотную подошло к отметке в два миллиона человек и составило 3.4% от общего населения страны³. Разумеется, данный факт не может не вызывать интерес со стороны корейского общества. А поскольку тенденция к увеличению иностранцев внутри страны отчетливо свидетельствует о том, что рост будет продолжаться и дальше, можно с определенной долей уверенности говорить о том, что интерес к иностранцам будет только расти, и сферы их деятельности внутри корейского общества будут все больше расширяться.

Заключение

В данной статье мы постарались описать тему, относительно слабо изученную не только российскими, но и зарубежными корееведами и специалистами по Корее, — иностранцы на корейском телевидении. В качестве примера, иллюстрирующего эту тему, мы рассмотрели две самые известные передачи с участием иностранцев на национальном телевидении Южной Кореи: передачи «Разговоры красавиц» и «Ненормальный саммит».

Тема иностранцев в Корее, и уже, тема иностранцев на корейском телевидении, изучена не очень сильно, и серьезных научных работ, посвященных данной теме, практически нет, особенно на русском языке. Частично это связано с новизной феномена как такого, поскольку иностранцы на корейском телевидении стали появляться относительно недавно, частично — с нехваткой фактического ма-

---

³ Данные взяты с официального вебсайта Иммиграционной Службы Республики Корея (http://www.immigration.go.kr/HP/COM/bbs_003/ListShowData.do?strNbodCd=noti0097&strWrtNo=193&strAnsNo=A&strOrgGbnCd=104000&strRtnURL=IMM_6070&strAllOrgYn=N&strThisPage=1&strFilePath=imm/)

териала для выстраивания более-менее обширного исследования. В нашей работе мы опирались в основном на статьи корейских СМИ, различные иные источники на корейском языке, посвященные иностранцам в Корее и какой-то мере затрагивающие и шоу-бизнес, а также на личный опыт автора статьи, являющегося участником описанной выше передачи «Ненормальный саммит».

Феномен популярности иностранцев на телевидении — это интересный социальный и культурный аспект современной Южной Кореи, достойный более пристального внимания, поскольку он затрагивает другую интересную социальную проблему — самоидентификации и самоопределения корейского общества в современном мире. Развитие южнокорейской экономики естественным образом привело ее к стадии необходимости экспансии за национальные границы, и вместе с промышленной продукцией стала распространяться и культурная составляющая. Количество иностранцев, проживающих в Корее, стало расти, и интерес со стороны корейцев к ним стал также увеличиваться. Публике стало интересно слушать мнение иностранцев относительно их страны. Признание заслуг и оценка со стороны иностранцев стали играть не последнюю роль в самосознании корейской аудитории, стремящейся дифференцировать себя от китайской и японской культур. Отсюда и возник такой большой запрос на телепередачи с иностранцами и их популярность.

Разумеется, невозможно охватить все аспекты данного явления в рамках одной статьи. Тема, несомненно, требует дальнейшей проработки и использования большего количества фактического и теоретического материала, в нынешней работе задачей авторов являлось лишь наметить основные вехи дальнейших исследований и отметить самые важные моменты и яркие примеры феномена иностранцев на корейском телевидении.

Список использованной литературы

1. *Довженко М.* Русская звезда корейского экрана // Взгляд. — <http://vz.ru/culture/2006/1/24/19899.html>
2. *Коротыгин А.* Карьера на корейском телевидении // Единая Корея. — <http://onekorea.ru/2016/02/18/karera-na-korejskom-televidenii/>
3. *Ju, Hye Yeon; Noh, Kwang Woo.* Multiculturalism and representation of racial others in Korean TV dramas // *Cartoon and Animation Studies*. 2013. P. 335–361.
4. *Gang Ju-il.* Foreigners, the mainstream in Korean variety shows // *The Kyunghyang Sinmun*. — http://english.khan.co.kr/khan_art_view.html?code=710100&artid=201309031948307

5. Kim Hyejin. Korea: Foreigners on Korean TV // Global Voices. — <https://globalvoices.org/2007/11/27/korea-foreigners-in-korean-tv/>
6. 김봉조, 김복수. 한국의 다문화 상황과 사회통합, — 서울: 한국학중앙연구원, 2011.
7. 배기형. 국경 없는 TV, 경쟁하는 프로그램, — 대한민국, 서울: 커뮤니케이션북스, 2010.
8. 송영호, 윤인진. 한국인의 이주노동자와 다문화 사회의 인식, — 서울: 한국학술정보, 2010.
9. 강서정. ‘비정상회담’ G12에 대중이 엄격할 수밖에 없는 이유 // Osen. — <http://osen.mt.co.kr/article/G1110059876>
10. 김예림. 지금 대한민국은 외국인 전성시대! // 연세춘추. — <http://chun-chu.yonsei.ac.kr/news/articleView.html?idxno=20273>
11. 김형중. 외국인들이 점령한 한국 TV // The Bridges. — <http://thebridges-magazine.com/contentkr.php?id=768>
12. 박찬은. 입담과 비주얼 갖춘 외국인들, TV를 습격하다. 쌤 오빠와 강남 동생... 한국 예능 접수한 이방인들 // MBN 매일경제. — <http://news.mk.co.kr/newsRead.php?year=2014&no=1367019>
13. 배국남. 외국인들이 왜 TV방송에 넘쳐날까 // BizEnter. — http://enter.eto-day.co.kr/view/news_view.php?varAtcId=7825
14. 싸이, ‘비정상’ 멤버들에 한국 이미지상 // 한국일보. — <http://www.korea-herald.com/view.php?ud=20151228000262>
15. 외국인의 예능 출연이 점점 식상해지는 이유 // Hot Issue Talk. — <http://tv-review.tistory.com/433>
16. 윤지혜. 흔들리는 ‘비정상회담’, 시청자에게 ‘비’공식적인 ‘회담’임을 기억하길 // TVDaily. — <http://tvdaily.asiae.co.kr/read.php3?aid=1421973307840052002>
17. 이승아. 한국의 TV는 외국인 예능전성시대 // 해외문화홍보원. — <http://www.kocis.go.kr/koreanet/view.do?seq=3138>

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ¹

Социальная реклама является одним из инструментов решения социальных проблем. Как и любой другой инструмент, она нуждается в создании специально организованного механизма функционирования, обеспечивающего реализацию поставленных задач изменения представлений, отношений и поведения целевых групп. В связи с этим, во многих странах можно отметить наличие собственных, уникальных моделей функционирования социальной рекламы. Наиболее популярной среди них является модель, действующая в США и Японии, в рамках которой основным институтом, обеспечивающим функционирование социальной рекламы, является специально созданный независимый орган — рекламный Совет (Advertising Council), объединяющий всех участников рынка социальной рекламы, включая государство, некоммерческие организации (далее — НКО), бизнес и медиа. Эта модель, имеющая наиболее длительную историю существования, стала примером для многих стран. В ряду таких стран находится и Южная Корея, правительство которой в 1980 году поставило перед собой задачу разработки модели функционирования социальной рекламы, которая бы учитывала существующий на тот момент японский и американский опыт, и позволила бы эффективно осуществлять задачи, связанные с внедрением мер государственной политики [Shin, 2003]. На сегодняшний день можно констатировать наличие уникального южнокорейского опыта в реализации мер обеспечения функционирования социальной рекламы, изучение которого позволит расширить представление о возможных вариантах развития системы создания и размещения социальных сообщений.

Анализ рассмотренной выше ситуации привел нас к постановке задачи изучения особенностей модели функционирования социальной рекламы Южной Кореи. Основной целью исследования стало описание ключевых характеристик данной модели, с позиции возможностей использования данного опыта в России. Актуальность

---

¹ Исследования проводятся при финансовой поддержке РФН, грант № 17-18-01610.

исследования обусловлена активным становлением в России рынка социальной рекламы, которое наблюдается в настоящее время, появлением и строительством его естественной инфраструктуры, выделением ключевых игроков, развитием новых сервисов и технологий, а также вовлечением в этот процесс значительного числа субъектов рынка — медиа, НКО, органов власти и местного самоуправления. Начиная с 2008 года, в федеральных законодательных и экспертных органах России, таких как Государственная Дума, Совет Федерации, Общественная Палата и других, идет активный поиск путей развития и поддержки социальной рекламы. Так, в конце 2011 года, при поддержке Министерства финансов, Министерства экономического развития, Федеральной антимонопольной службы и НКО, были внесены поправки в Федеральный закон «О рекламе» и Налоговый кодекс, предоставившие новые возможности для реализации социальных информационных кампаний. Однако до сих пор не решены ключевые вопросы, определяющие характер функционирования социальной рекламы: кто и как определяет статус отнесения сообщения к социальной рекламе, каким образом отбираются темы и оценивается контент для размещения, каким образом обеспечивается ее финансирование и многие другие вопросы, требующие глубокого научного осмысления, включающего анализ мировой практики.

Основными методами нашего исследования стали экспертные интервью (19 интервью с представителями корейской Корпорации по размещению рекламы на телевидении и радио, корейской Ассоциации производителей рекламы, рекламных агентств, а также исследователей истории рекламы Кореи), анализ публикаций (законы и регламенты Кореи, регулирующие размещение социальной рекламы, научные статьи), анализ образцов корейской социальной рекламы.

Методологической основой анализа выступил гносеологический инвариант, предлагаемый системным подходом. В связи с этим, категория модели функционирования социальной рекламы рассматривается с точки зрения ее структурной, процессуальной и феноменологической организации. Под моделью в данном случае мы понимаем, следуя В. А. Штоффу, мысленно представляемую систему, которая «отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [Штофф, 1966, с. 19]. В первую очередь, нам важно построение интерпретационной модели, которая бы позволила получить общее понимание категории социальной рекла-

мы в Корее, с точки зрения осуществления ее функции, с позиции возможностей использования данного опыта в России. В рамках структурного анализа рассматриваются ключевые организации, вовлеченные в процесс создания и размещения социальной рекламы. В рамках процессуального анализа рассматривается система мер в отношении разработки, размещения и оценки социальной рекламы. В рамках феноменологического анализа рассматриваются стратегии донесения сообщений, используемые в социальной рекламе Кореи.

Основные результаты исследования

Говоря о структуре рынка социальной рекламы, принято выделять два основных типа организаций — с одной стороны, обеспечивающих разработку, и с другой стороны, — размещение социальной рекламы. Особенностью южнокорейской модели является сочетание этих двух функций в одной структуре — Корейской корпорации по размещению рекламы на телевидении и радио (Korea Broadcasting Advertising Corporation, далее — КОВАСО), входящей в структуру Министерства культуры, спорта и туризма. Данная организация, с момента своего создания в 1981 году и по настоящее время, является основным значимым игроком рынка социальной рекламы в Корее. Основной задачей данной структуры является продажа рекламного времени на телевидении и радио коммерческим компаниям. Однако второй важной целью КОВАСО является разработка и реализация социальных рекламных кампаний, на средства, полученные от размещения коммерческой рекламы. Для этого в структуре КОВАСО создано Бюро социальной рекламы, которое управляет Советом по социальной рекламе. В состав Совета входят представители рекламной отрасли, академической сферы и общественности. В полномочие этой организации входит принятие решений по ключевым вопросам, связанным с производством социальной рекламы, включая разработку технического задания (творческого брифа), а также отбор исполнителя среди рекламных агентств, в соответствии с регламентом тендерной процедуры.

Интересно отметить, что НКО, во многих странах являющиеся активными участниками рынка социальной рекламы, в Корее вынуждены осуществлять закупки рекламных площадей для размещения своей социальной рекламы на условиях, общих с коммерческими компаниями. Исключением являются безадресные кампании, то есть без упоминания рекламодателя, но направленные на решение

социальной проблемы, которой занимается данная организация. В этом случае НКО может выступить с инициативой реализации подобной кампании, однако решение остается на усмотрение КОВАСО.

Размещение социальной рекламы в других СМИ осуществляется, как правило, на общих с коммерческой рекламой условиях. Однако можно выделить ряд инициатив, идущих вразрез с этой практикой. Примером такой инициативы является недавно провозглашенная политика администрации города Сеула в безвозмездном использовании девяти тысяч рекламных мест городского транспорта для размещения социальных сообщений НКО и частных лиц. Однако данная инициатива находится только на стадии своего внедрения.

Можно также отметить существование ряда частных инициатив со стороны рекламного рынка. Наиболее заметной среди них является деятельность рекламного агентства Джески, названного по имени его создателя, решившего сделать социальную рекламу делом своей жизни. Стоит отметить, что кампании, разрабатываемые в агентстве Джески, представляют собой скорее социальные инсталляции, чем социальную рекламу. Агентство старается не работать со СМИ, используя преимущественно объекты окружающей среды, такие как здания, деревья, мосты, городскую мебель и т. п. Работы агентства за последние годы получили известность благодаря многочисленным победам на международных фестивалях рекламы.

Таким образом, структура современной модели развития социальной рекламы в Корее представлена ключевой государственной организацией, отвечающей за создание и распространение социальной рекламы, рекламными агентствами, работающими по заказам данной организации, выбранными по результатам тендерных процедур, частными инициативами со стороны медиа, а также частными инициативами со стороны рекламных агентств.

Подобное структурное распределение, безусловно, оказывает влияние и на процессуальную организацию рынка социальной рекламы в Корее. Если в случае с частными инициативами, процесс создания рекламы регулируется общими нормами и правилами, свойственными рекламному рынку в целом, то в случае с КОВАСО, можно выделить несколько специфических черт.

Первой такой особенностью является учет текущей социальной ситуации: ориентация на те социальные проблемы, которые актуальны в данный момент времени. Эта характеристика обусловлена, в первую очередь, изначально существующей установкой на обслу-

живание государственного запроса в выборе социальных проблем для освещения. Так, например, за первые десять лет своей работы, КОВАСО были реализованы кампании, посвященные проблемам экологии и защиты окружающей среды (в связи с государственной задачей обустройства главной реки страны Ханган в 1986 году), Олимпийским играм (в связи с проведением Летних игр в Сеуле в 1988 году), проблемам насилия, наркотической зависимости (1989 год), помощи людям с ограниченными возможностями, проблемам бедности, а также преступности (1990) — также сопровождавшие соответствующую государственную политику. Интересно заметить, что с изменением социальной ситуации и государственной политики, рекламные сообщения могли меняться диаметрально противоположным образом. Так, например, в 1983 году в Корее была реализована социальная кампания под девизом «Одного достаточно», направленная на стабилизацию демографической ситуации, призывающая корейские семьи иметь не более одного ребенка. Ровно двадцать лет спустя, в условиях наступившей в стране демографической зимы, призыв кампании 2013 года стал «Мы стареем, Корею нужны дети».

Установка на решение актуальных социальных проблем сохраняется в социальной рекламе Кореи и на сегодняшний день. Так, отбор тем для кампаний следующего года производится на основе анализа результатов опросов общественного мнения, а также экспертных мнений организаций, вовлеченных в решение данной социальной проблемы. При выборе тем учитывается несколько параметров, среди которых баланс и наличие интереса государства в решении данной социальной проблемы, актуальность темы по данным исследований и опросов общественного мнения, наличие заинтересованных организаций, готовых поддержать развитие темы вместе с КОВАСО, а также экспертное мнение членов рекламного Совета. При этом, Советом согласованы ограничения и рамки выбора тем для социальной рекламы, среди которых отсутствие политического или религиозного содержания, некоммерческий, социально-значимый характер сообщений, сохранение политического и партийного нейтралитета, возможность распространения на все общество, отсутствие дублирования рекламных кампаний, уже реализуемых другими организациями.

Другой процессуальной особенностью является обязательная оценка эффективности реализуемых КОВАСО кампаний социальной рекламы. Анализируются изменения в представлениях, отношении, предпочтениях аудитории, до и после трансляции рекламного

контента. Исследования проводятся ежегодно, в пяти самых крупных городах страны, с выборкой не менее 1000 человек. В рамках исследований коммуникативной эффективности рекламы выделяется двенадцать ключевых критериев качества креатива социальной рекламы: убедительность, эмпатия, простота понимания, актуальность темы, легкость запоминания, близость темы целевой аудитории, привлекательность и качество текста, точность представления информации в тексте, эмоциональность, музыкальное оформление, цветовое решение, ясность понимания характеров персонажей. Кроме этого, ежегодно проводятся опросы общественного мнения с целью выявления точек социальной напряженности.

Таким образом, на основании проведенного анализа процесса функционирования социальной рекламы, можно выделить следующие особенности южнокорейской модели: учет текущей социальной ситуации — ориентация на те социальные проблемы, которые актуальны в данный момент времени, специально разработанная, основанная на данных исследований и экспертизы, система выбора тем, а также обязательная оценка эффективности всех реализуемых кампаний.

Рассмотренные выше особенности структуры модели функционирования социальной рекламы, ее процессуальные характеристики, безусловно, оказывают влияние на феноменологические «проявления» — стиль и характер рекламных обращений. Так, в связи с запретом на использование логотипов и иных форм идентификации спонсора, в социальной рекламе Кореи превалируют сообщения без авторства. Иная тенденция, например, наблюдается в США, где сообщения в большинстве случаев имеют автора в лице конкретной некоммерческой или благотворительной организации, которая занимается решением данной проблемы. При этом, южнокорейский подход можно охарактеризовать как создающий «моду» на определенную модель поведения. Безусловно, важным фактором успешного использования данного подхода является культурный базис — в частности, такие культурные особенности Кореи как высокий показатель дистанцированности от власти и коллективизма в классификации Хофстеде, традиции конфуцианства, установка на сотрудничество, взаимопомощь и уважение, что находит свое проявление в рекламных коммуникациях [Shin, 1989].

Другой феноменологической особенностью является использование ненавязчивого подхода в рекламировании, в англоязычной литературе обозначаемого применительно к социальной рекламе как “soft approach” [Kim, Han, Yoon, 2010]. Такой подход предполагает

описание положительных изменений в случае решения социальных проблем, вместо описания негативных последствий отсутствия такого решения, а также использование символов, героев и иных форм опосредования, с целью смягчения негативных эмоций при передаче неприятного содержания.

Таким образом, к основным феноменологическим особенностям модели функционирования социальной рекламы в Корее можно отнести, с одной стороны, безадресность рекламных обращений, и, с другой стороны, ненавязчивый подход, предполагающий описание положительных изменений от решения проблемы, а также использование инструментов опосредования с целью «смягчения» проблемности.

В интервью, проведенном в рамках данного исследования, профессор Сунгсилского университета Ким Минки, стоявший у истоков развития направления социальной рекламы в структуре КОВАСО, заявил, что нельзя однозначно сказать, является ли выбранная стратегия развития социальной рекламы через государственное инициирование и контроль, оптимальной для страны. Страны, с которых брала пример Корея в направлении создания индустрии социальной рекламы, следовали другому пути, основанному на общественных и индустриальных инициативах, без вмешательства государства. Но этим и интересен опыт Южной Кореи, представляющей иной путь развития системы функционирования социальной рекламы. На наш взгляд, с позиции возможностей использования этого опыта, а также текущей ситуации развития системы регулирования социальной рекламы в России, наиболее интересными и важными являются следующие аспекты.

Во-первых, использование данного опыта в отношении текущей деятельности по совершенствованию законодательства в области социальной рекламы. В новейшей истории России предпринимались попытки построения модели «структурного» доминирования подобно такой, которая реализована в Корее. Первой такой попыткой было создание саморегулирующегося органа среди субъектов рекламного рынка (Союза создателей социальной рекламы, СССР), второй — законотворческая инициатива о наделинии Федеральной антимонопольной службы исключительными правами в области регулирования и контроля социальной рекламы. Однако на данный момент ни саморегулирование, ни госконтроль не нашли в России своей модели реализации, несмотря на заявляемые инициативы в отношении усиления роли и функционала органов власти на рынке социальной рекламы. На примере

Южной Кореи, можно изучить плюсы и минусы модели развития социальной рекламы, основанной на государственном управлении, учитывая, как положительный, так и негативный опыт, накопленный за тридцатилетнюю историю ее использования.

Во-вторых, существующий подход к оценке эффективности социальной рекламы, используемый в Корее, также может стать примером для разработки отечественных программ развития социальной рекламы. Следование принципу измеримости эффекта социальной рекламы, мониторинг точек социальной напряженности, ежегодное формирования приоритетов в решении социальных проблем — все эти инструменты, активно реализуемые в корейской модели, пока не нашли применения в практике разработки и реализации рекламных кампаний, получающих финансирование из бюджетных источников в России. С учетом того, что по оценкам экспертов на реализацию социальных кампаний в нашей стране государством тратится более 4 млрд. рублей, вопрос об эффективности таких вложений является весьма актуальным. «Удобная» позиция невозможности измерения эффективности социальной рекламы, популярная в нашей стране [Гладких, Вайнер, Горлов, 2008], при изучении опыта других стран, становится бесосновательной, требующей пересмотра и разработки механизмов и технологий внедрения систем оценки эффективности кампаний, реализуемых на бюджетные средства.

В-третьих, уникальным для мировой практики является южнокорейский опыт формирования бюджета на социальную рекламу, получаемого из прибыли от размещения коммерческой рекламы. Подобный подход внутрирыночного «налогообложения» рекламной деятельности, с последующим возвратом средств тем, кто занят в производстве и размещении социальной рекламы, на наш взгляд, также может быть изучен с позиции возможного использования в России.

В-четвертых, активное использование социальной рекламы для решения актуальных проблем. Модель постоянного мониторинга и оценки эффективности социальной рекламы, используемая в Корее, предполагает не только обеспечение отчетности и контроль за результатом, но и возможность оперативного реагирования на новые социальные вызовы.

В-пятых, важным и актуальным для российской научной и практической деятельности в сфере социальной рекламы является опыт использования ненавязчивого или, «soft», подхода. Вопрос о целесообразности «шока» в социальной рекламе стал одним из ключевых на научно-практических конференциях и рекламных форумах

последних пяти лет. Государственные ведомства, в первую очередь, такие как ГИБДД, МВД, ФСКН и другие, рассматривают социальную рекламу, построенную на страхе, как наиболее эффективную. Бытующее мнение о невозможности достижения положительных изменений средствами «опосредованных» социальных коммуникаций, без демонстрации шокирующих образов и запугивания, не раз опровергалось научными исследованиями [Кольшикина, 2009]. Однако несмотря на это, в социальных кампаниях в России, особенно реализуемых государственными органами, по-прежнему активно используется стратегия «запугивания». Опыт Кореи в этом аспекте также может быть рассмотрен как пример противоположной стратегии в донесении социальных сообщений, которая может быть использована с не меньшей, а вероятно, даже большей, эффективностью.

Очевидно, что для формирования целостного понимания ситуации в отношении возможной модели развития социальной рекламы в России, выработки эффективных мер ее развития и получения отдачи от вложенных средств, важно понимание и изучение опыта не только США и Японии, но и других стран, которые также находятся на пути проб и ошибок. Детальный анализ результатов подобных экспериментов, системное изучение моделей развития социальной рекламы других стран, безусловно, будет способствовать развитию института социальной рекламы в России, а результативность созданной на основе этого анализа модели позволит сделать значительный вклад в решение социальных проблем. Как следствие, можно рассчитывать на то, что в конечном итоге эффективная модель функционирования социальной рекламы в России будет способствовать значительным положительным изменениям в обществе, которые сложно достичь иными формами социальных коммуникаций.

Список использованной литературы

1. *Вайнер В. Л., Гладких Н. Ю.* НКО: эффективная социальная реклама. М.: ЗАО «Книга и Бизнес», 2012. 176 с.
2. *Гладких Н. Ю., Вайнер В. Л., Горлов С. Ю.* Оценка эффективности социальной рекламы. М.: Изд-во Международного института рекламы, 2008. 44 с.
3. *Кольшикина Т. Б., Маркова Е. В.* Психологические механизмы эффективности социальной рекламы // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Серия «Гуманитарные науки». 2009. №4 (10). С. 52–56.

4. *Штофф В. А.* Моделирование и философия. М.: Наука, 1966. 304 с.
5. *Kim B. H., Han S., Yoon S.* Advertising Creativity in Korea: Scale Development and Validation // *Journal of Advertising*. 2010. Vol. 39. # 2. P.93–108.
6. *Rakova O., Hee B. J.* Cross-cultural differences in TV advertising appeals: a comparison of South Korea and Russia // *The Journal of advertising and promotion research*. 2013. Vol. 2. # 1. P. 39–86.
7. *Shin I. S.* Advertising in Korea. Seoul: Sisa-yong-o-sa, 1989. 172 p.
8. *Shin K. H.* The American and Japanese influence on the formation and development of Korean Advertising, Ph.D. dissertation. Seoul: Chung-Ang University, 2003. 231 p.

Глава 8

МИГРАЦИЯ, МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ СЕМЬИ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОРЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Расулов Э. Р.

Университета Сон Гюн Гван (Сеул, Республика Корея)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЮЖНОКОРЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Общая миграционная картина в РК

Современные миграционные процессы в Республике Корея, в последние годы, набирают интенсивные темпы роста, а динамика этих процессов становится все более значимой в свете глобализации мировой экономики. Одним из наиболее распространенных видов миграции в последнее десятилетие в Республике Корея является трудовая миграция, рост которой, по данным министерства труда Республики Корея составляет примерно 5–7% ежегодно.

Нужно отметить, что до начала 1990-х годов, иностранцев в Южной Корее было немного, и в основном это были американцы (военный контингент и представители их семей), которые не были задействованы в трудовом секторе РК. Мало была заметной занятость и иностранной рабочей силы в промышленных секторах корейской экономики (за исключением нелегальных этнических корейцев из Китая, въезжавших в страну в качестве туристов — китайцев).

В последующие годы, по мере дальнейшего укрепления и роста южнокорейской экономики, возник дефицит рабочей силы в отдельных отраслях промышленности РК, вследствие чего в стране стало постепенно расширяться привлечение иностранной рабочей силы и процесс трудовой миграции в Республику Корея начал развиваться по нарастающей линии.

Таким образом, уже в начале 1990-х годов Республика Корея постепенно стала превращаться из страны-донора рабочей силы, в страну, которая уже импортировала трудовые ресурсы из-за ру-

бежа. Трудовые мигранты сыграли неотъемлемую роль в восстановлении корейской экономики после азиатского экономического кризиса в конце 1990-х годов и сохранении своих позиций в последние годы. Даже во время азиатского экономического кризиса, когда число безработных корейцев внутри страны выросло с 600 000 человек (в конце 1997 года) до 1,5 млн. человек (в 1998 году) [Яковлева, 2012], трудовые мигранты не были репатриированы в больших количествах, так как потребность в иностранной рабочей силе (ввиду того что местное население на желало работать на сложных и опасных для здоровья производствах) по-прежнему оставалась. В конечном итоге, в связи с тем, что экономический кризис не ослабил потребность в работниках на те рабочие места, которые избегали местные корейские рабочие, правительство Южной Кореи разрешило большому количеству трудовых мигрантов въезжать в страну для удовлетворения трудовых потребностей многих малых и средних предприятий, а также предприятий в сфере облуг.

В настоящее время РК официально привлекает иностранных работников на свои предприятия из 17 государств мира, общее количество которых, по данным министерства юстиции РК, на 1 января 2017г. составило почти 600.000 человек (табл.1). [Korea Immigration Service]

Таблица 1. Статистика рабочих мигрантов в РК

Korea Immigration Service (Ministry of Justice of ROK)

(на 1 января 2017г.)

Китай*	254.334	Непал	30.014	Бангладеш	10.486
Вьетнам	48.186	Филиппин	29.705	Монголия	7.033
Камбоджия	37.785	Таиланд	25.360	Пакистан	4.092
Индонезия	36.943	Шри-Ланка	25.183	Кыргызстан*	2.287
Узбекистан*	32.772	Мьянма	20.615	Россия*	591
				Прочие	18.637
				Общее	597.783

(тыс.чел.)

* страны, где не учтены граждане с визой типа Н-2 (этнические корейцы стран СНГ и КНР) которым также дается особое право на работу (трудовую деятельность) со сроком до 3 лет.

Государственное регулирование в миграционной сфере

Регулирование внешней трудовой миграции осуществляется посредством специальных программ и двухсторонних межправительственных соглашений, которые определяют порядок и масштаб трудовой миграции (численность мигрантов, их возраст, пол,

профессию, время пребывания в стране и др.) с тем, чтобы из общего потока потенциальных мигрантов получить для своей экономики нужных работников.

Одним из первых шагов, для регулирования положения трудовых мигрантов в корейском обществе, стало внедрение правительством Кореи в 1993 году программы квалифицированных стажировок ITS (Industrial Trainee System) по которой в основном приезжали неквалифицированные рабочие из бедных азиатских стран.

Программа ITS позволяла корейским компаниям, которые сотрудничали с зарубежными партнерами привлекать ограниченное число иностранных рабочих под предлогом повышения квалификации их заграничных работников. Позднее, и другим предприятиям (которые даже и не имели уже связь с зарубежными партнерами) было также разрешено ввозить работников по программе ITS. Изначально, занятость трудовых мигрантов была в основном в обрабатывающей промышленности, а затем данная потребность стала расширяться, и охватила такие сферы как строительство, рыболовство и сельское хозяйство. Однако вскоре, несмотря на то, что программа ITS хоть и казалась достаточно успешной, в процессе ее реализации обнаружилось, что программа имеет и некоторые минусы. В частности, в процессе найма рабочей силы, постоянно фиксировались нарушения, незаконное использование стажеров, и даже частично факты коррупции. Кроме того, программа ITS подвергалась критике за увеличение числа незарегистрированных трудовых мигрантов и нарушение трудового законодательства и прав трудовых мигрантов. Для решения этих и других проблемных вопросов, правительство Кореи совместно с Международной организацией труда (МОТ) создало в 2004 году систему выдачи разрешений на работу EPS (Employment Permit System).

В рамках программы EPS, по данным министерства труда, на начало 2017 г., РК имеет двусторонние соглашения в форме Меморандума о взаимопонимании (MOU) с 17 зарубежными странами [Kim Soo Jin]. Согласно этим соглашениям, Сеул постоянно регулирует официальную квоту для пребывания трудовых мигрантов на своей территории из каждой страны. Выполнение условий Меморандума между правительствами РК и стран партнеров (в сфере трудовой миграции) помогает в свою очередь, обеспечить прозрачность процесса отбора и найма трудовых мигрантов из-за рубежа, так как в последние годы в данные процессы часто вовлекались так называемые “брокеры” или же частные посреднические компании,

которые, как правило, старались не нести никакой ответственности за последующее пребывание мигрантов в стране.

Следует отметить, что, хотя в первую очередь трудовые мигранты из-за рубежа привлекались для выполнения грязных, тяжелых и опасных для здоровья видов работ, со временем, помимо острой нехватки низкоквалифицированных рабочих, стала увеличиваться потребность и в высококвалифицированных специалистах в отдельных наукоемких отраслях экономики. Поэтому в качестве особенности миграции Южной Кореи экономисты выделяют иммиграцию квалифицированной рабочей силы, на которую в стране в последние годы предъявляется повышенный и стабильный спрос (табл. 2).

Таблица 2. Квалификационный уровень трудовых мигрантов (тыс.чел.)

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Профессиональные Трудовые мигранты	44.320	47.774	50.264	50.166	50.000	49.000
Не квалифицированные трудоу мигранты	514.000	547.000	479.000	499.000	568.000	577.000

И с т о ч н и к: министерство труда РК.

В связи с этим, правительство РК пытается постепенно увеличивать квоты для привлечения из-за рубежа не только трудовых мигрантов, но и для приглашения иностранных специалистов. Однако, если посмотреть на динамику, то можно увидеть, что рост в этом направлении не очень большой.

Миграция в области образования

В последние годы наблюдается стремительный рост и в сфере образовательной миграции, приобретающей сегодня все более широкие масштабы. Так, в 2016 г. количество иностранцев, обучающихся в РК, превысило 100 тыс. человек. По данным министерства юстиции РК, на начало 2017 г. данный показатель составил 127.118 человек, что является в своем роде рекордом за все последние годы. Из них, более 60 % студентов — приходится на граждан КНР, далее следуют вьетнамцы — 8 %, монголы — 5 %, японцы — 3 %, узбекистанцы — 2 %, индонезийцы и американцы по 1,5 %, а также представители из других стран (около 20 %) (рис. 1) [Korea migration service].

Такая резко возросшая тенденция в сфере образовательной миграции объясняется, в первую очередь, возросшей популярностью среди молодежи в азиатском регионе корейской культурной волны

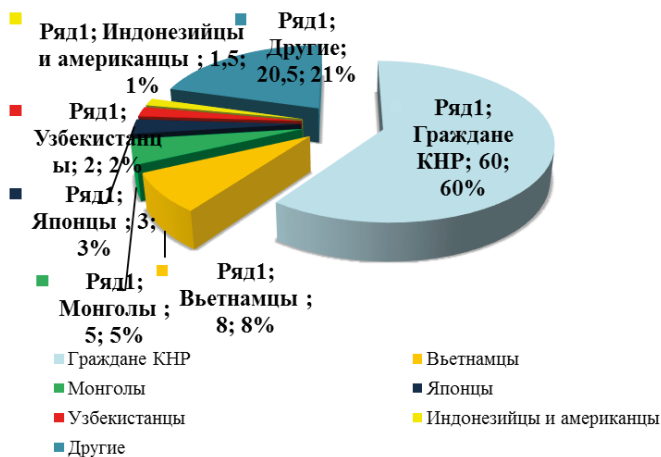

Рис. 1. Обучающиеся студенты в РК¹

Халлю, с почти одновременно предпринятыми мерами и усилиями корейских вузов в вопросе привлечения иностранных студентов.

Таблица 3. Обучение иностранных студентов в РК (тыс. чел.)

По годам	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г. (на март)
Общее колл. иностранных студентов	84.711	81.847	86.410	96.357	115.927	127.118
обучающиеся студенты (D-2)	64.030	60.466	61.257	66.334	76.040	87.295
студенты по изучению кор. языка (D-4>1)	20.681	21.381	25.138	30.017	39.873	39.809

Источник: Korea migration service, Monthly report 2017.03.

Вопросы брачной миграции и интернациональных (мультикультурных) семей

Брачная миграция — это отдельная категория, которая также может рассматриваться в качестве особой группы мигрантов. За последнее десятилетие количество брачных мигрантов в РК резко увеличилось. В общем сегменте брачных союзов РК, их доля выросла с 3,5 % в 2000г. (11.605 человек) до 10,5 % в 2010г. (34.235 человек) [통계청]. Данную тенденцию можно объяснить особенностями корей-

¹ Составлено автором на основе данных [4].

ского общества, где мужчинам с небольшим доходом или разведенным сложно найти супругу, вследствие чего, большинство из них, часто прибегают к услугам “экспорта” невест. В основном, в своем большинстве это девушки из Китая и стран Юго-Восточной Азии — Вьетнама, Филиппин, Таиланда, Индонезии. Однако в последнее десятилетие также много приезжих девушек из Монголии, Узбекистана, Казахстана, России и некоторых других восточноевропейских стран.

Нужно отметить, что еще пару десятков лет назад, корейцы очень недоброжелательно относились к самой идее вступления в брак с иностранцем. До начала 1990-х гг. подавляющее большинство смешанных браков представляло собой в основном союзы американских солдат из размещенных в Корее военных частей и корейских девушек, как правило, в большей своей части работающих в различных сомнительных заведениях, что естественно отрицательно влияло на общее представление корейцев о браке с иностранцами.

Однако со временем, по мере развития и возрастания корейской экономики, улучшения уровня жизни и условий проживания, ситуация в этой сфере стала кардинально меняться. Сегодня, Южная Корея является одним из мировых лидеров по интернациональным бракам, где общая доля брачных союзов с иностранцами составляет в среднем 10 % (это один из самых высоких показателей в мире). В последнее десятилетие примерно каждый десятый брак в стране был союзом между гражданами Южной Кореи и иностранцами. Пиковым считается 2005 год, когда доля браков с иностранными гражданами достигла 13,5 % (42.400 человек). Для сравнения, в соседней Японии (где население страны почти в 2,5 раза больше чем в Южной Корее) данный показатель (брачных союзов с иностранцами) составляет примерно 3.3 %.

Таблица 4. Количество брачных союзов южнокорейцев с иностранцами (тыс. чел.)

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Общее количество браков с иностранцами	34.235	29.762	28.326	25.963	23.316	21.274
кор.мужчины + иностранские женщины	26.274	22.265	20.638	18.307	16.152	14.677
кор.женщины + иностранские мужчины	7.961	7.497	7.688	7.656	7.164	6.597

И с т о ч н и к: Ministry of Gender Equality and Family.

В результате таких смешанных браков возникает сложная семья, которая требует особого внимания со стороны государства и дополнительных расходов по адаптации жен и социализации детей. По данным исследований 40 % детей из смешанных семей с трудом говорят по-корейски [Маслов]. Вместе с тем, рождаемость в таких семьях значительно выше, чем в “национальных” семьях. По прогнозам Института политических исследований “Asan” (г. Сеул) к 2020 г. в таких семьях родится до трети всех детей — 1,67 млн. или около 3,3 % от всего населения Южной Кореи.

В связи с возникающими проблемами смешанных браков, правительство Кореи в последнее время вынуждено увеличить финансовые требования для корейских мужчин, чтобы уменьшить число таких семей среди бедной части населения. Также были ужесточены языковые требования для потенциальных жен и контрольный надзор за брачными агентствами. Таким образом, общее число браков с иностранцами немного удалось снизить, однако проблемы брачной миграции остаются.

Одной из важных проблем как трудовых, так и брачных мигрантов, можно назвать сложность адаптации в корейском обществе — трудностями понимания культурных и национальных особенностей местной жизни, сложностями в изучении языка, специфики взаимоотношений в корейском обществе, национальных семейных традиций и устоев. Такая социокультурная несовместимость, а также, сложности психологической адаптации к новым условиям жизни, способствуют тому, что мигранты продолжают следовать своим национальным обычаям и традициям, которые часто противоречат представлениям корейцев о цивилизованности и традиционному образу их жизни.

Большая культурная дистанция, существующая между частью мигрантов и коренным населением Кореи, является сегодня источником многочисленных проблем, начиная от банального бытового непонимания мигрантов и коренных жителей, и заканчивая совершением мигрантами действий, противоправность которых они не осознают в силу специфики своего менталитета.

Проблема правонарушений и преступности среди мигрантов

Одна из острых проблем мигрантов в РК — это преступность, связанная в основном с нелегальной миграцией. В настоящее время больше всего иностранцев, нелегально находящихся на территории Кореи, проживают в крупных городах страны. Многие из них рабо-

тают в сфере обслуживания, на стройках. Некоторые из них подолгу проживают нелегально, стараясь как можно дольше задержаться в стране, после окончания действия их трудовых договоров и истечения срока визы. Противоправному поведению таких мигрантов чаще всего способствует их неблагоприятное социальное положение в стране. В силу неустроенности, экономических проблем, отсутствия легального статуса, многие из них вовлекаются в криминальную деятельность, так как в поисках заработка оказываются готовыми к выполнению любой работы, вовлекаясь в теневую экономику, рискуя при этом, иметь проблемы с правоохранительными органами.

Так, например, по данным главного статистического управления РК, за последние 5 лет (в период с 2010 по 2015 гг.) количество иностранцев, совершивших преступления на территории РК, резко возросло и составило 156 тыс. 749 человек [외국인 범죄].

Еще в 2014г. депутат от партии “Сэнури” Ли Чхоль У [서울신문], поднял острую проблему нехватки местных кадров для работы с иностранцами и предложил соответствующим органам правительства РК принять ряд мер по разрешению данной проблемы с целью снижения уровня преступности среди иностранных граждан, постоянно проживающих на территории РК. По его данным, на тот период (на начало 2014 г.) в стране проживало 1.569.470 иностранных граждан, работой с которыми занимались 1.093 полицейских. Соответственно, на каждого полицейского, приходилось по 1.436 иностранцев, что естественно затрудняло эффективность профилактики правонарушений среди данного контингента. По его словам, на г. Сеул и провинцию Кенгидо приходилось 32 % всех преступлений, совершенных иностранцами, на провинцию Кенсан-Намдо — 5,6 %, город г.Инчхон — 5 %, город Тэгу и провинцию Кенсан-Пукто по 3 %.

Еще одна проблема трудовых мигрантов связана с их непогашенными задолженностями по кредитам и долговыми обязательствами перед банками или другими государственными организациями и учреждениями Южной Кореи. В связи с этим, 5 октября 2016 года в Корею были приняты дополнения к основному закону № 5057, согласно которым иностранцы, проживающие в Южной Корею, будут привлекаться к административной ответственности за невыплату кредита или несвоевременные выплаты любого займа. А наличие административного нарушения, в свою очередь, является нарушением миграционных условий пребывания на территории Республики Корея, что влечет за собой отказ от продления внутренне-

го удостоверения личности или получения последующей визы, или запрет на повторный въезд в Республику Корея.

Совершенствование миграционной политики РК

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими вопросы трудовой миграции в Республике Корея, являются Законы: об иммиграционном контроле, гражданстве, найме на работу иностранных граждан и зарубежных соотечественниках. Чтобы действующее законодательство страны в сфере миграции соответствовало современным вызовам и проблемам, с которыми сталкивается сегодня южнокорейское общество, правительство РК старается предпринимать различные меры по борьбе с нелегальными мигрантами.

Прежде всего, правительство выставляет достаточно жесткие рамки для приезжающих трудовых мигрантов, которые не позволяют им оседать в Корее для постоянного проживания, а также формировать собственные анклавные и диаспоры, которые могли бы затем вмешиваться в жизнь корейского общества. То есть, здесь мы можем наблюдать желание пассивного контроля со стороны правительства РК, чтобы регулировать и регламентировать интеграцию и влияние иностранных граждан на моно-социальное устройство и экономическую жизнь в РК.

За нарушение установленного порядка трудовой миграции, в последнее десятилетие корейскими соответствующими ведомствами разработана и внедрена строгая и широкая система штрафов. Крупные штрафы за нарушения пребывания в стране, и расходы по депортации возлагаются на компании и частных предпринимателей, у которых работал мигрант. Штрафы практикуются и в отношении нелегальных посредников, (брокеров) занятых незаконным импортом рабочей силы, вплоть до уголовной ответственности. Таким образом, в последнее время, все больше возлагается ответственность на приглашающую сторону, которая полностью должна нести персональную ответственность за пребывание иностранного гражданина, въезжающего на территорию РК по приглашению того или иного предприятия, организации, или частного лица. Тем самым, правительство РК пытается четко контролировать потоки мигрантов как трудовых, так и не легальных у себя в стране, так как при столь жесткой системе штрафных санкций и ответственности не каждый предприниматель или предприятие будет иметь желание использовать у себя иностранных рабочих на нелегальной основе в целях экономии финансовых средств.

Одним из эффективных способов борьбы, с находящимися в стране нелегалами, является — «программа добровольного выезда из РК» (миграционная амнистия) для добровольного выезда трудовых мигрантов, нелегально пребывающих в стране (когда они могут добровольно выехать на родину, без штрафных санкций и запрета на последующий въезд). Данная мера, предпринимаемая властями РК, впервые была опробована и протестирована в 1994 г. Однако, полноценно и на ежегодной основе она стала действовать с 2004 г. и сразу же показала свою высокую эффективность. Так, по данным министерства юстиции РК, если в 2010 г. количество мигрантов, воспользовавшихся данной программой, составило 24.432 человек, то уже в 2016 г. данный показатель превысил почти в два раза и составил 52.439 человек. [법무부]. Для сравнения, в эти же года показатель депортируемых мигрантов (задержанных властями) на родину был почти в два раза меньше — 13.474 чел. (в 2010 г.) и соответственно 28.784 (в 2016 г.). Больше всего среди выехавших иностранцев, находившихся в РК незаконно, оказалось выходцев из Китая, за ними следуют граждане Таиланда, Вьетнама, Филиппин и Индонезии.

Таблица 5. Количество депортируемых мигрантов из РК (тыс. чел.)

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Количество задержанных и депортированных мигрантов	13.474	18.034	18.248	18.268	18.316	21.919	28.784
Количество мигрантов депортированных по миграционной амнистии (на добровольной основе)	24.432	22.841	24.026	28.175	25.648	28.576	52.439

Источник: Министерство Юстиции РК.

Программы адаптации для мигрантов

Важнейшими институтами участвующих в формировании различных образовательных программ адаптации и выработки политических мер для регулирования миграционной политики в отношении иностранных мигрантов в Корею являются:

- Министерство юстиции
- Министерство труда и занятости
- Министерство образования,
- Министерство по делам женщин и семьи,

- Центр поддержки многонациональных семей,
- Международный исследовательский и учебный центр миграции,
- Центр иностранной рабочей силы, и ряд других организаций.

Данные организации, изучают, разрабатывают и внедряют в действие разнообразные образовательные и адаптационные программы и тренинги для иностранцев, которые помогают им в определении и выборе профессии, обучении экономической грамотности, обучении базовым понятиям культуры и правилам этикета и поведения в корейском обществе, работе на компьютере, бесплатному обучению корейскому языку, и многое др.

Одной из таких программ для иностранцев является — Программа социальной интеграции (Immigration and Social Integration network — КИП), которая обеспечивает удобство в приобретении знаний о гражданстве РК, знание правовых основ, основ экономики, понимание образа жизни в корейском обществе и корейской культуры. Данная программа также полезна для тех иммигрантов, которые уже закончили необходимые образовательные и адаптационные курсы (корейского языка или об интеграции в корейское общество), одобренные Министерством Юстиции, а также с целью поддержки внутренних иммигрантов с возможностью последующей самостоятельной адаптацией и интеграции в корейское общество. Удобство программы КИП заключается еще и в том, что подать заявку и записаться на обучающие курсы, проводимые в рамках КИП может любой желающий иностранный мигрант (при наличии типа виз: H-2, F-6, F-22, F-27, D-1, D5~D9, F-1, F-3, E1~E5, E-7) в режиме онлайн через интернет.

Наряду с КИП, функционирует также программа по оказанию юридической поддержки иностранцев, пребывающих на территории РК, созданная Министерством юстиции совместно с Министерством административного управления и внутренних дел, а также Корейской ассоциацией адвокатов.

Система юридического консультирования иностранцев начала работу еще в конце 2015г. Речь идет о уже существовавшей системе «местных адвокатов», которые оказывали помощь гражданам страны. Однако теперь такой помощью могут воспользоваться и иностранцы, которые столкнулись с той или иной проблемой, в разрешении которой необходимо участие юристов. Юридическая помощь предоставляется иностранцам в тестовом режиме в 10 администра-

тивных округах Сеула, в которых проживает наибольшее количество иностранных граждан. В этих округах задействованы 57 адвокатов.

Консультации по проблемам, касающихся иностранных рабочих проводит также и “Центр поддержки иностранной рабочей силы” (Korea Support Center for Foreign Workers), созданный при содействии министерство труда РК в декабре 2004 года. По данным этого Центра, в 2015 году было зарегистрировано 29.830 консультаций, из которых 30 % составили проблемы языкового барьера и связанные с ними трудности в общении, 24 % — административные вопросы, 18 % — проблемы смены работы, 13 % — конфликтные ситуации на рабочем месте, 7 % — трудности в повседневной жизни. Лекции об основах трудового законодательства, а также базовые основы корейского языка и компьютерной грамотности получили 10.984 человек. Подобные консультации проводятся с 2011 г. на 16 языках мира.

Следует отметить, что отдельно существуют специальные правительственные программы и реабилитационные центры, направленные на адаптацию приезжих из Северной Кореи о которых не говорится в данной статье. Данную категорию, по мнению автора, можно выделить в отдельную широкую тему исследования, а потому, автор ее и не вносит в объект исследования внутренних вопросов миграции РК.

Фактически граждане КНДР не рассматриваются как иностранные мигранты, поскольку, по существующему законодательству, беженцам (или перебежчикам) из КНДР, автоматически предоставляется статус граждан Республики Корея и формально они получают те же стартовые возможности, что и другие граждане страны. Но при этом, для них также требуется серьезная психологическая адаптация к жизни в совершенно иных экономических и культурных условиях.

Образованным беженцам — бывшим северокорейским чиновникам, дипломатам, военным, творческой интеллигенции, как правило, легче приспособиться к реальностям южнокорейского общества и занять в нем неплохое положение, но доля таких представителей северокорейской политической и интеллектуальной элиты, в общей массе перебежчиков в последнее десятилетие невелика. В основной массе это малообразованные крестьяне или неквалифицированные работники, которые имеют очень мало шансов успешно интегрироваться в южнокорейское общество. Оказавшись в Южной Корее, они в свою очередь, также становятся дополнительным источником социальных проблем. Поэтому адаптация северокорейцев

к жизни в южнокорейском обществе, также находится под контролем правительства Республики Корея.

Выводы, заключение

Проведенный краткий анализ вышеизложенных проблемных вопросов, а также статистических данных, показывает наличие существенных изменений миграционных процессов, происходящих в последнее время в Республике Корея, которая в настоящее время является одной из наиболее развитых в экономическом отношении азиатских стран.

Экономическое развитие Республики Корея достигло такого уровня, на котором возникла потребность в привлечении дополнительных трудовых ресурсов не только в простой рабочей силе, но и в сферу инновационных и высокоточных технологий, таких как: медицина, космическая и атомная промышленность, биотехнологии, и других наукоемких отраслей, нуждающихся в специалистах экстра-класса. Также будет неуклонно расти и потребность в неквалифицированной рабочей силе, так как исчерпан ее внутренний миграционный ресурс, в связи с сокращением трудоспособного населения в сельской местности, и повышением в целом экономического уровня жизни корейского населения, которое уже не желает трудиться в низкооплачиваемом секторе экономики, на тяжелых работах, не требующих квалификации, в то время как определенная прослойка иностранной рабочей силы готова трудиться за небольшую оплату.

Сегодня для поддержания ее последующего экономического роста требуются соответствующие трудовые резервы, которые РК не может создать самостоятельно, в том числе в связи с постоянным падением рождаемости и, параллельно связанным с этим, постепенным старением населения. Как считают эксперты, выходом из сложившейся ситуации является увеличение миграционных потоков в ближайшем будущем. По прогнозам экспертов, в 2030 г. Южной Корее потребуется до 4,3 млн. рабочих, в 2050 — до 11,8 млн. и до 15,3 млн. в 2060 г. [Маслов].

Таким образом, ежегодно растущий приток мигрантов и возросшее общее количество числа иностранных граждан в РК, будет способствовать важным демографическим и социально-политическим изменениям моносоциального устройства южнокорейского общества, сформированного на протяжении многих десятилетий.

Ввиду того, что Республика Корея долгое время развивалась в условиях относительной изоляции, вопрос сохранения моноэт-

ничности своей страны будет очень чувствительным для корейского общества, которое, с одной стороны, осознает необходимость привлечения иностранных трудовых мигрантов, а с другой стороны, весьма настороженно к ним относится. Можно сказать, что сегодня для Южной Кореи создается уникальная возможность развивать мультикультурное общество, где люди имеют различные национальные и культурные традиции, опыта, которого не было до определенного времени в стране.

В обществе, где люди имеют сегодня различные национальные и культурные традиции, диверсификация внутренней политики будет являться неизбежной. Мигранты, постоянно проживающие на территории РК, уже сегодня создают свои сообщества, диаспоры, ассоциации, группы компактного проживания, и т. д., на деятельность и активность которых, правительство РК будет вынужденно реагировать должным образом, учитывая интересы и права, проживающих у себя в стране иностранных граждан. В этой связи, сегодняшняя политика ограничительной миграционной стратегии может показать свою неэффективность в свете решения долгосрочных проблем в этой сфере.

Одним из направлений по улучшению миграционной политики РК должно явиться также совершенствование систематизированного комплекса мер, эффективного и четкого механизма для адаптации иностранных мигрантов и их полноценную интеграцию в южнокорейское общество. Несомненно, хотя в последние годы правительство РК и стало уделять повышенное внимание постоянно проживающим в стране иностранным гражданам, однако, несмотря на это, в обществе параллельно растут также и различные проблемы, связанные с проживанием и деятельностью иностранных мигрантов. В данном контексте можно усмотреть определенные недостатки, а также уязвимые места в сегодняшней миграционной политике, проводимой властями РК.

С учетом, динамики социальных процессов, которые сегодня происходят в РК, а также в свете экономической глобализации и современных потребностей, можно предположить, что проблема миграции в РК, в ближайшее десятилетие сможет войти в десятку самых важных и острых социальных проблем, с которым столкнется корейское общество в ближайшей перспективе.

В этой связи, по мнению автора, одной из важных задач для РК сегодня является совершенствование своей правовой системы, ее адаптации в части миграционного законодательства (семейного права, уголовного законодательства и т. д.), в контексте разработки

долгосрочной стратегии в отношении решения многочисленных проблемных вопросов, которые будут связаны с постоянным увеличением пребывающих в страну иностранных граждан и интеграции их в южнокорейское общество.

Список использованной литературы

1. Яковлева А. В. Корея: система страхования занятости для помощи безработным во время кризисов // Российское предпринимательство. 2012. № 5 (203). С. 17–24.
2. Маслов В. Демографические изменения в Южной Корее в свете миграции. [Электронный ресурс]: <https://cont.ws/@vladimirmaslov/140390>
3. Kim Soo Jin. “Reforming Korea’s Migration Policy” International Journal of Knowledge and Innovation in Business (IJKIB) Vol. No.1 February p.21–36.
4. Korea Immigration Service, Ministry of Justice of ROK Monthly report 2017.01 p.26.
5. Korea migration service, Ministry of Justice ROK, Monthly report 2017.03 p.28.
6. 통계청 (결혼이민자 현황) URL: http://www.immigration.go.kr/HP/COM/bbs_003/ShowData.do?strNbodCd
7. 외국인 범죄 (2010년 ~ 2015년) 통계청 // 총 범죄건수 URL:http://www.index.go.kr/potal/main/EachDtlPageDetail.do?idx_cd=1618
8. 서울신문, 국회 안전행정위원회.정보위원회 소속 새누리당 이철우 의원 URL: <http://www.seoul.co.kr/news/newsView.php?id=20140825800008#csidx3a79f0a0163f0b5ba44a67d982cf196>
9. 법무부 이민정보 과 미발표자료

ПОЛОЖЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ СЕМЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

С конца 1990-х годов Республика Корея является страной, где происходят серьезные изменения, которые затрагивают все области жизни. В рамках этих изменений на протяжении последних десятилетий в южной части Корейского полуострова идет необратимый процесс увеличения численности иностранцев, приезжающих в страну для постоянного проживания. В 2015 году их численность составила 1 711 013 человек (3,3 % от общего населения страны), что в три раза больше, чем в 2006 году.

Среди общего количества иностранцев, приезжающих в Корею достаточно большая доля приходится на брачных мигрантов. Увеличение количества брачных мигрантов связано с процессами урбанизации и индустриализации, которые уже достаточно давно начались в Корее. В результате, значительное количество корейских мужчин, достигших брачного возраста, имеет определенные проблемы с поиском супруги среди соотечественниц, которые замужеству предпочитают образование и карьеру. Определенную роль играет и традиционная для Кореи диспропорциональность соотношения мужчин и женщин. Соответственно, начиная с 2000 года, возрастает количество международных браков. В 2000 году доля международных браков составляла 3,5 % (11 605 человек), а уже через 5 лет она увеличилась почти в 4 раза и составила 13,5 %. В последующие годы доля таких браков находилась в пределах 10 %. Важно отметить, что около 75 % таких браков заключается между корейцами и иностранными женщинами. Среди основных поставщиков невест Китай (4198 браков, заключенных в 2016 году) и Вьетнам (5377), также брачные мигранты приезжают из Филиппин (864), Камбоджи (466), Таиланда (720) и других стран. На февраль 2014 г. число брачных мигрантов составляло 300 тыс., одни из которых имели паспорта своей страны, другие получили гражданство Южной Кореи [*국제결혼 현황*]. В результате таких браков возникает семья, которая требует особого внимания со стороны государства и дополнительных расходов по адаптации жен и социализации детей.

Стремясь облегчить процесс адаптации членов мультикультурных семей государство осуществляет различные меры. Политику со-

циальной интеграции иностранных жен и членов их семей проводит Министерство по вопросам гендерного равенства и семьи (여성가족부). Начиная с 2006 года, был принят ряд законов, направленных на поддержку мультикультурных семей [Ем, 2013]. Правительство стремится облегчить адаптацию иностранных жен и детей, рожденных в интернациональных семьях, с помощью открытия центров поддержки мультикультурных семей (다문화가족지원센터), где на бесплатной основе преподают корейский язык и изучают разные аспекты жизни в корейском обществе. На сегодняшний день в стране существует 217 таких центров.

Однако вопросы правового статуса иностранных женщин все еще остаются нерешенными, он во многом остается зависим от корейского супруга до и после заключения брака. Подобные неравные отношения с иностранными женами, чей экономический статус до брака был хуже, чем мужа, ставят ее в зависимое положение от мужа и его семьи.

Брачные мигранты испытывают и другие проблемы. Иностранные жены все еще лишены возможности получения пособий по социальному обеспечению. Относительно слабый уровень владения корейским языком осложняет процесс адаптации к жизни в Корею. Кроме того, вокруг иностранных жен в корейском обществе сформировались определенные негативные стереотипы. Существует также отрицательное восприятие иммигрантов как аферистов, которые используют брак для незаконного проникновения в страну и зарабатывания денег. Одновременно средства массовой информации культивируют образ корейских мужей в таких семьях, как представителей низкого социального слоя, которые не смогли жениться на кореянке и обращаются к брачным агентствам в поисках жены из стран «третьего мира».

Мультикультурные семьи в Южной Корее относятся к низким социально-экономическим слоям. Демонстрируя многокультурность страны, государство все еще не способно удовлетворить потребности мультикультурных семей с низкими доходами. В статистических материалах отсутствуют сведения о трудовой занятости брачных мигрантов, что объясняется их работой на дому. Большинство брачных мигрантов хотят работать, но лишь немногие могут трудоустроиться на хорошо оплачиваемую работу в силу недостатка уровня образования или квалификации. Правительство предоставляет учебные программы, ориентированные на знакомство с корейской культурой, однако возможности получения профессионального образования для иностранных жен сильно ограничены.

В корейском обществе существует тенденция признания иммигрантских жен не как независимых граждан, а как жены корейского мужчины, матери корейских детей. По сути, декларируя патриархальную идеологию корейской семьи, общество ассимилирует их в корейское общество без их согласия. Предоставляя услуги по изучению корейского языка, обычаев и традиций, открывая курсы по приготовлению корейской еды, акцент делается на ассимиляцию иностранных жен в корейском обществе. Женщины-мигранты в браке практически не получают равного к себе отношения, интереса к ней как к равному субъекту нет, общество не видит необходимости понимания культуры страны, из которой они прибыли [Ем, 2013]. С другой стороны, появляются предложения по усовершенствованию системы здравоохранения и предоставления социальных услуг мультикультурным семьям.

Отдельной проблемой мультикультурных семей является социальная адаптация детей от смешанного брака в корейском обществе. Поскольку матери в интернациональных семьях зачастую плохо владеют корейским языком, дети также не обладают уровнем языка, достаточным для овладения образовательной программой. Это, в свою очередь, приводит к проблемам в учебе, что особенно важно в Корее, где по-прежнему царит культ образования. Кроме того, недостаточный уровень корейского языка приводит к проблемам в общении со сверстниками.

Таким образом, на сегодняшний день, корейское общество еще не готово проводить политику мультикультурализма по отношению к членам интернациональных семей. Мигрантам же в таких условиях нужно пройти процесс социальной интеграции, после чего они смогут приобрести чувство принадлежности к корейскому обществу и нации в качестве полноправного ее члена.

С другой стороны, увеличение количества брачных мигрантов позволит облегчить демографические проблемы, связанные с сокращением рождаемости и старением населения, поскольку рождаемость в мультикультурных семьях значительно выше, чем в среднем по стране. Поэтому, представляется, что перед государством стоит важная задача по совершенствованию политики мультикультурализма в стране.

Список использованной литературы

1. 국제결혼 현황. http://www.index.go.kr/potal/main/EachDtlPageDetail.do?idx_cd=2430

2. *Ем Н. Б.* Мультикультурализм в Южной Корее: новый миф и реальность (случай брачных мигрантов) // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия востоковедения, 2013

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ¹

Образовательная миграция является предметом значительно интереса представителей различных научных дисциплин: социологии, социальной антропологии, демографии, экономики, культурологии, политологии и др. Развитие социологической теории миграции в настоящее время осуществляется путем построения целостной системы знаний, позволяющей всесторонне исследовать различные проявления мобильности населения, включая образовательную миграцию. Междисциплинарный подход разрабатывают Ч. Кили, К. Бреттель и Дж. Холлифилд [Brettel, Hollifield, 2000], М. Критц, С. Томаси, М. Суарес-Ороско, Дж. Урри [Sheller, Urri, 2009]. Особый интерес представляют работы Дж. Уотерс и Р. Брукс по вопросам образовательной миграции молодежи стран Юго-Восточной Азии [Brooks, Waters, 2011].

Некоторые авторы выделяют в структуре образовательной миграции два вида мобильности — релокацию (возвращение ученых, специалистов, ранее уехавших учиться или стажироваться за рубежом) и научно-образовательную миграцию (передвижение студентов и стажеров между странами в целях получения новых компетенций, включения в международные сетевые трудовые, исследовательские и коммуникативные отношения) [Выхованец, 2007, с. 31].

Принимая во внимание, что образовательная миграция во многом обусловлена наличием миграционных сетей нового качества, которые функционируют за счет поддержания учебных, научных и трудовых контактов, а также перспективами профессиональной самореализации, структура международной образовательной миграции может быть представлена в виде следующих видов мобильностей: 1) учебная миграция, охватывающая перемещения с целью получения среднего, среднеспециального и первого высшего образования, а также различные каникулярные программы; 2) иммиграция с целью получения второго высшего и последующих ступеней образования, ученой степени, прохождения научной стажировки;

---

¹ This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

3) иммиграция с целью профессионального развития (обучения на языковых курсах, семинарах, программах переподготовки) [Алексева, 2012, с. 116–117].

Недавние исследования по вопросам образовательной миграции показали различные формы семей, включенных в миграционные процессы. В Южной Корее в результате экономических и социальных изменений возник феномен семьи-*кироги* (с корейского языка — дикий гусь), члены которой выбирают проживание в разных странах ради образования детей [Хван, Ким, 2015, с. 533]. Семьи, принадлежавшие к среднему классу, отправляют детей за границу с целью изучения английского языка, получения образования в англоязычной школе и/или университете. Один из членов семьи переезжает вместе с детьми, чтобы обеспечить заботу и уход. Обычно это касается матери или других родственников женского пола. Как правило, дети школьного возраста вместе с матерями уезжают учиться в Новую Зеландию, Австралию, Канаду, Америку или Великобританию. При этом, отец семейства остается в Корее, взяв на себя бремя одиночества и финансового обеспечения всех членов семьи.

Термин семья-*кироги* ведет свое происхождение от словосочетания «кироги-отец» (с корейского — «кироги-аппа»), введенного корейскими СМИ для обозначения отца, проживающего отдельно от своей семьи для заработка. Существует несколько причин того, почему прижилось данное выражение. Во-первых, в начале 1960-х гг. термин нашел свое отражение в песне «Отец-перелетная птица» корейской певицы Ли Мичжа, в которой пелось о горечи расставания отца с членами семейства. Впоследствии она была запрещена правительством, так как песня с таким содержанием могла вызвать негативное отношение к вовлечению корейских солдат в войну во Вьетнаме. Во-вторых, в Корее дикие гуси традиционно ассоциируются с символом гармонии между супругами [Хван, Ким, 2015, с. 92].

По результатам исследования жилищных условий населения Кореи Национальным управлением статистики Республики Корея в 2014 году, из 1,15 млн семей, в которых супруги проживают раздельно, примерно половину составляют семьи-*кироги*. По данным исследования перемещения населения за границу по результатам 2011 года, число корейцев, покинувших страну с целью обучения или прохождения стажировки за границей, составило около 568 тыс. людей (в 2005 году количество образовательных мигрантов составило около 100 тыс. человек). [Хван, Ким, 2015, с. 93].

Как отмечают многие исследователи [Lee, Koo, 2006; Kim, 2010], корейцы переезжают за рубеж с образовательными целями в доволь-

но раннем возрасте. Школьники первой и второй образовательной ступени мигрируют в другие страны с перспективой поступления в зарубежный университет, хотя бывают и исключения. Корейские родители возвращаются с детьми в Корею до перехода в школу третьей ступени в надежде, что опыт проживания за рубежом даст их детям конкурентные преимущества при поступлении в университет на родине.

Причиной увеличения такой формы обучения стала, прежде всего, отмена мер по ограничению образования за рубежом в раннем возрасте, а также стремление родителей-представителей среднего класса повысить статус семейного клана и расширить карьерные возможности детей. Если раньше южнокорейская семья была ориентирована на благополучие родителей, то теперь приоритетом стали дети.

При этом необходимо отметить некоторые характерные особенности образовательной миграции представителей Южной Кореи.

Во-первых, особенность выбора учебного заведения представителями *кироги*-семей — абсолютное предпочтение образования на английском языке. Они стремятся к получению образования, в большинстве случаев, в англоязычных странах — США (наиболее популярное направление), Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Также необходимо отметить, что сравнительно недавно рынок высшего образования на английском языке распространился на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, например, Сингапур и Индию. США и Великобритания являются, среди прочего, странами-лидерами по показателям притока иностранных студентов в мире. Они принимают свыше 1 млн человек в год. По данным Института статистики ЮНЕСКО [UNESCO Institute for Statistics], выделяют 8 ведущих стран-реципиентов, принимающих более 70 % иностранных студентов: США — 20 % совокупного массива, Великобритания — 13 %, Франция — 8 %, Германия — 8 % (50 % учебных мигрантов приходится на долю упомянутых стран), Австралия — 7 %, Китай — 7 %, Канада — 5 %, Япония — 4 %.

Другая отличительная черта образовательной миграции среди корейцев — это то, что детей обязательно сопровождает мать или другая близкая родственница (тетя, бабушка и т. д.). Когда дети из *кироги*-семей поступают в старшую школу, или школу третьей ступени, корейские матери иногда «оставляют» детей одних в стране обучения, возвращаясь к мужу в Корею. Такой тип транснациональной семьи некоторые авторы называют «семьями-астронавтами», «спутниковыми семьями». Качественные исследования корей-

ских школьников, проживающих в Северной Америке и Австралии в 1990-е гг., выявили следующую характерную особенность: сиблинги из *кироги*-семей проживали обычно в домах дальних родственников, которые переехали ранее за рубеж, либо жили в семьях корейских американцев, например, в пригородах американского штата Калифорния [Brooks, Waters, 2011, с. 53].

Третья характерная черта образовательной миграции корейской молодежи заключается в том, что в большинстве случаев получение образования за рубежом становится, скорее, «семейным проектом», а не личным выбором ребенка. Дети из *кироги*-семей реализуют несущественные мечты родителей о лучшем профессиональном образовании или продолжении семейной традиции работы в той или иной отрасли. Корейские родители оплачивают университетское образование за рубежом для получения более прикладных или популярных (с их точки зрения) специальностей. Дети, в свою очередь, соглашаются с выбором родителей не только из чувства конфуцианской сыновней почтительности, но элементарно из-за того, что родители являются для них единственным источником финансовой поддержки при получении образования за рубежом [Brooks, Waters, 2011, 54].

В южнокорейском обществе большую роль играет уровень образования и знание английского языка (или сертификат подтверждения владения языком). Как следствие, учебные заведения становятся каналами социальной мобильности, так как именно от уровня образования и положения ученого заведения в рейтинге зависят карьерные пути, уровень зарплаты, а впоследствии образование определяет социальное положение в обществе.

Об индивиде составляет первое впечатление на основании того, какую школу он закончил, в какой университет поступил. На результат может повлиять даже то, какой вуз окончили родители. Примечательно, что относительно недавно при поступлении в школу ученики вписывали в «журнал жизни учеников» профессию и образование родителей. Во многом именно от статуса и положения родителей зависело, как учитель будет относиться к ребенку.

Если раньше учебу за границей могли позволить себе только выходцы из богатых семей, то сейчас представители среднего класса также выбирают отдельное проживание ради образования. Роль образования и укоренившаяся в общественном сознании идея, что социальное положение напрямую зависит от связей, приобретенных во время учебы, способствуют распространению феномена *семьи-кироги*.

Образовательная миграция корейцев обусловлена выбором стран для миграции не только англоязычным пространством, т.е. возможностью освоения английского языка в совершенстве, но и возможностью включения в элитарную группу «транснационального капиталистического класса» (*transnational capitalist class*) [Sklair, 2001]. С этой точки зрения, выпускники англоязычных вузов располагают перечнем преимуществ и компетенций, связанных с транснациональными социальными сетями и включенностью в социально-экономическую среду страны пребывания. Таким образом, корейцы-выпускники зарубежных школ формируют своеобразный эксклюзивный клуб, основанный на аналогичном опыте полученного образования и социальных навыков, признаваемый корейским обществом и наделяемый особым статусом в южнокорейском пространстве.

При этом, необходимо отметить, что в число престижных англоязычных образовательных учреждений, помимо Америки и Великобритании, за последние десятилетия вошли вузы Сингапура, Гонконга и Малайзии. Языком общения и образования, например, в Сингапуре преимущественно является вариант английского языка «синглиш» (*singlish* — сингапурский вариант английского языка). С одной стороны, использование синглиш вместо английского языка не удовлетворяет потребностям и желаниям родителей корейских студентов, с другой стороны, появилась новая тенденция на активное использование смешенного китайско-английского языка, что отражает необходимость взаимодействия с синглиш-говорящими бизнес-партнерами [Park, Bae, 2009].

Транснациональная бивалентность образовательной миграции, предполагающей возвращение на родину, проявляется в повседневных потребительских практиках корейских студентов, которые, например, не меняют своих кулинарных привычек, отдавая предпочтение блюдам корейской кухни за рубежом. Корейская молодежь активно посещает корейские рестораны за рубежом и готовит корейскую еду дома, но она также с удовольствием ходит в различные глобальные франчайзинговые сети кафе и ресторанов, например, Старбакс и Макдональдс. Исследователи объясняют это тем, что данные практики ассоциируются у корейских студентов с родиной, где подобные международные сети вошли в перечень повседневных практик современной молодежи Кореи [Collins, 2008, с. 166].

Также с иностранными студентами, в том числе с корейскими студентами, связывают процесс трансформации, или реконструирования, городских пространств, где проживают иностранные

студенты. Например, численность зарубежных студентов в новозеландском городе Окленд в 2000-е гг. составила 50 тысяч учащихся, при этом, большую часть их составляют студенты стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Помимо демографических и экономических изменений, появились корейские магазины одежды и обуви, салоны красоты и рестораны [Collins, 2004, с. 53–54].

Важное значение для понимания мотивации образовательных мигрантов из Кореи в англоязычные государства и страны, предлагающие образование на английском языке, имеет понятие культурного капитала П. Бурдьё, отвечающее за институционализированное владение экономическими благами путем полученных университетских и других образовательных дипломов. Само наличие сертификата о присуждении степени бакалавра или магистра в англоязычной школе дает конкурентное преимущество корейскому кандидату на рабочее место на родине. Более того, ключевым моментом для выпускника англоязычной образовательной программы за рубежом являются именно открывающиеся карьерные возможности не в стране получения образования, а в Корее. Поэтому большинство корейских выпускников возвращаются в Южную Корею для реализации своих профессиональных амбиций и повышения социального статуса семейного клана.

Разнообразный перечень мотивов и причин образовательной миграции корейской молодежи обусловлен рядом факторов, снижающих точность знаний об образовательной миграции. Следует выделить несовпадение дат и периодов подсчета количества иностранных студентов и слушателей за определенный период в различных странах; различия в принципах подсчета студентов, обучающихся в вузах разной формы собственности; нехватку сведений о деятельности негосударственных организаций и центров, работающих на рынке международных образовательных услуг. Регулярность социологических и статистических исследований до сих не соответствует численности людей, пребывающих за рубежом в связи с учебой, не соответствует динамике современных миграционных процессов. Необходимая статическая информация является либо неактуальной, либо недоступной. Размывание государственных границ посредством отмены визовых режимов, а также за счет распространения дистанционных и виртуальных форм обучения также осложняет задачу изучения особенностей образовательной миграции.

Список использованной литературы

1. Выхованец О. Д. Управление миграционными процессами // Миграция и развитие. М., 2007.
2. Алексеева Е. А. Особенности и перспективы образовательной миграции в эпоху глобальных трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. М., 2012, № 4. С. 113–135.
3. Хван С., Ким Д. С. Феномен семьи-кироги в современной Корее // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 92–97.
4. Brettel C., Hollifield J. F. Migration theory: talking across the disciplines. N. Y., 2000.
5. Sheller M., Urry J. Mobilizing the new mobilities paradigm, *Applied Mobilities*, Vol. 1, No. 1, p. 10–25.
6. Brooks R., Waters J. Student Mobilities, Migration and the Internationalization of Higher Education. Palgrave Macmillan, UK, 2011.
7. Collins (2008) Of kimchi and coffee: Globalisation, transnationalism and familiarity in culinary consumption, *Social and Cultural Geography*, 9, 2, 151–169.
8. Collins (2004) Transnational bodies, transnational languages, and the transformation of local urban space, *New Zealand Geographer*, 60, 52–59.
9. Kim, J. (2010) “Downed” and stuck in Singapore: Lower/middle class South Korean wild geese (kirogi) children in Singapore, *Research in Sociology of Education*, 17, 271–311.
10. Lee, Y. and Koo, H. (2006) “Wild geese fathers” and globalised family strategy for education in Korea, *IDPR*, 28, 4, 533–553.
11. Orellana M., Thorne B., Chee A., and Lam W. (2001) Transnational Childhoods: The Participation of children in process of family migration, *Social Problems*, 48, 4, 572–591.
12. Park J. and Bae S. (2009) Language ideologies in educational migration: Korean *jogi yuhak* families in Singapore, *Linguistics and Education*, 20, 366–377.
13. Sklair L. (2001) *The Transnational Capitalist Class*. Oxford: Blackwell.
14. UNESCO Institute for Statistics. URL: <http://www.uis.unesco.org/>

КУЛЬТУРНО-ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩНОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ КОРЕЙЦЕВ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ¹

Корейское сообщество является важным элементом сложившейся в Приморском крае этнополитической, социальной, экономической, культурной системы. Формирование, становление и развитие корейской этнической общины Приморского края проходит в большей степени не формально, вне внимания государственных служб и научных исследований. До сих пор не изучены основные культурно-идентификационные характеристики общности этнических корейцев в современном этносоциальном, этнокультурном пространстве края. Впервые автор в качестве объекта научного исследования рассмотрел общность этнических корейцев Приморского края как некое целое, обладающее внутренним единством и функциональной самостоятельностью. Проведенные исследования показали, что общность этнических корейцев, проживающих на территории Приморского края, представляет собой совокупность людей, объединенных в специфическое сообщество, члены которого определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной этнической группе и считают ее членами с точки зрения других [Ильясов, 2016, Соколова, 2012].

Для установления основных культурно-идентификационных особенностей представителей данной общности как устойчивой социальной группы в современном поликультурном пространстве Приморского края автором в период с сентября 2015 года по октябрь 2016 года методом раздаточного анкетирования были опрошены 305 респондентов. Для проведения массового опроса была разработана анкета, с учетом опыта социологических исследований, проведенных автором в период 2009–2011 гг., при изучении общности русскоговорящих корейцев, проживающих в Республике Корея [Соколова, 2012; Соколова, 2012]. Большая часть содержащихся в ан-

---

¹ This work supported by the Core University Program for Korea Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

кетах вопросов основана на мысленном моделировании ситуаций, соответствующих цели исследования. Для проверки валидности разработанного автором инструментария было проведено пилотажное анкетирование, в ходе которого было опрошено 23 респондента. Исследования проводились способом направленной выборки методом снежного кома. Выборочная совокупность характеризуется параметрами, представленными в таблице 1.

Таблица 1. Характеристики выборки

Возраст	35–65 лет
Пол	74 % мужчин, 26 % женщин
Образование	65 % — высшее образование, остальная часть имеет среднее образование или незаконченное высшее
Место жительства	г. Владивосток и его пригороды (76%), г. Артем (19%), г. Уссурийск (5%)
К какому поколению мигрантов относятся	Второму-третьему
Место проживания предков	38 % респондентов являются выходцами из северных территорий Корейского полуострова. Большая часть респондентов не смогла точно указать.

Так как респонденты читали анкету и фиксировали ответы индивидуально, то для детализации отдельной информации, полученной из анкет, в дальнейшем автором было выполнено интервьюирование респондентов (5 человек). Именно гайд-интервью позволило получить более полную информацию об эмоциональном состоянии респондентов, об основных социокультурных характеристиках общности этнических корейцев, которые оказались недоступными при наблюдении и анкетном опросе. Но, не смотря на все предпринятые автором усилия, направленные на повышение достоверности эмпирических данных, полученные выводы могут быть использованы лишь как феноменологический срез основных культурно-идентификационных характеристик общности этнических корейцев, проживающих в Приморском крае.

Анализ литературных источников показал, что за годы проживания этнических корейцев в поликультурной российской среде произошла унификация их ценностей, норм бытового поведения. «Российские корейцы практически утратили родной язык. Для 4-го и 5-го поколений вынужденных переселенцев он стал таким же иностранным, как китайский и японский» [Бугай, 2015, с. 41; Корея и Россия: социокультурная динамика, 2015]. С этим нельзя не согласиться. Действительно, опыт раннее проведенных исследований [Соколова, 2016] показывает, что российские корейцы, прожива-

ющие на территории Приморского края, забыли или не знали корейского языка, не всегда имеют представление об истории своего рода, утратили представление о характерном для исконного корейского этноса конфуцианстве, но при этом они остаются корейцами, четко противопоставляя себя титульной нации [Соколова, 2016]. С целью установления культурно-идентификационной принадлежности общности этнических корейцев, проживающих на территории Приморского края, в анкету был включен вопрос «Ощущаете ли Вы себя представителем другой культуры, проживая в России?». Значительная часть респондентов ответили положительно (47,6%). Наполовину ощущают себя представителями иной культуры 30,3% респондентов. Часть респондентов не отмечает наличие культурных различий между собой и коренным населением (22,1%). На уточняющий вопрос «*Что для Вас означает быть представителем другой культуры?*» респондентам были предложены следующие варианты ответов: а) обычаи, правила поведения, мышления и так далее во многом отличаются от привычных мне; б) нет понятия «чужая» или «своя» культура, все одинаковы; в) следую только своим личным жизненным принципам и норме поведения, независимо от того нравится ли это окружающим; г) вполне комфортно ощущаю себя в «русской» культуре. Большинство респондентов (77,4%) выбрали ответ «г», отмечая комфортность окружающей социокультурной среды. Незначительная часть (11,3%) отметила ответ «а», подчеркивая некоторую отчужденность от окружающего общества. Незначительно число респондентов распределило свои ответы между пунктами «б» (9, 2%) и «в» (2,1%).

Ответы на прямые вопросы, направленные на определение социокультурной идентичности респондентов не всегда дают точное представление об изучаемом феномене. Поэтому для уточнения культурно-идентификационной принадлежности групповой идентичности этнических корейцев автором были использованы дополнительные маркеры, которые основаны на отрицании, либо признании роли культуры страны вынужденной миграции в формировании новых культурных форм мигрантов. Респондентам было предложено ответить на следующий вопрос «*Что для Вас означает быть представителем своей национальности?*», выбрав следующие варианты ответов: а) стараюсь сохранить традиционную корейскую культуру; б) ощущаю себя абсолютно чужим в стране вынужденного проживания; в) хотя я не перестаю оставаться корейцем, много полезного и хорошего взял из обычаев, норм поведения, народного творчества России; г) национальность — это только формальность,

мне все равно в какой стране жить. Анализ ответов показал, что более половины (57,2%) респондентов стараются соблюдать корейские обычаи и традиции, отмечать национальные праздники. Значительная часть респондентов (48,6%) не переставая ощущать себя корейцем, интересуются русской культурой. Согласие с утверждением «национальность — это только формальность» выразило незначительное количество респондентов (1,2%). Приятно отметить, что ни один респондент не выбрал предложенный ответ об ощущении себя абсолютно чужим в стране вынужденного проживания.

Автор сделала попытку оценить состояние социокультурной идентичности респондентов на основе ряда косвенных показателей, таких как удовлетворенность жизнью и потенциальной ориентации на отъезд из страны. В ответах на вопросы о возможной миграции из России в Республику Корея незначительная часть (18,1%) респондентов отметила, что люди должны жить там, где им комфортнее, и готова уехать в более цивилизованную страну. Большая часть респондентов (81,9%) высказала твердое убеждение в том, что они никогда бы не покинули Россию по ряду причин (потеря связи с корейскими родственниками, проживающими в странах Корейского полуострова, незнание языка, потеря устоявшихся связей, сложившегося образа жизни в России и т. п.).

Итак, за десятилетия проживания в стране вынужденной эмиграции корейское сообщество не исчезло как самостоятельный социальный объект, а продолжает существование как на латентном уровне, на уровне частной и семейной жизни, так и на общественном. Высокая адаптивность корейцев Приморского края сочетаются со стремлением к сохранению этнической идентичности. Основной характеристикой анализируемой общности являются их корпоративность и общинность, умение сохранять собственный мир, что и служит залогом сохранения этнической идентичности [Корея и Россия: социокультурная динамика, 2015]. Социально-культурной предпосылкой трансформации этнокультурной идентичности “русских” корейцев в условиях воздействия культуры страны проживания является стремление к сотрудничеству, взаимообогащению культур и языков, что может рассматриваться как основа процесса образования общего коммуникативного поля, пространства «этнических солидарностей и размежеваний», пространства «коллективной рефлексии и идентификации» [Здравомыслов, 2003]. Исследование подтвердило наличие устойчивой коллективной идентичности у представителей общности этнических корейцев, проживающих на территории Приморского края, с тенденцией формирования би-

культурной идентичности. Почти половина респондентов, несмотря на то, что они являются вторым-третьим поколением, вынужденным корейских переселенцев, не перестают ощущать себя представителями инокультуры. Они сохраняют этнические традиции, соблюдают корейские обычаи, но при этом активно интересуются и осваивают формы русской культуры. Треть респондентов считают себя представителями в равной мере, как русской, так и корейской культуры. Подавляющее большинство респондентов (более 2/3) довольно комфортно ощущают себя в окружающей социокультурной среде. Трансформация этнокультурной идентичности этнических корейцев в условиях воздействия поликультур Приморского края воспринимается самими корейцами противоречиво. Большинство «русских» корейцев старшего поколения воспринимают процесс проникновения русской культуры как деструктивный, направленный на разрушение элементов традиционной культуры, корейского языка как маркеров этнической идентичности. В тоже время, «русские» корейцы третьего и более молодого поколения прочно вошли в «русскую» культуру, в социокультурную среду современного социума.

Этнические корейцы Приморского края, сформировали за пределами исторической Родины этнокультурный ареал, сохраняя в относительной целостности основные этнотипологические черты [Здравомыслов, 2003]. Фундаментальные этнические традиции, мировоззренческие устои являются основой самоидентификации российских корейцев. Даже при полной языковой ассимиляции, трансформации этнического самосознания общность поведенческих форм транслируется и воспроизводится от поколения к поколению за счет условно-рефлекторной наследственности [Здравомыслов, 2013].

Высокая степень общей удовлетворенности жизни является маркером позитивной групповой идентификации этнических корейцев и успешности их социокультурной адаптации. Сформированная в процессе многолетней инкультурации на уровне обыденного сознания устойчивая бикультурная идентичность российских этнических корейцев способствует формированию надэтнической близкой к общероссийской идентичности [Садохин, 2014; Садохин, 2015].

Список использованной литературы

1. *Бугай Н. Ф.* Актуальные проблемы истории российских корейцев на постсоветском пространстве в дискуссиях ученых / Сб. статей «Новые тенденции социокультурных изменений в Корейском и Российском обществах» отв.ред. Р.К. Тангалычева, В.В. Козловский. СПб.: Скифия-принт, 2015. 420 с.
2. *Здравомыслов А. Г.* Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм / А. Г. Здравомыслов, А. А. Цуциев // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 20–50.
3. *Ильясов Ф. Н.* Словарь социальных исследований. Приложение к журналу «Социальные исследования». 2016. Онлайн ресурс, доступно: <http://www.jsr.su/dic/dictionary.html>, на дату 26.09.2016.
4. *Корея и Россия: социологическая динамика* / под ред Р.К. Тангалычевой, Д. В. Иванова, В. И. Ильина, Е. А. Островской. СПб.: Алетейя, 2015. 330с.
5. *Рыбаковский Л. Л.* Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 62–70.
6. *Садехин А. П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: КНОРУС, 2014. 254 с.
7. *Садехин А. П.* Методологические ресурсы формирования общероссийской идентичности в процессе становления российского общества // Сб. статей: Новые тенденции социокультурных изменений в Корейском и Российском обществах. Отв.ред. Р.К. Тангалычева, В. В. Козловский. СПб.: Скифия-принт, 2015. 420 с.
8. *Соколова Д. А.* Особенности процессов социокультурной адаптации русскоговорящих корейских репатриантов в Республике Корея (1998–2011 гг.) / Д. А. Соколова // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 387–389.
9. *Соколова Д. А.* Социальная адекватность как составляющая социокультурной адаптации / Д. А. Соколова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 3[19]. С. 111–113.
10. *Соколова Д. А.* Социально-психологические характеристики общности этнических корейцев Приморского края // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 24–37.

Глава 9

ИЗУЧЕНИЕ РОССИИ В КОРЕЕ

Пак Сун Юн

Университет Чхунбук

МАНДЕЛЬШТАМ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Из-за сложившейся после Корейской войны идейно-политической ситуации, которую можно охарактеризовать при помощи метафоры «железного занавеса», читателям в Республике Корея оставались недоступны произведения русских писателей и поэтов XX века. На фоне известности в Корее поэтов и писателей XIX века, таких как А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и др., знакомство корейских читателей с русскими писателями и поэтами XX века произошло с большим опозданием. Только после того как в 1977 году была опубликована антология русской поэзии, переведенная известным корейским русистом-литературоведом первого поколения и ныне почетным профессором Университета иностранных языков Ханкук Ли Джонг Джином, корейские читатели впервые познакомились со стихотворениями О. Э. Мандельштама. На корейский язык было переведено всего девять стихотворений — «Есть иволги в лесах, и гласных долготы...», «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», «В разноголосице девического хора...», «На страшной высоте блуждающий огонь...», «Сумерки свободы», «Tristia», «Сестры — тяжесть и нежность — одинаковы ваши приметы...», «В Петербурге мы сойдемся снова...», «Век» [4, с. 108–118]. Кроме того, в эту антологию были включены небольшая статья переводчика «Русская поэзия и дух отрицания» [4, с. 124–150] и краткие сведения о поэтах [4, с. 151–164]. Благодаря этой антологии корейские читатели не только получили доступ к стихотворениям восемнадцати русских поэтов — от М. В. Ломоносова до Е. Евтушенко, но и получили представление об истории и основных тенденциях русской поэзии. О Мандельштаме Ли Джонг Джин писал: «Третий акмеист О. Мандельштам был строгим классическим поэтом в отборе тематики и стиле» [4, с. 140–141]. Впоследствии, в 1990 году, эта антология была переиздана с до-

полнениями и исправлениями: здесь были собраны уже сто тридцать шесть стихотворений тридцати двух русских поэтов. Девять стихотворений Мандельштама, входивших в антологию 1977 года, были вновь, с небольшими исправлениями, включены в антологию 1990 года.

С конца 1980-х гг. у корейских читателей появилась возможность читать работы русских исследователей. В 1988 году была опубликована книга Дмитрия Мирского «История русской литературы», переведенная русистом и ныне профессором Университета Данкук Ли Ханг Джэ, в которой раскрывались роль и статус Мандельштама в русской литературе и общая характеристика его поэтики. Интересно также отметить, что в 1980-х годах имя Мандельштама было упомянуто даже в книге, не связанной непосредственно с литературой. В 1981 году вышел в свет сборник эссе, написанных ведущими корейскими интеллигентами, не занимавшимися литературой, под названием «Мои замечательные люди». В этом сборнике можно найти одно эссе о жизни и творчестве Мандельштама, написанное Ким Джонг Воном. Автор эссе о Мандельштаме, собиравший информацию, скорее всего, при помощи материалов на японском или английском языке, писал о жизни и творчестве поэта-мученика сталинского тоталитаризма, делая упор на трагичности его судьбы [2, с. 57–68]. Через 6 лет этот сборник эссе был переиздан [3, с. 43–56].

С 1990-х годов в Корее начался новый этап в мандельштамоведении. В 1990 году стихотворения Мандельштама появляются в двух книгах — уже упомянутой антологии русской поэзии в переводе русиста Ли Джонг Джина (9 стихотворений Мандельштама) и в 7-ой главе книги «Письма из Ленинграда», написанной Ким Джин Енг, которая впервые поехала учиться в Россию из Кореи и ныне работает профессором в Университете Ёнсе. Она процитировала два стихотворения Мандельштама о Петербурге — «На страшной высоте блуждающий огонь...» и «В Петербурге мы сойдемся снова...», сопроводив их коротким комментарием о поэте. Стоит отметить, что в 1990 году появилась и первая корейская серьезная научная работа о Мандельштаме — диссертация на соискание ученой степени магистра филологических наук на тему «Изучение поэзии Мандельштама: на материале сборника стихов “Камень”» (автор диссертации — Юн Кхёнг Сук, ныне доцент Университета Бэксок).

В 1993 году вышли в свет новые переводы стихотворений Мандельштама: 9 стихотворений в переводе русиста-профессора Цой Сон [1, с. 300–312] и 13 стихотворений в переводе русиста-профессора Чо Джу Квана [7, с. 441–477]. Профессор Университета

Корё Цой Сон вместе с научным сотрудником ИРЛИ РАН Сергеем Кибальником, работавшим тогда приглашенным профессором в Университете Корё, отредактировала и опубликовала антологию русской поэзии «Неувядаемые слова Страны бескрайних полей. 200 известных русских стихотворений». С. Кибальник написал вступительную статью «Неувядаемые слова Страны бескрайних полей», а Цой Сон перевела с русского на корейский 200 стихотворений 52 поэтов, начиная с Г. Державина и кончая И. Бродским. Через 20 лет увидела свет антология «100 известных русских стихотворений, которые любят корейцы» в переводе и под редакцией Цой Сон, куда вошли 100 стихотворений 40 русских поэтов, причем стихи были по пяти темам — «жизнь», «Россия», «любовь», «творчество», «природа». В эту антологию вошли четыре стихотворения Мандельштама: «Только детские книги читать...» в разделе, посвященном жизни, «Век» и «За гремучую доблесть грядущих веков...» в разделе о России, «Я не слыхал рассказов Оссиана...» в разделе о творчестве. Перевод стихотворений Цой Сон отличает высокий уровень мастерства и изящества.

Если антология 1993 года была адресована студентам, занимающимся русской литературой, и особенно русской поэзией, то антология 2013 года предназначена для обычных читателей. В конце прекрасно оформленной антологии 2013 года напечатаны краткие сведения о поэтах. Здесь переводчик пишет о Мандельштаме и его поэзии так: «Он верит в культуру... Его поэзия пронизана глубоким и широким пониманием мировой культуры, и поэтому он считается “поэтом для поэтов”» [6, с. 309]. Название вступительной статьи и самой антологии — «Неувядаемые слова Страны бескрайних полей» — отсылает к названию антологии классических корейских стихов [*Сиджо*] «Неувядаемые слова Страны зеленых холмов [*Чхонгуёнон*]», выпущенной в 1729 году. Об этой антологии корейских стихов упоминает сам автор вступительной статьи С. Кибальник, сравнивая Россию с Кореей и русскую культуру с корейской [1, с. 18].

Также следует отметить книгу «Лекции по русской поэзии», выпущенную в переводе и под редакцией профессора Университета Ёнсе Чо Джу Квана, само название которой говорит о том, что она адресована студентам, занимающимся и интересующимся русской поэзией. В антологию включены 183 стихотворения 33 поэтов, начиная с В. Тредиаковского и кончая И. Бродским. Таким образом, две книги, увидевшие свет в 1993 году и содержавшие параллельные тексты на русском и на корейском языках, послужили учебниками

по русской поэзии, о необходимости которого в предисловии к антологии писала Цой Сон.

В 1996 году вышел в свет первый сборник стихотворений Мандельштама «Сегодня дурной день» в переводе и под редакцией Чо Джу Квана, который начал активно переводить стихотворения русских поэтов на корейский. В сборник вошли 75 стихотворений разных периодов творчества поэта. Помимо стихотворений, Чо Джу Кван перевел эссе Мандельштама «Утро акмеизма» [8, с. 183–188] и статью Л. Гинзбург «Поэтика Осипа Мандельштама» [8, с. 351–386]. Благодаря этим переводам корейские читатели, интересующиеся русской поэзией и русской литературой в целом, смогли лучше понять поэтику Мандельштама.

Помимо переводов, в 1990-х годах начались публиковаться статьи разных авторов о поэтике Мандельштама. В результате того, что такие профессора и исследователи русской литературы XX века, как Ким Хи Сук (Сеульский государственный университет), Сок Енг Джунг (Университет Корё), которые учились и защитили свои диссертации на Западе (первая — в Германии, а вторая — в США), активно читали студентам и особенно аспирантам лекции о творчестве Мандельштама, в обоих университетах магистранты и аспиранты, которые учились у вышеуказанных профессоров, начали писать диссертации на соискание ученой степени магистра филологических наук («Изучение мотива музыки в стихотворениях Мандельштама», Хонг Джи Ин, 1995; «Проблемы “бытия” и “слова” в ранней поэтике Мандельштама», Ча Чжи Вон, 1997) или статьи о творчестве Мандельштама («Проблема “памяти” в творческом и биографическом бытии Мандельштама», Ли Мун Енг, 1996; «“Внутренняя свобода” художника: судьба повести на материале “Египетской марки” Мандельштама», Ли Хён Сук, 1997; «Метапоэтические слои в стихотворении “Холодно розе в снегу” Мандельштама», Хонг Джи Ин, 1999). Сама профессор Сок Енг Джунг также написала книгу «Современная русская поэтика» (1996), посвященной творчеству А. Блока, О. Мандельштама и В. Маяковского, и целый ряд статей о поэтике Мандельштама — «“Полифонические” лирические стихотворения Осипа Мандельштама» (1994), «Поэт и читатель у Мандельштама» (1995), «Путешественник-глаз” и Рембрандт как “светотени мученик” у Мандельштама» (1997). Таким образом, в 1990-х годах в Корею была заложена база для будущего мандельштамоведения.

В 2000 годах исследователи еще более активно продолжали изучать творчество Мандельштама. В 2000 году была защищена первая кандидатская диссертация по поэтике Мандельштама (Хонг Джи

Ин, «Символика городов в поэзии Мандельштама»), а вслед за ней через два года была защищена еще одна кандидатская диссертация (Юн Кхёнг Сук, «Изучение синтетичности поэтики Мандельштама: на материале петербургских текстов»). Помимо нескольких научных статей авторов вышеуказанных диссертаций были опубликованы статьи о поэтическом слове и творчестве Мандельштама профессором Ким Хи Сук («Слово-птица-Психея» у Мандельштама», 2004; «Потеря биографии в русском модернизме (2): автобиографическая проза Мандельштама», 2007; «Оксюморон в “Египетской марке”: соединение смерти и творчества», 2008) и ее бывшими магистрантами-учениками (доцентом Университета Кёнхи Ан Джи Енг и научным сотрудником-профессором Чхунгбукского университетов Пак Сун Юн). Первая написала статью «Слово, облеченное телом (Incarnate Logos): о стихотворениях эллинизма О. Мандельштама» (2008), а вторая написала такие статьи, как «Органическая концепция слова О. Мандельштама» (2008), «Тема “творчества” в “Восьмистишиях” (1932–1934) Мандельштама» (2009) и «Иудейская тема в творчестве О. Мандельштама: в поисках родства и происхождения бытия» (2015). Первая статья Пак Сун Юн написана на основе третьей главы кандидатской диссертации «Органическая поэтика Осипа Мандельштама», защищенной в декабре 2007 года в ИРЛИ РАН под руководством д-ра филол. наук Н. Ю. Грякаловой.

Помимо этих работ, в разных научных журналах публиковались статьи об этическом в прозе Мандельштама («Соединение эстетики и этики: этическое в “Четвертой прозе” Мандельштама», Чо Джун Рэ, 2006) и о теме смерти в творчестве поэта («Тема “смерти” в творчестве Мандельштама», Ким Вон Хан, 2009). Нельзя не обратить внимания и на такие работы, адресованные не только студентам гуманитарных факультетов, но и обычным читателям, как «Русская литература, рассматриваемая фигурами» (Чонг Мёнг Джа, 2001), «Лекции по русскому стихосложению» (Хонг Ки Сун, 2006). Кроме того, у читателей, пристально интересующихся судьбой Мандельштама, большой интерес вызвала книга «Воспоминания» Н. Я. Мандельштам, выпущенная в 2009 году в переводе Хонг Джи Ин.

В последние годы внимание к Мандельштаму и русской поэзии не ослабевает. В 2010 году была опубликована книга «О лирике» Л. Гинзбург в переводе профессора Университета Сангмёнг Цой Джонг Сула и Ли Чжи Ен, куда входит статья об акмеизме «Поэтика ассоциации». В 2012 году вышел в свет сборник стихотворений Мандельштама «Ни о чем не нужно говорить» в переводе и под редакцией Чо Джу Квана в рамках серии «Сборник стихов неизвест-

ных поэтов в мире». В сборник включены 92 стихотворения разных периодов творчества Мандельштама, начиная со стихотворения «Звук осторожный и глухой...» и кончая стихотворением «К пустой земле невольно припадая...». В сборник также вошла небольшая статья в качестве послесловия переводчика «Мандельштам — поэт, уважавший силу слова» [5, с. 146–165] и эссе о поэте «Мой любимый враг — Мандельштам» [5, с. 166–170], написанное известным корейским критиком, русистом, поэтом, прозаиком и доцентом Университета Донггук Ли Джанг Уком.

Кроме того, в том же году была опубликована статья о голосах другого в автобиографической повести Мандельштама, «Описать языками другого — Heteroglossia в автобиографической повести Мандельштама “Шум времени”»). В 2014 году вышла в свет антология 15 модернистских и современных русских поэтов «Жизнь — без начала и конца», куда вошли 8 стихотворений Мандельштама в переводе Ли Мён Хён — «Только детские книги читать...», «Silentium», «Notre Dame», «Петербургские строфы», «Посох», «В Петербурге мы сойдемся снова...», «Ленинград», «О, как же я хочу...».

Здесь интересно отметить, что имя Мандельштама упомянуто в книге, написанной психиатром Чонг Ю Соком («Ненормальные психологии художников: сборник психоаналитических эссе психиатра Чонг Ю Сока», 2009). В своем сборнике психоаналитических эссе, сначала публиковавшихся в газете, психиатр два раза обращается к судьбе Мандельштама («Русский поэт Мандельштам» и «Смерть Мандельштама»), кратко рассматривая его жизнь и творчество.

Что касается прозы Мандельштама, после перевода «Утра акмеизма» (Чо Джу Кван, 1994) только в 2011 году вышел корейский перевод «Шума времени». Из-за того, что «Шум времени», переведенный профессором Университета Чхонгджу Ким Сонг Илом, почему-то вышел в свет в качестве товара, не подлежащего продаже, только узкий круг читателей смог познакомиться с автобиографической прозой поэта. К счастью, в ближайшее время будет опубликован сборник произведений Мандельштама, куда войдут и прозаические произведения «Шум времени» и «Египетская марка», и все стихотворения второй книги стихов поэта «Tristia» в переводе Ли Хён Сук (Сеул: Мунхакквачхисонса).

В последние годы в Корее активно переводятся произведения русских поэтов. Вышли в свет сборники таких модернистских и современных поэтов, как Ф. Сологуб (пер. Пак Енг Ын), А. Вознесенский (пер. Чо Джу Квана), Б. Окуджава (пер. Чо Джу Квана), А. Тарковский (пер. Ким Сон Мён), Д. Самойлов (пер. Пак Сун Юн) и др.

Судя по всему, интерес корейских читателей к русским поэтам, в том числе и Мандельштаму, постоянно будет расти.

Список использованной литературы

1. *Кибальник С. и Цой Сон* (ред.) Неувядаемые слова Страны бескрайных полей. 200 известных русских стихотворений. Вступ. статья С. Кибальника; Пер. Цой Сон. Сеул: Чонджи, 1993.
2. *Ким Джонг Вон*. Поэт в ссылке — Мандельштам // Ку Санг и др. Мои замечательные люди. Сеул: Джаюмунго, 1981. С. 57–68.
3. *Ким Джонг Вон*. Поэт в ссылке — Мандельштам // Хан Ван Санг и др. Сеул: Джаюмунго, 1987. С. 43–56.
4. *Ли Джонг Джин* (ред. и пер.) Антология русской поэзии. Сеул: Чисиксанопса, 1977.
5. *Чо Джу Кван* (ред. и пер.) О. «Ни о чем не нужно говорить». Сборник стихотворений О. Мандельштама. Сеул: Мунхакысуп, 2012.
6. *Цой Сон* (ред. и пер.) 100 известных русских стихотворений, которые любят корейцы. Сеул: Букосён, 2013. С. 62, 102–104, 128–129, 252–253.
7. *Чо Джу Кван* (ред. и пер.) Лекции по русской поэзии. Сеул: Йолинчэкдл, 1993.
8. *Чо Джу Кван* (ред. и пер.) Понимание и анализ поэзии. Сеул: Йолинчэкдл, 1994.

KOREAN STUDIES IN RUSSIA AND OVERSEAS

Guryeva A. A.

Saint Petersburg University

LINKING THE TRADITION: APPROACHES OF KOREAN LITERATURE RESEARCH ELABORATED IN 20th CENTURY RUSSIA APPLIED TODAY¹

The paper aims to introduce the roots of the famous Korean philology — namely literature academic school of our University and to show their relation with today's research. It concentrates on the key figures of the field, whose activity in the second half of the 20th century formed the main trends in the field. Their research approach allowed to understand cores of traditional literature works, make fundamental theoretical research basing on them, translate them skillfully and introduce to a wide public in large numbers. Their translations of Korean literature were published in up to 50 000 volumes and were sold out fast. What results do their approaches bring today? How do they develop in the context of contemporary academic milieu? This is what the paper will deal with.

Before speaking of the above matters, it is reasonable to give an overview of the history of Korean Philology at Saint Petersburg University:

- In 1854, the order of the Russian Tzar Nikolas I, proclaimed the foundation of the Faculty of Oriental Studies at Saint Petersburg Imperial University (now — Saint Petersburg State University), the first Faculty of the kind in Russia;
- In 1897, as it has been discussed, the education started;
- In 1917, October Revolution dramatically changed the Russian history, and steady development of Korean language education interrupted. In 1930s it was continued by a specialist of Japanese

---

¹ This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

studies Alexander A. Kholodovich (1906–1977). originally a Japanese language specialist who learned Korean by himself and made a linguistic research on it. In 1930–50s he published the first research monographs on Korean grammar and Korean-Russian dictionary [E.g.: Korean Grammar Morphology, 1937; Korean-Russian Dictionary, 1951].

The described methods were elaborated by students of professor Alexander A. Kholodovich. In 1947, at the Faculty of Oriental Studies new specializations of Korean Philology and Korean History — were established. The first students of Korean philology were trained by Kholodovich and later formed the main trends of the field for the future decades. They not only elaborated theoretical and practical courses for the University. What may be even more important, they worked for the fundamental science developing methods of research in the field for Korean studies.

My paper will give an overview of the main methods and will therefore have the following parts:

A short introduction of several key figures in post-war generation of Korean language and literature researchers.

Trends in Korean literature research today.

Core principles and methods elaborated by researchers of the 20th century.

Some certain examples to illustrate the usage of the above methods nowadays.

Let me first introduce the main representatives of the famous post-war generation of our University that laid the foundation for Korean philology in Russia.

Gennady Ye. Rachkov (1929–2016) — studied Korean grammar (Ph.D. of 1964 was on Tense in Korean), the author over 40 publications on Korean. Translated Korean literature (Tale of Simcheon 심천정, Dream of Jade Pavilion 옥루몽, Story of Queen Inhyeon 인현왕후전, works by Im Je 임제 (1549–1587), Gweon Pil 권필 (1569–1612). etc.). In 1960s he learned the Tagalog language by himself and founded Philippine studies at our University though continued teaching Korea related disciplines and consulting.

Anatoly A. Vasilev (1930–2005) — studied Korean grammar, Korean phonetics and Korean predicate. The author of over 60 publications. Translated Korean literature — Tale of Heung-bu 흥부전. Received the Tongsun Prize in 2001.

Lim Su (1923–2016) — collected and studied Korean proverbs. An author on two related monographs and also manuals (e.g. on Hanja in Korean). Translated Tale of Pheasant 장끼 전.

On the screen you can see the information. These people were specialists in Korean language and published actively on the topic. At the same time, they worked on translations of Korean literature as well.

Being a Korean literature specialist, I will concentrate on literature researchers and introduce their activities in more detail.

Marianna I. Nikitina (1930–1999) — studied Korean vernacular poetry (Ph.D. on *sijo* poetry²) and later — Korean mythology and ritual (habilitation). The author of over 50 publications, including several monographs. Together with A. F. Trotsevich (see below) she wrote the first monograph on Korean pre-modern literature (till 14th century) [Nikitina, Trotsevich, 1969]. Traced and explained the basic categories and phenomena of Korean spiritual culture³. Made translations of Korean literature, e.g. “Story of Hong Kildong” 흥길동전 and many texts from *Samguk Yusa* 삼국유사 and *Samguk sagi* 삼국사기. The author of several fundamental theories explaining the cores of Korean culture.

Adelaida F. Trotsevich — studies Korean prose (Ph.D. on short forms of novel and habilitation on *Ku Un Mong* 구운몽 and long form of novels [E.g: Trotsevich, 1982]). Published over 100 papers, several monographs. The author of comprehensive History of Korean literature till 20th century [Nikitina, Trotsevich, 2004]. Translated Tale of Chunhyang 춘향전, Kim Man-jung 김만중 (1637–1692)’s works, vernacular and *hanmun* prose, *hansi* poetry. Received the Literature Translation Institute of Korea’s Prize as an outstanding translator. An editor-in-chief of the unique 10-volume series of Pre-modern Korean literature translations. The series was inspired by a specialist in History of Korea prof. Sergey O. Kurbanov and published in Hyperion publishing house with support of LTI Korea.

Dmitry D. Eliseyev (1926–1994) — studied Korean prose *paeseol*, *yadam* etc. (Ph.D. and habilitation). The author of several monographs and many publications [Eliseev, 1968], and a pioneer in the field of studying Korean antiquarian books and publishing commented facsimile texts. Translated many works of Seong Hyeon (1439–1504) and other authors. His research has been introduced in Korea by Ulyana Kobyakova, the participant of our Conference who bases her study on his works.

This generation of scholars have raised new generations of researchers as well. One of the representative examples is Larisa V. Zhdanova’s re-

---

² Later she developed it in a book: [Nikitina, 1994]

³ One of the books on the subject is: [Nikitina, 1982]

search on Korean poetry in *hanmun*. In 1998 she published her monograph on life and works of Choe Chi-won 최치원 (857-?) [Zhdanova, 1998], the first comprehensive research on this poet in a western language.

Several literature specialists who graduated from our University continued their activity in Institutions of Moscow, Vladivostok. One of the examples — Lyudmila V. Galkina who defended her Ph.D. on Kim Sowol 김소월 (1902-1934) (under the academic tutorship of Dr. M. I. Nikitina), and wrote a manual on Korean prose of 1920-30s [Galkina, 1988, p.72]. A student from abroad — Sonja Haeussler — is now a professor and the Head of Swedish Korean studies studied in Leningrad State University and defended her Ph.D. thesis [Haeussler, 1993] here under the academic tutorship of Dr. Nikitina.

It is notable, that such a wide scale research was carried out in a situation when the scholars basically did not have an access to research works of Korean or other foreign colleagues. Their research was based on the studied texts with the implementation of approaches of contemporary science, i.e. semiotics, theory of literature etc. At the same time, they showed that not every theory is applicable, so the choice of approach ambivalently depends on the specifics of the studied material, too.

Due to the circumstances of the time, most of the above works were published in Russian. Despite this fact, after M. Nikitina and A. Trotsevich presented the results of their endeavors at the AKSE Conference in the 1970s, prominent European scholars, e.g. Daniel Bouchez, William Skillend, Vladimir Pucek, Baldwin Walraven, and prominent Korean researchers, e.g. Jeong Yang-wan 정양완, Jeong Gyu-bok 정규복, Hwang Pae-gan 황패강 and others paid interest to their work and kept contact with them, some of them even read Russian language in order to read their books.

Today when the scale of Korean studies in the world has grown immensely and the number of related research has multiplied, the research of Russian scholars presented not in English is not as well-known anymore. Some of the works of the above scholars are included in educational programs of European Universities (e.g. SOAS in London), but it is an exception, and their research is not known to a younger generation of scholars abroad. Therefore, I find, that this is an obligation for their students like me to make these research results known. As we actively participate in international academic events, give lectures and publish abroad, so we should be associated with our academic school. And to do so, it is important to show also how we apply and develop its achievements today.

2. As for Korean literature research carried out in our department today, there are two active specialists of Korean literature teaching the

related subjects (altogether 5 disciplines) and making research. Inna V. Choi is a specialist in modern and contemporary literature with a Ph.D. on Kim Dong-In. Her recent research is on Park Kyoung-ni 박경리 (1926–2008) and comparisons of contemporary Korean literature with Japanese and Western literature. Anastasia A. Guryeva is a specialist on Korean pre-modern literature with a Ph.D. on Korean vernacular poetry of Late Joseon 조선후기 시가문학 and recent research on book and text in Korean culture and relations of traditional and contemporary cultural phenomena. In our department, specialists in other fields also can work on translations and analyze texts, though, from a different perspective. One of the examples is a published translation of *Hyogyeeong eonhae* 해경연해 with research [Kurbanov, 2008, p. 280] by a History of Korea scholar prof. S. O. Kurbanov.

Following the tradition, today we try to develop students' research abilities along with practical competence. It is obligatory for the students to prepare a research paper every academic year. It must be an independent research on a topic which has not been thoroughly explored. We urge that the students base their research on primary sources, make translations from original and deeply understand the context. Those papers that present new results on a high level are accepted for publication. Recently over a dozen of various literature related subjects were presented in academic editions by students.

Here are some examples of papers written by B. A. course students:

- Analysis of anonymous texts in the first part of *Kagok wollyu* 가곡원류anthology (M. N. Vangesova);
- Two different 'masks' in Hwang Sun-Won 황순원 (1915–2000)'s short stories collection "Book of Masks" (A. V. Uglova);
- Search for self in Choe In-hun's prose (I. N. Kameron);
- Representations of love in prose of the 1910s (O. V. Belokon);
- family relations viewed through Song Hong-gyu's short story (J. Driuk);
- An analysis of texts structure in *Oryun hangsil-do* 오륜행실도based on translation of 38 parables is going to be published (A. A. Drozdova).

One of the motivators for students is the opportunity to publish in the journal "Proceedings of the Center for Korean Language and Culture". This journal is the Korean studies academic edition published by Saint Petersburg University Koreanists since 1996 (editor-in-chief is prof. S. O. Kurbanov). By now the 19th Issue is compiled. It gained popularity among scholars from other cities and countries. For example, some Uni-

versities abroad collected by themselves the full collection, like University of Washington State in Seattle, or part of it, as Harvard University. Some European and Canadian colleagues regularly ask us for the new issue. All of this makes students value a chance to publish there, along with prominent scholars of the world.

The research carried out by me and my colleagues as well as by our students is done with an attentive consideration of contemporary research achievements and on the basis of the methods elaborated by the founders of the Korean literature research. With this regard, the next part of my paper will briefly explain the principles of their research methods.

3. The first generation of Korean philology followed the main principle of fundamental Asian studies — it means basing on primary sources and paying importance to the original text. Actually, as it was already explained, the first instructor of Korean — Kim Byeong-Ok taught the language basing on texts. The same principle was developed by prof. Alexander Kholodovich and later by his students who were to become leading scholars.

Professor of Harvard University Kwon Young-min speaks about an appeal of many representatives of Korean studies academia: “Let’s go back to the text 텍스트로 돌아가자”. In a view of this tendency to bring back the importance of text, we can say, that we never lost this focus.

Generally speaking, the described methods suggest understanding a text as a phenomenon that should be explained in the context of Korean culture, and moreover, culture of the Far East. Today it will mean globalized contexts, too.

Profound textual analysis allows to trace basic models and patterns (this may be time, space, behavioral patterns etc.), discover hidden meanings and important interrelations in the text, the very basis of it, and to read what is written in between the lines. It requires a careful attention to the structure of a text, to imagery system, symbols, allusions and considering intertextuality.

In turn, it does not limit literature related research to only interpreting literature works. It is aimed to bring new level of understanding to phenomena important for Korean culture in general, mentality of the Korean people. At the same time, it does not imply an auxiliary role of literature in this research.

Besides, the methods imply differentiation of traditional and innovative elements of works of any period, and analyzing links between different periods and different authors. The complex mixture of traditional and innovative, of native and borrowed, of general and individual — creates a unique work, a separate phenomenon. This approach enables to under-

stand fully the meaning of a work and its value, and appreciate the work in the prism of its ‘Koreanness’ skillfully mixed with global.

Certain examples.

a. M. I. Nikitina’s research on vernacular poetry discovered several basic patterns and interrelations specific for Korean culture and resulted in monographs classifying principle imagery, time, space and other patterns and its usage in Korean texts. Many of them may be discovered in contemporary texts, often in a transformed way. In my research, and also in research of students whom we supervise we came across many cases when these models served a key to understanding a text.

Examples of space models:

A Triad “Heaven-Earth-Human” *Cheon-Ji-In* 天地人 or a Model “Harmony between Heaven and Earth” *Cheon-Ji-Hab-Il* 天地合一. Let us see examples from the texts to some extent influenced by modern trends of western poetry. In the texts dealing with subject of Universe and Human or Human generations in Universe these models may add to the laconism of Korean texts when there is no need of as many words as in western poetry in order to describe an idea (e.g. in works of Green Deer Group 청록파 or by Seo Jeong-ju 서정주 (1915–2000)). Or they show peculiar relations of a protagonist with self as in works of Yun Dong-ju 윤동주 (1917–1945). Or they lay the base for the imagery experiment as in Jeong Hyeon-jong 정현종의 poems. Or they are substituted by borrowed western elements but still constitute a Triad like in a famous “Platanus” 플라타너스 by Kim Hyeon-seung 김현승.

Some models are used in texts dealing with current political and other issues. E.g. a structure of human described by M. I. Nikitina with explanation of *maeum* concept serves to express the idea of national ties in a poem about Dokdo island — a subject of territory conflicts. Moscow scholar Dean Ekaterina A. Pokholkova applies Nikitina’s research to studying North Korean patriotic songs, and another Moscow researcher Natalia A. Chesnokova uses them to explain protest songs of Yun Min-seok 윤민석.

Many of the texts are based on oppositions which trace their roots to the basic opposition of *yin* and *yang*. In Late Joseon poetry they influence the specifics of expressing love and emotion in poems with a male and a female narrator. In Kim Gyu-dong 김규동의 famous “Daedonggang” 대동강 it creates the watershed in between two represented periods and emphasize the atmosphere of the war. In prose by Pyeon Hye-yeong 편혜영 they are used for eschatological motives expressing the authors idea of crisis in human society.

b. Some theories deal with relations in between people in society and communicative culture. One of the examples is a search for harmony in general and a tendency to harmonic solving of conflicts.

- M. I. Nikitina explained it through the geographical position of the Korean peninsula and the issue of cultural migrations going through its territory. A. F. Trotsevich examined it applying the structuralist approach to Korean State foundational Myths *건국신화*. Her research showed that they base on the same model as an Indo-European myth of Thunder-god and a Dragon with solar and chthonic antagonists. But, what is more important, they have a different final of harmonic union and birth in Korean case instead of killing enemy. A harmonic final is used also in Joseon novels, besides, similar tendencies in depicting conflict situations may be traced in contemporary plots, e.g. television dramas.
- A. F. Trotsevich's idea of two basic types of protagonists — socialized and unsocialized which she based on Korean pre-modern prose research, can be traced throughout contemporary prose. For her students and now scholars Inna V. Choi and Li San Yun it explained some specifics of modern Korean prose or prose by contemporary female writers, respectively. Moreover, it can explain some of the behavioral patterns in contemporary South Korean society.

Some very important theories are to be introduced in detail. E.g. Marianna I. Nikitina discovered and described a system of relations between «senior» and «junior» original for Korean culture, which Confucianism used as a base. She named it “system of an image” (*sistema oblika*). Another example is the same scholar's research on myths that have not been preserved in Korean culture as narratives, so she reconstructed them. Famous researcher David L. Brodyansky explains that M. I. Nikitina's research of her gives answers to many questions in Far Eastern archaeology [Brodyansky, 2011]. These and other large-scale academic results and theories which help us understand today's Korea better should serve the subject of another presentation at a different occasion.

References

1. *Brodyansky D.L.* Marianna Ivanovna Nikitina and Far Eastern Archaeology // Proceedings of the Center for Korean Language and Culture. Issue 12. Saint Petersburg, 2011. (*Бродянский Д. Л.* Марианна Ивановна Никитина и дальневосточная археология // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 12. СПб., 2011).

2. *Eliseev D. D.* Medieval Korean Prose of short form. Moscow, 1977. (Елисе-ев Д. Д. Новелла корейского средневековья (эволюция жанра). М.: Наука 1977).
3. *Galkina L. V.* Korean Poetry of 1920th. Vladivostok, 1988. (*Галкина Л. В.* Ко-рейская поэзия 20-х годов XX в. Уч. пособие, ДВГУ, 1988, 72 с.)
4. *Haessler Sonja.* Nam Hyo-on's Biography of Six Martyrs. Ph.D. Dissertation. Saint Petersburg. 1993. (Хойслер С. Жизнеописание шестерых вассалов Нам Хёона (XV в.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 1993).
5. Korean Grammar. P.I. Morphology. Moscow, 1937 (Грамматика корейско-го языка. Ч. 1. Морфология. М., 1937). Korean-Russian Dictionary. Comp. By Kholodovich A. A., Moscow, 1951 (Корейско-русский словарь. Сост. А. А. Холодович. М., 1951).
1. *Kurbanov S. O.* Classical Confucian "Canon of Filial Piety" in Korean Inter-pretation. Saint Petersburg. 2007 (Курбанов С. О. Конфуцианский класси-ческий «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008, 280 с.)
2. *Nikitina M. I.* Ancient Korean Poetry in Relation with Myth and Ritual. Mos-cow, 1982. (Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуа-лом и мифом. М.: Наука, 1982. 327 с.)
3. *Nikitina M. I., Trotsevich A. F.* Sketches on Korean Literature till 14th Century. Moscow. 1969. (Никитина М. И., Троцевич А. Ф. Очерки истории корей-ской литературы до XIV века. М.: Наука, 1969. 239 с.)
4. *Nikitina M. I.* Korean Poetry of 16–19 cc. in Sijo genre. Saint Petersburg. 1994. (Никитина М. И. Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сичжо (Семан-тическая структура жанра. Образ. Пространство. Время). СПб., Петер-бургское востоковедение, 1994. 312 с.)
5. *Trotsevich A. F.* Korean Medieval Novel. Ku Un Mong my Kim Man-jung. Moscow. 1986. (Троцевич А. Ф. Корейский средневековый роман. «Об-лачный сон девяти» Ким Манчжуна. М.: Наука, 1986. 198 с.)
6. *Trotsevich A. F.* History of Korean Traditional Literature (till 20th century). Saint Petersburg. 2004. (Троцевич А. Ф. История корейской традицион-ной литературы (до XX века). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 323 с.)
7. *Zhdanova L. V.* Poetical Works of Choe Chi-won. Saint Petersburg, 1998. (Жданова Л. В. Поэтическое творчество Чхве Чхивона. СПб., Петербург-ское востоковедение, 1998. 304 с.)

KOREAN STUDIES AND KOREAN COLLECTION AT THE UNIVERSITY OF CHICAGO

This paper introduces the Korean Studies Program, its research areas and the Korean Collection at the University of Chicago. The Korean Studies Program and Collection both began in 1985 and have developed significantly over the past 30 years. Among several important subject areas, the University of Chicago Regenstein Library especially emphasizes Korean History and Literature; faculty and students research these areas the most. The Collection is especially committed to the following subtopics: the Korean War, the division of the Korean peninsula, North Korea, Korean literature and movies, Korean colonialism and women. As part of the library's active cooperation with the Department of East Asian Languages and Civilizations, the library collection is often introduced and discussed in classes.

North American Korean Studies programs have experienced robust growth over the past two decades; Korean Studies libraries contributed by building comprehensive collections beyond core subjects. Korean Studies librarians in North America developed the concept of a cooperative collection development program, wherein participating members divide collection responsibilities in order to create a larger inter-institutional collection. The Korean Collections Consortium of North America (KCCNA) was founded in 1994. Currently, the number of participating institutions has expanded to 14. Altogether, their collections cover 109 subjects in Korean Studies.

1. The University of Chicago

The University of Chicago is located in the campus town of Hyde Park, 8 miles south of downtown Chicago. It is a private research university, which was established in 1890 by the American business man, John Rockefeller, on land owned by Marshall Field. Over the past 125 years, the University, from the first president William Rainey Harper to the current president, Robert Zimmer, has developed astonishingly, especially in area of Humanities and Social Sciences. The University currently has 5 divisions and 6 professional schools (Medicine, Law, Business, Public Policy and Social Service Administration). The motto of the University is "*Crescat scientia; vita excolatur* Let knowledge grow from more to more;

*and so be human life enriched.”*¹ It is the very first university in the U.S to introduce the Quarter System, and it has exerted a tremendous amount of effort into providing quality education through running education program such as “Chicago Plan aka The Great Books Program”. The University currently enrolls approximately 6000 undergraduate students and 9400 graduate students. The number of faculty members is 2350, making a faculty- student ratio of 1:5. For Korean Studies, the University of Chicago has the largest program in the Midwest area. Korean Studies and Korean Collection at the University of Chicago began in 1985 and has developed significantly over the past 30 years.

2. Korean Studies Program at the University of Chicago

The development of Korean Studies at the University of Chicago is closely related to the history of the East Asian Studies and the Center for East Asian Studies. East Asian Studies was started under the name of “Department of Far Eastern Language and Civilization” in 1936, focusing on Chinese Studies. In the 1950s with the rise of interest in East Asian Studies, related research and lectures were actively carried out, and the scope of subject for studies was interestingly expanded from China to Japan and Korea. Given that East Asian Studies programs were launched in 1930s, the program for Korean Studies started relatively late. In 1987, Professor Bruce Cumings arrived for the position of Korean modern history at the Department of History, and he has pursued comparative and broader history at the Social Science Division. A solid foundation for the program was established when Professor Kyunghye Choi joined Korean Literature at the Department of East Asian Languages and Civilization. Prof. Choi has been fostering a generation of potential comparativists beyond the confines of Korean Studies in other East Asian Studies, English and History.

The current Korean Language program has two Ph.D. ’s in Linguistics on its faculty, Jieun Kim and Wonkyung Na. The Korean Language program has made a significant contribution to the growth of Korean Studies as well. There are 15 graduate students majoring in Korean Studies, and about ten Korean related classes are established each quarter. Besides Korean Language courses, Korean Studies courses provided at the graduate level are as follows:

- Seminar: Modern Korean History
- Arts of Asia: Korea
- Censorship in East Asia: The Case of Colonial Korea

---

¹ The University of Chicago website: <http://www.uchicago.edu/about/>

- Korean War, Family & Generational Difference under Division
- Gender and Modernity in Colonial Korea
- Understanding Contemporary Korean Society through Media
- Changing Identity of Contemporary Korea through Film and Literature²

There is also the Center for East Asian Studies (CEAS) which has played a vital role on campus and in the community by connecting resources on East Asian Studies to professors, students and the general public. CEAS consists of three committee- the Committee on Chinese Studies, the Committee on Japanese Studies and the Committee on Korean Studies. CEAS has carried out a variety of research activities, conferences, seminars, lectures and workshops, enhancing opportunities available to scholars at the University of Chicago and throughout the wider East Asian community in the United States and abroad.³ The Committee on Korean Studies also actively presents the Korean Studies program this year. The poetry reading workshop, “Poetry in Motion” was presented by Brother Anthony of Taizé on March 7th, The East Asian Music conference, “Music of Sound” took place from May 6–7th, and Korean indie music was introduced. The CEAS Lecture Series brought many Korean Studies scholars in the world to the University of Chicago campus engaged a large number of faculty and students.

3. The University of Chicago Library and the Korean Collection

Over the past years, the library’s role on campus has evolved in different ways in terms of academic development and its demands. However, the University of Chicago Library has been always the heart of the University, being the repository of knowledge and providing an environment where students and researchers can immerse themselves in their work. The University of Chicago Library system currently has 1 main library, 4 departmental libraries, and 1 storage library. As of 2017, the total library collection exceeded 12 million volumes and 250 library staff members including 74 professional librarians working for the library services. The Joseph Regenstein Library, the main library, houses volumes focusing on subjects in the Humanities, Social Sciences, Business as well as special collections. East Asian Collection which includes Korean Collection is also located at 5th floor of the Joseph Regenstein Library.

---

² Dept. of East Asian Languages and Civilizations : <http://ealc.uchicago.edu/courses>

³ Center for East Asian Studies: <https://ceas.uchicago.edu/>

The East Asian Collection was started in the 1930s with the establishment of the faculty of East Asian Studies. Only 3,000 volumes were housed in the beginning, but the East Asian Collection is now holds about 900,000 volumes.⁴ The Korean Collection accounts for nearly 89,000 volumes as of 2017. In early stage of collecting Korean materials at the Library, subject areas mostly covered the Social Sciences. However, after arrival of two full-time Korean Studies faculty members, the Korean Collection has been continuously developing and focusing on the Humanities as well. Among several important subject areas, the Library especially emphasizes Korean History and Literature, areas which faculty and students at the University of Chicago research the most. The Collection is committed to the following subtopics: the Korean War, the division of the Korean peninsula, North Korea, Korean literature and movies, Korean colonialism and women. The Korean collection primarily supports the teaching and research of the faculty and students in the Korean Studies Programs at the University of Chicago. As part of the library's active cooperation with the Department of East Asian Languages and Civilizations, the Korean Collections is often discussed in classes through library instruction sessions or research consultation workshops. Moreover, Korean resources are available to researchers nationally and internationally through regular Interlibrary Loan, Borrow Direct, or UBorrow.

4. Korean Collection Highlights

Among Korean Collection, the following three titles are listed in detail:

- 8000 Postcard Images during 1910–1945

Image 1.

---

⁴ Council on East Asian Libraries, CEAL Statistics, in University of Kansas Libraries [database online], Available from <http://lib.ku.edu/ceal/>

Korean Collection holds an 8000-photo postcard collection, which was originally produced during the first half of the 20th century. Most of the postcard collection captures major buildings, scenic places in Korea, portraits, and cultural activities. This collection is valuable for

its visual images of the cultural, industrial and technological aspects of Korea during 1910–1945. Image left shows abdication commemoration (양위기념) for the Korean emperors.

The collection is composed of three sub-collection:

- a) Busan Museum Collection (3726 postcards)
- b) Saga Prefecture Nagoya Castle Museum Collection (2653 postcards)
- c) Other postcard images in 일본지리풍속대계 & 일본지리대계 (1470 postcards)

- *1000 Titles of Korean Textbooks (1896–1946) and North Korean Textbooks (1948–2010)*

Image 2. Korean Textbook

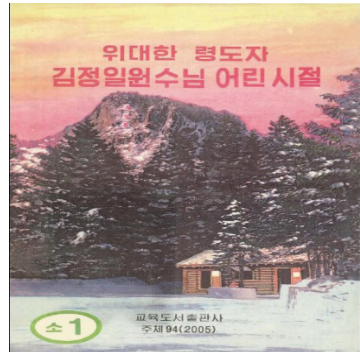

Image 3. North Korean Textbook

As one of prominent Korean resources, one collection also includes about 1000 titles of Korean and North Korean textbooks in digital format. Coverage-wise, this collection has a great number of Korean colonial period textbooks as well as textbooks that were used in Japan. For North Korean textbooks, there are titles from Kindergarten to University level so that researchers can overview the whole education system in North Korea. Top table of contents are as follows.

- a) Korean Textbooks (218 titles / 1896–1946)
  - 근대계몽기 (Modern, Enlightenment period)
  - 일본본토국어 (Japanese classes in Japan)

- 일본어과 국어 (Japanese classes in Korea)
  - 조선어과 / 조선해방기 (Korean / Choson Liberation period)
- b) North Korean Textbooks (758 titles / 1948–2010)
- 유치원, 초등교육 (소학교) (Kindergarten / Elementary school)
  - 중등교육, 고급중학교 (Middle school)
  - 고등, 전문학교 (High school, Specialized school)
  - 대학교 (일반, 기술대학, 공업대학, 수산운수대학, 농경대학, 미술무용대학) (University—Technology, Industry, Fishery, Transportation, Agriculture, Art, and Dance)
  - 교수안, 참고서 (Teaching plan / Reference)
- *Extensive Korean Colonial Resources in conjunction with Korean Studies classes.*

Image 4

Every year Korean colonial period related classes open for graduate and undergraduate students, and there are many relevant topics such as censorship, film, and feminism during Korean colonial period. With this background, a great number of primary sources such as newspapers, journals, literary works and movement materials has been intensively collected as the part of Korean Collection. Those resources are introduces in the classes and openly discussed with Korean Studies Librarian and professor in the class. The above image shows the 1st issue of Chosun Ilbo (조선일보 창간호) in 1920.

Class material website:

<http://guides.lib.uchicago.edu/c.php?g=297706&p=1992540>⁵

<http://guides.lib.uchicago.edu/c.php?g=297706&p=1992542>

5. Korean Collection beyond the University of Chicago Library—*Korean Collections Consortium of North America (KCCNA)*

In parallel with the robust growth experienced by Korean Studies programs in North America over the past two decades, Korean Studies libraries contributed by building comprehensive collections beyond core subjects, such as literature and history. Korean Studies librarians in North America developed the concept of a cooperative collection development program, whereby participating members divide collection responsibilities to compile a larger inter-institutional collection.

That's the result the Korean Collections Consortium of North America (KCCNA) was founded in 1994 with 6 member institutions. The University of Chicago quickly joining as the 7th member in 1995. Currently, the number of participating institutions has expanded to 14 institutions, covering 109 subjects in Korean Studies altogether. The Korea Foundation, affiliated with the Korean Ministry of Foreign Affairs, has financially supported the consortium for the past 20 years to optimize resources for students and scholars of Korean Studies. Students and scholars now enjoy access to broader and more extensive resources than any one institution can provide by herself. The University of Chicago Library collects nine subject areas as assigned- *Welfare Studies, Environmental Studies, Political Parties, Pre-modern Philosophy, Industry, International Relations, International Relations, Traditional Fiction, Publications on Korea and Koreans published in China and Taiwan and Publications on Korea and Koreans published in Illinois, Indiana, and Wisconsin.*

Universities (Year joined)	Specialization Subjects [Joy Kim, 2009, pp. 19–44]
University of California, Berkeley(1993)	History, 1945- (excluding Unification questions & Democratization) / Transportation / Information Technology /Public Finance / Publications on Korea and Koreans published in Russia, Soviet Union, and Central Asia / Publications on Korea and Koreans published in the Bay Area / Archaeology
Columbia University (1993)	Publications on Seoul / History, 1864–1945 / Fine arts (Painting, sculpture and photography) / Performing arts (dance, musical and theater) / Popular Culture / Calligraphy / Education / Psychology / Publications on Korea and Koreans published in the New York Area
Harvard University (1993)	Publications on Chungchong-do / Business / Law / Government — Judiciary Branch / Genealogy Traditional poetry / Publications on Korea and Koreans published in the New England Area

⁵ Lib Guide for Korean Studies: <http://guides.lib.uchicago.edu/korean>

Universities (Year joined)	Specialization Subjects [Joy Kim, 2009, pp. 19–44]
University of Hawai'i (1993)	Publications on Cheju-do / Architecture / Urban planning/studies / Modern social conditions / Traditional music / History, To 1392 / Nationalism / Public health / Publications on Korea and Koreans published in Europe Publications on Korea and Koreans published in Hawaii
University of Southern California (1993)	Publications on Cholla-do / Cinema / Journalism, Communication & mass media / Advertisement / Contemporary language & linguistics / Public administration / Geography (including maps and atlases) Publications on Korea and Koreans published in Southern California Area
University of Washington (1993)	Modern poetry / Juvenile literature / Gender studies and Family relations / Decorative arts / Tourism Publications on Korea and Koreans published in South and South East Asia Publications on Korea and Koreans published in Pacific Northwest Area: Washington, Oregon, Alaska
University of Chicago (1995)	Environmental studies / International relations / Industry (excluding Auto industry) / Welfare studies / Political parties / Pre-modern Philosophy / Traditional fiction / Publications on Korea and Koreans published in China and Taiwan / Publications on Korea and Koreans published in Illinois, Indiana, and Wisconsin
University of California, Los Angeles (1996)	Buddhism / Christianity / Folklore / Library and Information Science / Non contemporary language / Publications on Korea and Koreans published in South America / Publications on Korea and Koreans published in South East Areas of the U.S.
University of Toronto (1997)	Modern philosophy / Modern fiction & essays / Local and regional government / Military science and history Anthropology (excluding archaeology & folklore) / Publications on Korea and Koreans published in Eastern Canada (Ontario, Quebec, New Brunswick, Newfoundland and Labrador, Nova Scotia, Prince Edward Island); Publications on Koreans in Canada as a whole / Publications on Kyongsang-do
University of Michigan (2004)	Auto industry / Historiography / Democratization / Reunification questions (1945-) / Labor relations / Publications on Korea and Koreans published in Japan / Publications on Korea and Koreans published in Michigan, Minnesota, Iowa, and Ohio
University of British Columbia (2006)	Publications on Kyonggi-do / Religions (except Buddhism & Christianity) / Legislature / History, 1392–1864 / Korean medicine / Textile & costume / Publications on Korea and Koreans published in Western Canada (Alberta, British Columbia, Manitoba, Northwest Territories, Nunavut, Saskatchewan, Yukon Territory) / Publications on Kangwon-do
Stanford University (2006)	Modern economic conditions / Commerce / Non-public finance / Government — Executive branch Traditional essay (collected works) / Publications on Korea and Koreans in Oceania & Africa / Publications on Korea & Koreans published in North American Rocky mountains area: Colorado, Utah, & Arizona
Princeton University (2014)	Theoretical linguistics / Film studies (works) / Philology, Paleography / Science, Technology and Medicine (STM) / History, 1392–1869 / Government — Executive branch / Demographic population studies / Publications on Korea and Koreans published in New Jersey, Philadelphia and Maryland
Duke University (2014)	Ethics / Korean Cuisine / Film Studies (History and criticism) / Buddhism / Cultural studies (History and criticism) / Applied linguistics / Publications on Korea and Koreans published in South East Areas of the U. S.

6. Conclusion

The Korean Collection development at the University of Chicago has advanced significantly over the years. Korean Collection has been always the smallest collection within the field of East Asian Collection and the role and impact were relatively less emphasized. However, over the last 30 years, Korean Studies field has been expanded and more researchers focus on this area and naturally it is important to build up the comprehensive Korean Collection to support the teaching and research programs. The long-term collection development plan and attention and support from the Library, Departments, Center and various outside of organizations have strengthened the Korean collection to able to provide a variety of user services. In the long run, these endeavors are expected to provide future Korean Studies Faculty members and students a spring board for exploration of their studies.

References

1. Joy Kim, "Korean Studies Librarianship in North America, 1990–2009," *Journal of East Asian Libraries* no. 149 (Oct. 2009): 19–44.
2. Committee on Korean Materials, Council on East Asian Libraries, ed. *Handbook for Korean Studies Librarianship Outside of Korea* (Seoul: The National Library of Korea, 2014)
3. Council on East Asian Libraries, CEAL Statistics, in University of Kansas Libraries [database online], Available from <http://lib.ku.edu/ceal/>

LANGUAGE AND LITERATURE OF KOREA

Karavaeva N. Ye.

*Department of Korean Studies
Saint Petersburg University*

SOME CHARACTERISTICS OF THE FILM ADAPTATION OF THE NOVEL «OUR TWISTED HERO» BY YI MUNYOL¹

Yi Munyol (b. 1948) is one of the most prominent modern South Korean writers. His books are well-known not only in Korea, his works have been translated into several languages and published in almost 20 countries. Perhaps, one of the most outstanding Yi's novels is «Our twisted hero» which was also adapted to the screen by the director Park Jongwon in 1992.

On the 6th of April 2017 professor Sonja Häussler, a professor of Stockholm University, who has been invited to Saint Petersburg University, gave a guest-lecture aimed at studying various strategies of transferring a literary source into the medium of a feature film. She came up with the novel «Our twisted hero» by Yi Munyol and its film adaptation by Park Jongwon as an illustration of it. This lecture gave a better understanding of this process to the author of this paper.

Undoubtedly, historical background is crucial for the better understanding of the film. The 1980s was mostly a dark period in Korean politics. However, 1987 was a year when the June Democratic Movement started and made it much easier for artists to express themselves to speak their minds [Kim Seungok, 2009]. Nevertheless, there was a growing concern over the recent democratization in the Korean society. President Roh Taewoo (elected in 1987) was the first president after the introduction of direct free and fair elections. However, he was formally a successor of Chun Doo-hwan who is reckoned to be a dictator. Moreover, the integration of two oppositional parties with the ruling Democratic Justice Party resulted in a wave of protests. People were afraid that the chances for the

---

¹ Academic supervisor is Choi I. V., an associate professor of the Department of Korean Studies, Saint Petersburg University.

new military regime to stay in power became increasingly high after that [Kurbanov S. O., 2009, p. 508–515].

One of the film trends of that time was to confront social problems and make political statements both explicitly and implicitly. In fact, Park Jongwon was a pioneer of this new style cinematographic trend, which was later to be called the Korean New Wave. The director chose two Yi Munyol's works that perfectly represent the spirit of the period. One of them is «Our twisted hero» [Korean Film Archive, 2014, p. 168].

All in all, the novel, on the one hand, is a school story of a boy (Han Byungtae) from Seoul who came to a new school in a village. There he meets a head boy (Um Seokdae) who has earned an enormous power to control the whole class, and no one resists him. After Byungtae's futile attempts to resist Um Seokdae's power for half a year he succumbs to him and his system. Shortly, however a new teacher (Kim Jungwon) comes to the school and finds out that the top academic records of the head boy are falsification in which other students have been involved. The teacher punishes them all, and Um Seokdae, feeling ashamed and betrayed, leaves school. In the end, students themselves try to restore their school life. On the other hand, this story is an allegory of political life, representing Um Seokdae's power as totalitarianism.

Any novel and its film adaptation are inevitably different in some ways. This also applies to this novel. Having watched the film, I found some deviations from the plot, differences in characters and also some new scenes were added.

As for the plot, Han Byungtae recollects his school life while heading to the funeral of his old village school teacher. On the whole, this story is quite similar to the one in the novel. However, then the film returns to the present where Han Byungtae and his friends meet Kim Jungwon, their school teacher, who became a great politician. They all want Um Seokdae to appear and keep talking about him, but only a funeral wreath from Seokdae arrives.

In the film, Han Byungtae's reasons to struggle against the head boy are love to liberty and liberal ideals (than any others) which are symbolized in a coin, which is given to him as a farewell present of his ex-classmate in Seoul. The word «liberty» and the Statue of Liberty are on the coin. After the first day at school he is looking at the coin and thinks whether to start a resisting against the head boy or not. Afterwards, when Byungtae finally submits to Seokdae, he throws the coin into the fire. Obviously, once and for ever he rejects from his original ideals and succumbs to totalitarianism. In the novel the desire for struggle is also driven by some selfish motives.

As for Um Seokdae, his character is mostly negative. Unlike it is in the novel, the film tells a lot about his academic achievements, excellent conduct, a responsible behavior as a head boy but it seems that all this does no good for the other boys in the class. Perhaps, by depicting Um Seokdae in this way the director sends the message that totalitarianism serves the interests of only one person and there's nothing positive in this regime.

Kim Jungwon becomes a national assembly member and it's one of the most puzzling questions why the director depicts him as a politician. Perhaps, he wants to show that only intelligent and educated people can be engaged in it. There is all likelihood that it is the director's political ideal.

Three female characters introduced are Byungtae's classmate, who puts an American liberty coin in his hands as a farewell gift, a girl singing at the party held by Um Seokdae, and the teacher Yi — an immaturely acting lady, who is harassed by school boys. An important point is that since the novel is an allegory on political life, almost complete absence of female characters can be interpreted as that politics being solely for men» [Korean Film Archive, 2014, p. 178]. Perhaps, by introducing females the director Park gives both sexes a chance to participate in it. However, the main acts that determine unraveling of the plot belong exclusively to men. It seems that traditional Korean concept of sex segregation and gender responsibilities permeates the book.

«In the long history of the world only a few generations have been granted the role of defending freedom in its hour of maximum danger» — these words belong to Byungtae and they set tone to the whole film. Giving a lecture in English at the Academy, he then clarifies it saying: *«At times when freedom was in danger most people failed to defend it and gave up their fight»*. It seems to be the principal idea of the film director. The appearance of the teacher Kim in the school brings about changes not only in school life but also in the country as a whole. People discuss politics, there are messages about political demonstrations on the radio and, moreover, there is even a scene introduced, showing conflicts between citizens and police. There is an obvious comparison between the April Revolution in South Korea and the revolution in the class, which makes political statements of Park Jongwon stronger and more visible².

Probably, the last scene of the funeral most vividly conveys the director's idea to the viewers. Sitting together side by side, Byungtae and his classmates talk about Seokdae, making guesses where he can be at the moment. A man even says that in these days someone like Um Seokdae

---

² The lecture «Yi Munyöl's Our Twisted Hero and its film adaptation» given by professor Sonja Häussler on the 6th of April 2017 in Saint Petersburg State University.

should stand up and do politics. Actually, this statement reflects the public mood of this period. Some people considered that the democratization of 1987 was a turmoil and wanted to get back to the old orderly times» [Korean Film Archive, 2014, p. 174]. Exactly like it was when Om Seokdae was in power.

«*Um Seokdae didn't show up till the end. I couldn't assume whether he succeeded or failed just with that flower. But the days I am living today are like the days of 5th grade class 2. Then maybe he became a class leader in a somewhere new. And controlling the class. I couldn't meet him today, but I'm not sure if I can get away from his shade in the future*» — these are the last words of Byungtae at the end of the film. This soliloquy expresses the director's anxiety about the future of the country. Om Seokdae is like a symbol of dark times from which it is extremely hard to get free. Faceless power seems to be dangerous and insidious³. Besides, a presumption that he is somewhere controlling other people is quite pessimistic.

That said Park Jongwon's messages to the audience are quite clear. Firstly, even though democratization was achieved, some efforts are needed to maintain it. Secondly, there is nothing positive in totalitarianism and those who wish the return of old times are the ones with «twisted» minds. Thirdly, there are some worries about the next presidential elections in 1992 and the future of the country in the film. All in all we see how the director using the same story, changing the character's traits, adding new scenes, adjusting a plot, creates a film in which political and social issues are even more vividly and explicitly expressed.

References

1. Korean Film Archive. Literature on Screen. Understanding Korean Literature through Films. Seoul, 2014.
2. *Kim Seungok*. Literary and Cinematic Imagination Rising from the Darkness (1970s-mid 1990s) // Korean Literature Now. Vol.6. 2009. <http://koreanliteraturenow.com/features/literary-and-cinematic-imagination-rising-darkness-1970s-mid-1990s> — (1.05.2017).
3. *Kurbanov S. O.* History of Korea from Ancient Times to Beginning of 21st Century. St. Petersburg University Publishing House, 2009. (in Russian).
4. The lecture «Yi Munyöl's Our Twisted Hero and its film adaptation» given by professor Sonja Häussler on the 6th of April 2017 in Saint Petersburg State University.
5. *Yi Munyöl*. Our Twisted Hero. An Appointment with My Brother. Trans. By Chon Mak Lae. St. Petersburg, 2014.

---

³ The lecture «Yi Munyöl's Our Twisted Hero and its film adaptation» given by professor Sonja Häussler on the 6th of April 2017 in Saint Petersburg State University.

**SPECIFICS OF SIM CHEONG'S PERSONALITY IN
OH TAE-SEOK'S PLAY "WHY DID SIM CHEONG THREW
HERSELF INTO THE SEA TWICE?"**

(‘심청이는 왜 두 번 인당수에 몸을 던졌는가’)¹

Oh Tae-seok (born in 1940) is one of the prominent Korean contemporary playwrights and stage directors who has made a significant contribution in the development of the dramatic arts in South Korea. In total, he created and put on the stage more than 30 plays [Oh T'ae-sok, Ah-jeong Kim, 1999. P.1]. An important feature of his creative works is that he always bases on Korean cultural heritage. It can be found not only in his usage of the forms typical for Korean performing arts genres, but also in taking as basis of the play various events from Korean history or images borrowed from Korean pre-modern literature.

One of representative examples of the latter is Oh Tae-seok's play called "Why Did Sim Cheong Threw herself into the Sea Twice?" (‘심청이는 왜 두 번 인당수에 몸을 던졌는가’, 1991). Oh Tae-seok wrote this play in 1991 after he read a news paragraph about a youngster's killing of a young mother [Oh T'ae-sok, Ah-jeong Kim, 1999. P.17]. The woman carrying a baby on her back stood in a queue to a telephone booth and asked a young man to finish his conversation a little faster. However, in respond she was stabbed. Outraged by this news Oh Tae-seok creates a play "Why Did Sim Cheong Threw herself into the Sea Twice?". In this work, he raises the questions concerning the problems of ethics and morality. He places a famous character of the past – Sim Cheong — into contemporary Korean society in order to explore this subject matter in detail. We may suggest, that Oh Taeseok uses such transposition from one historical period to another as a way to understand whether traditional spiritual and moral values of Korea are possible in nowadays world. This paper aims at tracing and possibly explaining the specifics of personality of Sim Cheong as this play's protagonist.

As it is widely known, the character of Sim Cheong appeared for the first time in the «Tale of Sim Cheong» of Late Joseon Period. There are several versions of the origins of this plot. Whatever the roots of this sto-

---

¹ Academic supervisor is Guryeva A. A., an associate professor of the Department of Korean Studies, Saint Petersburg University.

ry are, in the tale, Sim Cheong is an embodiment of Confucian ideals of such complex phenomenon as filial piety. In fact, the story of Sim Cheong served as the prove and a reminder of the necessity to carry out the duties not only to parents but to society as well because, as History of Korean specialist Kurbanov shows, for Korean culture filial piety becomes a universal category. It includes both relationships in family, where all people are bound by blood, and in society, which is also recognized like a whole family, with regulated relationships based on difference of age or social status [Kurbanov, 2007. P.22]. As the result, this category penetrates all Korean society.

As the image of Sim Cheong is a model of a filial daughter, the characters in the tale are functional and are also used to reveal the image of the main character and events connected with them serve as a premise to Sim Cheong's actions.

Borrowing the character of Sim Cheong, Oh Tae-seok in his work not only diverges from the classic story but also changes some traits and a function of the main character.

The play itself begins with the scene where Sim Cheong plunges into the water and finds herself on a submarine together with another character namely Dragon King and its Subject. Dragon King learns from a newspaper about a groundless murder of a young mother by a man. Outraged by the circumstances of this incident, the ruler goes to the world of humans in order to discover the reasons of such dramatic change in their behavior. Sim Cheong accompanies him in this trip as well. In the second scene, after getting into humans' world Dragon King and Sim Cheong immediately get into the constant flow of event. Thieves steal Dragon King's wallet and, at this moment, another important character of the play named Chong Se-Myong appears for the first time. He helps the ruler to return the wallet back. In the third scene, Chong Se-Myong meets a saw sharpener Insu who persuades Se-Myong to take part in a production of firebombs. Dragon King and Sim Cheong appear to be the witnesses of this meeting and the girl understanding that nothing good will come out of Se-Myong in this business convinces the ruler to help the young men. The following narration is, in fact, a series of events in which the main characters face different sides of criminal world. That, of course, changes them anyway, and by the end of the play happens one of the key moments: Sim Cheong throws herself into the sea after that there is no way for her to come back home [Oh Tae-seok. 1999. P.12–52].

The first three scenes of the play manifest Sim Cheong's personality from various sides and allow emphasizing the main features of this character.

First, even being one of the main characters of the play *Sim Cheong* does not speak a lot. It might be characterized as a sign of her modesty and obedience and can be explained through the moment when before the trip to the human's world Dragon King warns her to be careful in order not to give her away and not to cause trouble. In fact, *Sim Cheong* starts to talk with the ruler only when she feels or sees that someone needs help. All the lines of the girl in the second and the third scenes, express her anxiety about another main character of the play called *Chong Se-Myong*. For example, in the second scene when *Chong Se-Myong* is hurt after helping to catch thieves, who stole Dragon King's money, *Sim Cheong* tells her companion that they have to report an accident to Detective and visit *Semyong* in hospital. Alternatively, in the third scene when *Chong Se-Myong* makes a deal with a saw sharpener *Insu* to produce and sell firebombs, *Sim Cheong* understands how dangerous this gamble is and addresses Dragon King again. She persuades him of a necessity to save *Chong Se-Myong* from making a mistake. The author shows that she is ready to do everything possible for that.

It is also important to note that every time when *Sim Cheong* tells Dragon King that something is wrong and they have to change the situation, the ruler does not agree with her and prefers not to interfere into what is going on and even tries to talk the girl out of her plans. However *Sim Cheong* keeps insisting on what she said, and as the result, Dragon King agrees reluctantly to help *Chong Se-Myong*. Probably, these episodes also serve to demonstrate *Sim Cheong's* traits of a Confucian daughter. According to Confucianism, not only the elder one has to care about the younger but also the younger one has to do the same with regard to a senior. It implied, if it is necessary, pointing out the mistakes, which is also considered to be an expression of respect. Therefore, *Sim Cheong* realizing that Dragon King is wrong in the situation with *Chong Se-Myong*, she tells the ruler about it.

At the same time, the image of *Sim Cheong* is not static and we can observe some changes in it, as well. As an example might serve an episode where Dragon King tells the girl that she will become an empress one day, *Sim Cheong* rejects by saying she does not want (in Korean «싫어요» [Oh Tae-seok. 1999. P. 12]) and motivates her rejection by her father's behest. It would seem that this phrase expresses Confucian filial piety, modesty and, probably, awareness that she is not prepared enough to rule the country as it is a great responsibility and requires not only personal qualities. However, it is essential to note that *Sim Cheong* uses the expression «싫어요» in a conversation with a King — the Dragon King and his Subject. Both of them have a higher social position and they are seniors for her. It is worth

to mention that Confucianism does not involve direct expressing of an opinion by a younger person in front of an elder one while Sim Cheong's line is highly affective and it is primarily associated with a personal opinion. Probably, on the example of the standard of Confucian ideas about deference to parents, Sim Cheong, the changes in the consciousness of the Korean young generation are emphasized.

One more important thing that in the play Sim Cheong is opposed to the other characters. For instance, while she has an understanding of proper behavior in a certain situation, Dragon King does not care about Chong Se-Myong and his future at all. Another play's character — Insu, in fact, uses Se-Myong's poverty and simplicity in order to involve him into an illegal business and to cover by him in case if something goes wrong. Therefore, Insu does not care for how the things will turn out for Se-Myong.

Based on the first scenes the play we can conclude that even though Sim Cheong borrows many features from her traditional image in general, unlike the classical story, in the play, her role changes. The heroine herself turns into a functional character in many respects. In my opinion, the reason may be that events in the play become more important than the personality of a particular character. The image of Sim Cheong is so symbolic and embodies so vividly an example of following the Confucian category of filial piety that it appears in the play as a measure of human relations in general. In that way, constant comparison with her allows drawing the attention of a reader or a viewer to all those negative changes that occur in the human's world.

References

1. *Kurbanov S. O.* History of Korea from Ancient Times to Beginning of 21st Century. St. Petersburg University Publishing House, 2009. (in Russian)
2. *Kwon Kyoung-hye.* Shifting South Korean Theatre: Jo-Yeol Park's A Dialogue Between Two Long-necked People and Taesuk Oh's Chunpung's Wife // Journal of Dramatic Theory and Criticism. Vol. 23, N 2. University of Kansas, 2009.
3. *Oh T'ae-sok, Ah-jeong Kim, and R. B. Graves.* The Metacultural Theatre of Oh T'ae-sok: Five Plays from The Korean Avant-Garde / translated by Ah-jeong Kim and R. B. Graves. University of Hawai'i Press, 1999.
4. The Tale of Chunhyang; Korean Tales of the 19th Century. Russian Translation by Trotsevich A. F., Kroll J. L., Rachkov G. E. St. Petersburg, Hyperion, 2009. (in Russian)
5. *Trotsevich A. F.* History of Korean Traditional Literature. St. Petersburg University Publishing House, 2004. (in Russian)
6. 오태석. 백마강 달밤에 [Oh Tae-seok. At Moonlight Night on the Baenmangang]. Seoul, Pyonminsa, 1999.

RELATIONS BETWEEN
KOREA AND RUSSIA

Miriam Löwensteinová/Blanka Kašparová
Charles University, Prague

1896 RUSSIA THROUGH DIARIES OF MIN YŎNGHWAN AND
YUN CH'İHO

1: Basic information, sources, itinerary of the voyage

The journey to Moscow and Saint Petersburg was the first official one after more than ten years of diplomatic relation between Korea and Russia. The delegation was appointed for the purpose of the coronation of the Czar Nikolay II; nevertheless, the whole journey was underlined and influenced by the fact that the Korean King stayed — since February 1896 — at the Russian Legation in Seoul, i.e. the Korean court and Kojong especially considered themselves Russian friends and, vice versa, they considered Russians the best friends of Korea in the sense of the old *sadaejūi* concept. It was also one of the first Korean diplomatic missions; the previous were mostly the so called *yuramdan* (observing delegation). As mentioned in the Min Yŏnghwan's diary, delegation was equipped with the standard inventory: three national flags, one *injang* and one *tojang* (seals) with the inscription “the seal of the Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary of Great Chosŏn” and the presents enumerated in the diary of Min Yŏnghwan as follows: “One two-tier purple shell box. Two embroidered screens. Two white brass stoves. Four bamboo blinds. Four colored flowery mats. Four hanging scroll paintings.”¹

---

¹ Nikolay appreciated these presents in his personal letter to Kojong (for details, see [Min Yŏnghwan: *Haechŏnch'ubŏm*, Ch'aekkwā hamkke, Sŏul 2008, p. 180]. Nevertheless, Yun Ch'īho in his diary commented the gifts: “These might pass for a present from a private Korean to a private Russian. But as the gift of a King to an Emperor, they are shamefully poor. I had scarcely the cheeks to look at the officers who have the charge of the archives. Impoverished Korea!” [*Yun Ch'īho ilgi 4, Yun Chi-ho's diary: 1895–1896, 1975, p. 197*]

The delegation consisted of Min Yŏnghwan (1861–1905, Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary of Great Chosŏn), his aide-de-camp, Vice-Minister of Education, Yun Ch'ihŏ (1864–1945), Kim Tŭngnyŏn, Second Rank Secretary, and Kim Toil, Third Rank Secretary. Min received from the court a personal letter of the Korean King to the Russian Emperor, Congratulation Address, Credential letter (and duplicates of it), Letter of instruction (all of them are attached to the Min's diary edition). If the delegation had a special political aim, it was mentioned neither in diaries nor in the instruction and other documents. Kojong only expressed his desire to “strengthen the friendship” with the close neighbor state. Min Yŏnghwan, as an envoy, had the duty of negotiation, but his competence was stated in Kojong's letter vaguely: “If there are any important issues concerning our country, you must negotiate about them.” [*Haechŏnch'ubŏm*, p. 178.] Thus, all the discussions, also presentation of “Five requests” seemed to be Min Yŏnghwan's initiative²

As for the primary sources, for this paper we have used two texts: the first one is a diary of Min Yŏnghwan *Haechŏnch'ubŏm* 海天帆 covering the whole mission. The structure of this diary follows the chronological order beginning with his appointment and ending with the return home. The diary opens on March 19th and ends on October 21st. The text was not planned to be published,³ it is Min's personal diary written in *hanmun* and published later as a part of Min Yŏnghwan's collected works in 1971 (*Min Ch'ungjŏnggong yugo*). In all its aspects, it is a classical literati's diary, fulfilling the requests of the genre, reporting every day about everything including weather, plan of the day, personal impressions (expressed by poems as well) or thoughts. It also summarizes author's observation concerning the new phenomena all written in the prescribed, thus referential style.⁴

Yun Ch'ihŏ did not write his diary with the intention of publishing it either. Preserved by his son, part of Yun's diary was released under the auspices of National History Compilation Committee in 1973. The fourth volume of the diary that spans the period 1895 to 1896 published

² For details, see [Michael Finch, *The Selected Writings of a Late Chosŏn Diplomat*, 2008]

³ We have to be aware of the fact that all the classical Korean diaries, even personal, were written in a form they can be finally published as a part of literati's collection (*munjip*). They differ only in their purpose. Min's diary seems to be personal, but the style and form witness that he addresses his contemporaries, Koreans. Therefore, the educative (normative) aim of it is obvious.

⁴ In this diary, there are not many dialogues recorded; the number of poems and stories, also facts are of the usual size. All the entries usually do not exceed one page a day.

in 1975 contains Yun's entries written in English of his time spent being part of the delegation from April 1st till August 18th. Since the diary served exclusively personal record-keeping purpose, the entries do not have a set structure and include elements typical for this genre, i.e. author's experiences, opinions, thoughts, inner feelings and observations. Furthermore, while being on journey, Yun recorded in a form of travelogue general information about the places the delegation visited, not omitting the weather and various curiosities that he read or heard about the certain place. As for the official diplomatic appointments, using his phenomenal memory, in most cases Yun provides in his diary transcribed dialogues between the persons attending the meeting.

The delegation boarded the Russian warship and travelled the route via Inchŏn (Chemulp'ò at that time) — Shanghai — Nagasaki (they were forced to change their plans as they arrived late to Shanghai) — Yokohama — Vancouver — New York (by train) — Liverpool — Berlin — Warsaw — Moscow (by train). Therefore, they boarded on April 1st and arrived to Moscow on May 20th. Then they took part in the coronation ceremony and, on June 8th, they moved to St. Petersburg for sightseeing and inspection of the Russian "modernization". After Yun Ch'ihò departed to Paris on August 18th, the delegation continued home through Siberia to Vladivostok and then to Wŏnsan and Inchŏn by ship. Within the official part of the mission, i.e. the coronation ceremony, they discussed the above mentioned "Five requests"⁵ with Russian diplomats such as Lo-

---

⁵ These requests are enumerated in Yun's diary as follows: "1: Guard for the protection of the King until Corean army be drilled into a reliable force; 2: Military Instructors; 3: Advisors: One for the Royal Household to be near the King; one for the Ministry; one for mines, railroads etc.; 4: Telegraphic connections between Russia and Corea on terms beneficial to both — An expert in telegraphic matters; 5: A loan of 3 million yen to cancel the Japanese debt." (*Ilgi*, p. 201). The answer to the requests, sent by Lobanov, they received on June 30th in the following form: "1: The King may stay in the Russian Legation as long as he wants. In case he should return to his palace, the Russian government would be responsible for his safety. A guard will remain in the Legation at the disposal of the Russian Minister at Seoul. 2: For military instructors, the Russian government will send an experienced officer of high standing to Soul to negotiate with the Corean government on the subject. His first object in view shall be the organization of a Corean guard for the King. Another experienced man will be sent to examine into the economical conditions of Corea and to find out the necessary financial measures. 3: These two confidential officers may act as advisers, under the guide of the Russian minister at Soul. The question of the loan will be taken into consideration when the financial condition of Corea and its needs be fully known. Russia consents to connect the land lines of Corea with those of Russia and will give all possible assistance to the realization of the project." *Ilgi*, p. 233.

banov, Stein, Witte and others.⁶ Min Yŏnghwan's diary mentions only the simple fact they have had a meeting with somebody, without any details given. If there are some, these concern the outward part of the meeting such as ceremony, official robes etc.⁷ On the other hand, Yun tries — if he was present as a translator — to reproduce the documents submitted by the delegation and the dialogues in a precise form, as e.g. the conversation between Min and Chinese diplomat Li Hongzhang on May 24th. Regarding the “Five requests”, we can find entries that cover the meetings with Lobanov (June 5th and 13th), Witte (June 7th) and also Count Kap(a)nist from the Foreign Office (June 16th).⁸

2: View on Russia: brother, ally, model?

Min Yŏnghwan did not reveal in his diary that the voyage should have an additional (secret) purpose or aim; there are no records that would clarify Korean expectations of Russia. Min even did not comment Russia in a way we can guess the official position of Korean court that concerned this country: in his diary he did not mention more than his personal observations. The only positive in his records are Peter the Great and the imperial family whom he revered unconditionally. Sometimes his other entries seemed to not very official: “If we look at the map, Russia occupies one sevenths of the world land mass... They have the intention of expanding... (June 17th) [*Haechŏnch'ubŏm*, p. 107.]. He called the country autocratic; he even adds the characteristics not very positive: “I heard someone's comment on the characters of Americans, British, Italians, French and Russians. Americans talk a lot. The British do not eat

---

⁶ Most of the time the delegation discusses the requests with Aleksey Lobanov-Rostovsky (1824–1896) who was under the reign of Nicolay appointed Minister of Foreign Affairs. Another Russian representative frequently involved in the negotiations was Sergei Witte (1849–1915), the then Minister of Finance. Yun's diary reveals that the article perceived by the Russian side as the most problematic was the one dealing with a guard to protect the Korean King (according to Yun, Min considered this request to be the most important one). During the meeting on June 13th, Lobanov introduces his assumption that “if we send a guard into the Palace, England and Germany would be offended”. (*Ilgi*, p. 214). Moreover, Witte holds the opinion that “if the King of Corea has not the character enough to protect himself, how can others protect him?” *Ilgi*, p. 205.

⁷ In his diary, he mentioned such things as e.g. the official programme since May 22nd up to June 7th. *Haechŏnch'ubŏm*, p. 68–69.

⁸ The need for a guard to protect the King Kojong was again the central theme of this meeting. Just as Lobanov did, Kap(a)nist openly expressed his doubts about this request “because that would evoke political questions whose consequence might be rather more injurious than helpful to the safety of the King. We must consider the question not from the standpoint of the local interest of Corea alone but also from that of the general welfare of the whole political world.” [*Ilgi*, p. 219–220]

anything. Italians sing a lot. French can dance any kind of dance. Russians covet everything..." [*Haech'önch'uböm*, p. 122.]⁹ In Russia he was impressed by some things as e.g. army recruitments system, but his remarks did not contain more, there was no suggestion, no recommendation for Korea. The other objects of his admiration were described, sometimes in a poetic way, mixed together with the poetic sceneries such as: "The scenery is not different from our country..." (June 15th) or, "... it was just like pasture in our country." (June 16th).

As previously mentioned, the main source of information regarding to the negotiations is Yun Ch'ihō's diary that includes transcribed documents, as e.g. the following memo Min handed to Lobanov during their first meeting on June 5th: "Corea had concluded a secret treaty years ago, with Russia, binding the two countries into a close friendship. We did not consent to all that Japan demanded since 1894, because of our reliance on the support of Russia. Japanese, finding themselves unable to carry out their designs, were enraged. This drove them to commit, with certain Corean traitors the crimes of the 8th October.¹⁰ Coreans, feeling the wrong deeply, look to Russia for help — hence the five requests. Russia is the only country which Corea expects to take up the responsibility single-handed. Russia's help would place the government of Corea on a firmer basis." [*Ilgi*, p. 202.]

With the same precision Yun reproduces the conversation with Nicolay on June 6th during the audience for the presentation of the Credential letter. Yun as a translator took initiative and reacted to Nicolay's remark on above mentioned 'certain Corean traitors': "What Corea wants is a stable government. A Corean has not known a single day in the last three years in which he felt secure in life and property. It is now in the power of Russia to enable Corea to have a stable government. A joint influence of Russia and Japan would breed factional intrigues among Corean officials and produce irritating complications between Russia and Japan. Under such an arrangement, either in war or in probable peace, Corea would be the sufferer. May your Majesty never consent to such an arrangement.' The Czar, shook his head and said, 'No. No!' every time the joint influence of Russia and Japan was mentioned." [*Ilgi*, p. 203–204] As we can see in the passages above, at the official level Russia was perceived as the country that should turn into an opposing force to Japan's drive for control over

---

⁹ Min adds, that observing all the mentioned characteristics, he discovered that everything is true.

¹⁰ This remark concerns the assassination of Queen Min.

Korea at that time. Simultaneously Russia was expected to play a key role in helping Korea to stabilize both its internal and external politics.

Nonetheless, as for Yun personally, Russia is more the potential protector who does nothing and only makes pledges: “Judging from what Mr. Min and Stein tell me, Korean court began its flirtations with Russia years ago. Stein says that the secret treaties have all but one subject etc.: the protection of the Royal Family from Chinese or Japanese dangers. The Russian answer was always the same promises of the desired protection. Has Russia ever fulfilled her promises? Let the events of 1894 and 1895 answer. A reasonable lesson for the man (or woman) who makes himself helpless by relying too much on the help of someone else.” [*Ilgi*, p. 218–219]

By this unconscious stress of the prospective roles of Russia (brother, protector, supporter, not very reliable ally, possible enemy, country far from the modelled one), both Min and Yun expressed more their everyday impressions, that contained contradictions in the final evaluation, than a professional diplomatic approach; their personal opinion has been mixed with somebody’s else experience and it resulted into the unrealistic chaotic insight. Therefore, our demonstration reflects the inconsistency of the foreign policy and lack of the political conception of the Korean court in the late 19th century.

3: Sightseeing and impressions

Neither Min nor Yun are able to evaluate Russia (other countries as well) as experts, though they are not, they were limited in their cardinal respects as e.g. education, relation to tradition, religion and, by prejudices as well. Their opinion of a certain system, method, innovation or instrument and their possible implementation or usefulness in Korea lacks a dispassionate and objective perspective.

In Russia, both Yun and Min visited many places and these are naturally the same. These are mostly recommended to them by their Russian counterparts or, by other people, the supposed “friends of Korea”. Therefore, not many of their excursions were of their own choice. Yun mentioned in his diary that he recommended to Min Yŏnghwan some institutions, but he is — according to the diary — not very interested.¹¹ In Moscow they were invited e.g. to the museum, theatre, gallery; in Petersburg they were impressed — among other places — by ZOO and Botanical garden (mentioned in Yun’s diary as “the finest I have seen”), they

---

¹¹ “Suggested strongly to Mr. Min to visit all the public institutions in Petersburg, including the penitentiary and the hospital. His interest in those things is very languid.” [*Ilgi*, p. 229]

e.g. visited the Forestry School (June 26th), Museum of agriculture (June 29th); prison (July 3rd), paper mill and mint (July 9th), bullet manufacturing factory (July 16th), ship building factory (July 18th12), porcelain factory (August 5th), candle factory (August 5th), schools, army garrisons etc.

Min Yŏnghwan mentioned everything, but especially the official part of the whole voyage (coronation, audience, banquets, the imperial ball etc.) including dresses and details of it, he liked magnificent building and things, as previously in USA and Europe; beside of it, he — as every traditional Asian man — noticed the natural objects — he especially admired gardens, lakes, flowers and aroma, “fresh air” etc., i.e. things that associated him Korea as well. Therefore, he expressed his passion and excitement in botanical garden, when walking in parks or gardens, but ZOO attracted his attention as well.¹³

Among the Western technique, he was fascinated by everything what is moving, by the electricity (especially in USA¹⁴), by lanterns, street lighting (he paid attention to it in every city). In Petersburg he observed not only palaces and imperial architecture, but he also tried to learn such institutions like museums, galleries, theatre, schools, manufactures, factories etc. What he was really impressed about he described in a more detailed way; this can be also influenced by the explanation made by Russians and his interpreters. Let us mention in a more detailed way his understanding of the system of education, and prisons; the last one in comparison with the opinion of his already westernized countryman Yun.

On August 9th, Min Yŏnghwan summed his experience about schools: “If we look at the method of education in the West, we find that boys and girls enter the school at the age of 8. If they do not do it, it is their parent’s crime. Deaf, dumb, blind people have their own schools. The poor, desti-

---

¹² Min’s following remark of it proves his Confucian concept of war and peace, mentioned many times in classical texts: „In the last few days we have seen military and naval weapons being produced incessantly. Every nation in the world does the same. Where will they these weapons use? If Heaven wishes the security and peace of human, one day all these weapons must be melted down and made into agricultural implements“. [*Haechŏnch’ubŏm*, p. 134]

¹³ „The grounds are extremely spacious and encircled with iron bars. In the middle an artificial pond has been created. There were all kinds of birds and animals living according to their species: fish, turtles, geese, ducks, snakes, lizards. There were so many kinds that I did not know their names. ... It helps people to broaden their views on the world.“ The same appraisal Min expressed the same day seeing the botanical garden. [*Haechŏnch’ubŏm*, p. 98].

¹⁴ For example, he was extremely fascinated by the waterfall in New York, powered by electricity. [*Haechŏnch’ubŏm*, p. 47].

tute, young orphans are also taken care of by charity schools. Throughout the country, there are many schools.”¹⁵

In the detail, both Min and Yun described the “facts” of the prison conditions — unbelievable for Koreans:

Min recorded: “... He [Ryeropyev] showed us a three-story prison. The prisoners who have committed serious crimes were in individual cells, those, who committed petty crimes, were in large cells with more of ten prisoners. In a separate place there was a women’s prison. Nobody wore a cangue or chains. Each prisoner has his own bed for sleeping. They receive three meals daily as well as clothing. There is a washhouse and a large yard. They allow all the prisoners to pursue their studies, each of them has a job. ... Those serving up for more than ten years are sent into exile on an extremely cold northern island with hard labour. In both the prisons, we examined, there are more than 500 prisoners; they live in not so hard conditions. All the prisoners were attempting to reform themselves. This is a good way for governing people.” [*Haechöñch’uböm*, p. 118–119.]

Going through all the depictive passages embodied in his diary relating to sightseeing or excursions, we discover that Yun pays the closest attention to their visit to prison which he observed as follows: “From the Cafe at 3 p.m., went to see the prisons. One of them keeps those awaiting judgment, while the other is a kind of penitentiary. They at present contain 508 prisoners, of whom 147 being political offenders. Those of lighter offences are allowed to stay in a common room. The accused of higher crimes are kept one in a cell. There is a bed, washstand, a table, a cupboard, a cup, a copy of the Bible. The cells, numbering 285, are as clean and free from odor as any I have seen. The whole establishment is kept in the most scrupulous condition of cleanliness and order. So is the penitentiary in which are kept those whose term of penalty does not exceed 12 or 14 months. Those who have to serve anywhere under 10 years are confined in the Central Prison. The condemned who are sent to the island of Saghalien [Sakhalin] are those whose term exceeds 10 years. In the penitentiary there are three very neat chapels, one Greek, another Roman, and the 3rd, Protestant. Bath rooms, a library and a hospital show that the unfortunates are cared for mentally and physically as well as spiritually.

---

¹⁵ *Haechöñch’uböm*, p. 151. For him, it might be strange not only the unhierarchic/democratic approach to the education, but education for the disabled above all. When it comes to Yun Ch’iho, there is no entry in his diary either from that day or the trip to the library. There are two possible reasons for that: one is that Yun simply was not present at the excursion, the other reason is that — considering his experience in foreign universities — he was not particularly impressed by it and therefore did not find it worth mentioning.

Was told that it takes something like 300, 000 R. to run the establishment. A large portion of the sum comes from the sale of articles made by the prisoners.

The two main buildings of the penitentiary are of the form of a cross. A guard standing in the middle can command the entire building. Here and there little parks and walks are provided.

The excellent condition of these establishments speaks most favorably of the civilization of the Czar's government." [*Ilg*, p. 234–235.]

The above cited passage characterizes also the way Yun describes objects, institutions and places of interest the delegation visited. In his descriptions he mostly presents facts — full details included — he either read¹⁶ or heard on the spot.¹⁷ As previously mentioned, Yun's description is factual rather than emotional, yet contains some personal evaluation, feelings and appreciation of what he finds beautiful or interesting. In his observations Yun Ch'ihō pays attention to similar things like Min does (i.e. gardens, parks, monumental buildings as well as street lighting and pavement),¹⁸ highly appreciating everything that is extensive but simple,

---

¹⁶ E. g. the visit of Saint Isaac's Cathedral in Petersburg: "Came down with a piece of the Finland granite taken from the base of one of the 24 Corinthian pillars supporting the central cupsea. Each of the pillars weighs 64 tons and is 3 feet high. The 112 magnificent pillars supporting 4 peristyles are a thing of beauty to be a joy forever. Each pillar is 60 feet high with a diameter of 7 feet. The cost of the whole building was 3:15 million sterling." [*Ilg*, p. 212].

¹⁷ E. g. the visit of Petersburg candle factory: "It is run by English capitalists. From 250, 000 to 300, 000 candles a day. Workmen 425. Hours 11 day and night. A woman can make 1,200 candle cases a day receiving 40 Rob. per 1,000." [*Ilg*, p. 265].

¹⁸ Yun's first observations from Moscow concerned the coronation, but being accustomed with the Western women, he mentioned them many times in his diary, including them in the regular observations, as we can see from his first impression of Russia he noted on May 19th: "Extensive plains — rich pasture land — fine forests — dusty roads — scattered villages of comfortless looking huts — good station at convenient distance — pretty women often met with — profuse use of wood, the engines burning wood instead of coal — well supplied dining car — nice birches." Yun continues with his observation on May 23rd: "The streets of Moscow are clean and wide but very rough — so full of big gravels, with which the streets are paved (?). Sidewalks are narrow and sometimes a strip of sidewalk is in the middle of the road. The drivers have long thick robes of ample dimensions, confined by a girdle of fancy colors. The robes are thick and long. Houses mostly two stories high — public gardens not very attractive — people solid and reverential in their manner — ladies quiet and pretty." May 25th: "After lunch, finished our work of official visitation and then rode to the Petrovsky Park. The ride was pleasant especially as I saw more of beautiful women in an hour than I had seen anywhere in the same space of time." On May 26th he wrote: "The repast [after coronation ceremony] was made very pleasant to me by an American belle who sat opposite to Mr. Min. No place of dinner seems to me attractive without a lady." In this way, we can continue. On July 20th he met another woman who caught his attention: "A very lovely woman presided at the head of the table. Mr. Winogradsky informed me that she is a

organized and well-kept: “The Park, of a magnificent extent, kept in good order. By the way, what I like in the Russian parks is the absence of the gaudy flower beds laid out in exact geometrical figures — so common and so tiresome in American parks.” [*Ilgı*, p. 217.]

4: Concluding remarks

Both the diaries contain information that naturally can be observed from various points of view. In this paper we select these that concern the only one aspect, i.e. description and comments on Russia (though in a very limited way). Therefore, we can sum up them in following points:

Diaries, though their authors are of different education and position, described roughly the same sum of information about Russia. The content and stress, as well the style differ, but the general approach to Russia as a “brother” as well as pointing out the same (surprising) aspects is common for the both authors.

What is especially precious for us, Europeans, are the detailed descriptions concerning coronation and following programme, as well as precise conversations and discussions of Korean delegation with leading figures of the then Russia (not only Czar Nikolay, but also such persons like Witte, Lobanov, Pobyedonoscev, Muraviov etc.) that Yun Ch’iho recorded in his diary. We can also imagine every city, every museum as well as institution they visited, including the Russian 1896 Exhibition in Nizhny Novgorod, state of things that belonged to the everyday life that especially Min Yŏnghwan wrote down every day. He mentioned among other things that are not common in Korea (“the otherness”) — churches, funeral, water distribution, policemen, firefighters, clothes etc. Moreover, through the diary of Min Yŏnghwan we can travel back to Korea using the Siberian (“Eastern”) way and we can appreciate he recorded the details concerning Siberian towns that were flourished at that time due to the Trans-Siberian railway. What is more important, he mentioned Koreans living in this area (from Blagoveshchensk to Vladivostok), their fates, phase of their naturalization, schools, habits etc.

We cannot evaluate this journey from the point of view of its importance (i.e. we cannot state it influenced the further positive development of the Russo-Korean diplomacy); we understand it more or less as an of-

---

civil wife of the host [the cavalry officer Mabaman]. The entry of July 14th concerned his platonic love, Ms Maack: “Dr. Maack brought with him his 2nd daughter, Mary. She is one of the sweetest and prettiest girls I have seen. She speaks Russian, German, French and English. But for her charming and healing smiles and looks, which like the sun shone on the just and the just alike, I would have had a miserable time of it whole day. Thanks to her!”

ficial mission as well as Min Yŏnghwan's mission to Great Britain in 1897. Both of them were royal ceremonies of the important European monarchies, therefore the attendance of Korean envoys was almost symbolical; the success lies in the realization of the mission itself. Voyage to Russia might be useful for Korea, but not necessarily. In diplomacy, the difference between the symbolical and successful has no visible boundary.

Finally, we have to stress the literary value of both the records. The diaries belong to the real gems of the late 19th century Korean travelogues and, they serve us as one of the primary sources for multiple research on the late Chosŏn.

References

1. Michael Finch, *The Selected Writings of a Late Chosŏn Diplomat*, Institute of East Asian Studies, Centre of Korean Studies, Berkeley 2008.
2. Min Yŏnghwan: *Haechŏnch'ubŏm*, Ch'aekkwa hamkke, Sŏul 2008.
3. *The Korean Repository: Volume 2: January–December, 1895*. Vol. 2. Seoul: Trilingual Press, 1895.
4. *Yun Ch'ihŏ ilgi 4, Yun Chi-ho's diary: 1895–1896*. Vol. 4. Seoul: National History Compilation Committee, 1975.

GLOBAL COMMUNICATION NETWORK AND KOREA-RUSSIA TELEGRAPH LINE, 1894-1904

I

The telegraph was one of the main technologies that made modern society. As the telegraph has enabled the long distance communication and compressed the time and space, telegraph transformed the modern world into a global village. The sense of annihilation of space and time became even stronger with the telegraph and the whole world seemed to shrink. Thus, the birth of the modern world overlaps with the links of Russia and East Asian countries by telegraph line.

The invention of the telegraph affected all aspect of social and political life: trade, journalism, public opinion, diplomacy and international relations. The telegraph was also part of imperialism and the globalization of economic relationships in the nineteenth century. The telegraph exemplifies important aspects of technological modernization, because it was a technology that, in its development, utilized new systems of knowledge and brought with it new institutions, including electrical engineering and the modern corporation. Another aspect of the telegraph was that the advent of this technology contributed to major transformations of economic and social interactions, changes that served to tie local, national, and international economic and political structures into a new web of rapid and more efficient transactions [6, p.517] Thus, during the imperialist era, a nation led by the telegraph industry dominated the world.

The Russian Far East network consists of the Trans-Siberian telegraph line and the submarine cable connecting Vladivostok to Nagasaki in Japan and Shanghai in China. In 1868 the banker C. F. Tietgen and naval lieutenant Edouard Suenson founded the Great Northern Telegraph Company (Большое Северное Телеграфное Общество: GNTC) to connect Denmark with Norway, England, and Russia. A year later, Tietgen and Suenson persuaded the Russian government to let them build a land line across Russia to China. The Chinese government permitted the Danes to build a line in their territory because Denmark was too small to threaten China's territorial integrity. Japan, newly emerged from its isolation, was also eager to join the world's telegraph network [7, p. 563]

On June 1, 1869, Tietgen founded the Great Northern Telegraph Company by an amalgamation of the Norwegian-British Telegraph com-

panies and Danish- Norwegian-British-Danish-Russian companies together with a Norwegian-British telegraph company, which had been founded in Oslo to lay a cable between Norway and Scotland. As Tietgen at the same time obtained the necessary concessions to lay a cable between Finland and Sweden, the GNTC was in control of all submarine cables between Denmark, Norway, the Britain and Russia. The system was extended in 1873, when a direct cable of laid between Denmark-France, thus providing Russia with a direct telegraph link to Paris that bypassed Great Britain as well as Germany. [10, p. 124]

In 1872, the Great Northern China and Japan Extension Telegraph Company laid cables connecting Vladivostok, Nagasaki, Yokohama, Shanghai, and Hong Kong. What the Russians, Chinese, and Japanese did not know was that the Danes had the technical support of British Telegraph Company (TC&M), the financial backing of Pender and several London banks, and the approval of the British Foreign Office, eager for a backup connection with East Asia in the event of interruptions on their lines through the Indian Ocean and the Mediterranean. The Great Northern was nominally Danish but secretly part of the Eastern cable empire [7, p. 563] In 1873, GNTC that formed a cartel with the British Pender Group, dominating the East Asian telecommunication market, it exerted a great influence on the modernization of the countries of the East Asia.

II

The formation of the connected world by the telegraph network provided an opportunity for Korea to participate in global communication network. In 1883, Korea and Japan signed the “Protocol for the laying of under sea telegraph cable between Korea and Japan” so that laid the foundation for the Korean southern telegraph line [3, pp. 289–292.] In 1885, it was signed an agreement between Korea and China to build land telegraph line, providing Korea with direct telegraph link to Beijing [1, 6th June, Gojong 22.] Therefore, the Korean government’s opening of telegraph lines with China and Japan means that Korea’s telegraph network has now become a window to the world. As a result, Korea has become able to access information of the modern world in real time.

From the telegraph perspective, Korea could not become a outsider from the global communication network. It could be explained by Global, regional and domestic factors which enabled to give a chance for Korea to be a develop country in the area of telecommunications. First, on the global level, the Great Game between England and Russia, which was developed around the Eurasian continent, was the main cause of the devel-

opment of the Korean telecommunications network. It was because the British and Russia each tried to invade the Korean Peninsula as the central stage of the Anglo-Russian Confrontation.

In April 1885, after the Penjdeh crisis between Russia and Britain in Afghanistan and The British Navy occupied Geomundo (Port Hamilton), located southern coast of Korean peninsula. It was to make a naval base for attacking Vladivostok on Geomundo that the British navy connected Hong kong and Geomundo by submarine cable. While the British navy spent 85,000 pounds for this cable, but two years later when withdrew from Geomundo, the cable broke and was sold to a private dealer for £ 15,000. In this regard, in 1899, British Prime Minister Hicks Beach scornfully reminded the rest of the Cabinet that there were no limit to the demands which may be initiated by a body like the Colonial Defense Committee, which is not likely to have the slightest regard to the cost.[9, p. 737–738]

On the other hand, it was noteworthy that the Russian Foreign Ministry by way of telegraph censorship found out the occupation of Port Hamilton. Russian telegraph agent intercepted the report of Japanese ambassador in London, who sent it to Tokyo via the Siberian telegraph line. It was possible to censor the whole contents of telegraph via Siberia, since the Great Northern Telegraph Company established a telegraphic network between London and Tokyo via Siberian telegraph line. As a result, in next day the foreign minister, Girs (Гирс Н. К.), was able to notify to the Admiral of the Russian Navy Shestakov (Шестakov И. А.) on April 11, 1885 about the situation of Port Hamilton [11, p. 186–187.]

On a regional level, it should be approached from the competition between Chinese and Japan for the supremacy over Korean Peninsula. It was analyzed that their competition to strengthen its influence in Korea somewhat contributed to the extension of the Korean telecommunications network. In 1882 and 1884, Japan and China paid attention on the effectiveness of telegraph as a prerequisite for the rapid dispatch of troops to the Korean peninsula, and related investments were made. Therefore, these factors at the global and regional level had been combined with the geographical merits of the Korean peninsula.

The geographical values of the peninsula were related to domestic factors that could link wires with China, Japan and Russia. Even though it was a small size Nation, Korea had a geographical feature that was highly efficient compared to the cost of constructing a cable. Thus, if Korea laid wired lines in all directions approximately 11,400 km, the entire Korean Peninsula would be connected to the communications network [4, p. 66–67]

In this regard the paper will study the history of the project between Korea and Russia to link a telegraph line in the late 19th century. After the

Sino-Japanese War in 1896 the Korean government, which was linked to Japan and China in the 1880s, planned to connect with Russian Siberia telegraph line. It had been reflected the world-wide confrontation of Powers, cause the Korean Peninsula, located at the geopolitical hub of East Asia.

III

Sino-Japanese War (1894–1895) was a starting point that Japan tried to monopoly domination on Korea telegraph and resistance against it by the Korean government. The first opportunity in which the importance of the telegraph was realized in the modern East Asian War was the Sino-Japanese War. Thus, Japan tried to take charge of the Korea telegraph by integrating the Korean telegraph with the Japanese military telegraph, which was laid in the war time [5, p.23–24]. So this war was the cause of the crisis that fundamentally hindered the development of the Korean telegraph system. In spite of efforts to prevent the break of war by the Korean government, this war in the Korean peninsula resulted in isolation of Korea from the international community by destroying the telegraph station and cutting off the wire.

In February 1896, Korean King Gojong 's move to a Russian embassy in Seoul was a sort of stratagem to take control of Japan's aggression by using Russian power, and at the same time, it was a tact to deter Japan 's plan against the Korean telegraph. Because Gojong knew that Japan's knot of its Korean telegraph policy was not in Tokyo but in Copenhagen, Denmark, with which Russia maintained intimate relations [15, p.45]

In July 1882 Japanese Government engaged GNTC to lay a Korea-Japan submarine cable, granting ownership to GNTC. In December 1882, as collateral for the construction of the cable, Japan granted a new license. in article 6 of this license, Japanese government agree to lay no submarine cables either between Japan and Asian continent or between Japan and the islands in the region(i.e. Taiwan, Hong Kong, and the Luzon archipelago) for a period of 20 years from the day the license went into effect. Moreover, Japan would not license any company other than GNTC. Japan further agreed that if any licenses granted to GNTC by another government were extended to 30 years, Japan would revise the term of its license from 20 years to 30 years. In agreeing these provisions, Japan handed over monopoly right to GNTC. These monopoly rights, which would extend over the next 30 years, would prevent Japan from developing an autonomous system of international telecommunications. [8, p.91–92.]

Though the Japanese government sought the way of territorial expansion in East Asia, it was impossible to oppose the dominance of a global

telegraph company, GNTC. This was because the GNTC formed a cartel with the British Eastern Telegraph Company of the Pender's group in East Asia. The cartel of the GNTC and Eastern telegraph companies, which emphasized "order rather than competition" did not allow any competitors to breach of the order. The Japanese government, as one of the nation state, was so dull and weak in front of the monopolistic policy of the global multinational corporations. It was very significant fact that the evolution and expansion policies of the Japanese government in the late 19th and early 20th centuries were deeply influenced by the monopoly dominance of the global companies, because they could not acquire or manage overseas colonies without telegraph and submarine cables.

Under the circumstance of dominance of Global telegraph companies, the plan of Japan to monopolize the Korea telegraph line was forced to be revised. There were two main reasons for the revised plan: the one was to recognize the situation in which Korean king was in the Russian embassy in Seoul, and the other was an agreement which was signed between Russia and Japan to stabilize political situation on the Korean peninsula. Since these two conventions (Komura-Weber Protocol in Seoul and Russo-Japanese Moscow Protocol 1896) were concluded, Korean Peninsula became a condominium of Russia and Japan [14, p.331–332.] Therefore, Russia also had the right to lay telegraph lines in the Korean peninsula.

These two conventions were a legal basis for Japanese troops to remain in Korea, despite the end of the Sino-Japanese War. As a result, it was officially approved by these agreements for the presence of the Japanese army on the Korean Peninsula for the protection of the Japanese military telegraph line. In the end, as long as Japanese military telegraph lines existed, the Russia and Japanese governments agreed to continue Japanese military presence on the Korean Peninsula [13, p.427–428.] This meant recognizing Japan's superiority over the Korean Peninsula, excluding Russia.

By this arrangement, the Russian minister of finance S. Witte (С. Ю. Витте), sought to find an alternative in China, put aside the project on the connection of Korea-Russia telegraph line. It was expressed as an infrastructure construction project to activate the border trade between Russia and China, which was the line connection Irkutsk-Kyakhta-Beijing section. While Witte abandoned project on the linking Siberia telegraph line to Korea, in which Japanese occupied the dominant position, he tried to promote Russo-Chinese border trade by linking Beijing with Kyakhta, a traditional trading center. As a result, the Kyakhta line became the shortest distance telegraph line connecting Europe and East Asia [15, p.46–47]

If paying attention to the cooperation for the “Kyakhta line” between Russian minister of finance and GNTC, it became clear that any attempt to connect the Korea-Russia telegraph line could not succeed. It was close related that in April 1901 S. Witte officially closed Russo-Korean bank in S. Petersburg. This was the reason why the Korean government failed to link the telegraph line with the Siberian telegraph near the Tumen River in 1901 [2, p. 380–381] Furthermore it was because of the need to obtain consent from the Russian Ministry of Finance as well as the GNTC.

In 1901 the Russian minister in Seoul A. Pavlov (А. Павлов) asked to the Korean government that the reason of the Korea-Russia telegraph connection project was suddenly interrupted (1901.9.22.). It showed his perspective to lay Korean telegraph to the vicinity of border between Korea and Russia. Regard to this, Korean minister of foreign affairs replied that it was impossible because of the agreement with Japan on the submarine cable, laid by GNTC in 1883 (1901.9.28) [2, p. 386]

The agreement between Korea and Japan, which made it impossible to link Korean telegraph line with Russian wire, meant the Protocol of the Korean — Japanese Submarine Telegraphy in 1883. Article 2 of the this agreement stipulated not to allow a new wire to gain profits against the submarine telegraph line, laid by a GNTC. Thus, it was impossible to connect Russian telegraph before the expiration of this 25 years agreement [3, p. 289–292.] During the period of imperialism, Korea, China, and Japan had pursued systemic policies that were essential for modern reforms, but it were helpless in the monopoly policy of multinational corporations.

IV

Telegraph was a modern technology that created a connected society across borders. It could drive the movement of logistics and human resources by bringing down borders and lowering barriers. Nevertheless, did mankind, who lived in the global society in the last century, benefit from telegraph in the distribution of information and interchange of knowledge? Some did but others were not. While the telegraph was given equal opportunities when used as a public good, and profits and alienation were generated from both sides, when the technology was monopolized by the global corporations.

Although Korea was a slow starter who relatively late to benefit from telegraphy, but it had developed at a level similar to that of Korea and Japan due to its geopolitical advantages. Nevertheless, it was because of the aftermath of the Sino-Japanese War, which made the Korean peninsula ruin, Korea’s telecommunications industry was limited in its development

under the control of Japan. Thus, Korea regained sovereignty after Japan collapsed in the Pacific War and became a global telecommunications powerhouse.

References

1. 『高宗實錄』, (Veritable Records of King Gojong)
2. 『舊韓國外交文書』 第18卷. 고려대학교 아세아문제연구소 편. [Documents on Korean Foreign Policy (Guhankukoegyomunseo), Vol. 18, Ed. Asiatic Research Institute of Korea University], 1965.
3. 『日本外交文書』 第15卷、日本外務省 編. [Documents on Japanese Foreign Policy (Nihongaikobunsho), Vol. 15, Ed. Ministry of Foreign Affairs of Japan], 1950.
4. 이광린 「舊韓末 露領移住民의 韓國政界 進出에 대하여」, 『歷史學報』 제108집. [Yi Gwanglin (1985), “On the Korean immigrant in the Primorye, who entered into politics of Korea during the late Joseon Dynasty”, *The Korean Historical Review*, Vol. 108.], 1985.
5. 冯超 (2007), 「甲午战争时期中国电报局的作」, 『安徽教育学院学报』, 第25卷 第5期, [Pingchao, “Operations of Chinese Telegraph Station during the Sino-Japanese war”, *Journal of Anhui Colledge of Education*, Vol. 25-5.], 2007.
6. Ariane Knuesel, “British Diplomacy and the Telegraph in Nineteenth — Century China”, *Diplomacy & Statecraft*, No.18, 2007.
7. Daniel Headrick and Pascal Griset, “Submarine telegraph Cables: Business and Politics, 1838–1939”, *The Business History Review*, Vol. 75, No.3, 2001.
8. Eiichi ITOH, “The Danish Monopoly on Telegraph in Japan — A case study of an unequal communication system in the Far East”, *Keio Communication Review*, No. 29, 2007,
9. Kennedy P.M. “Imperial Cable Communications and Strategy, 1887–1914”, *The English Historical Review*, Vol. 86. No. 341, 1971.
10. Kurt Jacobsen, “Small Nation, International Submarine Telegraphy and International Politics: The Great Northern Telegraph Company, 1869–1940”, *Communication Under the sea: the evolving cable network and its implications* / edited by Bernard Finn and Daqing Yang, The MIT Press, 2009.
11. Кондратенко Р.В. *Морская политика России 80-х годов XIX века*. СПб, 2006.
12. Морев В. А. “Первые Проекты и Начало Проведения Элект- рического Телеграфа через Сибири и Дальний Восток (1850–1870-е годы)”, *Новый исторический вестник*, No.3, 2015.
13. Романов Б. А. *Очерки Дипломатической Истории Русско-Японской войны, 1895–1907*, М.; Л., 1947. P.427–428.
14. Россия и Корея. Документы и материалы. М. С. 331–332, 2004.
15. Якобсен К., “Большое Северное Телеграфное Общество и Россия: 130 лет сотрудничества в свете большой политики”, *Отечественная История*, No. 4, 2000.

POLITICAL AND ECONOMIC DYNAMICS OF THE KOREAN PENINSULA

Efimova A.

Higher School of Economics, Russia

EXPLAINING THE KOREAN WAR THROUGH THE LENS OF THE BARGAINING MODEL OF WAR

The Korean War was the first military clash of the Cold War, and the first international conflict where the UN Security Council intervened, the war waged for political objectives, the civil conflict — the Korean War marked to be distinctive in a variety of ways. Overall, the Korean was a bifurcation point that shaped the contours of the bipolar rivalry, with regional conflicts treated as cases to demonstrate supremacy by the two superpowers [Robert Jervis, pp. 563–592].

The disclosure of the Soviet (and partially Chinese) archives in the 1990s encouraged new wave of research on the causality of the war [Alexandre Y. Mansourov, 1996]. High-level documents on the Korean War were presented by the Russian President Boris Yeltsin to President Kim Young Sam of the Republic of Korea in 1994. However, the Korean War despite its pivotal importance has not received sufficiently ample attention from scholars of international relations that would have produced a broad theoretically informed scholarship. A valuable contribution to the mainstream theories of International Relations, the bargaining theory offers useful theoretical explanations on the outbreak of the war, the course of combat, and the war termination.

Bargaining theory and war

Bargaining theory conceptualizes international interactions — cooperation and conflict — as a bargaining process [Alastair Smith, Allan C. Stam, 2004, Thomas Chadeaux, 2006]. This approach has facilitated finding out new sets of explanations for conflict and cooperation. War studies have also been framed within a bargaining context, which allowed clarifying why do wars, although being costly, still occur. The cen-

tral explanation here is the information issue [James D. Fearon, 1995, Robert Jervis, 1988]. If parties in conflict had complete, open and reliable information about the aims, preferences and revenge of the opposing party, a military clash would be inappropriate and the incentives to negotiate would increase. States are encouraged bluffing or deceiving their opponents in order to strengthen their bargaining positions. As a result, the lack of information and high level of uncertainty about mutual intentions and resources they possess between actors can bring about the war to begin. The fighting phase and the outcomes of battles in the course of a war serve as means to reveal information. Consequently, the conflicting parties regulate their behavior and expectations and get ready to come to an agreement.

The causes of war

Rational explanations of why the wars still start apart from their high costs suggest that wars may still be initiated by leaders because the expected outcome and benefits are presumed to be higher than the expected costs. Going to war in any case is a rational choice, sometimes it can prove to be complete failure as a result of a miscalculation and wrong policy choice the lack of information is always pertinent or even a political suicide for the particular leader who took the decision. Alternatively, the bargaining theory has demonstrated that a settlement is always mutually preferable to fighting for both parties [James D. Fearon, 1995].

So far, according to the bargaining model of war, there are three conditions when war as a bargaining failure is possible:

1. *Lack of information (uncertainty)*

Actors possess private information with incentives to hide or misrepresent it. Such information typically regards plans, strategies, and resources of an actor. Due to the lack of complete information an actor can overestimate its own capabilities or the resolve and resources of his opponent and start a war [David A. Lake, 2003]. Wars are commonly planned and initiated under the conditions of overestimation of one's own abilities by the attacker, with the majority of wars being planned to be rapid and triumphant military campaigns. However, for the decision to capture enemy by surprise, private information about the war plans should be carefully protected and remain undisclosed. Negotiations in this context are doomed to be a deadlock because the potential aggressor is especially disposed to misrepresentation, while the potential target does not make enough effort to reach a pre-war agreement since, in its own turn, it is also disposed to underestimate the resolve of the potential enemy.

The decision by the DPRK with the support from the Soviet Union to invade the Republic of Korea on June 25, 1950 was motivated by the correct assumption that the opposite side's forces were significantly weaker and worse organized, and that the USA would not have run to deliver a full military support to Seoul, since Korea had never been within the perimeter of genuine American interest. The Truman administration in the US considered Japan more important than Korea. In 1949, just a few months until the war broke out, the US troops had moved out from Korea, leaving behind only about 500 military advisers, and the Congress rejected to provide South Korea with aid in the upcoming 1950.

The decision by the North Korea to start the war followed both the logic of the preemptive war (first-strike advantage) and was also determined by the challenge of being attacked first by the Republic of Korea and its allies (the logic of preventive war). At the time of the military invasion the North indeed had advantages in terms of military power¹. The Soviet troops had also leaved, however the USSR equipped the DPRK's army with tanks, aircrafts and the Soviet military advisers. Thus the idea to use the first-strike advantage until the military balance was favourable to the DPRK did not look irrational: by August 1950 almost 90 % of the South Korean territory was occupied by the North, with the Pusan perimeter remaining the only refuge.

Had the international powers not interfered with the events in Korea, the outcome of the military invasion was determined to be the overwhelming victory of the North Korean army. The later events unrolled in a way that allowed Robert Jervis to name it "an accident", an event that could not be explained by strategic importance of Korea to make it the first battleground of the Cold War [Robert Jervis, p. 588]. The bargaining model of war can offer some plausible explanations regarding the decisions to enter the war that followed. The incomplete list of expectations by different parties, most of which proved to be false misinterpretations, may embrace subsequent positions of the USA, the USSR, and China:

- In Truman's view Korea was a Soviet test for the American resolve;
- The USA believed that neither the USSR, nor the People's Republic of China would have intervened in the war directly;
- China was alarmed that the US troops might cross the Yalu river and enter Manchuria; a communist regime in the North of the Korean peninsula served as a comfortable buffer zone for China. China decided to enter the war without declaring it;

---

¹ The DPRK army had 175000 people, while the ROK had somewhat less — 93 000.

- The Soviet leadership believed that an attack from the ROK was imminent and took much effort to arm and instruct the North Korean army;
- Stalin when agreeing to the DPRK's invasion in the South was taking into consideration the weakening interest of the US in the Korean affairs (The US Secretary of state Dean Acheson in January 1950 confirmed that Korea was outside the U.S. defense perimeter in Asia);
- At the same time Stalin felt secure after the Soviet acquisition of the atom bomb and the first nuclear test conducted in August 1949;
- The USSR leadership did not expect a UN Security Council to pass a resolution to intervene;
- The USSR did not expect or hoped that China would intervene in the conflict (Stalin did not consult with the Chinese Mao Zedong before the intervention);
- The US leadership believed that Stalin controlled China, which was false;

The above listed mistaken expectations and misperceptions, mutual misinterpretation of motives by the actors in play may be interpreted as just a dramatic accident or coincidence of events. The bargaining theory would rather consider these misperceptions (that arose obviously due to the lack of information available to all parties) the causal explanation of why the war started and why each actor finally decided to go to war.

2. *Commitment problems*

The second condition for the outbreak of war is the failure to commit not to fight in the future. In short, when there is no guarantee that one of the two sides would not attack (no credible commitment exists that would reassure both actors), the probability of a war increases. A first-strike advantage may force an actor to begin a preemptive war, or the threat of an imminent attack may cause an actor to start a preventive war. The latter occurs when one actor expects a power shift in favour of the other actor in the future and seeks to use its current advantage while the conditions are still favourable. Both types — preventive and preemptive war — fit into the bargaining model [Dan Reiter, 2003].

As mentioned above, the DPRK invasion may be interpreted as being initiated by the logic of the preemptive war (first-strike advantage), and strongly conditioned by the challenge of being attacked first by the South Korea and its allies (preventive war). Both Seoul and Pyongyang

were basically convinced that the other side could start a war. Kim Il Sung insisted on striking first, putting pressure on the Soviet leadership in order to convince them to support the invasion until the South attacked first. The Syngman Rhee government in the Seoul, to whom the American military government granted powers, was as belligerent and war-seeking as its counterpart in the North of the Korean peninsula. Syngman Rhee vigorously insisted on the inevitability of campaign against the North, which made U.S. very careful about providing him with offensive weapons — tanks and aircrafts.

3. *Indivisibility of a good in dispute*²

If the issue under dispute is considered indivisible, but only controlled in its entirety, bargaining may not prevent war. In other words, if both actors are not eager to reach a pre-war compromise to divide the issue in question, the fighting and decisive victory remain the only acceptable solution for both sides. In theory, both South and North Korea could have reached an agreement to remain in control each of its own territory before the Korean War. In fact, the agreement reached between them after long and costly series of battles and almost two years of negotiations left each side at the positions very similar to those they had before the outbreak of the war.

The truce talks and the war end

The bargaining theory assumes that negotiations over the term of an agreement to end the war are part of war/fighting. Thus, it is not unusual if the parties while talking and negotiating continue with military threats against each other. The central role of combat in the bargaining theory of war is to diminish uncertainty (the first causal explanation of war). Fighting outcomes constantly reveal information about the real balance of power and about what would be the outcome of war. The expectations of the parties in war thus tend to come closer, which opens up a room for reaching an agreement. In fact, the military component of war determines the outcome of conflict not through physical damage, but rather through changes in expectations [Paul Pillar 2000].

Though many interstate wars ended with an unambiguous victory, the Korean War case was characterized by a stalemate. The negotiations to end the war began on 10 July 1951 and came to an end only two years later after the talks started, with no dramatic difference in terms of the agreement after a two-year-long impasse. What is also remarkable is that

---

² J. Fearon dismisses issue indivisibility as “empirically implausible”.

negotiations were going on concurrently with developments in the battlefield. The parties restrained from the idea of a new massive attack, but were continuously threatening each other with additional military assaults³. The research on the termination of the Korean War by Elizabeth Stanley based on the findings of the bargaining theory has contributed to explaining domestic-level impediments to the international bargains that end war [Elizabeth A. Stanley 2009]. Important domestic events, namely, the leadership changes in the major parties paved the way to the situation when the war could finally end.

Conclusion

The bargaining theory has made an important contribution to the study of war together with other mainstream theories of International Relations and related social science disciplines. Numerous case studies have tested and confirmed its main findings, however further empirical scholarship is necessary to test it thoroughly. The Korean War case still remains under-scrutinized and leaves much space for further theoretical and empirical analysis. For example, a study of relationship between the course of battles, developments and standstills of the negotiation process with a linkage to domestic politics could shed light on such focal points of the Korean War as, to name few, the decision of the USA to land in Inchon in September 1950, or the signing of the Armistice Agreement in Panmunjom on July 27, 1953 fostered by the leadership change in the Soviet Union and the United States.

References

1. Robert Jervis "The Impact of the Korean War on the Cold War", *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 24, No. 4, December 1980. Pp. 563–592.
2. Alexandre Y. Mansourov, "Stalin, Mao, Kim, and China's Decision to Enter the Korean War, September 16–October 15, 1950: New Evidence from the Russian Archive", *Cold War International History Project Bulletin*, no. 6–7, Winter 1995–1996, pp. 94–119.
3. Alastair Smith, Allan C. Stam, "Bargaining and the Nature of War", *Journal of Conflict Resolution*, December 2004, vol. 48, no. 6, pp. 783–813.
4. Thomas Chadeaux, "Bargaining over power: when do shifts in power lead to war?", *International Theory*, Volume 3, Issue 2, June 2011, pp. 228–253; Rober Powell, "War as a Commitment Problem," *International Organization*, Winter 2006, Vol. 60, Issue 1, pp. 169–203.

---

³ The talks first started in Kaesong, but were moved to Panmunjom because the previous site was proclaimed unsafe as the result of attacks.

5. James D. Fearon, "Rationalist Explanations for War", *International Organization*, Vol. 49, No. 3 (Summer, 1995), pp. 379–414.
6. Robert Jervis, "War and Misperception," *The Journal of Interdisciplinary History*, Vol. 18, No. 4, (Spring, 1988), pp. 675–700.
7. James D. Fearon, "Rationalist Explanations for War", *International Organization*, Vol. 49, No. 3 (Summer, 1995), pp. 379–414.
8. David A. Lake, "International Relations Theory and Internal Conflict: Insights from the Interstices", *International Studies Review* (2003) 5(4), pp. 81–89.
9. Robert Jervis "The Impact of the Korean War on the Cold War", *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 24, No. 4, December 1980. P. 588.
10. Dan Reiter, "Exploring the Bargaining Model of War," *Perspectives on Politics*, Vol. 1, No. 1 (Mar., 2003), pp.27–43.
11. Paul Pillar "Negotiating Peace: War Termination as a bargaining Process," Princeton, 1983. Cited in: Harrison Wagner, "Bargaining and War," *American Journal of Political Science*, Vol. 44, No. 3 (Jul., 2000), pp. 469–484.
12. Elizabeth A. Stanley, "Ending the Korean War: The Role of Domestic Coalition Shifts in Overcoming Obstacles to Peace", *International Security*, Vol. 34, No. 1 (Summer 2009), pp. 42–82.

Bongchul Kim,
Hankuk University of Foreign Studies
(Seoul, Korea)

THE PROSPECT OF THE LEGAL INFRASTRUCTURE FOR THE KOREA-RUSSIA COOPERATION — THE POSSIBILITY OF THE KOREA-RUSSIA FTA

I. Introduction

PTAs (Preferential Trade Agreements) which have been notified to the WTO are more than 400 and it represents drift towards that Preferentialism continues to accelerate. The reasons of rapid increase of PTAs are promotion of trade, strengthening competitiveness and enhancement of bargaining power. Moreover, there is a strong doubt about functioning of multilateral trade system and it leads that most countries all over the world try to put more weight on Preferentialism by signing a variety of PTAs.

The Free Trade Agreements (FTAs) became the most popular preferential law style in various types of international economic agreements. Although many of the FTA issues are still concentrated in the economic field, some FTA partners are also developing new functions in their international laws for non-economic field. With such aspect, the international laws can work as an important new engine to boost further cooperation between partners, eventually expanding the topics.

Korea basically has joined many types of multilateral economic agreements such as the WTO agreements. Then, this small country also made several FTAs as their PTAs with its major economic partners since 2000s. The Korean government thought that PTAs could be an effective way to respond actively to the new trend of Preferentialism in late 1990s. Since then, the government has continued to promote its FTA policy and improved the related laws.

Although Russia has a good position to start the role in the multilateral economic system with the WTO rules, the state is still in favour of preferential system. Many PTA partners of Russia were mainly CIS members and other neighbours of Russia. However, Russia recently started to show a bit different attitude on their PTA policy. Russia may take non-CIS or neighbouring partners for their PTAs such as Korea.

This study starts from the basic explanations of information on the PTAs in Korea and Russia. It investigates the economic relationship between two countries and discusses how we can continue to improve bi-

lateral relationship by reviewing the policies toward each other. Then, it moves to the issues on the possibility of the Korea-Russia FTA. The proposals or some hints for the FTA are provided as the final step in the study.

II. PTAs of Korea and Russia

1. *PTAs and the legal face in the international stage*

Although the Multilateral system are still fundamental,¹ the Preferentialism is prominent in the economic structure of the international community. Many parts of economic cooperation are recently performed under the PTAs these days. PTAs can be defined here in accordance with the terms of the WTO as 'trade agreements between two or more customs territories where the trade barriers are reduced or eliminated.' It may provide preferable treatment to the partner countries than third countries.²

Many countries can use PTAs as a vehicle for promoting deeper integration of their economies. This deeper integration covers PTA provisions dealing with product and market regulations such as standards and competition policies, environment and labour. Furthermore, it reaches the area of property rights such as protection of intellectual property, other intangible assets as well as physical and financial investments. Particularly with regards to trade in services, preferential access by an PTA may enable a supplier to steal an irreversible march on the competition.

Political consideration is one of keys to fostering PTAs. Countries seek to consolidate peace and increase international security with their PTA partners, or to increase their bargaining power in multinational negotiations by securing commitment first on a preferential economic basis, or as a means to demonstrate good governance and to prevent backsliding on political and economic reforms. Some countries may also use PTAs to try to forge new geographical alliances and cement diplomatic ties.³

The preferential and discriminatory treatment by PTAs can be the causes of the erosion of MFN principle in multilateral trading systems such as the WTO. Therefore, the WTO system provides some special articles to regulate the conditions of the PTAs. When a WTO member

---

¹ The main ideas of a multilateral economic laws normally based on the principle of non-discrimination, all members of a laws are bound to grant as favourable treatment to each other as they give to any other member, for example, Most Favoured Nation (MFN) status.

² Discriminatory liberalisation might be attractive for countries that seek to reap gains from trade in product areas where they cannot compete internationally.

³ The US-Israel FTA in 1980s was motivated more by political and military concerns than economic concerns.

enters into an PTA through which it grants more favourable conditions to its trade with other WTO member parties to that agreement than to other WTO members' trade, it departs from the guiding principle of non-discrimination defined in Article I of GATT, Article II of GATS, and elsewhere. WTO Members are, however, permitted to enter into such PTAs under specific conditions, which are spelled out in some WTO rules [Bongchul Kim, 2015]

Under the Article XXIV of the GATT, a PTA is acceptable under the WTO system so long as its purpose is to facilitate trade within the region and not to raise barriers to trade with outside economies. Then, duties and other restrictive regulations of commerce shall not be on the whole higher or more restrictive than the corresponding duties and other regulations of commerce existing in the same constituent territories prior to the formation of the PTA. The duties and other restrictive regulations of commerce shall be eliminated on substantially all trade between the constituent territories in respect of products originating in such territories. [Sung-Hoon Park, p. 257]

While an Understanding on the Interpretation of Article XXIV of the GATT 1994 was adopted as a part of the Uruguay Round Final Act, this Understanding by and large addresses technical issues that have surfaced in the application of Article XXIV and does not alter the fundamental approach of the GATT to customs unions and FTAs. However, Article XXIV still leaves some questions and the WTO law cannot effectively prevent the PTAs which are not in compliance with the conditions set out in Article XXIV [Thomas Cottier and Maria Foltea, p. 51]

2. PTAs in Korea: the FTA type

The Asian Financial Crisis in the late 1990s provided the momentum to promote PTAs in Korea. The country intended to utilise the preferential rules in promoting qualitative growth of their economic system. Therefore, the government expected that their PTAs can be used as the 'legal infrastructures' for their recovery from the crisis with the systemic reforms including the domestic economic rules. In fact, they have improved many types of domestic laws following the international standards with their PTAs. The country has established many FTA relations as their PTAs with various partners such as Chile, Singapore, EFTA, EU, ASEAN, India, Peru, Colombia, Turkey, the US and Australia, New Zealand, Vietnam and even China.

Korea has four strategies in pursuing FTAs with other countries. First, it pursues simultaneous FTA negotiations with interested counter-

part countries.⁴ Second, Korea seeks a comprehensive FTA in terms of coverage and content. Its agenda includes trade in goods, trade in services, investment, government procurement, technical barriers and intellectual property.⁵ Third, the Korean government takes national consensus building and a transparent process as important factors to consider as it promotes FTAs. Fourth, Korea drives FTAs with large economies such as the EU, the US, ASEAN and China. It will also promote FTAs with newly rising economies such as MERCOSUR and India.

The Korea-Chile FTA is the first FTA for Korea in 2002. The road toward an FTA taught Korea some hard lessons. On the one hand, the government faced domestic opposition and on the other, it had to resolve issues of disagreement with the counterpart country. In preparing for a future FTA, it is important to gain a thorough understanding of the Korea-Chile FTA process, and the problems it faced from inception to its conclusion. [Hae-kwan Chung, p. 73] Then Korea expected that the Korea-Singapore FTA can strengthen the foundation for Korean industries to make inroads into the East Asians markets.⁶

The Korea-ASEAN FTA consists of four parts as Framework Agreement, Agreement on Dispute Settlement Mechanism, Agreement on Trade in Goods and Agreement on Trade in Services. The FTA created a strategic coalition that can mitigate any adverse effects arising from the acute China-Japan rivalry in the Southeast Asian region. The Korea-ASEAN FTA created a strategic coalition that can mitigate any adverse effects arising from the acute China-Japan rivalry in the ASEAN market. Furthermore, the FTA is enabling both economies to reform their agricultural and industrial sectors. The partners believe that the FTA can be useful as the legal infrastructure for their economic benefits and even other cooperation.

The Korea-US FTA concluded in 2007.⁷ However, it is controversial because the reforms required by the FTA will increase competition for the firms, workers and farmers of Korea and the US and thus will require ad-

---

⁴ This is to overcome the delay in FTA competitiveness and thereby to minimise the cost born by Korean companies and eventually by the Korean economy.

⁵ It is for attaining a higher level of FTAs which would make up for multilateral liberalisation and helping domestic economic reform.

⁶ Moreover, Singapore is an international hub for business, finance and distribution and is increasingly becoming a target investment country for multinational companies.

⁷ Although the FTA has been completed and enjoyed strong support from business in both countries, the ratification debate in the two countries was contentious. [Yong-Shik Lee, "The Beginning of Economic Integration between East Asia and North America?-Forming the Third Largest Free Trade Area between the United States and

justment. [Jeffrey J. Schott, p. 2] The Korea-US FTA drew mixed reactions from the big competitors in the international economic stage. The FTA may give a boost to Korea's credit rating and a competitive advantage over China and Japan. [Bruce Klinger and Anthony B. Kim, 2007] The Korea-US FTA also accelerated the Korea-EU FTA negotiations.

3. Russian PTAs

The Russian PTAs are largely focused towards the CIS countries. Russia currently has bilateral FTAs on trade with most CIS countries. Furthermore, Russia is a party to several regional arrangements in the Post-Soviet space. Russia has signed bilateral FTAs with many CIS states such as Azerbaijan, Kazakhstan, Uzbekistan, Armenia, Kyrgyzstan, Moldova, Ukraine and Georgia.⁸ The Russia-Belarus relation was the deepest bilateral integration. After the creation of an Economic and Monetary Union, they decided to proceed further and a Russian-Belarusian agreement on integration was signed⁹

The Eurasian Economic Community (EurAsEC) agreement was made by Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, and Tajikistan in 2000. The creation of a common economic space between the CIS countries of Russia, Ukraine, Belarus, and Kazakhstan was created in 2003 and they signed the Agreement on the formation of a Single Economic Space (SES).¹⁰

Russia, Belarus and Kazakhstan signed an agreement forming a customs union, the ultimate goal being to create a single common market. The Eurasian Economic Union (EAEU) was launched in 2015, which incorporates the regulations previously set forth in the Russia-Kazakhstan-Belarus Customs Union. The accession of Armenia and Kyrgyzstan into the EAEU came into force in 2015.

The Russia-Serbia FTA has made Serbia particularly attractive to foreign investors and manufacturers since 2000. The list of products not covered by the duty free agreement is updated annually. The FTA amended in 2009 and the list of items excluded from free trade regime was further modified. The accord is the first such agreement Russia has signed with any country outside the CIS. It can be said that Black Sea Economic Coop-

---

the Republic of Korea", *Journal of World Trade* (Vol. 41 Issue 5) (2007); Kluwer Law International].

⁸ Russia suspended Ukraine's status beginning on January 1, 2016.

⁹ The agreements call for the creation of a common economic sphere, with a common currency and a unified tariff and trade policies in the future. [Michael Roberts and Peter Wehrheim, "Regional Trade Agreements and WTO Accession of CIS Countries", *Intereconomics*, Nov.-Dec. 2001, p. 320.]

¹⁰ The Concept of this single economic space is similar to the EurAsEC.

eration (BSEC) is the largest and strongest PTA among the Russia's cross-regional PTA. Russia also signed the FTA with Vietnam in 2015.

The regional countries discussed how to create an area where persons, capital and goods would move freely, where initiatives for cooperation would come from down to upwards vertically rather than vice versa, thus the area allows roles for states as arranging the legal framework for such cooperation. Russia should pursue its policy of following the WTO rules. Concerning the PTAs, the best option for Russia is to try and build its own regional economic bloc that would be made out of the willing CIS member countries. Their sheer sizes make this strategy the only possible option in the near future.

III. The Function of PTAs: Not only for Economic Benefits

1. Influences to Domestic Laws

Although the main purpose of PTAs is the economic benefits of the partners of the international laws, PTAs may make the huge influence to domestic laws. The national regulations must meet the certain standards under a PTA and the international economic laws can be used for the reform of domestic (economic) laws and regulations. There are several regulations that have provisions concerning FTAs in Korea. Among them, Customs law and Law on the Inspection of Unfair Trade Act and Trade Remedies are major substantive laws. These laws provide several special articles regarding FTAs.¹¹ There are also special laws regarding FTAs such as 'Act on Special Cases of the Customs Act for the Implementation of Free Trade Agreements.'

There are discussions on legislating for a general law covering processes of FTAs negotiations and the execution of FTAs. For example, there are some opinions that the Korean National Assembly must have active involvement in the decision-making process regarding the trade policies. According to the opinions, many major difficulties in the decision-making process and for the implementation of FTAs can be resolved emphasizing the active role of the Assembly and the cooperation or share in responsibilities between the legislative and the administrative authorities. [Chang-Hyun Park p. 177-178.]

Many other Korean laws are related to the issue of FTAs direct and indirect ways. For example, there are several laws regarding the re-organisation of domestic industries with the FTA policy such as 'Special Act on

---

¹¹ For example, Article 22-3, 22-4, 22-5 and 22-6 of the Inspection of Unfair Trade Act and Trade Remedies are special provisions in relation to FTAs.

Assistance to Farmers, Fishermen, etc. following the Conclusion of Free Trade Agreements’ and ‘Act on Trade Adjustment Assistance Following the Free Trade Agreements’.

Some domestic laws in Russia can be changed or influenced by its PTAs. For example, Law on Foreign Investment in Strategic Sectors¹² provides limitations on foreign investment in Russian strategic industries.¹³ Under the law, foreign investors must report to a government agency every time they acquire a five percent or greater interest in Russian strategic companies.¹⁴ The government will grant approval only if it is determined that the proposed transaction will not impair the defence and national security interests of the Russian Federation.

According to the laws, the foreign petitioner and the lead agency have 20 days from the day when the lead agency receives a list of obligations from the government to reach and sign the agreement proposed by the government, outlining the petitioner’s obligations and possible penalties. The agreement continues in force for the entire period the company is under foreign control. However, the terms and conditions of the agreement may be changed if the government determines that “significant changes in circumstances” have occurred since the parties concluded the agreement.¹⁵ These issues can be influenced by a certain rule under a PTA standard.

2. International Political or Security Issues

If PTAs can cover non-economic issues as international legal infrastructures, there is another assignment as the next step. For example, (South) Korea is driving their FTAs to promote the constructive engagement with North Korea, which the former has been pursuing by extending trade preferences to the products from the Kaesong Industrial Complex (KIC) in North Korea. The KIC started as a peace keeping project based on the promotion of the inter-Korean economic cooperation. Therefore,

---

¹² The new Federal Law of the Russian Federation on Foreign Investments in Companies Having Strategic Importance for State Security and Defence, No. 57-FZ.

¹³ In addition to the traditional strategic industries such as defence, energy, aircraft and aerospace industries, and critical infrastructure, the law adds certain natural resource deposits, radio, television, publishing, printing, and telecommunications to the list of strategic sectors and seeks to clarify the rules for foreign investors interested in acquiring control over strategic entities or access to strategic natural resource deposits.

¹⁴ Rossiiskaya Gazeta, <http://www.rg.ru/2008/05/07/investicii-fz-dok.html>, June 10, 2017.

¹⁵ Article 12, Sections 6 and 7 of the Law on Foreign Investment in Strategic Sectors.

the complex is subject to inter-Korean agreements and national laws of the two Koreas. [Bongchul Kim and Ho Kim, p. 88]

The two Koreas consented to guarantee business environments in the complex that meet international standards, and work towards improving the competitiveness of its products in the global market. However, there have been political influences and sometimes it has been blocked. Recently, the (South) Korean government shut down the Complex in response to the North's nuclear tests and long-range rocket launch.

Almost every Korean FTA has special treatment rules to recognise the products from the Complex in North Korea as (South) Korean products. Although there is no such provision in the first Korean FTA, the Korea-Chile FTA,¹⁶ the second Korean FTA, the Korea-Singapore FTA provided the special treatment rule. The Korea-EFTA FTA and the Korea-ASEAN FTA provide similar a standard for the KIC-produced goods as Korea-origin goods. The Korea-India CEPA (FTA) also provides the rule.

The Korea-US FTA and the Korea-EU FTA do not directly permit special treatment of the KIC. They just provide a *possibility* of the treatment by establishing the 'Committee on Outward Processing Zones (OPZ) on the Korean Peninsula.' According to the Korea-US FTA, the Committee will discuss the criteria for OPZs like the KIC and the special treatment of the Zone under the FTA order. It was a concession of both parties because Korea considered the KIC as an important issue while the US worried about security problems from North Korea. [Mark E. Manyin, p. 15]

The Korea-China FTA also has detailed rules for the KIC.¹⁷ This will improve the price competitiveness of those exports from the KIC to China. To be eligible, at least 60 % of each product's raw materials should come from China or Korea. This special provision is a lot more generous than in other Korean FTAs.¹⁸ The partners also inserted language into the FTA to launch a group to discuss opening more OPZs in North Korea. The Korea-China FTA also includes an article that potentially allows other countries or offshore industrial complexes like the KIC to join the Korea-China FTA.¹⁹

---

¹⁶ It is because the KIC project was in its nascent stage at that time.

¹⁷ Under the Article 3.3 of the agreement, Korean producers of 310 products in the KIC will benefit from reduced or completely eliminated tariff as if the products were produced locally.

¹⁸ The Korea-EFTA FTA gave tariff breaks to 267 products from the KIC. The Korea-India CEPA gave breaks on 108 products. The Korea FTAs with ASEAN, Peru and Colombia gave breaks to 100 products.

¹⁹ The article was added on China's request.

The two Koreas will develop systems on labour, taxing, wages and insurance to meet international standards, and provide a lower trade barrier when trading to a third nation to improve the KIC's international competitiveness. The Korean FTAs are basically for its economic benefits, the special treatment provisions of the FTAs clearly have political reasons, too. The Korean government thought that the FTAs could be useful for the stability of the Korean Peninsula. Therefore, the special treatment rules to the KIC products in the FTAs can be read as the legal infrastructure for the economic and the political cooperation of two Koreas, which are supported by the Korean FTA partners.

3. For the Human Rights or the Development Assistance issues?

The PTA rules can be related to the human right or even development issues which are basically in non-economic fields. For example, the human rights are often at stake in North Korea. Inhumane treatment, basic rights problem and freedom of association and speech are to be mainly discussed. There were many attempts to address issues in international level. Not only organisations like UN but also numerous NGOs and human rights groups focus on this serious human rights infringement in North Korea these days.

The workers' rights criteria in the Korea-US FTA instructs the Committee to consider in determining whether to recommend free trade accord extension to North Korean OPZs which are not sufficient to ensure respect for labour rights in those zones. The criteria are vague, weak, and fall far short of the new workers' right requirements in the main text of the FTA. As a result, they will allow the parties to permit the violation of the OPZ workers' basic rights under the agreement.²⁰ If the Korean FTAs have better labour regulations, they will be more helpful to extract some solutions for the labour environment or the human right issues in North Korea.

Recently, the development assistance issue is one of emerging topics. Korea recently changed the status from an aid recipient to a donor. Accordingly, the international society expects that the new donor country can lead the international society in this field. However, the experiences of Korea as a donor is relatively short and the awareness on the development projects is still needed to be improved. [Lee Tae Joo p.234] The development works are related to trading activities which is the main subject of international economic laws such as FTAs. Therefore, it is considerable to

---

²⁰ The US-Korea Free Trade Agreement Annex 22-B: A Missed Opportunity on Workers' Rights in North Korea, Human Rights Watch, August 2007.

harmonise some elements involved in FTA with the reinforcement of the relevance of the Development-FTA norm.

This is also clear inside of Korean Peninsula. The KIC was in the 'Globalisation policy' with international funds from the third countries. Then, the rules on the OPZ are to be connected with the global business standards. The Korean FTA partners can also cooperate regarding the development projects to North Korea. Ultimately, the harmonisation of the international development cooperation laws and the FTAs can increase benefits to the partners maintaining the cooperation system with the solutions to the problems in the Far East.

IV. The way for the Korea-Russia economic partnership with the PTA talks

1. The Russian way to the Northeast Asian region

Although Russia recently is in some economic slump, the government pursues a policy based on a strong economy and a strong Russia. It may provide some hints to understand the Korea-Russia economic cooperation.²¹ Armed with the slogan 'strong economy=strong Russia', the Russian government has made it known that his economic policy will be based on innovation and the education of human resources, as well as the improvement of the investment environment and infrastructure.

The goals of the Russian economic policy are to establish a diversified new economy through the development of competitive industries, progression of the services industry, and enhancement of the effectiveness of agriculture. The government hopes to expand economic cooperation with Northeast Asian countries for the goals. As part of its energy and export diversification policy, Russia has in recent years exhibited an open attitude toward the expansion of economic cooperation with Asia. Russia also expects the cooperation of Northeast Asian countries in developing resources and marine routes in its polar regions. [Vladimir Putin, 2012]

For example, The Republic of Sakha (Yakutia) is situated in the north-eastern part of Asia. It is the biggest part in the Russian Federation. The Republic plays an important role in the whole Russian economy by its natural resources. The country makes up 11 % of all-Russian reserves.²² Therefore, the economy in the area is based on export-oriented industry

---

²¹ e-Kiet Industrial Economic Information No. 534, 1 May 2012.

²² For example, 82 % of diamonds and 81.5 % of antimony in Russia are from this area (35 % and 4.5 % in the world reserves each). The diamond mining industry is even the main source of Russia's foreign currency income. Other mineral and raw capacity of Russia makes: on gold of 17 %, on uranium of 61 %, antimony of 82 %, iron ores of 6 %,

connected with development of abundant natural resources. Growing investment stems from strategic investments of Russian companies into the economy of this area under the construction of Eastern Siberia plan such as the Pacific Ocean pipeline (Yakutia–Khabarovsk–Vladivostok). [Bongchul Kim p.29]

The Northeast Asian strategy of Russia can provide an opportunity for Korea. There is a need to focus on the technology-related industries that the Russian government plans to strategically develop. Manufacturing-related industries such as the automobile, ICT, and shipbuilding industries which Russia has focused on in terms of development and medical services industries can be regarded as promising fields in terms of the possible cooperation.

The Russian government has recently made efforts to develop industrial clusters as a part of its innovative policy. Consequently, Korea's own experiences establishing industrial clusters can serve as a useful tool for fostering Korea–Russia industrial cooperation. Sharing Korea's policy experiences and successful cases of regional and sectoral industrial clusters with Russia as a part of inter-government and local government exchanges can help induce the expansion of economic cooperation in terms of projects such as the establishment of infrastructure and related services industry.

Russia is expected to further increase large-scale development projects in the Far East area. Large-scale construction projects in the area. Moreover, the rapid thaw in the North Pole has increased the possibility that the development of the North Pole area will become a key issue in the near future. Climate change is expected to result in the commercialisation of marine routes in the North Pole and the expansion of related infrastructure and agricultural projects. Given the moves within the international community as pertains to the development of the North Pole, the time has come for Korea to seek expansion of cooperation with Russia.

2. The Korea–Russia Partnership for the Development of the Russian Far East

There is a high expectation for a win-win outcome of the partnership between the two countries. In particular, a synergy effect is expected to take place as a result of the partnership between the two countries regarding the development of Eastern Siberia, which has become an important agenda of the Russian government for the following reasons:

---

coal of 5% and tin of 28%. There are also considerable stocks of rare-earth elements, silver, lead, zinc, tungsten, etc.

(1) The Russian government will be able to enhance the outcomes of the industrial modernisation and innovation policy by leveraging on Korea's experience.²³ (2) Korea can be an effective partner for Russia in the Eastern Siberia area as a main importing country of natural resources.²⁴ (3) They have a great opportunity of partnership in the development of natural resources and sea routes in the Arctic region.²⁵ (4) The partnership will enhance the success rate of the logistics development project and the smart-city project in the Far East.²⁶ (5) Korea's investment in the agricultural businesses is expected to be expanded expecting the Far Eastern region to develop as an industrial complex for agricultural and food sectors.²⁷ (6) Korean partnership can contribute to the Russia's infrastructure construction project including large-scale expansion of the urban region.²⁸ (7) Korea's experience with the development and implementation of cluster policy will play a significant role in supporting the Russian government's recent policy to develop innovative clusters in the Far East.²⁹

By understanding Russian policies toward Korean Peninsula, the Korean government needs to cope with finding substantial and realistic measures such as partnership for developing the Far East rather than a rapid change in policies. Especially, Russia is likely to seek and pursue 'Russia-South Korea-North Korea economic cooperation not only for practical

---

²³ The Russian government's main target industries for the modernisation and innovation policy are the same industry categories in which Korea displays high competitiveness.

²⁴ Korea is one of the major import countries from the perspective of Russia's petroleum and gas exportation strategy in East Asia.

²⁵ Korea and Russia's interests intersect in many aspects of the development project of natural resources and sea routes in the Arctic region that is now starting to be fully undertaken.

²⁶ The collaboration between Korea's harbour and that of the Russian Far East will contribute to create synergy effects by promoting interaction among China, Japan, and other countries in Asia-Pacific region.

²⁷ The Russian government has a high expectation for the countries in the Asia-Pacific region, including Korea, to invest in the coastal region, Khavarovsk region, Amur region, and Sakhalin region for the development of farmland. In particular, local governments of the Far East including the Amur region and Sakhalin region are expressing their interests in the development of a rural industrial cluster.

²⁸ With a wide range of experience and know-how in large scale development projects, Korea has the matching capacity to support successful outcomes of the projects in the Russia.

²⁹ Korea's experience in the trade-led cluster development will help local governments in the Far East reduce costs of trial and error significantly in developing clusters with focus industries ranging from mineral resources, transportation and logistics, agriculture and marine, fuel and energy, to tourism.

profit but also for political influence. It is expected that Russia will reinforce cooperation within the area to develop its economy gradually.

After Russia's joining the WTO, it is carefully expected that Korea and Russia can start the talk on the bilateral FTA.³⁰ The partners can prepare a base for stable economic cooperation with the FTA. Also, Korea can expand its market to CIS with the FTA. Korea will take good opportunities to expand agricultural sectors and enhance food security by investing agricultural infrastructure in Far East, Russia. Besides, as Russia promotes cooperation with labours from North Korea, Korean government also can expect 3-party-cooperation to secure North Korean labour force. Korea can invest the constructing infrastructure in the Far East because Russia is actively promoting building transportation and logistics system for interacting with Asia-Pacific countries.

3. For the Korea-Russia FTA

Korea and Russia are having relationship for more than 20 years. Especially their economic cooperation is strongly tied among many fields. There are some agreements between Korea and Russia on developing resources and transportation.

The purpose of *Agreement between the Government of the Republic of Korea and the Government of the Russian Federation on Cooperation in the Gas Industry* is to promote the development in the field of gas industry. The agreement prescribes that supply of natural gas by pipeline from Russian Federation to the Republic of Korea. Provisions state prospecting, exploration, development and operation of gas field and development of appropriate legal frame on the issue. Purchasing Russian natural gas by Korea is carried out in accordance with the national legislation of the two parties and this agreement. The Russian Federation is completing its program on establishing a unified system of production, transportation and supply of natural gas.

There is another similar agreement on cooperation of developing energy that is *Agreement between the Government of the Republic of Korea and the Government of the Russian Federation on Cooperation in the Fields of Energy*. Article 2 provides the contents of cooperation. For example, "execution of joint projects for exploration, exploitation, development, processing and transportation of energy resources" And this agreement

---

³⁰ Korea and Russia established the joint research group to conclude the BEPA (Bilateral Economic Partnership Agreement) in 2007. However, it had stopped due to different points.

encourages promotion and undertaking of joint research for above things in Article 6.

Agreement between the Government of the Republic of Korea and the Government of the Russian Federation on Technology Safeguards Associated with Cooperation in the Field of the Exploration and Use of Outer Space for Peaceful Purpose seems to be about space development and military. However, it is clarifying not only space development but also transportation. There is a specific provision of Export and Transportation under Article 11. Also, it is taking into account the requirements of the Wassenaar Arrangement. Accordingly, it defines what would be the objects of 'protected items' and ensures the safeguarding of them by applying relevant general principals and norms.

There is an agreement named *Agreement between the Government of the Republic of Korea and the Government of the Russian Federation on marine Transport*. It intends to regulate and develop the commercial maritime relations between the two states and ensure effective navigational and shipping co-ordination. Furthermore, it would contribute in general to the development of commercial and economic relations between two countries.

There is an agreement on living marine resources *Agreement between the Government of the Republic of Korea and the Government of the Russian Federation on Cooperation in Preventing Illegal, Unreported and Unregulated Fishing of Living Marine Resources*. The two parties have agreed recognising the importance of promoting mutual interests in conservation, management and efficient exploitation of living marine resources in the maritime area and desiring to cooperate on trade development of legally caught living marine resources and products made of them.

Other many agreements on economic cooperation are already came into effect or now on negotiating. The subjects of the bilateral agreements may be included in the package of the FTA document. The FTA between two partners can be based on these bilateral agreements for the cooperation in specific areas. The talks for the establishment of the FTA will improve the understandings each other and guide to the best solution for the final goals.

V. Concluding remarks

After the joining the WTO system, Russia can take another opportunity making PTA relations with other countries outside of the CIS members. The 20th APEC Summit held in Vladivostok in Russia is also a significant point when it comes to Russian trade trends and policies. It

is not just about cooperation within the Asia-Pacific area but also Putin Initiative which has put huge investment for development of Far East area. The Russian government concentrates on economic development in Far East area and established Department of Far East Development under its federal government. [Eunsuk Chung p. 14]

Korea as one of Russian neighbouring countries also expects a deeper relationship regarding not only economic matters but also political issues. Since Korea imports almost all the natural resources and Russia is one of the main resource exporting countries, these two countries needs are closely met. At the same time, surrounding Korean Peninsula, the political issue, especially the North Korean nuclear issue, may affect the relationship between Korea and Russia.

The Korea-Russia FTA has enough possibilities. The FTA can build better economic relations with a lot of benefits to the parties. The international agreement can be used for the reform of domestic laws on the economy in Russia. Furthermore, the FTA relation will provide huge impact to the political situations in Korean peninsula and the Far East area. It can even provide some legal basis for the human right or the development assistance issues. However, the partners must consider some points for more effective FTA and their cooperation. Sometimes, the points are related to the sensitive fields.

References

1. Bongchul Kim, "Trade Remedy Rules in Regional Trade Agreements." *Trade Remedy Review*, Vol. 22 (April 2006), Korea Trade Commission.
2. Bongchul Kim, "Establishments of the Legal Infrastructure for the Korea-Siberian Economic Cooperation: Focusing on the Republic of Sakha (Yakutia) case", *Information Journal* Vol. 18 No. 1 (2015), International Information Institute.
3. Bongchul Kim and Ho Kim, "Analysis and Proposals to the Laws in the Kaesong Industrial Complex: For Better Regulations under New Environments on the Korean Peninsula", *Korea Journal*, Vol. 54 No. 4 (winter 2014), Korean National Commission for UNESCO.
4. Chang-Hyun Park, *The Role of the National Assembly in the Process of Trade Negotiation*, Korea Legislation Research Institute, 2008.
5. Jeffrey J. Schott, "The Korea-US Free Trade Agreement: A Summary Assessment", *Policy Brief*, No. PB07-7 (August 2007); Peterson Institute for International Economics.
6. Eunsuk Chung, "The 3rd Putin presidency and S. Korea-Russia relations", (June 2012), Jeongse & Jeognchack.

7. Hae-kwan Chung, "The Korea-Chile FTA: Significance and Implications", *East Asian Review* (Vol. 15) (2003), The Institute for East Asian Studies.
8. e-Kiet Industrial Economic Information No. 534
9. KIDMAC, <<http://www.kidmac.com>>.
10. Lee Tae Joo, "Korea Joins the Big League with a Donor-centric Approach" in Alex Wilks (eds), *Aid and Development Effectiveness: Towards Human Rights, Social Justice and Democracy*, Reality of Aid 2010 report (The Reality of Aid Management Committee), IBON Books (2010), Philippines.
11. Mark E. Manyin and others, "Imports from North Korea: Existing Rules, Implications of the KORUS FTA, and the Kaesong Industrial Complex", *The US Congressional Research Service 7-5700* (2011), CRS Report for Congress.
12. Michael Roberts and Peter Wehrheim, "Regional Trade Agreements and WTO Accession of CIS Countries", *Intereconomics* (Nov.-Dec. 2001).
13. Myung-Chul Cho *et al.*, *Strategies for Promoting Exports of Companies in Gaeseong Industrial Complex* (2005); Korea Institute for International Economic Policy, Seoul.
14. Putin, Vladimir, "On our economic tasks", *Vedomosti Newspaper*. Rossiiskaya Gazeta, <http://www.rg.ru/2008/05/07/investicii-fz-dok.html>, June 14, 2011.
15. Sung-Hoon Park, "Regionalism, Open Regionalism and Article XXIV GATT: Conflict and Harmony" in Francis Snyder (Eds.), *Regional and Global Regulation of International Trade* (2002), Hart Publishing, Oxford.
16. Thomas Cottier and Maria Foltea, "Constitutional Functions of the WTO and Regional Trade Agreement", in Lorand Bartels and Federico Ortino (Eds.), *Regional Trade Agreements and the WTO Legal System*.
17. Yong-Shik Lee, "The Beginning of Economic Integration between East Asia and North
18. America? — Forming the Third Largest Free Trade Area between the United States and the Republic of Korea", *Journal of World Trade* (Vol. 41 Issue 5) (2007), Kluwer Law International.

NEW OPPORTUNITIES OF SCIENTIFIC PARTNERSHIP BETWEEN RUSSIA AND KOREA IN THE INDUSTRY 4.0

With the appointment of the new minister for science and ICT (You Young-min), South Koreans expect their country to march into the digital age of fourth industrial revolution characterized by a fusion of cutting-edge technologies, such as big data and the Internet of Things (IoT), based on the successful progress in science with a big hope that they can innovate the way out of an emerging economic crisis — and win a Nobel prize in the process. This justifies almost 5 % of GDP as investments in R&D, twice what Korea spent in 1999, and boosting annual basic-science funding as a source of new technologies and industries to the historically record levels. Ministry for Science and ICT (MSIT) earlier announced that it will spend 1.52 trillion won (US\$1.3 billion) in 2018 on various science and technology R&D projects, up from 1.26 trillion won allocated for this year.

The development of hi-tech was a primary focus of this year's Saint Petersburg International Economic Forum so that the world learned Russian President Putin was passionately fond of digital economy with understanding that growth rates are based on the country's leadership in high-tech areas. In August, Russian Prime Minister Medvedev approved the government program focused on digital economy with substantial targeted funding available until 2024.

As a result of the implementation of that program, the country should build a full digital environment. The program is designed to provide support for technologies based on the use of big data, quantum computing, advanced manufacturing tools, artificial intelligence, wireless technologies. By 2024 at least 10 national champions operating in global markets should be established in these areas. In the future the program is planned to be supplemented with sectoral projects, primarily in the sphere of public health, public administration, the development of smart cities. A special subcommittee on digital economy under the government commission will oversee the activities of the new non-profit organization, that will be created with the participation of the Agency for Strategic Initiatives (ASI), Rostelecom, Sberbank, Rostekh, Rosatom and Skolkovo Foundation for the implementation of this state program. Mail.ru Group, Yandex, MTS and Megafon communication operators, IC software developers and Open Mobile Platform are expected to be on the expanded list of participants. Basic components of the digital economy program are infrastruc-

ture and online spending, “Internet of Things”, big data, telemedicine, the national payment system, the development of IT products and services with high export potential. According to the estimates by Boston Consulting Group, by 2020 the share of the digital economy in Russia may grow to 5.6% of GDP. The digital development will contribute to the economy 5–7 trillion rubles a year.

In recent years, Russia advanced quickly in many areas of digitalization. For example, broadband penetration and wireless Internet in Russia are corresponding to the level of the leading European economies. In 2016, the average speed of the broadband grew by 29% to the level of France and Italy. According to Rosstat, from 2010 to 2016 the share of households with broadband access increased from 48.4% to 74.8%. International experts traditionally note the high level of competence of Russian specialists in the IT field. IT-exports have reached 7 billion US dollars with about 500,000 programmers working in the country. Moscow government successfully implemented digital services of interaction with its citizens, making Russian capital among the world leaders in the use of digital technologies in modern urban infrastructure, leaving Tokyo, Barcelona, Toronto, Hong Kong and Sydney behind. About 2 million people living in Moscow are registered in the system “Active citizen”, thereby participating in the daily management of their city.

The breakthrough in digital leadership is supported by the development of long-term funding for research and the renewal of the existing line of research grants. Earlier this year an ambitious Presidential research funding program was announced in Russia. Around \$10 billion in additional budget are expected to be made available through 2017–2023 to the Russian Science Foundation (RSF), which will distribute these supplementary funds to support cutting-edge research projects implemented by outstanding early-career researchers and to create new world-class laboratories with industrial co-funding.

According to the results of the first competitive selection, this year 504 young scientists, 239 youth research groups and 31 laboratories were awarded for up to 7 years of funding so that they can build their own independent research teams and pursue their best ideas at the frontiers of knowledge. This complements the existing diversified portfolio of other 2,500 RSF-funded projects. On average, RSF grantees employ around eight team members during their project.

Importantly, all projects that received funding should not only make a significant contribution to the development of research, but they should help solving the tasks of the so-called “big challenges” outlined in the Strategy for Scientific and Technological Development of Russia, approved by the President of the Russian Federation in December 2016, namely:

1. Advanced digital, smart production technologies, robotic solutions, new materials and construction methods, big data analysis, machine training, and artificial intelligence;
2. Ecologically friendly and resource-smart energy industry, new energy sources, energy transportation and storage ways;
3. Personalized medicine, hi-tech health care, and health protection technologies;
4. Highly productive eco-friendly agricultural and aqua-farming, storage and effective processing of agricultural products, safe, high quality foods;
5. Anthropogenic, biogenic, and sociocultural threats, terrorism and ideological extremism, cybersecurity and other possible risks to society, economy and state;
6. Connectivity between the regions of the Russian Federation by creating smart transport and telecommunication systems; acquiring and maintaining leadership in international transport and logistics system development; outer space, airspace, oceans, Arctic and Antarctic exploration and use.
7. Global challenges in terms of human-to-nature, human-to-technology, and social institutions interaction, using the methods of humanitarian and social sciences.

According to the Nature index data, the Russian share of the world's high-quality research increased significantly between 2012 and 2015. The country's contribution to life sciences in particular grew by more than 60%, indicating the largest rise among the top 10 countries in this field. The number of Russian publications in social sciences in Scopus database rose by more than 6 times from 661 in 2010 to 4094 in 2015, Russian research output doubled in neurosciences, pharmacology and pharmaceuticals.

This attributes mostly to the government's initiatives such as universities excellence project "5-100" and mega-grants program, as well as to the efforts of the Russian Science Foundation that supports the most promising projects and most capable scientists.

In July 2017, Vladimir Putin met with President Moon on the sidelines of the G20 summit in Hamburg. Their next meeting is expected soon in the sidelines of the third Eastern Economic Forum in the Russian city Vladivostok. One of the bilateral issues bonding two countries may be the cooperation in science and technology as both countries face high-stakes in science and have a strong track record of heavy investments in research excellence.

Although the nations' leading research funders, the Russian Science Foundation and the National Research Foundation of Korea (NRF), have not yet launched bilateral co-funding program, they succeeded in establishing trustful relations. This May they hold workshop focused on monitoring the appropriate expenditure of the grants and discussed some cases of alleged fraud and research misconduct. In May 2018 NRF President Dr. Moo-je Cho is scheduled to visit Moscow hosting the Global Research Council meeting. RSF and NRF continue to sense the growing interest from the researchers in both Korea and Russia seeking funding for their projects.

Like European Research Council or US-based National Science Foundation, the RSF funding schemes are open to top researchers from all over the world who wish to carry out a project in a host institution in Russia. Korean scientists participate in the RSF calls, and in the past three years there were 8 grant applications from the top Korean researchers. To date, one principal investigator from Republic of Korea has been awarded RSF grant in transport engineering and is based in Lavrentyev Institute of Hydrodynamics of the Russian Academy of Sciences in Novosibirsk.

Samsung has reportedly partnered with the Institute for Systems Programming of the Russian Academy of Sciences (ISP-RAS) to use a tool for static program analysis developed by the ISP's researchers. Korean high-tech enterprise invested more than \$10 million in the development of this technology with ISP reserving the intellectual right for the product, which Samsung can use at no charge. This is the only code analyzer the Korean flagship company has been using since 2015.

Some support for joint research in basic science has been provided by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and NRF. During 7 years of cooperation these organizations supported only 4 two-year joint projects in the field of information technology, biotechnology and "green technologies" (out of 20 applications submitted for the joint call). In the course of the most recent RFBR-NRF call for proposals 58 joint applications were submitted and are currently under the peer-review. The funding for these new two-year projects will start in 2018. Unfortunately, the size of the RFBR grants within this framework is not sufficient for cooperating scientists to implement the full-scale independent research project aimed at creating a truly new knowledge in their scientific field. That is why the prospects of launching a new joint funding program under the RSF-NRF conditions will more likely generate the worthy scientific results of the world level.

Besides basic science, funding is also available to applied joint research. In addition to 3 two-year projects had been supported, the Minis-

try of Education and Science of the Russian Federation and the Ministry of Science and ICT of Korea (MSIT) plan to fund in 2017–2019 4 applied research projects in nanotechnology, new materials, biotechnology and aerospace. However, the funds allocated for this purpose by the parties (5.0 million rubles per year for the project on the Russian side and the equivalent for the Korean one) are clearly insufficient to implement truly breakthrough projects in emerging technologies.

To improve access of Korean researchers to the best quality research projects in Russia, the RSF and the Ministry for Science and ICT (MSIT) may reach respective hosting agreement so that young and talented Korean researchers will have the opportunity to join the teams of RSF grant holders on the much more attractive conditions for such mobility.

Every year Russian and Korean researchers publish over 600 co-authored publications indexed in the international databases such as Web of Science or Scopus. If we use additional funding tools, it is possible to increase the joint scientific output to 1000 articles. It is essential to consider the effectiveness of research projects based on the qualitative metrics rather than on the quantitative. In this context, the funders should monitor societal impact of research and other quality-related criteria.

International funding agencies experience suggests that collaborative research projects based on the principles of scientific excellence, parity funding and credible peer-review have normally higher impact of R&D investments from the public funds compared to the research funded by the single nation.

If Russia and Korea join their great sci-fi endeavors in the modern big-budget science, the pay-off is going to be enormous and we will see perhaps some Nobel-worthy transformative projects developed by talented researchers from two countries jointly. Undoubtedly, this should help both nations be successful in emerging era of digital transition and perhaps to prepare for the Fifth Industrial Revolution. For this common goal, the Russian Science Foundation, the National Research Foundation of Korea, Korea Green Light Intellectual Network and other stakeholders will cooperate closely together.

Some of the specific fields in which Russia and Korea may succeed in collaborative research projects, combining the strong track record of Russian basic science with advanced Korean application technology, are nuclear fusion technology to cope with current concerns about the safety of nuclear power plants, cybersecurity, big data analytics, artificial intelligence, 3D printing, electric vehicles, self-driving cars, industrial robots, renewable energy, bio-industry and software development.

**IMMIGRATION, MULTICULTURAL FAMILIES
AND INTERCULTURAL COMMUNICATION
IN KOREAN SOCIETY**

Kim E.

Academy of Korean Studies, Seoul, Republic of Korea

**CRITICAL REVIEW OF THE NATIONALISM DISCOURSES IN
CONTEMPORARY RUSSIA AND KOREA**

Introduction

Hundreds of books are devoted to the problem of nationalism, searching its roots and origins, disclosing the essence and nature of this phenomenon. In the late nineties of 20th century and at the beginning of the 21st century, nationalism showed prominently in political and social life of Russia, as well as Korea. Nationalism is produced by central features of the modern world, including the ongoing process of globalization. It's important to attempt defining ethnic and civic nationalism as a starting point of discussion before answering the question “who belongs?” Despite of differences in definition civic and ethnic nationalism are interconnected and could be established and coexist together. Nationalism can be powerful and flexible political instrument that resonates with every individual — the vast majority — who identifies with a particular nation.

Research question

This study explores one basic research question: Does country's ethnical background predetermine which type of nationalism would be prevailing? This general research question has many facets, but in this paper, we focus on descriptive analyses of ethnical and civil types of nationalism in relation with ethnical background in both Korea and Russia.

To answers these questions, this paper conducts a critical review of the nationalist discourses in the contemporary Russia and Korea, revisit empirical studies of national identity surveys, and pursues analytical approach to address the various issues on nationalism identity in both countries.

Theoretical framework: Nationalism

Definitions of nation are necessarily linked to different theoretical approaches that attempt to explain nationalism [Sutherland, 2012, p. 57].

Theories of nationalism mainly have been focusing around the issue of origins, through debate between so-called primordialist, ethno-symbolist and modernist scholars.

Gellner's definition of "a principle, which holds that the political and national unit should be congruent" is a standard for many people who study the topic. Haas's definition is even more basic: "a belief held by a group of people that they ought to constitute a nation, or that they already are one" [Barrington, 2013, p. 712].

A second, more useful approach to defining "nationalism" takes it to be a process. It is a certain thought of unifying elements of the nation, or particular actions that come from the beliefs of the group. Ernest Gellner, European philosopher and social anthropologist, is one of the forefathers of theories of nationalism. In his book, *Nations and Nationalism*, Gellner claims "nationalism is primarily a political principle that holds that the political and the national unit should be congruent." [Gellner, 1983, p. 154]. In order to ensure that members of the groups were positioned and functioning, as they should be, leaders had to create a framework of cultural homogeneity and standardization [Gellner, 1983, p. 154]. Thus, Gellner believes that nationalism appeared only along with industrialization, as it became a sociological necessity, which applies for Russia however not totally to Korea where ethnic nationalism came first and then it contributed to country's industrialization process.

Alongside with John Armstrong [Armstrong, 1982)], Walker Connor [Connor, 1994] and Josep Llobera (1994) [Llobera, 1994], among others, the work of Anthony D. Smith has a strong focus on ethnicity as a precursor and foundation of the nation. Smith main idea holds that modern states have been built around ethnic communities. He uses the term "ethnie" to mean a ' named human population with myths of common ancestry, shared historical memories and one or more common elements of culture, including an association with a homeland, and some degree of solidarity, at least, among elites [Smith, 1995, p. 13]. Anthony D. Smith, an English sociologist and a former student of Gellner, disagrees with Gellner. Smith's argument lies around the idea that Gellner's theory fails to explain the national movements of pre-industrialization and resurgence of nationalism in post-industrial societies. In his book, *Nations and Nationalism in Global Era*, Smith defines nation as "a named population sharing a historic territory, common myths and historical memories, a mass

public culture, a common economy and common legal rights and duties for its members” [Smith, 1995, p. 57]. Unlike Gellner who focuses on the relationships between industrialization and nationalism and claims that nationalism was invented by the social elites to establish a functional society, Smith claims that nationalism is not just a fabrication but originates from pre-existing kinship and historical understanding [Smith, 1995, p. 57].

Benedict Anderson (1991) [Anderson, 1983] highlights the influence of what he calls “print capitalism”, understood as ever-more rapid and wise dissemination of the printed word, in fostering a sense of shared national identity among the XIX century bourgeoisie.

Liah Greenfeld also believes the nation is based on the idea, and when the idea of the nation is agreeable amongst the nationals, the nation can remain as one regardless of the authenticity of their reasoning. In her book, *Nationalism: Five Roads to Modernity*, Greenfeld asserts that “the only foundation of nationalism as such, the only condition, that is, without which no nationalism is possible is an idea; nationalism is a particular perspective or a style of thought” [Greenfeld, 1992, p. 4]. She first explains the typology of nationalism; nationalism can be divided as either civic or ethnic nationalism.

Based on the theoretical understandings of above, this paper will be focusing on the above theories and definitions of nationalism, installing each of the elements in our descriptive analyses.

Ethnic and civic nationalism

The distinction between civic and ethnic nations is one of the most widely employed conceptual building blocks in the study of ethnic relations and nationalism. Many contemporary scholars employ the analytical distinction between civic/political and ethnic/cultural nations originated by Meincke and Kohn, although they differ in their precise characterization of these concepts. Peter Alter [Alter, 1994] contrasts cultural nations, based on common heritage, language, distinct area of settlement, religion, customs, and history, with political nations, composed of politically aware citizens equal before the law [Shulman, 2002]. In Smith’s Western or civic model, national unity arises from a historic territory, laws and institutions, where people pursue legal as well as political equality of members that expresses itself in a set of rights and duties, and a common civic culture and ideology. Schopflin links communism and ethnic nationalism in the region in several ways. First, because communism was associated with foreign oppression, opposition to communist rule

became a national project. “In these circumstances,” Schopflin writes, “it was very difficult for any civic dimension of nationhood to emerge” [Brie & Horga, 2013, p. 153]. Second, communism destroyed civil society in the region, turning communities there into “civic deserts” characterized by mistrust and atomization. Consequently, ethno national identities were the only ones in the public sphere that could become salient [Brie & Horga, 2013, p. 153].

Classic example of civic nationalism would be based on a firm rejection of linguistic and cultural pluralism whatsoever and on an indefinite acceptance of uniform cultural norms, social values, and a constructed historical past. Civic nationalism defines the nation by, via David Brown, “the belief that residence in a common territorial homeland, and commitment to its state and civil society institutions, generate a distinctive national character and civic culture, such that all citizens, irrespective of the diverse ancestry, comprise a community in progress with a common destiny [Schucher & Schüller, 2005].” Ethnic nationalists define the nation in terms of a shared heritage, which usually includes a common language, faith, and ancestry. They base membership on descent or heredity. It is clearly a more restrictive form of nationalism. Ethnic nationalism defines the national community on ethnic lines, emphasizing common lineage, language, religion, and physical appearance. Someone is born a member, not made. Ethnic nationalism represents a type of nationalism in which ‘nationality’ became a synonym of ‘ethnicity,’ and national identity of its citizens is often perceived as a reflection or awareness of possession of ‘primordial’ or inherited group characteristics, components of ‘ethnicity,’ such as language, customs, territorial affiliation, and physical type.

Ethnic backgrounds of Korea and Russia

Russia is a multi national state with over 185 ethnical groups. Over the centuries, Russia grew from a small territory to a gigantic empire that stretched from the plains of Europe to the waters of Pacific Ocean. European Russia, the most densely populated, urbanized, and industrialized region, lies between the Ukraine-Belarus border and the Ural Mountains. Seventy-eight percent of the population lives in this area. Two large industrial cities are located above the Arctic Circle: Murmansk on the Kola Peninsula and Norilsk in Siberia. The area now called Russia has always been multicultural. For more than a millennium, people sharing cultural traits, social structures, and religious beliefs have occupied present-day Russia, Ukraine, and Belorussia.

RUSSIA'S ETHNIC REPUBLICS AND GROUPS

Image 1.

Although a variety of different Asian peoples had migrated to the Korean Peninsula in past centuries, very few have remained permanently, so by 1990 both South Korea and North Korea were among the world's most ethnically homogeneous nations. South Korea is a relatively homogeneous society with an absolute majority of the population of Korean ethnicity (The Korean ethnic group accounts for approximately 96 % of the total population of the Korean Republic).

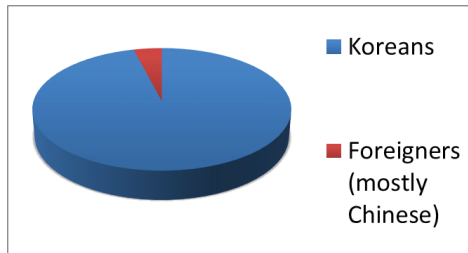

Image 2.

However, with its emergence as an economic powerhouse, opportunities for foreign immigrants increased and in 2007 the number of foreign citizens resident in South Korea passed the million mark for the first

time in history. 440,000 of them came from China, with more than half of them being ethnic Koreans of Chinese citizenship. The next largest group was from the United States with 117,000 residents or 12 %, excluding the American troops stationed in the country. Vietnam, Philippines, Thailand and other countries followed¹

Discussion

South Korea

Historically in South Korea dominant ideas of nation and nationalism have been based upon the ethnic and cultural homogeneity of all Korean people [Shin, 2006, p. 37]. In the most recent and comprehensive exposition of ethnic nationalism in Korea, Gi-wook Shin writes of historical and continuing processes in the development of the Korean nation ‘by which race, ethnicity, and nation come to be conflated in Korea to produce a strong sense of oneness based on shared bloodline and ancestry’ [Shin, 2006, p. 233]. A concept of common ethnicity helps people unite against non-ethnic “others,” specifically colonial oppressors or neo-colonial occupiers. That happened during Japanese occupation, bringing national spirit of South Koreans to one unity.

One of the particular beliefs that is extremely wildly spread across the country was that Koreans as a nation and as a race of people are a “pure-blooded” population — that Korea has descended from a unified group of ancestors with no racial mixing. This idea particularly is still dominating in the social minds of people up to nowadays which contributes to the feeling of unity among country’s citizens. This in return is widely used as a political instrument and as a mean of reasoning country’s uniqueness. A great example to illustrate the following would be mentioning that for Korean-American who supposedly has “Korean blood” is much easier to recover Korean citizenship than for an Indonesian migrant worker living in Korea to obtain Korean citizenship.

Despite the fact that beliefs in racial purity declined after the World War II defeat of Germany and Japan, Korea (both North and South) kept on teaching the idea. As time passed, the “pure bloodline” myth remained steadfast ideology. It was used in political campaigns by former presidents Syngman Rhee and Park Chung-hee to demand people’s support and propagate an anti-Communist agenda.

South Korea’s homogeneous population shares a common ethnic, cultural, and linguistic heritage. More than Western peoples and even

---

¹ Korea, South Demographics Profile 2014.

more than the Japanese, South Korean individuals are inclined to view themselves as a tightly knit national community with a common destiny.

Ethnic nationalism in Korea functioned as an anticolonial and anti-imperialist ideology, as was mentioned above. Unlike in Western Europe where the nationalism developed as an ideology to integrate diverse ethnic groups into a unified political community and to justify imperialist expansions, in Korea nationalism arose primarily as a response to imperialism.

As we can see from the table below, abiding by the Korean political and legal system reaches the highest index followed by understanding Korean traditions and culture. Being born in Korea stays as an important factor in defining what is “to be Korean”. After that, having the Korean bloodline; although the index is changing over the years and becomes lower still this factor remains significant.

Table 1.

	Year	Important	Not important
<i>Ethnic component</i>			
Being born in Korea	2005	81.9	17.7
	2010	87.7	12.2
	2013	69.0	27.9
Having the Korean bloodline	2005	80.9	18.3
	2010	84.1	15.4
	2013	65.8	30.4
Living in Korea for most of one's life	2005	64.6	34.7
	2010	78.2	21.5
	2013	66.1	30.2
<i>Civic component</i>			
Maintaining Korean nationality	2005	88.2	11.1
	2010	89.4	10.5
	2013	88.4	9.1
Being able to speak and write in Korean	2005	87.0	12.6
	2010	87.8	12.2
	2013	91.7	6.7
Abiding by the Korean political and legal system	2005	77.5	20.6
	2010	87.3	12.4
	2013	93.4	4.2
Understanding Korean traditions	2005	80.9	18.3
	2010	85.9	14
	2013	91.5	6.1

Source: Asan Daily Poll (Nov. 29-Dec. 1, 2013)

According to Gi-Wook Shin, South Korea today has at least three dimensions — nationalist, globalist and regionalist. They are closely interacting with each other shaping modern Korean identity. Koreans maintain a strong sense of homogeneity based on shared blood and ancestry, and nationalism continues to function as a key resource in Korean politics and foreign relations [Shin, 2006].

Russia

In the communist period, nationalism was never quite defeated either in the Soviet Union or in the East Central European countries, in spite of all assurances to the contrary. In Russia, the coexistence of different ethnic and religious cultures in its territory for several centuries was determined by its imperial organization. The empire is an antipode of the state-nation based on the principles of popular sovereignty. Dominic Lieven defines empire as a “polity that rules over wide territories and many peoples without the explicit consent of those it governs” [Legvold, 1995, p. 59]. Wielding power over people without their consent is a distinct feature of all great empires. The formula suggesting “power over peoples without their consent” does not necessarily mean that this power is based on violence. Rather, it shows that the will of the citizens and their associations, including ethno-territorial communities, is not important for the functioning of the hierarchically organized imperial order.

In a February 1996 poll conducted by the Independent Institute of Social and Nationalities Problems in Russia, 74 % of respondents saw Russia as a “common home” for all nationalities, while only 8 % preferred “Russia for Russians.” Even with the traditional Russian prejudice against “dark people” from the Caucasus, the war in Chechnya never gained wide, popular support, and Yeltsin failed to turn the war into a struggle of the Russian people against the Chechen nation [Tuminez, 1997, p. 120]. After collapse and subsequent dissolution of the Soviet Union, post-Soviet Russia faced typical problems of state-building and nation-building. Nations are assumed as political communities of modernity. Neither Russian elites nor masses give broad support for policies of aggressive neo-imperialism in the “near abroad,” even on behalf of Russian kin stranded in the newly-independent former Soviet republics. Many Russian politicians and opinion makers, of course, issue strong words on Russia’s role in neighboring states and on protecting “Russians abroad.”

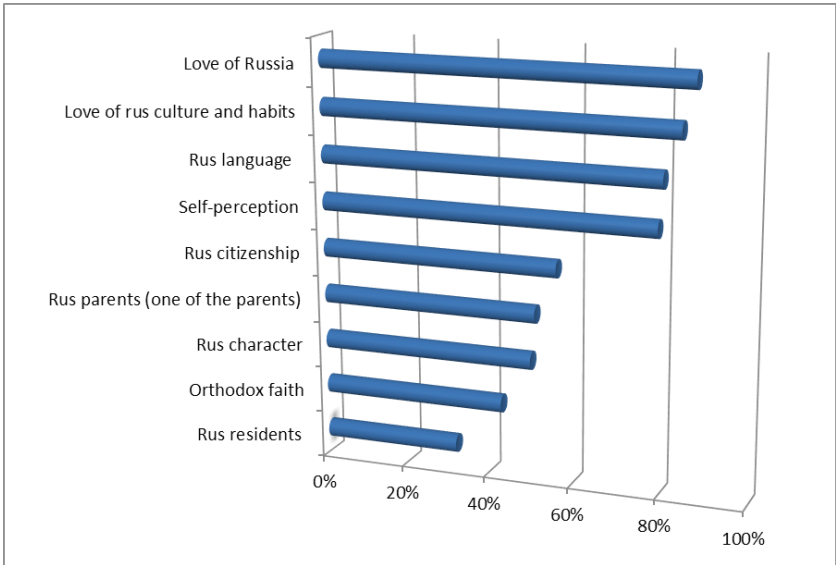
The Russian state leadership emphasizes the civic interpretation of nationalism for the simple reason that there are over 190 nationalities living in Russia, and stressing the inclusive interpretation of the nation is a way to keep ethnic conflicts to a minimum. This particular way of na-

nationalism is established due to variety of ethnicities living on the current territory of Russia. Despite the fact that after Soviet Union dissolution, majority of population consists of ethnic Russians (around 80%) ethnic minorities represent the number of over a hundred that ultimately leads to multiethnic communities living together. Every aspect of Russia's nationalism, every Russia's "virtue" is used to derived from the confrontation with the West. Certainly, Russian nationalism provided the ground for individual and collective self-esteem but unfortunately, the West remained the significant other for Russia and was still an absolutely necessary condition for the successful formation and sustenance of national pride.

First and foremost, one specific feature of the term of 'Russians' we have to consider in Russian language. It has to be taken into account that there are two words that are translated in English as 'Russians'. The first is '*rossiyane*'. It is '*rossiayne*' that is associated with 'Russian nation' and nationalism. The second — '*russkie*' — has strongly ethnic connotation that is similar to 'ethnic German', 'ethnic Chinese', etc. in respect of the members of the Western nations who are descendants from Germany, China, etc. respectively. If we observe most Presidents' speeches we can see a correlation between using these two particular words, giving the priority to the word "*rossiyane*". At some point especially important as each of these words has individual connotation. Speaking '*rossiyane*', the Presidents never reduce this term to 'ethnic *russkie*'. On the contrary, they underscored the multiethnic sense of the concept: "the foundation of sovereign authority in the Russian Federation is its multinational people" (1995). References to cultural commonalities run through all Presidents' addresses. In 1995, it was marked that "it is the domestic culture that provides integrity of the nation, develops and strengthens original spirituality and humanism" [Panov, 2010, p. 67]. The same idea sounded in 1998 and 1999. President Putin also more than once spoke about common culture as one of the foundations of "Russianness".

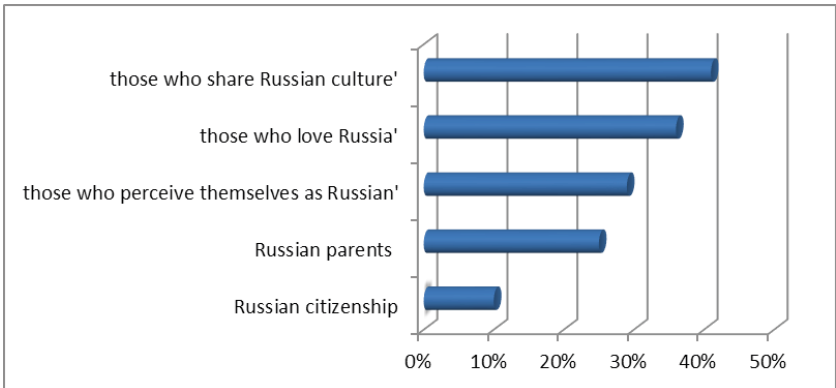
It is worth to note that the definition of 'Russianness' in the official discourse is corresponded to a great extent to mass orientations and attitudes. Sociological surveys show that 'Russianness' is perceived presumably in non-ethnic definitions. Thus, in the middle of 1990s, respondents were asked what features were obvious for 'Russianness'. The distribution of responses was as follows (in descending order): 'love of Russia' — 87%; 'love of Russian culture and habits' — 84%; 'Russian language' — 80%; 'self-perception' — 79%; 'Russian citizenship' — 56%; 'signing as Russian in the passport' — 51%; 'Russian parents' — 51% (one of the parents) and 24% (both parents); 'Russian character' — 50%; 'orthodox faith' — 43%; 'Russian residents' — 32%; 'Russian appearance' — 22% [Ibid.]

Table 2.

In the 2000s, the understanding of ‘Russianness’ has not changed. Responding to the question who can be assumed as Russian, 41 % choose the answer ‘those who share Russian culture’; 36 % ‘those who love Russia’; 29 % — ‘those who perceive themselves as Russian’. At the same time only 26 % of the respondents considered ancestry (‘Russian parents’) and 10% — citizenship — as the main feature [Panov, 2010].

Table 3.

Consequently, we are able to make a reasonable conclusion that neither ethnicity nor citizenship, but cultural commonality is assumed as the definition of 'Russianness' in the presidential speeches. Acquirement of the Russian culture is opened for any person who desires to become a part of the Russian nation. Russian population includes a lot of ethnic groups, and all of them are assumed as 'rossiyane' provided that they share 'Russian culture' and speak Russian language.

Territorial self-determination

The key feature of 'Russianness' in the Kremlin discourse is commitment to the Russian culture where anyone can be recognized as 'Russian' as long as he/she shares the Russian cultural values, regardless of place of birth not official residency. Kremlin image of Russian nation focuses on rather sacral idea of 'the Russian way', great historical mission as the destination of Russia that differs from European or American, pursuing its own unique way. Openness of nationalism entails permanent expansion of the nation 'outside itself' in order to 'absorb' those groups who are able to accept Russian culture, most of them today are countries of Central Asia (such as Kazakhstan, Uzbekistan, Kirgizstan, etc.) plus some of the former republics of USSR.

For Korea, territorial identity goes through the concept of Uri nara, means „our nation“ or „our country“; in other words, it reflects the make-up of Anderson's (1983) imagined community or Gellner's (1983) national unit. 2006 survey showed that 36 % of young people (those in their 20s) believed that "uri nara" referred to the territory of the Republic of Korea only, while substantially fewer people in other age groups shared this same belief. Over 85 per cent of students said that it referred only to South Korea and South Koreans.

Conclusion

Despite visible differences in cultural, ethnical and political background of these two countries both countries are undergoing through certain changes in terms of defining nationalism. Russia, which for long time, was a communist state might have still carrying on models of former type of governance, whereas Korea being colonized by Japan for more than 50 years is "healing the scars" of its presence up until nowadays. In this matter, both countries should pursue a new approach redefining their future paths on the way of national building.

Korea needs to institutionalize a legal system that mitigates unfair practices and discrimination against those who do not supposedly share

the Korean blood. Koreans need an institutional framework to promote a democratic national identity that would allow for more diversity and tolerance among the populace, rather than simply appeal to an ethnic consciousness that tends to encourage false uniformity and enforce conformity to it.

Russia has always claimed pursuing its own way of developing, it is hard to predict future outcome just yet. However, prospects on creating a neo-Eurasianist ideology are quite poor. Assumptions on a model of society with Orthodox Christian/Muslim, Western/Eastern nature of “Russian civilization” are fuzzy and do not have a solid ground to develop it into a possible function of a Russian society in the future. Russian government will always restrain radicals of all types, which shows us that Putin’s conception of Russia, as a unique civilization is not a harmless attempt at self-definition. In the world of domination of American culture and values, it is an attempt to justify a postmodern world free from American influence.

In the world of globalization, Korea is changing alongside the other developed countries around the world. Certain things set a core of Korean society which Korean government holds to build basis and provide a unique feature of Korean culture. However with the rapid change not only in social but also in other spheres of life, the question of national identity and fitting into globalized world is remained open. Will the model of ethnic nationalism be prevailing in the future as well? Will young generation Koreans carry on with the pursuing strong identity cores? They should envision a society in which they can live together, not simply as fellow ethnic Koreans but as equal citizens of a democratic polity. It should be an integral part of democratic consolidation processes that Korea is currently undergoing.

References

1. Alter, P. (1994). Nationalism . San Val, Incorporated.
2. Anderson, B. (1983). Imagined communities. London: Verso.
3. Armstrong, J.A. (1982). Nations before nationalism. University of North Carolina Press.
4. Barrington, L.W. (2013). “Nation” and “Nationalism”: The Misuse of Key Concepts in Political Science. Political Science and Politics.
5. Brie, M., & Horga, I. (2013). Ethnicity and Intercultural Dialogue at the European Union Eastern Border.
6. Connor, W. (1994). Ethnonationalism. New Jersey: Princeton University Press.
7. Gellner, E. (1983). Nations and Nationalism. Cornell University Press.

8. Greenfeld, L. (1992). *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Harvard University Press.
9. Ignatieff, M. (1996). *Nationalism and Toleration*. Oxford: Oxford University Press.
10. Legvold, R. (1995). *Russian Foreign Policy in the Twenty-first Century and the Shadow of the Past*.
11. Llobera, J. R. (1994). *The God of Modernity: The Development of Nationalism in Western Europe*. Bloomsbury Academic.
12. Panov, P. (2010). *Nation-building in post-Soviet Russia: What kind of nationalism is produced by the Kremlin?*
13. Sabanadze, N. (2010). *Globalization and Nationalism: The Cases of Georgia and the Basque Country*.
14. Schucher, G., & Schüller, M. (2005). *Perspectives on Cross-Strait Relations: Views from Europe*.
15. Shin, G.-W. (2006). *Ethnic Nationalism in Korea: Genealogy, Politics, and Legacy*.
16. Shulman, S. (2002). *Challenging the civic/ethnic and west/east dichotomies in the study of nationalism*. Southern Illinois University at Carbondale.
17. Smith, A. D. (1995). *Nations and Nationalism in Global Era*. Polity Publisher.
18. Sutherland, C. (2012). *Nationalism in the Twenty-First Century: Challenges and Responses*.
19. Tuminez, A. (1997). *Russia in Search of Itself: Nationalism and the Future of the Russian State*.

COMPARATIVE STUDY ON ORGANIZATIONAL CULTURAL DIFFERENCES AND ITS EFFECTIVENESS BETWEEN RUSSIA AND KOREA

Introduction

The relationship between the culture and effectiveness of organizations has drawn attention from researchers for many years. A number of authors have investigated culture from a strategic perspective and have presented culture as a source of competitive advantage [Barney, 1986, p.656] [Ott, 1989, p. 59] [Ouchi, 1983, 472].

A large number of scholars have studied the impact of working culture on productivity of employees. Significant importance of working environment determines employee's performance and helps employees to concentrate on their job properly. McGuire and McLaren [McGuire and McLaren, 2007, p.6] found that a working culture has a strong impact on employees well being and develops interaction, collaboration and innovation and increase job satisfaction.

A good working culture changes employees approach towards job as according to Berg [Berg and Kalleberg, 1999, p.34] job and overall working environment has substantial effect on worker's views about companies to help balancing work and family life. In describing factors constituting a healthy working environment, [Goudswaard, 2002, p.88] highlighted work life balance, motivation level psychological conditions, social dialogue, management and leadership coherence, transparency develop a good working environment and a good working environment leads to increase organization productivity.

Mali (1978) [Wiley, 1978, p.32] sees productivity as "the measure of how resources are brought together in organizations and utilized for accomplishing a set of results. Productivity is reaching the highest level of performance with least expenditure of resources. The term employee productivity is commonly used to refer to the volume of goods and services produced or rendered per employee within some specific unit of time (year, month, week, day or hour). Productivity is seen as the power of employees, that is, ability of employee to turnout used values (goods and services) which can be normal at a given state, technique and organization[8] was able to show in his findings that" it is the number of management functions in the work environment which appear to have been the key factor inhibiting higher productivity".

Research question

This study explores one basic research question: *Are there cross-cultural differences in the relationship between organizational culture and effectiveness in South Korea and Russia?* Focus of this paper will be on analyzing corporate culture similarities between two countries despite obvious differences in economic background and political system, based on Hofstede cultural dimensions.

Theoretical and Cultural Framework

Hofstede Cultural Dimensions

It is important to know that, “culture is what enables groups to function smoothly” [Hofstede, 2011, p.5]. In today’s workforce, interaction of employees from different countries, regions, and cultures is the norm. However, there is no one definition of culture that is universally accepted as culture varies from one country, region within a country, or geographic region in the world to the other [Torrington, 1998, p.7]. With this in mind, attempting to locate value dimensions across which culture vary (Hofstede, 2011), Hofstede developed the cultural dimensions, and it have been frequently used to describe cultures.

Hofstede identified four dimensions that he labeled individualism, masculinity, power distance, and uncertainty avoidance. His individualism-collectivism dimension describes cultures from loosely structured to tightly integrated. The masculinity- femininity dimension describes how a culture’s dominant values are assertive or nurturing. Power distance refers to the distribution of influence within a culture. And uncertainty avoidance reflects a culture’s tolerance of ambiguity and acceptance of risk.

Corporate culture overview

According to literature review [Sadri and Lees, 2001, p. 855], corporate culture is a summation of management thought, management style, group consciousness and code of conduct formed during the long-term operations of a company. A well-known definition says that corporate culture is a cognitive framework consisting of attitudes, values, behavioral norms and expectations [Greenberg and Baron, 1997, p. 126]. These attitudes, values, behavioral norms and expectations are reflected in the organizational culture. Therefore, a corporate culture is considered to be a set of collective norms that govern the behavior of people within a company [Irani, Beskese and Love, 2004, p. 645].

Characteristics of Russian corporate culture

Russia's transformation to a market economy has not been easy. Russia has not reached its economic potential during its transition to a market economy, partly because few outsiders appear to understand how to operate there. Russia has been plagued by problems such as organized crime, intractable bureaucracy, and an unstable political and economic system [Cattaneo, 1992, p. 69]; [15].

Russia scored 39 on Individualism, which is higher, than Korea (18) however relatively low comparing to European countries such UK (89) and France (71). Therefore we can indicate Russia as more collectivistic than individualistic country. The hierarchical structure in Russian business practices means that the decision makers higher up have authority over their subordinates. However, the nature of the collective good often encourages a flexible and democratic work ethos. Showing respect for seniority and recognizing the hierarchical structure is vital for establishing and maintaining strong business relationships. Russian corporations are heavy centric with the severe degree of nepotism. Russians are group oriented, a characteristic with a long history that was encouraged by communism [Denison, 1998, p. 4].

Uncertainty avoidance scores at 95. Russians prefer to avoid uncertainty, which might be expected given the security of the communist system and the surprises dealt to Russia in the past. The high uncertainty avoidance is related to preferences for idea champions to work within existing organizational rules and procedures. One potential effect of this may hinders employee's tolerance of ambiguity and risk taking, eventually limits one's creativity and motivation. As innovations are associated with some kind of change and uncertainty, cultures with strong uncertainty avoidance are more resistant to innovations [Shane, 1993, p. 37], [Waarts and van Everdingen, 2005, p. 605], and thus, less motivated to think creatively which ultimately leads to poorer performance.

Russians report moderately low masculinity (36) since they consider that they have moderately low control over events. Hence, employees feel they cannot bring change on the big level of company's functioning, which in return affects motivation and desire to perform.

Finally, Russia appears to have a fairly high power distance illustrating the large differences that exist between workers and managers in Russia. High power distance shows strict paternalistic patterns. Many employees in this type of countries show a preference of autocratic bosses. But there are also groups of employees that would prefer decision-making

processes based on majority vote. In these countries subordinates depend on their bosses.

Characteristics of South Korean corporate culture

The Korean economy has experienced a lot of success for the last three decades and has had one of the highest growth rates in the world.

What is even more miraculous is that in three decades, Korea has been able to develop one of the world's major economies from being considered one of the poorest countries in the world. The rapid development of "chaebols" or Korean business groups, such as Samsung, Hyundai, SK, LG, and POSCO, etc., attract attention from all over the world in many ways. In a large measure, the success of Korean businesses is attributed to their unique corporate culture. Korea is still widely influenced by Confucianism and belongs to the group of Asian countries that is dominated by the Confucian culture. We identify Korea as collectivistic society with the higher score of collectivism among other East Asian countries. South Korea gives greater attention to the obligation of relationships and to unique circumstances. In other words, relationship has special obligations and hence may come first. However, these are cultural assumptions that may not hold in the individualist cultures. A society's position on individualism-collectivism dimension typically is reflected in whether people's self-image is defined in terms of "I" or "we" [Hofstede, 2010, p.10]. Family values, paternalism and relation-based behavior are main characteristics of Korean corporate culture. Another great feature of Korea is spirit of competition and innovation. Innovation is strongly promoted by South Korean enterprises, and success means consistent innovation. Although Confucian culture is deeply rooted in South Korea, Korea has also been influenced by American individualism. Therefore, the corporate culture of South Korea has taken on the side of competition and individual talents. Korea is the country with high level of uncertainty avoidance which means country maintains rigid codes of belief and behavior and are intolerant of orthodox behavior and ideas, which in return contributes to low creativity and thus affects effectiveness. In cultures with high uncertainty avoidance there is an emotional need for rules (even if the rules never seem to work) time is money, people have an inner urge to be busy and work hard, precision and punctuality are the norm, innovation may be resisted, security is an important element in individual motivation.

In terms of Masculinity Korea is considered as a Feminine society however in such aspects as education and organizational setting Korea has stronger Masculinity characteristics. In which, the masculine dimen-

sion indicates that society will be driven by competition, achievement and success, distinct gender roles and a traditional organizational structure.

On Power Distance Korea scores 60. This indicates that South Korea has a higher power distance workplace; where as superiors and subordinates consider each other existentially unequal. With that in mind, people are expected to display respect for those of higher status. High respect for hierarchy and a clear-cut identification of one's social status may destroy a sense of participation which can negatively affect employee's productivity and overall performance.

Discussion

Some of the biggest challenges for developing theories with cross-cultural relevance come in the area of organizational studies. Differences in behavior, work values, and culture have been studied by many researchers in many different countries. Several frameworks have proven useful for understanding cultural differences [Trompenaars, 1994, p. 47]; [9] and have helped to establish some relatively universal dimensions (eg. individualism) that can be useful in understanding differences across national cultures.

A number of scholars have developed integrative frameworks of organizational culture [Allaire and Firsirotu, 1984, p. 201] [Hatch, 1993, p. 672] [Martin, 1992, p. 15]; [Schein, 1990, p. 114] but little consensus exists with regard to a general theory of organizational culture. In addition, since culture is a complex phenomenon that ranges from underlying beliefs and assumptions to visible structures and practices, healthy skepticism exists with respect to whether organizational culture can actually be "measured" in a comparative sense. Furthermore, research on the link between organizational culture and effectiveness is limited by lack of agreement about the appropriate measures of effectiveness. Despite these challenges, better understanding of this topic seems critical to the development of organizational studies [Barney, 1986].

First, it is important to acknowledge the influence of the Communist era on the culture of firms in Russia. Like firms in most transition economies, our case study firms were "functionally incomplete" [Newman and Nollen, 1998, p. 65]. During the Communist era, the functions of strategy, finance, sales, and marketing were primarily performed by the State. Thus, one of the major 20 transitions has been to establish these functions at the firm level. From a cultural point of view, these changes often feel more like a merger or acquisition (of the new functions) than like cross-functional differences in the West. They influence all aspects of firm operation that

require cross-functional coordination. Second, the tradition of central control and authority means that the salience of any conception of the firm or the value chain is weak or non-existent compared to the power of the functional boss.

Russians often regard firm-level goals as distant and unfamiliar priorities compared to maintaining the integrity of one's functional area. South Korea due to historical social structure has a very high level of hierarchy and central power system of management. In Korean organizations all human relations within Confucianism are considered as vertical relationships, and the person in the lower rank always obeys the authority. Same holds for Russia. Strong structural patterns of organizational behavior are expected within the organization.

Historically, in the Soviet Union, large state owned corporations provided not only jobs, but infrastructure, schools, kindergartens, hospitals and the like, especially in the extractive industries where whole cities were established in remote areas for the sole reason of the activities of the very industry. As one of our Russian informants pointed out: Large corporations (private and state owned) still provide for a whole range of social services for their employees, the only difference being that the companies now have outsourced the services to the private sector. Working for a large corporation as Gazprom (state owned) or Lukoil (private) in Russia implies a lot of social welfare, hence the hyper socially responsible behavior. If we take into account the diffuse lines between private and official roles as mentioned above, we get a more differentiated picture of the drivers behind the relatively high expectations. This model of business is quite similar to Korean chaebol culture where big conglomerates are empowered with unlimited range of privileges. Culture in Korean chaebols plays a significant role in shaping the values as well as behavioral patterns, concepts, internal rules of behavior, which represents their own culture. Chaebols drove the rapid growth of South Korean economy and now they are outgrown into global companies. Besides diversification in unrelated markets, the chaebol structure was defined by centralization of ownership around a single founding family. [Kim, 2013]

The most prominent cultural feature in the Russian society of today is perhaps the strong relationship orientation. The relationship dimension is therefore closely related to the high context communications style: who you are matters. And further, this is strongly connected with another important feature of Russian culture, namely strong hierarchy. South Korea puts a strong emphasis on sustaining social relations, which we could observe through nepotism prevalence in such spheres as school, family, work place, politics, etc.

The decision-making system of South Korean enterprises is more centralized than Western enterprises. Most business operators do not delegate their power to subordinates, which is also one of the principles of centralization. Under these circumstances, the board of directors works extremely hard for the company because they bear full responsibility of all the company's operations. This centralized system gives many benefits to South Korean enterprises even though it costs to them because of unique culture and tradition of Korea [Korean Culture and its Influence on Business Practices in South Korea, 2012, p. 187].

Russian decision-making has been very centralized with little empowerment. This pattern was primarily imposed from the top but to some degree was also encouraged from below. Since Russian managers have traditionally been punished for negative results, even those beyond their control, they tend to exhibit learned helplessness [Fey and Denison, 2003, p. 37] and a strong desire to want someone else to make decisions. In South Korea we can observe lack of enthusiasm on a personal level when it comes to discussion whether expressing person's own opinion due to strong hierarchical social structure, arising from Confucian values of seniority. Both Korea and Russia need to create a system of involvement in which employees are rewarded for taking initiative and held accountable for their actions, but not punished for unpredictable outcomes.

Conclusion

Organizational cultures are embedded in and shaped by national cultures. Despite visible differences in historical and cultural background of two countries certain similarities in organizational structure have been indicated such as hierarchical way of decision-making process, strong centralized power orientation and showing respect for seniority. Although both countries are in favor of having rules, reasons upon this emotional need are different. In Russia that need can be explained by people inheriting behavioral patterns of a Communist era with high level of bureaucracy, while in Korea that derives from high level of uncertainty avoidance and due to conservative nature of people's mind. Although there are various national cultural differences between Russia and Korea we could observe that Asian companies have certain similarities with European ones. Similarly the cultures of Korean companies are distinct from Russian companies but environments have similarities because organizational environments are same at much extent. The organizational culture is often predominant on its national culture because level of an organization is not limited up to its home country. For the development and better per-

formance, both countries should establish efficient and strong leadership. Leaders not only lead but also specify the future directions of an organization. The team or group work is more contributed in organizational development as compare to individual work for both countries.

Closing this paper, it should be admitted this paper holds significant limitations. The first is in the nature of this paper, which is descriptive and theoretical. Without empirical testing the findings of this paper are not entirely valid. Also, the paper is limited to investigating organizational culture in terms of cultural framework. It does not examine the impact of culture on other aspects of organizational change that would complete the picture.

References

1. Allaire Y. and Firsirotu M. Theories of Organizational Culture, *Organization Studies*, no. 5, pp. 193–226, 1984.
2. Barney J.B. Organizational Culture: Can it be a Source of Sustained Competitive Advantage?, *Academy of Management Review*, vol. 11, pp. 656–665, 1986.
3. Berg P. and Kalleberg A.L. *The role of the work environment and job characteristics in balancing work and family*, 1999.
4. Cattaneo E. Managing Joint Ventures in Russia: Can the Problems be Solved? *Long Range Planning*, vol. 25, no. 5, pp. 68–72, 1992.
5. Denison C.F.F.a. D.R. *Organizational Culture and Effectiveness: the Case of Foreign Firms in Russia*, 1998.
6. Fey C.F. and Denison D.R. *Organizational Culture and Effectiveness: Can American theory be applied in Russia?* *Organizational Science*, 2003.
7. Kim H. *Understanding Cross-Cultural Communications in the Business Sector of South Korea: Case Study for Foreign Staffs in Korean Chaebols*, 2013.
8. Korean Culture and Its Influence on Business Practices in South Korea. *Journal of International Management Studies*, 2–12, vol. 7, no. 2, pp. 184–191.
9. Goudswaard A. Employment status and working conditions, *Office for Official Publications of the European Communities*, 2002.
10. Greenberg J. and Baron R.A. *Behavior in Organizations*, Upper Saddle River: Pentice-Hall, 1997.
11. Hatch M. J. The Dynamics of Organizational Culture, *Academy of Management*, vol. 18, no. 4, pp. 657–693, 1993.
12. Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software for the Mind*, McGraw-Hill, 2010.
13. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context, *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1), 2011.
14. Irani Z., Beskese A. and Love P.E.D. Total Quality Management and Corporate Culture: Constructs of Organizational Excellence, *Technovation*, vol. 24, pp. 643–650, 2004.

15. Lambert S. Added Benefits: The Link between work life benefits and organizational citizenship, *Academy of Management*, vol. 43, no. 5, 2005.
16. M. P. "Improving Total Productivity," John Wiley and Sons., 1978.
17. Martin J. *Cultures in Organizations: Three Perspectives*, New York: Oxford University Press, 1992.
18. McGuire D. and McLaren L. The Impact of Physical Environment on Employee Commitment in Call Centres: The Mediating Role of Employee Well-Being, *Team Performance Management*, vol. 14, no. 5/6, 2007.
19. Newman K. and Nollen S. *Managing Radical Organizational Change*, Thousand Oaks: Sage Publications, 1998.
20. Ott J. S. *The organizational culture perspective*, Pacific Grove, CA: Brooks/Cole Publishing, 1989.
21. Ouchi A. L. W. a. W. G. Efficient Cultures: Exploring the Relationship Between Culture and Organizational Performance, *Administrative Science Quarterly*, vol. 28, no. 3, Organizational Culture, pp. 468–481, 1983.
22. Sadri G. and Lees B. Developing Corporate Culture as a Competitive Advantage, *Journal of Management Development*, vol. 20, no. 9/10, pp. 853–859, 2001.
23. Shane S. Why do some societies invent more than others?, *Journal of Business Venturing*, vol. 7, pp. 29–46, 1993.
24. Schein E. Organizational Culture, *American Psychologist*, vol. 45, pp. 109–119, 1990.
25. Torrington D. *Human Resource Management*, FT Press, 1998.
26. Trompenaars F. *Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business*, New York: Irwin, 1994.
27. Vlachoutsicos C. *Russian Communitarism: An Invisible Fist in the Transformation Process of Russia*, in *Managing Organizational Change in Transition Economies*, Mahway, Lawrence Erlbaum Associates, 2001.
28. Waarts E. and van Everdingen Y. The Influence of National Culture on the Adoption Status of Innovations: An Empirical Study of Firms Across Europe, *European Management Journal*, vol. 23, no. 6, pp. 601–610, 2005.

RUSSIAN STUDIES IN KOREA

Hwang, Sung-Woo

Hankuk Univ. of Foreign Studies

**KOREA'S CURRENT RESEARCH ON THE HISTORY OF
RUSSIA¹**

Korea and Russia, a history of encounter

Since the signing of 'Russia-Korea Treaty' between Joseon Dynasty and Imperial Russia on July 17 (Lunar May 15th), 1884, Russia and Korea have been sharing both dark and bright periods in history over a period of approximately 100 years establishing friendly relation as mutual co-operative partners, or sometimes establishing hostile relations in official diplomatic relationship.

The political circumstances between the two nations before establishing official diplomatic relation were not particularly different. The first official contact between Korea and Russia was made in 1654. The battle for Albazin between Russia and Korea, which is also known in Korean historiography as Naseon Jeongbeol (or 'Conquest of the Russians') had broken out in 1654. After the defeat of Chinese army by the Russian military force, the Qing Dynasty requested for alliances to fight against Russia, and the Korean Joseon Dynasty had participated in Albazin battles against Russia twice in 1654 and 1658. At this time, both the Joseon and the Russian military had engaged in battles without knowing each other's existence, thus recognizing each other as 'Mongolian intruders with big noses' for Russian and 'People with big heads' for Korean. Despite the fact that these two countries were not well aware of one another, this historical event had been known as the first encounter in between Korea and Russia. 1864 was the year when Koreans began to move to the Primorskij Prov-

---

¹ This work was supported by the National Research Foundation of Korea Grant funded by the Korean Government(NRF-362-2009-1-B00005)

This work was supported by Hankuk University of Foreign Studies Fund of 2016.

ince in Russia by crossing the Tumen River, looking for a better life away from the abject obstacles of their homeland.

First of all, if we look back on the relationship between Korea and Russia throughout major incidents had occurred, Korea and Russia have not been able to form in-depth understanding since the beginning of their first interaction approximately 360 years ago. Setting aside political and economic cooperation that have been established between the two nations, even though they were in an advantageous position in improving mutual cultural relationship owing to geographical proximity, they have failed to do so.

Second, the Far East Russia including Primorskij Province where Joseon people moved to escape from their abject life around 150 years ago, could have played as a bridgehead for cultural exchanges between the two nations despite their strategic value, but owing to the tumultuous time in the world history, such as battles among powerful countries during the time of imperialism, had forced migration during the Stalin period in 1937, and had forced for a resettlement after the disintegration of the Soviet Union which, they were not able to further develop, but only to prolonged in the past. Furthermore, even after the establishment of Korea-Russia diplomatic relationship, the Far East Russia has been neglected, compared to cultural exchanges concentrating on the central and federal governments.

Third, even though nearly 130 years have passed since a treaty between Joseon Dynasty and Imperial Russia, Korea was not able to maintain a diplomatic relationship with Russia because it was over ruled by Japan for 35 years, During the Japanese colonial period, the Korean and the Russian were not directly engaging in exchange. Russia became an admiring country among left-wing nationalists in Korea and it was a subject of admiration between Korean intellectuals through art and literature. Even after Korea had been freed from Japan, Korea and Russia did not have direct exchange in the order of international society, particularly because of the ideological cold war between communism and capitalism. Russian operated policies concentrating on North Korea, while Korea had to operate diplomatic policies depending on the US. Consequently, Korea and Russia could have a limited diplomatic relation, focusing on sports and indirect trades. In addition, the usage of the word 'Russia' or 'the Soviet Union' was prohibited in Korea. Any action aspiring for Russia was also prohibited in Korea. Fortunately, after a diplomatic relationship between Korea and the Soviet Union was established on September 30, 1990, a new history had begun between the two nations, but it could not succeed the past.

An ambiguous relationship between Korea and Russia which has been maintained until now can basically attribute to the background of Korea-Russia diplomatic relation signed in 1990. The diplomacy at that time was not based on understanding and communication between the two nations that have been accumulated from the past, but it has been done only based on an agreement to achieve practical purposes. That is to say, Korea wanted to initiate the trade deal with a socialist country as part of a northward policy.

Superficially, Korea had aimed to expand its market to the East-European socialist regions for economic purpose, but politically it wanted to take the initiative in the relationship with North Korea. Conversely, the Soviet Union at that time had a national goal of reconstructing socialism through the perestroika policy. To achieve this goal, Soviet Union desperately needed to have Korea as a strategic partner for economic cooperation in Asia. In other words, the perspectives of the two nations were looking at mutual objective, but they were heading in different directions. For that reason, Korea and Russia needed to have 'the time of recovering' that will suture the disconnected past, but they have only headed forward and had no time to look around. To share an emotional communion and to seek for the understanding and communication between the two, 27 years had been too short to solve the vacancy.

Furthermore, Korea and Russia shared a lot in history. There are many incidents which can characterize the relationship between Korea and Russia, such as Korean King Hyojong's Naseon Jeongbeol (or conquest of the Russians), Korean migration to Primorskij Province, Russia-Korea Treaty in 1884, Korea royal refuge at the Russian legation, Russo-Japanese War, Stalin's compulsory migration policy, Korea's northward policy and Perestroika, and establishment of Korea-Russia diplomatic relationship.

During the Japanese occupation of Korea and during the ideological cold war between communism and capitalism, both Korea and Russia did not have a direct diplomatic relation. So a variety of data to conduct research on the role of Russia which have had a great influence on the modern history of Korea have not been readily available. Consequently, important events on the Korea-Russia relationship have been analyzed by using data obtained from the West including US, England, and Japan and so on. However, since the establishment of a diplomatic relation between Korea and the Soviet Union on September 30, 1990, data in the Russian language became more accessible, and many researchers could shed light on incidents between Korea and Russia. Nevertheless, even after 27 years have passed since the Korea-Russia diplomatic relation, many historical facts and incidents which have played important roles in the relationship

are still unknown to many experts. For that reason, more research should be accomplished on the shared history between Korea and Russia both from broader and narrower viewpoint.

Korea's research on Russia, a history of the past

Since Korea's freedom from Japan in 1945, Korean people began to conduct little research on Russia. According to data registered at the National Assembly Library in Korea, <The US-Russia secret diplomatic affairs> (Seoul: Eulyu Munhwasa Publisher, 1948) by James F. Byrnes, which was translated and published in 1948, was Korea's first Russian research material published after being independent from Japanese colonial period. Since then, the number of published research papers on Russia was not many until the early 1970s. The total number of research materials on Russia done in Korea until 1975, including books, general academic papers and doctorate dissertations in Korea was only 149 (44 books, 102 academic papers and 3 doctorate dissertations), proving that research on Russia was rarely conducted during that period [Jeong Han-gu, 1993, pp. 263–277]. Such numbers show that open research on Russia which did not have a diplomatic relation with Korea was not easy in Korea. Furthermore, during that time, the anti-communist ideology was prevalent across the Korean society as a result of the national policy, conducting research on the Soviet Union could have been misunderstood as spreading socialism, thus Korean researchers did not want to take risk.

Owing to the mood of détente (the easing of strained relations, especially in political situation) in the global society during the 1970s, as well as to the Korean national project, promoting the establishment of research institutes studying the Soviet Union in Korean universities, research on Russia has been increased quantitatively after 1975, as can be seen in <Table1>, <Table2>, and <Table3> [Hwang, Sung-Woo, 1996, pp. 408–409] In addition, after the holding of 24th Olympics in 1988 in Seoul was confirmed in 1981, a need for exchanges with socialist countries was emphasized tentatively, and as a result of the political movement 'Perestroika' which was instituted in the Soviet Union by Mikhail Gorbachev, the last General Secretary of the Communist Party of the Soviet Union, as well as of Korea's northward policy, research on Russia in Korea increased drastically after the mid-1980s. In other words, during the mid-1980s, after Gorbachev declared the Perestroika policy, Russia put to an end to ideological conflicts with the West and pursued a well-intended competition between capitalism and socialism, so the mood of post-Cold War was heightened in the international society.

In the case of books published between 1986 and 1991, some 260 books, including 100 translated books, were published. In the case of academic papers, 15 doctorate dissertations and 279 master's theses were reported. The mass production of research suggests the start of active research on the Soviet Union in Korea. Among a total of 260 books published during this period, books on politics accounted for 55% (144 books). Among 294 pieces of academic papers, papers on politics accounted for 60% (177 pieces). One thing we need to pay attention during this period is that the trend of research on Russia became more diversified, which focused mainly on politics, to include Russia's domestic politics, overseas policies and military security, according to the publication of 50 master's theses and 3 doctorate dissertations on socialist economy. In the case of books as well, a total of 45 books, including 6 translated books, were about economy.

After the 1990s, the Commonwealth of Independent States (CIS) was established after the disintegration of the Soviet Union. In tune with such political change, a research on Russia and CIS was conducted actively. The CIS which was officially launched in January 1992, did not have a complete structure as a sovereign country, and did not receive great attention in the beginning. Thus, research on Russia was mainly conducted at that time. Approximately 166 books, including 26 translated books, were published during this time, and a total of 172 pieces of academic papers, including 32 doctorate dissertations and 140 master's thesis were presented. Even though the number of research materials during this period turned out to be smaller than those published between 1986 and 1991 due to a short period, but actual accomplishments have been increasing compared to previous years.

In the case of books published during this period, out of a total of 166 books, only 54 books (33%) were about politics, and 76 books (46%) were about economy. Most of the books on economy were published by agencies under the central government, particularly by research institutes related to International Economic Policy. The books published by the agencies did not directly contribute to academic fields, but as they included various data on economy, they were used as valuable materials. In the case of academic papers, out of a total of 172 pieces, 77 pieces (45%) were about politics and 40 pieces (23%) were related to economy. In addition, three master's theses were about CIS, not about Russia. Such trends reflected the diversity of research, rather than focusing on politics alone.

Korea's research on the History of Russia, the past and present

Korea's research on the history of Russia has been conducted relatively little compared to research on politics and economy. As can be seen in <Tables 1,2,3>, among total research on Russia in Korea, including master's theses, doctorate dissertations and academic books, results of research on the history of Russia were not many in number. However, from the mid-1980s, research on the history of Russia shows an increase quantitatively.

In the past, to introduce the characteristics of research on the history of Russia are as follows. First, prof. Lee In-ho, who is considered a pioneer in Korea's research on the history of Russia, published several academic papers on the history of Russia, as she was lecturing on the history of Russia at the Korea University and the Seoul National University. And the book <The history of the Russian Revolution> by prof. Kim Hak-Joon was a popular book read by students who had great interest in socialism from the late 1970s to the early 1980s, made a great contribution to students who were studying the history of Russia. At that time, students showed great interest in the history of the Russian Revolution, rather than in the overall history of Russia.

Second, as the possibility of exchanges with socialist countries was increasing after the mid-1980s, Korean people's interest in the history of Russia was highly increased. Accordingly, Korean researchers' main subjects were the history of Russian Revolution, the Russian intellectual history, and the laboring class, and so on.

Prof. Lee In-ho's book <Intellectuals and historical consciousness> which deals with the history of Russia was a required book for university students who had strong social awareness at that time. And even though the number of research publications were not many, but research field of theme on the history of Russia became varied a little, which included the history of Russia prior to the Russian Revolution, rather than focusing solely on the Russian Revolution. For instance, "The origin of Russian autocracy"(Kee, Yeon-Soo, 1983), "University and its autonomy in Imperial Russia"(Park, Tae-Sung, 1988), and "The Continuity and its Role of Russian Official Nationality"(Hwang, Sung-Woo, 1991), and "Soviet society and cultural revolution"(Song, Jun-Seo, 1993), these were academic papers on new fields in the history of Russia, outside the scope of the Russian Revolution. And then in 1988, a history book written by a Soviet scholar was translated into Korean language by professor Kee, Yeon-Soo for the first time in Korea. During the early 1990s. master's theses on Russian traditional festivals such as Maslenitsa, Ivan Kupala, and on Russian

food culture were published by the students at Graduate School of the Hankuk University of Foreign Studies(HUFS), So these trend showed expansion of the horizon in the research subjects on the history of Russia.

Third, from the mid-1990s, Korean students went to Russia to study and receive doctorate degree in the history of Russia. The first Korean who received a doctorate degree in the history of Russia was Jo Ho-Yeon. He had received a doctorate degree at the Herzen State Pedagogical University in Saint Petersburg, Russia in 1996. Since then, many Koreans received a doctorate degree in the history of Russia in Russia itself. As can be seen in <Table 4>, research on the history of Russia had been developed rapidly in Korea. At that time, academic publications were accomplished in several fields evenly, such as the history of Imperial Russia, the Korean diaspora, the history of Korean migration, Russian religion and Russian culture.

Fourth, academic papers on the role of Russia in the modern Korean history were published. Since the early 2000s, researches on incidents in the modern Korean history have been studied by using data written in Russian language. Korean researchers in this field began to analyze and make reinterpretation of the hidden history of Korea and Russia which has not been well known in the modern Korean history by discovering materials related to Korea which have been stored in the Archive of Russian Federation. Thanks to their efforts, researches on the history of Russia in Korea have been increased quantitatively and qualitatively as well. Such archive works have made great contribution to research on the history of Russia in Korea.

Conclusion and future research

The current problems in research on the history of Russia are as follows: First, the next generation researchers who will conduct research on the history of Russia are lacking in number. This can be attributed to the general public and university students' low awareness of history, as well as to a lacking support system for researchers to be able to conduct stably. As you know, governmental supports assistance for the humanities field and basic academic research including history, are urgently needed.

Second, Korean people's interest in the history of Russia should be promoted. Books on the history of Russia targeting the general public should be published more. Despite a quantitative increase in the number of researchers in the field of Russian history, until now there has been no noticeable development for introductory books on the history of Russia until now. This is attributable to the Korean society's low interest in history subject, but chiefly to researchers' fault.

Accordingly, researchers need to think about what they can do for the development of Korea-Russia relations. Around 360 years ago, from when Korea and Russia had their first interaction to September 1990 when Korea and Russia established their first diplomatic relation, both Korea and Russia were not very much aware of each other. The official diplomatic relation could have been established for practical purposes, for example, political purpose for Korea, economic purpose for Russia. But nonetheless, we now need treatment that can enhance each other's understanding. One of effective treatment, I think, will be publishing books for the general public to understand the history and culture of Russia. It is time for scholars and researchers to take those responsibility seriously.

Table 1. Master's theses on Russia published in Korea (1976–1995)

	1976–1980	1981–1985	1986–1991	1992–1995	Total
Domestic politics	4	10	35	18	67
Foreign policies	10	40	95	35	180
Military & Security	4	19	38	8	69
Economics & Science	3	5	50	33	91
History of Revolution		2	4	10	16
History	3	10	14	6	33
Philosophy	1	1	4		6
National problems	1	2	6	5	14
CIS				3	3
Social issues		5	21	15	41
Art		15	12	7	34
Total	26	109	279	140	554

Table 2. Doctorate dissertations on Russia published in Korea (1976–1995)

	1976–1980	1981–1985	1986–1991	1992–1995	Total
Domestic politics		2	5	13	20
Foreign policies	2	6	3	3	14
Military & Security	1	1	1		3
Economics & Science	1		3	7	10
History of Revolution				1	1
History		1	1	4	6
Philosophy			1	2	3
National problems					
CIS					
Social issues			1	2	3
Art					
Total	4	10	15	32	61

Table 3. Books on Russia published in Korea (1976–1995)

	1976–1979	1980–1985	1986–1991	1992–1995	Total
Domestic politics	7(3)	39(23)	105(47)	40(17)	191(90)
Foreign policies	20(1)	20(4)	27(5)	8(0)	75(10)
Military & Security	1(0)	9(2)	12(6)	6(0)	28(8)
Economics & Science	2(0)	7(2)	45(6)	76(2)	130(10)
History	3(0)	10(7)	22(19)	9(2)	44(28)
Social issues	1(0)	10(3)	49(17)	27(5)	87(25)
Total	34(4)	95(41)	260(100)	166(26)	555(171)

* The numbers in brackets include translation books

Table 4. Research materials on the history of Russia published in Korea (1979–2014, including books and academic papers) [Song, Joon-seo, 2016, p.210]

1979–1986	1986–1989	1989–1992	1992–1994	1995–1997	1998
13	17	32	30	26(*)	40(*)
1999–2000	2000–2002	2003–2004	2005–2006	2007–2008	2009–2010
50	17	42	39	59	72
2011–2012	2013–2014	Total			
87	75	599			

* The numbers include materials on the history of Eastern Europe

References

1. Hwang, Sung-Woo. “The current condition and subjects of Korea’s research on Russia.” the edition of Regional Studies Association, *The current condition and subjects of Regional Studies*. Seoul: Hankuk University of Foreign Studies Publisher, 1996.
2. Jeong, Han-gu. “The current condition and subjects of Korea’s research on Russia: Focusing on the field of social science.” *Slav Newspaper*. Vol. 8 (1993)
3. Song, Joon-seo. “Korea’s research trends and future subjects on the history of Russia.” Kim, Hyun-Taek, Song, Joon-Seo, *Slav studies in Korea: 30 years of history*. Seoul: Hanul, 2016.

WHITE RUSSIANS THROUGH KOREAN EYES:
LEE HYO-SUK AND NOVINA

I remember it was in 1920. I was a 2nd year student at Ham-Heung High School. One day I saw a crowd of White Russians gathered in the yard of the province office begging for bread. They were refugees from the 1917 Revolution, escaping from north to south.

They did not know where they were going, not even where to go, but their faces were very joyful. Having eaten simple food, sitting in a circle, they played the balalaika, sang, and danced in turn. Their dancing was light, their songs were wild. They didn't seem like people who had nothing to eat and nowhere to sleep. I was deeply impressed [Cho Taek-Won's reminiscences, 1975, p.594]

The strange mixture of tragedy and joyfulness noticed by a Korean boy, who would later become a famous dancer himself, seems to have been what impressed Koreans most about the White Russian refugees. Though this might seem an unusual combination, the ironical blending of these two opposite sentiments suggests the reason that Koreans often feel an unexplainable emotional affinity toward Russians and their culture. After all, the essence of Korean culture is also often identified as a mixture of sorrow (*han*) and cheerfulness.

It is recorded that around 9,000-15,000 White Russian emigrants fled from Port Posyet to Wonsan in 1922, where they stayed in a refugee camp. Most of them soon left Korea for other countries (China, Japan, America, Australia, the Philippines), and by 1925 only about 136 White Russians remained in the Korean peninsula, mostly in the northern part. Although the imperial Russian consulate was taken over by the Soviets in 1925, it seems that in actuality there were very few "Red" Russian inhabitants; by the time the Soviet consulate was evacuated in 1946, there were only 36 Soviets recorded as living in Seoul.

Therefore, we may assume that most of the Russians that Koreans saw or encountered during the colonial period were "Whites," a circumstance that definitely shaped the stereotypical image of Russians in the mind of the Korean people. The life of the White Russian refugees in Korea apparently was not easy. They made a living in small businesses and by providing services as chauffeurs, hairdressers, maids, dancers, and café waitresses. No matter what the truth might have been, they were regarded

as former aristocrats and members of high society.¹ Korea then was under Japanese occupation, and the reality of the life of Russians in exile was not much different from that of the colonial Koreans. It was natural that Koreans deeply pitied and empathized with White Russians. At the same time, they were admired as an object of beauty. To Korean people for whom white was an esthetic ideal as well as the color of everyday life,² the Russians in exile seemed not just white, but “whiter” than white; the ideological concept blended with the racial one must have created an effect of double whiteness.

It was crudely generalized: Red army soldiers were threatening, frightful, and barbaric, while White Russians were fragile, melancholic, and noble; Soviet women were energetic, arrogant, masculine, even “bear-like,” while White Russian women were shy, submissive, feminine, and quite “oriental.”

White Russians were contrasted to other white westerners as well. A magazine article of 1934 describing “exotic scenes” differentiated the two foreign resort places of Wonsan and Novina as diametric opposites.³ Wonsan, the article reported, is “the most extravagant resort area in Joseon” for western missionaries, teachers, doctors, company managers, etc. It was portrayed as a luxurious place of “civilized modern houses”; the blond women in Wonsan sang Korean songs and the place, though modern and western, was permeated with a distinctly Korean odor.

On the other hand, Novina was represented as a place “gracefully and humbly situated by the Jueul stream running from Mt. Baekdu.” This Russian village, where the White Russian refugees “settled down to die,” was a “very peculiar place.” Russians in Novina kept their own church and graveyard, observed their own customs, and sang their own songs. To the eyes of the curious Koreans, their lifestyle was an exact replica of Tolstoy’s novel *Resurrection*; the Russians who “every evening after early supper bathe naked in the stream, dancing and running around wild” seemed no different than the “primitives” and the “gypsies.” But the observer remembered to add that these “primitives” and “gypsies” all turn out to be

---

¹ “Movies and novels have popularized the stereotypes of the Russian exile as a former rich nobleman (preferably prince or count) who must earn a living as a taxi driver, a waiter or a doorman at a nightclub. Reality was far from this simple and sadly humorous picture. Émigrés of former wealth, title, or high social position were proportionately no more numerous than they had been at home, perhaps even less so.” [Mark Raeff, 1990, p. 26]

² For example, the Japanese aesthetician Yanagi Muneyoshi considered whiteness (“the mournful beauty of white”) the symbol of Korean-ness.

³ “Katiusha of the Jueul Hot Spring,” *Samchonri* (주을온천의 갓쥬샤, «삼천리», 1934.9).

of noble birth. White Russians in Novina were the celebrities of the past, while the other westerners in Wonsan were the celebrities of the present. Naturally the former seemed more remote and exotic to Korean eyes.

Novina was a private estate developed by Yuri Yankovsky who, exactly in the fashion of Biblical Noah, fled his estate Sidemy in Revolutionary Russia with his 70 family members, domestic animals, and livestock (cows, horses, dogs, deer) for Chongjin in 1922. The estate was situated deep in nature near the famous Jueul Hot Spring in northern Hamgyong. Novina existed from 1926 to 1945. The Yankovskys, together with a few other Russians, were its permanent residents, and during the summer it functioned as a resort for the White Russian community in cities of the Far East. Novina was almost a legend. It was covered 19 times altogether in the émigré magazine *Rubezh* during 1928–1943 and featured 3 times as a cover story. The visitors and reporters all acclaimed the place with one voice as a “fairytale-like paradise” (“сказочный мир,” “райский уголок,” “дивный русский уголок,” “культурнейшее подлинное русское гнездо,” etc.).⁴ Novina enjoyed its heyday from 1934 to 1941, and its legendary fame was shared not only among White Russians and western foreigners but among colonial Koreans as well.

In Korea, newspaper articles on Novina and the Yankovskys began appearing in 1925. To enumerate the most notable accounts: in 1928 Kim Dong-Hwan, the poet, wrote a series of travel reports on the northern region, in which he described the Jueul Hot Spring, where he caught a glimpse in the bathhouse of the “snow-white naked bodies” of two young Russian women [Kim Dong-Hwan, 1928]; in 1934 Kim Gi-Rim, a leading modernist poet of the time, also visited Jueul and drew a poetic sketch of the place [Kim Gi-Rim, 1934].

For Kim Gi-Rim it was a field trip to a place of hearsay. His journalistic aim was to verify what had been rumored, but the poet-journalist, regardless of his genuine sensitivity and intellect, could not add anything new but to confirm what had been heard and envisioned in his mind: the nostalgia and decadence permeating the sad fate of the White Russians. According to his preconceived formulae, Novina had to be a melancholy place because it was a land of exile.

“It is said,” he stated, that through “empty laughter and bustle” “they cool off their endless nostalgia and passion for their lost kingdom.” The shepherd dog there turned out to be a docile sleepy dog, and the tiger cub, completely domesticated, played with the dog and chickens, all testifying

---

⁴ For a detailed history, see Kim Jean-Young, “Paradise Lost or Paradise Regained?,” in her [*Siberian Nostalgia: Modern Korea and Russian Literature, 1896–1946*, pp. 336–345]

to the lost power of their master himself, the former *Nenuni* (the legendary four-eyed hunter) now exiled in Novina with nothing to boast of but 12 wounds from the Civil War. Kim Gi-Rim writes: “We left the *sentimental* garden with an obscure feeling at heart, as if we had been roaming about a Russian novel.”

What Kim Gi-Rim saw in Novina was not a *paradise regained*, as was believed by many of its Russian inhabitants, but a *paradise lost*. To his eyes the White Russians in Novina were deprived people: deprived of their imperium, their wealth, their glories and dreams. It should be noted, however, that the Korean poet who reported on these deprived Russians was himself one who had lost much: his homeland (now a Japanese colony), his old landscape (now under capitalist development), his culture (no longer Korean), and even his mind (“I left my mind behind in the nature of Jueul, and the stupid bus returned through the mountain road carrying my empty body alone,” he writes at the end of the essay). On his return from Novina the poet laments for the old days now being ruined by modern colonial aggression: the past is gone, never to return, and the country can no longer be properly called his own. As it turns out, the melancholy of Novina is indeed a metaphor for his own sentiments about his lost homeland.

Colonial Koreans, like many of their Asian contemporaries, took great interest in White Russians. By the 1920s and 1930s, educated Koreans had become passionate readers of Russian literature. Having read, for example, Tolstoy’s *Resurrection* and Dostoevsky’s *Crime and Punishment* with great admiration, they physically longed for Russia, especially Siberia, which to them symbolized ultimate freedom and moral redemption. White Russians were regarded as living exemplars of their beloved Russia; thus, when opportunities provided, they rushed to Harbin — Kitaiskaya Street, the Russian District, the Russian Cemetery, Hotel Modern, Café Imperial, and indeed any cafés and cabarets — just to feel the exotic ambience exuding from the presence of White Russian ladies, waitresses, and dancers, the old blind accordion player, and beggars, who must all have been nobles in origin.

Harbin! Melancholy Harbin! I saw a lot of Raskol’nikovs on Kitaiskaya where many people were selling lilac bouquets [Hong Jong-In, 1937].

So wrote a Korean visitor to Harbin in 1937. For him and his like-minded compatriots, Harbin was a romantic locus representing the romanticism of Russian literature. They readily found, or tried to find, portraits of Raskol’nikovs and Sonias among the destitute White Russians.

But Harbin was an ambivalent city. It was admired and despised at the time: admired as a European metropolis; despised as a hotbed of “Eros and Gros” (the erotic and grotesque). White Russians formed a majority among the white population in Harbin, but in reality they were nothing but denationalized vagrants (so-called *lumpens*), simply a second-class white nationality, just as colonial Koreans in Manchuria were officially Japanese but *de facto* denationalized second-class citizens of the Japanese imperium. In short, the colonial Koreans and White Russians in Harbin were virtually mirror images, and their common fate and dual identity created a sense of connection similar to mutual sympathy and comradeship. I would argue that this sense of emotional connectivity is one of the most distinctive features that separate Koreans from other nationalities in their views of White Russians.

A clear example is found in the case of Lee Hyo-Suk (1907-1942), a leading novelist of the time, who left several accounts of Novina and Harbin. Lee Hyo-Suk frequented Novina for more than ten years, from 1929 until 1940, and was personally acquainted with the Yankovsky family and the Korenevskys, another family of permanent residents of the village. Lee Hyo-Suk, a modernist writer with strong aspirations toward the European sense of beauty, is said to have “gazed at the exoticism exuding from Novina, admiring and breathing it in like a goldfish.” [Chong Han-Mo, 1983, p. 79]. His interest in the White Russians of Novina was so strong that eventually, in the summer of 1939 and 1940, he travelled to Harbin and wrote novels and essays on the impressions they made on him.

Lee Hyo-Suk’s numerous writings on Novina, Harbin, and White Russians constitute a rich treasure house of research topics, offering much to discuss in terms of colonial modernity, oriental cosmopolitanism, and the cultural problems of class, race, and gender, and we may be sure that they will provide abundant food for thought in the future. Here I would like to briefly comment on Lee Hyo-Suk’s two essays on Novina: the first, written in 1931 before he moved to the area (“Sketches of the Northern Land”), and the last, written in Japanese in 1940 just before his premature death (“A Sketch of Jueul”).

Here is how Jueul and its Russian habitants are described in his early writing. The sketch within the “Sketches” is entitled “Mauja” (pejorative vernacular expression for Russians, literally meaning the offspring of cows and horses).

Once trains appeared, the world changed. Now the big-nosed Mauja with a different skin color penetrated this remote village, which used to be frightened at the mere sight of sapogi and sabers. Now the

Russians of a different skin color walk swinging their arms and legs in the old village of ancient ruins.

Russian beauties walking on the street with bared arms and necks, Russian beauties splashing the water of the hot spring — these are queer spectacles seen in the village.

Hot water warms the frozen flesh from the cold land. A group of beauties there, now soaking deep in the water like mermaids in the foggy sea, now lying carelessly with their languorous waists stretched beside the spring, must be more elegant than Yang Guifei. The color of their flesh, steaming under the sunrays that sneak in through the window, their breasts, waists, abdomens, legs — everything is as bright as white snow. What a flock of silken brutes are they, what a flock of white brutes are they!

Dressed in pinks and greens they sit around the white table set up on the green grass of their summer house; they drink and laugh, their children playing around on the grass; they go on a drive to the beach through the village lane — all these make desirable scenes. They offer vitality to the village scenery. Those who out of the blue had to run away empty-handed from the homeland that had been wrested from them are leading such a life, continuing a life in luxury even in this remote mountain village.

Wherever they go, the bourgeoisie know how to lead a good life and how to enjoy it.

Anyway, the Russians in the hot spring — it is a desirable sight, it is a distasteful sight [Lee Hyo-Suk, pp. 245–246].

What a mixed feeling of envy and sarcasm! What a sensual vignette of the desired *white* bodies of the bourgeoisie! Lee Hyo-Suk sneaks in to zoom in on the white flesh of the White Russian women; he zooms out to admire their enviable middle class life from afar. Unlike the above-mentioned poet-journalist Kim Gi-Rim, there is no trace of melancholy or sorrow in Lee Hyo-Suk's eyes; instead, there is this ambivalent attitude of desire and denial: "a desirable sight, a distasteful sight." How should, and could, these dichotomous feelings be reconciled?

Lee Hyo-Suk's *Bottomless Blue Sky* (벽공무한) offers an answer to the question, for it is in this last novel that he found, no matter how artificial it might have been, a way to make peace with his psychological ambivalence. To summarize, the male protagonist, an educated Korean, falls in love with a White Russian dancer named Nadia in Harbin, marries her, and brings her back to Korea, to live, happily married, in a modern house equipped with the traditional Korean heating system (온돌). Quite an example of orientalism, or rather, inverted orientalism, one might say.

Another male protagonist from Lee's earlier novel *Flower Pot* (화분) had asserted: "white [i.e., the raw Korean color as opposed to green, for example] is not beautiful." In *Bottomless Blue Sky* the White Russian heroine Nadia says: "Koreans wear white clothes, right? How clean and beautiful, as if always in party dresses!" This Nadia, a beautiful blond woman of noble origin, is portrayed very much as "oriental" in look and personality, which makes all the Korean men around particularly envious of her lucky husband.

As if to compensate for the ambivalent attitude he had earlier professed toward White Russians, Lee Hyo-Suk in his final novel introduces a brilliant idea that will reconcile the two nationalities: "the ideology of rootless roamers" (쪽정이사상). One day, while walking on the street in Harbin, the "showcase of rootless international roamers," it dawns on him that he himself belongs to this category just as much as the White Russians in Harbin do; he realizes that he and Nadia are fated to be united because they both belong to one and the same class of rootless roamers. Rootless roamers should be sympathetic to each other and save each other by uniting, he thinks. The poorest of the rootless roamers should be cheerful, not mournful, like the poorest Russian beggars on the street who, while smiling aimlessly, never pester passersby for money. It is this homogeneity of their class of "the humiliated and insulted" that unites White Russians and "white" Koreans more strongly than blood or skin color, as symbolically realized in the two protagonists' successful intermarriage.

Such is the typical formula of cultural integration that often figures in Lee Hyo-Suk's later writings. Perhaps it was a way for him to internally quench the "inevitable nostalgia for the exotic," [Chong Han-Mo, p. 83] or it was a middle way of compromise he had chosen as the colonized (Korean) and the colonizer (Japanese) at the same time in Manchuria. In any case, it should be noted that Lee Hyo-Suk's utopian formula for two races works only in Harbin, the city of their common fate, and nowhere else.

Such an ideological formula of bonding loses its effect when it comes to Jueul and Novina. Put simply, the White Russians in Novina are the haves (i.e., the masters of their own life), while "white" Koreans in Jueul are not; there is no way for them to be integrated as one class. In 1940, Lee Hyo-Suk wrote yet another sketch, one of the last pieces before his death, where the insuperable gap between the two nationalities is highlighted. It is "A Sketch of Jueul," a travel note written in Japanese during the peak of colonial aggression and published in the official travel magazine *Civilized Joseon* (문화조선), then under the control of the Japanese colonial government.

Given the circumstances, the essay inevitably echoes the official view of Japanese military nationalism. Novina is no longer described as an exotic object of curiosity or envy; instead, it is sarcastically portrayed as a place that provokes the colonial Korean only to annoyance and anger. Having described the hot spring area, the narrator sternly admonishes visitors not to be too joyful and rowdy, since the times require the opposite: “In this critical time one should not vulgarize the clean mountain area,” he writes.

But what annoys him the most is a signpost standing in front of Novina. It is a warning sign set up by the Yankovskys indicating the hours when the area is open for public viewing and prohibiting outsiders from picking flowers and plants. Upon noticing the signpost, the narrator is infuriated: How dare these foreigners, having come to another country, buy the land, build houses, and even put fences up around the mountain?

One can understand if such a sign is posted in a park, but this is everybody's mountain, everybody's road. It is not civilized to obsessively peep into someone else's private life and be nosy, but it is also atrocious for foreigners to set up such a savage warning sign on another's land. I don't know what the state law says about foreigners coming in, buying the land, building, farming, and fencing the mountain, but no matter what the law says, these foreigners deserve to be called shameless creatures.

He continues:

What is beautiful in the mountain is not the songs or customs of the foreign people of a different hair color, but the trees, the sky, the clouds, and small streams among the rocks. In this land these foreigners from outside are far freer than the aboriginals.

The narrator's voice is doubly layered: On the surface it reveals the stern view of a faithful, almost xenophobic imperialist, but beneath it lurks an undercurrent of poignant criticism against Japanese imperialism. The narrator's anger is outwardly directed at the White Russians in Novina, but that is only half the truth. He accuses them of being “shameless creatures,” but after all, the readers as well as the narrator himself know only too well who the real “shameless creatures” are: those who dared actually to invade another's land and committed numerous atrocities.

It has been suggested that Lee Hyo-Suk “imitated the colonizer's pose” in his later writings [Kim Jue-Lee, 2007, p. 146]. However, when his texts are thoroughly examined, it is not easy to agree with the view. On the contrary, the imperialistic Japanese language he employed in order to record Jueul in the last essay sounds very much like Aesop, the allegorical language of universal truth. If he had ever assumed the colonizer's stance,

it was more likely a gestural pose. In the novelist's writings on Novina of Jueul, both earlier and later, the irony of Korea's painful reality is too skillfully allegorized and mourned to be disregarded or belittled. The portrait of the White Russians in Novina was in that sense a literary trope through which the novelist decided to tell us what he could not in his own language and voice.

References

1. Cho Taek-Won's reminiscences. Quoted by Cho Dong-Hwa in *Hanguk Hyondaemunhwasadaege*, I (한국현대문학사대계 I, 고대민족문화연구소, 1975).
2. Chong Han-Mo, "On Hyo-Suk," *Lee Hyo-Suk Jonjip* 7 (정한모, 효석론, «이효석전집» 7, 창미사, 1983).
3. Hong Jong-In, "Melancholy Harbin," *Chokwang* (홍종인, 애수의 하르빈, «조광», 1937.8).
4. Kim Dong-Hwan, "A Trip to the Northern Region during the Early Summer," *Donga-ilbo* (김동환, 초하의 관북기행, «동아일보», 1928.7.20-22).
5. Kim Gi-Rim, "A Journey to the Jueul Hot Spring," *Chosun-ilbo* (김기립, 주을 온천행, «조선일보», 1934.10.24-11.2).
6. Kim Jue-lee, "Space-representation of a Spa in Modern Korean Novel in the Age of Colony," *Hanguk Munwha* 40 (김주리, 식민지 시대 속 온천 휴양지의 공간 표상, «한국문화» 40, 2007).
7. Mark Raeff, *Russia Abroad: A Cultural History of Russian Emigration, 1919-1939*, Oxford University Press, 1990.
8. *Siberian Nostalgia: Modern Korea and Russian Literature, 1896-1946* (김진영, «시베리아의 향수: 근대 한국과 러시아 문학, 1896-1946», Esoop, 2017)

**PERSONIFICATION AS AN IDEOLOGICAL AND
AESTHETIC DEVICE IN THE POETRY OF J. BRODSKY AND
THE KOREAN POETS (KIM DONG-MYEONG, KIM SU-YEONG,
LEE SE-RYONG)**

This article is devoted to personification as one of the characteristic devices on the ideological-aesthetic (ideological) level of a poetic text. Focusing on the historical and political backdrop of word combinations in poetry, the author analyzes the specifics of semantic compatibility in poetic language.

The ideological and aesthetic level of an artistic text is embodied in it in accordance with the author's conception of the content of a literary work as a result of aesthetic mastery of the depicted reality. In a certain sense, this level can be regarded as a source for the writer (vision, idea) and final for the reader (his awareness) in the process of generation, "transmission" and assimilation of the ideological and aesthetic information of the text [Maksimov, 1976, p. 464].

In the science of the language of fiction (in the narrow sense — in the linguistic analysis of the text), the phenomena of personification is considered in the aspect of stylistics of language resources and text stylistics. A detailed and special analysis of the artistic work — the product of social thought, national culture and art, the study of its connection with the era, its place in the literary process, a certain literary direction, the writer's work, etc. — competence of literary criticism. The interests of the science of the language of fiction and literary criticism here touch and even cross, but do not coincide completely [Novikov, 2001, p.188].

Let us consider extralinguistic facts that determine the use of the method of personification in Russian poetry. Thus, J. Brodsky embodies his author's design in his poems, the content of a literary work is the result of an aesthetic mastery of the depicted reality.

Extralinguistic facts (from the life of the poet) are preceded by a linguistic analysis. Let's read one poem by J. Brodsky, which is related to the extralinguistic fact from the life of the poet. In it the author depicts his sad feeling by means of personification.

In 1963, the speech of the head of the Soviet state N. S. Khrushchev, a new campaign was launched against the intelligentsia, and one of the first attacks of the then Leningrad administration fell on Brodsky. He, who had worked as a milling cutter at a factory, a hospital attendant, a stoker in a

boiler room, visited geological parties, who was engaged in poetic labor, was declared a parasite and was exiled for five years to the village of Norinskoye in the Arkhangelsk region. After accusing him of parasitism in 1964, J. Brodsky wrote poems without a title.

The wind left the forest
and flew to the sky,
pushing clouds
into the whiteness of the ceiling.

And, as death is cold,
the grove stands alone,
without striving after,
without any particular signs.

Ветер оставил лес
и взлетел до небес,
оттолкнув облака
в белизну потолка.

И, как смерть холодна,
роща стоит одна,
без стремленья вослед,
без особых примет.

This poem depicts a “wind” in the image of freedom, which is contrasted with the image of a motionless and solitary grove. In the expression “the wind left the forest ... pushing away the clouds,” the “wind” acts like a living one. The verb “leave” — “leaving, having retired, not to take anyone or anything (intentionally or forgetting)” and the verb “push away” — “someone or something push back”. Both verbs are meant to describe the actions of living beings and humans. Before our eyes this poem represents one landscape picture of the artistic world. A poet thirsting for freedom wants to be a wind that takes off without a border, but in reality it turns out to be a grove standing alone without aspirations. The loneliness of the grove is expressed by the comparison “as death is cold,” which strengthens the emotion of personification “the grove is alone”. Losing the goal in life, the poet portrayed through the image of the grove.

Let us consider extralinguistic facts that determine the use of personification in Korean poems. Thus, Korea was occupied by the Japanese during the period from 1910 to 1945. At that time, the Japanese wanted to destroy Korean culture; they forced Koreans to change their Korean names to Japanese ones and forced Koreans to read the Japanese emperor, even it was forbidden to use the Korean language in schools and in official business documents.

At that time, many Korean poets wrote poems that portrayed mourning for the lost homeland because of Japan's colonial rule, embodying the will of a strong opposition to the Japanese and expressing the strength of the unquenchable national spirit.

Korean poets expressed their emotions and will in verses through avatars, conveying the author's intention, reinforcing the aesthetic impact of poetry.

In the educational process, most teachers turn to the analysis of the personifications of the period of Japanese colonization from 1910 to 1945. Widely analyzed are such works as "Fagara" (one of the plant types) (Kim Dong-myeong), "Great Degree" (Lee Yuk-sa) and "Platan" (one of the tree species) (Kim Hyong-song). [Translation — <http://www.feelpoem.com/zeroboard/zeboard.php?id.>]. Proceeding from the names of the poems given above, we can conclude that in works written during the colonization period, avatars are widely used, expressed by the names of different plants.

In the poem of Kim Dong -myeong (the last line of the poem) "Your (Fagar) tender blue skirt will cover our winter" plant "fagar", expressed by a possessive pronoun, depicts a woman wearing a skirt. The plant "fagar" is endowed with human features (appearance): it puts on a delicate blue skirt.

Let us turn to the consideration of the poem by Kim Dong- myeong (1900–1968) "Fagar". This poem was publically published in the journal N.1 "Wolkang-월광" in 1936 during the period of colonization. In 1930, the Japanese carried out political measures to destroy Korean culture, the Korean language, while at the same time revolts broke out in Manjuri. To seize China, the Japanese used Korea as a waypost. The Japanese forcibly took the Koreans' food, land, and even took in their troops young Koreans, and took away minor girls for Japanese soldiers. During the period of colonization, Korean poets could not express their sadness about their lost homeland, so they attributed their sadness to an inanimate object in an indirect form. The unbearable sadness about the lost homeland led the intelligentsia to leave their homeland and they left for Russia and China. The intelligentsia who left their native land began to help liberate Korea from the Japanese, thus creating a movement for the independence of Korea — 독립 운동가.

Reading the poem "Fagar", you can imagine that in the north there is a plant of a fagar, which symbolizes a man yearning for his homeland while in Russia. The poet, using the method of personification, expresses sadness and nostalgia for his lost homeland.

I. Your burning nostalgia pulls south, Your soul is more alone,
 Than a nun.
 You are a passionate woman, a thirsty shower,
 I pour key water on your feet.
 It was already a cold night.
 I again protect you under my head.
 With joy I will be a slave for you,
 Your tender blue skirt, we will cover our winter.
 (Kim Dong-myeng “Fagara”, 1936, magazine “Wolkang”)

조국을 언제 떠났노| 파초의 꿈은 가련하다.||
 남국을 향한 불타는 향수| 너의 님은 수녀보다도 더욱 외롭구나//
 소낙비를 그리는 너는 정열의 여인/ 나는 샘물을 길어 네 발등에 붓는다/
 이제 밤이 차다.
 나는 또 너를 내 머리맡에 있게 하마.
 나는 즐겨 너를 위해 종이 되리니,
 너의 그 드리운 치맛자락으로 우리의 겨울을 가리우자.
 (김동명 «파초») 1936 년 <월광>

The first poem depicts the plant “fagar” in the image of a sad lonely woman. An animated fagara plant is attributed to the spirit (“your soul”), part of the body (“on your feet”) of a person and the emotional state of a person. Here the device of personification is shown with the help of an external and internal image of a person. Animate plant “fagar”, which has no human properties, acquires the human “soul” and part of the human body — “legs.” The animated plant “fagar” is combined with the expression “the skirt will cover the winter”, as if wearing a skirt woman.

Let’s read the poem “Grass” by Kim Su-yeong (1921–1968). This poem was written by the poet last in his life, in 1960. This poem depicts a “wind” in the form of power, which is contrasted with the image of “grass” as a wise people.

In 1960, there were many events in the Republic of Korea, such as the Revolution of 4.19 (4.19 혁명) and 5.16 Military Revolution (5.16 정변). The poet Kim Su-yeong, through poetry and critical analysis, criticized the backwardness of our society and lies. In his poem Kim Su-yeong reflected the consciousness, honest moral suffering of the intelligentsia and protest against a reality suppressing freedom.

II. The grass falls down,
 Developing from the wind of the east, catching up with the rains,
 The grass has fallen down
 Finally she cried.
 The weather became cloudy,
 The grass wept more,

She lay down again.

The grass lies down.
She lies down faster than the wind,
She cries faster than the wind,
But she rises before the wind.

The weather became cloudy,
And the grass lies down.
To the ankles
At the feet she lies down.
Although it lies down later than the wind,
Although she cries after the wind,
But she smiles before the wind.
The weather became cloudy,
And the root of the grass lies down.

풀이 눕는다.
비를 몰아오는 동풍에 나부껴
풀은 눕고
드디어 울었다.
날이 흐려서 더 울다가
다시 누웠다.

풀이 눕는다.
바람보다도 더 빨리 눕는다.
바람보다도 더 빨리 울고
바람보다 먼저 일어난다.

날이 흐리고 풀이 눕는다.
발목까지
발밑까지 눕는다.
바람보다 늦게 누워도
바람보다 먼저 일어나고
바람보다 늦게 울어도
바람보다 먼저 웃는다.
날이 흐리고 풀뿌리가 눕는다
(김수영 «풀») 1960년대

Grass is a plant that has a strong viability. In this poem, the chosen image of grass has the meaning of “wise people, like grass, which has the same vitality”: grass, crushed by power, opposing power, struggling with power for a long time. The wind, on the contrary, resists the grass, it suppresses the life force of the grass. The wind is a social force, overwhelming the people, a dictator and an external force.

In this poem, an inanimate object — grass is attributed to such actions of a person as she lies down, gets up, cries, smiles. The juxtaposition of the phrases ‘the grass lies — the grass rises,’ ‘the grass cries — the grass smiles’ transmits a dynamic force to the image of the grass. The poem by Kim Soo Yeung will always live like a grass bending towards the feet, crying, rising in our heart.

Let’s read the poem “Matches” by Lee Se- ryong (1940–). In 1960–1970 in the Republic of Korea, personal freedom and freedom of expression were decisively prohibited by law. As if matches lying in a box, people needed to live and work for the state’s purpose as an instrument. During this period, people craved freedom and sacrificed their lives, fighting with the world that governs dictatorship. The poet personified the match as a prisoner. Through the image of the personified match, we can introduce ourselves to a people thirsting for freedom at that time.

III. In prison, there are many prisoners, big heads on lean bodies.
 To ignite the world, young jesters are waiting for the occasion.
 I thirst my not sipping a single gulp, spend my whole life in prison.
 (Lee Se- ryong “Matches”)

감옥 속에는 죄인들이 가득하다/ 머리통만 커다랗고/
 몸들이 형편없이 야위었다||
 세계를 불태우려고/ 기회를 엿보는 어릿광대들//
 물 한 모금 마시지 못하고 / 일생을 감옥에서 보낸다.
 (이세룡(1947~) «성냥») 1960-80년대

In the third poem, a prison is portrayed metaphorically in the form of a box of matches, each match is a prisoner. In this case each inanimate match is attributed to the person’s conceivable actions. The inanimate object of a match is a prisoner expressed by the turn to “wait for a case”, which means “deliberately delaying, waiting for something” and the expression “to live life in prison,” where “prisoner-match” means “prisoner in prison.” Inanimate matches attributed to the property of living beings, “not quenching a single sip.” The verb “to wait”, the combination “to conduct life in prison” is peculiar to human action, the verb “to satisfy” is peculiar to a living being. In the images of “matches — prisoners, young jesters”, “box-prison”, the metaphorical personification gives the objects (matches, prison) an attribute of the human characteristic.

Analyzing these poems, we come to the conclusion that in 1960 in Russia and Korea, for political and historical reasons, freedom of expression and personal freedom were absent. During these periods, the suffering intellectuals wanted to express their feelings and thoughts, using the

method of personification, to indirectly convey their mood. In the poem without a name, written by J. Brodsky in 1963, and in the poem “Grass” written by Kim Su-yeong in 1960, one can compare the image of wind and grove, the image of grass and wind. In the poem by J. Brodsky, the “wind” depicts freedom. However, in the poem by Kim Su-yeong, the personified image of the wind elects a power that suppresses the people.

We can conclude that during this troubled political and historical period, the path of “personification” is used by the authors to express feelings, thoughts that pass to an object or living being.

This article is an attempt to analyze the path of personification as a method of ideological and aesthetic level on the basis of Russian and Korean poetry. This study helps to look at the features of the functioning of the tropes in Russian and Korean poetry in a new way.

References

1. Expression of poetry: Personification [Electronic resource]. URL: <http://www.seelotus.com/gojeon/hyeon-dae/si/ihae/pyohyun.htm>
2. Бродский И. А. [Brodsky J. A.] (1997). *Сочинения Иосифа Бродского* [Works by Joseph Brodsky] in 7 Vol. Saint-Petersburg.
3. Ильин И. А. [Ilyin I. A.] (1993) Путь духовного обновления [The path of spiritual renewal] In Ilyin I. A. *Collection of works in 10 Vol.* Vol. 1. Moscow. 254–280.
4. Левин Ю. И. [Levin Y. I.] (1998). Лирика с коммуникативной точки зрения [Lyrics from the communicative point of view]. In Selected works: Poetics. Semiotics. Moscow. 464–482.
5. Максимов Л. Ю. [Maksimov L. Y.] (1975). О соотношении ассоциативных и конструктивных связей слова в стихотворной речи. [On the correlation between of associative and constructive word links in poetic speech] In *Russki yazik: Collection of works of MSPU.* Moscow. 216–229.
6. Новиков Л. А. [Novikov L. A.] (2001). Язык как искусство [Language as art]. In Novikov L. A. *Selected works: Эстетические аспекты языка* [Aesthetic aspects of language]. Vol. II. Moscow. 188–189.

PARK MIKHAIL'S WORLD OF IMAGINATION AND HIS KOREANO-RUSSIAN'S CULTURAL IDENTITY

Park Mikhail's imagination & works world

“Any theory of the imaginary becomes inevitably a philosophy of ‘too.’” — G. Bachelard, *The Poetics of Space*

“I am not a supporter of Materialism or Empirio-criticism. (...) and I am not a promoter of Imagism, Realism, Underground, or any other kind of attention. (...) I am only a child observing the movement of the sun floating in the sky. I am a hunter who catches a butterfly called the Sun.” — M. Park, *Night, its another sun*

Can you force the imaginary human to “just tell the truth”? It is like saying to man “Stop imagining”. Unlike thinking (*le penser*), the imagine (*l'imaginer*) is characterized by the fact that it does not presume a range, that is, a cage. As hinted the essence of imagination as of the beginning by quoting G. Bachelard, without abandoning the habit of understanding the imagination within the framework of intellect or reason, we can't understand the energy beyond its uninterrupted activities, categories, and cages. In short, there is no way to stop acting on any ‘schools of thought’ or ‘theory’, and it is the essence of imagination that only the ‘infinity’ is intertwined. In other word, a man, who imagines and travels an infinity world, cannot be restrained [Cf. Gaston Bachelard, 1957].

What Bachelard said is that ‘Do not stop acting’ by any theoretical and scholarly and objective and scientific approach is the intrinsic hallmark of imagination. In that regard, I think that when the imagination is the ‘infinite’ and the ‘no-nonsense’, we can save the original meaning of the imagination without damaging it [Tchi-Wan Park, Yoon-Jae Kim, 2017, pp. 117–164]. And the study of Park Mikhail (Park Mikhail, 1949-present), the fifth-generation Koreano-Russian novelist who I would like to introduce here, predicted from this point, may already be a work that would violate the world of artistic imagination. As Park Mikhail is basically not an artist who is stick to ‘ideology’. He is basically the owner of free soul, and his imagination is still ongoing even now. In his novel “a

hunter chasing a butterfly called the sun” and “Night, the other Sun,” Park Mikhail even dreams a poet [Mikhail Park, 2012, p. 135]. From a painter to a novelist, from a novelist to a poet, where is the end of his transformation? As long as he tries to catch the sun, the Sun rise and set, his life is lasting, through artistic world creation, his dream, to catch the Sun by artistic creation not by religion, may end up as an unfinished state.

As a course to run to perfection through the fight against unfinished in his artistic work, Park Mikhail continues transformation in his works. Especially, unless the ‘Stranger consciousness’ has been disappeared, the ‘echoless’ struggle against the world he faces will be continued. Stranger consciousness is a consciousness of people living in place different from where he is born and can hardly be found from settlers. But Park Mikhail is an unfortunate artist who has already had a stranger consciousness from his birth. That is why he challenges himself to an “unfinished perfection” and endlessly transform himself. It is not a coincidence that he loves the Rimbaud ‘who wore the wind shoes’(l’homme aux Semelles de Vent). That is why we are looking at how his Koreano-Russia identity has been expressed in his novel. The question of identity is scattered deeply in the works he imagines. We need to use sculptural imagination to sculpt the scars scattered in his work. Thus it is necessary to assemble scattered scars in his works by using imagination of critic, and it would be my role as a critic as well as a reader.¹

Story as an expression of ‘world’ & Local imaginary

Imagination is both personal innate and shared by group. Bachelard’s disciple Durand extends the meaning of the teacher’s ‘Subject-Imagination’ to ‘Communal-Imagination.’ Durand also defines imagination as mediating between reason and imagination, fact and fiction, reality and imagination [Gilbert Durand, 1964]. According to Durand, it is important that Story, of any type, containing any message, aiming at anyone, should have relationship with facts (events, events, realities), but the affinity with fiction should also be considered. In other words, every story has a combination of fact(le factuel) and fiction(le fictionnel). According to the study of A. Leiduan, it emphasizes that these two elements are entangled even when recreating the actual history (l’histoire réelle), the history of processing (l’histoire imaginaire), and the historical event(l’événement

---

¹ For reference, the works of Park Mikhail, I translated and published in Korean, are as follows. There are *Night, its another sun*, *Blowing in the Sunflower Petals*, *Naked Photographer*, *Ant City*, *Citrus of Helen* etc. And study on his works, [Jong-Hoi Kim, 2005], [Seung-Ha Lee, 2011], [Antonia Park, 2011], [Ki-bae Kwon, 2012], [Jeong-Suk Lee, 2014], [Antonia Park, 2014], [Duk-Joon Jang, German Kim, 2015]

historique) [Cf. Alessandro Leiduani, 2014, pp. 1, 17], though it is not easy to find clear distinctive line.

Bachelard and Durand are not the only person renewing the definition of story. As a combination of fact and fiction, the story can variously be defined according to the viewpoint or context, such as ‘Story from outside the world’, ‘Story still in the imagination of the individual’, ‘Story trapped in a local culture’ and ‘Global(Universal) story’, ‘Utopian story’ and ‘dystopian story’ etc. But at least the stories, revealed out to the world, and under the communication and exchange between readers and viewers, are the individual creations of writers and artists, as Umberto Eco says, it is also necessary to remember that those are based on a language community and a cultural community represented by ‘readers’ [Cf. Umberto Eco, Stefan Collini, 1992] Frankly speaking, all stories are the solidarity between creators and language & cultural community, which cannot be divided.

The following table are the summaries.

Table 1.

Subject	Community
Writer	Reader(mass)
Subject-Imagination	Communal-Imaginary
Created stories	Stories interacted with readers

Then, the table below is created by combining this table with the ‘world’ created by the writer and artist,

Table 2.

Subject	⇌ WORLD ⇌	Community
Writer		Reader(mass)
Subject-Imagination		Collectivity-Imaginary
Created stories		Stories interacted with readers

All stories can be loved by readers when those are existing as a ‘world’, in other word a ‘complex universe’. This is where Plato’s “State”, Moore’s “Utopia”, Marx’s “Capital”, Marcuse’s “one-dimensional human” and Confucius’s “Analects” are located. Park Mikhail’s “Blowing in the Sunflower Petals”, “Naked Photographer”, “Night, its another sun”, “Ant City” and “Citrus of Helen” are not exception.

The ‘world’ shaped by artists and writers is the stage where all the stories and various characters are active. There are works that transcend time and space, but many works, once popular, have been left without a trace.

Those ‘world’ may be remembered and forgotten by the public. Of course, not only the stories, widely communicated to the public and formed sympathy, and consumed locally by wearing clothes of ‘culture’, can be called stories, but other stories also can be. However, these two cases are obviously ‘special stories’ as those are including at least one local area, and the dreams and desires of the people of one age. But here we have one thing to keep in mind. It is the fact that every ‘world’ is nourished in the “genius loci” [Nakamura Yujiro, 2012, p.5]. Of course, the creative mechanism can be same for any creator or any local space. However, it is my opinion that the meaning and value of the work is given in the local space that is embodied and accepted first. Paradoxically, there is no so-called “global artwork” that transcends local space. Park Kyung-ni’s “Toji” is rooted locally in Korea and Pushkin’s “The Captain’s Daughter(Kapitanskaya dochka)” is rooted locally in Russia.

Each local language and culture is representing a unique ‘imaginary system’, according to Durand’s explanation. When the imagination of the local citizen matches with the work, the ‘world’ of writers and artists is widely recognized. Thus, each local culture expresses a unique ‘world’, and story — culture is formed based on the understanding system and the symbol system of the local culture handed down in each way. As French is not Korean, Shakespeare is not Dostoevsky.

Park Mikhail is a writer who possesses a duplicated cultural identity, Korea and Russia. He is Korean and Russian at the same time. From this dual cultural identity expressed in Park Mikhail’s work can give us a unique enlightenment in the era of cultural diversity, the researchers evaluated the works of Park Mikhill through the concepts of ‘Soviet Korean Literature’, ‘A literature on the edge’, ‘Diaspora’, but I think that these assessments may put his work in Russian geography. He wrote, “we must love unfamiliar stranger and we must love the whole world” in his writer’s note of “Night, The Other Sun” (2012), “Ant City” (2015), which he wrote after the collapse of the Soviet Union.

As such, the artist is destroying the boundary established by himself and making a beckoning of love toward others. He may find an enlightenment that love can heal himself and others. Thus, it would be necessary to look back whether the researchers in Korea intend to put a bound on him while the artist is attempting to dismantle the boundary by himself. From the following, we can only look at the in — depth code and psychological conflicts of main characters in his novel in a rough overview, but let ‘look at the details how Park Mikhail’s worries about Korea — Russia identity can be resolved.

Stranger Consciousness & Questions without answering on the Koreano-Russian's double identities

Seong-hui Jeon, a writer and who can be regarded as the exclusive translator of Park Mikhail, has summarized his works in this way.

“Park Mikhail is a fifth Russian-born Korean, ... and everything could be fully assimilated into Russia. However, it is hard to find a sense of stability as a settler in his works so far published. He is still wandering to look for an identity, for the essence of life, and for the value he believes in.” [Mikhail Park, 2015, p.220]

In addition, Seong-hui Jeon comments in his quotation that the characters in most of Park Mikhail's works are “made by the emotions of Koreans, not Russians,” and “the protagonists in his works are not free from identity issues.” [Ibid.]. Except “Helen's Time,” this intuitive assessment of Jeon Sung-hee is a plausible argument, as most Korean researchers have evaluated so far. But Park Mikhail's work has another important theme that should not be missed. Especially in the works released after ‘Perestroika’ (“Angel's Slope”, “Night, that and another Sun”, “Naked Photographer”, “Ant City”, etc.), he has been uncovering the uneasy era of Russia all the time. I think this is an important issue that should not be ignored. As if a kind of social criticism is buried in the base of his work. This is why his novel is loved by Russian readers. Therefore, we need to pay attention to the ‘process’ in which he designs a new ‘literary world’ rather than hastily conceiving the novel world of Park Mikhail as a ‘writer in Russia’ or ‘diasporian identity’.

Although he is 70 years old, he is still a ‘writer of medium standing’ as a novelist. When reviewing “Ant City” and “Citrus of Helen”, it is my opinion that the ‘world’ that he can show to future readers will be significantly different from what he has already shown. Nevertheless, we can't dispute that the question of identity is the primary concern of the ‘world’ that traverses the novels that he has ever published, in accordance with the roots and causes of his novel creation. It is expressly stated in our “landscape with apples” (“naked photographer”) that our approach is not unreasonable.

“The streets are the center of my anxiety. My appearance, which resembles a Korean, is very strange on the streets of Moscow. I am so distinctly different from people in the streets. I am a stranger. When I come back home, I feel my mind settled again. Because I live in a dual reality.” [Sang-Gap Lee, 2013, p. 148]

Here we need to pay attention that this confession of Dimitri is also an existential concern for writer Park Mikhail himself. This is a description of the “realities” of depressed portrait of young Russian people, who faced an unpredictable age after ‘Perestroika’ and ‘Glasnost’, as well as which Park Mi-hail had to face in his own middle age. Especially, the collapsed reality of Russia would have been the same for both Russians and Koreano-russians, but Koreano-russians had to endure double alienation from the mainstream society of Russia as of the fact, Koreano-russians.

Koreans (Koreano-russians) living in Russia are Russians with Russian nationality. But they can’t be treated as “perfect Russians” because their appearance is different from that of the East Slavs, and their language is not as natural as Russians. In Russia’s mainstream society, they are only ‘strangers’. Therefore, the question of identity must come to the source of existence to the outsider who has to live the paradox. The problem is that this paradox can never be solved during the life time, paradoxically unless reborn as a Slavic Russian.

That’s it. Thus for the stranger, this paradox is a fate. It is the life of those who have to live with their fate like Dmitiri who have to live with stranger consciousness. To make matters worse, Dmitiri is not a simple stranger but a ‘mixed-blood’ born between a Russian father and a Korean mother. So, confusion about the sense of alienation and identity that he feels in Russian society is pain itself. Let’s look at the next conversation.

“What’s your name?” Anna Alexeievna asked.

“It’s called Le-Marlof,” Dmitri replied. “Dmitri Lee — Marlof. There is a hyphen in the middle.”

“Are you a Korean?” She asked as she wrote something on the paper.

“Yes, half. My mother is Korean, my father is Russian.”

(...)

“Please show me your passport.”

“I don’t carry passports because I’m afraid I’ll lose it.”

“Yes, I have nothing to prove, Anna Alexeievna,” the security guard intervened. “He is a bully.”

“Why did you knock down the mannequin,” she asked.

“I slipped and slid my feet,” Dmitri said.

“It was standing like a living person .... It sounds strange, but at first, I thought it was myself.” [Mikhail Park, 2007, pp. 33–34.]

Dmitiri, the main character of the novel “naked photographer”, taking black and white photograph and selling it to newspaper or magazine, finds a person who looks very similar to himself during a walk in the city. “Mannequin” standing on the doorstep of a shop with a shiny display case. “hey, bro,” he said, reaching out his hand and stepping on his feet. He slips and falls. The mannequin is also badly damaged, such as broken neck [Mikhail Park, 2007, pp. 30–32].

The above conversation is part of a dialogue between a female clerk and Dmitri, who was taken to the manager’s room after the incident and watched by the guard. He had no \$100 to indemnity. In that situation, he is treated as a rogue by security guards simply because his name is just Dmitri Lee-Marop. And the security guard urges him that there is a Koreano-russian clerk who sells salads in a nearby supermarket so that he can make money by borrowing her money. The reason is simple. It is because he is “the same race” [Mikhail Park, 2007, p. 35] with her.

A Korean woman, Allempzchina, was standing behind a supermarket vegetable store. She was wearing a blue gown, which is written ‘Allempzchina Kim’ on the collar.

“How are you? Is your work well?” Dmitri approached her and asked.

“So so. That day is the day,” replied Allempzchina. “Well, will you buy a salad?”

“No. I just come to see. I’m Korean too.”

“Are you Korean? You don’t look like Korean. Aha, are you Tugwi?”

“Tugwi usually means a mixed-blood of Native Americans and Mexicans. I am just a mixed-blood.”

A mixed race such as Dmitri is not seen as a Korean when pure Koreans like Allempzchina are seen. When Dmitri says “I am Korean”, Allempzchina immediately replies, “Are you Tugwi?”. The mixed-blood Koreans such as Dmitri are also discriminated by same Korean people as ‘Tugwi’. As F. Fanon’s “Black Skin White Mask” [Frantz Fanon, 1952] suggests from the title, in the Russian society, Koreano-russians cannot cover their appearance even if they try to hide their identities in a mask. So, according to Fanon’s diagnosis, Koreano-russians in the Russian society are likely to have a ‘collective’ nervous breakdown (*névrose collective*), including writer Park Mikhail. This is the reason why the life of Koreano-russians in the foreign world Russia is explained by the logic of ‘paradox’. The cause of the nervous breakdown is given from the outside, but if you can’t calm down and overcome it, life itself will be threatened and collapsed.

Like the African blacks who had to live, not living in the whites of Europeans, the Koreans could not establish their own identities in Russia, but they were rebelled in the process of being called double-sampled by the other. It is a misfortune. However, the birth unhappiness is the logic and the stage leading the life itself, and it can't be rejected. Unless they are born again as Slavic Russians, it is sad that readers are saddened by the fact that there is no other way than to 'survive' the unfortunate fate from the past, but not possible to overcome voluntarily.

The question of 'identity' given to "Tuqwi" may be a minor problem for a person who is non-party, but for the party, it is a series of questions and a series of painful searches for solutions. This is the reason why I emphasize the importance of social consideration and tolerance for the minorities who have to live with a double identity in a society.

Questioning of identity and Korean Language, Longing for the homeland 'Joseon', but...

For Dmitri, life may have been 'the cursed fate of the earth'². However, there is no place to move back in that the cursed fate as it is irresistible. What is important is whether pure Koreano-Russian or so-called 'Tuqwi(mixed-blood Koreano-Russian)' are thought to be unable to integrate or assimilate into mainstream society in Russia. So, they think that it is better to hide their identity than reveal it. Dmitri has personally watched that his grandparents and parents have shown this attitude.

"He [Dmitri] flashed back his memory to his grandmother. Her face, living a very ascetic life, was burned in the sun, and she had an oriental and mysterious reticence. His mother was similar to his grandmother, but she had a different part from his grandmother. His mother had never spoken to him in Korean. Perhaps it is because of the fate that was personally difficult. (...) The mother always seemed to conceal her nationality, and when Dmitri was born she liked appearance that he did not resemble her at all. She lived in pressing the signs of oppression and fear, and was eagerly hoping that her son would not suffer from inferiority." [Mikhail Park, 2007, op. cit., pp. 83–85.]

His grandmother is the only one who taught him Korean. However, after her grandmother passed away, he gradually forgets Korean. Then, does he achieve his mother's hope, to be a successful Russian rather than

---

² This is also the title of Franz Fanon's post-publication book. — [Frantz Fanon, 1961]

a Koreano-Russia? When he was born, the mother found that his appearance did not resemble her, so she was pleased. She believed that he would be able to live in the Russian society without suffering inferiority or discrimination. But it was simply a mother's wish, for Dmitri the fundamental question about identity does not end.

As you can see in the above quotation, in "Naked photographer" the "uncomfortable truth" about Korean is expressed, but in "Night, its another sun" the lack of Russian speaking ability is shown. It is maybe Park Mikhail has a sense of inferiority in both languages. This is a testament to Park Mikhail's question of his identity as a haunting torment.

"In what language are you writing poetry?"

"In Russian."

"Is your native language Russian, not Korean?"

"Korean is my native language too. But very few people speak Korean now. It is because no need for young people, and old people are dying."

"Why didn't you try to find a publisher in here?"

"NO."

"why?"

"I have to get a proper sense."

"What is proper sense?"

"The language. Russian."

"You already have a sense, right?"

"Not as complete as I want yet." [Ibid., p. 223.]

In the "Night, its another sun", the main character, Bikenji Jeon, is an aspiring poet who writes poetry in Russian. He decides to write an epic of the history of his ancestors' emigration to Russia, and committed himself in writing. Though he does not forget that Korean is his mother tongue, his Korean language skills are at the level of making daily conversations only. When his friend, sculptor Boris asks, "In what language are you writing poetry?", He replies that it is Russian. Boris then recalls whether Russian is the mother tongue, not the Korean language. In this regard, Bikenji Jeon makes a hard excuse that Korean is not necessary for young Koreans to live in Russian society, and very few people speak Korean. The problem is his Russian ability, but he feels that it is not enough to write poetry. This agony of the protagonist continues in conversation with the Korean traveler Eun-pil Kwon in the end of the novel.

“Hello?” The stranger extends his hand for a handshake, pronouncing every single spelling for saying hello.

“Excuse me, are you fishing?”

“Yeah? oh, no, I am not fishing.”

“Oh, I’m sorry. I thought you are fishing now.” The man’s face showed a disappointing look. “I’m sorry”

“By the way, what are you?”

“Me? umm... I’m human”

“Yes, yes. of course. I’m sorri. What I wanted to ask you is that you are a Koreano-Russian.”

“Yes, I’m Koreano-Russian”

“Oh!” He said and seemed very delighted. “Can you speak Korean?”

I said “No. Unfortunately, I can’t speak Korean.”

“I see... It is a pleasure to meet you, though.” He still said with a laughing face.

“I am also pleased to meet you.” [*Ibid.*, pp. 194–195]

Eun-pil Kwon appears here as a poor Russian-speaking Korean. May this be showing indirectly that Park Mikhail and Bikenji Jeon were not free to speak Russian? From a logical reasoning perspective, at least, yes. This scene may be an indirect expression of the fact that Park Mikhail is possible in Russian ‘speaking’ but poor in ‘reading’ and ‘writing’. Bikenji Jeon is a Koreano-Russian but can’t speak Korean completely. Though Park Mikhail was born and grew up in Russia and uses Russian as his mother language, he can’t write poem as good as Russian poets [Mikhail Park, 2015, *op. cit.*, p. 223.]

It may be an over imagination, but I think that Bikenji Jeon and Park Mikhail are doing Decalcomania precisely. Just as Dmitri is a Tuqwi in Russia, not a Korean or a Russian, Bikenji Jeon speaks Korean like a foreign language even though he thinks Korean is his mother tongue.³

---

³ In the “Night, its another sun”, there is a scene in which the Kazakh people, such as the protagonist, are treated as illegal immigrants like the Vietnamese or Chinese in the Russian society through the motto “passport”. Bikenji Jeon, a Koriano-russian in Kazakhstan, crosses the city with Valerija. and then they are caught by the police. so he is only compelled to present his passport. He tells her like a monologue. You have no doubts about the outward an appearance. When you pretend, everything is clear. “You are clean like a spring water in front of the law.” The interest of the Russian police is in the search for Vietnamese or Chinese illegal immigrants, so BiKenji Jeon looks, appearance of Asian, is subject to identification. Koriano-russian, Having a Russian nationality and living in the Russia but a stranger in Russian society. This is why he cannot be incorporated into the mainstream society, but remains in the periphery. This is like the dialogue between Eun-pil Kwon and Bikenji Jeon can’t progress to in-depth dialogue while exchanging questions and answers in the above quotation.

Perhaps for this reason, the protagonist of “Angel’s Foot” may define his own country, Chosun, as “loss”. Like Dmitiri, the protagonist of “Angel’s Foot” has a lot of overlap with the journey of Park Mikhail’s life. It is also the point that both artists are Koreans, as well as being a painter who pursues arts under communism. Arkadii Im is a person who has been drawing for 15 years but because of the system’s closure has never had an exhibition. The end of the novel is the tragic event that Wife prepares for an exhibition but his paintings were burned down the day before. This short piece is composed mainly of the Soviet cultural policy and social criticism technique is seen by ‘the eye of the painter’ through the recollection form of a young age. In this novel, it is impressive to the protagonist gave a reading of Chi-won Choi’s poem, written in Korean, to his wife Nelly while she does not understand at all.

“So listen.”

“I, Buried in the autumn wind
Sing lonely.
Nobody in the world knows,
Outside of window, the evening rain come down sorrowfully,
The hometown, long way to go, is burning in front of the oil lamp.”

She asked after a while. “What a means ‘in front of the oil lamp?’”
“It’s a candle... in front of a candle.”

This poem is a representative poem expressing the nostalgia for the homeland, written by Chi-won Choi, the civil servant of unified Silla period, who spent most of his life in China. It may be the expression of homesick for the ‘physically inaccessible’ homeland that Arkadii Im is reciting the poem of Chi-won Choi. Or Arkadii Im could pop out the poem of his mouth without knowing himself, because his maternal grandmother recited this poem to him when he was young. But his wife, Nelly, was merely a “Russians with a Korean face” who did not even understand the word “lamp”. She thinks that as making a bluff by watching that Koriano-russians are starting to learn the language they lost while fostering their national consciousness and each other argue that they are closer to Koreans than anyone else. So it is very clear to Nelly that the notion of ‘National Identity’ as well as ‘Joseon’ would feel unfamiliar. This also means that she never thought about such a problem since she was born. But for her husband Arkadii Im, Joseon is also his alter ego and himself.

“I have not yet drawn a picture of Joseon despite Korean-russian. I can't say that I have never thought about this. On the contrary, I have constantly thought about this. There is a time when I think of myself as 'Who am I?' European? Although I cannot write my name in Korean, am I a Russian who has a face of Korea? Am I Korean-russian, who is able to engage in everyday conversation in the old Korean language inherited by older aukan people, although it is no longer in use in Korea today? I have not found an answer to this question yet. May I draw a picture with this theme?” [Maya Jang, 2014, p. 33]

Arkadii Im has never forgotten that he himself was a Korean, but he was a painter who never painted the subject of Joseon. The quotation clearly shows why he did not put a painting on Joseon in his painting.

“Maybe, because of the pain inherited from the parents is settling deep in my heart as a shame, is it make me not to paint a picture of all these things? For Koreans, White color means the color of loss. Is it possible to draw a picture with white paint on white canvas?”

For Arkadii Im, Image and Memory of Joseon are the symbol of pain and the image of loss. The pain and loss are color of Joseon, white. How can draw a picture with white paint on white canvas? May painting white on white canvas show any shape? or simply a stain? By painting white on a white canvas, may the pain become deeper and the wound becomes larger?

Challenge to the edge & Park Mikhail's anthropology of love

We call human rights as the freedom and right to live as human beings. However, it is the present reality that human being is alienated by “rational imperialism of the market” becoming “era of economic domination (l'écorègne)” [Jean-Claude Guillebaud, 1999, p. 239]. More precisely, human beings are being “ousted” by the logic of economic growth [Saskia Sassen, 2016]. This means that even ‘human’, like technology, knowledge, and commodities, has fallen into the subject of investment and transactions. In fact, this is a proof that capitalism is not a system that is already operating reasonably. To make matters worse, digital technology is added on top of this, and it is holding a life of humanities [Tchi-Wan Park, Ki-Hong Kim, 2015]. In short, it became the era that the subordinate things reveal act as host. So I am worry about that even the imagination may be downgraded as per its efficiency.

Purpose-oriented imagination not only forgets the meaning of the imagination, but also it is easy to distort reality as you intended. Distorted

· Manipulated reality and existence is nothing more than self-propagating viruses that do not refer to origins like Simulacre. As a result, we tend to be outsiders from reality that is, from the foundation of life. If the goal is to return distorted and manipulated reality to their original state, we need to “a new way of recognizing humanity, society, nature and the universe” [Hyung-Jun Jin, 2009, p. 95] in the 21st century.

In particular, the simple recognition change would be insufficient to return the economic first and technology-reduction scenarios of the past, which are orienting positivism era. I think it is necessary to re-examine people, society, nature and the universe with a completely new perspective. In particular, it is time to share imagination with the vision of happiness and peace for all mankind and to demonstrate imagination including future vision. That is why it is inevitable that the demarcation of all boundaries is indispensable to condemn imagination and imaginary systems. It is to rebuild Anthropology in which all the disciplines in the name of man make one whole.

I suppose I could define a new anthropology as a ‘exception for human’ in response to ‘cultural exceptions’. When exceptions for human are respected, humans who are ‘homo narrans’ will be able to express ‘world’ with ‘own language’. The ‘world’ expressed in this way may be inviolable to each person, but if I take into consideration the position of ‘me’ and the position of ‘other’ in my position, ‘I — the other’ becomes ‘us’ The stories that are exchanged will be memorized and passed down in the local community to create a history.

This accumulated story, history will already become a mirror of the local culture beyond the artist’s personal level and will become a story as a legacy for all humankind. The ‘world’ of the novel can finally be rebuilt as a public good for all mankind when it functions as a link between past and present by subject(imagination) and collectivity(imagination). It is my opinion that Park Mikhail’s work, which we have seen in this article, has already become a public good of humanity based on these standards. Although his works are currently being read only in Russian and Korean languages, they will be loved by many foreign readers who are worried about cultural identity in the future.

The so-called “era of immigration” is bound to lead to problems of cultural identity. Is there any person free from the problem of cultural identity? However, in severe cases, there is a serious problem. In short, problem of identity can take a person life [Amin Maalouf, 2001]. This is why the postcolonial studies such as F. Fanon, E. Said, H. Baba, and G. Spivak have recently been attracting much attention from many people. Colonialism manipulated racism. The so-called ‘Eurocentrism’ is the justifi-

cation of imperialism's ideology by dividing the world into its own central and another periphery.

The question of Park Mikhail's identity, which we have seen in this article, is also embodied in such a central and peripheral logic. At the base of his Stranger consciousness and discrimination, the goal is in dismantling the boundary. Unfortunately, in most of his works, it is hard to find a protagonist free from boundaries. The racial and ethnic boundaries of Park Mikhail are bothering him. Maybe this has been the driving force behind his artistic soul burning.

But Park Mikhail's "world" has been changed completely in "Citrus of Helen". This novel, as described in writer's note, is "the first work to describe Korea as a background, Korea as a material, and Koreans as a protagonist" [Mikhail Park, 2017, p.293]. The novel space has been changed from Russia to Jeju Island in Korea. Because of change of the space, the topics that lead the novels and the characters are bound to be changed. He has anchored in his "historical homeland, Korean culture".

Of course there is no "Russian thing" at all in "Citrus of Helen". As in previous works, the story about the center-Russia-related neighboring-Koreans hides the traces altogether. The main character Kang Sohwol travels time with Ji Daryun, the master of the tangerine farm, in the cave. At that time, Kang Sohwol sees his past spectrum. And He dreams of a space where he can correct his parents' time, his future time, and the time of the curse of millions of people including his time. The fact that Park Mikhail dreams such as time of the origin and space of origin is now a sort of "writer's declaration" that he is no longer tied to the question of identity. So he completed the "great novel about love," that "only the present moment, Without the past and the future" in the "Citrus of Helen". I hope to continue to develop this further.

'Love' is a potion to heal pain. When people who are suffering from the problem of identity dream a human community called 'We' without making a boundary with 'I' and 'you', the world can be in peace without conflict or antagonism.

Making the global village a community of love through 'us' is also a 'task' for all presenters, moderators, and commentators gathered today. As soon as this task is completed, the citizens of the global village will be able to establish a relationship through which they can share their affection with each other like a lover who is not bound to place, culture, language, history or tradition. For this point the anthropology of love prepared by Park Mikhail in "Citrus of Helen" is a stepping stone to transform the global logic of domination and subordination into the local logic of communication and exchange.

References

1. Bachelard, G., *La poétique de l'espace*, PUF, 1957.
2. Durand, G., *Les Structures anthropologiques de l'imaginaire*, Paris: Dunod, 1960.
3. --, *Sciences de l'homme et tradition. Le nouvel esprit anthropologique*, Albin Michel, 1975.
4. --, *L'imaginaire. Essai sur les sciences et la philosophie de l'image*, Paris: Hatier, 1994.
5. Eco, U., Stefan Collini, *Interpretation and Overinterpretation*, Cambridge University Press, 1992.
6. Fanon, F., *Peau noire, masques blancs*, Seuil, 1952.
7. --, *Les Damnés de la Terre*, maspero, 1961(rééd., La Découverte, 2002).
8. Geertz, C., *The Interpretation of Cultures*, New York: Basic Books, 1973.
9. Guillebaud, J.-C., *La refondation du monde*, Seuil, coll. «Points», 1999.
10. Hyung-Jun Jin, *Imagination*, Salim, 2009.
11. Leiduan, A., "Nouvelle frontières du récit", *Cahiers de Narratologie*, n° 26, 2014.
12. Maalouf, A., *Les Identités meurtrières*, Le Livre de Poche, 2001.
13. Maya Jang, "A Study of 'Soviet Korean-Artist's Identity in Pak Mikhail's Novels", HUFs master's thesis, 2014.
14. Mikhail Park, *Blowing in the Sunflower Petals*, TR: Seonh-Hui Jeon, Saeteo Pb, 1995.
15. --, *Naked Photographer*, TR: Seonh-Hui Jeon, SooSan Pb, 2007.
16. --, *Night, its another sun*, TR: Seonh-Hui Jeon, KOOHAK, 2012.
17. --, *Ant City*, TR: Seonh-Hui Jeon, Mapssiteo Pb, 2015.
18. --, *Citrus of Helen*, TR: Hyung-Won Yu, SangSang, 2017.
19. Nakamura Yujiro, *Topos*, TR: Chul-Eun Park, GreenB, 2012.
20. Sang-Gap Lee, Duk-Joon Chung, "A Study of Russian Korean Literature in CIS since the 1990s — Focus on Mikhail Park's Novels", *Korliter*, No. 59, 2013.
21. Saskia Sassen, *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*, Geulhangari, 2016.
22. Tchi-Wan Park, "The Problem of Sympathy with the Other of the Coded Cultural Subject: Focusing on Kaneshiro Kazuki's Go", *Studies for Hermeneutics*, No. 36, 2015.
23. --, "The Colonial Viewpoint to Others and Racial Problem", *Studies in Philosophy East-West*, No. 79, 2016.
24. Tchi-Wan Park, Ki-Hong Kim, "Digital Humanities: the Creative and Expansional Evolution of Humanities?", *Researches in Contemporary European Philosophy*, No. 38, 2015.
25. Tchi-Wan Park, Yoon-Jae Kim, *L'espace poétique bachelardien et l'imagination du désintéressé*, HUEBOOKS, 2017.

A NEW APPROACH TO THE PHONEMIC STATUS OF THE RUSSIAN VOWEL *y*¹

1. Introduction

One of the constant controversies among scholars of Russian phonology is the phonological status of the vowel *y*. The two Schools of Russian phonology, the Moscow and the Saint Petersburg Schools, have long argued over the phonological status of the vowel *y* as an allophone or as a phoneme. The Moscow School considers the middle vowel *y* an allophone of the front vowel *i*, and claims that the vowel *y* is a positional variant of the vowel *i* rather than an independent phoneme. On the other hand, the Saint Petersburg School argues that the vowel *y* is a phoneme that has an opposing relationship with all other vowels, including *i* [Farina 1991, p. 56].

Traditional concepts about the phoneme in phonology do not provide a definitive explanation about such dualistic examples. The long confrontation of the two Russian Linguistics Schools corroborates the difficulty of explaining the correspondence of the two vowels *y* and *i* from the traditional perspective. In Hall (2009, 2011), information theory has been used to explain these kinds of segmental relationships. Information theory uses entropy as a measure of the frequency of occurrence of two segments in a particular environment in order to reveal the phonological status of the corresponding two sounds in a language system. According to information theory, if the probability of the occurrence of two sound segments is identical in a certain environment, the entropy will increase because it becomes difficult to predict which of the two segments is realized in that situation. On the other hand, if one segment occurs in a specific environment with a higher probability than the other, the entropy will decrease.

In particular, Hall (2009) proposes the PPRM (Probabilistic Phonological Relationship Model, henceforth PPRM) to study segment pairs whose phonological status is unclear. This model claims that two sound segments are opposing phonemes if the two segments are distributed with equal probability in a specific environment, with a high level of entropy.

---

¹ *This work was supported by Hankuk University of Foreign Studies Research Fund of 2017.

This paper represents a revision of the contents appearing in the proceedings of the Spring Conference of the Korean Linguistic Society at Hankuk University of Foreign Studies on May 25, 2013.

This paper investigates the phonemic status of the Russian vowel *y* not from the view of traditional phonology, but from a quantitative perspective based on Hall's (2009) PPRM model. In addition to establishing the vowel opposition between *y* and *i*, all pairs of Russian vowel opposition will be measured and compared to each other according to their entropy values using the PPRM. Comparison between the vowel pair *y* and *i* and the other vowel pairs gives new insight about the phonological status of the Russian vowel *y*.

2. Russian Vowel System

2.1. Moscow vs. Saint Petersburg Schools

On the phonological status of the Russian vowel *y*, the Moscow School regards this vowel as an allophone of the front vowel *i*, while the Saint Petersburg School considers the vowel an independent phoneme.

The reason for the claim of the Moscow School is that the vowel *y* shows complementary distribution with the corresponding vowel *i*. The vowel *y* does not appear in word initial position except for in a few infrequent words such as *ykat'* 'make the sound of *y*', and the vowel is used only after hard consonants. On the other hand, the vowel *i* can appear in any position including word initially, and the vowel is used only after soft consonants. In other words, except for a small number of infrequent words such as *ykat'* and some foreign borrowings, the vowels *y* and *i* show a relationship of completely complementary distribution. Therefore, these two vowels can be regarded as allophones of a single phoneme.

Table 1. Comparison of the vowels *y* and *i*

	Word initial	Consonant
<i>y</i>	Not allowed	After a hard C
<i>i</i>	Allowed	After a soft C

Another piece of evidence indicating that the vowel *y* is an allophone of /i/ is that the vowels *y* and *i* alternate in the process of word derivation. In Russian, a vowel cannot appear adjacent to another vowel in a single morpheme, and vowel hiatus occurs only across morpheme boundaries. In the context of vowel hiatus, *i* can appear after another vowel, but *y* cannot.

- (1) Prefixed perfective forms derived from *igrat'* 'play'
  - a. *po + igrat' → poigrat'*

b. s + igrat' → sygrat'

Unlike the Moscow School, the Saint Petersburg School regards the vowel *y* as an independent phoneme because the vowel *y* takes a position of independent pronunciation. As shown in Table 1, the articulatory position of the middle vowel *y* is quite different from that of the front vowel *i*. The vowel *y* is used as an independent phoneme for semantic contrast in all other positions except word initial position, and the vowels in those positions have a relationship of overlapping distribution with each other, as demonstrated by the examples in (2).

- (2) v'il 'wind'(past tense)
vyl 'cry'(past tense)

Rare examples of the vowel used in word initial position can also be used as arguments for the Saint Petersburg School. These examples demonstrate the capability of the vowel as an independent phoneme even in word initial position, although the vowel used word initially is limited to the verb *ykat'* and proper names in foreign languages as in (3). However, being limited to a single verb and a few proper nouns, the small number of such examples remains of questionable persuasive power.

(3) ykat'	'make the sound of <i>y</i> '
Yndin	'Name of a city in the Komi Republic'
Yjson	'Name of a province in the Republic of Korea'

But more evidence for *y* as an independent phoneme is found in Gvozdev (1949) and Plapp (1996).

(4) a. gotov	'ready' (predicate, masc.)
b. gotov+yj	'ready' (attributive, masc. sg.)
c. gotov'+it'	'to get ready' (transitive)

In short, the Moscow School classifies the middle vowel *y* and the front vowel *i* as allophones of a single phoneme, due to the complementary distribution of the two segments from the phonological point of view. In contrast, the Saint Petersburg School categorizes the vowel *y* as an independent phoneme from the phonetic viewpoint, emphasizing its independent articulatory position. Contemporary Standard Russian (CSR) lists only 5 phonemes, which supports the position of the Moscow School [Padgett 2003, p. 308].

2.2. Information Theory and the PPRM

Traditional grammar cannot predict which of two segments x or y will appear in a particular phonological environment. However, information theory argues that probabilistic analysis can make such predictions [Pierce 1961, p. 79].

The PPRM predicts the probability of occurrence of two segments in a specific environment, and this prediction is used to identify the phonological status of the two segments [Hall, 2009]. The PPRM uses frequency information to investigate phonological relationships between phonemes. The frequency of a segment affects phonological change and phoneme recognition as it relates to processing, change and acquisition. This model allows us to explain these phonological relationships in a unified and integrated manner [Hall 2009, p. 82].

According to information theory, two segments in complementary distribution do not have uncertainty because only one specific segment is possible in a certain environment, and the other segment cannot be realized there. Thus, the entropy of two such segments shows a low value close to 0, which indicates that the two segments have an allophonic relationship. On the other hand, the uncertainty of two segments in phonemic opposition is so high that the entropy increases. The relationship between probability and entropy is as follows (H: entropy, p: probability).

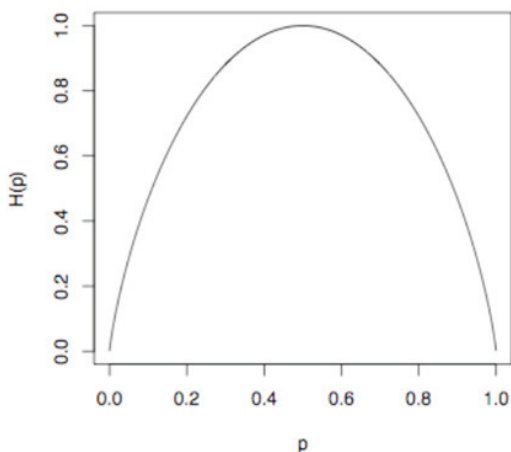

Figure 1. Relationship between probability and entropy in two-segment opposition [Hall, 2009, p. 126]

In Figure 1, p in x axis is the probability, and $H(p)$ in the y axis is the entropy. The highest point of entropy is at the probability of 0.5, which means that the probability of occurrence of the two segments is precisely the same, so that it is not possible to predict which of the two segments appears. On the other hand, the lowest points of entropy are at the probabilities of 0 and 1, which can be interpreted as saying that a specific segment does not appear at all or always appears in a specific environment.

Hall [2009: p. 14] points out that the binary distinction of traditional phonology between contrastive relations and allophonic relations is problematic, because there are cases of pairs of segments with borderline relations. Figure 2 below shows that the distribution of two sounds may have several intermediate steps between a completely overlapping distribution and a strictly complementary distribution. It is simply not appropriate to categorize the relationship between sounds only into relations of contrast (two phonemes) or complementarity (two allophones).

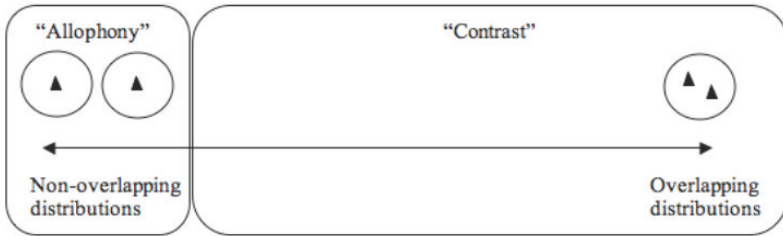

Figure 2. Traditional approach to sound distribution [Hall, 2009, p. 14]

The PPRM examines opposing relationships between two segments in a language by considering probability and entropy values. First, the probability of two segments x and y is determined by dividing the number of occurrences of a segment by the number of all cases in which the two segments appear in a specific environment.

(5) Probability of a segment [Hall, 2009, p. 95]

Probability that segment x appears in the environment e where segments x and y are opposed:

$p(X/e) = N_{X/e} / (N_{X/e} + N_{Y/e})$ (N : the number of occurrences of the corresponding segment)

Shannon (1948:393), Goldsmith [2007, p. 24], Hume [2011:, p. 7] and Hall [2009, p. 108] use the following formula for the entropy value.

$$(6) H = - \sum p_i \log_2 p_i$$

The entropy value in a language system is the sum of the probability (p_i) values of two segments in each environment multiplied by the log probability values ($\log_2 p_i$) in a given environment from all the probabilities.

Hall illustrates a way to calculate entropy by using a simple toy grammar as follows [Hall, 2009, pp. 103–112].

Table 2. Toy grammar of PPRM [Hall, 2009, p. 100]

	# a	a #	a a	i i
[t]	ta, ta, ta, tara, tat	at, at, at, tat	*	iti, iti
[d]	da, da, da, dara, dara, dara, dara, dara	ad, ad, ad	*	*
[r]	*	*	ara, ara, tara, dara, dara, dara, dara, dara, sara	iri
[s]	sa, sara	as	*	*

Assume that there is a fictional language as shown in Table 2. The segments *t* and *d* have both relations of phonemes and of allophones according to the environment. That is, in the [#_a] and [a_#] environments, both of the segments appear, but in the [i_i] environment, only *t* appears while *d* does not. From the viewpoint of traditional phonology, *t* and *d* are different phonemes whose contrast is neutralized in the [i_i] environment. However, the PPRM identifies the relationship between these segments by considering the entropy values in all of the environments in which the two segments are realized.

In order to obtain the entropy value of the segments *t* and *d* in this fictional language, the probability values should be obtained first. In the environment [#_a], the segment *t* is used 5 times and *d* is used 8 times, making up a combined total of 13 occurrences. Therefore, the probability of *t* is 38% while that of *d* is 62% (i.e. $p(t) = 0.38$, $p(d) = 0.62$). When the probability values for all environments are put into the entropy formula presented in (6), the results are acquired as in (7).

(7)

$$[\#\_a]: H = - \{ (0.38 \log_2 0.38) + (0.62 \log_2 0.62) \} = 0.96$$

$$[a\_ \#]: H = - \{ (0.57 \log_2 0.57) + (0.43 \log_2 0.43) \} = 0.99$$

$$[i\_i]: H = - \{ (1 \log_2 1) + (0 \log_2 0) \} = 0$$

Table 2 shows that both *t* and *d* are used in the [#_a] and [a_#] environments, while only [t] is used in [i_i]. According to the calculations shown in (9), the entropy values of the segment *t* in each of these three environments are 0.96, 0.99 and 0, respectively. The entropy values close to 1 in the [#_a] and [a_#] environments tell us that these two segments are two different phonemes that cannot be predicted when they are used. In the [i_i] environment, where the entropy value is 0, these two segments do not show any contrastive relationship.

There is one more thing to consider when calculating entropy values: weight. The total entropy value considers both unweighted type-frequency and weighted token-frequency.

(8) Total Entropy of [t]-[d] ($p(t)=0.38$, $p(d)=0.62$)

$$[\#\_a]: H = 0.96, [a\_ \#]: H = 0.99, [i\_i]: H = 0$$

a. unweighted: $(0.96+0.99+0) / 3 = 0.65$

b. weighted: $(0.96 \times 13/22) + (0.99 \times 7/22) + (0 \times 2/22) = 0.89$

First, the type-frequency is calculated by adding the entropy value of each type and dividing it by the number of the corresponding environments, which in the example currently at hand is 3 ([#_a], [a_#], and [i_i] in (10a)). However, unlike the other two environments, the [i_i] environment allows only 2 segments, and it is possible to distort the distribution of the actual segments because they are handled with the same weight as the other environments. Hall (2009:139) uses weight to calculate a modified entropy value. (10b) is the weighted token-frequency value. The frequency of *t* and *d* in all three environments is 22, while the frequency of use of *t* and *d* in [#_a] is 13, in [a_#] is 7, and in [i_i] is 2. (10b) is a value obtained by multiplying the entropy value of the environment by the ratio of the total probability and adding up the entropy values in all environments. The sum of the entropy values in all environments is 0.89.

In order to examine the phonological opposition of two segments, we should consider the degree of the entropy in all environments. Therefore, we need to find the mean of all the entropy values with weights such as those shown in (10b) in order to examine the relationship of two segments in a language.

The entropy value of the segments *t* and *d* in Table 2 is very close to 1, with $H = 0.89$ according to the calculation of the PPRM, which means that it is almost impossible to predict which of the two segments is used in a specific environment. Therefore, these two segments function as independent phonemes.

2.3. PPRM Analysis of the Russian vowels *y-i*

This section explains how to deal with the phonological opposition of the two Russian segments *y-i* by applying the PPRM methodology. The following formula is used with the data.

(9) Weighted entropy value
 $\Sigma \{H(e) \times P(e)\}$ (e: environment)

Excluding the vowels *y* and *i*, for the moment, all of the Russian vowels *a*, *e*, *o*, and *u* are recognized as independent phonemes in both the Moscow and Saint Petersburg Schools. Therefore application of the PPRM must result in values close to 1 for all pairs of vowels from this set. In addition, these values can then be used as a reference for identification of the phonemic status of the vowel pair *y-i*.

Since the four vowel phonemes *a*, *e*, *o*, *u* are acknowledged by both schools, there are six possible phoneme pairs of phonemic oppositions. The following table and figure compare the entropy values of these six Russian vowel phoneme pairs, in addition to *y-i*.

(10)

Segment pair	y-i	a-e	a-o	a-u	e-o	e-u	o-u
Entropy value	0.662	0.792	0.865	0.598	0.807	0.69	0.632

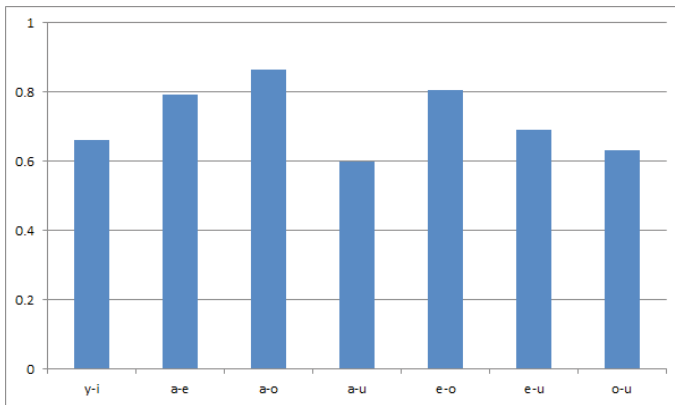

Figure 3. Entropies of vowel pairs in Russian

The entropy value of the pair *y-i* is 0.662, which is higher than the entropy values of *a-u* at 0.598 and of *o-u* at 0.632. The segments in the two opposing pairs of *a-u* and *o-u* are obviously regarded as phonemes in Russian phonology, so the pair of vowels *y-i* is in a relationship closer to being phonemic than allophonic.

The Moscow School asserts that the pair *y-i* has an allophonic relationship in Russian. If this assertion is correct, the entropy value of this allophonic pair should be close to zero. However, the entropy value of the *y-i* opposition is 0.662, which is much bigger than 0. The comparison of the *y-i* pair to the other allophonic pairs is as follows.

(11)

Segment pair	[y]-[i]	[a]-[ja]	[e]-[je]	[o]-[jo]	[u]-[ju]
Entropy value	0.662	0.351	0.038	0.182	0.313

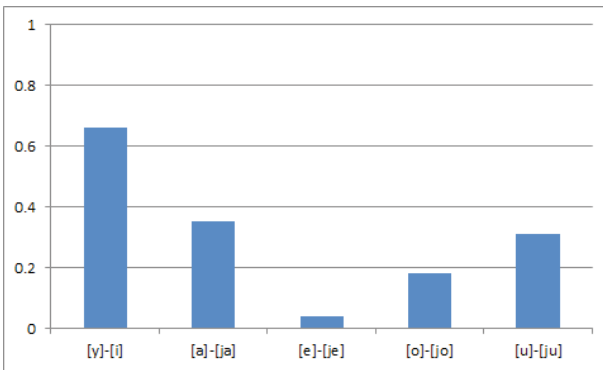

Figure 4. Entropy values of allophonic pairs

The entropy values are smaller than 0.5 for all the pairs except *y-i*. Therefore, the pair *y-i* is different from the allophonic pairs in Russian. This difference becomes obvious if the entropy values are put on a line.

Figure 5. Comparison of *y-i* to allophonic vowel pairs in Russian

The entropy values of the allophonic pairs are not only less than 0.5 but also closer to zero than the entropy value of the $y-i$ pair. The pair $y-i$ has an entropy value higher than 0.5 and close to 1. Comparison of the graphs in Figures 3 and 4 reveals that the entropy value of the pair $y-i$ does not differ from the entropy values of the phonemic pairs, but it is clearly distinguished from those of the allophonic pairs.

3. Conclusion

So far, we have tried to decide whether the Russian vowel y is an independent phoneme by examining the phonological opposition of the Russian vowels y and i . To do this, the phonological opposition of the vowel pair $y-i$ is analyzed not from the view of traditional phonology, but from the perspective of information theory. The Moscow and Saint Petersburg Schools of phonology have opposed each other with two conflicting claims. Hall [2009, 2011] tries to establish a new phonological relationship unlike the traditional binary classification of phonemes and allophones. Some segments are related to each other with characteristics of both phonemes and allophones. These transitive types of opposition are found in different languages and have been explained by means of entropy using the PPRM. This study identifies the phonological status of the Russian vowel y by applying the PPRM proposed by Hall [2009, 2011].

A PPRM analysis of the opposing pairs of vowels $y-i$ in Russian indicates that this pair has a much higher entropy value than standard pairs of allophones in the language, and this value is more similar to the entropy values of consonant and vowel pairs in phonemic opposition. Thus, the relationship of the vowel pair $y-i$ is closer to the opposition of different phonemes than to the complementarity of allophones.

This paper statistically supports the claims of the Saint Petersburg School and serves as an argument for the idea that y is an independent phoneme, not an allophone of the phoneme $/i/$.

References

1. Avanesov, R. i. & V. N. Sidorov. 1945. *Oчерк grammatiki russkogo literaturnajaazyka, i. Fonetika i morfologia*. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskaja Izdatel'stvo.
2. Bondarko, L. V. 1977. *Zvukovoj stroj sovremennogo russkogoazyka*. Moscow: Prosveshchenie.
3. Chambers, J. 1973. Canadian raising. *The Canadian Journal of Linguistics* 18, 113–135.

4. Chew, P.A. 2003. *A computational phonology of Russian*. Parkland, Florida: Universal Publishers.
5. Chomsky, N. 1964. *Current issues in linguistic theory*. The Hague: Mouton.
6. Fant, G. 1960. *Acoustic theory of speech production*. The Hague: Mouton.
7. Farina, D.M. 1991. *Palatalization and jers in modern Russian phonology: An underspecification approach*. Doctoral dissertation, University of Illinois at Urbana-Champaign.
8. Goldsmith, J. 1998. On information theory, entropy, and phonology in the 20th century. *Paper presented at the Royaumont CTIP II Round Table on Phonology in the 20th Century*.
9. Goldsmith, J. 2002. Probabilistic models of grammar: Phonology as information minimization. *Phonological Studies* 5, 21–46.
10. Goldsmith, J. 2006. *Information theory and phonology*. Ms, University of Chicago.
11. Goldsmith, J. 2007. *Probability for linguists*. Ms, University of Chicago.
12. Goldsmith, J. 2011. Information theory for linguists: A tutorial introduction. *Paper presented at the workshop on information theory in linguistics at the 2011 LSA Summer Institute*.
13. Gvozdev, A.N. 1949. *O fonologicheskix sredstvax russkogo jazyka: sbornik statej*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Pedagogicheskix Nauk RSFSR.
14. Hall, K.C. 2009. *A probabilistic model of phonological relationships from contrast to allophony*. Columbus, OH: The Ohio State University Doctoral dissertation.
15. Hall, K.C., A. Wedel, & A. Ussishkin. 2011. Entropy and phonological contrast. *Information-Theoretic Approaches to Linguistics. Paper presented at the workshop on information theory in linguistics at the 2011 LSA Summer Institute*.
16. Hall, K.C. 2011. Phonological relationships: A probabilistic model. *Phonology in the Twenty-First Century*. (poster)
17. Hamilton, W.S. 1980. *Introduction to Russian phonology and word structure*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers.
18. Hong, S.-H. 2006. Quantitative analysis of English hypocoristics: Well-formedness and phonological complexity. *Studies in Phonetic, Phonology, and Morphology* 12(1), 211–229.
19. Hume, E. 2006. Language specific and universal markedness: An information-theoretic approach. *Paper presented at the Colloquium on Information Theory and Phonology*, LSA Winter meeting 2006.
20. Hume, E. 2009. *Certainty and expectation in phonologization and language change*. Ms, Columbus, MS, Ohio State University.
21. Hume, E., & F. Mailhot. 2013. The role of entropy and surprisal in phonologization and language change. In A. Yu (Ed.), *Origins of sound patterns: Approaches to phonologization*. Oxford: Oxford University Press.
22. Idsardi, W.J. 2006. Canadian raising, opacity, and rephonemization. *Canadian Journal of Linguistics* 51, 21–28.

23. Mielke, J., Armstrong M. & E. Hume. 2003. Looking through opacity. *Theoretical Linguistics* 29, 123–139.
24. Ní Chiosáin, M. & J. Padgett. 2001. Markedness, segment realization, and locality in spreading. In L. Lombardi (ed.) *Segmental phonology in Optimality Theory: Constraints and representations*. Cambridge: Cambridge University Press, 118–156.
25. Öhman, S. E. G. 1966. Coarticulation in VCV utterances: Spectrographic measurements. *Journal of the Acoustical Society of America* 39, 151–168.
26. Padgett, J. 2003. Contrast and post-velar fronting in Russian. *Natural Language and Linguistic Theory* 21(1), 39–87.
27. Pierce, J. R. 1961. *An introduction to information theory: Symbols, signals, and noise* (1980 ed.). New York: Dover Publications.
28. Piroth, H. G. & P. M. Janker. 2004. Speak-dependent differences in voicing and devoicing of German obstruents. *Journal of Phonetics* 32, 81–109.
29. Plapp, R. K. 1996. Russian /i/ and /ɪ/ as underlying segments. *Journal of Slavic Linguistics* 4(1):76–108.
30. Port, R., F. M. Mitleb, & M. O'Dell. (1981). Neutralization of obstruent voicing in German is incomplete. *Journal of the Acoustical Society of America*, 70, S10.
31. Purcell, E. T. 1979. Formant frequency patterns in Russian VCV utterances. *Journal of the Acoustical Society of America* 66(6), 1691–1702.
32. Shannon, C. E. 1948. A mathematical theory of communication. *The Bell System Technical Journal* 27(3), 379–423.
33. Soglasnova, S. 2002. *Russian Hypocoristic Formation*. Ms, University of Chicago.
34. Steriade, D. 2007. Contrast. In P. de Lacy (Ed.), *The Cambridge handbook of phonology* (pp. 139–157). Cambridge: Cambridge University Press.
35. <Internet Resource>
36. Slovar' Ozhegova (Tolkovyj slovar' russkogo jazyka) (<http://www.ozhegov.org/>)

Книги **Издательства СПбГУ** можно
ЗАКАЗАТЬ
на сайте издательства: **publishing.spbu.ru**
в интернет-магазинах: **ozon.ru; bookvoed.ru; URSS.ru**

ПРИБРЕСТИ

в книжных магазинах СПбГУ **Дом университетской книги**

Менделеевская линия, д. 5
6-я линия В. О., д. 15
Университетская наб., д. 11

А также в магазинах

Санкт-Петербурга: Сеть книжных магазинов «Буквоед»
Санкт-Петербургский Дом книги, Невский пр., д. 28
«Подписные издания», Литейный пр., д. 57

Москвы:
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, д. 6/3
«Фаланстер», М. Гнездииковский пер., д. 12/27

Перми:
«Пиотровский», ул. Ленина, д. 54

Научное издание

КОРЕЯ И РОССИЯ:
ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

К 120-летию корееведения в С.-Петербургском государственном университете

Компьютерная верстка Ю. Ю. Тауриной
Обложка Е. В. Арделян

Подписано в печать 10.07.2018. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 31,25. Плановый тираж 500 экз. (1-й завод — 100 экз.). Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.
Тел./факс +7(812)328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.